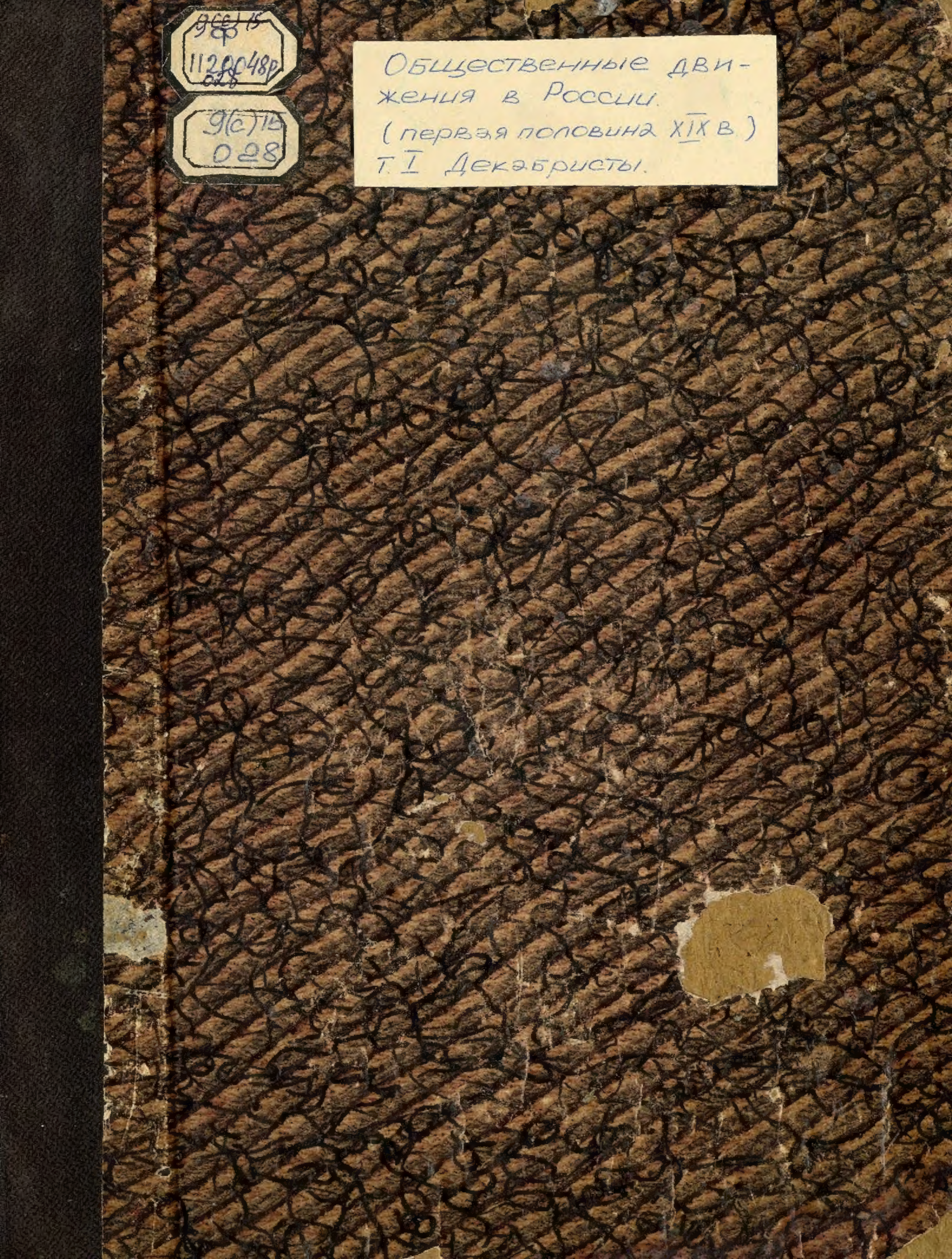


Общественные движения в России.
(первая половина XIX в.)
т. I Декабристы.
9(С)15
О28

№ 11. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 11

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка

ТОМЪ I

ДЕКАБРИСТЫ:

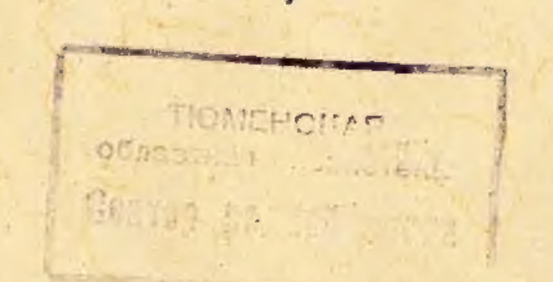
М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель

(СТАТЬИ и МАТЕРІАЛЫ)

Составили:

В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ

Съ 3 геліогравюрами



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія „Герольдъ“ (Вознесенскій пр., 3)
1905

ДЕКАБРИСТЫ:

М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Сильное движеніе, охватившее въ настоящее время все русское общество, естественно вызываетъ интересъ къ изученію аналогическихъ явленій въ нашемъ прошломъ. Къ сожалѣнію, существующая историческая литература не достаточна для удовлетворенія назрѣвшей потребности. Единственнымъ обобщающимъ трудомъ для эпохи Александра I до сихъ поръ является талантливая книга А. Н. Пыпина: „Общественное движеніе при Александрѣ I", но, составленная по печатнымъ источникамъ, она въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ (напримѣръ, глава о Сперанскомъ), требуетъ исправленій, въ другихъ же — переработки по новымъ какъ печатнымъ, такъ и неизданнымъ матеріаламъ. Извѣстный трудъ объ Александрѣ I Н. К. Шильдера, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, является преимущественно біографіею этого государя, исторіи же всего его царствованія онъ написать не успѣлъ. Въ другомъ своемъ произведеніи („Императоръ Николай I", томъ I) Шильдеръ не мало говоритъ о дѣлѣ декабристовъ, но болѣе съ внѣшней стороны, не давая анализа ихъ политическихъ и общественныхъ идей. Мы имѣемъ изданія многихъ декабристовъ (Волконскаго, Якушкина, Розена, Горбачевскаго и другихъ), но работъ о декабристахъ по неизданнымъ матеріаламъ очень мало. (Среди нихъ выдѣляется статья Н. П. Павлова-Сильванскаго о Пестелѣ въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ", изд. импер. русскаго историческаго общества).

Для исторіи общественныхъ идей во второй четверти XIX вѣка есть нѣсколько прекрасныхъ работъ, какъ напр., А. Н. Пыпина „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“, его же „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, Н. Г. Чернышевскаго „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, его же „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, книга Станкевича о Грановскомъ и статья о немъ В. А. Мякотина, статья С. А. Венгерова о Конст. Аксаковѣ и нѣкоторыя другія,—но такіе литературные дѣятели этой эпохи, какъ Н. А. Полевой, Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Вл. А. Милютинъ и петрашевцы, требуютъ новаго изученія.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью облегчить читателямъ знакомство съ исторіею общественныхъ идей въ первой половинѣ XIX столѣтія. Планъ изданія состоитъ въ томъ, чтобы давать наиболѣе важныя произведенія, принадлежащія перу видныхъ участниковъ общественнаго движенія, а также матеріалы, изображающіе ихъ жизнь въ связи съ этимъ движеніемъ, и снабжать печатаемые матеріалы руководящими статьями въ видѣ біографическихъ очерковъ или характеристикъ избранныхъ лицъ. Для осуществленія этой задачи образовался кружокъ, въ составъ котораго входятъ: В. Богучарскій, М. К. Лемке, В. И. Семевскій и П. Е. Щеголевъ; въ трудахъ его согласились принять участіе Н. П. Павловъ-Сильванскій и В. Е. Якушкинъ. Надѣемся, что со временемъ къ нему примкнутъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи общественныхъ движеній.

Въ первомъ томѣ настоящаго изданія напечатаны произведенія извѣстныхъ декабристовъ: М. А. Фонъ-Визина, кн. Е. П. Оболенскаго и бар. В. И. Штейнгеля. Только то, что принадлежитъ перу этого послѣдняго, хотя и разбросанное въ разныхъ изданіяхъ, имѣется въ нашей литературѣ, что же касается „записокъ“ Фонъ-Визина и Оболен-

скаго, то лишь нѣкоторыя части ихъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ и „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ (изд. Бартенева). Къ сожалѣнію, и въ нашемъ изданіи одинъ небольшой эпизодъ въ запискахъ М. А. Фонъ-Визина пришлось исключить по цензурнымъ соображеніямъ. Цѣнность нашего сборника не только для широкой публики, но и для спеціалистовъ весьма увеличивается тѣмъ, что заграничныя изданія записокъ Фонъ-Визина и кн. Оболенскаго нынѣ совершенно распроданы.

Къ каждому тому сборника предполагается прилагать изящно выполненные портреты тѣхъ лицъ, произведенія которыхъ содержитъ тотъ или другой томъ. За сообщеніе портретовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, мы приносимъ глубочайшую признательность П. А. Ефремову и В. Е. Якушкину. Изящная внѣшность изданія потребовала назначенія за него значительной цѣны. Когда улучшатся общія условія русской печати, возможно будетъ печатаніе сборниковъ и по болѣе дешевой цѣнѣ.

В. Семевскій.

Михаилъ Александровичъ
Фонъ-Визинъ.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ [1].

I.

Военная служба. — Вліяніе либеральныхъ взглядовъ Д. И. Фонъ-Визина. — Участіе въ масонской ложѣ. — Союзъ Спасенія. — Собранія членовъ тайнаго общества въ Москвѣ.

Декабристъ Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, родной племянникъ знаменитаго драматурга Дениса Ивановича Фонъ-Визина, родился, по его собственному показанію на слѣдствіи, въ 1788 г. [2], учился въ Петербургѣ въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, а затѣмъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ; но образованіе его было рано прервано. Отецъ его былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, вслѣдствіе чего Мамоновы оспаривали законность этого брака, желая лишить его дѣтей права на наслѣдованіе обширныхъ мамоновскихъ имѣній. Это побудило Александра Ивановича Фонъ-Визина рано готовить сына къ военной службѣ, заботиться о под-

[1] Кромѣ печатныхъ источниковъ, составленъ на основаніи неизданныхъ матеріаловъ Государственнаго Архива, Архива Департамента Полиціи (дѣла III Отд. Соб. Е. В. Канцеляріи), Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ, Архива Мин. Госуд. Имуществъ и Публичной Библіотеки.

[2] Фонъ-Визинъ показалъ на слѣдствіи по дѣлу тайнаго общества, что ему идетъ 38-й годъ. Въ спискѣ подсудимыхъ (1826 г.) ему обозначено 38 лѣтъ (*Шильдеръ*, „Императоръ Николай I" I, 734). Францева въ своихъ воспоминаніяхъ („Историческій Вѣстникъ" 1888 г., № 6, стр. 637) называетъ Фонъ-Визина въ 1853 г. 70-лѣтнимъ старцемъ, но это, быть можетъ, сказано приблизительно; однако правительство считало ему въ 1840 году 56 лѣтъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что оффиціальная хронологія не всегда точна.

готовкѣ его по математикѣ и военнымъ наукамъ и затѣмъ опредѣлить на службу, когда ему только что исполнилось 15 лѣтъ [1]. Разсчетъ этотъ оказался вѣрнымъ: за отличіе Михаила Александровича по службѣ были утверждены государемъ права его и его брата на мамоновское наслѣдство.

Онъ началъ службу въ 1803 г. [2] въ Измайловскомъ полку и былъ произведенъ въ офицеры въ 1805 г. за сраженіе подъ Аустерлицемъ. Зимою 1806—7 г. ему пришлось заниматься обученіемъ рекрутъ въ Гродненской губ., причемъ онъ сдѣлалъ интересное знакомство съ пріоромъ монастыря траппистовъ, католическихъ монаховъ, удалившихся во время революціи изъ Франціи и испросившихъ себѣ у имп. Павла въ 1797 г. убѣжище въ Россіи. Фонъ-Визинъ былъ свидѣтелемъ того, какъ этотъ пріоръ освободилъ изъ заключенія монаха, который за тяжкій грѣхъ (убійство своего товарища) былъ, по приговору папы, замуравленъ въ монастырской стѣнѣ въ продолженіе 20 лѣтъ во Франціи и 10 лѣтъ въ Россіи [3].

Въ 1809 году въ Петербургѣ, у Фонъ-Визина, продолжавшаго служить въ Измайловскомъ полку, стало собираться общество офицеровъ, занимавшихся военными науками: тутъ бывали Дибичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ), Спиридовъ (впослѣдствіи декабристъ), Муромцевъ и многіе другіе. Читали комментаріи Цезаря, описаніе Семилѣтней войны Фоларда и Вобана. Къ нимъ присоединились также Вельяминовъ и Рахмановъ, издававшіе „Военный журналъ". Устройство этого кружка или нѣсколько свободное обращеніе съ начальствомъ не понравилось командиру полка, Башуцкому, человѣку необразованному, и онъ отправилъ Фонъ-Визина и Муромцева въ Финляндію, гдѣ, по случаю войны съ Швеціей, находился одинъ изъ батальоновъ ихъ полка. Невѣжливость Башуцкаго и нелюбовь его къ уче-

[1] Такъ говоритъ Францева со словъ самого Фонъ-Визина („Русская Старина", 1885 г., № 11, стр. 282). Быть можетъ, Фонъ-Визинъ считалъ себя моложе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

[2] „Записки" *Фонъ-Визина*, Лейпц. 1859 г., стр. 58.

[3] Впослѣдствіи, въ 1852 г., Фонъ-Визинъ очень живо описалъ жизнь этого монаха; см. его разсказъ „Одно изъ воспоминаній моей молодости", „Русская Старина", 1881 г., т. XXXI, № 8, стр. 503—529.

рымъ по немъ въ ложѣ сей, но сознаюсь, что имѣлъ.... намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества, почему и старался привлечь въ нее членовъ. Но сіе происходило въ С.-Петербургѣ прежде выступленія гвардейскаго отряда въ Москву. Въ Москвѣ же я ложи не держалъ". Изъ этого ясно видна тѣсная связь нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ и тайнаго общества. Александръ I первоначально съ терпимостью относилися къ масонству. Во время пребыванія его въ 1816 г. въ Москвѣ содержатель косметическаго магазина Розенштраухъ, впослѣдствіи бывшій въ Одессѣ лютеранскимъ пасторомъ, подалъ просьбу военному генералъ-губернатору Тормасову, о разрѣшеніи ознаменовать день именинъ государя, 30 августа, открытіемъ масонской ложи. Императоръ когда ему доложили объ этомъ, сказалъ: „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго, и потому предоставляю на твою волю". И ложа была открыта подъ названіемъ: „Тройственный рогъ изобилія" (изъ трехъ роговъ составлялась буква А). Въ нее предлагали вступить бар. В. И. Штейнгелю (впослѣдствіи принявшему участіе въ тайномъ обществѣ), но онъ отказался, такъ какъ отрицательно относился къ масонству [1]. Имп. Александръ даже посѣтилъ однажды ложу Трехъ Добродѣтелей. Александръ Ник. Муравьевъ разсказывалъ своимъ братьямъ, что во время этого посѣщенія государь попросилъ его что-то разъяснить ему, и онъ въ своемъ отвѣтѣ обращался къ государю по масонскому обычаю на „ты". Это видимо произвело на государя неблагопріятное впечатлѣніе, и Муравьевъ утверждалъ, что съ этого времени началось неудовольствіе противъ него императора [2].

М. А. Фонъ-Визинъ отдалъ нѣкоторую дань увлеченію масонствомъ. Есть указаніе, что онъ былъ членомъ московской ложи „Александра Тройственнаго Спасенія". Онъ показанъ въ ней отсутствующимъ, такъ что это свѣдѣніе, вѣ-

[1] „Записки декабриста В. И. Штейнгеля", „Ист. Вѣстникъ", 1900 г., № 6. стр. 824; „Рус. Арх.", 1895 г., № 2, стр. 171.

[2] *Кропотовъ*, „Жизнь гр. М. Н. Муравьева", Спб., 1874 г., 187.

роятно, относится ко времени его службы на югѣ во второй арміи [1].

Обсужденіе плановъ преобразованія государственнаго строя Россіи, мысль о необходимости котораго все болѣе распространялась по возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, не могло уложиться въ тѣсныя рамки масонскихъ ложъ, и потому уже съ 1816 г. основывается тайное общество, поставившее себѣ главною цѣлью достиженія политической свободы. „Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба", разсказываетъ Фонъ-Визинъ, „съ страстію учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество въ Россіи съ цѣлью ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 г. эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество съ цѣлью, съ какою всѣ подобныя общества учреждаются". Это общество носило названіе „Союза Спасенія", или „истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества".

Однимъ изъ основателей его былъ И. Д. Якушкинъ, который въ томъ же году перешелъ изъ Петербурга на службу въ 37-й егерскій полкъ, бывшій подъ командою М. А. Фонъ-Визина. Якушкинъ очень близко сошелся съ Фонъ-Визинымъ, который отнесся къ нему, „какъ самый любезный товарищъ". „Мы были съ нимъ неразлучны цѣлый день", разсказываетъ Якушкинъ, „и всякій день просиживали вмѣстѣ далеко за полночь; всѣ вопросы, занимавшіе насъ въ Петербургѣ, были

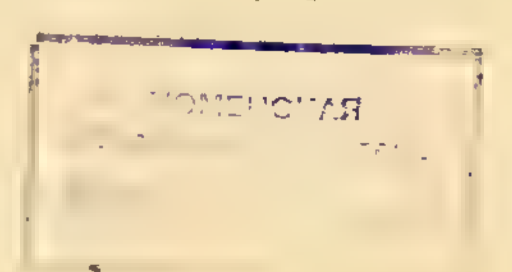
---

[1] *Пыпинъ*, „Обществ. движ.", изд. 3, стр. 320.

столько же близки ему, какъ и намъ". Скоро они договорились до необходимости учредить тайное общество, чтобы „противодѣйствовать староверству закоснѣлаго дворянства" и имѣть возможность влiять на молодежь. Когда Фонъ-Визинъ сказалъ, что если бы существовало такое общество, хотя-бы состоящее изъ 5 членовъ, то онъ тотчасъ вступилъ бы въ него, Якушкинъ не удержался сообщить ему объ основанiи тайнаго общества въ Петербургѣ и принялъ въ него Фонъ-Визина, совершенно забывъ, что рѣшено было принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ съ согласiя всѣхъ 6 учредителей (кромѣ Якушкина, ими были Александръ Николаевичъ и Никита Мих. Муравьевы, Сергѣй Петр. Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы). Извѣстивъ Никиту Муравьева о важномъ прiобрѣтенiи для общества, сдѣланномъ въ лицѣ Фонъ-Визина, Якушкинъ получилъ строгiй выговоръ за то, что поступилъ противъ условiя [1].

Фонъ-Визинъ въ показанiяхъ на слѣдствiи такъ говоритъ о вступленiи своемъ въ тайное общество: „Великiя событiя отечественной войны, оставивъ въ душѣ глубокiя впечатлѣнiя, произвели во мнѣ какое-то безпокойное желанiе дѣятельности. Двукратное пребыванiе за границей открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивали. Возвратясь въ Россiю, въ свободное время отъ службы продолжалъ заниматься политическими сочиненiями разнаго рода и иностранными газетами и въ это время читалъ разныя теорiи политическiя и мечталъ о „приноровленiи" ихъ къ Россiи. Въ это время переведенъ былъ ко мнѣ въ полкъ Якушкинъ, который, имѣя подобныя моимъ мнѣнiя, дѣйствительно сообщилъ мнѣ уставъ тайнаго общества г. Пестеля, но такъ какъ оный прочитанъ былъ мною одинъ разъ, показался мнѣ невразумительнымъ, то по давности времени содержанiе онаго у меня изгладилось совершенно изъ памяти. Цѣль, сколько я припомню, долженствовало быть правленiе конституцiонное, представительное. „Уже послѣ отъѣзда Якушкина изъ Петербурга въ общество вступили: адъютантъ командира 1-го корпуса графа Витгенштейна, Пав. Ив. Пестель,

[1] „Записки Якушкина", изд. 2-е, Лейпц. 1875 г., стр. 9—12.



кн. Илья А. Долгоруковъ, Николай Новиковъ, Ѳ. Н. Глинка, кн. Пав. Петр. Лопухинъ, офицеръ л.-гв. Семеновскаго полка кн. Ѳед. Петр. Шаховской, кавалергадскаго полка Михаилъ Лунинъ и нѣкоторые другіе. Окончательно организовалось общество, по свидѣтельству Пестеля, въ январѣ 1817 г. Оно избрало коммиссію для составленія своего „статута“, въ составъ которой вошли кн. Трубецкой, кн. Долгоруковъ, Пестель и, въ качествѣ секретаря, кн. Шаховской [1]. При преобразованіи первоначальнаго общества въ Союзъ Благоденствія, уставъ перваго былъ уничтоженъ, и потому мы лишь до нѣкоторой степени можемъ возстановить его содержаніе.

По показанію Никиты Муравьева, союзъ состоялъ изъ трехъ степеней: братій, мужей и бояръ. По словамъ М. Ѳ. Орлова, которому Муравьевъ открылъ существованіе общества, „братомъ“ назывался тотъ, кто далъ клятву на вѣрность, но кому „тайна общества не была открыта“; „мужемъ“ именовали того, кто зналъ тайны и далъ клятву. Орловъ утверждаетъ, что, кромѣ трехъ вышеназванныхъ, былъ еще разрядъ „друзей“, къ которымъ причислялись всѣ, имѣющіе свободный, либеральный образъ мыслей, все равно знали ли они или не знали о существованіи общества. Якушкинъ также показалъ, что по уставу члены общества дѣлились на четыре степени. Напротивъ, по словамъ кн. Трубецкого, члены раздѣлялись на три разряда: 1) управляющіе, 2) имѣвшіе голосъ при принятіи другихъ членовъ и 3) новопринятые. Цѣль общества состояла въ томъ, чтобы „подвизаться на пользу общую всѣми силами“ и для того поддерживать своимъ одобреніемъ полезныя мѣры, принимаемыя правительствомъ и частными людьми и, если возможно, содѣйствовать имъ, препятствовать всякому злу и съ этою цѣлью разглашать о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, а также и о всякихъ безчестныхъ поступкахъ частныхъ лицъ, и въ случаѣ возможности отвращать отъ дурныхъ дѣлъ своими совѣтами. Члены обязаны были пріискивать людей способныхъ и достойныхъ войти въ общество и заранѣе сообщать ему объ ихъ

---

[1] Трубецкой занялся правилами пріема членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ обществѣ, Пестель — формою пріема и внутреннимъ устройствомъ общества, Долгоруковъ — указаніемъ цѣли и средствъ для ея достиженія.

связяхъ, знакомствахъ и образѣ мыслей, чтобы можно было собрать о нихъ свѣдѣнія и, не довольствуясь одними слухами о ихъ достоинствахъ и доброй нравственности, стараться находить средства ихъ испытывать. Члены общества должны были, какъ по службѣ, такъ и въ частной жизни, вести себя такъ, чтобы „никогда не заслужить ни малѣйшей укоризны". Если одинъ членъ замѣтитъ что-либо неодобрительное въ другомъ, то долженъ тотчасъ откровенно замѣтить ему, и послѣдній обязанъ былъ, не обижаясь, стараться загладить свой проступокъ. Бояре, или боляре (такъ назывались первоначальные члены), должны были особенно стараться пополнять общество новыми членами, и если бы случилось такъ, что изъ всѣхъ бояръ остался только одинъ, то онъ долженъ былъ заботиться о возстановленіи общества [1]. Названіе „бояре" должно оставаться тайною для другихъ членовъ (поэтому оно, повидимому, и было неизвѣстно М. Ѳ. Орлову). Члены приносили присягу: стремиться къ достиженію цѣли общества, помогать другъ другу и покоряться рѣшеніямъ Верховнаго Собора Бояръ (такъ называлось главное управленіе общества). Никакихъ обрядовъ во время собраній, какъ показываетъ Трубецкой, опредѣлено не было, но уставъ требовалъ, при принятіи членовъ, нѣкоторыхъ обрядовъ, заимствованныхъ изъ масонскихъ ложъ [2]; однако большая часть членовъ этому не сочувствовала, и потому это предписаніе устава не исполнялось [3]. Если бы общество размножилось, то предполагалось

[1] Никита Муравьевъ добавляетъ любопытную черту: правила Союза Спасенія возбраняли членамъ высказывать свои мнѣнія людямъ чиновнымъ и пожилымъ и сближаться съ ними, полагая, что они вообще „противны всякой перемѣнѣ того порядка, къ которому они привыкли и въ которомъ родились".

[2] Никита Муравьевъ говоритъ; „Обряды пріема" должны были быть „торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ если оно не будетъ согласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву".

[3] Кн. Трубецкой говоритъ въ неизданной части своихъ записокъ: Пестель „имѣлъ пристрастіе къ формамъ масонскимъ" и хотѣлъ, чтобы нѣкоторые имъ „подобныя были введены для торжественности". Масонскія формы, опредѣленныя статутомъ относительно засѣданій, а также и для принятія членовъ, „затрудняли дѣйствія общества и вводили какую то таинственность", которая противорѣчила характеру большей части членовъ. По свидѣтельству Александра Ник. Муравьева, „старѣйшина" общества долженъ былъ часто перемѣняться, чтобы никто не могъ пріобрѣсти слишкомъ большой власти надъ другими.

для управленія его установить дѣленіе на округи, причемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ управляться главною думою подъ предсѣдательствомъ болярина, уполномоченнаго на то отъ главнаго собора. Въ вѣдомствѣ этихъ главныхъ думъ должны были состоять управы изъ членовъ второго и третьяго разряда, а управляющіе думами боляре обязаны были сноситься съ Верховнымъ Соборомъ чрезъ одного изъ его членовъ, смотря по своему желанію. Боляре, неимѣющіе полномочія, должны были сноситься съ уполномоченными и засѣдали въ главной думѣ. Завести думы въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Петербурга, не успѣли. Уполномоченнымъ отъ думы былъ только одинъ Пестель, но и ему по отъѣздѣ изъ Петербурга не удалось ничего устроить.

По показанію С. Муравьева-Апостола, цѣлью общества, объявленною всѣмъ членамъ-учредителямъ, было введеніе въ Россіи представительнаго правленія. На одномъ изъ самыхъ раннихъ совѣщаній у Трубецкого въ казармахъ Семеновскаго полка (на немъ присутствовали Якушкинъ, А. Н. Муравьевъ, Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ и другіе) было, однако, постановлено, что такъ какъ члены общества не имѣютъ „никакихъ средствъ къ введенію представительнаго порядка въ Россіи, то и должны ограничиться дѣйствіемъ на умы и пріобрѣтеніемъ членовъ...., пока общество усилится". Значительно позднѣе обсуждались средства для введенія представительнаго правленія, но никакого постояннаго плана дѣйствій принято не было.

Якушкинъ свидѣтельствуетъ, что въ уставѣ общества на вступающихъ въ него возлагалась обязанность — ни подъ какимъ видомъ не покидать службы съ тою цѣлью, чтобы со временемъ всѣ значительныя, какъ военныя, такъ и гражданскія должности находились въ распоряженіи тайнаго общества. Кромѣ того, въ уставѣ было сказано, что если царствующій императоръ „не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія".

Пестель, согласно съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ, далъ показаніе, что „вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя", но весьма не-

опредѣленныя, „однако же болѣе склонныя къ монархическому правленію“. Онъ же свидѣтельствуетъ, что съ самаго начала говорили о желательности дать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ. Съ этою цѣлью предполагалось предложить большей части дворянства подать о томъ просьбу государю, но скоро эта мысль была признана неосуществимою. Въ другомъ показаніи онъ опять повторяетъ: „настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія“; она была опредѣлена одновременно съ принятіемъ устава, однако о ней сообщалось членамъ лишь второй степени, а при принятіи въ первую только глухо говорилось о введеніи новаго порядка. По показанію Якушкина, общество должно было стараться склонить дворянъ къ освобожденію крестьянъ и приготовить всѣ сословія къ представительному правленію, но эта главная цѣль должна была быть извѣстна только членамъ высшей, четвертой степени. По свидѣтельству Фонъ-Визина, цѣлью общества было осуществленіе „нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ“.

Нѣкоторые члены Союза Спасенія высказывали иногда весьма радикальныя мнѣнія относительно способовъ дѣйствія: такъ Лунинъ, по словамъ Пестеля и Никиты Муравьева, еще въ 1816 или 1817 г., незадолго до своего отъѣзда во Францію, говорилъ имъ, что, когда настанетъ время приступить къ дѣйствію, нужно убить государя на царскосельской дорогѣ при помощи особаго отряда съ масками на лицѣ [1]. По поводу мысли Лунина Пестель говоритъ: „Я тогда мало обратилъ вниманія на сіе предположеніе потому, что еще слишкомъ отдаленнымъ считалъ время начатія революціи и необходимымъ находилъ пріуготовить напередъ планъ конституціи и даже написать большую часть уставовъ и постановленій, дабы съ открытіемъ революціи новый порядокъ могъ быть введенъ сполна, ибо я не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ пра-

[1] Напротивъ, Лунину казалось, что разговоръ этотъ происходилъ въ Петербургѣ позднѣе, въ 1818 или 1819 г.

вленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ энциклопедію написать, а потомъ къ революціи приступить".

Нужно замѣтить, что уставъ Союза Спасенія заключалъ въ себѣ угрозы за измѣну и разглашеніе тайны; онѣ заимствованы изъ масонскихъ формъ и статутовъ. Эти постановленія произвели неблагопріятное впечатлѣніе. Когда Александръ Никол. Муравьевъ пожелалъ привлечь къ обществу своего брата Михаила, Бурцева и Петра Колошина, то они согласились вступить въ него не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы „уставъ, проповѣдующій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ и чтобы общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе". Якушкинъ, получивъ въ Москвѣ уставъ союза, также нашелъ его несогласнымъ съ своимъ образомъ мыслей. Особенно возсталъ онъ противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ требовалъ отъ членовъ первыхъ двухъ степеней относительно бояръ; Фонъ-Визинъ, ознакомившись съ уставомъ, согласился съ мнѣніемъ Якушкина.

Въ концѣ 1817 г. царская фамилія переѣхала въ Москву и прожила тутъ мѣсяцевъ 9 или 10. Еще въ августѣ мѣсяцѣ этого года туда прибылъ отдѣльный гвардейскій корпусъ, начальникомъ штаба котораго былъ Александръ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли Никита Муравьевъ, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы. М. А. Фонъ-Визинъ только теперь былъ окончательно принятъ въ тайное общество. М. Н. Муравьевъ, вступившій въ общество еще въ Петербургѣ, но требовавшій перемѣны его устава, также пріѣхалъ въ Москву. Положено было приступить къ составленію новаго устава, руководствуясь печатнымъ нѣмецкимъ уставомъ Tugend-Bund'а, привезеннымъ кн. Ильею Долгоруковымъ изъ-за границы. Работа эта была поручена М. Н. Муравьеву, кн. Трубецкому и Никитѣ Муравьеву и продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ, но такъ какъ часть устава, написанная М. Муравьевымъ, не соотвѣтствовала остальнымъ его отдѣламъ, то ее поручили переработать Петру Колошину.

Пока изготовлялся новый уставъ, учреждено было временное тайное общество, подъ названіемъ Военнаго, въ ко-

торое, по свидѣтельству Якушкина, поступили „всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ“, или по крайней мѣрѣ они сочувствовали его задачамъ. Общество это обыкновенно собиралось или у М. А. Фонъ-Визина, съ которымъ тогда жилъ Якушкинъ, или у Александра Муравьева, которому Н. Муравьевъ приписываетъ самое устройство этого общества. Собранія эти становились все болѣе многолюдными, и общество раздѣлилось на двѣ управы [1]. Кромѣ прежнихъ вопіющихъ золъ, существовавшихъ въ Россіи, обсужденію подлежали и вновь учреждавшіяся военныя поселенія, которыя возбуждали сильное негодованіе [2].

Однажды, въ концѣ 1817 г., Александръ Муравьевъ созвалъ къ себѣ на совѣщаніе нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества; на немъ, кромѣ хозяина, присутствовали Н. и М. Муравьевы, М. и С. Муравьевы-Апостолы, кн. Шаховской и Якушкинъ. Александръ Муравьевъ прочелъ только что полученное отъ Трубецкого письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ о петербургскихъ слухахъ: о томъ, что „царь влюбленъ въ Польшу“, какъ это всѣмъ извѣстно, что Польшу, которой онъ только что далъ конституцію, онъ считаетъ образованнѣе Россіи; что онъ ненавидитъ Россію (это показалось присутствующимъ вѣроятнымъ послѣ мѣръ, принятыхъ государемъ съ 1815 г.); что онъ намѣревается отдѣлить нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ (это также показалось возможнымъ), наконецъ, что, ненавидя и презирая Россію, онъ намѣренъ перенести свою столицу въ Варшаву [3].

---

[1] Въ одной изъ нихъ, по словамъ Пестеля, „былъ первенствующимъ членомъ Никита Муравьевъ, въ другомъ Катенинъ“.

[2] „Записки Якушкина“, 13—15.

[3] Кн. Трубецкой, вспоминая объ этомъ инцидентѣ въ неизданной части записокъ, говоритъ только слѣдующее: нѣкоторымъ членамъ общества, бывшимъ въ Москвѣ, былъ переданъ откровенный разговоръ государя наединѣ съ флигель-адъютантомъ кн. Лопухинымъ. „Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга государь объявилъ ему, что онъ непремѣнно желаетъ освободить и освободитъ крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ, и на представленіе князя о трудности исполненія и о сопротивленіи, которое будетъ оказано дворянствомъ, сказалъ: „Если дворяне будутъ противиться, я уѣду со всей своей фамиліей въ Варшаву и оттуда пришлю указъ“. Якушкинъ въ своемъ показаніи заявляетъ, что письмо, насколько онъ помнитъ, заключало въ себѣ извѣщеніе, что будто бы покойный государь, давъ конституцію Польшѣ, учредивъ отдѣльный Литовскій корпусъ, присоединяя русскія губерніи, сосѣднія съ Польшей, къ Царству польскому, желаетъ пріобрѣсти

Александръ Муравьевъ прочиталъ еще разъ вслухъ письмо Трубецкого. Начались толки и сожалѣнія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Россія подъ управленіемъ имп. Александра. Александръ Муравьевъ сказалъ при этомъ, что для спасенія Россіи отъ грозящихъ ей бѣдствій необходимо прекратить царствованіе государя и предложилъ бросить жребій, кому слѣдуетъ нанести ему ударъ, но Якушкинъ заявилъ, что онъ рѣшился безъ жребія принести себя въ жертву и никому не уступитъ этой чести. Фонъ-Визинъ старался успокоить Якушкина, увѣряя его, что онъ въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ брать на себя обѣтъ, который завтра ему покажется безразсуднымъ. Уѣхавъ домой съ Якушкинымъ, Фонъ-Визинъ почти цѣлую ночь уговаривалъ его отказаться отъ своего намѣренія, но тотъ заявилъ, что рѣшился, по пріѣздѣ имп. Александра въ Москву, отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору и, когда царь пойдетъ во дворецъ, изъ одного пистолета выстрѣлить въ него, а изъ другого въ себя. Онъ высказалъ убѣжденіе, что это будетъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ.

На другой день Фонъ-Визинъ, видя, что всѣ его уговоры напрасны, извѣстилъ членовъ общества, бывшихъ на собраніи, что Якушкинъ не хочетъ отказаться отъ своего намѣренія. Вечеромъ у Александра Муравьева собрались тѣ же лица, кромѣ С. Муравьева-Апостола, но въ совершенно другомъ настроеніи. Всѣ стали увѣрять Якушкина, что сообщенное Трубецкимъ быть можетъ и не правда, что смерть имп. Александра въ настоящую минуту не принесетъ пользы государству и что своимъ упорствомъ Якушкинъ губитъ не только ихъ всѣхъ, но и тайное общество при самомъ его началѣ, а между тѣмъ оно современемъ могло бы принести много пользы Россіи. Послѣ продолжительнаго спора Якушкинъ далъ обѣщаніе не приступать къ исполненію своего намѣренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что не хочетъ болѣе при-

---

этимъ привязанность поляковъ, чтобы имѣть въ ней „вѣрную опору въ случаѣ сопротивленія въ Россіи угнетеніямъ, угрожающимъ ей при учрежденіи военныхъ поселеній". Пестель показалъ, что, какъ онъ слышалъ отъ Н. Муравьева, мысль о о цареубійствѣ возникла по полученіи извѣстія о тѣхъ ужасахъ, которые творились въ Новгородской губ. при введеніи военныхъ поселеній.

надлежать къ тайному обществу. Фонъ-Визинъ, Никита Муравьевъ и другіе очень уговаривали Якушкина остаться ихъ сочленомъ, но тотъ отвѣчалъ рѣшительно, что не будетъ болѣе ни на одномъ ихъ совѣщаніи. И дѣйствительно, всякій разъ во время собраній у Фонъ-Визина онъ куда-нибудь уѣзжалъ [1]. Однако, позднѣе Якушкинъ вновь вступилъ въ общество, по его показанію, въ 1820 г., въ запискахъ же его это событіе отнесено къ 1818 г.

Узнавъ о томъ впечатлѣніи, которое его письмо произвело на членовъ общества, находившихся въ Москвѣ, Трубецкой немедленно отправился туда [2], но по пріѣздѣ его оказалось, что мысль о покушеніи на жизнь государя уже оставлена, съ своей же стороны онъ не могъ привести никакихъ доказательствъ достовѣрности сообщенныхъ имъ извѣстій.

II.

Участіе М. А. Фонъ-Визина въ Союзѣ Благоденствія. Дружба съ И. Д. Якушкинымъ.—Съѣздъ членовъ Союза Благоденствія въ Москвѣ.—Женитьба Фонъ-Визина.

На совѣщаніяхъ членовъ общества въ Москвѣ уставъ Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, составленный Пестелемъ, былъ единогласно признанъ неудобнымъ и потому уничтоженъ. Послѣ выработки новаго устава образовался Союзъ Благоденствія. „Соединеніе первыхъ членовъ, согласившихся дѣйствовать по... постановленіямъ“ (Союза Благоденствія), сказано было въ этомъ уставѣ, „именуется *Кореннымъ Союзомъ*“ [3]. На вопросъ комитета, производившаго слѣдствіе о тайномъ обществѣ, кто былъ членомъ Коренного Союза или совѣта общества [4], Фонъ-Визинъ отвѣ-

[1] Записки Якушкина, 19—23.

[2] По показанію Пестеля, находившагося тогда въ Петербургѣ, Трубецкой получилъ письмо отъ одного изъ членовъ (вѣроятно, написанное тотчасъ послѣ заявленія Якушкина о его намѣреніи убить государя), гдѣ сообщалось, что члены общества, находящіеся въ Москвѣ, рѣшились начать дѣйствіе и потому требуютъ согласія петербургскихъ членовъ и прибытія ихъ въ Москву.

[3] *Пыпинъ.* „Общественное движеніе“, 557.

[4] Собственно Совѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова составляли 5 выбранныхъ Союзомъ засѣдателей и 6-й —блюститель.

чалъ, что членами Коренного Союза были тѣ же лица, которыя составили общество въ Москвѣ въ 1817 г., а именно онъ самъ, Александръ и Мих. Николаевичи Муравьевы, кн. Трубецкой, П. Колошинъ, кн. Шаховской. Никита Муравьевъ прибавилъ, что въ 1818 г. членами Коренного Совѣта были, кромѣ названныхъ выше лицъ, С. и Матв. Муравьевы-Апостолы и Новиковъ, правитель канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора Репнина (умершій до слѣдствія) [1]. Затѣмъ число членовъ стало быстро увеличиваться. Фонъ-Визина считали однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ Союза Благоденствія. Такъ Нарышкинъ, говоря о томъ, что въ обществѣ „находятся люди просвѣщенные и имѣющіе довольно обширный кругъ дѣйствія", разумѣлъ при этомъ Фонъ-Визина, М. Ѳ. Орлова и Н. И. Тургенева [2].

М. А. Фонъ-Визинъ принялъ въ члены Союза Благоденствія своего пріятеля, полковника Граббе [3], Охотникова и кн. С. Г. Волконскаго [4] (въ Тульчинѣ въ 1819—20 г.). Въ запискѣ дѣлопроизводителя слѣдственной коммиссіи Боровкова сказано, что Фонъ-Визинъ принялъ въ члены общества своего брата Ивана Алекс., послѣдній же, хотя и не вполнѣ опредѣленно, показывалъ, что онъ былъ принятъ А. Н. Муравьевымъ [5]. Члены Коренного Союза должны были, по уставу, составить каждый одну управу, такъ сказать, филіальное отдѣленіе общества [6], но Никита Муравьевъ свидѣтельствуетъ, что большая часть членовъ Коренного Союза, въ томъ числѣ и братья Фонъ-Визины, управъ

---

[1] По показаніямъ С. Муравьева-Апостола и Никиты Муравьева, „членомъ Коренного Совѣта въ Союзѣ Благоденствія" былъ также И. А. Фонъ-Визинъ.

[2] Послѣ выступленія гвардіи изъ Москвы въ 1818 г. въ ней осталось около 30 членовъ общества (Записки Якушкина, 31), но Фонъ-Визины вели во второй половинѣ этого года весьма уединенный образъ жизни вслѣдствіе тяжелой болѣзни ихъ отца, который умеръ въ январѣ 1819 г.

[3] Записки Якушкина, 25—27, 70; „Рус. Арх.", 1888 г., III, прилож. стр. 368.

[4] Записки С. Г. Волконскаго, 408.

[5] Въ запискѣ Бенкендорфа, представленной имп. Александру въ 1821 г., вліянію Фонъ-Визина приписывается вступленіе въ общество и нѣкоторыхъ другихъ членовъ; тамъ же сказано, что онъ „приготовлялъ офицеровъ своего егерскаго полка".

[6] Управы „союзы или собранія, дѣйствующіе въ смыслѣ общества и входящіе въ его составъ". „Законоположеніе Союза Благоденствія", напечатанное А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи", стр. 557—559.

не имѣли. По показанію Басаргина, Фонъ-Визинъ принадлежалъ къ числу наиболѣе умѣренныхъ членовъ тайнаго общества, а Н. И. Тургеневъ говоритъ: „Я его зналъ и питалъ къ нему величайшее уваженіе; это человѣкъ честный, чистый, человѣкъ добродѣтельный во всей силѣ этого слова. Онъ любилъ повторять, что „цѣль не оправдываетъ средствъ“, и это вполнѣ подходило къ его открытому характеру [1].

Въ 1819 г. Фонъ-Визинъ гостилъ въ имѣніи Якушкина, находившемся въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губ., а Якушкинъ въ томъ же году прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ съ Фонъ-Визинымъ и Граббе. Фонъ-Визинъ былъ произведенъ въ генералы и лѣтомъ 1819 г. перешелъ со своимъ 38-мъ егерскимъ полкомъ во вторую армію, чтобы соединить 38-й и 37-й полки. По пути на югъ Фонъ-Визинъ заѣхалъ въ имѣніе Якушкина, откуда они оба отправились въ Дорогобужъ къ Граббе и познакомились съ отставнымъ генераломъ Пассекомъ, который „недавно возвратился изъ-за границы и жестоко порицалъ всѣ мерзости, встрѣчавшіяся на всякомъ шагу въ Россіи, въ томъ числѣ и крѣпостное состояніе“ [2]. Въ слѣдующемъ году, возвращаясь изъ Одессы въ Москву, Фонъ-Визинъ былъ вмѣстѣ съ Якушкинымъ въ Смоленскѣ и, благодаря своему знакомству съ мѣстнымъ губернаторомъ, имѣлъ возможность помочь своему пріятелю добиться того, чтобы былъ положенъ предѣлъ безобразіямъ мѣстной полиціи относительно его крестьянъ. Фонъ-Визинъ проводилъ своего друга въ его имѣніе; тотъ нашелъ своихъ крѣпостныхъ въ крайне подавленномъ состояніи вслѣдствіе гоненій со стороны мѣстнаго засѣдателя. Тогда Якушкину пришло въ голову такое средство прекратить всѣ бѣдствія Россіи,—стоитъ только подать императору адресъ, подписанный всѣми чле-

---

[1] *N. Tourgueneff,* La Russie et les Russes, I, 194. Кн. Волконскій говоритъ: „при первомъ вступленіи моемъ въ общество тѣсно сблизился я съ другими членами: М. А. Фонъ-Визинымъ, человѣкомъ дѣльнымъ, съ теплой душой, но легко подчинявшимся вліянію старыхъ связей дружбы“ (стр. 404). Послѣдняя оговорка, вѣроятно, представляетъ намекъ на дружбу Фонъ-Визина съ Бурцевымъ, который послѣ 1821 г. оставилъ общество.

[2] Онъ пригласилъ Якушкина и Фонъ-Визина въ свое прекрасное имѣніе недалеко отъ г. Ельни. „Съ крестьянами своими“, по словамъ Якушкина, „онъ обходился человѣколюбиво, но ему хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать за границу“.

нами Союза Благоденствія. Онъ написалъ проектъ адреса, указалъ въ немъ на всѣ мрачныя явленія русской жизни и предлагалъ императору собрать Земскую Думу по примѣру его предковъ. Фонъ-Визинъ, бывшій въ одинаковомъ настроеніи со своимъ другомъ, согласился дать свою подпись. Они отправились въ Дорогобужъ, къ Граббе, но тотъ, не отказываясь подписать адресъ вмѣстѣ съ другими, доказалъ имъ, что этотъ поступокъ сразу вызвалъ бы уничтоженіе тайнаго общества, а ихъ самихъ привелъ бы прямо въ крѣпость [1].

Какъ было уже сказано, М. А. Фонъ-Визинъ перешелъ въ 1819 г. во вторую армію [2]. Здѣсь въ этомъ или въ слѣдующемъ году онъ принялъ въ члены общества кн. С. Г. Волконскаго, который въ первомъ послѣ его вступленія собраніи членовъ встрѣтилъ, кромѣ Фонъ-Визина, Бурцева, Пестеля, генералъ-интенданта второй арміи Юшневскаго [3], Абрамова, Ивашева и Комарова. Басаргинъ, вступившій въ общество около этого же времени, называетъ еще Вольфа и кн. Барятинскаго [4]. Фонъ-Визинъ и Пестель „во многомъ не сходились" и, если вѣрить Комарову „часто оканчивали споры личностями", но оба были „ревностными членами". Тотъ же Комаровъ говоритъ: „Въ Тульчинѣ показались на сборищахъ люди высшаго разбора, принадлежавшіе къ обществу уже прежде или вновь вступившіе, съ образомъ мыслей несравненно болѣе смѣлымъ противъ прежняго въ отношеніи къ сужденію о правительствѣ, въ числѣ коихъ: генералъ-интендантъ Юшневскій, Фонъ-Визинъ,... Орловъ (М. Ѳ.), Охотниковъ маіоръ 38-го егерскаго полка, кн. Сергѣй Волконскій, Лунинъ, бывшій въ кавалергардскомъ полку, и Муравьевъ Никита (оба сіи были проѣздомъ изъ Одессы)".

---

[1] Записки Якушкина, 37, 48—49, 53—54. Бенкендорфъ въ своей запискѣ 1821 г. говоритъ, что „Фонъ-Визины и Граббе, судя по разсказамъ имѣющихъ съ ними короткія связи и по дѣйствіямъ ихъ, готовы на все". *Шильдеръ*, „Имп. Александръ I", т. IV, 214.

[2] Въ слѣдующемъ году, послѣ смотра 38-го егерскаго полка въ Умани, онъ былъ отчисленъ по арміи.

[3] Фонъ-Визинъ былъ очень высокаго мнѣнія о Юшневскомъ, какъ о человѣкѣ „огромнаго ума", Якушкину же онъ показался добрымъ и въ высшей степени честнымъ человѣкомъ, но довольно ограниченнымъ.

[4] Записки Басаргина, „XIX вѣкъ", изд. Бартенева, т. I, 71.

Описывая свое свиданіе съ Фонъ-Визинымъ и Граббе въ Смоленской губ., Якушкинъ говоритъ, что, послѣ уничтоженія написаннаго имъ адреса, они „долго разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и средствахъ, которыя бы могли спасти ее. Союзъ Благоденствія, казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію“ (т. е. устройству), „онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ первому января 1821 г. пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣла тайнаго общества и пріискали средства для большей его дѣятельности“ [1]. Фонъ-Визинъ со своимъ братомъ Иваномъ отправился съ этою цѣлью въ Петербургъ, Якушкину же пришлось ѣхать въ Тульчинъ съ рекомендательными письмами отъ Фонъ-Визина. Между прочимъ онъ далъ письмо и къ М. Ѳ. Орлову, служившему тогда въ Кишиневѣ и сдѣлавшемуся членомъ тайнаго общества въ іюлѣ или августѣ 1820 г.

По пріѣздѣ въ Тульчинъ, Якушкинъ, на совѣщаніи членовъ общества у Пестеля, заявилъ о цѣли своего пріѣзда. Пестелю очень хотѣлось самому ѣхать на московскій съѣздъ, но болѣе умѣренные члены указали на то, что Бурцевъ и Комаровъ просились въ отпускъ и по собственнымъ дѣламъ должны были нѣкоторое время пробыть въ Москвѣ, а потому лучше избрать ихъ депутатами, такъ какъ, если Пестель, не имѣющій тамъ родныхъ, будетъ проситься ѣхать туда, то это можетъ возбудить подозрѣніе начальства. Пестель согласился отказаться отъ своего намѣренія, и въ депутаты былъ выбранъ Бурцевъ, составлявшій ему въ Тульчинѣ оппозицію, а въ помощники Бурцеву—Комаровъ, уже замышлявшій разрушить общество [2].

Съ первыхъ чиселъ января 1821 г. члены общества стали съѣзжаться въ Москву. Граббе, Бурцевъ и Якушкинъ поселились у Фонъ-Визиныхъ; изъ Петербурга пріѣхали Н. И. Тургеневъ и Ѳ. Н. Глинка, изъ Кіева Орловъ со своимъ

---

[1] По показанію Комарова, разговоры въ Тульчинѣ о необходимости съѣзда въ Москвѣ начались еще до отъѣзда съ юга Фонъ-Визина.

[2] Записки Якушкина. 57, 59—60, 63—64; показанія Комарова въ Государств. Архивѣ.

адъютантомъ Охотниковымъ; пріѣхалъ и М. Н. Муравьевъ. На одно изъ самыхъ первыхъ совѣщаній были приглашены всѣ члены, бывшіе тогда въ Москвѣ, въ томъ числѣ С. Волконскій, П. Колошинъ, Комаровъ и многіе другіе. По словамъ Н. И. Тургенева, всего въ это время собралось въ Москвѣ около 20 членовъ общества. „Собранія", говоритъ онъ, „происходили часто и, вспоминая о нихъ, я считаю эти часы самымъ счастливымъ временемъ моей духовной жизни. Я находился въ это непродолжительное время въ общеніи съ людьми, которыхъ я считаю и всегда буду считать самыми лучшими, одушевленными самыми чистыми намѣреніями, горячею преданностью къ себѣ подобнымъ. Правда, не всѣ были одинаковаго достоинства, но вѣдь совершенство вездѣ рѣдко" [1]. Эта послѣдняя оговорка относится болѣе всего къ Комарову, который въ это время въ частныхъ свиданіяхъ усиленно старался убѣдить Н. И. Тургенева въ необходимости разрушить общество.

Комаровъ первое время бывалъ иногда на собраніяхъ. М. А. Фонъ-Визинъ предложилъ раздѣлить общество на три разряда: высшій — „незнаемыхъ", въ качествѣ постояннаго главнаго совѣта, который долженъ будетъ управлять обществомъ и составлять для него законы. Второй разрядъ, отъ него зависящій, — „исполнительный", осуществляющій то, что будетъ постановлено первымъ; членовъ его должно было командировать для объѣздовъ и наблюденія хода общества въ разныхъ мѣстахъ, переписку же по дѣламъ общества слѣдовало прекратить. Наконецъ, третій разрядъ должны были бы составлять „нововводимые". Предложеніе это одобряли Якушкинъ, Граббе, Бурцевъ, Охотниковъ, И. А. Фонъ-Визинъ и Волконскій [2]. Тургеневъ возражалъ противъ предложенной таинственности, Орловъ, повидимому, также не соглашался съ этимъ предложеніемъ и назвалъ его „заговоромъ въ заговорѣ". Комаровъ придрался къ этимъ словамъ, сталъ тре

---

[1] *Tourgueneff,* „La Russie et les Russes", I, 86—87.

[2] Болѣе „нетерпѣливыми и пылкими" Комаровъ называетъ Фонъ-Визиныхъ, Граббе, Якушкина и Охотникова. Кн. Волконскій въ своихъ запискахъ говоритъ: такъ какъ „было положено, что правомъ голоса могутъ пользоваться только члены-основатели общества, а не члены, впослѣдствіи поступившіе въ тайное общество, то я и Комаровъ были устранены отъ участія въ преніяхъ, а это право было предоставлено одному Бурцеву изъ членовъ Южной Думы" (I изд., стр. 410—411).

бовать объясненія и сказалъ: „Исключите меня изъ общества и потомъ называйте его, какъ хотите“. Якушкинъ прервалъ его словами: „Я давно уже читаю на челѣ вашемъ противное благу и успѣху общества“. -„Да“, отвѣчалъ ему Комаровъ, „если оно не взойдетъ въ предѣлы первыхъ правилъ“. „Это невозможно“, возразилъ Якушкинъ. Кто-то другой замѣтилъ Комарову, что онъ слишкомъ „литерально“ понимаетъ слова, а Орловъ, долго молчавшій, наконецъ, замѣтилъ ему: „Знаете ли вы, г. Комаровъ, вы, который такъ буквально все принимаете, что тайное общество есть тотъ же заговоръ: это синонимы“, и сталъ развивать эту мысль. Комаровъ отвѣчалъ ему: „Мы, быть можетъ, сойдемся въ опредѣленіи словъ, но никакъ не въ сущности принятаго ихъ значенія. Наше общество, какъ я его понимаю, порочно только скрытностью своею отъ правительства, а заговоръ можетъ быть различныхъ свойствъ и всегда соединяется съ мыслью о преступленіи“. Затѣмъ, обратившись ко многимъ членамъ, Комаровъ заявилъ, что таинственность, которую предполагаютъ ввести при преобразованіи общества, заставляетъ его выйти изъ него и желать, чтобы оно прекратило свое существованіе [1].

Но и самъ Орловъ покинулъ общество. Онъ предъявилъ условія, лишь при принятіи которыхъ соглашался остаться его членомъ. Въ своей запискѣ онъ старался доказать, что тайное общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и для достиженія своей цѣли прибѣгнуть даже къ средствамъ, которыя считаются преступными. Такъ онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію, гдѣ можно было бы печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разсылать ихъ по всей Россіи. Онъ предлагалъ даже завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій: такимъ образомъ, по его мнѣнію, тайное общество сразу пріобрѣло бы огромныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвало бы кредитъ правительства. Предложѐнія Орлова крайне изумили всѣхъ. Якушкинъ сказалъ ему, что, вѣроятно, онъ шутитъ, предлагая такія неистовыя мѣры. Орловъ отвѣчалъ,

[1] Дѣло о Комаровѣ въ Государств. Архивѣ I В № 213.

что если онѣ не будутъ приняты, то онъ не можетъ принадлежать къ тайному обществу, и покинулъ собранiе. Только уѣзжая совсѣмъ изъ Москвы, онъ заѣхалъ проститься съ Фонъ-Визинымъ и Якушкинымъ, причемъ, указывая на послѣдняго, замѣтилъ: „этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ" и бросился его обнимать. Якушкинъ объясняетъ поведенiе Орлова тѣмъ, что, помолвленный съ дочерью генерала Раевскаго, извѣстнаго героя 1812 г., онъ, по желанiю родныхъ невѣсты, рѣшился прекратить всѣ сношенiя съ тайнымъ обществомъ, а Н. И. Тургеневъ скоро услышалъ отъ Орлова, что тотъ получилъ отъ своего брата, флигель-адъютанта государя, предостереженiе относительно собранiй въ Москвѣ [1].

Дѣйствительно, въ высшихъ сферахъ знали заранѣе о предстоящемъ собранiи. Такъ кн. Ил. В. Васильчиковъ писалъ кн. П. М. Волконскому, что въ Москвѣ должно состояться свиданiе между генераломъ Фонъ-Визинымъ, М. Ѳ. Орловымъ, командиромъ гусарскаго полка полковникомъ Граббе, Н. Тургеневымъ, полковникомъ Глинкою и Муравьевыми, отцомъ и сыномъ [2]. „Увѣряютъ, что на этомъ съѣздѣ хотятъ положить основанiе обществу, имѣющему цѣлью освобожденiе крестьянъ и перемѣну правленiя... Вы найдете весьма естественнымъ мое увѣдомленiе, чтобы вы приняли ваши мѣры. Я не считаю это дѣло очень серьезнымъ, но личности, которыхъ я вамъ назвалъ, съ такими сумасбродными головами, что достойны привлечь вниманiе правительства своими продѣлками" [3].

Высшiя сферы были до извѣстной степени освѣдомлены о томъ, что происходило въ Москвѣ. Въ запискѣ Бенкендорфа, представленной въ 1821 г. имп. Александру, мы находимъ такой разсказъ о московскихъ собранiяхъ общества: „Мнѣнiя о приведенiи въ порядокъ дѣлъ были не согласны. Орловъ, ручаясь за свою дивизiю, требовалъ полномочiя дѣйствовать по своему усмотрѣнiю, настаивалъ" на учрежденiи „невидимыхъ братьевъ", которые составляли бы центръ и

[1] Записки Якушкина, 70 72, 74; „La Russie et les Russes", I, 89.
[2] Изъ двухъ послѣднихъ присутствовалъ лишь М. Н. Муравьевъ.
[3] „Рус. Арх." 1875 г. № 8. 442—443.

управляли всѣмъ [1]; прочихъ онъ предлагалъ раздѣлить на языки (по народамъ: греческій, еврейскій и пр.), „которые, какъ бы лучи, сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая кому; о заведеніи типографіи въ лѣсахъ, даже дѣланіи тамъ фальшивыхъ ассигнацій для доставленія обществу потребныхъ суммъ". Авторъ записки высказываетъ предположеніе, что Орловъ выставилъ эти требованія „можетъ быть для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества". Изъ этой же записки мы узнаемъ, что бригадный генералъ Васильчиковъ, братъ Ил. В., командующаго гвардейскимъ корпусомъ, разговаривалъ однажды съ Краснокутскимъ, членомъ общества, и выразилъ сожалѣніе, что среди офицеровъ нѣтъ „дружескихъ обществъ". Краснокутскій отвѣчалъ, что, напротивъ, есть очень большое и имѣющее значительное число членовъ. Генералъ разсказалъ о своемъ разговорѣ Граббе и старался вывѣдать отъ него, не знаетъ ли онъ что либо объ обществѣ. Узнавъ объ этомъ, собравшіеся въ Москвѣ встревожились, опасаясь, что генералъ сообщитъ полученное имъ свѣдѣніе своему брату, командующему гвардейскимъ корпусомъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, отъ него получилъ увѣдомленіе, подобное посланному Ил. В. Васильчиковымъ П. М. Волконскому. Бенкендорфъ въ своей запискѣ утверждаетъ, что послѣ этого „сожжены всѣ бумаги, и общество закрыто" [2].

Якушкинъ подтверждаетъ, что Н. Тургеневъ, какъ предсѣдатель собранія, объявилъ всѣмъ присутствующимъ о прекращеніи существованія Союза Благоденствія. Но уничтоженіе общества было сдѣлано лишь для видимости, чтобы обмануть бдительность правительства и удалить неблагонадежныхъ членовъ. О томъ, что произошло послѣ выхода изъ общества Орлова, мы знаемъ изъ записокъ Якушкина,

---

[1] Тутъ Орлову приписано предложеніе М. А. Фонъ-Визина.

[2] *Шильдеръ*, „Имп. Александръ I", IV, 211—212 или „Рус. Арх." 1875 г. № 12, стр. 248. Кн. Волконскій въ своихъ запискахъ говоритъ: „Съ самаго начала съѣзда было получено изъ Петербурга отъ тамошней думы сообщеніе, что правительство слѣдитъ за дѣйствіями тайнаго общества и что будетъ осторожнѣе прекратить гласное существованіе... онаго", а членамъ дѣйствовать по одиночкѣ сообразно съ цѣлью общества. Это основывалось на сообщеніи Ѳ. Глинки, который, какъ адъютантъ Милорадовича, зналъ о надзорѣ за обществомъ.

отличающихся, говоря вообще, значительною точностью. „На слѣдующихъ совѣщаніяхъ... для большаго порядка выбранъ былъ предсѣдателемъ Н. Тургеневъ. Прежде всего было признано нужнымъ измѣнить не только уставъ Союза Благоденствія, но и самое устройство и самый составъ общества. Рѣшено было объявить..., что... Союзъ Благоденствія прекращаетъ свои дѣйствія навсегда... Затѣмъ приступили къ сочиненію новаго устава; онъ раздѣлялся на двѣ части: въ первой для вступающихъ предлагались тѣ же филантропическія цѣли, какъ и въ зеленой книгѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой второй части устава уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсть для этого средства—признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай. На первый разъ положено было учредить четыре главные думы: одну въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Н. Тургенева, другую въ Москвѣ, которую поручали Ив. Алекс. Фонъ-Визину; третью я долженъ былъ образовать въ Смоленской губ., четвертую брался Бурцевъ привести въ порядокъ въ Тульчинѣ. Онъ увѣрялъ, что по пріѣздѣ въ Тульчинъ онъ первоначально объявитъ объ уничтоженіи Союза Благоденствія, но что вслѣдъ затѣмъ извѣститъ всѣхъ членовъ, кромѣ приверженцевъ Пестеля, о существованіи новаго устава, и что они всѣ къ нему присоединятся подъ его руководствомъ. Уставъ былъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами на совѣщаніяхъ и Мих. Муравьевымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже къ самому концу нашихъ занятій. Обѣ части новаго устава были переписаны въ четырехъ экземплярахъ: одинъ для Тургенева, другой для И. А. Фонъ-Визина, третій для меня, четвертый для Бурцева" [1].

Н. И. Тургеневъ въ письмѣ къ редактору „Колокола" (1863 г. № 155) по поводу записокъ Якушкина рѣшительно отрицаетъ составленіе имъ второй части устава общества и

[1] Извѣстіе о принятіи новаго устава и о четырехъ спискахъ съ него мы находимъ и въ показаніяхъ Якушкина во время слѣдствія.

говоритъ, что онъ написалъ лишь записку объ образованіи въ Москвѣ, Петербургѣ и Смоленскѣ комитетовъ изъ бывшихъ членовъ общества для распространенія мысли о необходимости освобожденія крестьянъ. Якушкинъ же сообщаетъ, что Тургеневъ „одному только Никитѣ Муравьеву прочелъ новый уставъ общества, послѣ чего изъ предосторожности онъ положилъ его въ бутылку и засыпалъ табакомъ“ (стр. 74—75) [1].

Имп. Александру I, вслѣдствіе полученныхъ имъ доносовъ, были извѣстны существованіе тайнаго общества [2], силу котораго онъ даже преувеличивалъ, и участіе въ немъ Фонъ-Визина. Онъ сказалъ однажды кн. П. М. Волконскому: „Эти люди могутъ, кого хотятъ, возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ Смоленской губ., они кормили цѣлые уѣзды“. При этомъ государь назвалъ Фонъ-Визина, Пассека, Якушкина, М. Муравьева и Левашова. Н. И. Тургеневъ сообщилъ объ этомъ чрезъ Колошина въ Москву (гдѣ въ это время былъ Якушкинъ, а М. Фонъ-Визинъ находился въ своей костромской деревнѣ) и совѣтовалъ быть какъ можно осторожнѣе [3]. По показанію Фонъ-Визина, еще ранѣе, въ 1820 г., генералъ Ермоловъ предостерегалъ Фонъ-Визина и говорилъ ему, что онъ „на счету карбонари въ Петербургѣ“; по показанію Никиты

[1] Нѣсколько ранѣе, въ ноябрѣ 1820 г., кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Варшавы: „твой братъ нюхаетъ ли табакъ? у меня для него лежитъ табакерка à la charte Touquet и посланіе“. Въ слѣдующемъ письмѣ: „вотъ пожалуй напечатайте мое письмо табачное къ Николаю Ивановичу“. Однако въ печати оно не появлялось. „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. II, стр. 101, 102. Если вѣрно извѣстіе Якушкина, то не была ли вторая часть новаго устава написана Н. Тургеневымъ еще въ Петербургѣ? Когда А. И. Тургеневъ извѣстилъ кн. Вяземскаго, что братъ его Николай уѣхалъ въ Москву въ самый новый годъ (1821), Вяземскій отвѣчалъ ему: „только не доѣхать бы ему такимъ образомъ отъ Петербурга до Москвы и далѣе, какъ Радищеву“; ibid., 136—137.

[2] Въ одномъ доносѣ, найденномъ въ кабинетѣ имп. Александра послѣ его смерти, въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Союза Благоденствія названы слѣдующія лица: „поручикъ Муравьевъ гвардейскаго штаба, состоящій по арміи г.-м. Фонъ-Визинъ, капитанъ Бурцевъ, адъютантъ ген. Киселева, Гречъ (?!), Глинка въ Москвѣ, двое Тургеневыхъ, отставной ротмистръ Давыдовъ въ Москвѣ, ротмистръ Лунинъ, недавно принятый въ службу въ 3-ю уланскую дивизію“.

[3] Записки Якушкина, стр. 86.

Муравьева (со словъ Фонъ-Визина), Ермоловъ совѣтовалъ ему даже при этомъ оставить общество, но Фонъ-Визинъ отрицалъ, чтобы онъ говорилъ что-либо о немъ съ Ермоловымъ. Якушкинъ разсказываетъ такъ объ этомъ разговорѣ. Ермоловъ былъ вызванъ съ Кавказа, чтобы начальствовать надъ отрядомъ, назначаемымъ для усмиренія возставшихъ (въ 1820 г.) неаполитанцевъ. Онъ прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и всякій день видѣлся съ императоромъ. Но неаполитанцы были усмирены австрійскимъ войскомъ еще до отправленія нашего отряда [1], и Ермоловъ уѣхалъ обратно на Кавказъ. Въ Москвѣ, увидѣвъ Фонъ-Визина, онъ воскликнулъ: „поди сюда, величайшій карбонари", и прибавилъ: „я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что *онъ* васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся" (стр. 89).

Послѣ московскаго съѣзда дѣятельность М. А. Фонъ-Визина, какъ члена общества, становится гораздо менѣе замѣтною, и нѣкоторые члены полагали даже, что онъ оставилъ общество. Такъ Евг. Оболенскій въ своемъ показаніи говоритъ, что Фонъ-Визинъ и его братъ знали о существованіи „нынѣшняго", т. е. Сѣвернаго, общества, но не принадлежатъ къ нему; по разрушеніи Союза Благоденствія онъ „не былъ, кажется, ни съ кѣмъ изъ общества въ сношеніяхъ". Самъ М. А. Фонъ-Визинъ (по поводу показанія Оболенскаго) утверждалъ даже, будто бы онъ только „предполагалъ" о существованіи общества, но навѣрно о дѣйствіяхъ его ничего не зналъ и считалъ ихъ „ничтожными", не зналъ даже, кто имъ управляетъ. Якушкинъ также счелъ возможнымъ утверждать предъ слѣдственной коммиссіей, что „Фонъ-Визины, сколько мнѣ извѣстно, не только не дѣйствовали въ пользу общества, но полагали его не существующимъ послѣ

[1] Ермоловъ, находившійся въ Петербургѣ, былъ вызванъ въ Лайбахъ рескриптомъ имп. Александра отъ 3 (15) марта 1821 г.; „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс." 1862 г. т. II, смѣсь, стр. 199. Австрійцы вступили въ Неаполь 23 марта (нов. ст.) 1821 г. (*Соренъ*, Исторія Италіи, 80). 26 апрѣля въ Лайбахѣ Ермоловъ представился государю. Съ іюня по сентябрь 1821 г. включительно Ермоловъ жилъ въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ и не разъ бесѣдовалъ съ государемъ. Въ октябрѣ онъ былъ уже на Кавказѣ; *Погодинъ*, А. П. Ермоловъ, „Рус. Вѣст." 1863 г., № 11, стр. 268—271.

указа объ уничтоженіи въ Россіи тайныхъ обществъ". Онъ, конечно, зналъ, что Фонъ-Визины общества не оставляли, но показаніе это было возможно лишь при небольшомъ участіи ихъ въ его дѣятельности. Нарышкинъ, членъ Сѣвернаго общества, также заявилъ, что, какъ онъ слышалъ, Фонъ-Визинъ жилъ большею частью въ деревнѣ и, сколько ему извѣстно, не принималъ участія въ дѣйствіяхъ общества. Въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ, Фонъ-Визинъ изъ него не выходилъ [1], но частью вслѣдствіе данныхъ ему совѣтовъ, частью потому, что жилъ въ Москвѣ, а главная дѣятельность сѣвернаго и южнаго обществъ сосредоточивалась въ Петербургѣ и во второй арміи, частью, наконецъ, вслѣдствіе женитьбы, сталъ малодѣятельнымъ членомъ [2].

М. А. Фонъ-Визинъ въ показаніяхъ на слѣдствіи болѣе всего приписывалъ свое отдаленіе отъ общества женитьбѣ. Онъ разсказываетъ, что вскорѣ послѣ съѣзда въ Москвѣ задумалъ жениться и въ маѣ 1821 г. переѣхалъ въ деревню (Костромской губ.) къ своей невѣстѣ, гдѣ прожилъ остальные мѣсяцы 1821 г., въ 1822 г., въ сентябрѣ, женился и возвратился къ матери въ Москву лишь въ декабрѣ, а въ 1823 г., 1824 и 1825 гг. жилъ въ подмосковной деревнѣ, посвящая все свое время семейству и хозяйству.

Женитьба Фонъ-Визина, дѣйствительно, могла сыграть роль въ его отдаленіи отъ общества Онъ женился на своей двоюродной племянницѣ, Наталіи Дмитріевнѣ Апухтиной

---

[1] Въ одномъ изъ показаній онъ и самъ признаетъ, что не дѣлалъ заявленія о выходѣ.

[2] Есть, правда, свидѣтельство Муромцева, что въ 1822 г. онъ бывалъ у М. Фонъ-Визина въ Москвѣ, причемъ „всегдашніе гости были: М. Муравьевъ, А. Муравьевъ, Якушкинъ, Мамоновъ, Граббе, Давыдовъ; иные проѣздомъ черезъ Москву... Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проекты перемѣны администраціи и думали даже о низверженіи настоящаго порядка вещей... Была заведена книга, гдѣ... члены вписывались". („Рус. Арх.", 1890 г. № 3, стр. 390—391). Но возможно, что память измѣнила Муромцеву и что собранія эти нужно отнести къ болѣе раннему времени, такъ какъ А. Н. Муравьевъ оставилъ тайное общество въ 1819 г., а М. Н. Муравьевъ, повидимому, въ 1821 г. Росписки брались съ членовъ при вступленіи въ общество лишь въ Союзѣ Благоденствія, въ позднѣйшихъ же обществахъ рѣшено было избѣгать всякаго письмоводства; записи же въ книгу присутствовавшихъ членовъ практиковались въ масонскихъ ложахъ. Наконецъ, изъ показаній М. А. Фонъ-Визина видимъ, что въ 1822 г. онъ только въ декабрѣ пріѣхалъ въ Москву.

(мать ея — урожденная Фонъ-Визина). Она была единственною дочерью. Мать Нат. Дм. была очень набожна и любила принимать разныхъ странниковъ и монахинь; дочь съ увлеченіемъ зачитывалась религіозными книгами и особенно житіями святыхъ, которыя такъ повліяли на нее, что она стала съ 14 лѣтъ жаждать подвига. Она носила на тѣлѣ поясъ, вываренный въ соли, отъ котораго много страдала, такъ какъ онъ разъѣдалъ ей кожу. Она была хороша собой и, чтобы на нее менѣе обращали вниманія, по цѣлымъ часамъ стояла на солнцѣ и радовалась, когда отъ этого трескалась кожа на лицѣ [1]. Дѣла отца ея, вслѣдствіе жизни не по средствамъ, были совершенно разстроены. Когда она была ребенкомъ, домъ ея отца славился своимъ богатствомъ, но въ 1812 г., при нашествіи французовъ, все имущество погибло, и на деньги, занятыя у матери М. А. Фонъ-Визина, купили деревню. Случалось, что въ деревенскомъ домѣ Апухтиныхъ не было ни чаю, ни кофе, ни даже сальныхъ свѣчей, и купить ихъ было не на что, а продавать что-либо, хотя бы и ненужное, стыдились; въ длинные зимніе вечера жгли постное масло. Одно время нечѣмъ было кормить дворовыхъ, которыхъ было очень много, но распустить ихъ не хотѣли или стыдились, „прикрывая", по словамъ Нат. Дм., „ложнымъ великолѣпіемъ настоящую нищету. Жили въ долгъ, не имѣя даже въ виду, чѣмъ заплатить". Однажды отецъ ея уѣхалъ по дѣлу въ Москву; тамъ за долги его задержали и не выпускали изъ города, а Нат. Дм. осталась съ матерью въ деревнѣ, терпя большую нужду. Ей было тогда 15 лѣтъ. Пріѣхали описывать ихъ имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, послѣ чего они уже ничѣмъ не могли располагать. Мать на послѣдніе гроши угощала грубыхъ и пьяныхъ засѣдателей, пріѣхавшихъ производить опись [2]. Вѣроятно, дѣло какъ-нибудь устроилось, потому что Апухтины остались въ своемъ имѣніи.

---

[1] *Францева,* „М. А. Фонъ-Визинъ", „Рус. Стар." 1885 г., № 11, 286; „Воспоминанія М. Д. Францевой" въ „Истор. Вѣст." 1888 г., № 5, 393.

[2] Письмо Н. Д. Фонъ-Визиной къ протоіерею Знаменскому въ статьѣ „Н. Д. Фонъ-Визина (изъ бумагъ прот. Знаменскаго)", „Литератур. Сборникъ", изд. ред. „Восточ. Обозр." СПБ., 1885 г., стр. 216.

Когда Наталіи Дмитріевнѣ исполнилось 16 лѣтъ, къ ней стало свататься много жениховъ, но она не хотѣла и слышать о нихъ и рѣшила идти въ монастырь. Родители возстали противъ этого и требовали, чтобы она вышла замужъ. Тогда она задумала уйти въ монастырь тайкомъ. Въ этомъ ей помогъ мѣстный священникъ, ея духовникъ, который далъ ей одежду своего сына-семинариста, обрѣзалъ ей волосы и назвалъ ее Назаріемъ. Въ два дня она прошла 70 верстъ, пока ее не настигли: это случилось въ концѣ апрѣля 1821 г.[1]. Она дала слово не поступать въ монастырь при жизни родителей, съ условіемъ, чтобы ее не принуждали выходить замужъ. Однако, ей серьезно понравился одинъ молодой человѣкъ, пріѣзжавшій къ нимъ изъ Москвы, но, узнавъ, что дѣла отца Нат. Дм. разстроены, онъ поспѣшилъ уѣхать.

Очень скоро послѣ попытки Н. Д. бѣжать въ монастырь, въ деревню къ Апухтинымъ пріѣхалъ ея двоюродный дядя, М. А. Фонъ-Визинъ, который зналъ ее съ дѣтства и теперь влюбился въ нее[2]. Родители объяснили Натальѣ Дмитріевнѣ, что отецъ ея долженъ матери Михаила Алекс. большую сумму и что свадьбою долгъ покрылся бы, такъ какъ она единственная дочь и наслѣдница. „Надобно было отца изъ бѣды выкупать", писала она впослѣдствіи; это она выставляетъ главною причиною своего замужества.

Фонъ-Визинъ женился въ сентябрѣ 1822 г., когда ему было, по его счету, 33 или 34 года, а въ дѣйствительности, быть можетъ, и болѣе. Въ концѣ года молодые переѣхали въ Москву, гдѣ Нат. Дм., окруженная многочисленною своею и мужниною роднею, должна была постоянно посѣщать свѣтъ. „Вышедши замужъ", писала она впослѣдствіи, „я опять попала въ богатство и знатность,—была балована, какъ только можно: на однѣ шпильки и булавки имѣла 1.200 р. въ годъ", но, поясняетъ она, „ни одинъ рубль изъ этихъ денегъ не пошелъ на шпильки и булавки"[3].

[1] Ibid., стр. 221.

[2] „Ист. Вѣстн." 1888 г., № 5, стр. 393—395.

[3] „Литерат. Сбор.", изд. редакціи „Восточ. Обозрѣнія" 1885 г., стр. 216 217.

Выйдя замужъ безъ особенной любви [1], Нат. Дм. всеже была преданною женою. Разсказываютъ, будто однажды на балу она встрѣтила своего прежняго поклонника, который вздумалъ теперь за ней ухаживать, но вызвалъ съ ея стороны энергическій отпоръ. Наталью Дмитріевну увѣрили, будто Пушкинъ изобразилъ ее въ лицѣ Татьяны въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ [2], и она впослѣдствіи нерѣдко называла себя Танею.

III.

Возраженіе неизвѣстнаго автора противъ записки Д. И. Фонъ-Визина.—Собранія членовъ тайнаго общества въ Москвѣ въ декабрѣ 1825 г.—Арестъ М. А. Фонъ-Визина.

Женитьба могла до нѣкоторой степени отвлечь М. А. Фонъ-Визина отъ дѣятельнаго участія въ тайномъ обществѣ, но для отдаленія отъ него могли быть и другія причины. На него могли также влiять, по крайней мѣрѣ временно, и предостереженія изъ Петербурга, и отчасти возраженія противъ главной цѣли тайнаго общества тѣхъ представителей русской интеллигенціи, которые, даже сочувствуя политической свободѣ, полагали, что Россія для нея еще не созрѣла. Одно изъ нихъ (1824 г.) сохранилось. Оно тѣмъ болѣе для насъ интересно, что представляетъ замѣчанія на записку о необходимости конституціи, которую авторъ замѣчаній приписалъ И. А. Фонъ-Визину, но которая была, по всей вѣроятности, не что иное, какъ извѣстное уже намъ „Введеніе“ его покойнаго дяди, Ден. Ив. Фонъ-Визина. Какъ мы уже знаемъ, братья Фонъ-Визины распространяли это произведеніе своего дяди, причемъ одна изъ копій была переписана частью рукою самого И. А. Фонъ-Визина. Другая копія была сообщена М. А. Фонъ-Визинымъ Никитѣ Муравьеву, который, какъ

---

[1] Въ письмахъ по смерти мужа И. И. Пущину (за которымъ она была во второмъ бракѣ) Нат. Дм. говоритъ о неудовлетворенности первымъ супружествомъ, потому что, хотя Мишель и „былъ ангелъ“, но не подходилъ къ ея бурному темпераменту. *Шенрокъ*, „Одна изъ женъ декабристовъ“, „Рус. Бог.“, 1894 г., № 12, стр. 16.

[2] „Истор. Вѣст.“, 1888 г., № 5, стр. 395—396. Даже ея второй мужъ былъ убѣжденъ въ этомъ. „Русское Богатство“, 1894 г., № 11, стр. 104—105.

уже было упомянуто, передѣлалъ это сочиненіе, приспособивъ его къ царствованію Александра I [1].

Н. Сушковъ, напечатавшій интересующее насъ возраженіе, не можетъ опредѣлить имя его автора. Нельзя не обратить вниманія на два факта: 1) авторъ называетъ себя „жертвою правленія Александра“ [2] и 2) на возраженіи есть помѣта: „Село Космо-Демьянское, 19 сентября 1824 г.“, а другой набросокъ, 1823 г., помѣченъ датою: „Ливны 1823 г.“ и имѣетъ подпись: „ротмистръ (бывшій дипломатъ)“. Ливенскій уѣздъ находится въ Орловской губ., а село Космо-Демьянское или Кузьмо-Демьянское принадлежало извѣстному Ѳ. В. Растопчину, который пріѣзжалъ въ него въ 1824 г. [3]. Можетъ явиться предположеніе, не составлено ли это возраженіе Растопчинымъ, но его содержаніе заставляетъ отвергнуть эту гипотезу по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ немъ упоминается имя Растопчина и 2) хотя авторъ и доказываетъ, что Россія не созрѣла для политической свободы, но его сочувствіе ей, а также и освобожденію крестьянъ несомнѣнно, а это вовсе не похоже на Растопчина, консервативныя мнѣнія котораго въ томъ и другомъ отношеніи извѣстны [4]. Нужно замѣтить, что въ это время пускались иногда въ обращеніе записки, приписываемыя лицамъ, ихъ не составлявшимъ: одна изъ такихъ записокъ считалась принадлежащею Н. С. Мордвинову, хотя онъ не былъ ея авторомъ Быть можетъ, и въ этомъ случаѣ неизвѣстный составитель умышленно мистифицировалъ читателей, наводя ихъ на предположеніе объ авторствѣ Растопчина, а имя послѣдняго въ одной изъ редакцій записокъ могло быть вставлено позднѣе.

Возраженіе начинается такъ: „Любезный другъ! Я читалъ памфлетъ, который ты у меня оставилъ: нахожу его справедливымъ вообще, но мечтательнымъ и вреднымъ въ приложеніи. Кто не чувствуетъ, что законы, опредѣляемые

[1] „Записки М. А. Фонъ-Визина“, „Рус. Стар.“ 1884 г., № 4, стр. 62.

[2] Въ другомъ наброскѣ, писанномъ тою же рукою въ 1823 г., онъ жалуется на вынужденное бездѣйствіе.

[3] Ср. письма Растопчина къ Воронцову, „Арх. кн. Воронцова“, т. VIII, 454, 510 (это письмо относится, вѣроятно, къ 1823 г., ср. стр. 452), 511, 512.

[4] См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ“, I, 258—259, 302—305; „Арх. кн. Воронцова“, VIII, 415.

авторомъ подъ именемъ *основныхъ*, составляютъ истинное благо народовъ? Но во всей ли эпохѣ народнаго просвѣщенія, во всякомъ ли возрастѣ и состояніи государства полезно ихъ установленіе? Еслибъ, напримѣръ, Петръ I, вмѣсто того, что онъ сдѣлалъ для преобразованія тогдашней Россіи, ввелъ въ ней британскую конституцію, которая въ его время уже утвердилась, что бы изъ того вышло?“ [1] Сохранившаяся другая, рукописная, редакція этого возраженія начинается иначе. Она, во-первыхъ, имѣетъ французское заглавіе: „Ma reponse à l'écrit sur la nécessité dans l'état des loix constitutionelles de M. le colonel Fon-Wisin“. Затѣмъ слѣдуетъ помѣта: „Maï, 1825 г.“, тогда какъ печатная редакція помѣчена „19 сентября, 1824 г.“. Наконецъ, начало рукописной редакціи написано въ иномъ тонѣ, чѣмъ печатной: „Я читалъ *разсужденіе*“ (вмѣсто: „памфлетъ“), „которое ты мнѣ оставилъ, и, отдавая справедливость высокому чувству свободы сочинителя, не могу согласиться съ нимъ въ главномъ предметѣ“. Можно полагать, что, готовясь отдать замѣчанія, набросанныя осенью 1824 г., братьямъ Фонъ-Визинымъ въ Москвѣ въ 1825 г., авторъ смягчилъ рѣзкость первоначальныхъ выраженій, или что эта передѣлка произведена другимъ лицомъ. Сказанное далѣе объ Екатерининской законодательной комиссіи наводитъ на мысль о бесѣдахъ съ авторомъ М. А. Фонъ-Визина или, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Фонъ-Визинъ его читалъ: „Полвѣка послѣ Петра Екатерина сзывала депутатовъ. Одинъ — всѣ улучшенія своей области заключилъ въ новой кровлѣ воеводскаго дома; другой, который почиталъ себя умнѣе и либеральнѣе прочихъ, послѣ вопроса: будутъ ли за изданіемъ уложенія именные указы въ употребленіи? объявилъ, что депутатамъ дѣлать нечего!“ Этимъ послѣднимъ преданіемъ М. А. Фонъ-Визинъ воспользовался въ своихъ, такъ называемыхъ „Запискахъ“, или „Обозрѣніи проявленій политической жизни въ Россіи“, гдѣ говоритъ объ Екатерининской законодательной коммиссіи [2].

[1] „Вѣстн. Европы“, 1867 г., II, 193.

[2] „Это торжественное событіе, долженствовавшее доставить русскимъ политическую самобытность, кончилось ничѣмъ послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ кото-

Далѣе авторъ возраженія высказываетъ увѣренность, что „еслибъ и Александръ рѣшился на подобный опытъ, то слѣдствіе будетъ не лучше“, такъ какъ мы не далеко „ушли отъ той точки, гдѣ Петръ остановилъ насъ. А къ основнымъ законамъ, т. е. къ конституціи, къ представительному правленію, должны быть приготовлены народы вѣками успѣховъ гражданскихъ и нравственныхъ“. Мысль свою авторъ прежде всего подтверждаетъ примѣромъ Франціи:

„Въ 1814 г. проектъ конституціи, начертанный подъ диктатурою Талейрана, одного изъ лучшихъ умовъ земли[1], опередившей насъ цѣлыми столѣтіями въ политикѣ, заключалъ одни мелочные своекорыстные виды деспотическаго сената, которымъ хотѣли принести на жертву свободу и истинныя блага націи. Но король, озаренный во мракѣ бѣдствій своихъ свѣтильникомъ политическихъ установленій Англіи, присягнулъ хартіи, которая въ главныхъ основаніяхъ подобна англійскому государственному уложенію. Между тѣмъ не прошло пяти лѣтъ, какъ нація сама собою склонилась подъ монархическія формы; изъ 80 тысячъ избирателей составилось только 15, изъ погодныхъ депутатовъ — семилѣтніе, изъ свободныхъ — *содержимые*[2] на жалованьи правительства. Произволъ (l'arbitraire) сталъ вкрадываться во всѣ отрасли правленія; королевскій министръ *торжественно*[2] объявилъ въ палатѣ, что выборы должны подлежать вліянію министерства; въ департаментѣ финансовъ сумма 200 милліоновъ выписана въ расходъ подъ статьею confusion; правая сторона *въ палатѣ*[2], вошла въ пропорцію къ лѣвой, едва не 10 къ 1; Манюэля выгнали изъ камеры[3]... Доказательство, что нація не созрѣла еще для конституціонныхъ формъ“.

Далѣе, авторъ возраженія на записку Фонъ-Визина переходитъ къ англійской исторіи и указываетъ, какъ мед-

рыхъ болѣе осмысленные изъ депутатовъ позволили себѣ коснуться важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ-то... такъ же ли будетъ верховная власть, послѣ изданія новаго уложенія, измѣнять его именными указами“.

[1] Въ рукописной редакціи: „страны“.

[2] Слова, набранныя курсивомъ, взяты изъ рукописной редакціи.

[3] Депутатъ Манюэль былъ 27 февр. 1823 г. исключенъ изъ числа депутатовъ, потому что большинство палаты считало его слишкомъ радикальнымъ. См. *Грегуаръ*. „Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ“, т. I, 1893 г., 214—215.

ленно утверждалась въ ней дѣйствительная политическая свобода. Быстрое возвышенiе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и достиженiе ими „совершенства политическаго“ онъ объясняетъ тѣмъ, что, „при самомъ началѣ своей независимости, вся нацiя состояла изъ гражданъ, исполненныхъ духомъ религiи, справедливости и семейныхъ добродѣтелей“ и спрашиваетъ: „Чѣмъ подобнымъ можемъ похвастать мы *въ свое время?* Дайте эскимосамъ или киргизамъ какiя хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложенiе:— что жъ, думаете ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! Гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей, а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикiе, ни полудикiе дѣти природы. И вотъ почему въ Россiи не зачѣмъ еще думать *о раздѣленiи власти, о системѣ правленiя, формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ*“ [1]... Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состоянiе? [2] Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? [3] Гдѣ наслѣдственныя дарованiя будущихъ перовъ? *Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?* [4] Положимъ, напримѣръ, что Мордвиновъ, Растопчинъ, Кочубей [5] не уронили бы аристократической камеры, что Гурьевъ, Куракинъ [6] могли бы еще быть терпимы; но сыновья и наслѣдники куда годятся?... Однимъ словомъ, намъ нуженъ Петръ I со всѣмъ его самодержавiемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституцiями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями... Нѣсколько электрическихъ головъ, къ которымъ принадлежитъ и твоя — любезный другъ! — можетъ быть и моя, кружатся теперь надъ суевѣрiемъ свободы и конституцiонныхъ теорiй, несвойственныхъ и несвоевременныхъ

[1] Вмѣсто набраннаго курсивомъ въ рукописной редакцiи: „теперь ни о какомъ политическомъ уложенiи“.

[2] Въ рукописной редакцiи прибавлено: (tiers-état).

[3] Въ рукописной редакцiи прибавлено: „верховнаго правленiя“.

[4] Въ рукописной редакцiи набранное курсивомъ опущено.

[5] Въ рукописной редакцiи Кочубей опущенъ.

[6] Въ рукописной редакцiи вмѣсто Куракина: Безбородко.

для націй... Но почему же ни одна изъ сихъ головъ недоступна къ идеямъ объ ограниченіи нашихъ собственныхъ правъ надъ дѣйствительными рабами; крѣпостными крестьянами нашими?"[1] Общій выводъ автора состоитъ въ томъ, что „мы не созрѣли для чистыхъ наслажденій гражданской свободы", намъ „нечего думать объ *основныхъ законахъ* въ смыслѣ конституціи, опредѣляющихъ составъ государственнаго тѣла и мѣры его движенія".

Авторъ выражаетъ надежду, что когда „младенческій возрастъ" Россіи пройдетъ, „силы и разумъ окрѣпнутъ, то сами цари даруютъ ей *основные законы*"[2].

Но вожди тайнаго общества перестали надѣяться на дарованіе конституціи верховною властію и считали необходимымъ достигнуть политической свободы путемъ революціоннымъ.

М. А. Фонъ-Визинъ продолжалъ оставаться членомъ тайнаго общества и былъ имъ въ 1825 г. Въ сентябрѣ этого года къ нему въ подмосковную деревню пріѣзжалъ И. И. Пущинъ и разсказывалъ ему объ увеличеніи числа членовъ общества въ Петербургѣ, о чемъ онъ зналъ изъ писемъ Рылѣева. Извѣстно, что Якубовичъ стремился убить имп. Александра; Рылѣевъ удерживалъ его отъ этого и, Якубовичъ, наконецъ, обѣщалъ ему отложить исполненіе своего намѣренія, но не болѣе, какъ на годъ. Дума сѣвернаго общества въ Петербургѣ рѣшила потребовать совѣта въ этомъ дѣлѣ отъ его главнѣйшихъ членовъ. Никита Муравьевъ, ѣхавшій въ свою орловскую деревню осенью 1825 г., взялся переговорить съ московскими членами и посѣтилъ Пущина, Нарышкина, Семенова, Митькова; онъ вызвалъ также въ Москву въ самомъ началѣ ноября и Фонъ-Визина, который жилъ въ своей

---

[1] Упрекъ этотъ несправедливъ, такъ какъ одною изъ главныхъ задачъ тайнаго общества было уничтоженіе крѣпостного права.

[2] Въ постъ скриптумѣ составитель возраженіе дѣлаетъ еще замѣчанія по адресу разбираемой записки Д. И. Фонъ-Визина: „Авторъ ошибается въ главномъ: въ мнимомъ договорѣ между монархомъ и народомъ, котораго никогда и нигдѣ не было... Le premier Roi etait l'heureux soldat, говоритъ Вольтеръ. Вотъ тебѣ и договоръ!" Ср. указанное мѣсто записки Фонъ-Визина въ „Истор. Сборн." стр. 176 или въ „Историч. документ. изъ временъ царств. Александра I", Лейпцигъ, 1880 г. стр. 20.

деревнѣ подъ Клиномъ. Всѣ они на общемъ собранiи высказались за то, что слѣдуетъ удержать Якубовича отъ исполненiя его намѣренiя.

8-го декабря 1825 г. въ Москву прiѣхалъ другъ Фонъ-Визина, Якушкинъ, узнавшiй во время пути о смерти импер. Александра, и засталъ тамъ многихъ членовъ общества, которые собирались иногда или у Фонъ-Визина, или у Митькова. Якушкинъ нашелъ, что всѣ они „были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго. Нарышкинъ, недавно прiѣхавшiй съ юга, увѣрялъ, что тамъ все готово къ возстанiю и что южные члены имѣютъ за себя огромное число штыковъ. Митьковъ съ своей стороны также увѣрялъ, что петербургскiе члены могутъ въ случаѣ нужды разсчитывать на большую часть гвардейскихъ полковъ".

Въ ночь съ 15-го на 16-ое декабря Александръ Шереметевъ, членъ общества, сообщилъ Якушкину, что получены извѣстiя объ отреченiи цесаревича Константина Павловича и что на престолъ взойдетъ Николай Павловичъ. Онъ разсказалъ также, что Семеновъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ Пущина, въ которомъ тотъ сообщалъ, что они рѣшились сами не присягать и не допустить гвардейскiе полки до присяги; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ членамъ общества, находившимся въ Москвѣ, содѣйствовать петербургскимъ членамъ, на сколько это будетъ для нихъ возможно [1]. М. А. Фонъ-Визинъ не успѣлъ сообщить Якушкину эти важныя извѣстiя, потому что, вмѣстѣ со своимъ братомъ, былъ очень занятъ дворянскими выборами. Несмотря на позднее время, Якушкинъ съ Шереметевымъ поѣхалъ къ Фонъ-Ви-

[1] С. М. Семеновъ въ своемъ показанiи (послѣ очной ставки съ Фонъ-Визинымъ) призналъ, что Пущинъ писалъ ему 11 декабря и извѣщалъ его, что по слухамъ цесаревичъ отказывается отъ престола, но онъ съ 50 или 60 человѣками, „имѣя на своей сторонѣ тысячу или полторы гвардейскихъ солдатъ и надѣясь, что прочiе къ нимъ пристанутъ, намѣрены провозгласить императоромъ цесаревича Константина Павловича; но что плана, какъ сiе произвести, еще не сдѣлано и чѣмъ все сiе кончится онъ не знаетъ; что онъ и спитъ въ одеждѣ, чтобы по первому зову явиться на площадь, и когда получу сiе письмо, все уже будетъ кончено. Въ заключенiе онъ просилъ меня показать его письмо нашимъ сочленамъ. Я показывалъ" его „только г.-м. Фонъ-Визину и полковникамъ Нарышкину и Митькову.... Нарышкинъ выпросилъ у меня оное для прочтенiя г.-м. Орлову, какъ принимавшему участiе въ дѣлахъ общества и по своей скромности ему извѣстному".

зину, разбудилъ его и уговорилъ отправиться вмѣстѣ съ ними къ полковнику Митькову, который казался Якушкину человѣкомъ рѣшительнымъ. Тамъ стали обсуждать вопросъ, что можно сдѣлать въ Москвѣ. Якушкинъ предложилъ Фонъ-Визину ѣхать тотчасъ же домой, надѣть свой генеральскій мундиръ, затѣмъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять подъ какимъ бы то ни было предлогомъ квартирующія въ нихъ войска. Митькову Якушкинъ предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику Гурко (начальнику штаба 5-го корпуса), который былъ членомъ Союза Благоденствія и знакомъ съ Якушкинымъ еще во время службы въ Семеновскомъ полку. Якушкинъ надѣялся уговорить его дѣйствовать заодно съ ними, и тогда, при отрядѣ войскъ, выведенныхъ Фонъ-Визинымъ, онъ предполагалъ арестовать корпуснаго командира, гр. Толстого, и московскаго ген.-губернатора, кн. Голицына. Алекс. Шереметевъ, какъ адъютантъ Толстого, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Москвы, и приказать имъ именемъ корпусного командира идти въ Москву. Во время похода Шереметевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію, и можно было надѣяться, что, придя въ Москву, они присоединились бы къ уже возставшимъ отрядамъ. „Если бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось“, разсуждалъ Якушкинъ, „то мы своимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнимъ ихъ успѣхъ, въ случаѣ же неудачи въ Петербургѣ, мы своею попыткой заключимъ наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца относительно и тайнаго общества, и своихъ товарищей“. Бесѣда названныхъ членовъ общества затянулась до 4 часовъ утра (16 декабря), и собесѣдники Якушкина единогласно рѣшили, что не считаютъ себя въ правѣ вчетверомъ начать такое важное предпріятіе, и потому назначили на другой день [1] вечеромъ собраніе у Митькова, условившись пригласить на это совѣщаніе М. Ѳ. Орлова [2].

---

[1] Вѣроятно, на 18 декабря. Якушкинъ ошибочно говоритъ, что присяга была въ тотъ же день, когда пріѣхалъ гр. Комаровскій.

[2] Записки Якушкина, 97—99.

Утромъ 17-го декабря генералъ-губернаторъ получилъ рескриптъ имп. Николая о восшествіи его на престолъ, въ которомъ сообщались извѣстія о событіяхъ 14-го декабря и о судьбѣ гр. Милорадовича; объ этомъ тотчасъ же узнали въ дворянскомъ собраніи. Вечеромъ былъ полученъ манифестъ и прибылъ генералъ-адьютантъ гр. Комаровскій, чтобы присутствовать при чтеніи манифеста, послѣдней воли Александра I и хранившагося въ Успенскомъ соборѣ подлиннаго отреченія цесаревича Константина Павловича. Утромъ 18-го декабря московскіе сенаторы собрались для выслушанія манифеста имп. Николая, а затѣмъ всѣ военные и гражданскіе чины съѣхались въ Успенскій соборъ для присяги. Кремлевская площадь была покрыта громадною толпою народа. Архіепископъ Филаретъ, предшествуемый духовенствомъ, вынесъ изъ алтаря на головѣ серебряный ковчегъ, поставилъ его на столъ, приготовленный на амвонѣ предъ алтаремъ, произнесъ приличное случаю слово, затѣмъ раскрылъ ковчегъ и вынулъ изъ него пакетъ, содержавшій объявленіе послѣдней воли имп. Александра. Послѣ освидѣтельствованія печати московскимъ генералъ-губернаторомъ, кн. Голицынымъ, и гр. Комаровскимъ, архіепископъ прочелъ хранившіеся въ пакетѣ документы, а также манифестъ имп. Николая и затѣмъ сказалъ: „разрѣшаю и благословляю", послѣ чего было приступлено къ присягѣ [1].

Наканунѣ этого дня, вечеромъ 17-го декабря, Фонъ-Визинъ пріѣхалъ къ М. Ѳ. Орлову и показалъ ему письмо Пущина къ Семенову; прочтя его, Орловъ немедленно его сжегъ [2].

Фонъ-Визинъ просилъ Якушкина непремѣнно побывать у Орлова и привезти его вечеромъ къ Митькову. Пріѣхавъ

---

[1] *Шильдеръ*, „Имп. Николай I", т. I, 324—325.

[2] Въ своемъ показаніи и письмѣ къ имп. Николаю, Орловъ такъ передаетъ по памяти его содержаніе: „Когда вы получите сіе письмо, все будетъ рѣшено. Мы всякій день вмѣстѣ у Трубецкаго (или съ Трубецкимъ) и много работаемъ. Насъ здѣсь 60 членовъ. Мы увѣрены въ 1000 солдатахъ, коимъ внушено, что присяга, данная имп. Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. Случай удобенъ; ежели мы ничего не предпріимемъ, то заслуживаемъ во всей силѣ имя подлецовъ. Оплакивайте насъ. Покажите сіе письмо Мих. Орлову". Въ донесеніи слѣдственной коммиссіи было сказано, что оно было послано Пущинымъ Семенову чрезъ Американскую компанію, въ которой служилъ Рылѣевъ.

къ нему [1], Якушкинъ сказалъ: „Et bien, général, tout est fini?“— протянувъ руку, Орловъ съ увѣренностью отвѣчалъ: „Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin“ [2]. Якушкинъ сталъ уговаривать Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ его всѣ ожидали. Онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ сказался больнымъ, чтобы не присягать сегодня. А между тѣмъ Орловъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и Якушкинъ подумалъ, что онъ присягалъ. Тутъ Орлова позвали наверхъ къ графинѣ; онъ просилъ Якушкина непремѣнно дождаться его. Во время его отсутствія вошелъ высокій, толстый человѣкъ въ адъютантскомъ мундирѣ. Возвратившись, Орловъ познакомилъ его съ Якушкинымъ, и онъ оказался Мухановымъ. На вопросъ Орлова о происшествіяхъ 14-го декабря Мухановъ, коротко знакомый со многими изъ участвовавшихъ въ нихъ, разсказалъ подробно про каждаго изъ тѣхъ, кого зналъ, и, наконецъ, воскликнулъ: „ужасно лишиться такихъ товарищей! Во что бы то ни стало надо ихъ выручить! Надо ѣхать въ Петербургъ и убить его!“ Орловъ всталъ, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и поцѣловалъ въ лобъ. Якушкину не удалось убѣдить Орлова ѣхать въ Москву, но тотъ предложилъ отвезти туда Муханова. Предложеніе это очень удивило Якушкина, такъ какъ ни онъ самъ, ни Митьковъ не были знакомы съ Мухановымъ, но онъ такъ растерялся, что безъ всякихъ возраженій отправился къ Митькову на совѣщаніе вмѣстѣ съ Мухановымъ [3].

У Митькова собрались, кромѣ нихъ, М. А. Фонъ-Визинъ, полковникъ Нарышкинъ, С. М. Семеновъ и Нелединскій-Мелецкій. Якушкинъ объяснилъ, что Мухановъ можетъ сооб-

---

[1] Якушкинъ и Фонъ-Визинъ относятъ въ своихъ показаніяхъ это свиданіе ко дню, въ который былъ полученъ манифестъ, т. е. къ 18 декабря, Мухановъ—къ 19-му, а Орловъ—къ 19-му или 20 декабря. Такъ какъ Орловъ былъ арестованъ 21 декабря, то онъ могъ называть болѣе позднюю дату для избѣжанія обвиненія въ недонесеніи.

[2] М. Ѳ. Орловъ, узнавъ о событіяхъ 14-го декабря, сказалъ гр. Орловой, у которой жилъ, и своей женѣ: „Вы увидите, что тутъ замѣшаны кто-нибудь изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, и я отъ этого пострадаю“.

[3] Записки Якушкина, 101—103. Напротивъ, Мухановъ въ своемъ показаніи утверждалъ, что Якушкинъ самъ пригласилъ его; тоже призналъ и Якушкинъ, быть можетъ, чтобы ослабить участіе М. Ѳ. Орлова.

щить подробности о днѣ 14-го декабря. „Мухановъ“, разсказываетъ Якушкинъ, „почти никого не зналъ изъ присутствующихъ“, но сталъ сообщать все, ему извѣстное. Онъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ, Пущинымъ, Оболенскимъ, Ал. Бестужевымъ и многими другими петербургскими членами, принимавшими участіе въ возстаніи[1]. Онъ опять заключилъ свой разсказъ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы выручить изъ крѣпости товарищей и убить царя. Для этого онъ находилъ удобнымъ сдѣлать въ рукояткѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора. По свидѣтельству Якушкина, присутствовавшіе были такъ поражены этимъ предложеніемъ, что выслушали его молча, безъ возраженія. По показанію Нарышкина, Мухановъ, между прочимъ, сказалъ ему: „Вмѣсто того, чтобы терять время въ словахъ, надобно поспѣшить увѣдомить членовъ южнаго общества, чтобы они не обнаружили себя“. Нарышкинъ возразилъ, что, вѣроятно, уже приняты мѣры для пресѣченія сношеній и что члены южнаго общества, получивъ извѣстіе о происшествіи 14-го декабря, и сами ничего не предпримутъ.—„Вы не знаете“, отвѣчалъ Мухановъ, „тамъ есть люди рѣшительные, которые готовы все предпринять для ихъ спасенія“, и хотѣлъ посовѣтоваться съ Митьковымъ и Семеновымъ объ извѣщеніи членовъ южнаго общества.

20 декабря М. А. Фонъ-Визинъ принесъ присягу. На слѣдующій день М. Ѳ. Орловъ былъ арестованъ. Вскорѣ послѣ того былъ взятъ и Фонъ-Визинъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи Крюковѣ[2], онъ оставилъ жену беременною и двухлѣтняго сына. Наталья Дмитріевна при первой возможности отправилась въ Петербургъ, взявъ съ собою ребенка[3].

---

[1] Разсказывая о событіи 14-го декабря, Мухановъ между прочимъ сказалъ, что по извѣстному ему характеру новаго государя никому нельзя ожидать помилованія.

[2] Теперешняя станція Николаевской жел. дороги.

[3] Воспоминанія Францевой, „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 5, стр. 396—397; „Рус. Стар.“, 1885 г., № 11, стр. 285; статья Шенрока въ „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 111—112.

IV.

Заключеніе М. А. Фонъ-Визина въ крѣпости и слѣдствіе по дѣлу декабристовъ.— Его болѣзнь.— Приговоръ и отправленіе въ Сибирь.— Путешествіе туда Нат. Дмитріевны.—Жизнь въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ.

На первомъ допросѣ у ген.-адъютанта Левашова, 12-го января 1826 г., Фонъ-Визинъ призналъ свое участіе въ тайномъ обществѣ съ 1816 или 1817 г. и утверждалъ, что послѣ совѣщаній у него въ 1821 г. въ Москвѣ общество было уничтожено. Онъ призналъ также, что читалъ письмо, писанное Пущинымъ 11-го декабря къ Семенову, и что слышалъ отъ Никиты Муравьева о намѣреніи Якубовича покуситься на жизнь Александра I. Безъ сомнѣнія, Фонъ-Визина, какъ и другихъ членовъ тайнаго общества, приводили, послѣ допроса у Левашова, и къ самому императору Николаю [1]. Что произошло при этомъ—неизвѣстно, но только въ пятомъ часу пополудни 12-го января государь написалъ слѣдующій приказъ коменданту крѣпости, Сукину: „Присылаемаго г.-маіора Фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строго, и не давать видѣться ни съ кѣмъ.“

Изъ вопросовъ, задаваемыхъ Фонъ-Визину слѣдственною коммиссіею, онъ могъ убѣдиться, какъ хорошо она освѣдомлена о томъ, что происходило въ тайномъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, о совѣщаніи у него въ Москвѣ въ 1817 г. ему былъ заданъ слѣдующій вопросъ: „Въ 1817 г. въ Москвѣ, именно у васъ были совѣщанія о истребленіи покойнаго государя императора. Въ совѣщаніяхъ находились Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Никита, Александръ и Матвѣй Муравьевы и другіе. Вы съ прочими рѣшили истребить государя; Якушкинъ вызвался совершить злодѣяніе и получилъ на то общее согласіе ваше. Вскорѣ потомъ Сергѣй Муравьевъ на бумагѣ [2], доказавъ скудость средствъ вашихъ, убѣдилъ отложить сіе

[1] Въ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ сообщаетъ, что къ государю приводили обвиняемыхъ, завязавъ имъ руки назадъ веревками.

[2] Онъ не присутствовалъ въ засѣданіи и прислалъ письмо черезъ брата.

покушеніе до времени. Какія причины родили въ васъ сіе ужасное намѣреніе, кто раздѣлялъ оное сверхъ означенныхъ лицъ и какимъ образомъ Якушкинъ хотѣлъ совершить убійство?“ Фонъ-Визинъ призналъ, что, по прочтеніи письма, „кажется, отъ кн. Трубецкаго, которымъ онъ сообщалъ... объ уступкѣ будто бы царству Польскому нашихъ польскихъ губерній,.. всѣ рѣшились посягнуть на жизнь монарха“, но на другой день отказались отъ этого намѣренія. „Виновнѣе всѣхъ былъ я, какъ старшій по лѣтамъ.“ Онъ показалъ, что навѣрно не помнитъ, чтобы Якушкинъ вызывался убить государя, „но сіе могло случиться, ибо, кромѣ его тогдашней пылкости, мнѣ извѣстно, что онъ тогда имѣлъ горе, тяготился жизнью, желалъ умереть. Но ненависть ему была чужда“.

Относительно собранія у Митькова въ декабрѣ 1825 г. въ Москвѣ, по полученіи манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая, Фонъ-Визинъ 4-го марта 1826 года показалъ, что никакого предложенія о покушеніи на жизнь государя онъ отъ Муханова не слыхалъ, но заявилъ, что „Мухановъ, разсказывая о происшествіи 14-го декабря, говорилъ, что, по извѣстному ему характеру государя, нельзя ожидать никому помилованія.“ Затѣмъ, въ томъ же показаніи Фонъ-Визинъ прибавилъ: „Когда г. Мухановъ уѣхалъ отъ Митькова, и остались мы двое съ Якушкинымъ, то Митьковъ сказалъ мнѣ, что г. Мухановъ такъ экзальтированъ, что способенъ или готовъ убить государя, чтобы спасти виновниковъ 14-го декабря“. Фонъ-Визинъ старался смягчить значеніе словъ Муханова, представивъ ихъ не серьезнымъ намѣреніемъ, а просто похвальбою. Но Митьковъ совершенно отрицалъ показанія относительно него Фонъ-Визина.

М. А. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ веденіе дѣла слѣдственною комиссіею: „Составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ“, она „дѣйствовала... въ инквизиціонномъ духѣ. Обвиненные содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣд. комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали

ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по коридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены комиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая ему времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали даже въ очныхъ ставкахъ [1]. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ по невѣдѣнію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать, въ состояніи ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія. Послѣ того могли ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны... Изъ членовъ тайной слѣдственной комиссіи всѣхъ пристрастнѣе и недобросовѣстнѣе поступалъ кн. Чернышевъ, бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ: допрашивая подсудимыхъ, онъ приходилъ въ яростное изступленіе, осыпалъ ихъ самыми пошлыми ругательствами".

Правда, нѣтъ указанія на то, чтобы къ Фонъ-Визину примѣнялись такія мѣры, какъ къ его сочлену по обществу, С. М. Семенову, который за неоткровенность въ показаніяхъ содержался двѣ недѣли въ ручныхъ оковахъ на хлѣбѣ и водѣ. Однако, мы видѣли, что государь приказалъ содержать Фонъ-Визина „строго" и притомъ не давать ему свиданій, а это,

[1] Быть можетъ, Фонъ-Визинъ намекаетъ тутъ на то, что свое показаніе 4-го марта 1826 г. онъ окончилъ слѣдующими словами: „Всепокорнѣйше прошу комитетъ дать мнѣ очную ставку съ моимъ обвинителемъ, и я увѣренъ, что правда моя окажется совершенно". Однако, просьба Фонъ-Визина исполнена не была.

при его горячей любви къ женѣ, было для него страшнымъ лишеніемъ. Въ слѣдственной комиссіи письменныя показанія подсудимыхъ проходили чрезъ руки или Бенкендорфа, о которомъ Фонъ-Визинъ отзывается болѣе благопріятно, или Чернышева, а дѣло Фонъ-Визина велъ именно Чернышевъ, который, конечно, могъ и относительно него прибѣгать къ самому грубому обращенію на допросахъ.

Какъ бы то ни было, заключеніе въ крѣпости тяжело отозвалось на состояніи здоровья Фонъ-Визина. Такъ, напримѣръ, въ своемъ показаніи 28-го февраля 1826 г. онъ упоминаетъ, что одинъ изъ предшествующихъ его отвѣтовъ былъ написанъ „въ самомъ болѣзненномъ состояніи и въ сильномъ жару“, причемъ онъ ссылался на крѣпостного доктора. По словамъ декабриста Розена, „М. А. Фонъ-Визинъ, сколько ни старался, но не могъ перенести затворничества; хотя духомъ онъ бодрствовалъ, но нервы не сносили такого состоянія, и наконецъ приказано было, чтобы не запирали его дверей ни задвижкою, ни замками, а чтобы часовой стоялъ въ его нумерѣ“ [1].

Сохранились нѣкоторыя замѣтки Фонъ-Визина за время пребыванія его въ крѣпости, относящіяся къ марту, апрѣлю и маю мѣсяцамъ 1826 г. Изъ нихъ видно, что здѣсь имъ овладѣло сильное религіозное настроеніе (онъ вообще былъ человѣкъ религіозный и каждый годъ бывалъ на исповѣди); усиленію религіозности могли содѣйствовать и постигшее его несчастіе и письма жены, которыя въ половинѣ марта уже доходили до него; Мих. Ал. также могъ писать женѣ (начиная съ конца февраля) два раза въ недѣлю [2]. 17-го марта

[1] „Записки декабриста“, Лейпц., 1870 г., стр. 134. Докторъ Элькань подалъ 28-го марта рапортъ, что г.-м. Фонъ-Визинъ „одержимъ сильной лихорадкой и душевнымъ разстройствомъ, котораго по сырости казематовъ и неудобности въ нихъ для леченія, пользованіе продолжать съ успѣхомъ невозможно“.

[2] 24-го февр. 1826 г. коменданту крѣпости, на основаніи высочайше утвержденнаго доклада комитета, производившаго слѣдствіе, былъ доставленъ списокъ арестантовъ съ отмѣтками, кому дозволяется имѣть переписку съ родными и кому это не разрѣшено, причемъ пользующіеся этимъ правомъ могли писать не болѣе одного раза въ двѣ недѣли съ тѣмъ, „чтобы въ перепискѣ ихъ не заключалось никакихъ излишнихъ разсужденій“. Письма должно было доставлять въ комитетъ „для надлежащаго разсмотрѣнія и отправленія по принадлежности“; по семейнымъ же дѣламъ, касающимся „до имѣній или денежнаго интереса“ всѣмъ арестантамъ было дозволено писать прямо черезъ коменданта.

1826 г. онъ писалъ въ своихъ замѣткахъ: „Письма моего милаго сердечнаго друга—для сердца моего драгоцѣнный памятникъ ея нѣжной любви ко мнѣ“... На слѣдующій день онъ отмѣчаетъ, что у него былъ докторъ: „этотъ добрый человѣкъ имѣетъ даръ всегда разговорить меня и успокоить“. Въ тотъ же день М. А. Фонъ-Визина навѣстилъ и священникъ Казанскаго собора, Мысловскій, сообщившій ему утѣшительную вѣсть о душевномъ спокойствіи его брата, Ивана Ал., который также былъ арестованъ и въ это время еще содержался въ крѣпости [1]. Ив. Ал. былъ также боленъ, но уже поправился. Мих. Ал. хотѣлъ исповѣдаться и причаститься, но этого ему не разрѣшили [2]. 26-го марта Мих. Ал. записалъ въ своихъ замѣткахъ: „съ 19-го марта, всѣ дни валяюсь, какъ пластъ, отъ лихорадки—какъ тѣлесной, такъ иногда и душевной“, причемъ выражалъ увѣренность, что его могутъ вылѣчить только письма жены, докторъ же едва-ли поможетъ.

Наконецъ, послѣ почти четырехмѣсячной разлуки, 25-го апрѣля, онъ свидѣлся съ женою [3] и сразу „ожилъ душою“, несмотря на то, что радость свиданія ослаблялась присутствіемъ посторонняго человѣка. Чрезъ 6 дней состоялось новое свиданіе. 6-го мая Фонъ-Визина выводили гулять по берегу Невы, и онъ издали увидѣлъ яликъ съ двумя дамами, изъ которыхъ одна была его жена, а другая жена Якушкина: у служителей крѣпости имъ удалось за деньги узнать, въ какой часъ заключенныхъ выводятъ гулять вдоль крѣпости, и онѣ стали ежедневно ѣздить на яликѣ въ это время. Недѣли черезъ три Фонъ-Визину вновь удалось видѣть жену во время прогулки, но она показалась ему худою и блѣдною, и онъ видѣлъ, что она плакала. Потомъ они устроили такъ, что имъ стали передавать записочки и приносить отвѣты на разныхъ грязныхъ бумажкахъ или табачныхъ бандероляхъ [4].

---

[1] Онъ былъ посаженъ 20-го января 1826 г. Государь приказалъ: отстав. подполковника Фонъ-Визина „посадить и содержать строго по усмотрѣнію“.

[2] Исполненія своего желанія Фонъ-Визину удалось добиться позднѣе, въ маѣ мѣсяцѣ. Въ Благовѣщеніе онъ далъ обѣтъ послѣ возвращенія въ семью послать 500 р. на тюрьмы и столько же на бѣдныхъ въ распоряженіе жены.

[3] 10-го апрѣля ему было доставлено письмо съ портретомъ, вѣроятно жены.

[4] „Рус. Старина“, 1885 г., № 11, стр. 305—308; „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 5, стр. 397.

Однажды въ караулѣ въ крѣпости были солдаты того полка, которымъ Фонъ-Визинъ прежде командовалъ и гдѣ, какъ мы знаемъ, онъ былъ чрезвычайно любимъ. Во время прогулки по берегу Невы подъ конвоемъ этихъ солдатъ онѣ убѣждали его воспользоваться свободою и бѣжать. Глубоко тронутый и пораженный такою преданностью, Мих. Ал. не рѣшился, однако, ради своего освобожденія подвергнуть тяжелому наказанію солдатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшить положеніе своихъ товарищей, которыхъ, послѣ его побѣга, конечно, подчинили бы болѣе строгому надзору [1].

Ив. А. Фонъ-Физинъ отдѣлался сравнительно легко: онъ просидѣлъ въ крѣпости два мѣсяца, и затѣмъ государь, 26-го марта, повелѣлъ выпустить его, отдавъ подъ надзоръ полиціи [2]. Напротивъ, М. А. Фонъ-Визина верховный уголовный судъ призналъ виновнымъ въ томъ, что онъ „умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 г. изъявленнымъ, хотя впослѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго", и „участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ". Судъ отнесъ его къ четвертому рязряду и осудилъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе [3]. Между тѣмъ, Фонъ-Визинъ такъ далеко стоялъ отъ главныхъ дѣятелей сѣвернаго общества въ послѣдніе годы, что кн. Трубецкой крайне удивился, увидѣвъ его среди обвиненныхъ въ день публичнаго объявленія приговора [4]. 22-го августа 1826 г. срокъ каторжныхъ работъ былъ пониженъ Фонъ-Визину до 8-ми лѣтъ [5].

Приговоръ былъ объявленъ публично 13-го іюля 1826 г., но еще долго Фонъ-Визину пришлось дожидаться отправле-

---

[1] „Рус. Стар.", 1885 г., № 11, стр. 285—286. Одинъ унтеръ-офицеръ предлагалъ Н. М. Муравьеву и Басаргину бѣжать вмѣстѣ съ нимъ на иностранномъ кораблѣ въ Англію, если есть для этого порядочная сумма; „XIX вѣкъ", изд. Бартенева, т. I, 112—114.

[2] А. Н. Голицынъ писалъ коменданту крѣпости 4-го іюля, что г.-м. Фонъ-Визину разрѣшена переписка съ братомъ. Ив. Ал. просилъ, чтобы священникъ Мысловскій почаще ходилъ къ его брату, „и Государь", продолжаетъ Голицынъ, „мнѣ поручилъ вамъ сіе написать, чтобы онъ поприлежнѣе его навѣщалъ, ибо ему нужно".

[3] *Шильдеръ*, „Имп. Николай I", т. I, 695, 701.

[4] Записки кн. Трубецкаго, 76.

[5] *Дмитріевъ-Мамоновъ*, „Декабристы въ Западной Сибири", Москва, 1895 г. стр. 193.

нія въ Сибирь: это совершилось около 20-го января 1827 г. Онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ членами южнаго общества, Басаргинымъ и докторомъ Вольфомъ, и членомъ общества Соединенныхъ Славянъ, Фроловымъ. На первой станціи подъ Петербургомъ Фонъ-Визина ждала жена. Когда фельдъегерь вышелъ распорядиться лошадьми, смотритель сдѣлалъ знакъ Фонъ-Визину; тотъ вышелъ въ сѣни и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ могъ проститься съ Нат. Дм. Онъ былъ хорошо снабженъ для дальняго путешествія: на немъ была медвѣжья шуба и для ногъ теплое одѣяло. Это помогло спасаться отъ холода сидѣвшему съ нимъ въ одной повозкѣ Басаргину, который былъ одѣтъ въ легенькій тулупъ. Отъ жены Фонъ-Визинъ узналъ, что ихъ везутъ въ Иркутскъ; она передала ему 1000 рублей. Это было большимъ счастьемъ и для Басаргина, которому плацъ-адъютантъ, вмѣсто всѣхъ оставшихся у него денегъ, сунулъ въ руку бумажку съ завернутыми въ ней 10 гривенниками. Въ Шлиссельбургѣ, на станціи, какая-то помѣщица, ѣхавшая въ Петербургъ съ двумя дочерьми, предлагала Басаргину деньги, бѣлье, платье. Въ Тихвинѣ нѣкоторые изъ простого народа и купцовъ также предлагали помощь и свои услуги. Въ Ярославлѣ декабристы остановились въ гостиницѣ, гдѣ съ ними простились, горько плача, теща и жена И. Д. Якушкина, 18-лѣтняя молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Изъ Ярославля Фонъ-Визина везли чрезъ Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбургъ и Тобольскъ. Фельдъегерь, замѣтивъ, что оковы мѣшаютъ спать тѣмъ, кого онъ сопровождалъ, позволилъ на ночь снимать ихъ. Жандармы прислуживали государственнымъ преступникамъ. Фельдъегерь сказалъ имъ, что ему велѣно обходиться съ ними вѣжливо и, не выходя изъ границъ данной ему инструкціи, оказывать всякое снисхожденіе.

Губернаторомъ въ Тобольскѣ былъ родственникъ жены Фонъ-Визина, Бантышъ-Каменскій, и, можетъ быть, благодаря этому, Мих. Ал. и его товарищей помѣстили въ домѣ полицеймейстера, который всячески угощалъ и покоилъ ихъ, и дали имъ возможность отдохнуть трое сутокъ. Здѣсь Фонъ-Визинъ купилъ повозку, такъ что они могли не перекладываться на каждой станціи, и запасся еще теплымъ одѣяломъ, которое защитило Ба-

саргина отъ сибирскихъ морозовъ. Они простились здѣсь со своимъ фельдъегеремъ и отправились въ сопровожденіи тобольскаго частнаго пристава, но съ прежними жандармами въ Иркутскъ. По дорогѣ они вездѣ встрѣчали теплое участіе какъ въ народѣ, который бросалъ имъ въ повозку мѣдныя деньги, такъ и въ должностныхъ лицахъ. Въ Каинскѣ городничій угощалъ ихъ винами и всякими припасами и часть ихъ заставилъ взять съ собою; предлагалъ имъ даже значительную пачку ассигнацій. Въ Красноярскѣ губернаторъ Степановъ [1] угощалъ Фонъ-Визина и его товарищей съ большимъ радушіемъ. Въ Иркутскѣ ихъ помѣстили въ острогѣ, въ большой, но очень неопрятной комнатѣ; здѣсь ихъ посѣтилъ ген.-губернаторъ Восточной Сибири, Лавинскій, и ласково обошелся съ ними. Они прожили въ Иркутскѣ около недѣли и затѣмъ ихъ отправили съ казацкимъ сотникомъ и 4 казаками въ Читу, гдѣ уже находились нѣкоторые декабристы и куда къ концу апрѣля ихъ съѣхалось болѣе 70 человѣкъ [2].

Въ читинскомъ острогѣ М. А. Фонъ-Визинъ помѣщался въ одной комнатѣ съ Лореромъ, Нарышкинымъ, Одоевскимъ, братьями Бѣляевыми и членомъ общества Соединенныхъ Славянъ, Шимковымъ [3]. Въ декабрѣ 1827 г. въ Читу привезли и Якушкина. Плацъ-адъютантъ потихоньку далъ друзьямъ возможность свидѣться. Якушкинъ нашелъ, что его пріятель очень похудѣлъ: Фонъ-Визина крайне безпокоили оковы, такъ какъ онъ былъ раненъ въ ногу во время кампаніи 1813 г. [4].

Какъ только Н. Д. Фонъ-Визина узнала, что мужа ея отправляютъ на каторгу, она рѣшилась раздѣлить его участь [5]. Но когда Мих. Ал. еще сидѣлъ въ крѣпости, у нея родился

---

[1] Это былъ А. П. Степановъ († 1837 г.), авторъ извѣстнаго въ свое время романа „Постоялый дворъ“. Его сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ: 1. Енисейская губ. 1835, 2 ч. и 2. Повѣсти и путешествіе на Маймачинъ, 2 т., 1838 г. Онъ былъ губернаторомъ въ Красноярскѣ въ 1822—1832 гг.; „Рус. Стар.“ 1888 г., т. 58 стр. 699—700. См. о Степановѣ статью Дружинина въ „Библ. для Чтенія“ 1857 г., №№ 7 и 8.

[2] Записки Басаргина, „XIX вѣкъ“, изд. Бартенева, т. I, 115—127.

[3] Воспоминанія Бѣляева, „Рус. Стар.“ 1881 г., № 4, стр. 804. О жизни декабристовъ въ Читѣ ср. „Изъ записокъ декабриста Лорера“, „Рус. Бог.“ 1904 г., № 6, стр. 70—79, № 7, стр. 29—33.

[4] „Изъ записокъ декабриста Якушкина“, „Рус. Арх.“ 1870 г., стр. 1589.

[5] Разрѣшеніе слѣдовать за мужемъ было дано ей еще 18 іюля 1826 г.

второй сынъ, и она долго не могла поправиться послѣ родовъ. Послѣ отправленія М. А. въ Сибирь, она не имѣла о мужѣ никакого извѣстія, не знала даже, живъ ли онъ. Родители возставали противъ ея рѣшенія ѣхать къ Мих. Ал., но принуждены были уступить предъ ея твердою волею. Двухъ маленькихъ сыновей Натальѣ Дмитріевнѣ, какъ и другимъ женамъ декабристовъ, не разрѣшили взять съ собою, и она, оставивъ ихъ на рукахъ матери, отправилась въ далекій путь съ дѣвушкою и фельдъегеремъ на козлахъ [1].

Въ Тобольскѣ, гдѣ губернаторомъ былъ дядя Фонъ-Визиной, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, авторъ извѣстнаго „Словаря достопамятныхъ людей русской земли", она провела 6 дней. Для сопровожденія ея до Иркутска губернаторъ командировалъ чиновника Попова, а сибирскій почтъ-директоръ, по просьбѣ губернатора, отправилъ съ нею почталіонскаго унтеръ-офицера, приказавъ ему, если Фонъ-Визина поручитъ ему какія-либо письма, представить ихъ своему главному начальнику (т. е. почтъ-директору). Такимъ образомъ было перехвачено обширное письмо Нат. Дм. къ И. А. Фонъ-Визину, написанное въ Иркутскѣ 29-го февраля—2-го марта 1828 г.

Для пониманія этого письма слѣдуетъ припомнить, что въ высочайше одобренномъ предписаніи иркутскаго генер.-губернатора Лавинскаго отъ 1 сентября 1826 г., иркутскому гражданскому губернатору было велѣно всѣ имѣющіяся у женъ декабристовъ деньги, драгоцѣнныя вещи, серебро и прочее описать въ ихъ присутствіи (съ тѣмъ, чтобы опись была утверждена подписью владѣлицы имущества), отобрать и, опечатавъ, отдать на храненіе въ иркутское губернское казначейство. Все это должна была исполнять особая комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ одного или двухъ членовъ Главнаго Управленія Восточной Сибири и губернскаго прокурора. Прогоны на дальнѣйшую дорогу предписано было выдать изъ собственныхъ денегъ женъ декабристовъ. Изъ прибыв-

[1] „Воспоминанія Францевой", „Ист. Вѣстн.", 1888 г., № 5, стр. 397 398. Изъ письма Нат. Дм. И. А. Фонъ-Визину изъ Иркутска видно, что съ нею былъ еще какой то человѣкъ Абрамъ.

шихъ съ ними крѣпостныхъ людей предписано было дозволить слѣдовать за каждою только по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, которые добровольно на это согласятся, остальнымъ же предоставить возвратиться въ Россію [1].

„Сегодня по утру“, писала Н. Д. 29-го февраля, „былъ у меня городничій, потребовалъ документы мои, спросилъ..., извѣстны ли мнѣ правила; я ему отдала ихъ; велѣлъ разложить всѣ вещи. Завтра, думаю, будутъ ихъ осматривать... Знаете ли, милый мой, какъ насъ здѣсь притѣсняютъ, грабятъ и насильно берутъ все, что имъ понравится... Какъ притѣсняютъ несчастныхъ провожающихъ насъ людей безжалостно. Мнѣ невозможно быть тамъ безъ человѣка... У всѣхъ тамошнихъ барынь“ (т. е. женъ декабристовъ) „люди свои“. Далѣе Н. Д. сообщаетъ, что рѣшилась нанять и взять съ собою работника въ Иркутскѣ, а если будетъ имъ недовольна, просила доставить въ Иркутскъ какого то Александра Шереметева, если онъ согласится ѣхать. „Сегодня, т. е. 2-го марта, губ. сказалъ мнѣ“, продолжаетъ Нат. Дм. „что мнѣ можно еще имѣть человѣка изъ Россіи... Вчера тщетно прождала я губернатора, да и долго, говорятъ, буду дожидаться, если не подарю что-нибудь, а мнѣ дарить нечего. Ради Бога... пришлите мнѣ что-нибудь просто по почтѣ. Только не золотую вещь, а напримѣръ: сукна на платье самаго лучшаго, или вродѣ этого что-нибудь, а то онъ, говорятъ, и на счетъ переписки и всего будетъ притѣснять ужасно, а вы писать къ нему можете такъ, чтобы онъ понялъ, что это для него... Скажу вамъ еще новость, что въ прямомъ смыслѣ мы не теряемъ званія... Цейдлеръ“ (иркутскій губернаторъ) „на адресахъ надписываетъ: княгинѣ и т. д. Хотятъ только, чтобы это было подъ сомнѣніемъ [2]. Когда я отправлюсь туда, съ меня возьмутъ под-

---

[1] *П. Щеголевъ*, „О Русскихъ женщинахъ“ Некрасова въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ“, сборн. „Къ свѣту“, 1904 г., стр. 506—509.

[2] Мѣстному начальству велѣно было внушать женамъ декабристовъ, что „слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ естественно сдѣлаются причастными къ ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т. е. будутъ уже признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне“; *Щеголевъ*, стр. 506 507, ср. 527—528.

писку, что я принимаю эти правила и не могу возвратиться; деньги отберутъ, и казакъ будетъ платить прогоны; у него просто бланкетъ на столько то лошадей, а поступаютъ.., какъ съ арестантами, не лишенными званія... Вообразите..., что я здѣсь принуждена обманывать и красть у себя табакъ курительный, а то берутъ всѣ они такъ нагло безъ спроса, что половины не останется.

„5 часовъ вечера. Наконецъ... все кончено, сегодня въ 11 часовъ утра былъ смотръ... Я вамъ уже писала, что меня провожалъ чиновникъ изъ Тобольска по особымъ порученіямъ, чего съ прочими никогда не бывало. Такъ какъ у всѣхъ здѣшнихъ совѣсть не очень чиста и были уже на нихъ жалобы въ Россіи, то имъ тотчасъ представилось, что этотъ чиновникъ присланъ за ними присматривать, что можетъ быть и справедливо... Явился губернаторъ со всѣмъ синклитомъ своимъ, которые, при видѣ Попова, оцѣпенѣли всѣ и стояли, какъ вкопанные у дверей, не смѣя прикасаться даже къ вещамъ... Губернаторъ былъ со мною отмѣнно вѣжливъ, оставилъ мнѣ часть денегъ, что съ прочими ни съ кѣмъ не дѣлалъ, къ вещамъ даже не подходилъ, только что просилъ меня подписать реестръ, что болѣе въ немъ означеннаго при мнѣ не находится... Онъ даже всѣ деньги оставилъ мнѣ. Другія всѣ болѣе, но уже не менѣе, 12 дней проживали здѣсь и никто легко не отдѣлывался". Далѣе Нат. Дм. жалуется на дороговизну припасовъ: свѣчей, кофе, сахару; послѣдній стоилъ по 60 руб. за пудъ... „Губ. очень ловко намекнулъ мнѣ, что если его будутъ дарить, то и вещи будутъ доходить; въ примѣръ поставилъ Мур.(авьевыхъ); вретъ онъ, его скоро смѣнятъ".

Письмо это было вложено въ пакетъ на имя Ек. Ник. Бантышъ-Каменской, и Фонъ-Визина просила отправленнаго съ нею почталіонскаго унтеръ-офицера доставить его по назначенію, а Бантышъ-Каменскую умоляла передать это письмо И. А. Фонъ-Визину, не довѣряя его никому и оставивъ его у себя до возвращенія въ Москву. Но унтеръ-офицеръ представилъ пакетъ сибирскому почтъ-директору, который вынулъ письмо Нат. Дм. къ И. А. Фонъ-Визину и препроводилъ его къ А. Н. Голицыну, а послѣдній переслалъ его къ

гр. Бенкендорфу. Такъ какъ, по высочайшему повелѣнію 7-го октября 1827 г., письма женъ, невѣстъ и служителей государственныхъ преступниковъ должны были пересылаться въ III отдѣленіе, то Бантышъ-Каменскій еще ранѣе счелъ себя обязаннымъ представить гр. Бенкендорфу письма, полученныя отъ Фонъ-Физиной изъ Красноярска: одно на его имя, а другое на имя его сестры. Имъ были пересланы шефу жандармовъ и тѣ письма Фонъ-Визиной, которыя были переданы ему почтъ-директоромъ, въ томъ числѣ и письмо къ его сестрѣ, въ которомъ была просьба о доставленіи И. А. Фонъ-Визину уже вынутаго сибирскимъ почтъ-директоромъ и дошедшаго до Бенкендорфа чрезъ А. Н. Голицына [1].

Мих. Ал. съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда жены, отъ которой часто получалъ письма. Она пріѣхала въ Читу въ половинѣ марта 1828 г. Кн. М. Н. Волконская говоритъ о ней въ своихъ „Запискахъ“: Фонъ-Визена (sic) [2] пріѣхала вскорѣ послѣ того, какъ мы устроились. У нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее съ выпуклыми глазами; она была маленькая, полненькая, при этомъ очень болѣзненна; ея безсонницы сопровожались видѣніями; она кричала по ночамъ такъ, что слышно было на улицѣ. Все это у нея прошло, когда она переѣхала на поселеніе, но у нея осталась манія, уставивъ на васъ глаза, предсказывать вамъ вашу будущность, однако, и эта странность у нея потомъ прошла“ [3]. Подруги Н. Д. по жизни въ Сибири не раздѣляли ея религіознаго экстаза, и она научилась скрывать его. „Я никогда не говорила съ дамами высшаго круга о религіи“, заявляетъ она сама [4]. Въ Читѣ Нат. Дм. подверглась,

---

[1] Арх. Департ. Полиціи. Дѣло III Отд. Соб. Е. Вел. Канц. № 61, ч. 74.

[2] Такъ писали нѣкоторые, и между прочимъ Н. И. Тургеневъ, фамилію М. А. Фонъ-Визина.

[3] „Записки кн. М. Н. Волконской“, 1904 г., стр. 72—74; „Записки декабриста“ (Розена), стр. 234. Лореръ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Н. Д. Фонъ-Визинъ... одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего времени. Въ ея голубыхъ глазахъ отсвѣчивалось столько духовной жизни, что человѣкъ съ нечистою совѣстью не могъ смотрѣть прямо въ эти глаза“; „Рус. Бог.“ 1904 г., № 6, стр. 74.

[4] Ст. Шенрока въ „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 114.

по словамъ декабриста Бѣляева, „страшной нервной болѣзни“ [1]. Съ мужемъ, какъ и другія жены декабристовъ, она могла видѣться два раза въ недѣлю въ казематахъ, въ присутствіи офицера [2]; но затѣмъ были разрѣшены свиданія на дому. 1-го августа 1829 г. фельдъегерь привезъ повелѣніе снять съ заключенныхъ кандалы [3].

Лѣтомъ 1830 г. декабристы были переведены изъ Читы въ Петровскій заводъ. Имѣвшимъ раны, въ томъ числѣ и Фонъ-Визину, позволено было не идти пѣшкомъ, а ѣхать на подводѣ [4]. Жена его ѣхала слѣдомъ за партіею въ собственномъ экипажѣ; она, кн. Волконская и Нарышкина, также неимѣвшія дѣтей, проводили все время дневокъ съ мужьями, видались съ ними и на ночевкахъ [5]. Во время этого перехода декабристы имѣли нѣкоторыя сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Русское населеніе Забайкалья, такъ называемые „семейскіе“, радушно встрѣчали декабристовъ. Въ концѣ путешествія Фонъ-Визинъ сообщилъ товарищамъ прочитанное имъ въ газетахъ извѣстіе объ іюльской революціи и отреченіи Карла X. Это всѣхъ обрадовало и оживило, такъ какъ принято было за хорошее предзнаменованіе для новоселья. Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу. Всю ночь среди декабристовъ раздавались пѣсни и крики „ура“; часовые недоумѣвали, какъ могли они пѣть, приближаясь къ каземату [6].

По прибытіи декабристовъ въ Петровскій заводъ комендантъ объявилъ дамамъ, что мужей ихъ не будутъ отпускать къ нимъ на свиданія, но сами онѣ могутъ жить съ ними въ казематахъ. Вслѣдствіе этого неимѣвшія дѣтей: Фонъ-Визина, кн. Волконская, Юшневская, Нарышкина и

---

[1] „Рус. Стар.“, 1881 г., № 4, стр. 810. Князь И. Одоевскій писалъ въ 1831 г. Бенкендорфу, что его племянница Фонъ-Визина, разлучившись „съ рѣдкой матерью и дѣтьми, коихъ для мужа оставила въ Москвѣ, ... въ прошломъ году лишена была разсудка; это немудрено для женщины слабаго здоровья, чувствительной и воспитанной“.

[2] „Записки Басаргина“, „XIX вѣкъ“, изд. Бартенева, т. I, 127.

[3] „Записки кн. Волконской“, стр. 76—84.

[4] „Записки декабриста“ (Розена), 239.

[5] „Изъ зап. декабр. Якушкина“, „Рус. Арх.“, 1870 г., 1611.

[6] „Записки кн. Волконской“, стр. 92; *С. Максимовъ*, „Сибирь и каторга“, 1871 г., т. III, 214—215.

бар. Розенъ перешли на житье въ нумера къ своимъ мужьямъ; прочія же, у которыхъ были дѣти, — кн. Трубецкая, Муравьева, Анненкова и Давыдова, ночевали дома, а днемъ приходили навѣщать своихъ мужей. „Такъ какъ строго запрещалось пропускать къ нимъ кого-нибудь изъ постороннихъ, то дамы, жившія въ казематахъ, не имѣли при себѣ женской прислуги, и всякое утро, какая бы ни была погода, отправлялись въ свои дома, чтобы привести все нужное въ порядокъ. Больно было видѣть ихъ, когда онѣ въ непогодь или трескучіе морозы отправлялись домой или возвращались въ казематы. Трубецкіе, Нарышкины, Фонъ-Визины и Розены жили въ одномъ отдѣленіи каземата. Такъ какъ въ тюрьмѣ первое время было очень темно, то Трубецкой часто говаривалъ: „на что намъ окна, когда у насъ четыре солнца!“ [1]. Нервная болѣзнь Нат. Дм. продолжалась и въ Петровскомъ заводѣ, и она страдала потомъ отъ нея еще цѣлые годы. У нея бывали какіе то нервные припадки въ родѣ сильнѣйшихъ порывовъ непобѣдимаго страха [2]. Декабристы въ Петровскомъ заводѣ составили одну артель. Нѣкоторые женатые, не пользуясь ничѣмъ отъ артели, оказывали ей значительную помощь: такъ Фонъ-Визинъ, Нарышкинъ, Ивашевъ и Волконскій вносили каждый до 1000 р. ежегодно, Муравьевъ и Трубецкой жертвовали отъ двухъ до трехъ тысячъ (асс.) [3]. Фонъ-Визинъ по прежнему пользовался большимъ уваженіемъ среди товарищей: Розенъ называетъ его „благороднѣйшимъ человѣкомъ“.

V.

Жизнь въ Енисейскѣ, Красноярскѣ и Тобольскѣ. — Литературные труды М. А. Фонъ-Визина и его міросозерцаніе.

Въ концѣ 1832 г. всѣмъ декабристамъ убавили по нѣскольку лѣтъ каторжной работы, и вслѣдствіе этого четвер-

---

[1] „Изъ зап. дек. Якушкина“, „Рус. Арх.“, 1870 г., стр. 1616—1617; „Зап. декабр.“ (Розена), 253, 258.

[2] „Воспоминанія Францевой“, „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 5, стр. 400; ст. Шенрока, „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 117.

[3] „Воспоминанія Фролова“, „Рус. Стар.“, 1882 г., № 6. стр. 706.

тому разряду, т. е. тѣмъ, кому еще въ 1826 г. продолжительность каторги была понижена до 8 лѣтъ, окончился срокъ. Въ 1834 г. Фонъ-Визинъ былъ выпущенъ на поселеніе [1], мѣстомъ котораго генералъ-губернаторъ Восточной Сибири назначилъ Нерчинскъ, но государь приказалъ поселить его далѣе на сѣверъ, и онъ былъ отправленъ въ Енисейскъ. Мать Фонъ-Визиной, М. П. Апухтина, и ея мужъ ходатайствовали о поселеніи Фонъ-Визиныхъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ, а именно въ Омскѣ или Тюмени, но Бенкендорфъ нашелъ это невозможнымъ, такъ какъ въ этихъ городахъ, стоящихъ на большомъ сибирскомъ трактѣ, не поселенъ никто изъ государственныхъ преступниковъ. 2-го октября 1833 г. Нат. Дм. послала Бенкендорфу письмо съ просьбою дозволить имъ поселиться въ Тобольской губ., ссылаясь на совершенное разстройство своего здоровья, вслѣдствіе двукратнаго выкидыша и слабости послѣдняго ребенка, рожденнаго въ Сибири, но письмо это было оставлено безъ вниманія [2].

Фонъ-Визины жили въ Енисейскѣ уединенно, хотя въ средствахъ не нуждались. Они занимали прекрасный каменный домъ съ садомъ; обстановка у нихъ была весьма приличная. Нат. Дм. была большая любительница цвѣтовъ: небольшой садикъ ея былъ настоящею оранжереею, наполненною рѣдкими растеніями, и она иногда по цѣлымъ днямъ возилась въ немъ. Въ 1833 г. у Фонъ-Визиныхъ родился сынъ, вскорѣ умершій. Мих. Ал. вообще очень любилъ дѣтей и, не имѣя своихъ, очень привязался къ 5—6 лѣтней дочери енисейскаго исправника Францева. Непосредственнымъ начальникомъ Фонъ-Визина былъ нѣкто Т—въ, человѣкъ неразвитой, грубый и высокомѣрный. Грубое обращеніе съ государственнымъ преступникомъ продолжалось до пріѣзда губернатора, который тотчасъ посѣтилъ Фонъ-Визина и узналъ отъ него о томъ, какъ относится къ нему мѣстное началь-

---

[1] „Записки Басаргина", „XIX вѣкъ", изд. Бартенева, I, 170.

[2] Г-жа Францева говоритъ о Фонъ-Визиныхъ, что „своихъ живыхъ дѣтей у нихъ въ Сибири не было; всѣ родившіяся тамъ дѣти тамъ же маленькими и умирали"; „Рус. Стар.", 1885 г., т. 48, стр. 288.

ство. Губернаторъ пригласилъ къ себѣ Мих. Ал. на офиціальный обѣдъ, посадилъ его подлѣ себя и большею частью съ нимъ разговаривалъ. Послѣ отъѣзда губернатора Т—въ совершенно измѣнилъ обращеніе съ Фонъ-Визинымъ и, чтобы выказать ему свое расположеніе, сталъ зазывать его на свои пьяныя пирушки и силой напаивать его. Мих. Ал. пересталъ у него бывать, но начальникъ не унимался: однажды, зазвавъ его къ себѣ, онъ велѣлъ запереть ворота и не выпустилъ отъ себя гостя до самаго утра другого дня. Нат. Дм., слабая и больная, была въ это время беременна; она провела всю ночь въ такой страшной тревогѣ за мужа, что чрезъ нѣсколько дней выкинула и чуть не умерла.

Въ маѣ 1834 г. Фонъ-Визина послала чрезъ енисейскаго губернатора прошеніе о дозволеніи ей и ея мужу отправиться въ Красноярскъ на время предстоящихъ ей родовъ, но въ іюлѣ государь разрѣшилъ это одной Натальѣ Дмитріевнѣ; такимъ дозволеніемъ она не воспользовалась. Въ февралѣ 1835 г. И. А. Фонъ-Визинъ устроилъ въ Москвѣ совѣщаніе трехъ докторовъ для обсужденія представленнаго имъ описанія болѣзненныхъ припадковъ Нат. Дм., которая въ Сибири родила трехъ мертвыхъ младенцевъ. Врачи прописали нѣкоторыя медицинскія средства, но признавали, что прежде всего они считаютъ необходимымъ перемѣну климата и нашли, что ея болѣзненные припадки могутъ угрожать мгновенною смертью. Послѣ этого, въ мартѣ 1835 г. дозволено было и Мих. Александровичу переѣхать въ Красноярскъ.

Во время жизни въ этомъ городѣ Фонъ-Визиныхъ въ немъ были поселены еще нѣкоторые декабристы: два брата Бобрищевы-Пушкины, Краснокутскій и Митьковъ. Краснокутскій былъ холостой, разбитый параличемъ человѣкъ, и потому товарищи и знакомые собирались къ нему, бесѣдовали и иногда играли въ карты. Наиболѣе близокъ былъ здѣсь съ Фонъ-Визинымъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, жившій со своимъ братомъ Н. С., который, во время ссылки на поселеніе въ Туруханскъ, вслѣдствіе совершеннаго одиночества и крайней нужды, сошелъ съ ума. Въ Красноярскѣ Фонъ-

Визины оставались до 1838 г.[1] Отъ 1834—1835 гг. сохранились письма къ Фонъ-Визинымъ отъ оставшихся еще въ Петровскомъ заводѣ декабристовъ и ихъ женъ; всѣ они наполнены выраженіями самаго горячаго расположенія къ нимъ товарищей по несчастью. Особенно горячо любили ихъ Трубецкіе, Нарышкины, Давыдовы и безкорыстный докторъ-декабристъ Ф. Б. Вольфъ. Всѣ они писали, что очень огорчены разлукой послѣ многолѣтней дружной жизни съ Н. Д. и ея мужемъ, всѣ раздѣляли горе Фонъ-Визиныхъ объ умершемъ ребенкѣ и проч. Нарышкина писала, что единственная ея мечта снова когда-нибудь пожить съ Фонъ-Визиными въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ. Нат. Дм. выражала потомъ сожалѣніе, что пришлось разстаться съ тюрьмой Петровскаго завода, гдѣ она оставила столько преданныхъ друзей[2].

Въ 1835 г. Фонъ-Визины узнали, что ихъ переписка съ родными будетъ отправляться не прямо въ Европейскую Россію, а чрезъ Иркутскъ; родные ихъ также должны были направлять письма чрезъ иркутскаго генералъ-губернатора. Жалобы на это Фонъ-Визиной и ея матери въ Ш-е Отдѣленіе были оставлены безъ послѣдствій.

Пришлось Фонъ-Визинымъ жаловаться и на стѣсненіе со стороны иркутскаго генералъ-губернатора, Броневскаго, въ полученіи денегъ отъ родныхъ. Къ счастью, они нашли въ этомъ случаѣ поддержку въ мѣстномъ представителѣ корпуса жандармовъ, маіорѣ Мишо. 13-го января 1837 г., пересылая шефу жандармовъ письмо Фонъ-Визиной, онъ писалъ, что находитъ „претензію ея на полученіе денегъ сообразною съ всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ на этотъ предметъ“. Свидѣтельствуя при томъ „объ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи ссыльнаго Фонъ-Визина“, маіоръ Мишо нашелъ нужнымъ донести шефу жандармовъ, что „ссыльные государственные преступники часто здѣсь бы-

[1] Арх. Департ. Полиціи. Дѣло о Фонъ-Визинѣ; III Отд. Соб. Е. В. Канц. № 61, ч. 71.; статья Шенрока въ „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 127, 134; „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 5, стр. 389; *Дмитріевъ-Мамоновъ*, „Декабристы въ Западной Сибири“, стр. 171, 193.

[2] „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 115.

ваютъ утѣсненными безвременнымъ предубѣжденіемъ мѣстнаго начальства противъ нихъ“ [1]. Изъ приложенной при этомъ вѣдомости видно, что Фонъ-Визинъ и его жена, со времени водворенія ихъ въ Енисейской губ., получили отъ своихъ родныхъ: въ 1834 г. 3,000 руб., въ 1835 г. 2,000 р. и въ 1836 г. 800 р., да, кромѣ того, отдано въ 1836 г. стараго долга людямъ, прежде находившимся у нихъ въ услуженіи, 1,500 р. [2] Вслѣдствіе этого донесенія Мишо и приложеннаго при немъ письма Н. Д. Фонъ-Визиной, гр. Бенкендорфъ сообщилъ ген.-губернатору Восточной Сибири, Броневскому, что „по существующимъ постановленіямъ, поселеннымъ государственнымъ преступникамъ велѣно выдавать изъ суммъ, присылаемыхъ родственниками, 2,000 руб. на обзаведеніе и 1,000 рублей ежегодно на содержаніе, и что жены преступниковъ, бывъ подвергнуты тому же ограниченію, какъ мужья ихъ, имѣютъ право отдѣльно получать изъ посылаемыхъ суммъ 2,000 р. на обзаведеніе и по 1,000 р. ежегодно на содержаніе. Почему слѣдуетъ на семъ же основаніи удовлетворить и Фонъ-Визиныхъ, несмотря на то, что они не воспользовались въ свое время полученіемъ назначенныхъ имъ денегъ. Что же касается до платежа долговъ ихъ, въ Сибири сдѣланныхъ, то на счетъ сего нѣтъ никакихъ постановленій, и долги сіи должны быть уплочены изъ той суммы, которую они имѣютъ право получить“.

---

[1] Въ доказательство онъ привелъ слѣдующій „разительный примѣръ“: „Водворенный Енисейской губ., Минусинскаго округа, въ Курагинской вол., ссыльный Николай Мозгалевскій (бывшій поручикъ Саратовскаго пѣхот. полка), членъ общества Соединенныхъ Славянъ, которому слѣдуетъ всемилостивѣйше пожалованные по 200 р. въ годъ (асс.), какъ неполучающему никакого пособія отъ своихъ родственниковъ, входилъ съ прошеніемъ объ отпускѣ ему (на пропитаніе имѣющихся у него жены и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей) изъ этой суммы по третямъ, мѣсяцамъ или даже, если возможно, посуточно, но, не взирая на совершенную его крайность, начальство рѣшительно ему въ этомъ отказало съ объявленіемъ, что ему выдадутъ слѣдующія деньги по истеченіи года“.

[2] „Фонъ-Визины, находясь въ Енисейской губ. почти полные три года“, сказано было далѣе, „могли получить“ (на основаніи высочайше утвержденныхъ правилъ) „отъ родственниковъ, мужъ и жена по 1,000 р. въ годъ,—6,000 р. (асс.), сверхъ того на обзаведеніе хозяйства единовременно по 2,000 каждому—4,000 р., что составляетъ вообще сумму 10,000 р. Поэтому считается возможнымъ выдать Фонъ-Визинымъ 2,200 р. по апрѣль текущаго года. если даже не считать 1,500 р., полученныхъ губернаторомъ именно на расплату стараго долга людямъ, находившимся прежде у нихъ въ услуженіи“.

30 октября 1837 г. состоялось, вслѣдствіе хлопотъ Ивана Ал. Фонъ-Визина, высочайшее повелѣніе о переводѣ его брата въ Тобольскъ; но, въ виду болѣзненнаго его состоянія, ген.-губернаторъ Восточной Сибири предложилъ енисейскому губернатору отправить его туда весною, въ дѣйствительности же онъ выѣхалъ изъ Красноярска только въ іюлѣ и пріѣхалъ въ Тобольскъ въ августѣ 1838 г. [1]

14 декабря 1839 г. Фонъ-Визинъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ ген.-губернатору Западной Сибири князю Горчакову: „Имѣя въ виду высочайшую Е. И. В—ва милость, оказанную нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей опредѣленіемъ ихъ на службу рядовыми въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и несмотря на мои немолодыя лѣта, чувствуя въ себѣ желаніе и силы служить и переносить трудности боевой жизни, беру смѣлость безпокоить васъ моею всепокорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи мнѣ той же высочайшей милости: опредѣленія меня на службу рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ". Кн. Горчаковъ не сразу далъ ходъ этому прошенію: лишь 17-го января 1840 г. онъ препроводилъ письмо Фонъ-Визина къ Бенкендорфу и просилъ его ходатайствовать объ исполненіи его просьбы, находя его „по постоянно скромной жизни достойнымъ получить эту монаршую милость". Бенкендорфъ немедленно отвѣтилъ Горчакову, что „по престарѣлымъ уже лѣтамъ" Фонъ-Визина онъ не рѣшается докладывать государю о его просьбѣ; однако, вскорѣ докладная записка была составлена. Прочтя ее, государь приказалъ военному министру гр. Чернышеву представить справку о степени вины Фонъ-Визина и его лѣтахъ. Въ докладѣ Чернышева было сказано, что Фонъ-Визину 56 лѣтъ, и вслѣдствіе этого государь не изъявилъ согласія на его просьбу.

Въ концѣ февраля 1841 г. Н. Д. Фонъ-Визина написала письмо Бенкендорфу, въ которомъ умоляла дозволить ей поѣхать на свиданіе съ матерью, окончательно теряющей зрѣніе, и, кромѣ того, страдающей отъ хронической болѣзни

---

[1] Ср. „Литер. сборн.", изд. редакц. „Вост. Обозр.", 1885 г., стр. 217; „Рус. Бог.", 1894 г., № 11, стр. 131.

ногъ. Она выражала готовность подчиниться всякимъ условіямъ, обѣщала даже не видаться со своими дѣтьми, оставшимися въ Европейской Россіи, и ни съ кѣмъ изъ родныхъ и не покидать квартиры матери. Тобольскій губернаторъ, Ладыженскій, только 20-го мая препроводилъ это письмо къ Бенкендорфу. По наведенной справкѣ оказалось, что мать Н. Д. живетъ въ Москвѣ. Бенкендорфъ отвѣчалъ Ладыженскому, что „по существующему воспрещенію женамъ государственныхъ преступниковъ выѣхать изъ Сибири до смерти мужей ихъ“, онъ находитъ „невозможнымъ ходатайствовать о дозволеніи сего Фонъ-Визиной, тѣмъ болѣе, что подобное разрѣшеніе послужило бы основаніемъ для другихъ просить объ оказаніи и имъ такой же милости“ [1]. Упомянемъ наконецъ, что въ январѣ 1843 г. жившій въ Москвѣ И. А. Фонъ-Визинъ просилъ о дозволеніи отправиться въ Тобольскъ для свиданія съ братомъ и взять съ собою двухъ сыновей Мих. Ал., родившихся до его ссылки и воспитывавшихся сначала у бабушки, а затѣмъ у дяди, но просьба его была оставлена безъ отвѣта [2].

Въ Тобольскѣ Фонъ-Визины прожили всего 15 лѣтъ; сначала они жили на наемной квартирѣ, а потомъ купили деревянный домъ съ садомъ, въ которомъ Нат. Дм. развела превосходные цвѣты, устроила оранжерею и теплицу, такъ что у нея были даже собственные ананасы. Постепенно въ Тобольскъ съѣхались многіе декабристы: изъ Красноярска были переведены Бобрищевы-Пушкины, пріѣхали также Анненковъ, Александръ Михайловичъ Муравьевъ (младшій братъ Никиты), докторъ Вольфъ, П. Н. Свистуновъ, В. И. Штейнгель, Башмаковъ, кн. Барятинскій. С. М. Семеновъ, высланный въ 1826 г. для службы въ Сибирь безъ лишенія чиновъ, получилъ въ 1843 г. мѣсто совѣтника тобольскаго губернскаго правленія. Въ 341 верстѣ отъ Тобольска, въ уѣздномъ городѣ Ялуторовскѣ, были поселены декабристы: Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, Якушкинъ, съ которымъ

---

[1] Мать Нат. Дм., Марья Пав. Апухтина, умерла осенью 1842 г. Отецъ Н. Д. умеръ ранѣе жены.

[2] Въ февралѣ 1843 г. Мих. Ал. былъ боленъ такъ, что Нат. Дм. опасалась за его жизнь, „Литерат. Сборн.“, изданіе редакціи „Вост. Обозр.“, 1885 г,. стр. 211.

Фонъ-Визинъ былъ особенно друженъ [1], И. И. Пущинъ, бар. Тизенгаузенъ, Янтальцевъ, Басаргинъ. Всѣ они, съ разрѣшенія начальства, иногда пріѣзжали въ Тобольскъ. Друзья нерѣдко собирались по вечерамъ у Фонъ-Визиныхъ, отличавшихся большимъ гостепріимствомъ, бесѣдовали и спорили. Фонъ-Визины получали разные журналы, русскіе и иностранные, и слѣдили за политикой. Мих. Ал. много читалъ, писалъ и переводилъ съ нѣмецкаго [2]. Онъ имѣлъ понятіе о философіи Спинозы, Гегеля, Фейербаха и о критико-богословскихъ изслѣдованіяхъ Бруно Бауэра, но находилъ ихъ ученія несовмѣстимыми съ христіанствомъ [3]. Мих. Ал. былъ искренно религіозный человѣкъ [4], хотя жена и бывала не вполнѣ довольна вліяніемъ на него нѣмецкихъ философовъ и богослововъ, находя, что онъ „сбивается на протестантизмъ" [5]. Случалось, что въ дальнюю Тобольскую губернію проникала и русская рукописная литература, какъ напр., письмо Бѣлинскаго къ Гоголю [6]. Русскую исторію М. А. штудировалъ не только по Карамзину и Эверсу, но былъ знакомъ и съ нѣкоторыми источниками; изъ книгъ по всеобщей исторіи онъ, между прочимъ, читалъ сочиненія Гизо.

Живя въ Тобольскѣ, Фонъ-Визинъ написалъ въ 1840-хъ и началѣ 1850-хъ гг. слѣдующія статьи, которыя при его жизни остались не напечатанными:

1) „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи". Эта до сихъ поръ не изданная статья была написана въ

---

[1] „Рус. Стар.", 1885 г., № 11, стр. 303; „Историч. Вѣстн.", 1888 г., № 7, стр. 73. О хлопотахъ Фонъ-Визина въ пользу ялуторовской школы Якушкина см. „Сибирскій Сборн.", приложеніе къ „Восточн. Обозр.", 1886 г., III, 88, 89, 91, 93—94.

[2] „Историч. Вѣстн.", 1888 г., № 5, стр. 390, 400, 402; *Дмитріевъ-Мамоновъ*, 47, 50.

[3] „Рус. Стар.", 1881 г., т. XXXI, 503—504.

[4] Францева приписываетъ женѣ Фонъ-Визина обращеніе его изъ человѣка „равнодушнаго къ религіи" въ „горячо вѣрующаго", „Рус. Стар.", 1885 г., № 11, стр. 288. Это подтверждаетъ и сама Нат. Дм. въ письмѣ къ И. А. Фонъ-Визину, „Рус. Бог.", 1894 г., № 11, стр. 70.

[5] „Рус. Бог.", 1894 г., № 12, стр. 55—56. Напротивъ, тобольскій архіепископъ Афанасій, по свидѣтельству Францевой, мучившійся нѣкоторыми религіозными сомнѣніями, выражалъ благодарность Фонъ-Визину за то, что онъ укрѣпилъ его „въ основахъ истинъ божественныхъ", „Историч. Вѣстн.", 1888 г., № 5, стр. 403.

[6] „Рус. Бог.", 1894 г., № 12, стр. 83.

1842 г. послѣ изданія указа 2-го апрѣля этого года объ обязанныхъ крестьянахъ [1].

2) „Записка объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г.“ (неизданная) была написана также въ 1842 г. [2]

3) „О коммунизмѣ и соціализмѣ“ (неиздано).

4) „О подражаніи русскихъ европейцамъ“ (неиздано) [3].

5) „Примѣчанія къ книгѣ Энно и Шенншо „Исторія Россіи“—самый обширный изъ трудовъ М. А. Фонъ-Визина. Онъ былъ напечатанъ въ 1859 г. за границей, подъ заглавіемъ: „Записки Фонъ-Визина, очевидца смутныхъ временъ царствованій: Павла I, Александра I и Николая I“, и имѣетъ еще въ этомъ изданіи другое заглавіе: „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“. Большая часть этого труда исправнѣе напечатана съ рукописи, просмотрѣнной авторомъ, въ „Русской Старинѣ“ [4].

6) „Одно изъ воспоминаній моей молодости (1807 г.)“. Статья эта, написанная въ 1852 г., была напечатана въ „Русской Старинѣ“ [5]. Мы уже упоминали о ней выше.

7) „Нѣсколько замѣтокъ къ богословіямъ отцовъ архимандритовъ Макарія и Антонія“; не были напечатаны и неизвѣстны намъ въ рукописи.

Пять первыхъ произведеній М. А. фонъ-Визина даютъ возможность обрисовать его міросозерцаніе въ 1840-хъ и началѣ 50-хъ гг. Изученіе его статей приводитъ къ выводу, что онъ совершенно не измѣнилъ тѣмъ идеаламъ, которымъ желалъ послужить, сдѣлавшись членомъ тайнаго общества [6]. Главною цѣлью тѣхъ тайныхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ былъ — Союза Спасенія, Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества — было желаніе добиться

---

[1] Изложеніе и разборъ ея см. въ моей книгѣ: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, томъ II, 85, 91.

[2] См. тамъ-же стр. 365—369.

[3] Извлеченія изъ этой статьи см. въ „Крестьян. вопр.“ II, 363—365. Приносимъ глубочайшую признательность Е. И. и Вяч. Евг. Якушкинымъ за сообщеніе нѣкоторыхъ рукописей Фонъ-Визина.

[4] 1884 г., т. 42, № 4 и 5.

[5] 1881 г., т. 31, № 8, стр. 503—529.

[6] Несмотря на то, что Н. Д. Фонъ-Визина старалась вытравить въ мужѣ непріятный ей политическій либерализмъ и даже думала иногда, что это ей удается; см. ст. Шенрока въ „Рус. Бог.“, 1894 г., № 11, стр. 109—110.

преобразованія политическаго устройства Россіи. Въ главномъ историческомъ трудѣ Фонъ-Визина красною нитью проходитъ желаніе показать, что даже въ допетровской Руси существовали учрежденія, дававшія народу возможность непосредственно или чрезъ своихъ представителей участвовать въ законодательствѣ или управленіи государствомъ, а послѣ Петра Великаго отъ времени до времени обнаруживалось стремленіе къ политическимъ реформамъ. Отмѣтимъ также взглядъ Фонъ-Визина на нашъ политическій строй въ его статьѣ „О подражаніи русскихъ европейцамъ“.—„Хотя въ Россіи образъ правленія“, говоритъ авторъ, „остался тотъ же, что былъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ или при Петрѣ,—мы и теперь живемъ подъ тѣмъ же неограниченнымъ самодержавіемъ; однако, какой деспотъ позволитъ себѣ и сотую долю тѣхъ жестокостей и неистовствъ, какія совершали безнаказанно оба эти государя. Павелъ I тиранствовалъ, правда, 4 года, но извѣстно, чѣмъ это кончилось и какъ онъ дорого поплатился за свою тиранію“. Указавъ на то, что „изъ всѣхъ русскихъ государей Екатерина II и Александръ I болѣе всѣхъ дорожили мнѣніемъ Европы“, и потому въ ихъ царствованіе совершилось много полезныхъ, славныхъ и блистательныхъ дѣяній, Фонъ-Визинъ продолжаетъ: *„стыда ради европейскаго“* [1] и самодержавіе, надѣвая личину свободолюбія и патріотизма, удерживаетъ ихъ отъ многихъ насильственныхъ дѣйствій и иногда полагаетъ предѣлы собственному произволу и прихоти“. Авторъ протестуетъ противъ обвиненія Петра въ томъ, что онъ пріучилъ насъ многое перенимать у Западной Европы, и выражаетъ надежду, что быть можетъ мы „научимся подражать и болѣе существенному: стремленію къ истиннымъ благамъ цивилизаціи, гражданской свободѣ, къ равенству и безразличію всѣхъ передъ закономъ, къ утвержденію и обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго“. По мнѣнію Фонъ-Визина, „тайна могущества“ и всевластія правительства, что оно училось у западныхъ европейцевъ и, хотя усваивало „не самый духъ ихъ государственныхъ учрежденій“, а „внѣшнія

---

[1] Курсивъ автора.

формы администраціи“, но все же многому „научилось и далеко опередило массу народа на поприщѣ прогресса и цивилизаціи“. Онъ выражаетъ увѣренность, что если въ Россіи, какъ на Западѣ, образуется „общественное мнѣніе сколько нибудь осмысленное“ и „большинство народа“ уравняется въ этомъ отношеніи съ правительствомъ, то между ними начнется необходимая борьба, и слишкомъ извѣстно, на которой сторонѣ должна быть побѣда; на этотъ счетъ исторія народовъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія“ [1].

Фонъ-Визинъ остался вѣренъ не только умѣренному политическому либерализму, считая до конца жизни необходимою для Россіи политическую свободу, но и другому завѣту тайныхъ обществъ времени Александра I—ненависти къ крѣпостному праву, которое онъ признавалъ крайне вреднымъ и въ нравственномъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ: оно „искажаетъ и властителей, и подвластныхъ“, оно вредно для матеріальныхъ интересовъ тѣхъ и другихъ, оно мѣшаетъ правительству въ совершеніи другихъ полезныхъ преобразованій. Крѣпостнымъ правомъ

[1] Будучи убѣжденнымъ либераломъ, Фонъ-Визинъ совершенно отрицательно относился къ соціализму и коммунизму. „Нынѣшнія соціалистическія и коммунистическія теоріи“, говоритъ онъ въ своей неизданной статьѣ „О соціализмѣ и коммунизмѣ“, „продолжаютъ угрожать новой республикѣ“, т. е. Франціи, „и онѣ тѣмъ болѣе опасны, что опираются на многочисленность *пролетаріевъ*, т. е. на рабочемъ классѣ, особенно, большихъ мануфактурныхъ городовъ, который составляетъ почти треть всего народонаселенія Франціи. Пролетаріи—эти жалкіе бездомки, по большей части безъ религіи, безъ правилъ нравственности,—почти одичавшіе (по свидѣтельству тѣхъ, которые описывали англійскій и французскій *попериземъ*), ненавидящіе настоящій порядокъ общества, необезпечивающій ни ихъ настоящее, ни будущее, только и жаждущіе ниспроверженія всего существующаго, надѣясь въ соціальномъ переворотѣ обрѣсти улучшеніе своей бѣдственной участи. Въ этомъ мнѣніи ихъ поддерживаютъ и руководствуютъ ими... демагоги.., разумѣется, изъ своекорыстныхъ видовъ, и не даромъ сами французы, страшась за будущее, говорятъ, *qu'ils sont sur un volcan*. Только чрезвычайныя усилія правительства и многочисленная армія, покамѣстъ ему преданная, охраняютъ порядокъ и противодѣйствуютъ угрожающему Франціи страшному кризису. Но не одна Франція страдаетъ отъ пролетаріата, этой общей язвы всей Западной Европы, — язвы, отъ которой частью произошли всѣ революціонныя движенія послѣднихъ двухъ годовъ въ Германіи, Пруссіи и Австріи. Хотя пожаръ кажется на время потушеннымъ, но огонь таится подъ пепломъ и можетъ легко отъ какого нибудь неопредѣленнаго обстоятельства возгорѣться съ новою силою“. Чтобы не слишкомъ строго судить Фонъ-Визина за непониманіе современныхъ западно-европейскихъ событій, напомнимъ, что и Н. И. Тургеневъ, жившій въ это время въ Парижѣ, враждебно относился къ соціализму.

обусловливаются вредная роскошь и расточительность дворянства, которыя ведутъ къ его сильной задолженности. Крѣпостной трудъ составляетъ главное препятствіе къ введенію агрономическихъ улучшеній. Правительство, по мнѣнію Фонъ-Визина, понимаетъ, что крѣпостное право противоестественно и несовмѣстимо съ христіанствомъ, что оно составляетъ „главный недостатокъ въ нашемъ государственномъ организмѣ“, но боится затронуть его изъ опасенія „раздражить дворянство, которое, будучи просвѣщеннѣе, образованнѣе другихъ сословій, одно имѣетъ что-то похожее на политическія права и уже потому обладаетъ нѣкоторою самостоятельностью, что всѣ степени административной и судебной іерархіи заняты дворянствомъ родовымъ или выслужившимся, которое въ собственномъ смыслѣ и управляетъ государствомъ. Если покамѣстъ дворянство и переноситъ терпѣливо неограниченное самодержавіе, такъ за то оно въ свою очередь вознаграждается правомъ самовластвовать надъ своими крѣпостными. Рѣшись верховная власть коснуться этого права, рѣшись освободить крѣпостныхъ, то у ней мало останется приверженцевъ изъ высшаго сословія: дворянство съ той самой минуты вступитъ въ смѣлую оппозицію, употребитъ всевозможныя усилія и найдетъ конечно средства ограничить самодержавіе“. Дальнѣйшія событія не оправдали предсказанія Фонъ-Визина, но все-же въ эпоху реформъ Александра II, среди дворянъ появились либеральныя стремленія и въ политическомъ смыслѣ, причемъ лучшіе представители дворянства были въ этомъ случаѣ противъ исключительно дворянскихъ, узкосословныхъ притязаній и желали правового порядка въ интересахъ всѣхъ сословій [1].

Преувеличеніе возможности противодѣйствія дворянъ правительству въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ повело къ тому, что Фонъ-Визинъ въ своей освободительной программѣ по крестьянскому дѣлу высказывался противъ принудительныхъ мѣръ правительства въ этомъ отношеніи. Не касаясь

---

[1] Сравни о нихъ въ моей статьѣ „Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова“ („Сборникъ Правовѣд. и Общ. Знаній“, т. I. М. 1893 г.; стр. 149—157) и въ брошюрѣ проф. *Драгоманова* „Либерализмъ и земство“.

здѣсь частныхъ мѣропріятій, предложенныхъ Фонъ-Визинымъ, какъ дополненіе и развитіе закона 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, мы укажемъ лишь на то, что главнымъ средствомъ освобожденія крѣпостного населенія Россіи, по его мнѣнію, могла быть покупка дворянскихъ имѣній въ казну по вольной цѣнѣ. Онъ предлагалъ пріобрѣтать имѣнія съ уплатою или наличными деньгами, или государственными пятипроцентными облигаціями. При этомъ, по его мнѣнію, можно было предоставить владѣльцамъ удержать за собою половину или треть принадлежащихъ имъ земель съ фабриками, мельницами, рыбными ловлями, лѣсными дачами и пр. [1] При этихъ условіяхъ Фонъ Визинъ полагалъ возможнымъ покупать крестьянъ въ среднемъ по 100 р. с. за душу м. п., причемъ эта операція весьма облегчалась бы для правительства задолженностью дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ Воспитательнаго Дома, въ заемномъ банкѣ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. Полезно было бы предоставить и самимъ крестьянамъ продаваемыхъ имѣній право выкупаться съ уплатою продажной цѣны, причемъ правительство могло бы оказать имъ кредитъ. Фонъ-Визинъ предлагалъ ежегодно назначать на пріобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній по 30 милл. рублей сер. и еще выпускать облигацій на такую же сумму и облагать выкупаемыхъ крестьянъ оброкомъ по 5 руб. съ души. Для составленія ежегоднаго капитала, необходимаго для покупки дворянскихъ имѣній, Фонъ-Визинъ предлагаетъ уменьшить количество войскъ; если же этого оказалось бы недостаточно, то ввести съ цѣлью выкупа помѣщичьихъ крестьянъ общій налогъ. По произведенному имъ разсчету, вся операція пріобрѣтенія въ казну 10 мил. душъ м. п. крѣпостныхъ могла бы закончиться въ 14 лѣтъ. Самая слабая сторона этого проекта состоитъ въ томъ, что Фонъ-Визинъ разсчитываетъ исключительно на добровольныя соглашенія правительства съ отдѣльными дворянами или съ дворянствомъ цѣлыхъ губерній. Сознавая, что ожиданіе доброволь-

[1] Владѣльцамъ малоземельныхъ имѣній можно было бы, по мнѣнію автора, разрѣшить продать крестьянъ въ казну и безъ земли съ тѣмъ, чтобы они были переселены въ ближайшія казенныя волости.

наго согласія помѣщиковъ можетъ далеко не вполнѣ оправдаться, онъ предлагалъ, съ одной стороны, награждать тѣхъ дворянъ крупныхъ имѣній, которые сами станутъ освобождать крестьянъ своихъ вотчинъ на извѣстныхъ условіяхъ, княжескими и графскими титулами, а съ другой — изданіемъ узаконеній, ограничивающихъ злоупотребленія помѣщичьею властью, что будетъ побуждать землевладѣльцевъ сбыть съ рукъ всѣхъ крестьянъ.

Въ высшей степени важно то, что Фонъ-Визинъ вполнѣ сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею. Кромѣ того, онъ придавалъ громадное значеніе существованію въ Россіи общиннаго землевладѣнія, видѣлъ въ немъ гарантію отъ развитія у насъ пролетаріата и потому настаивалъ на сохраненіи поземельной общины при освобожденіи крестьянъ. Существованіемъ общиннаго землевладѣнія Фонъ-Визинъ объясняетъ даже то, что рабство въ Россіи было менѣе ужасно, чѣмъ въ феодальной Европѣ, такъ какъ „у насъ владѣлецъ имѣетъ дѣло не столько съ общиною, съ міромъ, въ которомъ естественно больше нравственной силы (по крайней мѣрѣ force d'inertie), нежели въ одномъ лицѣ". Онъ полагаетъ, что „въ Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали сельскія общины-волости".

Не располагая позднѣе собранными данными о распространенности общиннаго владѣнія въ извѣстные періоды исторіи въ весьма многихъ мѣстностяхъ Западной Европы и относительно существованія его въ Индіи, на Явѣ и пр., Фонъ-Визинъ думаетъ, что „общины-волости — элементъ чисто славянскій". Въ своей статьѣ „О коммунизмѣ и соціализмѣ" онъ высказываетъ даже слѣдующее предположеніе: „Если философская мысль Гегеля, что всякій историческій народъ есть представитель міровой идеи и въ свою эпоху долженъ развить ее для блага человѣчества, а исполнивъ это, сойти съ позорища міра, если, повторю, эта мысль не пустая фикція, то и русскій народъ призванъ быть когда нибудь въ этомъ смыслѣ народомъ историческимъ и призванъ изъ своихъ родныхъ стихій развить новую міровую идею". Эта вѣра въ благотворную роль Россіи въ будущемъ для всего человѣчества, хотя въ настоящемъ въ ней есть еще много „ди-

кости Азіи и ея неподвижности", вызываетъ еще слѣдующее предсказаніе Фонъ-Визина въ той же его статьѣ: „Будучи по могуществу своему поставлена во главѣ славянскихъ разъединенныхъ племенъ, Россія, рано или поздно, необходимо должна увлечь ихъ въ свою политическую сферу, въ силу общаго естественнаго закона, по которому малыя толщи всегда тяготѣютъ къ самой большой массѣ, съ ними однородной, и притягиваются ею. Можетъ быть", продолжаетъ онъ, „такъ называемый Панславизмъ, о которомъ съ такимъ пренебреженіемъ отзываются нѣмцы и французы, не есть порожденіе фантазіи и не пустая мечта". Фонъ-Визинъ понималъ, что для осуществленія этой мечты нужно сочувствіе къ Россіи славянскихъ народовъ, для возбужденія котораго недостаточно одной единоплеменности, а нужно уничтоженіе крѣпостного права и преобразованіе политическаго строя Россіи, на необходимость котораго онъ и указывалъ въ своихъ статьяхъ.

Несмотря на допущеніе панславизма въ свою политическую программу, Фонъ-Визинъ отнюдь не былъ славянофиломъ: этому мѣшали и его вполнѣ опредѣленный политическій либерализмъ, при которомъ онъ не удовольствовался бы славянофильскими пожеланіями земскаго собора, и вполнѣ опредѣленное признаніе имъ полезности западно-европейскаго вліянія. Въ своей статьѣ „О подражаніи русскихъ европейцамъ" онъ говоритъ: „Съ нѣкотораго времени, въ угодность правительству, возненавидѣвшему европеизмъ, сильно возстаютъ многіе противъ духа подражанія и европеизма, называя это обезьянствомъ, исказившимъ нашъ народный характеръ и древнюю патріархальную простоту нравовъ. Славянофилы, приверженцы старины, утверждаютъ, что зло, котораго въ Россіи не мало, произошло отъ подражанія.... всему европейскому", вслѣдствіе чего мы „утратили свою народность. — Смѣшнѣе всего", продолжаетъ авторъ, „что подобные возгласы и журналовъ нашихъ, и произносимые съ университетскихъ каѳедръ противъ подражанія иностранному, нисколько не оригинальны: это есть запоздалое заимствованіе—подражаніе нѣмцамъ, которые въ эпоху освобожденія Германіи отъ ига Наполеонова съ такимъ жаромъ

толковали о своей народности (Volksthum), въ стихахъ и прозѣ восхваляли феодальный бытъ среднихъ вѣковъ, проклинали вліяніе Франціи на Германію и страсть нѣмцевъ, особенно прирейнскихъ, подражать французамъ. Стало быть тѣ, которые возстаютъ противъ подражанія иностранному, сами увлекаются духомъ его, невольно подражая примѣру нѣмцевъ". Эта мысль Фонъ-Визина была вполнѣ подтверждена позднѣйшими научными изслѣдованіями исторіи славянофильства.

Какъ извѣстно, славянофилы, подобно Фонъ-Визину, выражали сочувствіе нашему общинному землевладѣнію, но и въ этомъ отношеніи мы видимъ въ нѣкоторыхъ его работахъ слѣды не славянофильскаго вліянія, а, вѣроятно, знакомства съ извѣстнымъ сочиненіемъ о Россіи нѣмецкаго ученаго Гакстгаузена, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1847 г. (Впрочемъ, общинное землевладѣніе могло быть ему извѣстно и изъ личныхъ наблюденій). Въ своей статьѣ „О коммунизмѣ и соціализмѣ" онъ говоритъ: „Странный фактъ, можетъ быть, многими незамѣченный: въ Россіи, государствѣ самодержавномъ и въ которомъ въ большомъ размѣрѣ существуетъ рабство, находится и главный элементъ соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій (по пословицѣ les extrêmes se touchent). Это—право общаго владѣнія землями четырехъ пятыхъ всего населенія Россіи, т. е. всего земледѣльческаго класса: фактъ чрезвычайно важный для прочности и будущаго благоденствія нашего отечества." Что Фонъ-Визинъ не идеализировалъ общиннаго землевладѣнія въ его тогдашней формѣ, а понималъ, что желателенъ переходъ отъ передѣловъ общинной земли къ передѣлу продуктовъ при ея общественной обработкѣ, видно изъ его сочувственнаго разсказа (въ другой статьѣ, 1842 г.) объ опытѣ такой обработки земли крестьянами въ имѣніи, купленномъ однимъ купцомъ на чужое имя. Полученный продуктъ дѣлился здѣсь пополамъ, и одна половина шла владѣльцу имѣнія, а другая, поступившая въ пользу крестьянъ, дѣлилась между ними по тягламъ.

Планы декабристовъ относительно преобразованія Россіи не ограничивались стремленіемъ къ политической свободѣ и упраздненію крѣпостного права, но обнимали и многія другія

стороны жизни русскаго народа. Членамъ тайнаго общества, громадное большинство которыхъ были офицеры, особенно видна была тяжесть военной повинности для нижнихъ чиновъ, и потому они выставляли требованіе значительнаго сокращенія 25-лѣтней солдатской службы. Такое пожеланіе высказываетъ и Фонъ-Визинъ (въ своей статьѣ „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи"), связывая его осуществленіе съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Онъ полагаетъ, что тогда правительство получитъ возможность, не нарушая ничьихъ выгодъ, отмѣнить тягостный 25-лѣтній срокъ службы воинскихъ нижнихъ чиновъ и назначить вмѣсто него 10 или 12-лѣтній, причемъ, по его мнѣнію, „самая обременительная для народа повинность не только облегчится, но даже можетъ сдѣлаться общеполезною", если крестьянинъ будетъ выучиваться во время своей службы грамотѣ или какому-нибудь ремеслу. Онъ предлагаетъ заимствовать изъ Пруссіи устройство военныхъ силъ, какъ „самое экономическое и совершеннѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ"; его можно было бы принять за образецъ съ тѣми измѣненіями, которыхъ потребуютъ „нѣкоторыя особенности" Россіи.

Фонъ-Визинъ предлагаетъ уменьшеніе арміи съ цѣлью составленія ежегоднаго капитала въ 30 милл. руб., необходимаго для пріобрѣтенія въ казну дворянскихъ имѣній, и считаетъ такое сокращеніе военныхъ расходовъ совершенно безопаснымъ для внѣшняго могущества Россіи.

„Уменьшеніе даже половины арміи", говоритъ онъ, „не можетъ быть предосудительно для внѣшней безопасности имперіи... по той поспѣшности и быстротѣ, съ какими правительство можетъ всегда усилить и привести въ движеніе свои ополченія. Это доказывается великими событіями 1812 г.... Въ тотъ незабвенный годъ Россія, готовясь вступить въ борьбу съ непріятелемъ, располагавшимъ силами большей части Европы, имѣла армію числомъ меньше половины нынѣшней, и втеченіе двухлѣтней жестокой войны была въ состояніи удвоить ее. Опыты этой войны показали, что войско, составленное изъ нѣкоторой части старыхъ служивыхъ, перемѣшанныхъ съ рекрутами, предводимое знающими офице-

рами, столько же способно къ успѣшнымъ военнымъ дѣйствіямъ, какъ и армія, долго и постоянно въ мирное время упражняемая ученіемъ и выправкою. Въ войнѣ успѣхи несомнѣнно зависятъ отъ стратегическихъ соображеній полководцевъ: судьба сраженій рѣшается дѣйствіемъ артиллеріи и движеніемъ массъ, въ которыхъ качества солдатъ, пріобрѣтаемыя долговременнымъ ученіемъ поодиночкѣ и школьными маневрами, совершенно исчезаютъ. Математическая точность движеній, предписываемая воинскимъ уставомъ, рѣдко соблюдается въ пылу сраженія, а храбрость, порождаемая любовью къ отечеству, равно свойственна и рекруту, и старому воину....

„Послѣ перваго періода отечественной войны, заключившагося Бородинскимъ сраженіемъ, убыль въ нашихъ войскахъ постоянно замѣняема была прибывающими къ арміи рекрутами, и нѣкоторые полки комплектовались ими по четыре и по пяти разъ. Въ 1815 г. наша армія во Франціи, на поляхъ Шампаньи, подъ Вертю, привела въ удивленіе иностранныхъ генераловъ и офицеровъ своимъ устройствомъ и красивымъ видомъ; и эта армія болѣе нежели на половину состояла изъ рекрутъ, поступившихъ въ полки за недѣлю или за двѣ до выступленія въ неожиданный походъ и обученныхъ во время похода на дневкахъ и даже на переходахъ. Въ походахъ 1813 и 1814 гг. прусское земское ополченіе (Landwehr), составленное изъ новобранцевъ, служило отлично, не хуже линейныхъ войскъ. Наполеонъ выигралъ сраженіе въ Саксоніи, подъ Люценомъ и Бауценомъ, съ арміей, въ которой были почти одни конскрипты.

„Всѣ эти примѣры убѣждаютъ, что Россія никогда не можетъ быть поставлена въ затруднительное положеніе, если правительство и значительно уменьшитъ армію“.

Эти соображенія о возможности весьма значительнаго сокращенія постоянной арміи („даже до половины“), высказанныя человѣкомъ долго и съ отличіемъ служившимъ, на себѣ испытавшимъ всѣ тягости отечественной войны, имѣютъ не одно историческое значеніе. Аргументы автора для настоящаго времени подкрѣпляются еще увеличеніемъ быстроты передвиженія войскъ, вслѣдствіе устройства обширной сѣти

желѣзныхъ дорогъ и сокращенія срока службы, причемъ въ населеніи находится гораздо большій процентъ людей, прошедшихъ школу военнаго строя [1].

Отмѣтимъ еще одну черту во взглядахъ М. А. Фонъ-Визина: онъ былъ противникомъ винныхъ откуповъ, поощрявшихъ страсть народа къ вину.

Главный трудъ Фонъ-Визина, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ печати въ 1859 г. подъ именемъ его „Записокъ“, вызванъ пятитомною книгою *Esneaux* и *Chennechot* „Histoire philosophique et politique de Russie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours“, изданной въ Парижѣ въ 1828—30 гг. Рукопись, съ которой печаталось это произведеніе Фонъ-Визина въ „Русской Старинѣ“, посвящена И. И. Пущину, въ февралѣ 1853 г.; но весьма возможно, что эта дата означаетъ не время окончанія труда, а только моментъ передачи рукописи Пущину [2].

Въ этомъ произведеніи М. А. Фонъ-Визина мы находимъ много весьма важныхъ чертъ для ознакомленія съ общественными и политическими взглядами автора въ то время, въ самую реакціонную эпоху Николаевскаго царствованія, когда Фонъ-Визину шелъ уже седьмой десятокъ. Характеренъ, напримѣръ, эпиграфъ къ труду, взятый изъ духовнаго регламента Петра Великаго, изъ котораго авторъ почерпаетъ мысль, что не только истина открывается лучше „соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“, но что и болѣе къ „повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“. Авторъ отмѣчаетъ въ книгѣ двухъ названныхъ французовъ то, что въ ихъ трудѣ не видно особенно враждебнаго отношенія къ Россіи, которымъ отличалось большинство сочиненій иностранцевъ о нашемъ оте-

---

[1] Значительное сокращеніе арміи находилъ возможнымъ и необходимымъ и другой, болѣе извѣстный, дѣятель первой трети XIX вѣка — Н. С. Мордвиновъ.

[2] Въ началѣ статьи упоминается о 13-лѣтнемъ существованіи археографической коммиссіи. Такъ какъ она была офиціально учреждена въ 1837 г., а изданіе актовъ начала печатать еще ранѣе (*Иконниковъ*, „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. 1, стр. 253); то, слѣдовательно, историческій трудъ свой Фонъ-Визинъ началъ писать не позже 1850 г., но возможно, что онъ окончательно обработалъ его лишь къ началу 1853 г.

чествѣ [1], и что въ ней указаны нѣкоторыя важныя и существенныя черты русской исторіи, какъ, напримѣръ, свободный политическій строй Новгорода, Пскова и Вятки, и отстаиваніе народомъ свободы въ другихъ областяхъ Россіи. Фонъ-Визинъ тѣмъ болѣе цѣнитъ эти черты французской книги, что „наши историки, особенно Карамзинъ, скупы на этого рода подробности: говорятъ слегка или вовсе пропускаютъ проявленія въ Россіи политической свободы и тѣ учрежденія, которыя ей благопріятствовали. Русскіе историки, напротивъ, вездѣ стараются выставлять превосходство самодержавія“. Въ этомъ отношеніи Фонъ-Визинъ сходился съ сущностью замѣчаній на духъ исторіи Карамзина, сдѣланныхъ еще до ссылки его товарищемъ по тайному обществу, Никитою Мих. Муравьевымъ [2]. Кромѣ чтенія книги Эно и Шенншо, мысль написать общій очеркъ русской исторіи съ извѣстной точки зрѣнія была вызвана у Фонъ-Визина, вѣроятно, и знакомствомъ съ произведеніями Гизо. Недаромъ онъ снабдилъ свою записку о „крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи“) эпиграфомъ изъ книги Гизо [3].

Цѣль Фонъ-Визина состояла въ томъ, чтобы „представить краткое обозрѣніе всѣхъ проявленій политической жизни въ нашемъ отечествѣ“. Мысль написать такой очеркъ могла быть вызвана и запискою Карамзина „О древней и новой Россіи“, которую онъ зналъ, но направленію которой совершенно не сочувствовалъ. Трудъ Фонъ-Визина есть своего рода записка о древней и новой Россіи, но только не съ консервативной, а съ либеральной точки зрѣнія.

Приступая къ изложенію интересующихъ его явленій нашей прошлой жизни, авторъ указываетъ главныя черты государственнаго устройства Новгорода, Пскова и Хлынова

[1] Общій характеръ сочиненія не мѣшаетъ, однако, Эно высказать въ предисловіи къ I тому такую мысль: „Если добродушіе Европы позволитъ русскимъ утвердиться на Средиземномъ морѣ или, что тоже самое, обезпечить себѣ свободный проходъ чрезъ Дарданеллы, они вырвутъ трезубецъ изъ рукъ Англіи, и кнутъ будетъ царить надъ одичалымъ міромъ“.

[2] См. *Погодинъ*, „Н. М. Карамзинъ“, М. 1866 г., II., 198—203.

[3] „Cours d'histoire moderne“ (P. 1829—1832. 5 vol.): „Ici se revèle le vice radical de toute société, où l'esclavage subsiste sur une grande echelle, où quelques maitres règnent sur des troupeaux de peuples“.

(Вятки) и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о земскихъ соборахъ. Онъ отмѣчаетъ содержаніе записей, взятыхъ съ Василія Шуйскаго и королевича Владислава для ограниченія ихъ власти, приводитъ извѣстіе и о записи, взятой съ Мих. Ѳед. Романова при его избраніи, и не только извѣстіе шведа Штраленберга, указанное въ книгѣ Эно и Шенншо (III, 389), но и свидѣтельство Котошихина, которое не могло быть имъ извѣстно, такъ какъ его трудъ появился въ печати позднѣе выхода въ свѣтъ ихъ сочиненія. Фонъ-Визинъ упрекаетъ Карамзина за то, что онъ въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи" не упомянулъ о записи, взятой съ Михаила Романова при его избраніи. Признавая геніальность Петра Великаго, Фонъ-Визинъ строго разбираетъ его дѣятельность и мѣткими штрихами отмѣчаетъ ея слабыя стороны, во многомъ сходясь въ своей оцѣнкѣ съ новѣйшими изслѣдователями Петровской эпохи [1]. Соглашаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ приговоромъ о дѣятельности Петра Великаго въ запискѣ Карамзина „О древней и новой Россіи", Фонъ-Визинъ защищаетъ его отъ упрека, что онъ повредилъ нашей народности, прививъ намъ страсть подражать всему чужому, такъ какъ, „знакомя русскихъ съ Европою и заимствуя ея обычаи, онъ извлекъ Россію изъ мертвеннаго состоянія неподвижности" и „сдѣлалъ для насъ возможнымъ истинный прогрессъ". Эпизодъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и пожеланіяхъ объ ограниченіи самодержавія со стороны верховниковъ и шляхетства Фонъ-Визинъ могъ разсказать, пользуясь депешами французскихъ резидентовъ, напечатанныхъ Н. И. Тургеневымъ [2]. Въ немногихъ словахъ авторъ изображаетъ дворцовыя революціи, которыя лишили власти Бирона и возвели на престолъ Елизавету Петровну и Екатерину II, останавливается на комиссіи для составленія

---

[1] Весьма важно для характеристики міросозерцанія Фонъ-Визина, что, несмотря на свою искреннюю религіозность и близкое знакомство съ высшими представителями духовной власти въ Тобольскѣ („Историч. Вѣстн.", 1888 г., № 5, стр. 403; *Шиманъ*, „Восп. на прест. имп. Николая", Берл. 1902 г., стр. 405), онъ говоритъ, что со времени Петра В. „архіереи наши въ полной зависимости отъ верховной власти и доходятъ въ своихъ проповѣдяхъ до самаго пошлаго ласкательства и лести царедворцевъ".

[2] „La Russie et les Russes", III, 258-287.

новаго уложенія, указываетъ на либеральные планы Н. И. Панина и конституціонный проектъ, написанный подъ руководствомъ Панина Д. И. Фонъ-Визинымъ, довольно подробно характеризуетъ царствованіе Павла и разсказываетъ со словъ участниковъ о заговорѣ противъ него и его смерти, говоритъ о либеральномъ настроеніи Александра I, останавливается на конституціонныхъ планахъ Сперанскаго, затѣмъ переходитъ къ отношеніямъ Россіи къ западной Европѣ и войнѣ 1812—1814 г., характеризуетъ послѣдующее участіе Александра I въ дѣлахъ Западной Европы и, наконецъ, сжато говоритъ объ обществахъ декабристовъ и слѣдствіи и судѣ надъ ихъ членами.

Кромѣ оригинальныхъ сочиненій, Фонъ-Визинъ занимался въ Тобольскѣ и нѣкоторыми переводами. Такъ, онъ сильно заинтересовался, подъ вліяніемъ жены и мѣстнаго архіерея, сочиненіемъ доктора и поэта Юстина Кернера: „Преворстская ясновидящая“ [1]: это было уже весьма печальнымъ признакомъ старческаго ослабленія ума. Въ письмѣ отъ 15 октября 1842 г. онъ писалъ брату Ивану Александровичу: „Посылаю при семъ первыя шесть тетрадей моего перевода „Ясновидящей Преворстской“... Продолжаю трудиться надъ переводомъ... Я дивлюсь, какъ по сіе время никто еще не вздумалъ перевести ее всю на русскій языкъ. Здѣсь были нѣкоторые отрывки, которые между прочимъ читалъ покойный преосвященный нашъ. Они сдѣлали на него сильное впечатлѣніе, и ему все хотѣлось, чтобы я перевелъ эту книгу; я откладывалъ до осени, и когда началъ переводить ее, то его не стало“. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1842 г. Фонъ-Визинъ говоритъ: „Въ посылаемыхъ тетрадяхъ глава о кругахъ и о внутреннемъ языкѣ и письмѣ еще не кончена, и далѣе пойдутъ замѣчанія Кернера, Эшенмайера и Горреса, которые объясняютъ все, что есть не совсѣмъ

---

[1] „Die Seherin von Prevorst. Eröffnungen über das innere Leben des Menschen und über das Hereinragen einer Geisterwelt in die unsere“. Mitgetheilt von Justinus Kerner. 2 Theile. 1829. См. объ этомъ сочиненіи брошюру: *Carl du Prel.* „Justinus Kerner und die Seherin von Prevorst“, Leipz. (1886 г.). О томъ, что Н. Д. Фонъ-Визина сильно увлекалась книгою Кернера, см. ст. *Шенрока* въ „Рус. Бог.“, 1894 г., № 12, стр. 64—66.

яснаго въ показаніяхъ самой ясновидящей. Я воображаю себѣ, что ты улыбнешься, увидя въ переводѣ моемъ и стихи. Мнѣ самому смѣшно, что на старости лѣтъ мнѣ пришлось припомнить себѣ правила русской просодіи, которыя проходилъ лѣтъ 40 или болѣе тому назадъ. Первую часть книги скоро надѣюсь окончить. Вторая часть имѣетъ болѣе драматическаго интереса, только дѣйствующія лица въ этихъ драматическихъ отрывкахъ не люди, а духи свѣтлые, темные и сизые. Ты все это узнаешь послѣ. Ожидаю отъ тебя нѣсколько словъ о посланномъ къ тебѣ переводѣ Исторіи Израильскаго народа и христіанской церкви; доволенъ ли ты этими двумя статьями“.

Но ни эти письма, ни приложенные къ нимъ переводы сочиненія Кернера не дошли до И. А. Фонъ-Визина: они были задержаны въ III Отдѣленіи, вѣроятно потому, что трудъ Кернера былъ запрещенъ цензурой.

VI.

Дѣло о поѣздкѣ Н. Д. Фонъ-Визиной въ Ялуторовскъ.—Возвращеніе на родину.—Жизнь въ деревнѣ.—Положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ Фонъ-Визиныхъ.—Смерть Михаила Александровича.

Въ 1849 г. И. А. Фонъ-Визинъ обратился письменно къ гр. Бенкендорфу съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе повидаться съ братомъ, съ которымъ онъ разлученъ уже 23 года и „передъ близкимъ концемъ“ ихъ жизни „можетъ быть, въ послѣдній разъ проститься другъ съ другомъ“. Изъ наведенной по этому поводу справки видно, что въ 1846 г. И. А. Фонъ-Визинъ былъ, по высочайшему повелѣнію, освобожденъ отъ надзора съ разрѣшеніемъ служить по дворянскимъ выборамъ. Но по правиламъ, утвержденнымъ государемъ, къ государственнымъ преступникамъ не могли пріѣзжать изъ Россіи ни родственники, ни другія лица, кромѣ женъ. Допущено было только два исключенія: въ 1837 г. для матери и сестеръ Торсона и въ 1847 г. для сестеръ Бестужевыхъ, но съ тѣмъ, чтобы онѣ до смерти сына и братьевъ не возвращались изъ

Сибири и жили тамъ подъ всѣми тѣми ограниченіями, какъ и жены государственныхъ преступниковъ. Поэтому на свою просьбу Ив. Ал. получилъ отказъ.

Въ іюнѣ 1850 г. Н. Д. Фонъ-Визина просила генералъ-губернатора Западной Сибири, кн. Горчакова, исходатайствовать ей разрѣшеніе ѣхать для поправленія здоровья на Туркинскія минеральныя воды Иркутской губ. Полученъ былъ отвѣтъ, что „по дѣламъ III Отдѣленія препятствій для этого не встрѣчается“, и лишь было предписано имѣть за Фонъ-Визиною секретное наблюденіе; однако, разрѣшеніемъ этимъ Н. Д. не пришлось воспользоваться, такъ какъ кн. Горчаковъ поднялъ громкую исторію, вслѣдствіе ея поѣздки, безъ дозволенія администраціи, въ г. Ялуторовскъ (въ 341 верстѣ отъ Тобольска).

Въ августѣ того же года Жоз. Адам. Муравьева, жена декабриста Ал. Мих. Муравьева, вздумала прокатиться на ярмарку въ 62 верст. отъ Тобольска; она пригласила сопровождать ее несовершеннолѣтнюю дочь декабриста Анненкова, Ольгу, и Н. Д. Фонъ-Визину. Такъ какъ на ярмарку онѣ пріѣхали, когда уже снимались шатры, а погода была чудесная, то онѣ отправились далѣе въ Ялуторовскъ, гдѣ остановились у И. И. Пущина, посѣщали Муравьева-Апостола, Басаргина, Оболенскаго, Ентальцеву, были въ гостяхъ у исправника и одного чиновника и 23 августа выѣхали въ обратный путь. Получивъ донесеніе объ этой поѣздкѣ, кн. Горчаковъ довелъ о ней до свѣдѣнія гр. Орлова. Предписавъ тобольскому губернатору произвести разслѣдованіе этой „отлучки“, Горчаковъ приказалъ ему, подъ предлогомъ поздняго осенняго времени, не дозволять Фонъ-Визиной поѣздку на воды въ этомъ году, хотя самъ писалъ Орлову, что въ начатомъ имъ дѣлѣ не подозрѣваетъ „важности“, приписывая его „легкомыслію“. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы насолить двумъ мѣстнымъ жандармскимъ офицерамъ, обвинивъ ихъ въ недонесеніи и потворствѣ государственнымъ преступникамъ, и требовалъ перевода ихъ на службу въ другое мѣсто. На запросъ тобольскаго губернатора Фонъ-Визина 28-го сентября отвѣчала, что не разъ и прежде ѣздила въ различныя мѣста тамошняго округа безъ всякаго препятствія со стороны

мѣстнаго начальства, разрѣшенія же на свои кратковременыя отлучки не просила, потому что ей никогда не было объявлено, что она должна просить разрѣшенія. Указавъ на нѣсколько случаевъ своихъ поѣздокъ, хорошо извѣстныхъ мѣстной администраціи, Нат. Дм. просила объяснить ей, „на основаніи какихъ узаконеній, послѣ 24-лѣтняго неукоризненнаго пребыванія въ Сибири", ее подвергаютъ „слѣдственнымъ запросамъ", тогда какъ она „не за преступленіе, а по собственной волѣ" послѣдовала за мужемъ, „какъ потомственная дворянка, не лишенная ни правъ состоянія, ни прежняго званія" ея мужа и пользовалась своими правами въ предѣлахъ губерніи безпрепятственно. Еще до этого отвѣта она написала два письма въ томъ же смыслѣ, но только въ еще болѣе смѣломъ и весьма язвительномъ тонѣ, кн. Горчакову, съ покойною женою котораго она была въ родствѣ, грозя жаловаться высшему правительству. Въ письмѣ къ Горчакову отъ 5 октября она сравнивала его отношеніе къ государственнымъ преступникамъ и ихъ женамъ съ рыцарскимъ поведеніемъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ генерала Лепарскаго и, восхваляя послѣдняго, высказала много горькихъ истинъ кн. Горчакову. Въ заключеніе она предупреждала его, что всю свою корреспонденцію съ нимъ она отсылаетъ въ III Отдѣленіе, что и сдѣлала въ присутствіи жандармскаго офицера, чтобы помѣшать захвату письма мѣстною администраціею.

Горчаковъ приказалъ обязать подписками всѣхъ женъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ („политическими" въ Сибири называютъ поляковъ, сосланныхъ за государственныя преступленія), что онѣ не будутъ выходить за черту городовъ или волостей, гдѣ живутъ ихъ мужья, не получивъ вида отъ начальства, но и такія отлучки должно было разрѣшать не болѣе, какъ на 3-дневный срокъ и на разстояніе не далѣе 50 верстъ [1].

15-го октября кн. Горчаковъ писалъ гр. Орлову: „сдѣланное мною распоряженіе къ удержанію г-жи Фонъ-Визинъ въ Тобольскѣ" (т. е. пріостановка даннаго ей изъ Петербурга

---

[1] *Дмитріевъ-Мамоновъ*, „Декабристы въ Запад. Сибири", стр. 195.

разрѣшенія ѣхать на минеральныя воды) и требованіе разъясненія обстоятельствъ отлучки сихъ барынь подняли на меня бурю, угрожающую разразиться со всѣхъ сторонъ, за то, что я не оставилъ этого случая въ безгласности, какъ будто безъ явнаго нарушенія моего долга это было возможно... Предоставить государственнымъ преступникамъ того значенія (sic), которые нѣкоторые изъ нихъ домогаются, и допустить, чтобы они составляли собою мѣстную аристократію, которой всѣ должны угождать, не полагаю себя въ правѣ, какимъ бы послѣдствіямъ по негодованію косвенно не подвергался. Фонъ-Визинъ примѣрно скроменъ. Муравьевъ и Анненковъ люди обыкновенные и тоже сами по себѣ безвредны, но къ сожалѣнію всѣ они состоятъ подъ неограниченнымъ вліяніемъ своихъ супругъ. Г-жа Фонъ-Визинъ крайне раздражительнаго нрава, Муравьева,—изъ гувернантокъ сдѣлавшаяся обладательницею многотысячнаго состоянія, ищетъ первенствовать, а Анненкова по происхожденію и воспитанію вамъ извѣстна. Эти барыни составляютъ собою главный источникъ козней въ Тобольскѣ сперва противъ губернскаго начальства, а нынѣ и противъ меня, такъ что... на насъ сыплется клевета, при повтореніи сотнями голосовъ угрожающая неизбѣжными неудовольствіями“.

Вслѣдствіе отсутствія шефа жандармовъ, письмо кн. Горчакова отъ 16-го сентября къ гр. Орлову было доложено военному министру, Чернышеву, и онъ приказалъ Фонъ-Визиной, Муравьевой и Анненковой „сдѣлать строгое внушеніе за ихъ неумѣстный поступокъ, усугубить надзоръ и обнаружить, не было ли въ ихъ путешествіи какого либо преступнаго намѣренія. Если же поѣздка ихъ сдѣлана по одной вѣтренности, то Фонъ-Визиной не препятствовать ѣхать весною къ Туркинскимъ водамъ, ежели состояніе ея здоровья дѣйствительно того требуетъ“. Двумъ жандармскимъ офицерамъ велѣно было только сдѣлать строгое замѣчаніе за слабый надзоръ. Нат. Дм. Фонъ-Визина послала 25-го октября просьбу государю, въ которой просила прощенія за отлучку, объясняла, что совершила проступокъ по невѣдѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ жаловалась на стѣсненія со стороны Горчакова. Государь, по докладу гр. Орлова, приказалъ объявить ей,

что она, „на основаніи существующихъ постановленій, должна подлежать всѣмъ тѣмъ ограниченіямъ", которымъ „подчиненъ ея мужъ". Разслѣдованіе, произведенное мѣстнымъ жандармскимъ управленіемъ окончательно доказало, что въ поѣздкѣ Фонъ-Визиной, Муравьевой и Анненковой не было ни малѣйшаго преступнаго намѣренія, и при этомъ выяснилось, что Н. Д. до того уже три раза ѣздила въ Ялуторовскъ, Свистунова почти ежегодно навѣщала своихъ родныхъ въ Курганѣ, а жена Александра Муравьева каждый годъ жила лѣтомъ въ Ивановскомъ монастырѣ (въ 10 верст. отъ Тобольска), весьма часто ѣздила въ Абалакскій монастырь (въ 25 верст.) и къ другимъ болѣе отдаленнымъ церквамъ, и всѣ эти поѣздки не вызывали прежде ни замѣчанія, ни воспрещенія со стороны мѣстнаго начальства. Только въ мартѣ 1851 г. дѣло это было окончательно прекращено. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству производившаго ревизію въ Западной Сибири генералъ-адъютанта Анненкова, Фонъ-Визиной разрѣшено было ѣхать на воды, но этимъ разрѣшеніемъ она не воспользовалась, такъ какъ была потрясена смертью двухъ оставшихся въ Россіи сыновей: въ концѣ 1850 и въ іюнѣ 1851 г. умерли два сына Фонъ-Визиныхъ, Дмитрій, 26 лѣтъ и Михаилъ, 25 лѣтъ, такъ и не получивъ разрѣшенія повидаться съ родителями [1].

Ив. Ал. Фонъ-Визинъ, служившій въ это время при московскомъ тюремномъ комитетѣ, въ 1850 г. началъ, было, хлопоты о перемѣщеніи его брата и обратился для этого къ наслѣднику-цесаревичу [2], но, несмотря на его заступничество, III Отдѣленіе на это не согласилось, потому что „изъ лицъ, прикосновенныхъ къ происшествію 14-го декабря, никто еще не былъ переведенъ изъ Сибири", кромѣ тѣхъ, кому государь дозволилъ поступить рядовыми въ военную службу. Послѣ смерти племянниковъ Ив. Ал. сталъ хлопотать въ 1851 г. о дозволеніи брату возвратиться на родину, въ Великороссію. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ было указано на то,

---

[1] О неудачномъ воспитаніи этихъ дѣтей и ихъ печальной судьбѣ см. въ ст. *Шенрока* „Одна изъ женъ декабристовъ", „Рус. Бог.", 1904 г., № 11, стр. 117—121, 129—131, № 12, стр. 64—66, 70—71, 75.

[2] Ср. „Литер. Сборн.", изд. „Восточ. Обозр.", 1885 г., стр. 234, 239, 241.

что „изъ преступниковъ одной категоріи съ Фонъ-Визинымъ, четвертаго разряда, Лореръ, два брата Бѣляевы и Нарышкинъ, даже преступники высшихъ категорій... Сутгофъ (перваго разряда) и Василій Норовъ (второго разряда) были опредѣлены съ поселенія въ рядовые въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и, по выходѣ въ отставку, жительствуютъ въ великороссійскихъ губерніяхъ", и что Фонъ-Визинъ также просился объ опредѣленіи на Кавказъ, но просьба его не была исполнена. Государь повелѣлъ спросить московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, считаетъ ли онъ возможнымъ дозволить Фонъ-Визину жить въ имѣніи его брата. Тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ Ив. Ал. Фонъ-Визинъ самъ былъ членомъ тайнаго общества и только въ 1846 г. освобожденъ отъ полицейскаго надзора, то онъ не считаетъ принимаемой имъ на себя отвѣтственности за брата надежнымъ ручательствомъ, тѣмъ болѣе, что полицейскій надзоръ въ уѣздѣ весьма затруднителенъ и недостаточенъ. Вслѣдствіе этого И. А. Фонъ-Визину было отказано въ его просьбѣ, но въ іюнѣ 1852 г. ему было дозволено отправиться въ Тобольскъ для свиданія съ братомъ. Онъ пріѣхалъ туда со своею свояченицею, Ек. Ѳед. Пущиною, и провелъ съ братомъ шесть недѣль [1]. Въ январѣ 1853 г. И. А. обратился къ Закревскому съ просьбою ходатайствовать о возвращеніи Мих. Ал. и на этотъ разъ встрѣтилъ поддержку съ его стороны. 13-го февраля государь разрѣшилъ М. А. возвратиться на родину, въ имѣніе его брата (Московской губ.).

3-го марта 1853 г. М. А. получилъ объ этомъ извѣстіе. Рѣшено было отложить отъѣздъ до мая, но скоро пришли тревожныя вѣсти о болѣзни Ивана Александровича. Тогда М. А., не обращая вниманія на страшную распутицу, поспѣшилъ выѣхать изъ Тобольска 15-го апрѣля, безъ жены, въ сопровожденіи жандарма, въ простой телѣгѣ на перекладныхъ. Къ счастію, отъ Перми до Нижняго онъ могъ проѣхать на пароходѣ. Въ Москвѣ (11-го мая) его прямо привезли къ дому генералъ-губернатора, гдѣ ему было разрѣшено отправиться въ домъ брата, котораго онъ

[1] „Историч. Вѣст.", 1888 г., № 6, стр. 635; „Рус. Бог.", 1894 г., № 12, стр. 76

уже не засталъ въ живыхъ. Многіе родные и старые друзья цѣлый день окружали его; въ числѣ ихъ былъ и прежній начальникъ М. А. — А. П. Ермоловъ. Въ Москвѣ Фонъ-Визину дозволено было остаться лишь 24 часа, а затѣмъ онъ отправился, по прежнему въ сопровожденіи жандарма, въ имѣніе брата, въ село Марьино, Бронницкаго у., въ 50 верст. отъ Москвы, въѣздъ въ которую ему былъ запрещенъ.

4-го мая 1853 г. выѣхала изъ Тобольска и Н. Д. въ сопровожденіи жандарма, двухъ дѣвочекъ-пріемышей [1], старой няни, раздѣлявшей съ Фонъ-Визиными ихъ изгнанническую жизнь въ Сибири, и М. Д. Францевой, дочерью тобольскаго губернскаго прокурора, которую М. А. очень любилъ и которую отецъ отпустилъ погостить у него на цѣлый годъ. Какъ только Н. Д. пріѣхала въ Москву, явился чиновникъ отъ Закревскаго и потребовалъ, чтобы она немедленно выѣхала въ село Марьино.

Ив. Ал. завѣщалъ свои имѣнія Натальѣ Дмитріевнѣ (такъ какъ Михаилу Александровичу не были возвращены его права), и она немедленно вступила въ управленіе ими еще до утвержденія духовнаго завѣщанія московскою гражданскою палатою. Узнавъ объ этомъ, Закревскій воспретилъ ей распоряжаться имѣніемъ и послалъ запросъ въ III Отдѣленіе о томъ, „какими правами должна пользоваться Н. Д. Фонъ-Визина и можно ли ей дозволить именоваться генералъ-маіоршей“ (какъ назвалъ ее въ своемъ завѣщаніи И. А.) и держать у себя привезенныхъ ею изъ Сибири лицъ, въ числѣ которыхъ есть дочь поселенца. На это гр. Орловъ отвѣчалъ, что по справкѣ, какъ въ общихъ законахъ, такъ и въ особыхъ постановленіяхъ, имѣющихся въ III Отдѣленіи собств. Е. И. В. Канцеляріи по дѣламъ о государств. преступникахъ, оказалось: „1) въ 26 статьѣ Улож. о Наказ. Угол. и Исправ. сказано: лишеніе правъ состоянія не распространяется на жену осужденнаго. Жены сохраняютъ всѣ права своего состоянія даже и въ томъ случаѣ, когда, съ надлежащаго разрѣшенія, онѣ послѣдуютъ добровольно за осужден-

[1] Одна изъ нихъ была Марія Свѣшникова, дочь унтеръ-офицера, 12 лѣтъ, другая Антонина Дмитріева, дочь поселенца, родившаяся въ 1850 г.; „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 6, 636—640, № 7, стр. 61—65; „Рус. Стар.“, 1885 г., № 11, стр. 293—298.

нымъ въ мѣсто его ссылки. Нѣкоторыя ограниченія въ порядкѣ пользованія сими правами, во время пребыванія ихъ съ осужденнымъ въ мѣстѣ ссылки, допускаются лишь по необходимости, въ случаяхъ особенно важныхъ и не иначе, какъ по усмотрѣнію и распоряженію высшаго начальства. Впрочемъ, несмотря на сіи ограниченія, женѣ сосланнаго въ каторжныя работы или на поселеніе предоставляется именоваться прежнимъ титуломъ и по прежнему чину или званію мужа. 2) Ограниченіе въ правахъ женъ государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ за мужьями своими въ Сибирь на основаніи высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ апрѣлѣ 1833 г. [1], состоитъ въ томъ, что въ то время, когда мужья находятся въ каторжной работѣ или на поселеніи, упомянутыя жены подвергаются всѣмъ личнымъ ограниченіямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками. Но и тогда онѣ не лишаются права наслѣдовать доходящую имъ собственность и вообще, черезъ довѣренныхъ лицъ, располагать своимъ имѣніемъ, способами въ законахъ дозволенными, съ тѣмъ только, что онѣ изъ доходовъ своего имѣнья могутъ получать на свое содержаніе въ Сибири не болѣе извѣстной, опредѣленной суммы. По смерти же государственныхъ преступниковъ въ Сибири, женамъ ихъ возвращаются лично всѣ ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ ихъ непосредственное уже распоряженіе принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ. 3) По силѣ высочайшихъ повелѣній, состоявшихся въ іюнѣ 1837 г. и въ августѣ 1843 г., въ случаѣ всемилостивѣйшаго дозволенія государственнымъ преступникамъ возвратиться изъ ссылки, и тѣ жены, которыя послѣдовали за ними изъ внутреннихъ губерній, должны возвращаться вмѣстѣ съ мужьями. Въ новомъ мѣстожительствѣ все ограниченіе правъ ихъ состоитъ только въ томъ, что имъ воспрещается въѣздъ въ столицы, и онѣ обязаны о мѣстопребываніи своемъ всегда увѣдомлять мѣстное начальство. 4) Наконецъ, въ 1316-й ст. XIV т. Св. Зак. Устава о ссыльныхъ въ отношеніи дѣтей не государственныхъ, но уго-

---

[1] См. это повелѣніе въ ст. *Щеголева*, „О русскихъ женщинахъ“ Некрасова въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ“, Сборникъ „Къ свѣту“, 1904 г., стр. 526—528.

ловныхъ преступниковъ, къ которымъ принадлежитъ дочь поселенца Антонина Дмитріева, сказано: Дѣти ссланнаго преступника, рожденныя послѣ исполненія приговора, приписываются къ податнымъ обществамъ и перечисляются изъ одного мѣста или званія въ другое на основаніи общихъ правилъ". Въ заключеніе гр. Орловъ говоритъ, что на основаніи приведенныхъ законовъ „не встрѣчается никакого препятствія женѣ Михаила Фонъ-Визина именоваться генералъ-маіоршею, получить установленнымъ порядкомъ отказанное ей по духовному завѣщанію имѣніе, распоряжаться, какъ этимъ, такъ и всякимъ другимъ, и оставить при ней привезенныхъ ею изъ Сибири трехъ дѣвицъ, въ томъ числѣ и дочь поселенца Антонину Дмитріеву" [1].

О жизни Фонъ-Визина въ Марьинѣ Францева разсказываетъ: „М. А., по своему живому характеру, и здѣсь велъ дѣятельную жизнь и много читалъ, такъ какъ въ Марьинѣ сохранилась большая старинная библіотека; онъ велъ огромную переписку, любилъ очень бесѣдовать съ мужиками, вникалъ во всѣ ихъ нужды, помогалъ имъ и словомъ, и дѣломъ. Всѣ они имѣли къ нему свободный доступъ и большую довѣренность. Гуляя съ нимъ, мы часто заходили къ крестьянамъ въ избы, гдѣ всѣ встрѣчали его, какъ родного отца; но, несмотря на всю его доброту, онъ не потакалъ дурнымъ ихъ качествамъ и былъ неумолимъ, когда нужно было оказывать правосудіе... Вся хозяйственная часть въ Марьинѣ, такъ же какъ и въ Сибири, лежала на старой нянѣ...; она много помогала Мих. Ал. своею чуткою, правдивою натурою въ удовлетвореніи нуждъ крестьянскихъ. Маленькія пріемныя дѣти развлекали и утѣшали любящее его сердце. Старшую дѣвочку онъ помѣстилъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, гдѣ она и кончила свое воспитаніе... Нат. Дмитріевна только къ вечеру освобождалась отъ своихъ занятій по приведенію въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ, и тогда наши общія бесѣды длились далеко за полночь" [2].

Что Фонъ-Визины были люди съ большими средствами, объ этомъ уже было упомянуто, но мы не имѣемъ возможно-

[1] Арх. Деп. Полиціи. Дѣло III Отд. собств. Е. Вел. Канц., № 61, ч. 74.

[2] „Ист. Вѣстн.", 1888 г., № 7, стр. 68 69.

сти точно указать, какъ велики были ихъ помѣстья. Мы знаемъ только, что по смерти мужа, Н. Д. выразила въ 1855 г. желаніе продать въ казну имѣнія въ губерніяхъ Костромской, Тверской, Рязанской и Тамбовской, въ которыхъ было, по девятой ревизіи, по окончательному счету, 2.586 душъ и 58.206 дес. земли [1]. Это были тѣ имѣнія, которыя достались Н. Д. по завѣщанію отъ И. А. Фонъ-Визина; нужно замѣтить, впрочемъ, что они были обременены значительными частными долгами и долгомъ опекунскому совѣту. Въ томъ числѣ въ Козловскомъ у. Тамбовской губ. было 244 души м. п., [2] изъ нихъ 68 тяголъ были на барщинѣ, а 24 платили оброкъ по 15 р. съ тягла [3]. Всей земли было болѣе 800 дес.; крестьяне были довольно бѣдны. Въ трехъ оброчныхъ имѣніяхъ Фонъ-Визиныхъ въ Костромской губ. въ уѣздахъ Кологривскомъ и Чухломскомъ было 1.620 душъ м. п. и почти 53.000 дес. земли [4]. Крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, занимались плотничною работою, возкою и сплавомъ лѣса и куреніемъ дегтя и платили оброкъ по 15 р. съ тягла (средній оброкъ въ губерніи 19 р. 40 к.); они считали его не обременительнымъ [5].

---

[1] Арх. Мин. Гос. Имущ., Дѣло I Деп. № 23.437, л. 131.

[2] Кромѣ того, 26 душъ, купленныя Ив. Алек. съ землею, были завѣщаны его свояченицѣ, Е. Ѳ. Пущиной, въ пожизненное безотчетное владѣніе безъ права продажи и перезалога.

[3] Средній оброкъ въ Тамбовской губ., по вычисленію г-жи Игнатовичъ, равнялся 19 р. 75 к. съ тягла; „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", стр. 66.

[4] Имѣніе это въ 1827 г. по раздѣлу съ И. А. Фонъ-Визинымъ досталось дѣтямъ Мих. Ал. — Дмитрію и Михаилу, а по смерти „неслужившаго дворянина Дмитрія и отставного гвардіи подпоручика Михаила Михайловича Фонъ-Визина" досталось въ 1851 г. въ полномъ составѣ Ивану Александровичу, отъ котораго и перешло по завѣщанію къ Натальѣ Дмитріевнѣ; Арх. Мин. Гос. Имуществъ, дѣло I Деп., № 23.437, л. 75.

[5] Нужно замѣтить, впрочемъ, что прежде крестьяне въ двухъ имѣніяхъ Костромской губ. (гдѣ было 977 душъ) обязаны были заготовлять и вывозить лѣсъ и строить барки, за что имъ въ счетъ оброка полагалась задѣльная плата, но недостаточная, и потому ихъ экономическое положеніе было хуже, чѣмъ въ третьемъ имѣніи этой губерніи. Но въ 1855 г. Фонъ-Визина отмѣнила барщинную постройку судовъ, предоставивъ имъ самимъ заниматься лѣсопромышленностью и разрѣшивъ отпускать имъ по 80 деревьевъ на тягло. По смерти мужа, Н. Д. написала крестьянамъ костромскихъ имѣній, что она не желаетъ, чтобы они, послѣ ея смерти, перешли по наслѣдству къ двоюродному брату покойнаго мужа, „такъ какъ у него другой взглядъ на крестьянъ", и потому предоставляетъ имъ посовѣтоваться между собою о томъ, какъ лучше устроить ихъ участь. Крестьяне, по общему совѣту, рѣшили просить помѣщицу оставить ихъ въ пожизненномъ ея владѣніи, а по смерти

Въ имѣніи Тверской губ. Калязинскаго у. было 140 душъ м. п., составлявшихъ 67 тяголъ, которыя въ 1855 г. платили оброка по 21 р. 43 коп. съ тягла (средній оброкъ по губерніи—17 р. 53 к.); земли тамъ было около 1.400 дес., изъ нихъ во владѣніи крестьянъ 552 дес.; кромѣ хлѣбопашества, крестьяне занимались отхожимъ портняжнымъ промысломъ. Наконецъ, въ Ряжскомъ у. Рязанской губ. было 582 души [1]; крестьяне состояли на барщинѣ и были зажиточны [2]. Кромѣ названныхъ имѣній, Фонъ-Визинымъ принадлежали села Марьино и Крюково (первое Бронницкаго у., а второе на Николаевской ж. д.). Были ли у Фонъ-Визиныхъ еще имѣнія, намъ неизвѣстно.

Михаилъ Александровичъ прожилъ въ Марьинѣ 11 мѣсяцевъ и нѣсколько скучалъ, вслѣдствіе отсутствія общества, къ которому онъ привыкъ. Впрочемъ, посѣщенія нѣкоторыхъ старыхъ товарищей-декабристовъ, какъ, напримѣръ, М. М. Нарышкина съ женою, бар. Тизенгаузена, возвращеннаго изъ Сибири по просьбѣ дѣтей, и нѣкоторыхъ родныхъ, служили для него большимъ развлеченіемъ. Въ бесѣдахъ съ людьми одинаковыхъ взглядовъ онъ снова оживалъ, въ остальное же время ему приходилось довольствоваться преимущественно обществомъ молодой Францевой, такъ какъ Нат. Дм. большую часть времени должна была посвящать хозяйственнымъ дѣламъ.

Скончался Михаилъ Александровичъ 30-го апрѣля 1854 г. послѣ десяти-дневныхъ страданій. За день до кончины онъ послалъ черезъ Францеву привѣтъ своимъ товарищамъ по ссылкѣ въ Тобольскѣ и Тобольской губ., особенно И. Д. Якушкину [3].

В. И. Семевскій.

ея передать въ казну безденежно, причемъ они принимали на свою отвѣтственность уплату долга московскому опекунскому совѣту. Имѣніе было заложено въ 1852—53 г. по 70 р. за душу.

[1] Кромѣ того, въ Рязанской губ. И. А. Фонъ-Визинъ завѣщалъ 260 душъ Н. Ѳ. Пущиной.

[2] Министерство Госуд. Имущ. не нашло возможнымъ пріобрѣсти въ казну имѣнія Н. Д. Фонъ-Визиной, Архивъ Мин. Гос. Им., дѣло 1855 г. по I Деп., № 23.437, ср. № 23.481.

[3] „Воспоминанія Францевой“, „Ист. Вѣстн.“, 1888 г., № 7, стр. 66 74; „Рус. Стар.“, 1885 г., № 11, стр. 298—304.

Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи

Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи[1].

(Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie par M. M. Esneaux et Chennechot. 5 volumes. Paris, 1835).

„Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина — соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ. Древнее пословіе есть греческое: другіе помыслы мудрѣйшіе суть, паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ, паче единаго....

„А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть: понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ".

Духовный регламентъ императора Петра I-го. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи съ 1649 г. Томъ VI, стр. 316.

Написавшіе эту русскую исторію два француза, не зная нашего языка, не могли изучать ее въ источникахъ, лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ, а имѣли предъ глазами только французскій переводъ исторіи Карамзина и исторію русскую Левека, который, впрочемъ, хорошо зналъ русскій

---

[1] Такъ называемыя „Записки М. А. Фонъ-Визина", представляющія собою, по существу дѣла, не записки въ обычномъ смыслѣ слова, а дополненный личными воспоминаніями автора разборъ книги Esneaux и Chennechot, существуютъ въ трехъ видахъ: 1) Заграничное изданіе „Записокъ" (Лейпцигъ 1861 г.), носящее также названіе „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи". Изданіе это, отличающееся существенными дефектами, воспроизведено съ неизвѣстнаго намъ текста. 2) Тѣ же „Записки", напечатанныя съ большими сокращеніями въ апрѣльской и майской книжкахъ „Русской Старины" за 1884 г., съ рукописи, переданной Фонъ-Визинымъ его другу И. И. Пущину. 3) Копія такой же рукописи, но съ болѣе поздними вставками и поправками къ ней самого М. А. Фонъ-Визина, хранящаяся въ библіотекѣ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Всѣ три названные текста „Записокъ" нами тщательно свѣрены между собою. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторыя фразы и отдѣльныя слова имѣются въ одномъ текстѣ и не имѣются въ другомъ, мы заключаемъ такія фразы и слова въ прямыя скобки. *В. Богучарскій.*

языкъ, читалъ въ подлинникѣ наши лѣтописи и пользовался нашими древними отечественными памятниками. Но въ его время многое нынѣ обнародованное валялось еще въ архивахъ и монастыряхъ, покрытое вѣковою пылью, и вовсе было неизвѣстно занимающимся нашею исторiей и древностями. Карамзинъ первый началъ разработывать эти источники съ знанiемъ дѣла и собралъ много до него неизвѣстныхъ свѣдѣнiй и актовъ, въ примѣчанiяхъ къ своей исторiи, занимающихъ половину его книги. Это главная его заслуга: по его слѣдамъ трудились многiе любители русскихъ древностей: Ермолаевъ, Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ и общество любителей исторiи и древностей при московскомъ университетѣ. Канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ покровительствовалъ эти изысканiя и на свой счетъ напечаталъ собранiе древнихъ грамотъ, Софiйскiй временникъ и историческiе труды Калайдовича и Строева. Наконецъ, археографическая коммиссiя, учрежденная правительствомъ, и которой открыты всѣ государственные и монастырскiе архивы, въ продолженiи своего восемнадцати-лѣтняго существованiя собрала множество до того неизвѣстныхъ актовъ историческихъ, дипломатическихъ и юридическихъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и печатаетъ ихъ также, какъ и полный сводъ древнихъ нашихъ лѣтописей. Всѣмъ этимъ богатствомъ не могли пользоваться гг. Енно и Шеншо по незнанiю по русски, и книга, ими изданная, не можетъ назваться исторiей. Это скорѣе записки или коментарiи на исторiю Карамзина, въ которыхъ, сравнивая его повѣствованiе съ исторiей Левека, обличаются слабость философическаго взгляда на событiя и недостатокъ логики въ сужденiяхъ нашего исторiографа. Авторы доказываютъ, что тамъ, гдѣ Карамзинъ разнорѣчитъ съ Левекомъ, Левекъ заслуживаетъ болѣе вѣроятiя, представляя событiя естественнѣе, нежели какъ ихъ представлялъ Карамзинъ, который и писалъ совсѣмъ превратно.

Между тѣмъ въ книгѣ гг. Енно и Шеншо не видно враждебнаго расположенiя къ Россiи [и русскимъ], которымъ отличаются по большей части сочиненiя иностранцевъ о нашемъ отечествѣ. Они, напримѣръ, замѣтили въ нашей древней исторiи, что въ среднiе вѣка русскiе были на высшей

степени гражданственности, нежели остальная Европа—разумѣется до нашествія монголовъ, что древнія республики Новгородъ, Псковъ и Вятка наслаждались политическою свободою,—что въ другихъ областяхъ Россіи народъ стоялъ за права свои, когда угрожала имъ власть князей, что общинныя, или муниципальныя учрежденія и вольности были въ древней Россіи во всей силѣ, когда еще Западная Европа оставалась подъ игомъ феодализма.

Наши историки, особенно Карамзинъ, скупы на этого рода подробности: говорятъ о нихъ слегка, или вовсе пропускаютъ проявленія въ Россіи политической свободы и тѣ учрежденія, которыя ей благопріятствовали. Русскіе историки, напротивъ, вездѣ стараются выставлять превосходство самодержавія, и восхваляютъ какую-то блаженную патріархальность, въ которой неограниченный монархъ, какъ нѣжный чадолюбивый отецъ и дышитъ только однимъ желаніемъ счастливить своихъ подданныхъ.

Но такъ ли это въ дѣйствительности? Вѣрно-ли представляютъ историки жизнь русскаго народа во времена, почитаемыя ими варварскими?—Не былъ ли тогда народъ свободнѣе?—Крѣпостное рабство земледѣльцевъ, въ тѣ времена общее всей Западной Европѣ, въ Россіи до XVII столѣтія не существовало: всѣ русскіе были вольные люди.

Г-жа Сталь сказала гдѣ-то, что въ жизни народовъ, свободѣ во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежитъ законное право давности передъ самовластіемъ. (C'est le despotisme qui est nouveau, et la liberté qui est ancienne). Эта мысль геніальной писательницы вѣрна относительно европейскаго человѣчества, и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена [съ Петра Великаго] сдѣлалась классическою почвою самодержавія.

Прочитавъ исторію Енно и Шеншо, мнѣ пришло въ голову представить краткое обозрѣніе всѣхъ проявленій политической жизни въ нашемъ отечествѣ: начну этотъ перечень я съ самаго начала его существованія. Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что древняя Русь не знала ни рабства политическаго, ни рабства гражданскаго: то и другое при-

вилось къ ней постепенно и насильственно, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ.

Предки наши славяне были, какъ и ихъ сосѣди германцы, народъ полудикій, но свободный, и въ общественномъ быту славянъ преобладала стихія демократическая — общинная.

Западныя славянскія племена, искони разъединенныя, не могли въ средніе вѣка устоять противъ напора германцевъ [со времени Карла Великаго], болѣе ихъ воинственныхъ, и были ими покорены. Восточная половина славянскаго міра, Польша и Русь, оставались независимыми: первая, по сосѣдству съ германскими государствами, усвоила ихъ феодальное, аристократическое устройство, благопріятствующее если не большинству народа, то сословіямъ и лицамъ, и это, обезпечивая ихъ права и вольности, также содержало въ себѣ сѣмена будущаго политическаго развитія. Русь осталась вѣрною коренной, славянской стихіи: свободному общинному устройству, основанному на началахъ чисто демократическихъ.

Несомнѣнное тому доказательство представляютъ древнія вольныя общины: Новгородская, Псковская и Хлыновская (Вятская), въ которыхъ славянскій элементъ развился своеобразно.

Въ этихъ народныхъ державахъ подъ сѣнію политической и гражданской свободы основались демократическія учрежденія, подъ которыми онѣ были независимы и благоденствовали. Богатства притекали въ Новгородъ чрезъ дѣятельную и живую торговлю съ одной стороны съ ганзейскими нѣмцами, съ другой съ азіятцами. Владѣнія Новгорода занимали сѣверную Россію до каменнаго пояса. Эти страны были покорены отважными дружинами охотниковъ и промышленниковъ новгородскихъ.

Часто упоминаемая въ лѣтописяхъ поговорка: великій Новгородъ Государь нашъ! не есть фикція, а показываетъ ясно, что источникъ всякой власти находился тогда въ народѣ, который собирался на вѣче по призыву знаменитаго вѣчеваго колокола для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Всѣ общинные начальники: посадники, тысяцкіе, бояре, пред-

водители войска, даже владыки новгородскіе избирались народнымъ вѣчемъ, которое обладало полнотою законодательной власти. Князья новгородскіе, всегда изъ потомковъ Рюриковыхъ призываемые, а также и смѣняемые вѣчемъ, были только исполнители его опредѣленій. Подобное общинное устройство существовало въ Псковѣ и Хлыновѣ, сначала зависѣвшихъ отъ Новгорода. Въ послѣднемъ не было князей. Но и въ прочихъ областяхъ древней Руси, въ которыхъ княжили князья великіе и удѣльные изъ рода Рюрикова, долго сохранялось общинное устройство. Во всѣхъ древнихъ городахъ собирались народныя вѣча для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ—часто по приговору вѣча изгонялись сами князья и на мѣсто ихъ призывались другіе на княженіе, и вѣче дѣйствовало *на всей своей волѣ.* Такъ бывало въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ—даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, Ростовѣ и др. Посадники, тысяцкіе, старосты повсюду были избираемы народомъ.

Нашествіе монголовъ, превратившихъ въ пустыню цѣлыя области южной и средней Руси, и почти двухъвѣковое владычество Орды не вдругъ и не вовсе уничтожили общинный бытъ русскихъ городовъ. Набѣги татаръ были временные, и они уходили въ свои улусы, раззоривъ и ограбивъ какую нибудь область. Эти бѣдствія не касались Новгорода и Пскова, которые откупались, платя ордынскую дань, сохраняли свои общинныя учрежденія и обогащались торговлею.

„Остальная Русь“, говоритъ Карамзинъ, „упитанная кровью, осыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ ханскихъ, а государи ея трепетали баскаковъ“. Русскіе князья пресмыкались въ Ордѣ; возвращались оттуда грозными, суровыми повелителями, и на подданныхъ вымещали свое униженіе.

Московскій князь Иванъ Калита, въ лѣтописяхъ названный собирателемъ земли русской, былъ, по волѣ хана, собирателемъ [ордынской] дани, не только съ своего малаго княжества, но и со всѣхъ прочихъ. Выплачивая эту дань со всей Руси, какъ поставленный на то и уполномоченный ханомъ, Калита собиралъ съ народа гораздо болѣе денегъ, нежели сколько платилъ хану,—что и было источникомъ его богат-

ства, доставлявшаго ему покровительство въ ордѣ. Преемники Калиты дѣйствовали въ его духѣ, раболѣпствовали ханамъ и подкупали ихъ вельможъ. Этой политикой они снискали себѣ первенство между прочими однородными съ ними князьями и были объявлены *великими*. Въ продолженіи столѣтія скупая или отнимая силою смежныя съ ихъ владѣніемъ княжества, они значительно расширили свою область—пріучили прочихъ князей повиноваться себѣ, и такимъ образомъ въ ихъ родѣ постепенно утвердилось единовластіе, которое не замедлило превратиться въ самовластіе.

Во всѣхъ русскихъ городахъ прежняя общинная свобода замѣнилась княжескимъ произволомъ:—народъ уже не собирался на вѣчахъ, не распоряжался въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, и вольныя общинныя учрежденія сохранились только до времени въ Новгородѣ, Псковѣ и Хлыновѣ.

Димитрій Донской въ Москвѣ своею властію установилъ смертную казнь и отнялъ у народа право избранія тысяцкихъ и прочихъ общинныхъ чиновниковъ. Послѣднему московскому тысяцкому Вельяминову-Зернову повелѣлъ онъ отрубить голову. Въ томъ же духѣ дѣйствовали преемники Димитрія Донскаго: сынъ его Василій Дмитріевичъ и внукъ Василій Темный. Русь сдѣлалась московкимъ государствомъ.

Вел. кн. Иванъ Васильевичъ III, соединивъ подъ своею державою прочія русскія княжества и свергнувъ иго татарское, былъ уже государемъ самовластнымъ. Онъ и сынъ его Василій Ивановичъ, покоривъ оружіемъ Новгородъ, Псковъ и Хлыновъ, уничтожили ихъ общинныя права и вольности и увезли въ Москву, какъ трофеи, колокола, сзывавшіе на вѣче свободныхъ гражданъ Новгорода и Пскова.

Но духъ свободы живучъ въ народахъ, которыхъ онъ когда либо одушевлялъ. Не вовсе замеръ онъ и въ нашихъ предкахъ, даже и подъ игомъ татаръ.

Съ XVI вѣка исторія указываетъ на частыя созыванія государственнаго собора или великой земской думы, которая составлялась изъ архіереевъ, бояръ и выборныхъ людей отъ дворянъ 1-й, 2-й и 3-й статьи, отъ гостей, купцовъ и иногородныхъ помѣщиковъ. Въ этой думѣ засѣдало въ разныя вре-

мена отъ 350 до 500 членовъ, съ которыми правительство совѣщалось о важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный собиралъ въ 1549 г. избранныхъ представителей Россіи въ Москвѣ, и съ лобнаго мѣста приносилъ предъ ними покаяніе въ худомъ правленіи, извиняясь своею неопытною молодостію, которою воспользовались безсовѣстные вельможи и угнетали народъ. Впередъ обѣщалъ онъ правый судъ и расправу.

Тотъ же царь въ слѣдующемъ 1550 году сзывалъ опять соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія судебника и для введенія во всѣ суды присяжныхъ, называемыхъ цѣловальниками (потому что, они давая присягу, цѣловали крестъ), какъ то было въ Новгородѣ.

Въ третій разъ Грозный собиралъ земскую думу изъ 339 выборныхъ людей въ 1566 году [1], требовалъ ея совѣта: мириться-ли, или воевать съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Дума, по зрѣломъ разсужденіи, рѣшила продолжать войну и стараться овладѣть Ригой для безопасности Юрьева (Дерпта), Нарвы, Новгорода и для пользы торговли.

По смерти Ивана Грознаго верховная боярская дума немедленно созвала думу земскую для совѣщанія объ устройствѣ государства и исправленія зла, нанесеннаго ему долговременнымъ тиранствомъ умершаго царя.

Въ 1598 [2] году, когда смертію царя Θеодора Ивановича пресѣкся родъ Рюриковъ, созвана была земская дума для избранія царя: въ ней кромѣ архіереевъ и бояръ было до 500 выборныхъ людей отъ разныхъ сословій, и дума нарекла царемъ шурина умершаго Θеодора—боярина Бориса Θеодоровича Годунова.

Въ смутное время послѣ убіенія Лже-Дмитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій избранъ и возведенъ на царство не земскою думою, а боярами и народомъ московскимъ. Верховная боярская дума взяла однако съ него запись, которую онъ утвердилъ клятвою: онъ обязывался, 1) что не будетъ

[1] Въ подлинникѣ ошибочно указанъ 1556 годъ. См. Латкинъ—„Земскіе соборы древней Руси". СПБ. 1885 г. стр. 71. *В. Б.*

[2] Въ подлинникѣ опять ошибочно указано, что этотъ соборъ происходилъ въ 1595 году. Ibidem, стр. 89—95. *В. Б.*

казнить никого смертію безъ суда боярскаго истиннаго, праваго; 2) что будетъ всегда требовать уликъ прямыхъ, ясныхъ, съ очей на очи; 3) не будетъ отбирать безъ суда ничьихъ имуществъ. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ были тогда изъ первыхъ въ боярской думѣ, которые настоятельно требовали ограниченія самодержавія. Но какъ Василій Шуйскій не былъ, подобно Годунову, избранъ на царство земскою думою, то многіе сомнѣвались въ законности его избранія и это способствовало скорому его низверженію.

Призывая польскаго королевича Владислава на престолъ московскій, бояре, бывшіе тогда подъ вліяніемъ побѣдителя польскаго, гетмана Жолкевскаго, предложили условія, которыя гетманъ принялъ, и въ исполненіи ихъ королевичемъ присягнулъ. Этою записью сверхъ статей, которыя обязывался исполнить Василій Шуйскій, Владислава заставляли: 1) принять православную греко-россійскую вѣру, 2) что исправленіе и дополненіе судебника будетъ зависѣть, во первыхъ отъ царя, потомъ отъ думы боярской въ согласіи съ земскою думою.

Послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ въ 1613 году созвана была въ столицу великая земская дума для избранія царя. Послѣ продолжительныхъ преній, выборъ палъ на шестнадцати-лѣтняго юношу Михаила Ѳеодоровича Романова.

Иностранные писатели, и въ числѣ ихъ извѣстный шведъ Штраленбергъ, долго остававшійся въ Россіи въ плѣну, въ своемъ описаніи московскаго государства увѣряютъ, что по достовѣрнымъ собраннымъ ими свѣдѣніямъ объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова земская дума взяла съ него запись, подобную тѣмъ, которыми хотѣли ограничить власть Василія Шуйскаго и королевича Владислава, и Михаилъ утвердилъ эту запись клятвою. Это обстоятельство, о которомъ умолчалъ исторіографъ Карамзинъ [1], подтверждается книгою извѣстнаго подьячаго Григорія Кошихина

[1] Въ сочиненіи „О древней и новой Россіи въ отношеніяхъ политическомъ и гражданскомъ“. *Авторъ.*

(недавно напечатанной). Кошихинъ свидѣтельствуетъ, что „какъ прежніе цари отъ Ивана Васильевича обираны на царство, и на многихъ читаны были письма, чтобъ имъ быть не жестокимъ, и не опальчивымъ, безъ суда и безъ вины не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми собча, и безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынѣшняго царя [Алексія Михайловича] обрали, а письма на себя недалъ никакого... А отецъ его блаженной памяти царь Михаилъ Өеодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего“ [1].

Это подтверждается и самою формулою, которою начинались всѣ правительственные акты того времени: бояре приговорили, царь приказалъ. Не очевидно-ли, что тогда власть была въ рукахъ московской аристократіи?

Но вліяніе бояръ на молодаго и кроткаго Михаила Өеодоровича скоро встрѣтило противодѣйствіе въ возвратившемся изъ польскаго плѣна отцѣ его, митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ [Романовѣ], который былъ возведенъ въ санъ патріарха. Онъ, соцарствуя съ сыномъ, строгостію смирилъ московскихъ бояръ и укрѣпилъ самодержавіе. Современники отзывались, что „патріархъ Филаретъ Никитичъ божественное писаніе отъ части разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, и власть имѣлъ такую, что самъ царь его боялся. Бояръ и другихъ сановниковъ сильно томилъ заточеніями [безвозвратными, и иными наказаніями], всякими дѣлами царскими и ратными владѣлъ [2].

Но и властолюбивый патріархъ Филаретъ [Никитичъ], со-

[1] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе подьячаго [Григорія] Кошихина — напечатано въ 1840 году. *Авторъ.*

[2] Вотъ черта, показывающая самовластіе патріарха Филарета: въ нашихъ городовыхъ и монастырскихъ архивахъ не сохранилось почти никакихъ письменныхъ памятниковъ и актовъ времени отъ смерти Бориса Годунова до воцаренія Михаила Өеодоровича. Это объясняется тѣмъ, что патріархъ Филаретъ, возвратившись изъ плѣна, послалъ во всѣ города и монастыри повелѣніе, истребить всѣ бумаги, относившіяся къ смутнымъ годамъ отъ смерти Годунова до 1613 года, чтобы въ русскомъ царствѣ и самая память о безгосударскомъ времени истребилась. Если и есть какія свѣдѣнія объ этомъ времени, то онѣ почерпнуты изъ собранныхъ исторіографомъ Миллеромъ бумагъ въ архивахъ Сибири, куда вѣроятно не дошло повелѣніе патріарха. *Авторъ.*

гласно съ стариннымъ обычаемъ, во всѣхъ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ сзывалъ великую земскую думу, предлагалъ ей вопросы о важнѣйшихъ дѣлахъ, выслушивалъ мнѣнія народныхъ представителей и сообразовалъ съ ними правительственныя дѣйствія свои.

При немъ земская дума собиралась въ 1621 году и по ея приговору объявлена война польскому королю Владиславу. Другой разъ, въ 1642 году, земская дума разсуждала о завоеваніи турецкаго города Азова и о томъ, воспользоваться-ли этимъ завоеваніемъ и оказать-ли казакамъ помощь противъ турокъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича земской думѣ предложено было на разсужденіе: принять-ли Россіи гетмана Богдана Хмельницкаго, съ единовѣрною намъ Малороссіей, утѣсняемою поляками, подъ свое покровительство. Дума изъявила согласіе на то, и приговорила защищать Малороссію. Это было въ 1654 году.

Опять царь созывалъ земскую думу для выслушанія Уложенія, сдѣланія на него замѣчаній и исправленій. Дума разсуждала объ этомъ и утвердила Уложеніе, которое потому и названо соборнымъ (1649 г.).

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ государственный соборъ, состоящій изъ патріарха, архіереевъ, бояръ, думныхъ людей, дворянъ, по предложенію царя, разсуждалъ о вредномъ для государства мѣстничествѣ и опредѣлилъ упразднить его и сжечь разрядныя книги. Это было въ 1681 году. Бытіе въ Россіи государственнаго собора, или земской думы, имѣетъ характеръ чисто европейскій — никогда ничего подобнаго не бывало у народовъ Азіи, оцѣпенѣлыхъ въ своей тысячелѣтней недвижности. Это такая же институція, какъ государственные чины (Etats généraux), которые собирались во Франціи, или англійскіе парламенты. Конечно, [нисколько] нельзя сравнивать тогдашняго состоянія Россіи, въ которой, въ двухъвѣковое бѣдственное рабство подъ игомъ Орды, не только прилипло много дикой татарщины, но даже проникло въ ея обычаи и нравы, съ современнымъ ей просвѣщеніемъ и образованностію тогдашнихъ европейскихъ государствъ. Но и въ самой Англіи, этой образцовой странѣ законосвободныхъ

постановленій [1], развѣ парламенты ея при короляхъ рода Тюдоровъ были на той высотѣ, какой достигли впослѣдствіи времени? Извѣстно, какъ раболѣпствовалъ англійскій парламентъ предъ кровожаднымъ тираномъ Генрихомъ VIII, какъ одобрялъ его самовластіе и жестокости? Не угождалъ-ли парламентъ [во всемъ] и его дочери королевѣ Елисаветѣ? Но все-таки англичане обязаны своимъ парламентамъ той мудрой конституціонной системѣ, которая создала могущество и славу Англіи, и въ наше время предохранила ее отъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, которые колеблятъ европейскія государства.

Если бы и въ Россіи ея земская дума собиралась чаще и въ извѣстные опредѣленные сроки, то кто знаетъ — можетъ быть и Россія, въ силу общаго закона человѣческой усовершаемости, съ правильной системой представительства, наслаждалась бы теперь законосвободными постановленіями, ограничивающими произволъ верховной власти.

При Петрѣ Великомъ уже болѣе не собиралась земская дума — это хоть слабое выраженіе народной самостоятельности, вездѣ и всегда противной властолюбивымъ самодержцамъ. Дума могла быть препятствіемъ въ задуманныхъ Петромъ Великимъ преобразованіяхъ. Но [и] въ этомъ дѣлѣ геніальный царь не столько обращалъ вниманіе на внутреннее благосостояніе народа, сколько на развитіе исполинскаго могущества своей имперіи. Въ этомъ онъ точно успѣлъ, приготовивъ ей то огромное значеніе, которое нынѣ пріобрѣла Россія въ политической системѣ Европы.

Но русскій народъ сдѣлался-ли отъ того счастливѣе? Улучшилось-ли сколько нибудь его нравственное, или даже матеріальное состояніе? Большинство его осталось въ такомъ же положеніи, въ какомъ было за 200 лѣтъ.

Если Петръ старался вводить въ Россію европейскую цивилизацію, то его прельщала болѣе ея внѣшняя сторона. Духъ же этой цивилизаціи — духъ законной свободы и гражданственности былъ ему, деспоту, чуждъ и даже противенъ.

---

[1] Въ рукописи „Русской Старины“: „установленій“.

В. Б.

Мечтая перевоспитать своихъ подданныхъ, онъ не думалъ вдохнуть въ нихъ высокое чувство человѣческаго достоинства, безъ котораго нѣтъ ни истинной нравственности, ни добродѣтели. Ему нужны были способныя орудія для матеріальныхъ улучшеній, по образцамъ, видѣннымъ имъ за границей: для регулярныхъ войскъ, флота, для украшенія городовъ, построенія крѣпостей, гаваней, судоходныхъ каналовъ, дорогъ, мостовъ, для заведенія фабрикъ и проч. Онъ особенно и дорожилъ людьми спеціальными, для которыхъ наука становится почти ремесломъ; но люди истинно образованные, осмысленные, дѣйствующіе не изъ рабскаго страха, а по чувству долга и разумнаго убѣжденія — такіе люди не могли нравиться Петру, а скорѣе должны были ему казаться свидѣтелями безпокойными и даже опасными для его желѣзнаго самовластія, не одобряющими тѣхъ тираническихъ дѣйствій, которыя онъ слишкомъ часто позволялъ себѣ. „Петръ Великій", говоритъ Карамзинъ, „любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія, для обузданія своихъ, впрочемъ, столь вѣрныхъ подданныхъ. Тайная канцелярія [1] въ Преображенскомъ, пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Многіе гибли за одну честь русскихъ кафтановъ и бородъ".

Учрежденіемъ высшаго трибунала съ громкимъ названіемъ сената съ подвѣдомственными ему коллегіями по всѣмъ отраслямъ управленія, Петръ Великій замѣнилъ прежнюю боярскую думу и приказы, которыми самовластно управляли малограмотные бояре подъ вліяніемъ безсовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ дьяковъ. Этимъ дѣйствительно сообщилъ онъ администраціи болѣе правильный ходъ, и вообще улучшилъ ее тѣмъ, что коллегіи могли дѣйствовать независимо отъ произвола лицъ. Но нисколько не улучшилось управленіе областное и городовое. Хотя Петръ и раздѣлилъ свою огромную державу на губерніи, состоявшія изъ провинцій и уѣздовъ, но правители и воеводы въ областяхъ и городахъ про-

[1] Несомнѣнный пропускъ словъ: „день и ночь работала". См. записку Карамзина, напечатанную въ книгѣ Пыпина—„Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I-мъ". Изд. 3-е, стр. 490. *В. Б.*

должали дѣйствовать самоуправно и самовластно, какъ и при прежнихъ царяхъ, по совершенному отсутствію правильнаго надъ ними контроля, и по несуществованію мѣстныхъ муниципальныхъ учрежденій, которыя могли бы удерживать въ границахъ произволъ воеводъ и обнаруживать ихъ злоупотребленія.

Какъ полководецъ, создавшій свою армію, Петръ побѣдами надъ шведами стяжалъ безсмертную славу, возвеличилъ Россію на сѣверѣ и западѣ, расширилъ ея предѣлы завоеваніемъ части Финляндіи и Прибалтійскихъ областей. Заведенный имъ флотъ содѣйствовалъ его успѣхамъ въ войнѣ съ шведами.

Но въ дѣлѣ законодательства Петръ Великій едва ли не уступалъ отцу своему, который по крайней мѣрѣ оставилъ Россіи Уложеніе — кодексъ, и по сіе время имѣющій силу. Петръ не издалъ даже закона о престолонаслѣдіи, что при преемникахъ его было поводомъ къ тѣмъ дворцовымъ переворотамъ, въ которыхъ гвардія, какъ преторіанцы римскіе, располагала трономъ. Въ его время въ нѣкоторыхъ государствахъ западныхъ крѣпостное состояніе земледѣльцевъ уже не существовало - въ другихъ принимались мѣры для исправленія этого зла, которое въ Россіи, къ несчастію, ввелось съ недавняго времени и было во всей силѣ. Петръ не обратилъ на это вниманія и не только ничего не сдѣлалъ для освобожденія крѣпостныхъ, но поверставъ ихъ съ полными кабальными холопьями въ первую ревизію, онъ еще усугубилъ тяготившее ихъ рабство.

Безчисленное множество именныхъ указовъ, выраженіе чрезмѣрной дѣятельности Петра, при отсутствіи всякой системы, породили въ законодательствѣ величайшую запутанность, и при преемникахъ его, все продолжавшихъ выдавать указы, оно сдѣлалось самымъ нестройнымъ хаосомъ. „Изъ этого арсенала ябеды, какъ замѣчаетъ одинъ остроумный писатель прошедшаго вѣка, — для всякой тяжбы можно подобрать по два указа, изъ которыхъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается“.

Въ нынѣшнее только царствованіе [1] изданіемъ свода за-

---

[1] Въ царствованіе императора Николая I.

В. Б.

коновъ этотъ вѣковой хаосъ распутанъ и законодательство приведено въ порядокъ.

До Петра Великаго русская церковь, сохраняя свои каноническія права, была независима. Онъ и на церковь наложилъ свою желѣзную руку. Упраздненіемъ патріаршества и учрежденіемъ синода Петръ безусловно подчинилъ и церковь своему произволу. Ему была по сердцу такъ называемая территоріальная система реформаціи, въ силу которой всякій владѣтельный государь признавался природнымъ епископомъ и главою церкви своей земли. Петръ хотя формально и не провозгласилъ себя главою православной церкви грекороссійской, но по формулѣ установленной имъ присяги для членовъ синода и архіереевъ при ихъ возведеніи въ санъ, онъ существенно сдѣлался ея главою: синодъ вошелъ въ чреду прочихъ административныхъ учрежденій и сталъ безусловно зависѣть отъ произвола царя. Свѣтскій и часто военный чиновникъ подъ страннымъ названіемъ оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода именемъ государя полновластно дѣйствуетъ въ этомъ церковномъ соборѣ и полновластно управляетъ духовенствомъ. Этимъ Петръ унизилъ и церковь, и ея пастырей; архіереи наши, съ тѣхъ поръ въ полной зависимости отъ верховной власти, доходятъ въ своихъ проповѣдяхъ до самаго пошлаго ласкательства и лести царедворцевъ. Болѣе всего дорожа высочайшею милостію и благоволеніемъ, пастыри церкви не смѣютъ исполнять главную обязанность своего сана: учить и обличать грѣхъ, даже въ сильныхъ земли. Карамзинъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что съ Петра I „наши первосвятители были только угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя".

Карамзинъ упрекаетъ Преобразователя Россіи, что онъ, презирая свой народъ и увлеченный пристрастіемъ ко всему иноземному, повредилъ нашей народности, и привилъ намъ страсть подражать всему чужому. Не дерзнемъ ставить это въ вину Петру Великому. Знакомя русскихъ съ Европой и заимствуя ея обычаи, онъ извлекъ Россію изъ того мертвеннаго состоянія неподвижности, въ которое она была погружена, такъ долго оставаясь подъ татарскимъ владычествомъ,

а этимъ самымъ сдѣлалъ онъ для насъ возможнымъ истинный прогресъ. Петръ точно привилъ намъ страсть подражать европейцамъ; это подражаніе бываетъ часто и не впопадъ, и имѣетъ свои смѣшныя стороны. Но перенимая у европейцевъ внѣшнія формы общественной жизни, обычаи и моды ихъ, мы можетъ быть научимся подражать имъ и въ болѣе существенномъ: въ достиженіи благъ истинной цивилизаціи: свободы, равенства и безразличія всѣхъ передъ закономъ и обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго.

Въ послѣдніе годы Петра Великаго при дворѣ и въ сенатѣ составились двѣ партіи: одна благопріятствовала Екатеринѣ и состояла изъ преданныхъ ей лицъ: князя Меньшикова, герцога Голштейнскаго, мужа ея дочери Анны Петровны, посланника голштейнскаго Бассевича и всѣхъ почти генераловъ изъ иностранцевъ; другая партія держала сторону малолѣтняго сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, Петра; его приверженцы были русскіе вельможи: Князья Голицыны, Долгорукіе, Куракины, Репнинъ, Апраксинъ, Лопухины, Головины, Нарышкины и еще нѣкоторые. Одни изъ нихъ, любители старины времени допетровскаго, желали ея возстановленія, другія же, изъ молодаго поколѣнія, болѣе образованные и осмысленные знакомствомъ съ Европой, тяготились уже самодержавіемъ и замышляли ограничить его собраніемъ государственныхъ чиновъ и сенатомъ.

Когда Петръ былъ на одрѣ смертномъ, всѣ державшіе сторону внука его, малолѣтняго царевича Петра Алексѣевича, хотѣли возвести его на тронъ, а тѣ изъ нихъ, которые думали объ ограниченіи верховной власти, надѣялись при перемѣнѣ царствованія привести въ исполненіе свои предположенія. Петръ Великій испустилъ духъ, и въ самыя эти минуты въ сенатѣ совѣщались о возведеніи на престолъ царевича Петра и объ измѣненіи самаго образа правленія. Но князь Меньшиковъ успѣлъ предупредить замыслы своихъ противниковъ: онъ начальствовалъ гвардейскими и армейскими полками въ Петербургѣ; собралъ ко дворцу тѣ изъ нихъ, въ преданности и повиновеніи которыхъ былъ увѣренъ, и провозгласилъ царствующею императрицею Екатерину будто бы по волѣ умирающаго государя, ея супруга. Войско немедленно присягнуло Екате-

ринѣ, а затѣмъ и сенатъ, запуганный Меньшиковымъ, и всѣ сословія.

Князь Меньшиковъ, именемъ Екатерины I, сталъ полновластно править Россіей, но не смотря на его могущество и подозрительность, тѣ изъ сенаторовъ, которые желали измѣненія въ образѣ правленія, не покинули своихъ намѣреній: объ этомъ свидѣтельствуетъ французскій дипломатическій агентъ при русскомъ дворѣ Кампредонъ въ депешѣ къ своему министерству — вотъ собственныя слова его: „Бо̀льшая часть русскихъ вельможъ стараются умѣрить деспотическую власть императрицы, что и есть уже предзнаменованіе скораго упадка этой власти. Они ждутъ только, чтобъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ пришелъ въ возрастъ, и тогда, возведя его на тронъ, недовольные настоящимъ порядкомъ, вельможи надѣются получить бо̀льшее участіе въ правленіи, устроивъ его по образцу Англіи".

Для достиженія этой цѣли, говоритъ Кампредонъ, сенаторы успѣли уговорить императрицу, подъ предлогомъ сообщенія ея правительству болѣе силы и единства, учредить тайный верховный совѣтъ, поставленный въ правительственной іерархіи выше самаго сената. Верховный совѣтъ въ случаѣ смерти императрицы или достиженія совершеннолѣтія царевича отрока Петра Алексѣевича, котораго она духовнымъ завѣщаніемъ нарекла своимъ преемникомъ, можетъ легко укрѣпиться присоединеніемъ къ себѣ новыхъ единомысленныхъ членовъ и, сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю правительственную власть, произвести перемѣну въ самой формѣ правленія и упразднить неограниченное самодержавіе.

Екатерина I умираетъ въ 1727 году — полновластный князь Меньшиковъ возводитъ 14-ти лѣтняго отрока царевича Петра II на престолъ—замышляетъ женить его на своей дочери и, какъ опекунъ его, царствуетъ самовластно. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и сильный вельможа, не предчувствуя скораго паденія, вдругъ низложенъ дворцовой интригой. Князья Долгорукіе успѣли, чрезъ 16-ти лѣтняго царскаго любимца князя Ивана Долгорукаго, не только удалить отъ двора могущественнаго и гордаго Меньшикова, но

и отправить его въ ссылку въ Сибирь въ Березовъ, гдѣ онъ, лишенный чиновъ и званія, умираетъ ссыльнымъ.

Власти и вліянію Меньшикова наслѣдовали Долгорукіе и первымъ дѣломъ ихъ было возстановленіе значенія тайнаго верховнаго совѣта съ бо́льшими еще противъ прежняго правами. Долгорукіе, для упроченія своего вліянія на царя-юношу, вздумали женить его на родной сестрѣ царскаго любимца, [князя] Ивана Долгорукаго, которая и наречена была царскою невѣстой, но смерть императора пресѣкла властолюбивые планы и надежды рода Долгорукихъ.

Въ 1730 году, послѣ трехлѣтняго царствованія, скончался Петръ II, и тайный верховный совѣтъ (тогда изъ 8-ми членовъ) опредѣлилъ предложить россійскую корону вдовствующей герцогинѣ курляндской Аннѣ Ивановнѣ, дочери брата Петра Великаго, Ивана Алексѣевича, но съ условіями, ограничивающими самодержавіе аристократическими институціями.

Эти условія, представленныя герцогинѣ курляндской въ Митавѣ, чрезъ уполномоченнаго отъ тайнаго верховнаго совѣта, были ею приняты, утверждены собственноручною ея подписью и состояли изъ слѣдующихъ статей:

1) Чтобы императрица Анна правила государствомъ по опредѣленіямъ верховнаго совѣта.

2) Чтобы одною своею властью не объявляла войны и не заключала мира.

3) Не налагала по своему произволу новыхъ податей и налоговъ.

4) Не раздавала важнѣйшихъ государственныхъ должностей безъ согласія верховнаго совѣта.

5) Не наказывала никого изъ дворянъ безъ явныхъ уликъ и законнаго суда.

6) Не конфисковала ничьихъ имѣній, не располагала произвольно государственными имуществами и не дарила ихъ.

7) Не вступала въ супружество и не назначала себѣ преемника безъ согласія и приговора верховнаго совѣта.

8) Чтобы не брала съ собою въ Россію своего любимца Бирона.

Члены верховнаго совѣта, постановившіе эти условія, были: князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ и братъ его,

Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ Петра Великаго, князья Долгорукіе: Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ, [Алексѣй Владиміровичъ], отецъ любимца императора Петра II— Алексѣй Григорьевичъ и Михаилъ Владиміровичъ.

Вице-канцлеръ Остерманъ, заключившій при Петрѣ Великомъ Нейштадтскій миръ съ Швеціей, принадлежалъ противной нѣмецкой партіи, засѣдалъ въ верховномъ совѣтѣ, но уклонялся отъ его послѣднихъ дѣйствій, сказываясь больнымъ.

Верховный совѣтъ намѣревался созвать государственные чины для окончательнаго утвержденія Уложенія, ограничивающаго верховную власть, и для утвержденія новаго образа правленія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, отъ лица совѣта, отнесся къ статскому совѣтнику Фику [1], посланному еще Петромъ Великимъ въ Швецію для изученія тамошнихъ финансовыхъ учрежденій, съ порученіемъ доставить верховному совѣту подробныя свѣдѣнія о шведской конституціи и представить предположенія свои о введеніи ея въ Россію съ приспособленіемъ этой конституціи къ русскому государству.

Верховный совѣтъ съ самаго начала сдѣлалъ важную ошибку: не сообщилъ синоду своихъ дѣйствій, не пригласилъ его къ совѣщанію о замышляемой перемѣнѣ въ образѣ правленія и не просилъ его согласія и благословенія на эту важную государственную мѣру. Этимъ возбудилъ онъ негодованіе высшаго духовенства, которое сблизилось съ противной совѣту партіей. Между тѣмъ главные ея дѣйствователи графъ Ягужинскій и Остерманъ успѣли вступить въ тайныя сношенія съ герцогиней курляндской, увѣряли ее въ своей преданности и готовности противодѣйствовать верховному совѣту и уничтожить вынужденныя у ней условія, ограничивающія самодержавіе. Эта интрига не укрылась отъ верховнаго совѣта, который, перехвативъ одно изъ писемъ Ягужинскаго къ герцогинѣ, снялъ съ него орденъ Андрея Первозваннаго и арестовалъ его.

Когда разнеслась вѣсть о смерти императора, объ избраніи герцогини курляндской на царство и о дѣйствіяхъ верховнаго совѣта, въ Москву собралось множество дворянъ.

---

[1] Въ рукописи и напечатанныхъ изданіяхъ ошибочно названъ „Фрикомъ". *В. Б.*

Бо̀льшая часть изъ нихъ не одобряла олигархическія притязанія совѣта и хотя желала ограниченія верховной власти, но оскорблялась тѣмъ, что верховный совѣтъ не созвалъ депутатовъ отъ дворянства и, не спрося ихъ согласія на избраніе императрицы, поступилъ въ этомъ дѣлѣ самопроизвольно. Дворяне московскіе и иногородные держали вседневно собранія, въ которыхъ разсуждали объ измѣненіи въ образѣ правленія и свои предположенія на счетъ этого важнаго дѣла представили верховному совѣту, требуя отъ него созванія государственныхъ чиновъ.

Между тѣмъ императрица Анна Ивановна, подписавъ предложенныя ей условія, прибыла изъ Митавы въ Москву. Дворянство поспѣшило испросить дозволеніе представить ей, чрезъ избранныхъ изъ среды своей депутатовъ, адресъ, на что и послѣдовало соизволеніе императрицы. Въ этомъ актѣ, изъявляя чувства вѣрноподданической благодарности за принятіе условій, предложенныхъ государынѣ верховнымъ совѣтомъ, дворянство просило ее созвать избранныхъ отъ своего сословія депутатовъ, для разсужденія вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, которому оно уже представило свои мнѣнія и предположенія, о введеніи въ Россіи лучшаго образа правленія и о точномъ окончательномъ утвержденіи правилъ, которымъ власть должна слѣдовать для блага отечества и счастія народа россійскаго.

Императрица допустила къ себѣ депутацію отъ дворянства, приняла поднесенный ей адресъ—повелѣла прочитать его во всеуслышаніе и, потребовавъ перо, собственноручно подписала свое согласіе на прошеніе дворянства въ представленномъ ей актѣ.

Но когда это происходило, противная партія не оставалась въ бездѣйствіи. Графъ Ягужинскій, хотя подъ стражей, князь Черкасскій, Остерманъ и ихъ сообщники тайно сносились съ императрицей, чрезъ приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ, и увѣдомленные обо всемъ, что происходитъ и въ городѣ, и во дворцѣ, приняли мѣры для уничтоженія дѣйствій и верховнаго совѣта, и адреса, представленнаго дворянствомъ императрицѣ. Они незамѣтно, по одному, сошлись во дворцѣ и представили ей другой адресъ со мно-

гими подписями, которымъ просили государыню, отъ лица всего народа, царствовать самодержавно, какъ ея предки, и уничтожить всѣ условія, на которыя она согласилась по требованію верховнаго совѣта и дворянства. Тутъ для произведенія бо̀льшаго эффекта одинъ изъ сообщниковъ, начальникъ гвардіи, генералъ-маіоръ Салтыковъ, съ нѣсколькими офицерами бросились передъ императрицей на колѣна и умоляли ее, для счастія Россіи, исполнить желаніе ея вѣрноподданныхъ, выраженныя въ послѣднемъ поданномъ ей прошеніи. Отъ лица гвардіи Салтыковъ говорилъ, что ни онъ, ни его подчиненные не потерпятъ, чтобы дерзали стѣснять власть ихъ самодержицы, и если она повелитъ, то они, вѣрные ея подданные, повергнутъ, по ея слову, къ ея священнымъ стопамъ головы враговъ ея.

Послѣ этой продѣлки императрица велѣла подать условія, ею подписанныя, и сказала, что она согласилась на нихъ, будучи обманута верховнымъ совѣтомъ на счетъ желаній народа и, сказавъ это, разорвала оба подписанные ею акта. Анну Ивановну провозгласили самодержавной императрицей, и она велѣла всѣмъ быть въ повиновеніи у начальника гвардіи, генерала Салтыкова. Графъ Ягужинскій явился къ ней и она надѣла на него Андреевскую ленту, снятую съ него верховнымъ совѣтомъ.

Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ депешъ бывшихъ тогда въ Москвѣ дипломатическихъ агентовъ французскихъ гг. Маньяна и Бюси, умныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, которые подробно описывали все происходившее въ Москвѣ при вступленіи на престолъ императрицы Анны [Ивановны] [1].

Г. Маньянъ, между прочимъ, говоритъ въ одной изъ своихъ депешъ, что русскіе упустили самый благопріятный случай избавиться отъ своего вѣковаго рабства. Причиною этой неудачи было во первыхъ несогласіе, существовавшее между знатными дворянскими родами, во вторыхъ, олигархическое притязаніе членовъ верховнаго совѣта. Въ другой депешѣ г. Маньянъ замѣчаетъ, что тогдашнее общее настроеніе умовъ благопріятствовало свободѣ, и дворянство особенно желало ограничить самодержавіе: „въ Москвѣ въ до-

[1] Эти депеши напечатаны въ сочиненіи Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes“. *Авторъ.*

махъ и на улицахъ слышны были только рѣчи объ англійской конституціи и о правахъ парламента".

Но какими ужасами ознаменовалось [тогда] торжество самодержавія! Пытками, казнями! „Злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому", говоритъ Карамзинъ, „омрачила [и] жизнь и память ея въ исторіи...... Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему[1] достаточною виною для казни и ссылки".

Не только члены верховнаго совѣта и дворяне, мечтавшіе ограничить самодержавіе, но многіе изъ тѣхъ, которые усердствуя Аннѣ, противодѣйствовали имъ, гибли на эшафотахъ, или, высѣченные кнутомъ, томились въ холодныхъ пустыняхъ Сибири.

Послѣ десятилѣтняго тиранскаго царствованія Анна Ивановна умираетъ, назначивъ преемникомъ престола сына родной племянницы своей, брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны — младенца Ивана Антоновича. Временщикъ Биронъ остается полновластнымъ регентомъ и продолжаетъ тиранствовать. Но домашняя ссора нѣмцевъ, которые въ это несчастное время располагали судьбами Россіи, способствуетъ низложенію кровожаднаго Бирона. Графъ Минихъ, съ адьютантомъ своимъ Манштейномъ и ротой гренадеръ, ночью вторгаются во дворецъ регента -застаютъ его спящаго и арестованнаго отправляютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Бирона судитъ тамъ созванная наскоро комиссія изъ преданныхъ Миниху людей и, не смотря на его достоинство владѣтельнаго герцога курляндскаго, осуждаетъ на лишеніе чиновъ, орденовъ и ссылку въ Сибирь: — его немедленно и отвозятъ въ дикій Пелымъ. Мать младенца императора, принцессу Анну Леопольдовну, Минихъ заставляетъ сенатъ провозгласить правительницею имперіи, чтобы самому властвовать ея именемъ.

Чрезъ годъ послѣ этого дворцоваго переворота, французъ Лестокъ, врачъ дочери Петра Великаго, цесаревны

---

[1] Въ запискѣ Карамзина: „иногда".
В. Б.

Елисаветы, съ французскимъ посланникомъ маркизомъ де-ла Шетарди, замышляютъ свергнуть правительницу и возвести на тронъ цесаревну Елисавету Петровну. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ заговорѣ былъ обанкрутившійся купецъ Грюнштейнъ, поступившій въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Онъ подговариваетъ сперва двѣнадцать человѣкъ товарищей, и потомъ чрезъ нихъ до тридцати (человѣкъ) гренадеръ Преображенскаго полка. Елисавета, увѣрившись въ ихъ преданности, въ лентѣ св. Екатерины, ночью ѣдетъ въ саняхъ въ канцелярію Преображенскаго полка, сопровождаемая Лестокомъ и Воронцовымъ, арестуетъ дежурнаго офицера Гревса, беретъ съ собою триста гренадеръ, уже приготовленныхъ заговорщиками, и съ ними нападаетъ на дворецъ правительницы, арестуетъ ее, малолѣтняго императора, генерала графа Миниха, Остермана, [Головкина] и Левенвольда; надъ этими четырьмя лицами наряжается судъ, который приговариваетъ ихъ казнить смертію.—Елисавета смягчаетъ приговоръ и опредѣляетъ —вмѣсто смертной казни—сослать ихъ въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ. Правительницу же, мужа ея, принца Антона Ульриха и дѣтей ихъ сперва заключаютъ въ Рижскую крѣпость, оттуда перевозятъ ихъ въ Динаминдскую [близь Риги], а потомъ опредѣляютъ имъ мѣстомъ жительства городъ Холмогоры. Младенца императора Ивана Антоновича заточаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, которая впослѣдствіи дѣлается его гробницею.

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны уничтожилось вліяніе нѣмцевъ на государственное управленіе и этимъ она польстила народному чувству. Несмотря на преувеличенные похвалы добросердечію и милосердію Елисаветы, страшная тайная канцелярія и въ ея время не была праздною: много жертвъ гибло за какое нибудь нескромное сужденіе о поступкахъ императрицы или ея любимцевъ. Она, какъ соименная ей королева англійская, чрезмѣрно занята была красотою своею, и горе тѣмъ, кто смѣли соперничать съ нею въ тѣлесныхъ преимуществахъ. Извѣстную красавицу фрейлину Лопухину она осудила быть высѣченной кнутомъ, съ отрѣзаніемъ языка, и въ ссылку въ Сибирь; а вся вина ея состояла въ красотѣ, возбудившей ревнивое чувство въ

сердцѣ Елисаветы. Безпечная и сластолюбивая, она отдала Россію на разграбленіе своимъ временщикамъ и любимцамъ, изъ которыхъ алчный къ пріобрѣтенію корысти графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ прославился введенными имъ монополіями; давалъ возможность, обогащаясь самъ, обогащаться нѣсколькимъ откупщикамъ, ко вреду казны и къ угнетенію народа.

Преемникъ Елисаветы, родной племянникъ ея, Петръ III, ничтожный и по умственнымъ способностямъ, и по образованію, и по характеру, окружилъ себя голштинскими офицерами и любимцами и велъ съ ними разгульную жизнь, большею частью въ любимомъ Ораніенбаумѣ. Восторженный поклонникъ прусскаго короля Фридриха Великаго, онъ съ страстью занимался обученіемъ войскъ своихъ по образцу прусскихъ — презиралъ свой народъ и возбудилъ тѣмъ нелюбовь къ себѣ подданныхъ и особенно гвардіи. Супруга его, Ангальтъ-цербстская принцесса Екатерина Алексѣевна, съ которою онъ поступалъ грубо, безпрестанно оскорблялъ ее и даже угрожалъ разводомъ и заточеніемъ, воспользовалась чувствомъ непріязни и неуваженія къ Петру III высшаго духовенства, вельможъ, дворянства и особенно гвардейскихъ полковъ, и успѣла пріобрѣсти общее къ себѣ расположеніе. Предшествовавшіе насильственные перевороты въ русскомъ правительствѣ, произведенные съ такою удачею и при такихъ ограниченныхъ средствахъ, навели недовольныхъ на мысль свергнуть съ трона неспособнаго императора и провозгласить вмѣсто его Екатерину самодержицею россійскою. Этотъ заговоръ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: Екатерина возвѣстила манифестомъ, что, сочувствуя общему желанію Россіи, она вступаетъ на престолъ для блага отечества и охраненія православія, которымъ угрожала величайшая опасность отъ превратнаго образа мыслей и дѣйствій неспособнаго императора: что онъ постояннымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ имъ чужеземцамъ и иновѣрнымъ наноситъ Россіи и ея православной церкви неисчислимый вредъ.

Синодъ, сенатъ и войско присягаютъ Екатеринѣ—Петръ III, узнаетъ объ этомъ, присылаетъ ей добровольное отреченіе отъ престола, и переѣзжаетъ изъ Ораніенбаума въ Ропшу, но этой уступчивостью не спасаетъ жизни своей: Алексѣй

Орловъ, Тепловъ, Пасекъ и князь Федоръ Барятинскій умерщвляютъ его въ Ропшинскомъ дворцѣ. Дала или нѣтъ свое согласіе на это злодѣйство Екатерина—неизвѣстно, но убійцы Петра III были взысканы ея милостью, а впослѣдствіе занимали важныя должности въ государственной службѣ [1].

Петръ III въ кратковременное царствованіе свое издалъ однако два важныя постановленія: первымъ уничтожилъ онъ страшную тайную канцелярію, вторымъ—даровалъ русскому дворянству полныя гражданскія права. Екатерина взошла на тронъ по призванію высшихъ государственныхъ сословій, гвардіи и жителей столицы, но если бы Петръ III остался живъ, онъ могъ бы взять назадъ свое вынужденное отреченіе и угрожать ея власти. Буйные приверженцы Екатерины, умертвивъ ея супруга, избавили ее отъ подобныхъ опасеній. Она однако царствовала не по праву, принадлежавшему законному наслѣднику престола, сыну ея, в. к. Павлу Петровичу, по малолѣтству котораго ей слѣдовало только быть временной правительницей до достиженія имъ совершеннаго возраста. Екатерина воспользовалась неопредѣлительностію закона о престолонаслѣдіи и сама, взойдя на тронъ, царствовала тридцать четыре года—время самое блистательное въ нашей исторіи.

Одаренная умомъ свѣтлымъ и любознательнымъ, Екатерина съ жадностію пріобрѣтала познанія. По предчувствію-ли будущаго величія, или по внушенію властолюбія, она давно готовила себя и желала царствовать.

Будучи еще великой княжной Екатерина съ страстію читала творенія политическихъ писателей Монтескьё, Мабли, Беккарія, также сочиненія французскихъ энциклопедистовъ Вольтера, д'Аламбера, Дидро, отличавшихся необыкновеннымъ вольномысліемъ въ рѣшеніи самыхъ важныхъ философскихъ, нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Въ Блекстонѣ и Делольмѣ изучала она конституціонную систему Англіи, а также тогдашнія смѣлыя теоріи, благопріятствовавшія политической свободѣ, теоріи которыхъ энциклопедисты были самыми ревностными распространителями. При всемъ властолюбіи

[1] Срав. письмо гр. А. Г. Орлова къ императрицѣ Екатеринѣ II, напечатанное въ „Архивѣ кн. Воронцова", кн. XXI, стр. 430. *В. Б.*

своемъ и внутреннемъ влеченіи къ самовластію, Екатерина высоко цѣнила мудрованія энциклопедистовъ — съ нѣкоторыми изъ нихъ дружески переписывалась — дорожила ихъ мнѣніемъ и похвалами, налагала на себя личину свободолюбія и не хотѣла казаться самовластною. Чтобы заслужить ихъ доброе мнѣніе, она старалась смягчить почти азіатскую суровую внѣшность русскаго деспотизма болѣе благовидными европейскими формами. Небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законности ознаменовали царствованіе Екатерины: этимъ Россія была обязана уваженію императрицы къ энциклопедистамъ, и ея желанію быть ими прославляемой.

Съ этою цѣлію въ 1767 году императрица рѣшилась созвать въ столицу депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій русскаго народа, избранныхъ съ точнымъ соблюденіемъ формъ народнаго представительства.

Собраніе это, съ характеромъ государственныхъ чиновъ, должно было заняться разсмотрѣніемъ кодексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, предложенныхъ ему правительствомъ. По зрѣломъ обсужденіи проэкта уложенія собраніемъ представителей, имъ даровано было право сдѣлать въ немъ нужныя измѣненія или дополненія, и трудъ свой поднести на утвержденіе верховной власти. Екатерина сама начертала инструкцію для депутатовъ, содержащую въ себѣ политическія начала и истины, заимствованныя ею по большей части изъ твореній Монтескьё и Беккарія. Это торжественное собраніе, долженствовавшее доставить русскимъ политическую самобытность, кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ которыхъ болѣе осмысленные изъ депутатовъ коснулись важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ-то: о противоестественности крѣпостнаго рабства почти половины населенія имперіи, которая лишена всѣхъ [гражданскихъ] правъ — также будетъ-ли верховная власть, послѣ изданія новаго уложенія, измѣнять его именными указами и т. п. Вслѣдствіе этого собраніе представителей было распущено, подъ предлогомъ начинавшейся турецкой войны. Екатерина угадывала въ собраніи депутатовъ будущее противодѣйствіе своему неограниченному самодержавію. Депутаты удостои-

лись изъявленія монаршей признательности за труды, которые они еще не предпринимали, и розданныя имъ золотыя медали были памятниками эфемернаго существованія перваго и послѣдняго представительнаго собранія [1].

Въ числѣ полезныхъ законодательныхъ дѣйствій Екатерины II первое мѣсто занимаетъ ея дворянская грамота, учрежденіе губерній и городовое положеніе, которыми даровано дворянству и городскимъ жителямъ право изъ своей среды выбирать чиновниковъ, завѣдывающихъ мѣстнымъ управленіемъ и судопроизводствомъ. Съ введеніемъ этого новаго порядка значительно улучшилось управленіе губернское и уѣздное: ограничился произволъ мѣстныхъ властей, и новая дѣятельность земской полиціи возстановила безопасность на большихъ дорогахъ и водяныхъ сообщеніяхъ прекращеніемъ бывшихъ тогда разбоевъ.

Филантропическія ученія и идеи были тогда въ большомъ ходу въ Европѣ. Слѣдуя имъ, Екатерина сдѣлала много для страждущаго человѣчества: учредила губернскіе приказы общественнаго призрѣнія, которымъ ввѣрила управленіе богоугодными и благотворительными заведеніями, народными школами, богадѣльнями и пріютами для сиротъ и безмощной старости. Московскій и С.-Петербургскій воспитательные дома были ею учреждены и, по превосходному устройству, могли равняться съ лучшими европейскими заведеніями этого рода.

Но филантропическія побужденія не заставили императрицу обратить вниманіе на уврачеваніе одной изъ самыхъ тяжкихъ язвъ нашего общественнаго состава: я разумѣю крѣпостное рабство почти половины народонаселенія Россіи. Екатерина не только ничего не предприняла для освобожденія крѣпостныхъ, но указомъ 1783 года обратила все населеніе Малороссіи, жившее по условіямъ на земляхъ, принадлежавшихъ тамошнему дворянству, въ крѣпостное рабство. Другимъ указомъ Екатерины запрещено однако всякаго званія свободнымъ людямъ записываться въ кабалу или крѣпост-

[1] Въ копіи библіотеки Московскаго Архива М-ва Иностранныхъ дѣлъ дальнѣйшія событія царствованія императрицы Екатерины II изложены въ нѣсколько другомъ порядкѣ, чѣмъ въ рукописи, напечатанной въ „Русской Старинѣ“.
В. Б.

ное состоянiе, даже [и] по собственному желанiю: такого рода акты не должны имѣть силы (1783 г.). На счетъ рабовъ иноземцевъ: турокъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ постановлено, что, вступивъ на русскую землю и принявъ христiанство, они становятся свободными. Стало быть въ Россiи только одни русскiе могутъ быть крѣпостными рабами: странное преимущество народа господствующаго!

Отнявъ отъ архiерейскихъ домовъ и монастырей принадлежавшiя имъ недвижимыя имѣнiя, которыхъ населенiе было до миллiона душъ, Екатерина лишила монастырскихъ крестьянъ того благосостоянiя, которымъ они наслаждались подъ церковнымъ управленiемъ. Вообще монастырскiя вотчины управлялись почти всегда умными, добросовѣстными старцами и были въ самомъ удовлетворительномъ положенiи: крестьяне платили умѣренный оброкъ, или занимались необременительными работами для доставленiя продовольствiя въ монастыри. Въ этихъ вотчинахъ хранились всегда огромные запасы всякаго рода хлѣба, остававшагося лишнимъ. Въ неурожайные годы монастырскiя житницы открывались для многихъ тысячъ бѣднаго народа, которому безъ отказу раздавался хлѣбъ заимообразно, а бѣднѣйшимъ какъ милостыня. Екатерина, отобравъ отъ монастырей вотчины, большую часть изъ нихъ впослѣдствiи раздала своимъ любовникамъ.

Карамзинъ, восторженный почитатель царствованiя Екатерины, говоритъ: „горестно, а должно признаться, что, усердно хваля Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаешь ея слабости и краснѣешь [за нихъ и краснѣешь] за человѣчество". Въ другомъ мѣстѣ исторiографъ, намекая на расточительность императрицы къ временщикамъ своимъ, которыхъ она осыпала богатствами и почестями, спрашиваетъ: „богатство государственное принадлежитъ-ли тому, кто имѣетъ лицо единственно красивое? Слабость тайная есть только слабость, явная—порокъ: ибо соблазняетъ другихъ - нравы [болѣе] развратились отъ двора любострастнаго".

Въ тридцати четырехъ-лѣтнее царствованiе Екатерины война почти не прекращалась и побѣдоносныя войска ея громили турокъ, поляковъ, шведовъ и персiянъ. Румянцевъ при Кагулѣ съ шестнадцати тысячной армiей разбилъ, въ

десять разъ сильнѣйшаго его, великаго визиря. Суворовъ одерживалъ блистательныя побѣды надъ турками и поляками, когда противъ тѣхъ же самыхъ турокъ не могли стоять австрійцы. Удачные кровопролитные штурмы Очакова, Измаила, Праги сдѣлались невозможностью и для русскихъ войскъ послѣ екатерининскаго времени, хотя въ чистомъ полѣ они и не утратили прежней храбрости. Екатерина умѣла выбирать своихъ полководцевъ, и Румянцевъ, Суворовъ [1], Потемкинъ, Панинъ, Репнинъ, Ферзенъ, прославили ея царствованіе знаменитыми побѣдами, распространившими предѣлы Россіи завоеваніемъ на югѣ нынѣшнихъ губерній Херсонской, Таврической, части Екатеринославской и Кавказской области, а на западѣ присоединеніемъ отъ Польши Бѣлоруссіи, Литвы съ Минской губерніей, Украйны, Волыни и Подоліи.

Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается одно обстоятельство, не многимъ извѣстное, что бывшій тогда канцлеромъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ и княгиня Екатерина Романовна Дашкова представляли императрицѣ планъ конституціи для Россіи, и что она отвергла его.

Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ слышалъ я отъ современниковъ, которымъ оно могло быть извѣстно со всѣми подробностями:

Графъ Н. И. Панинъ, воспитатель в. к. наслѣдника Павла Петровича, провелъ молодость свою въ Швеціи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовію изучая конституцію этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россіи; ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Съ этою цѣлію Панинъ предлагалъ установить политическую свободу, сначала для одного дворянства, въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (inamovibles) назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Синодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранія сената. Подъ нимъ въ іерархи-

[1] Французскіе историки и самъ Тьеръ вездѣ пристрастно судятъ нашего знаменитаго полководца. Енно и Шеншо не только не отдаютъ справедливости его великимъ дарованіямъ, но чернятъ его нравственный характеръ, представляя Суворова кровожаднымъ извѣромъ — чуть не людоѣдомъ. *Авторъ.*

ческой постепенности были бы дворянскія собранія губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось бы право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять объ нихъ сенату и предлагать ему новые законы (avoir l'initiative des lois).

Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властію, а императорамъ оставалась бы власть исполнительная съ правомъ утверждать обсужденные и принятые сенатомъ законы, и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проэктъ былъ написанъ Д. И. Фонъ-Визинымъ подъ руководствомъ графа Панина. У меня былъ списокъ съ введенія, или предисловія къ этому акту — родъ Considerant, которое, сколько припомню, начиналось такъ: „Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвѣщенный ясностію сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣянію какого либо зла“ и т. д. [1]. За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и объясненіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ самодержавія.

---

[1] Списокъ съ конституціоннаго акта хранился у роднаго брата его редактора П. И. Фонъ-Визина. Когда въ первую французскую революцію извѣстный массонъ и содержатель типографіи, Новиковъ, и московскія массонскія ложи были подозрѣваемы въ революціонныхъ замыслахъ, ген.-губер. князь Прозоровскій, преслѣдуя массоновъ, считалъ сообщниками или единомышленниками ихъ всѣхъ служившихъ въ то время въ (московскомъ) университетѣ, а П. И. Фонъ-Визинъ былъ тогда его директоромъ. Предъ самымъ прибытіемъ полиціи для взятія его бумагъ ему удалось истребить конституціонный актъ, который братъ его ему ввѣрилъ. Отецъ мой, случившійся въ то время у него, успѣлъ спасти введеніе или Considerant, котораго начало я выписалъ выше. При моемъ арестованіи въ 1826 году эту бумагу взяли вмѣстѣ съ прочими; меня спрашивали объ ней въ комитетѣ — я разсказалъ всю исторію, какъ зналъ, и меня оставили въ покоѣ. Покойному Никитѣ Михайловичу Муравьеву сообщилъ я съ нея копію, и онъ передѣлалъ ее, приспособивъ содержа-

Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается объ этой конституціи безъ означенія года. Можетъ быть графъ Панинъ и княгиня Дашкова и дѣйствительно представляли свой планъ Екатеринѣ и убѣждали императрицу принять его и узаконить. Мой покойный отецъ разсказывалъ мнѣ, что въ 1773 или въ 1774 году, когда цесаревичъ Павелъ [Петровичъ] достигъ совершеннолѣтія и женился на Дармштатской принцессѣ, названной Натальей Алексѣевной, графъ Н. И. Панинъ, братъ его, фельдмаршалъ П. И. Панинъ, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ, чуть-ли не митрополитъ Гавріилъ, и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлію свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II, и вмѣсто ее возвести совершеннолѣтняго ея сына. Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять предложенную ему Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что воцарившись не нарушитъ этого кореннаго государственнаго закона, ограничивающаго самодержавіе [1]. Душею заговора была супруга Павла, в. к. Наталья Алексѣевна, тогда беременная.

При графѣ Панинѣ были довѣренными секретарями Д. И. Фонъ-Визинъ, редакторъ конституціоннаго акта, и Бакунинъ - оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ рѣшился быть предателемъ: онъ открылъ фавориту императрицы князю Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ — стало быть это сдѣлалось извѣстнымъ и императрицѣ. Она позвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. Павелъ испугался, принесъ матери повинную и списокъ

ніе этого акта къ царствованію Александра I-го. Разошлось нѣсколько экземпляровъ сочиненія, которое, явясь подъ именемъ настоящаго автора, было приписано мнѣ. Я слышалъ объ этомъ (въ 1825 году) отъ кн. М. Д. Горчакова: онъ былъ въ восторгѣ отъ введенія, и я не могъ разувѣрить его, что это не мое произведеніе. Подлинный манускриптъ, писанный рукою дяди Д. И. Фонъ-Визина, укралъ у меня одинъ букинистъ, и, какъ я послѣ узналъ, продалъ его П. П. Бекетову, который издавалъ тогда всѣ сочиненія Д. И. Фонвизина. *Авторъ.*

[1] Біографы Павла Петровича не признаютъ этого разсказа достовѣрнымъ. См. Д. Кобеко—„Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", 1882 г., стр. 101 и Шильдеръ—„Императоръ Павелъ Первый", стр. 539. *В. Б.*

всѣхъ заговорщиковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ [даже] въ него, бросила бумагу въ огонь и сказала: я [и] не хочу знать, кто эти несчастные. Она знала всѣхъ по доносу измѣнника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексѣевна: полагали, что ее отравили или извели другимъ образомъ. Историкъ Левекъ говоритъ: „On a écrit, que sa mort fit imputer à Catherine un crime de plus, et que la sage femme, qui présida aux couches de cette princesse ne tarda pas à faire une grande fortune". А Левекъ долго [и] въ то самое время жилъ въ Петербургѣ, и при дворѣ имѣлъ связи. Изъ заговорщиковъ никто однако не погибъ. Екатерина никого [изъ нихъ] не преслѣдовала. Графъ [Ник. Ив.] Панинъ удаленъ былъ отъ Павла съ благоволительнымъ рескриптомъ, съ пожалованіемъ ему за воспитаніе цесаревича 5,000 душъ, и остался канцлеромъ; братъ его фельдмаршалъ и княгиня Дашкова оставили дворъ и переселились въ Москву. Князь Репнинъ уѣхалъ въ свое намѣстничество, въ Смоленскъ, а надъ прочими заговорщиками учрежденъ тайный надзоръ.

Въ исторіи Енно и Шеншо разсказано про насильственную смерть императора Павла не совсѣмъ вѣрно. Постараюсь собрать мои воспоминанія объ этомъ трагическомъ событіи, и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ его, о которыхъ я слышалъ отъ очевидцевъ. Великій князь Павелъ Петровичъ рожденъ былъ съ прекрасными душевными качествами, добрымъ сердцемъ, острымъ умомъ, живымъ воображеніемъ и, при некрасивой наружности, восхищалъ всѣхъ, знавшихъ его, своею любезностью. Но превратное воспитаніе, многолѣтній стѣсненный образъ жизни при ненавидящей его матери, исказили всѣ эти добрые свойства. Екатерина постоянно держала его далеко отъ себя, не допускала къ участію въ дѣлахъ государственныхъ—оставляла наслѣдника престола часто въ такой нуждѣ, что въ семействѣ Вадковскихъ хранятся записки его супруги, которыми она просила ссудить ее 25 или 50 рублями на насущные расходы! Временщики и царедворцы, въ угодность императрицѣ, показывали явное пренебреженіе къ ея сыну, и онъ, без-

престанно оскорбляемый и унижаемый, сдѣлался болѣзненно раздражительнымъ, до изступленія и бѣшенства: такимъ и увидѣла его Россія на тронѣ.

Не задолго до своей смерти, Екатерина рѣшилась устранить сына отъ престолонаслѣдія и объявить своимъ преемникомъ любимаго внука, великаго князя Александра Павловича. Актъ объ этомъ былъ тайно составленъ съ согласія приближенныхъ къ императрицѣ вельможъ, въ преданности которыхъ она была увѣрена, и порученъ храненію вице-канцлера графа Безбородко. Императрица хотѣла облечь этотъ актъ силою закона и обнародовать его въ свои имянины 24 ноября 1796 года, предварительно заставя Павла отказаться отъ престолонаслѣдія. Но не сбылось это предположеніе.

За двѣ недѣли до приведенія его въ дѣйствіе, Екатерина умираетъ скоропостижно 5-го ноября 1796 года. Вице-канцлеръ [графъ] Безбородко спѣшитъ въ Гатчино къ великому князю Павлу Петровичу и вручаетъ ему актъ, устраняющій его отъ трона. Павелъ, наградивъ Безбородко княжескимъ титуломъ, возведеніемъ въ канцлеры и пожалованіемъ 9,000 душъ, скачетъ въ Петербургъ, — манифестомъ объявляетъ о восшествіи своемъ на престолъ, и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Несмотря на то, что онъ не былъ любимъ ни войскомъ, ни вельможами, ни придворными, — всѣ безпрекословно ему присягаютъ.

Будучи великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ жилъ постоянно въ Гатчинѣ, гдѣ его окружали немногіе приверженные придворные и три некомплектные морскіе баталіона, которые отданы ему были подъ начальство, какъ генералъ-адмиралу флота, которымъ онъ никогда не начальствовалъ. Офицеровъ назначалъ онъ въ эти баталіоны по собственному выбору, а какъ никто изъ порядочныхъ дворянъ не хотѣлъ служить у него, то корпусъ офицеровъ морскихъ баталіоновъ состоялъ изъ лицъ, за негодностію непринимаемыхъ никуда. Ихъ называли Гатчинскими, и это названіе было почти бранное. Морскіе баталіоны были потѣшнымъ войскомъ Павла: онъ обмундировалъ ихъ по образцамъ войскъ Фридриха Великаго, упражнялъ частыми ученьями и маневрами по прусской тактикѣ, и съ необыкновенною страстію предавался фрун-

томаніи. Недовѣряя новымъ своимъ подданнымъ, онъ разсчитывалъ только на преданность своихъ гатчинскихъ офицеровъ. Павелъ, воцарившись, окружилъ себя ими и осыпалъ ихъ чрезмѣрными милостями. Чины, ордена, пожалованіе значительными имѣніями были удѣломъ этихъ новыхъ временщиковъ. Съ повышеніемъ чина перевелъ онъ ихъ въ гвардейскіе полки, а рядовыхъ — унтеръ-офицерами и поручилъ имъ образованіе гвардіи по гатчинскимъ образцамъ. Гвардейскіе офицеры изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій почитали для себя крайнею обидою подчиненіе Гатчинскимъ, которые у нихъ были прежде въ такомъ презрѣніи. Правленіе новаго императора становилось особенно тягостнымъ и несноснымъ для высшаго класса — для дворянства, которое, въ продолженіе 34-хъ лѣтняго царствованія Екатерины, пользуясь ея постояннымъ благоволеніемъ, привыкло не только къ свободѣ, но и къ безнаказанному своеволію. Павелъ, ненавидя мать, ненавидѣлъ все, что дѣлалось при ней: кроткую систему правленія Екатерины замѣнилъ онъ дѣйствіями не только строгими, но жестокими и неправосудными; всячески унижая дворянъ, нарушалъ ихъ привиллегіи, подвергалъ тѣлесному наказанію, торговой казни и ссылкѣ въ Сибирь безъ суда. Подозрительность Павла возстановила страшную тайную канцелярію, и множество жертвъ томились въ ея заклепахъ.

Исторіографъ Карамзинъ рѣзко характеризовалъ правленіе Павла I-го въ сочиненіи своемъ „О древней и новой Россіи въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи“ слѣдующими словами: „Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества: къ неизъяснимому изумленію Россіянъ онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ; не слѣдуя никакимъ уставамъ кромѣ своей прихоти, считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ нашихъ полкахъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства; героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ военнной службы; презирая душу, уважалъ

шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; вымышлялъ ежедневно способы ужасать людей, а самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу!"

Тиранство Павла особенно ужасало обѣ столицы и окружавшихъ его: никто изъ служащихъ не былъ безопасенъ отъ его раздражительности, доходившей до безумія. Всѣмъ страшенъ былъ гнѣвъ его. Никто въ это прихотливое, деспотическое царствованіе не могъ быть увѣренъ, чтобы, безъ всякой вины, его не выгнали изъ службы, не опозорили, не засадили въ крѣпость, не заслали въ Сибирь. Тысячи подверглись этой участи въ четерехъ-лѣтнее его царствованіе: многихъ не скоро могли отыскать въ Сибири, послѣ его смерти, потому что, при отправленіи ихъ въ ссылку, имъ перемѣняли имена.

Въ это бѣдственное для русскаго дворянства время—безправное большинство народа на всемъ пространствѣ имперіи оставалось равнодушномъ къ тому, что происходило въ Петербургѣ;—до него не касались жестокія мѣры, угрожавшія дворянству. Простой народъ даже любилъ Павла: въ облегченіе крѣпостныхъ земледѣльцевъ, онъ въ 1798 году издалъ указъ, чтобы они только три дня въ недѣлю работали на своихъ господъ, а три дня на себя, и были свободны [отъ работъ] во всѣ двунадесятые и храмовые ихъ селеній праздники. Ужасъ Павлова тиранства особенно царствовалъ въ Петербургѣ. Такое насильственное положеніе не могло быть продолжительно — терпѣніе истощилось, и общее негодованіе, возбужденное жестокостями и безуміемъ царя, выразилось заговоромъ противъ него, въ которомъ приняли участіе приближенныя и взысканныя его милостями особы.

Вступивши въ службу въ гвардію въ 1803 году, я лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, много разъ слышалъ всѣ подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще въ свѣжей памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесѣдахъ. Не разъ стоя въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, я изъ любопытства заходилъ въ комнаты, занимаемыя Павломъ, и въ

его спальню, которая долго оставалась въ прежнемъ видѣ; видѣлъ и скрытую лѣстницу, по которой онъ спускался къ любовницѣ своей, княгинѣ Гагариной, бывшей Лопухиной. Очевидцы объясняли мнѣ на самыхъ мѣстахъ, какъ все происходило. Сравнивая читанныя мною въ разныхъ иностранныхъ книгахъ повѣствованія о смерти Павла съ собственными воспоминаніями, слышаннаго мною объ этомъ, начну разсказъ мой спискомъ заговорщиковъ, которыхъ имена могъ припомнить. Всѣхъ ихъ было до 60-ти человѣкъ, кромѣ большой части гвардейскихъ офицеровъ, которые, собственно не участвуя въ заговорѣ, догадывались о его существованіи и, по ненависти къ Павлу, готовы были способствовать успѣху. Вотъ кто были лица, мнѣ и всѣмъ въ то время извѣстныя: С.-Петербургскій Военный Ген.-Губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ; Вице-Канцлеръ графъ Н. П. Панинъ; князь Платонъ Зубовъ—Шефъ 1-го кадетскаго Корпуса; братья его: Валерьянъ—Шефъ 2-го Кадетскаго Корпуса и Николай; Генералъ-Маіоръ Беннингсенъ и Талызинъ — Командиръ Преображенскаго полка и Инспекторъ Спб. Инспекціи; Шефы полковъ: Кексгольмскаго—Вердеревскій; Сенатскихъ баталіоновъ — Ушаковъ 1-й, Артиллерійскаго полка—Тучковъ; Командиры гвардейскихъ полковъ: Уваровъ—Кавалергардскаго; Янковичъ-Демиріево—Конногвардейскаго; Депрерадовичъ—Семеновскаго и князь Вяземскій—Шефъ 4-го баталіона Преображенскаго полка; того-же полка полковники: Запольскій и Аргамаковъ; капитанъ Шеншинъ и штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ; поручики: Маринъ, Леонтьевъ, два брата Полуектовы, два брата Аргамаковы; графъ Толстой—Семеновскаго полка полковникъ; князь Волконскій—адъютантъ в. к. Александра Павловича; поручики: Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ [Полторацкій], Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики: Болховской, Скарятинъ, Кутузовъ, Кавалергардскаго полка полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ; ротмистръ Титовъ; поручикъ Гордановъ; Артиллеристы: полковникъ князьЯшвиль; [поручикъ] Татариновъ; флотскій капитанъ-командоръ Клокачевъ. Въ заговорѣ, кромѣ военныхъ, участвовали нѣсколько придворныхъ и гражданскихъ лицъ и даже отставныхъ; именъ ихъ не припомню. Душою заговора и главнымъ дѣйствова-

телемъ былъ графъ Паленъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, смѣлый, предпріимчивый, съ характеромъ рѣшительнымъ, непоколебимымъ. Родомъ Курляндецъ, онъ еще при Петрѣ III вступилъ въ Русскую службу корнетомъ въ Конногвардейскій полкъ. Въ царствованіе Екатерины, Паленъ усердно содѣйствовалъ присоединенію Курляндіи къ Имперіи, полюбилъ Россію и былъ всею душою преданъ новому своему отечеству.

Съ прискорбіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ онъ на безумное самовластье Павла, на непостоянство и измѣнчивость его внѣшней политики, угрожавшей благоденствію и могуществу Россіи. Павелъ, сперва врагъ французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавними союзниками, которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками — пораженіе генераловъ Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи и Германа въ Голландіи — послѣ славной кампаніи Суворова въ Италіи, вдругъ совершенно измѣняетъ свою политическую систему и не только мирится съ первымъ консуломъ французской республики, умѣвшимъ ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарта и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ нею наносилъ неизъясненный вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями и мануфактурными, и колоніальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ съ своихъ помѣстьевъ, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и пр. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ. Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти общею. Графъ Паленъ, не разборчивый въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ цѣли, рѣшился осуществить ее. Графъ Паленъ былъ въ большой милости у Императора Павла, умѣвшаго оцѣнить его достоинства. Облеченный его довѣренностью, онъ посвященъ былъ во всѣ важнѣйшія государ-

ственныя дѣла. Какъ военный губернаторъ столицы, Паленъ завѣдывалъ тайною полиціею и чрезъ него одного могли доходить до Царя донесенія его агентовъ: это было ручательствомъ сохраненія въ тайнѣ предпринимаемаго заговора. Когда мысль о немъ созрѣла, и Паленъ, зная общественное мнѣніе, враждебное правительству, могъ разсчитывать на многихъ сообщниковъ, онъ рѣшился открыть свое смѣлое намѣреніе Вице-Канцлеру графу Н. П. Панину, котораго Павелъ любилъ, какъ племянника своего воспитателя, графа Н. И. Панина. Воспитанный умнымъ и просвѣщеннымъ дядей, графъ Н. П. Панинъ усвоилъ свободный его образъ мыслей, ненавидѣлъ деспотизмъ и желалъ не только паденія безумнаго царя, но съ этимъ паденіемъ законно-свободныхъ постановленій, которыя бы ограничили царское самовластіе. На этотъ счетъ и графъ Паленъ раздѣлялъ вполнѣ его образъ мыслей. Первымъ дѣйствіемъ условившихся Палена и Панина было стараніе помирить съ Павломъ фаворита Екатерины, князя Платона Зубова и братьевъ его, Валерьяна и Николая, находившихся въ опалѣ, — въ чемъ они и успѣли. Зубовы приняты въ службу и прибыли въ Петербургъ. Паленъ и Панинъ знали напередъ ихъ ненависть къ Павлу и были увѣрены въ ихъ усердномъ содѣйствіи, поэтому и открыли имъ свое намѣреніе; Зубовы вступили въ заговоръ, а съ ними и нѣсколько преданныхъ имъ кліентовъ, которыхъ они покровительствовали во время силы своей при Екатеринѣ. Изъ этихъ лицъ, по характеру и положенію своему, важнѣе прочихъ были: генералъ баронъ Беннингсенъ, Ганноверецъ, служившій съ отличіемъ въ Польскую и Персидскія войны въ нашихъ войскахъ, отставленный Павломъ, какъ человѣкъ, преданный Зубовымъ, и принятый опять въ службу по ходатайству графа Палена, который былъ съ нимъ друженъ — и генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ войскъ, находившихся въ Петербургѣ. Пріобрѣтеніе такого сообщника было тѣмъ болѣе важно для успѣха дѣла, что Талызина любили подчиненные: [какъ любимый начальникъ] онъ пользовался большимъ уваженіемъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и могъ всегда увлечь за собою не только офицеровъ, но одушевить и нижнихъ чиновъ, которые были

къ нему чрезвычайно привязаны. Всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей, желавшіе перемѣны, все лучшее петербургское общество и гвардейскіе офицеры собирались у братьевъ Зубовыхъ и у сестры ихъ — Жеребцовой, — свѣтской дамы, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ и съ чиновниками его посольства, постоянными посѣтителями ея гостинной. Отъ этого распространилось въ Европѣ мнѣніе, будто лордъ Витвортъ главный виновникъ заговора и что онъ не жалѣлъ Англійскихъ денегъ для покупки сообщниковъ, съ цѣлію предупредить разрывъ Россіи съ Англіей, угрожавшій торговымъ интересамъ послѣдней. Это мнѣніе не имѣетъ основанія, [во-первыхъ,] потому что лордъ Витвортъ слишкомъ извѣстенъ по строгой честности и благороднымъ правиламъ своимъ, чтобы можно было подозрѣвать его въ такомъ коварномъ и безнравственномъ дѣйствіи, — потомъ заговоръ противъ Павла [былъ] дѣло чисто-русское, а для нѣкорыхъ истинно - патріотическое и въ которомъ, кромѣ Бенингсена не участвовалъ ни одинъ иностранецъ; да и лордъ Витвортъ выѣхалъ изъ Петербурга тотчасъ послѣ разрыва съ Англіею — стало быть до начала заговора. Вечернія собранія у братьевъ Зубовыхъ или у Жеребцовой походили на настоящіе политическіе клубы, въ которыхъ единственнымъ предметомъ разговоровъ было тяжкое положеніе Россіи, страждущей подъ гнетомъ безумнаго самовластія. Толковали о необходимости положить этому конецъ. Никому и въ голову не входило посягнуть на жизнь Павла, — было одно общее желаніе: заставить его отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника всѣми любимаго за доброту, образованность, кроткое и вѣжливое со всѣми обращеніе,—качества совершенно противоположныя неукротимому и самовластному характеру отца его. Всѣ эти совѣщанія происходили явно подъ эгидой Петербургскаго Воен. Губернатора, который какъ начальникъ тайной полиціи, получалъ ежедневно донесенія шпіоновъ и давалъ движеніе только тѣмъ изъ нихъ, которыя не касались заговора и лицъ въ немъ замѣшанныхъ. Графъ Паленъ исподоволь приготовлялъ великаго князя Александра Павловича къ замышляемому имъ государственному перевороту, для ус-

пѣшнаго совершенія котораго, его согласіе было необходимо. Часто видясь съ нимъ, Паленъ всегда наводилъ рѣчь на трудное и бѣдственное состояніе Россіи, страждущей отъ безумныхъ поступковъ отца его, и не выводя никакихъ заключеній, вызывалъ великаго князя на откровенность. Тотъ съ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и молчалъ, потупивъ глаза. Не разъ повторялись подобныя безмолвныя, но выразительныя сцены. Однажды Паленъ рѣшился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказалъ ему необходимость для блага Россіи и для безопасности Императорскаго семейства устранить отъ престола безумнаго Императора и заставить его самаго подписать торжественное отреченіе. Чтобы еще болѣе убѣдить великаго князя, Паленъ представилъ ему несомнѣнныя доказательства, что отецъ его подозрѣваетъ и супругу свою и обоихъ сыновей въ замыслахъ противъ его особы, и даже показалъ ему именное повелѣніе Павла, въ случаѣ угрожающей ему опасности, заключить Императрицу и обоихъ великихъ князей въ Петропавловскую крѣпость. Все это поколебало, наконецъ, сыновнее чувство и совѣсть великаго князя и онъ, обливаясь слезами, далъ Палену согласіе, но требовалъ отъ него торжественную клятву, что жизнь Павла будетъ для всѣхъ священна и неприкосновенна. По неопытности великій князь почиталъ возможнымъ сохранить отцу жизнь, отнявъ у него корону! Согласіе великаго князя [Александра Павловича] развязало руки гр. Палену и главнымъ заговорщикамъ. Все было устроено къ рѣшительному дѣйствію: большая часть гвардейскихъ офицеровъ были на ихъ сторонѣ, сами солдаты, особенно Семеновскаго полка, любившіе своего шефа в. к. Александра Павловича и Преображенскаго полка 3-го и 4-го баталіоновъ, которыми командовалъ полковникъ Запольскій и генералъ-маіоръ князь Вяземскій, волновались и, недовольные настоящимъ положеніемъ и тягостною службою, желали перемѣны и готовы были слѣдовать за любимыми начальниками, куда-бы ихъ не повели. Между тѣмъ Императоръ, какъ-бы предчувствуя скорое паденіе или можетъ быть предувѣдомленный кѣмъ нибудь изъ немногихъ искренно преданныхъ ему людей, о всеобщемъ неудовольствіи противъ него и о дѣйствіяхъ его тайныхъ враговъ, ста-

новился день ото дня мрачнѣе и подозрительнѣе. Волнуемый страхомъ и гнѣвомъ, онъ встрѣтилъ графа Палена, который явился къ нему съ обыкновеннымъ утреннимъ рапортомъ, грознымъ вопросомъ: „Вы были въ Петербургѣ въ 1762 году?“— [годъ воцаренія Екатерины вслѣдствіе дворцоваго переворота, стоившаго жизни Петру III...—] „Да, Государь, былъ“, хладнокровно отвѣчалъ Паленъ.— „Что вы тогда дѣлали и какое участіе имѣли въ томъ, что происходило въ то время?“— спросилъ опять Императоръ.— „Какъ субалтернъ офицеръ, я на конѣ, въ рядахъ полка, въ которомъ служилъ, былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствовалъ“, отвѣчалъ Паленъ. Императоръ взглянулъ на него грозно и недовѣрчиво продолжалъ: „И теперь замышляютъ то же самое, что было въ 1762 году.“— „Знаю, Государь,—возразилъ Паленъ, нисколько не смутившись—я самъ въ числѣ заговорщиковъ!“— „Какъ, и ты въ заговорѣ противъ меня?“ „Да, чтобы слѣдить за всѣмъ и, зная все, имѣть возможность предупредить замыслы вашихъ враговъ и охранять васъ“. Такое присутствіе духа и спокойный видъ Палена совершенно успокоили Павла и онъ, болѣе нежели когда либо, ввѣрился врагу своему. Это происходило за недѣлю или за двѣ до роковаго дня и ускорило катастрофу. Императоръ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ. Недовѣряя любви своихъ подданныхъ, онъ выстроилъ его какъ крѣпость, съ брустверомъ и водянымъ рвомъ одѣтымъ гранитомъ, съ четырьмя подъемными мостами, которые по пробитіи вечерней зари поднимались. Въ этомъ убѣжищѣ Царь считалъ себя безопаснымъ отъ нападенія въ случаѣ народнаго мятежа и возстанія. Караулъ въ замкѣ содержали поочередно гвардейскіе полки. Внизу на главной гауптвахтѣ находилась рота со знаменемъ, капитаномъ и двумя офицерами. Въ бель-этажѣ расположенъ былъ внутренній караулъ, который наряжался только отъ одного лейбъ-баталіона Преображенскаго полка. Павелъ особенно любилъ этотъ баталіонъ и довѣрялъ ему, размѣстилъ его въ зданіи Зимняго дворца, смежномъ съ Эрмитажемъ, отличилъ и офицеровъ и солдатъ богатымъ мундиромъ: первыхъ съ золотыми вышивками вокругъ петлицъ, а рядовыхъ петлицами, обложенными галуномъ по всей груди. Этотъ баталіонъ онъ хотѣлъ отдѣ-

лить отъ полка и переименовать „лейбъ-компаніей", — исключительной стражей, охраняющей его особу. Въ за́мкѣ гарнизонная служба отправлялась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностію. Послѣ пробитія [вечерней] зари, весьма немногія довѣренныя особы, извѣстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ за́мокъ по малому подъемному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ адъютантъ лейбъ-баталіона Преображенскаго полка Аргама́ковъ, исправлявшій должность плацъ-адъютанта за́мка. Онъ былъ обязанъ доносить лично Императору о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи въ городѣ, какъ-то о пожарѣ и т. п. Павелъ довѣрялъ Аргамакову, и даже ночью онъ могъ входить въ царскую спальню. Мостикъ (этого мостика я уже не видѣлъ: онъ былъ снятъ скоро послѣ воцаренія Александра I) для Аргамакова всегда опускался по его требованію. Чрезъ это Аргамаковъ сдѣлался самымъ важнымъ пособникомъ заговора. Марта 11-е число было послѣднимъ роковымъ днемъ несчастнаго Павла I-го. Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. На призывъ его собрались всѣ главные [его] сообщники, — братья Зубовы (2), Беннингсенъ, Талызинъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Гостямъ разносили шампанское, пуншъ и другія вина. Всѣ опоражнивали бокалъ за бокаломъ, кромѣ хозяина дома и генерала Беннингсена. Паленъ, Зубовы [въ этомъ собраніи не было графа Панина и Валерьяна Зубова], Беннингсенъ, обращаясь къ патріотизму присутствующихъ, — говорили имъ о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Россіи, что самовластіе Императора губитъ ее, что его кровожадное бѣшенство угрожаетъ тысячамъ безвинныхъ жертвъ, беззащитныхъ отъ его произвола и прихоти, что есть одно средство предотвратить еще большія несчастія: это — принудить Павла отречься отъ трона, что самъ наслѣдникъ престола признаетъ необходимою эту рѣшительную мѣру. Не было рѣчи о будущей участи Императора. Заговорщикамъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-либо опасность. Восторженные

подобными рѣчами, а еще болѣе выпитымъ виномъ и пуншемъ, заговорщики требуютъ, чтобы ихъ тотчасъ вели на славный подвигъ спасенія отечества. Паленъ и ген. Талызинъ, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы къ полуночи генералъ Депрерадовичъ съ 1-мъ Семеновскимъ баталіономъ, а полковникъ Запольскій и генералъ князь Вяземскій съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами Преображенскаго полка, выступили на назначенное сборное мѣсто у верхняго сада подлѣ Михайловскаго за́мка. Получа донесеніе, что движеніе войскъ началось, заговорщики раздѣлились на два отряда: пошли къ замку одинъ подъ предводительствомъ Беннингсена и Зубовыхъ, другой подъ начальствомъ Палена. Впереди перваго отряда шелъ адъютантъ Аргамаковъ, который долженъ былъ открыть заговорщикамъ входъ въ замокъ по извѣстному подъемному мостику, который сторожъ во всякое время для него опускалъ. Паленъ съ сопровождавшимъ его меньшимъ числомъ сообщниковъ отсталъ отъ перваго отряда, который встрѣтилъ гвардейскіе три баталіона уже на сборномъ мѣстѣ. Зубовъ съ своими сообщниками подошли къ за́мку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику. Генералъ Талызинъ двинулъ баталіоны чрезъ верхній садъ и окружилъ ими за́мокъ. [Въ верхнемъ саду на ночь слетѣлось безчисленное множество воронъ и галокъ; птицы, испуганныя движеніемъ войска, поднялись огромною тучею съ карканіемъ и шумомъ и перепугали начальниковъ и солдатъ, принявшихъ это за несчастливое предзнаменованіе]. Зубовъ и Беннингсенъ съ своими сообщниками бросились прямо къ царскимъ покоямъ. За одну комнату до Павловой спальни, стоявшіе на часахъ два камеръ-гусара не хотѣли ихъ впустить, но нѣсколько офицеровъ бросились на нихъ, обезоружили, зажали имъ рты и увлекли вонъ. Зубовы съ Беннингсеномъ и нѣсколькими офицерами, на которыхъ они могли считать, вошли въ спальню... [1]

Но что дѣлала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахтѣ и часовые Семеновскаго полка во все это время оставались въ бездѣйствіи, какъ-бы ничего не видя и

---

[1] Здѣсь мы опускаемъ строки, которыя относятся къ описанію самаго событія 11 марта 1801 года. *В. Б.*

не слыша. Ни одинъ человѣкъ не тронулся на защиту... Караульный капитанъ былъ изъ „Гатчинскихъ“ и изъ самыхъ плохихъ, не вспомню теперь его имени. Одинъ изъ офицеровъ, ему подчиненныхъ, прапорщикъ Полторацкій, былъ въ числѣ заговорщиковъ и, предувѣдомленный о томъ, что будетъ происходить въ замкѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ арестовалъ своего начальника и принялъ начальство надъ карауломъ. Во внутреннемъ караулѣ Преображенскаго лейбъ-баталіона стоялъ тогда поручикъ Маринъ. Услыша, что въ замкѣ происходитъ что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозрѣвая, что царю угрожаетъ опасность, громко выражали свое подозрѣніе и волновались. Одна минута, и Павелъ могъ быть спасенъ ими. Но Маринъ не потерялъ присутствія духа, громко скомандовалъ: смирно! Отъ ночи и во все время, какъ заговорщики.... продержалъ своихъ гренадеръ подъ ружьемъ неподвижными, и ни одинъ не смѣлъ пошевелиться. Таково было дѣйствіе русской дисциплины на тогдашнихъ солдатъ: въ фрунтѣ они становились машинами.

Великій князь Александръ Павловичъ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ съ великой княгинею. Онъ въ эту ночь не ложился спать и не раздѣвался; при немъ находились генералъ Уваровъ и адъютантъ его, князь Волконскій. Когда все кончилось, и онъ узналъ страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаянія. Воспоминаніе объ этой страшной ночи преслѣдовало его всю жизнь и отравляло его тайной грустью. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, властолюбіе не могло заглушить въ его сердцѣ жгучихъ упрековъ совѣсти даже и въ самое счастливое и славное время его царствованія послѣ отечественной войны. Александръ всею ненавистью возненавидѣлъ графа Палена, который воспользовался его неопытностію...

Великій князь Константинъ Павловичъ не зналъ о заговорѣ и могъ оплакивать несчастнаго отца съ покойною, безупречною совѣстью. Императрица Марія Ѳедоровна поражена была бѣдственною кончиною супруга, оплакивала его, но и въ ея сердцѣ зашевелилось желаніе царствовать.

Она вспомнила, что Екатерина царствовала безъ права и можетъ быть расчитывала на нѣжную привязанность сына и надѣялась, что онъ уступитъ ей тронъ. Приближенные къ ней разсказывали, что несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: „Ich will regieren!“ Новый императоръ со всѣмъ дворомъ на разсвѣтѣ переѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Всѣ гвардейскіе и армейскіе полки тотчасъ присягнули ему. Статсъ-секретарь Трощинскій написалъ манифестъ о восшествіи на престолъ Александра I-го. Этотъ актъ возбудилъ восторгъ въ дворянствѣ обѣщаніемъ новаго самодержца — *царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей*.

Михайловскій замокъ представлялъ грустное и... зрѣлище: трупъ Павла одѣли въ мундиръ, надѣли на него шляпу... и положили на великолѣпное ложе.

Рано стали съѣзжаться въ замокъ придворные, архіереи и проч. Пріѣхалъ и убитый горестью Александръ къ панихидѣ. Посреди множества собравшихся царедворцевъ нагло расхаживали заговорщики и... Павла. Они, неспавшіе ночь, полупьяные, растрепанные, какъ-бы гордясь преступленіемъ своимъ, мечтали, что будутъ царствовать съ Александромъ. Порядочные люди въ Россіи, не одобряя средство, которымъ они избавились отъ тираніи Павла, радовались его паденію. Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія.

Этотъ восторгъ изъявило, однако, одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно.

Я слышалъ отъ графа Петра Александровича Толстаго, который былъ при Павлѣ I-мъ генералъ-адъютантомъ, одно важное обстоятельство, малоизвѣстное, но которое онъ, будучи тогда въ Петербургѣ, могъ знать по своимъ близкимъ сношеніямъ съ главными заговорщиками. Актъ конституціонный, о которомъ я упомянулъ выше въ примѣчаніи къ царствованію Екатерины, опять здѣсь является на сцену, можетъ быть съ нѣкоторыми модификаціями. Панинъ, Паленъ и другіе вожди заговора хотѣли воспользоваться имъ, чтобы

ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять этотъ конституціонный актъ и утвердить его своею подписью. Это намѣреніе извѣстно было и генералу Талызину, тогдашнему командиру Преображенскаго полка, одному изъ главныхъ участниковъ заговора и человѣку искренно-преданному Александру.

Талызинъ и предупредилъ его, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта и убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему, что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большое вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина и устоялъ противъ настоятельныхъ требованій Палена и Панина.

Они тотчасъ догадались, что это было дѣло Талызина, и Паленъ въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на третій или четвертый день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ императора испустилъ духъ. Это и было главною причиною удаленія отъ двора Палена и Панина, которымъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ деревняхъ. Большая часть заговорщиковъ не знала о намѣреніи ограничить самодержавіе. Не восторженная любовь къ отечеству и свободѣ побуждала ихъ рѣшиться на преступленіе, но по опасенію за себя, страху, наведенному на всѣхъ тиранствомъ Павла, а нѣкоторые, лично имъ оскорбленные, по чувству мести [напримѣръ князь Яшвиль]. А что и сами вожди заговора мало заботились объ упраздненіи въ Россіи самодержавія и о ея благѣ, свидѣтельствуетъ характеристическая продѣлка князя Платона Зубова. Вскорѣ послѣ катастрофы далъ онъ банкетъ заговорщикамъ, перешедшій въ оргію. Послѣ обѣда самъ Зубовъ явился въ круглой шляпѣ, во фракѣ, жилетѣ и пр., велѣлъ поставить столъ съ картами, заложилъ банкъ и прометалъ нѣсколько.

Это была манифестація, что злодѣяніе совершено только для того, чтобы носить фраки, жилеты, круглыя шляпы и

безнаказанно играть въ банкъ (все это было строго запрещено при Павлѣ), словомъ, чтобы возвратиться къ своевольному и безнравственному образу жизни временъ Екатерины, которому предавалось тогда все высшее сословіе [1].

Въ повѣствованіи о царствованіи Александра I гг. Енно и Шеншо, какъ французы, слишкомъ пристрастны: они не отдаютъ должной справедливости добрымъ его качествамъ. Если Александръ, какъ человѣкъ, не чуждъ былъ слабостей и даже пороковъ, то какъ государь, и государь самодержавный, онъ являлъ часто рѣдкое великодушіе и человѣколюбіе, не мстилъ за оскорбленія, лично ему нанесенныя, и былъ во всю жизнь глубоко проникнутъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, которое французскіе историки называютъ суевѣрнымъ мистицизмомъ. Они выставляютъ мелочнымъ исполнителемъ внѣшнихъ обрядовъ восточной церкви его, всегда благораспо-

---

[1] Изъ иностранныхъ свѣдѣній о трагической катастрофѣ. . . . . , самое близкое къ правдѣ описаніе событія помѣщено въ исторіи Консульства и Имперіи. Господинъ Тьеръ называетъ источники, изъ которыхъ почерпнулъ свое повѣствованіе, — вотъ его собственныя слова. „Прусскій дворъ, взволнованный извѣстіемъ о смерти Павла I, былъ особенно приведенъ въ негодованіе цинизмомъ, съ какимъ нѣкоторые изъ заговорщиковъ хвалились въ Берлинѣ участіемъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Берлинскій дворъ впослѣдствіи собралъ разными путями свѣдѣнія объ.... отъ лицъ, которыя на мѣстѣ могли узнать любопытныя подробности объ этомъ событіи. По этимъ то свѣдѣніямъ для перваго Консула Французской Республики была составлена записка, которую г-нъ Беннингсенъ, бывшій тогда секретаремъ посольства въ Берлинѣ, помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Но самыя сокровенныя обстоятельства долго оставались неизвѣстными, какъ по особенному случаю во Францію дошло единственно достовѣрное описаніе смерти императора Павла. Французъ, давно служившій въ Россіи и пріобрѣвшій нѣкоторую военную извѣстность, былъ друженъ съ графомъ Паленомъ и генераломъ Беннингсеномъ. Онъ имѣлъ довѣріе графа Палена и слышалъ изъ устъ его обстоятельный разсказъ о происходившемъ въ Петербургѣ 11-го марта. Часто бесѣдуя съ главными дѣйствующими лицами въ этой катастрофѣ, эмигрантъ тщательно записывалъ всѣ подробности, которыя слышалъ отъ нихъ. Его записки въ рукописи теперь находятся во Франціи. Сравнивая свѣдѣнія, собранныя изъ разсказовъ очевидцевъ, съ записками, составленными въ то же время въ Берлинѣ,—говоритъ г-нъ Тьеръ, я описалъ заговоръ противъ Павла и трагическій конецъ его“.

Въ первые годы царствованія Императора Александра I три главные дѣйствователи въ заговорѣ жили недалеко одинъ отъ другого. Графъ Паленъ въ своемъ имѣніи Экау въ Курляндіи, князь Платонъ Зубовъ въ замкѣ своемъ Руенталь, близъ Шавль, а генералъ Беннингсенъ, какъ инспекторъ Литовской инспекціи, въ г. Вильно. Всѣ три могли часто видѣться между собою, и французскій эмигрантъ могъ присутствовать при ихъ откровенныхъ бесѣдахъ. *Авторъ.*

ложеннаго ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и исполненнаго чувствъ просвѣщенной вѣротерпимости.

Нельзя не удивляться, что Александръ, воспитанный бабкою своею, Екатериною II, зараженной невѣріемъ энциклопедистовъ, и среди сладострастнаго и равнодушнаго къ вѣрѣ двора, всю жизнь свою сохранилъ религіозныя убѣжденія и истинную набожность.

Научное образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ женевца Лагарпа, республиканца по рожденію и правиламъ, который съ раннихъ лѣтъ умѣлъ внушить ему свободолюбивыя начала и мнѣнія. Это настроеніе утвердилось въ сердцѣ его скорбными воспоминаніями о безумномъ деспотизмѣ отца, угрожавшаго даже собственной его безопасности, о трагическомъ концѣ несчастнаго Павла Перваго. Съ этими впечатлѣніями взошелъ Александръ на тронъ самой обширной имперіи, въ которой верховная власть не ограничена ни институціями, ни общественными нравами и обычаями.

Тогда въ мыслящихъ патріотахъ, знавшихъ добрыя качества молодого императора, пробуждались основательныя надежды, что онъ самъ положитъ законные предѣлы самовластію, столь твердо укоренившемуся въ Россіи со временъ Петра Великаго, что онъ преобразитъ азіатскую деспотическую державу, какою она сдѣлалась по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, въ правильную Европейскую Монархію, въ которой произволъ верховной власти былъ бы ограниченъ прочными политическими институціями.

Если въ первыя минуты послѣ катастрофы, императоръ по внушеніямъ генерала Талызина и отвергъ предложенный ему Панинымъ и Паленомъ конституціонный актъ, то потому, что внезапное изъявленіе согласія на дѣло такой важности имѣло бы видъ принужденія, а не добровольнаго патріотическаго подвига и могло быть приписано малодушію, а тѣмъ самымъ уронить характеръ Александра въ народномъ мнѣніи. А что Александръ истинно былъ расположенъ, по крайней мѣрѣ въ первую половину своего царствованія, осчастливить Россію законно-свободными постановленіями, то это явствуетъ не только изъ гласнаго изъявленія его образа мыслей о самодержавіи, котораго онъ даже самъ стыдился передъ Евро-

пейцами, но и самыми дѣйствіями его и торжественнымъ обѣщаніемъ. Извѣстная писательница г-жа Сталь въ своемъ сочиненіи „Les dix annėes d'exil" разсказываетъ, что въ бытность свою въ Петербургѣ (въ 1812 году) она представлялась императору, который въ искренней бесѣдѣ выразилъ ей свои убѣжденія, что судьба народа въ продолженіе вѣковъ отнюдь не должна зависѣть отъ неограниченнаго произвола одного человѣка, существа ограниченнаго и преходящаго, „*но я*,—продолжалъ Александръ, *еще не успѣлъ даровать Россіи конституціи*". На это г-жа Сталь сказала ему комплиментъ: „Ваше Величество сами наилучшая конституція";— „Ежели-бы и такъ, то вѣдь это лишь счастливая только случайность", отвѣчалъ ей Александръ.

Одинъ изъ приближенныхъ къ Александру, умныхъ и достойныхъ совѣтниковъ, графъ Сперанскій, который, возбудивъ зависть и недоброжелательство столбовыхъ дворянъ своими достоинствами и быстрымъ возвышеніемъ, былъ безъ всякой вины удаленъ Александромъ [въ Пермь] въ 1812 году чрезъ дворянскую интригу и въ угожденіе тогдашнему общественному мнѣнію. Изъ ссылки своей онъ представилъ императору, увѣренному въ его невинности, письмо оправдательное, которое останется прекраснымъ памятникомъ благодушія и Александра, и Сперанскаго. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, ваше величество начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся".

„Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія".

„Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы".

Эти слова Сперанскаго относятся къ проэкту конституціонной хартіи для Россіи, написанной имъ по волѣ и мыслямъ Александра. А въ какомъ духѣ составленъ этотъ проэктъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ, взятыхъ на выдержку изъ введенія къ конституціонной хартіи для Россіи, написанной имъ по волѣ Александра.

„Съ эпохи, въ которую неограниченная власть государя утвердилась въ Россіи, до нашего времени общественное мнѣніе всегда проявляло нѣкоторое стремленіе къ политической свободѣ. Многія событія это подтверждаютъ".

На счетъ образа правленія, авторъ изъ теоретическихъ соображеній выводитъ слѣдующія заключенія: „Правительство не можетъ почитаться законнымъ, если оно не основано на общей волѣ народа".

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ народѣ, въ самой странѣ".

„Всякое правительство существуетъ только въ силу извѣстныхъ условій и только тогда законно, если свято исполняетъ эти условія".

„Основные Государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли".

„Основные Государственные законы необходимо ограничиваютъ верховную власть".

„Деспотическая власть могла только приличествовать младенчеству гражданскихъ обществъ".

„Народъ необходимо долженъ участвовать въ законодательствѣ чрезъ избранныхъ имъ представителей".

„Всякій долженъ судиться равными ему".

„Не упоминая о другихъ институціяхъ, что значитъ самое русское дворянство, когда и лицо благородное, и его собственность, и его честь зависятъ не отъ закона, а отъ произвола неограниченнаго самодержца? Самый законъ не зависитъ-ли отъ его воли? Не онъ-ли издаетъ его и провозглашаетъ? Право собственности есть только право, терпимое верховною властью".

„Пусть мнѣ покажутъ, говоритъ авторъ, какая разница между отношеніями крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ и отношеніями дворянъ-помѣщиковъ къ самодержавному Государю!

Не ту-же ли власть и еще большую имѣетъ онъ надъ ними, какую они надъ крѣпостными своими рабами?"

„Въ народѣ русскомъ именно уничтожилась всякая энергія отъ взаимныхъ отношеній этихъ двухъ классовъ рабовъ".

„Выгоды дворянъ требуютъ, чтобы ихъ крѣпостные были вполнѣ имъ подвластные, крѣпостные несознательно желаютъ, чтобы дворяне въ той же степени зависѣли отъ верховной власти и были ея рабами" [1].

Нужны ли еще доказательства свободолюбиваго направленія императора Александра I въ первую половину его царствованія? Вотъ одно оффиціальное. На варшавскомъ сеймѣ въ 1818 году въ рѣчи своей къ польскимъ народнымъ представителямъ, императоръ сказалъ: „Я намѣренъ даровать благотворное конституціонное правленіе всѣмъ народамъ, ввѣреннымъ Провидѣніемъ моему попеченію".

Девять лѣтъ прежде, когда въ 1809 году по Фридрихсгамскому мирному трактату съ Швеціей присоединено къ Россіи Великое Княжество Финляндское, — Александръ не только даровалъ этой странѣ отдѣльную администрацію изъ однихъ туземцевъ, но подтвердилъ жителямъ неприкосновенность правъ, которыми они пользовались подъ шведскимъ правительствомъ: — сохранилъ имъ сенатъ, который судитъ ихъ по шведскимъ законамъ, и родъ народнаго представительства, состоящаго изъ четырехъ подраздѣленій государственныхъ чиновъ, подобно тому, какое существуетъ въ Швеціи. Самъ императоръ одинъ разъ предсѣдательствовалъ въ финляндскомъ сеймѣ.

Чтобы представить искренность свободолюбивыхъ намѣреній и желаній Александра I, я въ этомъ очеркѣ опередилъ событія первыхъ годовъ его царствованія: — возвращаюсь къ нимъ.

Первымъ добрымъ дѣломъ новаго императора было освобожденіе всѣхъ жертвъ Павлова тиранства, томившихся въ

---

[1] Проэктъ конституціонной хартіи графа Сперанскаго напечатанъ въ 1832 году въ Portofolio (хартія эта названа „*Русскою Правдою*)" и въ сочиненіи Н. И. Тургенева La Russie et les Russes. *Авторъ.*

Первое извѣстіе о напечатаніи проекта Сперанскаго въ Portofolio невѣрно. Въ настоящее время проектъ этотъ напечатанъ въ „Историческомъ Обозрѣніи", сборникѣ Истор. Общ. при Петер. Университетѣ, т. X, 1899 г. стр. 3—62. *В. Б.*

ссылкѣ или въ крѣпостныхъ казематахъ. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ — и на долго; какой то шутникъ написалъ мѣломъ на ея воротахъ: сей домъ свободенъ отъ постоя, а самъ хозяинъ въ него переселяется.

Александромъ подтверждены права и преимущества русскаго дворянства, духовенства и купечества (1801 г.), которыя такъ часто и беззаконно были нарушаемы Павломъ. Навсегда уничтожена ненавистная тайная канцелярія. Строжайше запрещена пытка, и пристрастные допросы при слѣдствіяхъ признаны уголовнымъ преступленіемъ.

Александръ всѣмъ сердцемъ желалъ уничтожить въ Россіи крѣпостное состояніе, но не съумѣлъ достигнуть того. Множество предположеній было сдѣлано на счетъ этого благодѣтельнаго преобразованія, но ни одно изъ нихъ не осуществилось. Все ограничилось изданіемъ указа въ 1803 году о свободныхъ хлѣбопашцахъ, котораго дѣйствіе было весьма незначительно: по настоящее время едва-ли сто тысячъ крѣпостныхъ по всей Россіи освободились по этому указу. Александръ, однако, совершенно прекратилъ раздачу въ награду казенныхъ населенныхъ имѣній, и по крайней мѣрѣ не умножилъ числа крѣпостныхъ, что дѣлалось такъ часто въ предшествовавшія царствованія: Екатерина II однимъ своимъ любовникамъ раздала до 500.000 душъ. Дворянство Остзейскихъ и Выборгской губерній, по убѣжденію правительства, согласилось освободить крестьянъ своихъ — латышей, эстовъ и чухонъ, но на такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, что положеніе большинства ихъ мало улучшилось. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія Александръ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны дворянства и окружавшихъ его вельможъ, которые представляли ему, что это дѣйствіе можетъ имѣть пагубныя для Россіи послѣдствія. У него недоставало твердости пренебречь эти своекорыстныя представленія.

Изъ законодательныхъ мѣръ, ознаменовавшихъ первые годы царствованія Александра, важнѣйшія были: распространеніе правъ правительствующаго сената (1802 г.), въ силу котораго сенатъ могъ представлять государю свое мнѣніе противъ всякаго изданнаго закона, который онъ признаетъ

недостойнымъ или вреднымъ [1]. Но вскорѣ послѣ того сенатъ по случаю изданнаго указа, стѣснительнаго для дворянъ, поступающихъ на службу подпрапорщиками, вздумалъ войти съ представленіемъ къ государю объ отмѣненіи этого указа, какъ нарушающаго дворянскую грамоту. Сенату было, по волѣ монаршей, растолковано, что онъ въ правѣ обсуждать законы предшествовавшихъ царствованій, и представлять объ отмѣнѣ ихъ, а не тѣхъ, которые издаются царствующимъ государемъ. Въ томъ же году вышло и учрежденіе государственнаго совѣта (въ 1810). Всѣ эти институціи должны были войти въ общій планъ замышляемаго Александромъ конституціоннаго образованія правительства.

Въ эти годы Александръ сдѣлалъ много и для народнаго просвѣщенія и, не смотря на стѣсненное состояніе государственныхъ финансовъ, не жалѣлъ денегъ на учебныя заведенія. До него былъ въ Россіи одинъ университетъ Московскій, учрежденный императрицей Елизаветой [Петровной]; Александръ послѣдственно образовалъ новые университеты: Казанскій, Харьковскій, Дерптскій; возобновилъ Виленскій, созданный еще Ягелонами, и учредилъ Петербургскій, также духовныя академіи въ Москвѣ и въ Кіевѣ; выписалъ изъ Германіи отличныхъ профессоровъ, умножилъ число гимназій, спеціальныхъ и другихъ училищъ.

Но преобразовательная дѣятельность первыхъ годовъ Александра была вдругъ пріостановлена наступившею военною эпохою его правленія. Въ сердце молодаго императора проникли честолюбивыя желанія военной славы: — притязанія играть первенствующую роль въ политической системѣ Европы, оспаривать первенство у Франціи, возвеличенной счастливыми революціонными войнами и дивными побѣдами ея перваго консула Наполеона Бонапарте, а потомъ императора Наполеона, котораго воинственный и правительственный геній возвелъ ее на высшую степень славы и могущества, какую она занимала въ самое цвѣтущее время царствованія Людовика XIV.

---

[1] Право французскихъ парламентовъ, называемое droit de remontrance.
Авторъ.

Россія, по отдаленности своей, умною и осторожною политикою могла бы, сохраня свое достоинство, избѣжать столкновенія съ властолюбивымъ императоромъ французовъ: онъ бы не вдругъ рѣшился напасть на Россію и предпочелъ бы имѣть ее союзницей. Но Александръ самъ навлекъ на себя враждебное расположеніе Наполеона, принявъ самое дѣятельное участіе въ коалиціи противъ него съ Англіей и Австріей, едва отдохнувшей отъ пораженій своихъ въ Италіи и Германіи, при Маренго и Гогенлинденѣ. Первымъ дѣйствіемъ войскъ своихъ Наполеонъ разбилъ австрійцевъ подъ Ульмомъ и заставилъ ихъ главнокомандующаго генерала Мака съ большею частію арміи сдаться военноплѣнными. Русскій вспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Кутузова, былъ уже въ нѣмецкой землѣ и спѣшилъ подкрѣпить австрійцевъ, какъ вмѣсто ихъ вдругъ встрѣтился съ побѣдоносною французскою арміею, превосходившею его несравненно числомъ войска и артиллеріи. Кутузовъ рѣшился идти назадъ, мужественно отстаивая всякую пядь земли, и совершилъ славное отступленіе въ Моравію, но будучи не въ силахъ защитить Вѣну, которую заняли французы. Въ Моравіи, подъ Ольмюцомъ, Кутузовъ сошелся съ прибывшими изъ Россіи войсками, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, и императорскою гвардіею съ великимъ княземъ Константиномъ [Павловичемъ]. Всѣ эти войска поступили подъ главное начальство Кутузова. Императоры Францъ и Александръ находились при этой арміи.

Наполеонъ изъ Брюна, гдѣ собралась вся его армія, предложилъ Александру честный миръ, — его согласіе прекратило бы войну и безъ большихъ потерь даже для побѣжденной Австріи. Но Александръ отвергъ это предложеніе и самонадѣянно рѣшился идти на французовъ. Планъ атаки былъ начертанъ австрійскимъ генералъ-квартирмейстеромъ Вейнротеромъ, и нашъ главнокомандующій, изъ человѣкоугодничества, согласился приводить въ исполненіе чужія мысли, которыя въ душѣ своей не одобрялъ. Александръ не стянулъ даже всѣхъ силъ своихъ: до 70,000 русскихъ, подъ начальствомъ генераловъ барона Бенингсена и Эссена были въ Силезіи, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ арміи Кутузова, и могли чрезъ 3 или 4 дня соединиться съ ней.

Въ роковое 20-е ноября 1805 года Наполеонъ встрѣтилъ атакующую его русскую армію и разбилъ ее на голову. Часть артиллеріи, до 20,000 плѣнныхъ съ знаменами были трофеями побѣдителя на поляхъ Аустерлица. Австрійскій императоръ униженно явился на бивуакѣ Наполеона съ мирными предложеніями — миръ съ Австріей былъ заключенъ, и въ числѣ условій русской арміи позволено было отступить во-свояси.

Этотъ горькій урокъ не вразумилъ Александра: черезъ годъ послѣ Аустерлицкой битвы составилась новая коалиція противъ Франціи: Англія подняла на нее Пруссію и Россію. Наполеонъ, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Саксоніи на поляхъ Іенскихъ и Ауерштедскихъ, разгромилъ прусскую армію, славившуюся своей дисциплиной и тактикой и предводимую ветеранами-сподвижниками Фридриха Великаго, принцемъ Брауншвейгскимъ и фельдмаршаломъ Меллендорфомъ. Остатки этой арміи съ принцемъ Гогенлоге положили оружіе въ Пренцлау и сдались французскому корпусу, ихъ преслѣдовавшему. Бо́льшая часть прусскихъ крѣпостей, снабженныхъ всѣми военными и съѣстными припасами, отворяли ворота при появленіи иногда нѣсколькихъ эскадроновъ французскихъ гусаръ или конныхъ егерей, которымъ гарнизоны сдавались. Бо́льшая часть прусскихъ владѣній была во власти императора французовъ.

Русскія войска, подъ начальствомъ генерала Бенингсена, уже на землѣ польской и въ старой Пруссіи, упорно боролись съ побѣдоносной арміей Наполеона: въ кровопролитныхъ битвахъ подъ Пултускомъ, въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау Наполеонъ въ первый разъ не остался побѣдителемъ; въ битвахъ подъ Гутштатомъ и Гейльсбергомъ русскіе покрыли себя славою и заслужили своею храбростію уваженіе непріятелей; но подъ Фридландомъ были разбиты и, испытавъ огромныя потери, отступили къ нашимъ границамъ. Александръ самъ былъ при арміи [1] и лично неустрашимый въ огнѣ, не обладалъ дарованіями полководца. За этими неудачами послѣдовалъ Тильзитскій миръ. Оба императора имѣли

[1] Онъ не былъ при Фридландѣ.

Авторъ.

свиданіе на рѣкѣ Нѣманѣ и лично познакомились. Въ Тильзитѣ прожили они дней десять, оказывая другъ другу самыя нѣжныя привѣтствія. Миръ уполномоченными Франціи, Россіи и Пруссіи былъ подписанъ іюня 25-го дня и немедленно ратификованъ обоими императорами. Первенство осталось за Франціей; Пруссія, и то благодаря ходатайству [императора] Александра, унижена на степень второстепенной державы и должна была заплатить огромную контрибуцію. Хотя Россія не только не уступила ни пяди земли, но еще пріобрѣла Бѣлостокскую область отъ побѣжденной Пруссіи, но Александръ принужденъ былъ вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ недавнимъ врагомъ своимъ, и принять дѣятельное участіе въ континентальной системѣ Наполеона: закрыть англичанамъ порты свои, ко вреду русской заграничной торговли, и согласиться на возстановленіе древней Польши подъ именемъ герцогства Варшавскаго. Эта новая держава подъ владычествомъ Наполеона составляла его передовое ополченіе въ будущемъ нашествіи его на Россію. Императоръ французовъ въ стремленіи своемъ ко всемірному владычеству, располагая Германіей, какъ протекторъ Рейнскаго союза, составленнаго изъ второстепенныхъ державъ, безспорно владычествуя въ Италіи и замышляя завоеваніе Пиренейскаго полуострова для одного изъ своихъ братьевъ, желалъ сохранить на время прочный миръ съ Россіей, и для этого всячески старался пріобрѣсть благорасположеніе русскаго императора. Въ свиданіяхъ съ Александромъ въ Тильзитѣ, и послѣ, въ 1810 году на Эрфуртскомъ конгрессѣ, онъ очаровалъ его своимъ величіемъ, умомъ и любезностію; предлагалъ ему раздѣлить Европейскій материкъ на двѣ половины: въ западной до границъ Россіи владычествовать самому, предоставляя новому своему союзнику распоряжаться сѣверными державами Швеціей и Даніей, и, изгнавъ турокъ изъ Европы, покорить ихъ владѣнія въ этой части свѣта. Наполеонъ дозволилъ Александру завоевать Финляндію и тѣмъ обезпечить безопасность Петербурга. Возбуждая его честолюбіе, онъ манилъ его обладаніемъ Константинополемъ и Чернымъ моремъ, и соглашался на немедленное присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ областей Молдавіи и Валахіи.

Увѣрившись въ мирномъ расположеніи Александра, Наполеонъ обратилъ силы свои на югъ, чтобы овладѣть Испаніей, и воспользовался семейною враждою слабаго ея короля Карла IV съ наслѣдникомъ престола Фердинандомъ, любимымъ испанцами, желавшими, чтобы онъ царствовалъ. Наполеонъ, какъ союзникъ ихъ короля, занялъ [Мадритъ и] сѣверныя области королевства французскими войсками— пригласилъ короля Карла IV и сыновей его во Францію, чтобы разобрать ихъ семейную ссору и усмирить Испанію. Они повѣрили ему и съѣхались въ Баіонѣ. Слабаго Карла IV, раздраженнаго противъ сына, Наполеону не трудно было уговорить отказаться въ пользу его отъ трона. Сыновей его, Фердинанда и Карлоса, задержалъ онъ во Франціи плѣнниками, и созвалъ въ Баіонѣ нѣсколькихъ подкупленныхъ имъ испанцевъ, которыхъ заставилъ провозгласить брата своего Іосифа, царствовавшаго въ Неаполѣ, королемъ испанскимъ.

Этотъ коварный, предательскій поступокъ возбудилъ всеобщую ненависть испанцевъ къ французскому владычеству, и во всемъ королевствѣ возгорѣлась безпримѣрная война, которая разстроила властолюбивые планы Наполеона и заставила его направить туда новыя силы изъ Франціи и даже изъ Германіи.

Англія, высадивъ на испанскіе берега войско въ подкрѣпленіе инсургентовъ, склонила Австрію къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Послѣ Аустерлицкаго пораженія Австрія воспользовалась четырехъ-лѣтнимъ миромъ, чтобы усилить и устроить свои ополченія. Англія снабжала ее деньгами и оружіемъ. Австрійскою арміей начальствовалъ тогда лучшій ея полководецъ эрцгерцогъ Карлъ, который успѣлъ въ мирные годы приготовить ее къ военнымъ дѣйствіямъ, съ надеждою возстановить военную ея славу, утраченную въ прежніе итальянскіе и нѣмецкіе походы. Наполеонъ, не смотря на то, что значительная часть его войскъ занята была въ Испаніи, явился съ превосходной арміей посреди Германіи. Александръ, какъ союзникъ его, долженъ былъ выставить вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ кн. Голицына на защиту герцогства Варшавскаго.

Война закипѣла: эрцгерцогъ Карлъ встрѣтилъ французовъ подъ Регенсбургомъ, сразился съ Наполеономъ подъ этимъ городомъ и принужденъ былъ отступать внизъ по берегамъ Дуная. Наполеонъ предупредилъ его движеніемъ на Вѣну и безъ боя овладѣлъ столицею Австріи. Ниже Вѣны при Асպернѣ армія эрцгерцога одержала побѣду надъ значительною частію войскъ Наполеона, и ему самому угрожала величайшая опасность; но геній его вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, и ровно чрезъ мѣсяцъ онъ одержалъ блистательную побѣду подъ Ваграмомъ надъ австрійцами, которыхъ заставилъ отступить въ Богемію. Хотя австрійцы въ эту кампанію дѣйствовали несравненно лучше, нежели въ предшествовавшія, но не въ состояніи были противустать побѣдоносной арміи Наполеона; императоръ Францъ просилъ мира, который вскорѣ и былъ подписанъ въ Вѣнѣ. Въ этой войнѣ русскій вспомогательный корпусъ дѣйствовалъ вяло и неохотно въ Галиціи и все почти время простоялъ въ Краковѣ. Наполеонъ понялъ, что ему не долго можно считать на благорасположеніе Александра. Дружба обоихъ императоровъ день ото дня охлаждалась.

Довольно было причинъ къ разрыву: Наполеонъ жаловался, что Россія не исполняетъ условій Тильзитскаго трактата, въ отношеніи континентальной системы — допускаетъ въ свои порты ввозъ англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ произведеній подъ американскимъ флагомъ, — что въ войну съ Австріей русскій вспомогательный корпусъ не дѣйствовалъ какъ войско, искренно союзное, и даже дружилъ австрійцамъ. Наполеонъ оскорблялся, что предложеніе его руки сперва великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а послѣ Аннѣ Павловнѣ, не было принято: Александръ, давъ сначала свое согласіе, отозвался послѣ, что на этотъ бракъ не было соизволенія императрицы Маріи Ѳеодоровны. Со стороны Александра причины къ войнѣ: общая непріязнь къ Франціи русскихъ, которыхъ народное чувство страдало, оскорбляясь утратой военной славы въ неудачные походы противъ Наполеона, разстройство финансовъ, вслѣдствіе этихъ войнъ, упадокъ и почти банкротство нашихъ ассигнацій при невозможности исправить это, оставаясь вѣрнымъ континентальной

системѣ Наполеона, которая, уничтожая нашу заграничную торговлю съ Англіей, наносила очевидный вредъ и государственному, и частному благосостоянію. Дипломатическія сношенія обоихъ кабинетовъ становились день ото дня холоднѣе и недружелюбнѣе. Дерзкій и презрительный тонъ французскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ вызывалъ русскихъ на подобныя же оскорбленія, и наши гвардейскіе офицеры не оставались у французовъ въ долгу.

Все предвѣщало скорую, неизбѣжную войну съ Франціей — наступилъ незабвенный 1812 годъ!

Присоединеніе къ Франціи отъ Германіи сѣверныхъ ея береговъ, почти до Балтійскаго моря, и въ числѣ этихъ земель владѣнія герцога Ольденбургскаго, родственника императорскаго россійскаго дома, было предлогомъ для Александра объявить Франціи войну, которой желалъ весь русскій народъ. Александръ заключилъ дружественные союзы съ Англіей, Швеціей и Испаніей.

Императоръ французовъ подозрѣвалъ, что Александръ увлечетъ Пруссію, ненавидѣвшую его владычество, и двинетъ свои арміи въ Германію: чтобы предупредить это движеніе, онъ быстро стянулъ свои многочисленные корпуса отъ Одера и Вислы къ русской границѣ — Нѣману.

Наполеонъ, самовластно располагая силами Франціи, Италіи, Рейнскаго союза и поляками, вмѣстѣ выставившими до полумилліона войскъ, повелъ ихъ на Россію. Наши войска были расположены вдоль западныхъ границъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, и по первоначальному плану должны были двинуться впередъ и сосредоточиться въ Пруссіи, на содѣйствіе которой разсчитывали и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Но быстрое движеніе большой французской арміи къ Нѣману и переправа ея чрезъ эту рѣку противъ Ковно и на другихъ пунктахъ угрожали разъединеніемъ нашимъ корпусамъ, растянутымъ на большомъ пространствѣ. Наполеонъ могъ напасть на нихъ и по частямъ разбить. Александръ прибылъ въ Вильно, главную квартиру 1-й арміи, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, состоящей изъ 5-ти армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ, гвардейскаго и 3-хъ кавалерійскихъ. 2-я армія, подъ предводительствомъ князя

Багратіона, имѣла главную квартиру въ Слонимѣ и состояла изъ двухъ армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ и одного кавалерійскаго. Атаманъ Платовъ съ нѣсколькими казачьими полками занималъ впереди Бѣлостокскую область. Александръ, узнавъ о переправѣ французской арміи чрезъ Нѣманъ, предписалъ всѣмъ нашимъ войскамъ отступленіе: первой арміи къ Двинѣ, въ устроенный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ у города Дриссы; князю Багратіону и атаману Платову велѣно также отступать для соединенія съ первой арміей.

Наполеонъ съ массою силъ своихъ, не преслѣдуя первой арміи, а легкими отрядами наблюдая только ея отступленіе, быстрымъ движеніемъ думалъ настичь вторую армію, и, уничтоживъ ее, обратиться на первую и ее также разгромить. Но ошибочное движеніе одного изъ генераловъ, брата его, короля Вестфальскаго, не исполнившаго въ точности распоряженія императора, и усиленные марши арміи князя Багратіона, испытавшей силы свои въ нѣсколькихъ жаркихъ битвахъ съ французами, сдѣлали возможнымъ соединеніе обѣихъ русскихъ армій. Генералъ Барклай-де-Толли, узнавъ, что 2-я армія избѣжала угрожавшей ей опасности, рѣшился выступить изъ Дриссинскаго укрѣпленнаго лагеря, и, оставя въ Бѣлоруссіи 1-й корпусъ графа Витгенштейна для прикрытія дороги въ Петербургъ, взялъ направленіе чрезъ Полоцкъ (откуда императоръ Александръ уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ) къ Витебску, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ кн. Багратіономъ. Наполеонъ со всѣми силами обратился на 1-ю армію, отступавшую къ Витебску — авангардъ его настигъ арріергардъ Барклая-де-Толли — кровопролитна была эта первая встрѣча войскъ 1-й арміи съ французами; но арріергардъ нашъ, дравшись подъ Островно цѣлый день, отступилъ въ порядкѣ; на другой день былъ опять атакованъ и, храбро сражаясь, присоединился къ арміи, выстроенной подъ Витебскомъ и готовой назавтра грудью встрѣтить непріятеля.

Но въ тотъ же вечеръ главнокомандующій получилъ отъ князя Багратіона вѣсть, что его армія и Платовъ съ казаками идутъ къ Смоленску и могутъ безпрепятственно соединиться съ нимъ подъ этимъ городомъ. Это заставило Барклая-де-Толли, въ виду непріятельской арміи, отступить флан-

говымъ движеніемъ налѣво, прикрывая этотъ маневръ высланнымъ передовымъ отрядомъ подъ начальствомъ графа Палена, который нѣсколько часовъ удерживалъ непріятеля, далъ время арміи выйти на Смоленскую дорогу и отступилъ благополучно вслѣдъ за ней, подвергаясь однако опасности быть отрѣзаннымъ французами, которые заняли въ тылу его часть города.

Желанное соединеніе обѣихъ армій совершилось наконецъ въ Смоленскѣ, но обѣ наши арміи далеко не равнялись числомъ съ арміей непріятельской.

Вообще составъ нашихъ двухъ западныхъ армій былъ хорошъ. Ихъ одушевляла любовь къ отечеству, негодованіе на прежнія неудачи и надежда управиться съ врагомъ, не смотря на то, что этотъ врагъ былъ геніальный императоръ французовъ, первый полководецъ нашего времени, котораго одно имя и присутствіе стоили многимъ ста тысячъ войска. Нигдѣ Наполеонъ и не встрѣтилъ такого упорнаго сопротивленія, какъ въ достопамятную кампанію 1812 года въ Россіи. Хотя наши солдаты уступали въ той восторженной, пламенной храбрости въ нападеніи, какою французы побѣждали всѣ европейскія арміи, но за то наши выигрывали у нихъ непоколебимою стойкостію и упорствомъ въ оборонѣ — при неудачахъ поспѣшно устраивались по голосу начальниковъ, и обойденные во флангъ не спѣшили отступать, какъ австрійцы, или сдаваться, но всегда держались донельзя. Во всѣхъ встрѣчахъ нашихъ войскъ съ непріятельскими, даже превосходившими числомъ, наши ни разу не были сбиты съ позиціи (въ Островнѣ, подъ Витебскомъ), но отступали въ порядкѣ, по приказанію начальниковъ [своихъ].

Главнокомандующіе обѣихъ нашихъ западныхъ армій, генералы Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ, оба, хотя въ разныхъ родахъ, обладали великими военными качествами, изъ которыхъ послѣднее было — самая блистательная храбрость, ознаменовавшая многолѣтнее военное поприще того и другаго. Оба наши полководца въ неустрашимости и военной опытности не уступали ни одному изъ лучшихъ маршаловъ Наполеона. Барклай-де-Толли, при равныхъ съ княземъ Багратіономъ достоинствахъ, имѣлъ болѣе его познаній въ

военныхъ наукахъ, могъ искуснѣе его соображать высшія стратегическія движенія и начертать планъ военныхъ дѣйствій, но князь Багратіонъ на полѣ сраженія, которое могъ обнять глазомъ, былъ неподражаемъ въ своихъ мгновенныхъ вдохновеніяхъ — угадывалъ вѣрно намѣренія непріятеля и умѣлъ противодѣйствовать успѣхамъ даже самого Наполеона.

Однако при всѣхъ достоинствахъ Барклая-де-Толли, человѣка съ самымъ благороднымъ, независимымъ характеромъ, геройски храбраго, благодушнаго и въ высшей степени честнаго и безкорыстнаго — армія его не любила, за то только, что онъ нѣмецъ! Въ то время, когда противъ Россіи шла большая половина Европы, подъ знаменами Наполеона, очень естественно, что предубѣжденіе противъ всего не русскаго — чужестраннаго, сильно овладѣло умами не только народа и солдатъ, но и самыхъ начальниковъ. При этомъ Барклай-де-Толли, съ своею холодною и скромною наружностію, былъ невзрачный нѣмецъ съ перебитыми въ сраженіяхъ рукою и ногою, что придавало его особѣ и движеніямъ какую-то неловкость и принужденность; не довольно чисто говорилъ онъ и по русски, а бо́льшая часть свиты его состояла изъ нѣмцевъ: всего этого было слишкомъ достаточно въ то время, чтобы не только возбудить нелюбовь арміи къ достойному полководцу, но даже внушить обидное подозрѣніе на счетъ чистоты его намѣреній. Не цѣнили ни его прежнихъ заслугъ, ни настоящаго искуснаго отступленія, въ которомъ онъ сберегъ армію и показалъ столько присутствія духа и мудрой предусмотрительности.

Князь Багратіонъ, сподвижникъ и любимецъ Суворова въ итальянскую кампанію, былъ любимъ войсками: высокими военными качествами, обходительнымъ и ласковымъ обращеніемъ съ подчиненными, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и затмилъ своего соперника, главнокомандующаго 1-й арміи, которому имѣлъ причины завидовать. Барклай-де-Толли былъ моложе въ чинѣ Багратіона; но какъ военный министръ онъ бралъ у него первенство. Императоръ приказалъ князю Багратіону сообразовать всѣ дѣйствія 2-й западной арміи съ дѣйствіями 1-й и слѣдовать всѣмъ распоряженіямъ ея главнокомандующаго. Это ставило Барклая-де-Толли съ Багратіо-

номъ въ странное — не естественное соотношеніе, и ко вреду всѣхъ военныхъ дѣйствій могло только раздражать и усиливать ихъ взаимную непріязнь.

Къ тому же самъ императоръ, хотя уважалъ Барклая-де-Толли, но не онъ одинъ пользовался исключительно довѣренностію государя: нѣсколькимъ лицамъ въ обѣихъ арміяхъ далъ онъ право писать къ себѣ откровенно о военныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ двухъ главнокомандующихъ, съ Александромъ переписывались начальники штабовъ обѣихъ армій, генералы: Ермоловъ и графъ Сенъ-При и исправляющій должность дежурнаго генерала 1-й арміи, флигель-адъютантъ Кикинъ. Всѣ эти лица принадлежали къ партіи, противной Барклаю-де-Толли, — и въ письмахъ своихъ къ государю не щадили ни нравственный его характеръ, ни военныя дѣйствія его и соображенія. Противъ него былъ и великій князь Константинъ Павловичъ, командовавшій гвардіей, и лица, окружавшія его.

Барклай-де-Толли почти не имѣлъ въ своей арміи приверженцевъ: всѣ лучшіе наши генералы, изъ которыхъ многіе пріобрѣли справедливо заслуженную славу, были или противъ него, или совершенно къ нему равнодушны. Главные недоброжелатели его были, во первыхъ, начальникъ его штаба: генералъ Ермоловъ, издавна дружный съ княземъ Багратіономъ, и генералъ Раевскій, пользующійся его довѣріемъ и имѣвшій на него большое вліяніе. Ермоловъ и Раевскій (особенно первый) по высокимъ качествамъ, отличнымъ способностямъ и характеру не могли удовлетворяться второстепенными ролями. Оба они съ самою блистательною храбростію соединяли военное научное образованіе и опытность, были пламенные патріоты. Ермолова обожали не только непосредственные подчиненные его, но и вся армія. [Выспреннія дарованія этого генерала и возвышенный характеръ вполнѣ оправдывали его честолюбіе]. Александръ не любилъ ни того, ни другаго, но поневолѣ уважалъ ихъ за личныя достоинства. За ними на первомъ планѣ выставлялись нѣкоторые изъ корпусныхъ командировъ: графъ Витгенштейнъ, Милорадовичъ, Тучковъ, Багговутъ, графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ, графъ Паленъ, Дохтуровъ; артилле-

ристы: графъ Кутайсовъ, князь Яшвиль; генеральнаго штаба полковники: Толь и баронъ Дибичъ; все это генералы далеко не дюжинные, въ которыхъ личная храбрость была изъ послѣднихъ достоинствъ.

Не любя Барклая-де-Толли, его противники сообщили чувства непріязни своей и войску: не разъ во время ночныхъ переходовъ, онъ, объѣзжая колонны — слышалъ ропотъ на безконечное отступленіе, а въ гвардейскихъ полкахъ пѣніе насмѣшливыхъ куплетовъ на его счетъ. Но Барклай-де-Толли не обращалъ на это вниманія и твердо исполнялъ принятый однажды планъ — искуснымъ отступленіемъ завлечь Наполеона, съ его несмѣтною арміей, въ сердце Россіи и здѣсь устроить ему погибель. Независимый характеръ его особенно выказался во время соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ. Зная всѣ интриги своихъ недоброжелателей, и въ числѣ ихъ в. кн. Константина Павловича, генералъ-адъютанта Ожаровскаго и нѣсколькихъ царскихъ флигель-адъютантовъ, находившихся въ главной квартирѣ, онъ не задумался выслать ихъ въ Петербургъ. Цесаревичу Константину Павловичу далъ онъ предписаніе, въ которомъ было сказано, что „какъ онъ главнокомандующій находитъ присутствіе его высочества въ арміи безполезнымъ“, а потому предлагаетъ ему немедленно отправиться въ С.-Петербургъ, о чемъ онъ имѣлъ счастіе донести государю императору. Этимъ смѣлымъ поступкомъ Барклай-де-Толли успѣлъ на нѣкоторое время остановить дѣйствія своихъ противниковъ и заставить ихъ быть осторожнѣе.

Главная его заслуга была та, что онъ, уклоняясь отъ рѣшительнаго генеральнаго сраженія съ Наполеономъ, въ столь продолжительное и трудное отступленіе, безпрестанно угрожаемый непріятелемъ, который былъ гораздо сильнѣе его, успѣлъ сберечь армію, удержать ее въ порядкѣ и сохранить артиллерію, которая почти равнялась числомъ орудій съ непріятельской и была въ превосходномъ состояніи какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и по воинственному духу. Если французскіе артиллеристы считались ученѣе [нашихъ въ познаніяхъ теоретическихъ], то наши не уступали имъ въ практикѣ и удивляли самихъ непріятелей смѣлыми дѣйствіями и

подвижностью нашихъ батарей — это послѣднее качество зависѣло отъ доброты русскихъ лошадей и упряжи.

Смоленскъ послѣ двухъ-дневной жестокой борьбы былъ превращенъ въ развалины. Русскіе защищали городъ отчаянно, и всѣ приступы непріятеля къ стѣнамъ его были отбиваемы; но первая армія, испытавъ въ этомъ сраженіи большія потери, ночью оставила раззоренный городъ и отступила въ порядкѣ вслѣдъ за второю по Московской дорогѣ. Наполеонъ преслѣдовалъ ее своими передовыми отрядами — всякій день нашъ арріергардъ мужественно отражалъ ихъ нападенія, и не случилось ни разу, чтобы непріятель сбилъ его далѣе того пункта, гдѣ ему по диспозиціи изъ главной квартиры должно было остановиться на ночь. Во всемъ этомъ отступленіи русская армія не потеряла ни пушки, ни повозки. Число плѣнныхъ нашихъ изъ отсталыхъ не превышало захваченныхъ нами французовъ.

Не доходя до Можайска, армія расположилась у селенія Царево-Займище, гдѣ главнокомандующій избралъ превосходную позицію для генеральнаго сраженія, какъ прибылъ къ арміи генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, чтобы начальствовать всѣми войсками. Онъ пріѣхалъ изъ молдавской арміи, съ которой, одержавъ побѣды надъ турками, заставилъ султана заключить миръ съ Россіею въ Бухарестѣ 16-го мая 1812 г. и уступить ей Бессарабію и устье Дуная. Александръ, въ удовлетвореніе общественнаго мнѣнія, несправедливаго противъ Барклая-де-Толли, героя въ сраженіи и человѣка самаго благороднаго и возвышеннаго характера, только потому, что онъ былъ нѣмецъ, назначилъ Кутузова главнымъ вождемъ всѣхъ армій.

Кутузовъ, принявъ начальство, только потому приказалъ арміи отступить отъ Царева-Займища, что при этомъ селеніи превосходную позицію выбралъ его предмѣстникъ. Армія отступила къ селенію Бородино — 16 верстъ не доходя до Можайска, и тутъ новый главнокомандующій рѣшился встрѣтить грудью армію Наполеона и сразиться съ ней. Наша армія, болѣе нравственно, нежели физически утомленная продолжительнымъ отступленіемъ, столько же желала рѣшительнаго сраженія, сколько и Наполеонъ. Войска

наши съ восторгомъ приняли новаго главнокомандующаго, и предмѣстникъ его, достойный Барклай-де-Толли, великодушно согласился служить подъ его начальствомъ.

Августа 26-го [дня] подъ Бородинымъ произошло сраженіе, единственное въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ по ожесточенію, съ которымъ сражались обѣ стороны. Никогда Наполеонъ не встрѣчалъ такого упорнаго сопротивленія отъ войска малочисленнѣйшаго его арміи. Потеря съ обѣихъ сторонъ была неслыханная[1]. Не смотря на всѣ усилія Наполеона, русскіе ночевали на полѣ сраженія — армія непріятельская была такъ разстроена, что не могла слѣдовать за нашею, отступившею на другой день къ Можайску. Убыль въ нашихъ войскахъ была такъ велика, что полки, построенные каждый въ одинъ только баталіонъ, едва были замѣтны между длинными рядами пушекъ, съ ихъ зелеными ящиками.

Русская армія, непобѣжденная, отступила къ Москвѣ. Всѣ, отъ начальниковъ до простыхъ солдатъ, были одушевлены однимъ желаніемъ: сразиться съ французами подъ стѣнами древней столицы. Но благоразумный и осторожный Кутузовъ не увлекся этимъ восторженнымъ чувствомъ, зная несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими. Онъ рѣшился оставить Москву. Начиналась жестокая народная война. Русскіе всѣхъ сословій, не жалѣя ни себя, ни своего достоянія, готовы были на всѣ пожертвованія, чтобы только отразить врага. Губерніи, ближайшія къ театру военныхъ дѣйствій, собирали милиціи изъ конныхъ и пѣшихъ полковъ.

Армія выступила [изъ Москвы] по Рязанской дорогѣ, дойдя до Мячковскаго кургана поворотила направо на Подольскую дорогу, и, продолжая это фланговое движеніе вокругъ Москвы, перешла на старую Калужскую дорогу, на которой и стала твердой ногой у селенія Тарутина, въ укрѣпленномъ лагерѣ.

---

[1] Когда французы вышли изъ Россіи, можайскому уѣздному предводителю Астафьеву поручено было убрать мертвые трупы, которыми были усѣяны окрестности Бородина. Онъ хоронилъ ихъ, истреблялъ известью и огнемъ и велъ имъ счетъ. На двухъ квадратныхъ миляхъ около Бородина онъ собралъ 50,000 человѣческихъ труповъ и 33,000 лошадиныхъ.

Авторъ.

Еще съ Рязанской дороги, въ первую ночь отступленія отъ Москвы, армія поражена была огромнымъ заревомъ, разстилавшимся надъ Москвою, которая внезапно загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и три четверти столицы превращены въ пепелъ. Наполеонъ, вступая въ Москву, ожидалъ торжественной встрѣчи и депутацію съ ключами города, но съ удивленіемъ увидѣлъ однѣ пустыя улицы. Всѣ, имѣвшіе малѣйшую возможность, выбрались изъ Москвы: въ ней остались самые бѣднѣйшіе жители, да нѣсколько сотенъ французовъ и другихъ иностранцевъ, купцовъ и ремесленниковъ. Первая ночь, проведенная Наполеономъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, озарилась страшнымъ пожаромъ, который заставилъ его выѣхать изъ города и поселиться въ Петровскомъ дворцѣ за Петербургской заставой, расположивъ вокругъ себя на бивуакахъ свою гвардію.

Наполеонъ надѣялся, овладѣвъ Москвой, пріобрѣсти миръ съ Александромъ и спокойныя зимнія квартиры для своей арміи. Москва имѣла всегда такое множество всякаго рода запасовъ, что французская армія могла бы прокормиться въ ней болѣе полугода и одѣться заново, но страшный пожаръ въ нѣсколько дней уничтожилъ всѣ эти огромныя средства. Французы въ первое время жили грабежемъ въ изобиліи, но скоро начали терпѣть нужду — принуждены были послать партіи фуражировъ за съѣстными припасами въ окрестности столицы, и очень мало изъ ихъ партій возвращалось. Народная война была въ полномъ разгарѣ, и подмосковные крестьяне, укрывавшіеся съ семействами и имуществомъ въ лѣсахъ, вооружались чѣмъ кто могъ, и день ото дня становясь смѣлѣе, не только они убивали одинокихъ французовъ, но истребляли большія ихъ партіи.

По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Москву, наши партизаны, полковники Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, ротмистръ Чеченскій, безпрестанно являясь, возбуждали смѣлость сельскихъ жителей, которые отважно нападали на значительные французскіе отряды, на артиллерійскіе парки и всячески истребляли непріятеля.

Когда все это происходило въ сердцѣ Россіи — около нашей Бѣлокаменной, — графъ Витгенштейнъ сражался въ Бѣ-

лоруссіи съ французскими корпусами маршаловъ Макдональда и Удино, и въ сраженіи подъ Клястицами славно воспрепятствовалъ присоединенію ихъ къ арміи. Въ Волыни 3-я западная армія генерала Тормасова и въ Литвѣ отдѣльный корпусъ генерала Сакена имѣли дѣла — первая съ австрійцами при с. Городечно, подъ начальствомъ князя Шварценберга, который, не принимая къ сердцу успѣховъ союзника и зятя своего императора, дѣйствовалъ противъ русскихъ также вяло, какъ нашъ вспомогательный корпусъ въ войнѣ Наполеона съ австрійцами въ 1809 году. [Генералъ] Сакенъ дрался съ саксонцами, подъ предводительствомъ генерала Ренье, подъ Кобринымъ, безъ важныхъ послѣдствій. Молдавская армія, которою послѣ Кутузова начальствовалъ адмиралъ Чичаговъ, направлена была въ западныя губерніи для усиленія 3-й западной арміи.

Между тѣмъ наша главная армія, въ Тарутинскомъ лагерѣ, имѣя за собою хлѣбородныя губерніи, получая оттуда обильное продовольствіе, усиливалась прибывавшими къ ней резервами и готовилась съ свѣжими силами вступить опять въ борьбу съ французами, которые испытывали всякаго рода лишенія, ослабѣвали и духомъ, и числомъ. Напрасно Наполеонъ предлагалъ чрезъ генерала Лористона миръ: на эти предложенія Кутузовъ отвѣчалъ отрицательно, подъ предлогомъ неимѣнія полномочія отъ своего правительства. Императоръ Александръ объявилъ, что не вступитъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока въ Россіи останется хотя одинъ непріятель.

Наполеонъ, котораго положеніе день ото дня становилось затруднительнѣе и безнадежнѣе, рѣшился наконецъ оставить Москву и отступить, но уже не по прежней, опустошенной смоленской дорогѣ, а по новой калужской, мѣстами не раззоренными, гдѣ онъ могъ найти все необходимое для продовольствія своей арміи.

Кутузовъ предупредилъ намѣреніе Наполеона. Русская армія произвела счастливый поискъ, 6-го октября, на французскій авангардъ короля Неаполитанскаго, расположенный противъ Тарутинскаго лагеря: предъ разсвѣтомъ два русскіе корпуса напали на него врасплохъ, разбили, овладѣли артил-

леріею и множествомъ плѣнныхъ. Послѣ этого счастливаго дѣла нашъ главнокомандующій, извѣщенный партизаномъ Сеславинымъ, что французы, 7 октября, начали свое отступленіе по новой калужской дорогѣ, въ ту же ночь двинулъ свою армію къ Малоярославцу, чтобы преградить французамъ путь. Нашъ авангардъ подошелъ ночью къ этому городу, 11 октября почти въ одно время съ французами, — завязалось жаркое сраженіе въ самомъ городѣ, который шесть разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру этого дня показалась за Малоярославцемъ на высотахъ русская армія, которая расположилась поперекъ новой Калужской дороги. Наполеонъ не рѣшился атаковать ее и потянулся къ прежнему пути, по которому достигъ въ Москву и который сдѣлался снѣжнымъ кладбищемъ его арміи.

Наша армія слѣдовала параллельно непріятельской, отступавшей по смоленской дорогѣ. Мы могли преградить Наполеону путь въ Вязьмѣ, Дорогобужѣ и наконецъ въ Красномъ; но осторожный Кутузовъ не рѣшился на такое смѣлое предпріятіе, а довольствовался тѣмъ, что отступающихъ французовъ безпрестанно тревожилъ нападеніями во флангъ. Въ Вязьмѣ, подъ Духовщиной и наконецъ въ трехъ-дневномъ бою подъ Краснымъ, французскіе корпуса, отступавшіе раздѣльно одинъ отъ другаго, претерпѣли совершенное пораженіе: принуждены были бросить почти всю свою артиллерію, потерявъ большое число плѣнныхъ. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, изнуренные остатки Наполеоновой арміи представляли нестройную толпу нищихъ, умиравшихъ съ голоду и холоду. Вся дорога усѣяна была ихъ окоченѣвшими трупами.

Съ этими жалкими остатками большой французской арміи, при которыхъ находился самъ Наполеонъ, соединились отступавшія изъ Бѣлоруссіи французскія войска, преслѣдуемыя корпусомъ графа Витгенштейна, усиленнымъ прибывшими къ нему полками изъ Финляндіи. Рига была за нами: тамъ командовалъ генералъ Эссенъ и противъ него въ Лифляндіи и Курляндіи находились французскіе отряды и корпусъ прусскій генерала Іорка, подъ начальствомъ маршала Макдональда. Адмиралъ Чичаговъ, съ молдавской и 3-й западной

арміями, былъ уже на рѣкѣ Березинѣ, овладѣлъ укрѣпленнымъ Борисовымъ и по доставленному ему плану главнокомандующаго Кутузова долженъ былъ стеречь теченіе Березины между Ухолодью и Студенцомъ. Отъ этихъ двухъ пунктовъ шли дороги: отъ Ухолоди къ Минску, а отъ Студенца чрезъ Зембинское дефиле къ Вильно. Между тѣмъ русскіе партизанскіе отряды, свободно разъѣзжая по всему театру войны, нападали на всѣ французскіе отряды, истребляли ихъ или брали въ плѣнъ.

Наполеонъ, подойдя къ Березинѣ, фальшивымъ движеніемъ къ Ухолоди обманулъ адмирала Чичагова, который, оттянувъ всѣ свои войска къ этому пункту, у Студенца и Веселова оставилъ только слабый отрядъ. Императоръ французовъ, предвидя это, съ остатками своей разбитой арміи быстро двинулся къ Студенцу — устроилъ тамъ переправу и успѣлъ перейти съ частью своихъ войскъ на противоположный берегъ и продолжалъ свое отступленіе къ Вильно. Чичаговъ не могъ преградить ему пути. Но оставшееся позади французское войско, смѣло преслѣдуемое графомъ Витгенштейномъ, сбилось съ дороги, не попало на переправу и принуждено было сдаться въ плѣнъ. У Студенца же и Веселова мосты одинъ подломился отъ сильнаго натиска въ безпорядкѣ бросившихся на него французовъ, и тысячи жертвъ потонули въ Березинѣ; другой мостъ былъ ранѣе сожженъ и на другой день возлѣ переправы болотистый берегъ Березины представлялъ самое страшное зрѣлище: въ неглубокихъ мѣстахъ рѣки и на болотистомъ ея берегѣ завязли тысячи изнуренныхъ французовъ — женщинъ, дѣтей, лошадей, пушекъ, повозокъ, покрывшихъ сплошь пространство болѣе квадратной версты. Вся эта нестройная сплошная масса, [въ насильственныхъ положеніяхъ], замерзла отъ наступившаго сильнаго холода, и въ ней не осталось ни одного живого существа. Наполеонъ съ дороги ускакалъ въ простыхъ лубочныхъ саняхъ, обвязанный шалями и закутанный шубами, въ Варшаву, гдѣ встрѣтившему его, въ такомъ странномъ нарядѣ, посланнику своему, епископу Прадту, весьма кстати сказалъ:

— Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas (отъ высокоизящнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ).

Императоръ Александръ прибылъ въ (въ 1812 г. въ декабрѣ) Вильно вскорѣ послѣ вступленія въ этотъ городъ главнокомандующаго съ главной квартирой и гвардіей. Прочіе корпуса послѣ трудной кампаніи отдохнули нѣсколько времени на кантониръ-квартирахъ и направлены были въ герцогство Варшавское. Прусскій корпусъ генерала Іорка, остававшійся въ Курляндіи, заключилъ съ графомъ Витгенштейномъ условіе, по которому безпрепятственно отступилъ въ Пруссію. Князь Шварценбергъ съ австрійцами отошелъ въ Галицію.

1-го января 1813 года ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ.

Императоръ Александръ, по изгнаніи враговъ изъ Россіи, рѣшился на великодушный подвигъ освободить Германію отъ властолюбія Наполеона и возстановить независимость ея государствъ. Пруссія, болѣе всѣхъ униженная и угнетенная французскимъ владычествомъ, первая съ восторгомъ увидѣла русскихъ, какъ своихъ избавителей. Общественное мнѣніе увлекло и самого короля Фридриха Вильгельма къ вступленію въ тѣсный союзъ съ императоромъ Александромъ и поголовному вооруженію своего народа. Послѣ несчастной войны 1807 года, когда Пруссія утратила почти свое политическое существованіе, прусскіе патріоты и въ главѣ ихъ бывшій министръ, добродѣтельный баронъ Штейнъ, составили тайный политическій союзъ, подъ названіемъ: *союзъ друзей добродѣтели* (Tugendverein) съ цѣлію нравственно возродить Пруссію, воздвигнуть ее изъ состоянія уничиженія, въ которое ее повергло чуждое владычество, и пользоваться всѣми случаями возвратить своему отечеству независимость. Несмотря на то, что съ 1807 года, французскія войска постоянно занимали прусскія области, несмотря на всю бдительность французской полиціи и подозрительность ея агентовъ, тайный союзъ годъ отъ году распространялся и былъ только тайною для французовъ. Самъ король благопріятствовалъ ему. По всей Германіи союзъ друзей добродѣтели раскинулъ свои вѣтви: всѣ германскіе патріоты, ненавидѣвшіе владычество Франціи, вступали съ радостію въ это тайное общество, въ которое были принимаемы люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Оно-то могущественно содѣй-

ствовало прусскому правительству въ вооруженіи противъ Франціи сперва Пруссіи, а въ послѣдствіи и всѣхъ нѣмецкихъ земель.

По первому призыву Фридриха Вильгельма все университетское юношество вооружилось на свой счетъ: изъ него составились въ самое короткое время конные и пѣшіе отряды [названные вольницей—Freywillige], примкнувшіе къ дѣйствующей арміи, которая, подъ начальствомъ генерала Блюхера, возросла въ нѣсколько недѣль до 200.000 воиновъ подъ ружьемъ. Конница на чрезвычайныя пожертвованія деньгами и лошадьми, образовалась также быстро, какъ и пѣхота.

Въ началѣ апрѣля русскіе корпуса, въ соединеніи съ прусскою арміею заняли, почти безъ боя, всю Саксонію до рѣки Эльбы и Ганзейскіе города Гамбургъ и Любекъ, а также и Дрезденъ. Въ Дрезденъ перенесена была главная квартира Александра и прусскаго короля.

Но и Наполеонъ изумлялъ своею чрезвычайною дѣятельностію. Онъ успѣлъ набрать, въ самое короткое время, во Франціи новую армію изъ однихъ почти конскриптовъ, обученную на походѣ, и въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ явился съ нею въ Саксонію. Апрѣля 20-го, французская армія собралась подъ Люценомъ, была атакована соединенными арміями прусскою и русскою, подъ начальствомъ Блюхера и графа Витгенштейна. Пруссаки первые вступили отважно въ бой и сначала имѣли нѣкоторое превосходство; но молодые французскіе конскрипты, одушевленные присутствіемъ своего геніальнаго императора, построясь въ баталіонныя каре, отразили нападеніе пруссаковъ и подкрѣплявшихъ ихъ русскихъ и принудили тѣхъ и другихъ отступить къ Дрездену. У Наполеона мало было конницы, и онъ не могъ живо преслѣдовать отступающую [къ Эльбѣ] союзную русскую и прусскую армію послѣ неудачнаго Люценскаго дѣла. Однако, онъ, движеніемъ впередъ, занялъ Саксонію и самый Дрезденъ. Союзники отступили въ Лузацію, остановились подъ Бауценомъ и въ крѣпкой позиціи [три дня] 7, 8 и 9-го мая отражали нападеніе непріятеля, который, однако, искусными маневрами заставилъ ихъ отступить въ Силезію къ Швейдницу. По предложенію Австріи, воюющія державы заключили перемиріе отъ 23-го мая до 5-го августа

Въ чешской Прагѣ собрались уполномоченные Россіи, Пруссіи, Австріи и Англіи для всеобщаго умиренія. Австрія приняла на себя посредничество между Франціею и союзниками, но въ тайнѣ благопріятствовала послѣднимъ, а въ Богеміи собирала сильную армію. Наполеонъ не согласился на требуемыя отъ него Прагскимъ конгрессомъ уступки; Австрія пристала къ союзникамъ и объявила Франціи войну.

5-го августа военныя дѣйствія начались. Во время перемирія французы занимали половину Силезіи до Бреслау, все теченіе Эльбы и самый Гамбургъ, которымъ они овладѣли передъ перемиріемъ и укрѣпили его. Въ ихъ власти оставалось нѣсколько крѣпостей на Эльбѣ и Одерѣ, Данцигъ и Модлинъ на Вислѣ, въ которыхъ засѣли отступившіе изъ Россіи остатки Наполеоновской арміи. Русскіе подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и пруссаки съ Блюхеромъ занимали остальную Силезію. Прусскій корпусъ, къ которому во время перемирія присоединились шведскій и русскій, поступившіе подъ начальство шведскаго наслѣднаго принца, Бернадота, охраняли Берлинъ. Блюхеръ остался въ Силезіи, а Барклай-де-Толли съ русскою арміею и прусскимъ корпусомъ Клейста перешли чрезъ горы въ Богемію и расположились предъ Теплицемъ, куда прибыли союзные Монархи, которые австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга назначили главнымъ вождемъ [всѣхъ] союзныхъ армій.

Планъ союзниковъ состоялъ въ томъ, чтобы превосходными своими силами обогнуть, съ одной стороны, правое крыло Наполеоновской арміи въ Саксоніи наступательнымъ движеніемъ изъ Богеміи собравшихся тамъ войскъ союзныхъ, а съ другой, напасть на лѣвое крыло его изъ Силезіи и отъ Берлина и такимъ образомъ, окруживъ его, угрожать его сообщеніямъ. Этотъ планъ начертанъ былъ союзными Государями и генералами ихъ, въ числѣ которыхъ былъ и наслѣдный принцъ шведскій, въ городѣ Трахенбергѣ, въ Силезіи, гдѣ они держали совѣтъ 28-го, 29-го и 30-го чиселъ іюня.

Душою и главнымъ двигателемъ союза противъ Наполеона былъ Императоръ Александръ, коего прекрасная наружность, тонкій умъ, очаровательная любезность привлекали сердца всѣхъ приближавшихся къ нему. Народы любили его

какъ монарха свободолюбиваго, умѣвшаго цѣнить и уважать достоинство вообще человѣка и который самъ тяготился [своею] неограниченною властію. Александръ съ необыкновенною ловкостію умѣлъ соглашать разнородные интересы и требованія союзниковъ, жертвовалъ собственнымъ самолюбіемъ, отказываясь отъ главнаго предводительства всѣхъ союзныхъ войскъ, которое ему по всѣмъ правамъ принадлежало, и даже согласился подчинить лучшихъ своихъ полководцевъ австрійскимъ и прусскимъ генераламъ, которые нисколько не были выше нашихъ ни мужествомъ, ни военными дарованіями.

Въ главную квартиру союзной арміи въ г. Теплицъ прибылъ по приглашенію Александра знаменитый французскій генералъ Моро, личный врагъ Наполеона, изгнавшаго его въ Америку. Союзники желали воспользоваться его совѣтами и военною опытностію.

Трахенбергскій планъ военныхъ дѣйствій начали приводить въ исполненіе: изъ Богеміи дорогами черезъ окружающій эту страну горный поясъ, союзная армія, вступила въ Саксонію, и обложила Дрезденъ, занятый французскою арміею. Наполеонъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ и счастіемъ отразилъ всѣ приступы союзныхъ войскъ [14 и 15-го августа] и принудилъ ихъ съ большими потерями отступить въ Богемію. Подъ Дрезденомъ Моро, находившійся въ свитѣ Александра, смертельно раненъ ядромъ.

Дороги черезъ горы [изъ Силезіи] въ Богемію, по которымъ союзники должны были отступать, сходятся всѣ передъ Теплицемъ. Наполеонъ въ послѣдній день сраженія Дрезденскаго, увѣренный въ побѣдѣ, отрядилъ генерала Вандама съ цѣлымъ корпусомъ и приказалъ ему непремѣнно занять Теплицъ, запереть въ горахъ союзниковъ, которыхъ самъ [живо] намѣревался преслѣдовать отъ Дрездена и такимъ образомъ поставить между двухъ огней.

Этотъ превосходный маневръ не удался: Вандамъ съ цѣлымъ корпусомъ не могъ преодолѣть упорнаго сопротивленія четырехъ нашихъ гвардейскихъ полковъ, случайно оставленныхъ на дорогѣ изъ Дрездена къ Теплицу. Эти полки, занявъ позицію при Кульмѣ, геройски отстояли пунктъ, гдѣ сходятся горныя дороги, по которымъ отступала союзная

армія; она благополучно выбралась изъ горъ, и на другой день Вандамъ былъ атакованъ превосходными силами, поставленный между двухъ огней, на голову разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ артиллеріею и половиною своего корпуса, котораго остатки разсѣялись по Богемскимъ горамъ [1]. Бли-

[1] Генералу Ермолову неоспоримо принадлежитъ слава Кульмской побѣды: онъ понялъ всю важность удержанія Теплица и выходовъ изъ горъ по дорогамъ изъ Саксоніи въ Богемію, по которымъ, проигравъ сраженіе подъ Дрезденомъ, отступала союзная армія. 4-е гвардейскіе полки, подъ начальствомъ Ермолова, ретируясь по шоссе къ Теплицу, должны были пробиваться черезъ селенія Ценстъ и Гölлендорфъ, которыя въ тылу ихъ занялъ непріятель, и славно преодолѣли это препятствіе. Тутъ присоединился къ нимъ остатокъ 2-го корпуса, разбитаго подъ Пирной: начальникъ его, генералъ графъ Остерманъ-Толстой, какъ старшій, принялъ начальство и надъ гвардейскими полками. Главная заслуга Ермолова та, что онъ доказалъ графу Остерману-Толстому необходимость для спасенія отступающей отъ Дрездена союзной арміи, остановиться, не доходя Теплица, и во что бы ни стало не допустить французовъ овладѣть этимъ городомъ и выходами изъ горъ. Свои убѣжденія умѣлъ онъ внушить гр. Остерману, а тотъ рѣшился на отчаянный бой подъ Кульмомъ: гвардейскіе полки цѣлый день сражались съ непріятелемъ въ четверо сильнѣйшимъ и, славно отбивая всѣ его нападенія, не уступали ему ни шагу. Въ 9-ть часовъ утра ядромъ оторвало руку у гр. Остермана; онъ сдалъ начальство Ермолову, который блистательною храбростью, искусными распоряженіями и удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи отразилъ всѣ атаки французовъ и разрушилъ планъ Наполеона. Гвардейскіе полки не только устояли, но двинулись впередъ съ наступленіемъ ночи, разложили огни и торжествовали побѣду: полковыя музыки ихъ играли вечернюю зорю въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ непріятеля, приведеннаго въ разстройство и уныніе неудачными нападеніями, такъ героически отбитыми; во всю ночь на французскихъ бивуакахъ не было даже разложено огней.

На завтра, когда большая часть нашей арміи выбралась изъ горъ, главнокомандующій Барклай-де-Толли рѣшился атаковать корпусъ Вандама и послалъ приказаніе прусскому корпусу Клейста спуститься по горнымъ тропинкамъ въ тылъ французовъ. Этотъ маневръ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: когда началось нападеніе непріятеля съ фронта, пруссаки зашли ему въ тылъ, на шоссе устроили батарею и громили его сзади. Этими дѣйствіями французы, поставленные между двухъ огней, были на голову разбиты: спаслась только часть ихъ конницы, которая отчаянно пронеслась сквозь прусскую батарею и ея прикрытіе. Генералъ Вандамъ съ большею половиною корпуса и всею артиллеріею сдался военно-плѣннымъ; остатокъ разбрелся по горамъ. Кульмская побѣда дала другой оборотъ войнѣ, разстроивъ искусныя соображенія Наполеона.

Въ описаніяхъ войны 1812 и 1813 годовъ (книга генер. Даниловскаго) не оцѣнены по достоинству военныя дарованія и заслуги генерала Ермолова и умышленно поставлены въ тѣни, въ угодность всегда неблаговолившему къ нему правительству. Къ тому же онъ имѣлъ много завистниковъ: этимъ людямъ колола глаза военная слава и античный характеръ Алексѣя Петровича, котораго біографія, безпристрастно и умно написанная, была бы подъ стать Плутарховымъ жизнеописаніямъ знаменитыхъ мужей Греціи и Рима. *Авторъ.*

(Это примѣчаніе имѣется только въ текстѣ „Записокъ Фонъ-Визина", хранящемся въ библіотекѣ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). *В. Б.*

стательное сраженіе подъ Кульмомъ происходило 17-го и 18-го августа.

Около этого времени Блюхеръ съ Силезскою арміею одержалъ побѣду на Кацбахѣ и Нейсѣ надъ войсками маршала Макдональда въ Силезіи августа 14-го. На пути къ Берлину французскій корпусъ маршала Нея проигралъ сраженіе при Гросъ-Беренѣ 11-го августа и 24-го того же мѣсяца былъ на голову разбитъ при Деневицѣ войсками наслѣднаго принца Шведскаго.

Эти три одновременныя побѣды, одержанныя надъ отдѣльными частями французскихъ войскъ, вознаградили союзниковъ за неудачный приступъ ихъ къ Дрездену и дали имъ возможность привести въ исполненіе планъ военныхъ дѣйствій, составленный въ Трахенбергѣ. Этотъ разъ намѣренія ихъ увѣнчались [полнымъ] успѣхомъ подъ Лейпцигомъ. Наполеонъ занялъ въ окрестностяхъ Лейпцига центральную позицію, стягивая сюда постепенно всѣ отдѣльныя части войскъ своихъ. Союзныя арміи съ присоединившеюся къ нимъ резервною арміею генерала Беннигсена, съ сѣверной, восточной и южной сторонъ, слѣдовали по пятамъ за отступающими къ Лейпцигу частями французскихъ войскъ и образовали огромную дугу, съ трехъ сторонъ огибающую Лейпцигъ. Силы союзниковъ почти вдвое превосходили силы Наполеона.

Октября 4-го и 5-го на равнинѣ Лейпцигской кипѣлъ жестокій бой между союзными арміями и французской и были минуты, въ которыя Наполеонъ, пользуясь выгодами своего центральнаго положенія, могъ надѣяться одержать побѣду. Но въ самомъ пылу сраженія саксонцы и вестфальцы измѣнили ему и обратили оружіе противъ французовъ. Октября 6-го дня эта битва закончилась рѣшительнымъ пораженіемъ Наполеона. Разбитая его армія въ безпорядкѣ отступила отъ Лейпцига, лишившись большей части своей артиллеріи и множества плѣнныхъ.

Событіе подъ Лейпцигомъ имѣло первымъ послѣдствіемъ отпаденіе отъ побѣжденной Франціи прежнихъ слугъ Наполеона. Короли и князья германскіе присоединили свои войска къ побѣдителямъ. Баварія выставила корпусъ свой подъ начальствомъ генерала Вреде въ Ганау, чтобы преградить

путь отступающему отъ Лейпцига Наполеону. Но онъ разомъ сокрушилъ это препятствіе, разбилъ на голову баварцевъ и мечемъ проложилъ себѣ дорогу во Францію.

Съ 1-го января 1814 г. союзники, усиленные войсками всѣхъ германскихъ державъ, въ нѣсколькихъ пунктахъ двинулись за Рейнъ въ самую Францію, не встрѣчая сопротивленія. Силы ихъ столько превосходили тѣ, которыми располагалъ Наполеонъ, что они могли считать навѣрное скорое завоеваніе Франціи однимъ движеніемъ своимъ на ея столицу.

Но въ этомъ, почти отчаянномъ, положеніи геній Наполеона явился въ своемъ величіи и блескѣ, отсрочивъ на нѣсколько мѣсяцевъ [конечное свое низложеніе] капитуляцію блистательными побѣдами надъ союзниками.

Первая его встрѣча съ ними была однако неудачна. Подъ Бріенномъ и Ларотьеромъ 12-го января онъ проигралъ сраженіе, въ которомъ потерялъ до 70 пушекъ и 10.000 плѣнныхъ, но искуснымъ отступленіемъ исправилъ эту первую неудачу. Союзники, осмѣленные побѣдою подъ Бріенномъ, спѣшили въ Парижъ, безпечно и разобщенно двигались по нѣсколькимъ дорогамъ, ведущимъ въ столицу Франціи. Наполеонъ съ своей арміей, получившей подкрѣпленіе нѣсколькихъ полковъ изъ Испаніи, занималъ уголъ, образуемый Марной и Сеной между дорогами, по которымъ шли союзники.

Пользуясь своимъ срединнымъ положеніемъ между разобщенными колоннами союзниковъ, онъ быстро напалъ на [ихъ] правое крыло подъ начальствомъ Блюхера и по частямъ разбилъ сперва отрядъ генерала Олсуфьева, подъ Шампоберомъ 29-го января. Этимъ успѣхомъ разрѣзавъ Силезскую армію на двѣ части, напалъ на передовой ея корпусъ генерала Сакена, который испыталъ участь Олсуфьева 30-го января подъ Монмартромъ, потомъ бросился на самого Блюхера [подъ Этожемъ], атаковалъ его ночью, разбилъ и разстроилъ Силезскую армію, которая едва 3-го февраля собралась у Шалона-на-Марнѣ.

Главная армія, не зная о пораженіи Силезской; была уже въ Труа и выслала авангардъ отъ войска графа Витгенштейна черезъ Провенъ къ Нанжи. Наполеонъ, управясь съ Блюхеромъ, быстрымъ движеніемъ къ Нанжи напалъ на рус-

скій авангардъ и разсѣялъ его 5-го февраля, а 6-го, подъ Монтро, разбилъ Виртембергскаго наслѣднаго принца, подъ начальствомъ котораго былъ и австрійскій корпусъ.

Въ Шатильонѣ съѣхались уполномоченные воюющихъ державъ для совѣщанія о мирѣ, но Наполеонъ, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, возвысилъ свои требованія, и этотъ конгрессъ [не согласившись ни въ чемъ] разошелся [скоро]. Между тѣмъ [на сѣверѣ Франціи] русскій корпусъ генерала Винценгероде изъ Нидерландовъ, овладѣвъ Суантомъ, чрезъ Эперне и Шалонъ-на-Марнѣ, вступилъ въ сообщеніе съ арміями Блюхера и Шварценберга. Въ то же время генералъ Бюловъ съ пруссаками двинулся въ Пикардію и овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами, а въ Лаферѣ взялъ значительные запасы; герцогъ же Веймарскій, съ Саксонскимъ корпусомъ, присоединился къ арміи Блюхера. Это дало возможность союзникамъ перейти опять къ наступательнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ союзныхъ армій, австрійцы довольно успѣшно дѣйствовали противъ французскаго корпуса маршала Ожеро близъ Ліона. Послѣ удачнаго сраженія при Барѣ на Объ и соединенія армій Блюхера и Шварценберга, снова началось наступательное движеніе союзниковъ, котораго цѣлью была столица Франціи, двумя большими массами: одна взяла направленіе вдоль р. Марны, другая вдоль Сены; постоянное же сообщеніе между ними поддерживалось множествомъ летучихъ казачьихъ отрядовъ, разъѣзжавшихъ по всему пространству, раздѣлявшему арміи Блюхера и Шварценберга. Это движеніе впередъ угрожало обоимъ флангамъ арміи Наполеона между Марной и Сеной. Блюхеръ уже обходилъ лѣвое крыло французовъ, приближаясь черезъ Мо къ Парижу; Наполеонъ, видя эту опасность, рѣшился самъ обойти его съ тылу. Послѣ сраженія подъ Суассономъ, гдѣ русскій корпусъ графа Воронцова былъ сильно атакованъ французами и устоялъ, Наполеонъ бросился на армію Блюхера, былъ отраженъ и проигралъ сраженіе 25-го февраля подъ Лаономъ.

Въ то же время Шварценбергова армія шла впередъ съ лѣвой стороны къ Парижу вдоль Сены. Наполеонъ рѣшился на отчаянное движеніе въ тылъ союзныхъ армій, угрожая тѣмъ ихъ сообщенію съ Германіею.

Князь Шварценбергъ, устрашенный этимъ, колебался и готовъ былъ отступить къ Рейну, но при его арміи, которую по большей части составляли русскія войска, находились Императоръ Александръ и король прусскій. Они настоятельно требовали, чтобы эта армія, несмотря ни на что, продолжала свое движеніе къ Парижу. Между тѣмъ, Наполеонъ, приводя въ исполненіе свое дерзновенное намѣреніе, на пути овладѣвъ Реймсомъ, Суассономъ, Шалономъ, бросился на армію Шварценберга, которая смѣло отразила это нападеніе подъ Аренсомъ при Обѣ, 8-го марта. Войско Императора французовъ, потерявъ въ этомъ дѣлѣ до 30 пушекъ, отступило къ рѣкѣ Маасу. Несмотря на неудачное дѣйствіе при Аренсѣ, Наполеонъ все имѣлъ въ виду усилить свою армію гарнизонами крѣпостей Лотарингіи и Эльзаса и не терялъ надежды отвлечь союзниковъ отъ намѣренія ихъ идти на Парижъ а, имѣя Мармоновъ корпусъ между Парижемъ и арміею Шварценберга, мечталъ при движеніи назадъ этой арміи, поставить ее между двухъ огней; но Александръ настоялъ на томъ, что армія Шварценберга живо преслѣдовала войско маршаловъ Мармона и Мортье къ Парижу. Настигнувъ французовъ между Витро и Фершампенойзомъ, русская гвардейская кавалерія, поддержанная пѣхотой, напала на непріятеля 13-го марта и одержала побѣду, стоившую французамъ 8.000 плѣнныхъ и 60 орудій. Остатки корпусовъ маршаловъ Мармона и Мортье отступили къ Парижу, преслѣдуемые арміею Шварценберга до [Бельвиль Пантенъ, Роменвиль и] Монмартрской высоты, которыми овладѣли союзники, заставили столицу Франціи сдаться на капитуляцію.

Александръ, вступивъ въ Парижъ 19-го марта, достигъ своей цѣли, объявилъ, что не вступитъ съ Наполеономъ ни въ какіе переговоры, и заставилъ Сенатъ провозгласить низложеніе побѣжденнаго Императора и учредить временное Правительство. Талейранъ и приверженцы династіи Бурбонской, призвали на тронъ Франціи Людовика XVIII, брата несчастнаго въ революцію казненнаго короля. Наполеона же всѣ союзные монархи признали владѣтелемъ острова Эльбы, куда онъ и былъ отвезенъ, сохранивъ титулъ Императора.

Вступленіе въ Парижъ Александра и пребываніе въ этомъ городѣ было апогеемъ его величія и славы. Его твердости, великодушію была обязана Европа своимъ освобожденіемъ, побѣжденная Франція — законно-свободными установленіями, которыя по настоянію русскаго Императора даровалъ ей призванный на тронъ Людовикъ XVIII. Александръ, сопровождаемый восторженною любовью своихъ войскъ и благословеніями Франціи, выѣхалъ изъ Парижа 18-го іюня въ Англію и былъ принятъ съ такимъ же восторгомъ свободными британцами.

Съ королемъ Людовикомъ XVIII возвратились во Францію многія аристократическія фамиліи, преданныя дому Бурбоновъ и пострадавшія въ революцію. Понятно, что онѣ не могли любить введенный его братомъ новый порядокъ, сохранившійся и подъ владычествомъ Наполеона, — порядокъ, благопріятствующій гражданскому равенству и потому ненавистный аристократамъ. Хартія конституціонная, дарованная королемъ, была имъ столько же ненавистна, какъ освященіе политическихъ принциповъ, порожденныхъ революціею. Королевскій братъ, графъ д'Артуа, и всѣ окружающіе Людовика XVIII аристократы, одушевленные противореволюціонными убѣжденіями, дѣлали всевозможныя усилія, употребляли всѣ средства, чтобы заставить короля отмѣнить конституціонную партію и утвердить во Франціи прежнюю неограниченную монархію; но Людовикъ XVIII былъ слишкомъ уменъ и хорошо зналъ Францію, чтобы послѣдовать ихъ совѣтамъ. Французы, однако, не довѣряли ему, считая и его враждебнымъ свободѣ въ правленіи [и правамъ] своего народа, подозрѣвали въ намѣреніи уничтожить хартію. Неразумные друзья короля, своими реакціонными продѣлками рѣшительно возбудили противъ него общественное мнѣніе и заставили французовъ сочувствовать изгнанному Наполеону, сожалѣть о немъ и желать, чтобы онъ возвратился на тронъ. Онъ имѣлъ много приверженцевъ, которые всякій день извѣщали его о настроеніи общественнаго мнѣнія въ его пользу и убѣждали съ малочисленною, но преданною гвардіею своей пристать къ берегамъ Франціи и [снова] провозгласить себя императоромъ французовъ.

Февраля 14-го 1815 г. Наполеонъ рѣшилъ послѣдовать совѣту друзей: со своей свитой и нѣсколькими судами и нанятымъ фрегатомъ счастливо избѣжалъ вниманія англійскихъ крейсеровъ и благополучно присталъ близъ Канъ къ берегамъ Франціи 16-го февраля [1].

Быстрый походъ его къ Парижу былъ тріумфальнымъ шествіемъ: на всемъ пути народъ встрѣчалъ его съ радостнымъ восторгомъ; высланныя противъ него войска преклоняли предъ нимъ знамена и присоединялись къ нему. Вечеромъ 8-го марта онъ, сопровождаемый уже цѣлою арміею, вступилъ въ Парижъ; Людовикъ XVIII въ тотъ же день по утру уѣхалъ въ Бельгію.

Союзные монархи были тогда въ Вѣнѣ на конгрессѣ, который занимался возстановленіемъ прежней политической системы Европы, [до основанія] потрясенной французской революціей и владычествомъ Наполеона. Душою конгресса былъ Австрійскій [первый] министръ князь Меттернихъ, одинъ изъ самыхъ хитрыхъ и глубокихъ политиковъ, но абсолютистъ и аристократъ въ душѣ, врагъ политическаго прогресса и свободы народовъ, которые по его мнѣнію слишкомъ счастливы, если Правительства пекутся объ ихъ матеріальномъ благосостояніи на счетъ всякаго ихъ умственнаго и нравственнаго преуспѣянія.

Вліянія Меттерниха не избѣгъ и Александръ: по внушеніямъ умнаго и лукаваго министра, прежнее [его] свободолюбивое расположеніе, постепенно ослабѣвая, уступило монархическому реакціонному духу, который овладѣлъ умами всѣхъ собравшихся на конгрессъ европейскихъ государей и самого Александра. Они мечтали о возстановленіи въ Европѣ монархическихъ началъ, подкопанныхъ французской революціей, безпечно предавались забавамъ и волокитству вѣнскаго аристократическаго общества, какъ внезапно ихъ поразила вѣсть, что союзникъ ихъ Людовикъ XVIII бѣжалъ изъ Парижа и принужденъ былъ уступить тронъ Наполеону, котораго съ неописаннымъ восторгомъ приняла Франція.

Всѣ согласились обнажить мечъ противъ врага общаго спокойствія. Александръ и его союзники немедленно двинули

[1] Въ другомъ текстѣ: „съ своею свитою и нѣсколькими сотнями старыхъ гвардейцевъ онъ сѣлъ на два военныя судна и нанятые транспорты...“

свои войска къ границамъ Франціи. Англійская и прусская арміи оставались на Рейнѣ и въ Бельгіи. Наполеонъ выступилъ противъ нихъ за рѣку Сомбръ въ Бельгію съ сильной, наскоро набранной и устроенной арміей. Подъ Линьи, въ первой встрѣчѣ съ пруссаками, предводительствуемыми Блюхеромъ, онъ одержалъ побѣду, но это было послѣднее его торжество, побѣдная звѣзда его меркла и закатывалась: подъ Ватерло герцогъ Веллингтонъ и присоединившіеся къ нему пруссаки разбили на голову французскую армію 2-го іюня. Наполеонъ, вторично развѣнчанный, какъ плѣнникъ осужденъ былъ умереть на пустынной скалѣ св. Елены, посреди неизмѣримаго океана. Людовикъ XVIII, въ сопровожденіи англійской арміи возвратился въ Парижъ съ усиленною властію. По низверженіи французскаго колосса, полновластно располагавшаго судьбами Европы, она совершенно измѣнила видъ. Россія возвеличилась, и если бы Александръ остался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, то могъ-бы со славою побѣдителя и миротворца соединить еще большую славу возстановителя свободы народовъ. Послѣднее его либеральное дѣйствіе было дарованіе конституціонныхъ учрежденій Польшѣ, присоединенной къ Россіи Вѣнскимъ конгрессомъ. Для русскихъ она названа Царствомъ Польскимъ, поставленнымъ въ Императорскомъ титулѣ ниже мнимыхъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, — для Европы же и самой Польши она возстановлялась, какъ королевство самобытное, имѣющее одного съ Россіею Государя, собственное законодательство, управленіе, финансы и войско. Словомъ, она имѣла конституцію и народное представительство. Но даровавшій ихъ Польшѣ Александръ съ перваго же года самъ началъ нарушать и ограничивать ихъ. Франція съ первой степени, на которую она была возведена властолюбіемъ Наполеона, вступила въ рядъ прочихъ европейскихъ государствъ, но утраченная военная слава вознаградилась ей конституціонными учрежденіями, которыя сдѣлали ее послѣ Англіи самою свободною страною въ Европѣ. Сѣверная Италія, подъ именемъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, была добычею Австріи. Германія желала и надѣялась конституціонныхъ учрежденій. Духъ свободы овладѣлъ умами германцевъ, такъ счастливо избѣгнув-

шихъ тягостнаго владычества Наполеона; они не могли уже охотно подчиниться прежнему феодальному порядку, тѣмъ болѣе, что сами правительства для возбужденія въ народахъ энергіи противъ самовластія Императора французовъ, своими прокламаціями призывали ихъ къ свободѣ и торжественно обѣщали имъ законно-свободныя установленія.

Правительства не только не спѣшили исполнить свои обѣщанія, но стали вмѣнять въ преступленіе справедливое требованіе конституціонныхъ учрежденій, всячески стараясь вездѣ подавлять духъ свободы. Александръ сталъ во главѣ монархическихъ реакціонеровъ. За одно съ нимъ дѣйствовали король прусскій и Императоръ Францъ, или лучше сказать,— князь Меттернихъ — душа австрійскаго министерства и всей монархической реакціи.

Народы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ Правительствами, прибѣгали противъ ихъ явныхъ угнетеній къ средствамъ сокровеннымъ. По всей Европѣ учредились тайные политическіе союзы съ цѣлію исторгнуть у Правительствъ конституціонныя постановленія. Въ Италіи, подъ ненавистнымъ ей австрійскимъ владычествомъ, учредились тайные союзы (венты) карбонаріевъ; въ германскихъ университетахъ образовался студенческій союзъ (*Burschenshaft*), раскинувшій вѣтви свои по всей нѣмецкой землѣ; во Франціи тайныя политическія общества подъ разными названіями. Цѣль у всѣхъ этихъ сокровенныхъ союзовъ была одна: противодѣйствовать монархической реакціи Правительствъ и освободить народы отъ ихъ самовластія.

По низложеніи Наполеона главнымъ предметомъ всѣхъ политическихъ дѣйствій Императора Александра было подавленіе возникшаго повсюду духа свободы и укрѣпленіе монархическихъ началъ, которымъ угрожали тайныя общества. Всѣ правительственныя и дипломатическія дѣйствія Александра, начиная съ священнаго тройственнаго союза Россіи, Австріи и Пруссіи, заключеннаго 14-го сентября 1815 г., свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Съ этою цѣлію въ 1815 году по предложенію Александра, созванъ былъ конгрессъ въ Ахенѣ, на которомъ по настоянію его признано право вмѣшательства во внутреннія

дѣла сосѣдственной державы, въ случаѣ измѣненія существующаго въ ней порядка. Въ Ахенѣ приняты строгія мѣры противъ свободы книгопечатанія и тайныхъ обществъ, противъ возстановленія въ Испаніи нарушенной королемъ конституціи кортесовъ, которую самъ Александръ торжественно призналъ законною въ трактатѣ, который онъ заключилъ въ Великихъ Лукахъ въ 1812 году, 8-го іюля съ уполномоченными кортесовъ [кадикскихъ].

Въ 1821 г. Императоры Александръ и Францъ, короли прусскій и неаполитанскій съѣхались въ Лайбахѣ съ своими министрами и дипломатами. Конгрессъ опредѣлилъ подавить революцію неаполитанскую, вслѣдствіе которой самъ король принялъ предложенную имъ конституцію и присягнулъ въ точномъ ея соблюденіи, и силою предупредить возстаніе въ Пьемонтѣ противъ короля сардинскаго. Австрійской арміи поручено было привести въ исполненіе постановленіе конгресса относительно Неаполя и Пьемонта. Въ Лайбахѣ узнали объ инсурекціи грековъ, и Александръ, который прежде не только благопріятствовалъ освобожденію ихъ, но чрезъ тайныхъ агентовъ подстрекалъ ихъ къ возмущенію, теперь относилъ возстаніе эллиновъ къ демагогическимъ замысламъ европейскихъ революціонеровъ и изъявлялъ готовность подавить его силою, въ чемъ и послалъ увѣреніе самому султану.

Конгрессъ Веронскій 1822 г. утвердилъ Александра въ этой жестокой противъ единовѣрцевъ своихъ политикѣ. Въ Веронѣ онъ съ союзниками своими: австрійскимъ Императоромъ и прусскимъ и французскимъ королями согласился на войну съ освободившейся отъ деспотизма Фридриха VII Испаніей для утвержденія его неограниченной власти и на миръ съ турецкимъ султаномъ, которому конгрессъ Веронскій выдалъ эллиновъ. Это послѣднее дѣйствіе возбудило общее негодованіе русскихъ противъ Александра за безчеловѣчное равнодушіе его къ страждущимъ единовѣрцамъ - эллинамъ, которые были въ правѣ ожидать отъ него не только симпатическаго участія, но и дѣятельной помощи, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ временъ Россія возбуждала грековъ противъ ихъ угнетателей и обѣщала имъ независимость.

Но духъ свободы, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣйствующія за одно Правительства старались всячески угнести, повѣялъ и на самодержавную Россію. Молодое ея поколѣніе, которое вступило на гражданское поприще въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра, воспитанное подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ началъ, имъ провозглашаемыхъ, вполнѣ сознавало, какъ далеко Россія отстала отъ Европы въ истинной цивилизаціи, но любя и уважая Александра, она спокойно ожидала отъ него благодѣтельнаго преобразованія, готовясь усердно ему содѣйствовать.

Двѣ неудачныя войны съ Наполеономъ и третья, угрожавшая въ 1812 году независимости Россіи, заставили [молодыхъ] русскихъ патріотовъ исключительно посвятить себя военному званію на защиту отечества. Дворянство, патріотически сочувствуя упадку нашей военной славы въ войнахъ съ Франціею 1805 и 1807 г. и предвидя скорый разрывъ съ нею, спѣшило вступать въ ряды войска, готоваго встрѣтить Наполеона. Всѣ порядочные и образованные молодые люди [дворяне], презирая гражданскую службу, шли въ одну военную; молодые тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники съ радостію переходили въ армію подполковниками и маіорами передъ 1812 годомъ. Чрезвычайныя событія этого года, славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, — послѣдовавшія за тѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное [и славное] участіе, — все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

Въ продолженіе двухъ-лѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностію.

Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратилась въ 1815 г. въ Петербургъ. Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впе-

чатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ, — рабство огромнаго [безправнаго] большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ Германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendbund), который такъ благотворно приготовилъ возстаніе Пруссіи и содѣйствовалъ ея освобожденію, и съ французскими либералами. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ними, наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ.

Возвратясь въ Петербургъ, могли-ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнію и скучными мелочными занятіями и подробностями строевой службы, которыя отъ нихъ требовали строго начальники, угождая тѣмъ врожденной склонности Александра и братьевъ къ фрунтоманіи, солдатской вытяжкѣ, одиночному ученію и проч., не смотря на то, что опыты двухъ-лѣтней жестокой войны съ непріятелемъ самымъ искуснымъ могли-бы, кажется, убѣдить Александра, что не отъ этихъ мелочей зависитъ побѣда. При томъ русскихъ оскорбляло явное предпочтеніе, оказываемое Императоромъ всѣмъ вообще иностранцамъ передъ его подданными, къ которымъ онъ и не скрывалъ своего неуваженія: присоединенной Польшѣ онъ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною.

Пока осмысленные русскіе патріоты могли еще ожидать отъ самого Александра благодѣтельныхъ преобразованій, которыя, ограничивъ его самовластіе, сколько-нибудь улучшили-бы состояніе народа, они готовы были усердно содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ, но когда они убѣдились въ совершенномъ измѣненіи его прежняго свободолюбиваго образа мыслей послѣ войны, по вредному вліянію на него Меттерниха, когда узнали о политическихъ дѣйствіяхъ его на кон-

грессахъ Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Лайбахскомъ, Веронскомъ, на которыхъ Александръ съ своими союзниками обнаружилъ непріязненное чувство къ свободѣ народовъ, то самые восторженные почитатели его въ блистательную эпоху занятія Парижа совершенно охладѣли къ нему. Но по окончаніи войны ничто столько не возбуждало негодованія общественнаго мнѣнія противъ Александра, не однихъ либераловъ, а цѣлой Россіи, какъ насильственное учрежденіе военныхъ поселеній. Кто первый внушилъ императору эту несчастную мысль, неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе, что, желая первенствовать въ Европѣ, онъ самъ придумалъ ее для того, чтобы сколько возможно болѣе умножить свои военныя силы съ меньшими издержками для казны. Въ придуманномъ имъ планѣ военной колонизаціи, волости цѣлыхъ уѣздовъ изъ государственныхъ крестьянъ поступали въ военное вѣдомство. Всѣ обыватели этихъ волостей, въ которыя водворялись пѣхотные и конные полки, дѣлались солдатами: ихъ распредѣляли по ротамъ, баталіонамъ и эскадронамъ, которые должны были составлять резервы своихъ полковъ. Насильственно подвергали несчастныхъ поселянъ строгой военной дисциплинѣ, обучали военному строю и они должны были отправлять военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься сельскими полевыми работами, подъ надзоромъ военныхъ начальниковъ, для продовольствія своего и полковъ, въ ихъ волостяхъ водворенныхъ.

Изъ всѣхъ дѣйствій императора Александра послѣ измѣненія его образа мыслей, учрежденіе военныхъ поселеній было самое деспотическое и ненавистное. Введеніе этой тиранической мѣры въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожая благосостояніе поступившихъ въ военные поселяне государственныхъ крестьянъ, встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны ихъ: волости, даже цѣлые уѣзды, обращаемые насильственно въ военныхъ поселянъ, возмутились. Противодѣйствіе ихъ было подавляемо войсками, какъ бунтъ; военныхъ поселянъ усмиряли картечью и ружейными выстрѣлами. Кровь лилась какъ въ сраженіяхъ и, послѣ усмиренія, военные суды приговаривали многія тысячи несчастныхъ жертвъ къ наказанію сквозь строй и къ ссылкѣ въ

Сибирь, въ каторжную работу и на поселеніе. Нѣкоторые военные начальники, изъ подлаго желанія выслужиться, позволяли себѣ жестокія истязанія при розыскахъ для открытія виновниковъ и главныхъ зачинщиковъ возмущенія.

Учрежденіе военныхъ поселеній, на которыя издержаны были многіе милліоны безъ всякой пользы, было предметомъ всеобщаго неодобренія. Даже лица, на которыя Александръ возложилъ приведеніе въ исполненіе этой мѣры, при всякомъ случаѣ увѣряли, что они дѣйствуютъ противъ собственнаго убѣжденія и только въ угодность государю. Главный начальникъ поселеній, генералъ графъ Аракчеевъ, — ненавистный цѣлой Россіи за злобный и свирѣпый нравъ, но любимый Александромъ, какъ рабъ преданный, готовый отдать душу, чтобы угодить ему,—и Аркачеевъ говаривалъ, что военныя поселенія выдуманы не имъ, что онъ самъ, не одобряя этой мѣры, приводитъ ее въ исполненіе, какъ священную для него волю государя и благодѣтеля своего. Только нашелся праводушный нѣмецъ, который смѣло высказалъ Александру свое неодобреніе военныхъ поселеній [и всѣ пагубныя послѣдствія этой мѣры]. Это былъ генералъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли. [Военныя поселенія нанесли послѣдній ударъ популярности Александра].

Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба съ страстью учились и читали преимущественно сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи, весьма естественно, что занимающіеся ими желали-бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи и Германіи, завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество у насъ, съ цѣлію ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 года эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба

условились составить тайное общество съ цѣлію, съ какою всѣ подобныя общества учреждаются. Сначала они ограничились распространеніемъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей и принятіемъ новыхъ членовъ. Обстоятельства въ первое время благопріятствовали учредителямъ: никогда въ Россіи не бывало такой свободы въ выраженіи своихъ мнѣній, какъ при Александрѣ и, особенно, послѣ французской войны. Этою свободою пользовались члены тайнаго общества и, явно высказывая свои политическія убѣжденія, нерѣдко заставляли молчать [самыхъ] горячихъ абсолютистовъ очевидностью тѣхъ истинъ, которыя они провозглашали. Надобно отдать справедливость Александру, что, хотя по доносамъ тайной полиціи, ему извѣстны были поборники новыхъ идей, но онъ не преслѣдовалъ ихъ за мнѣнія, которыми они успѣвали пріобрѣтать новыхъ союзниковъ изъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетѣ или лицеѣ, и литераторовъ.

Одинъ изъ членовъ союза (кн. Илья Долгоруковъ) въ концѣ 1817 г. ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношеніе съ членами извѣстнаго союза друзей-добродѣтели (Tugendbund). Они сообщили ему свои статуты. Эти статуты были одобрены собравшимися въ Москвѣ въ 1818 году членами, переведены на русскій языкъ и съ нѣкоторыми измѣненіями приноровлены къ Россіи. Первоначальное общество, по соглашенію всѣхъ наличныхъ членовъ, преобразовалось по этому новому уставу и приняло названіе *Союза Благоденствія* [1], который долженъ былъ состоять изъ правительственной думы и подчиненныхъ ей управъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться по десяти и болѣе членовъ. Всѣ эти управы сносятся между собою и съ начальствующею думою. Не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ, Союзъ Благоденствія предполагалъ дѣйствовать на русское общество нравственными и научными средствами, по возможности искореняя невѣжество и злоупотребленія убѣжденіемъ и благими примѣрами, давать благое направленіе воспитанію юношества, стараться объ уничтоженіи крѣ-

[1] Назвали Союзъ Обществомъ Зеленой Книги, потому что списки статута, или устава, были въ зеленомъ переплетѣ.

Авторъ.

постнаго рабства и ревностно содѣйствовать Правительству въ его благихъ намѣреніяхъ. Въ первые годы царствованія Александра, онъ, конечно, не задумался бы объявить себя главою союза благоденствія, котораго, однако, сокровенная цѣль оставалась прежняя: пріобрѣсти Россіи законно-свободныя постановленія.

Главный недостатокъ тайнаго союза состоялъ въ томъ, что начальство его не было облечено подлежащею властію, чтобы заставить подчиненныя управы дѣйствовать въ одномъ духѣ. Большинство не хотѣло подчиняться полновластной диктатурѣ одного или нѣсколькихъ избранныхъ лицъ съ обязательствомъ полнаго имъ повиновенія. Большая часть членовъ желала для Россіи монархическаго образа правленія, ограниченнаго представительными институціями, по образу Англіи и Франціи, но были приверженцы и республиканской свободы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, находя, что Россія сходствуетъ съ ними своимъ огромнымъ пространствомъ и несоотвѣтствующею тому малочисленностью населенія, а также извѣстными топографическими условіями и самымъ климатомъ съ сѣверною половиною Американскаго Союза.

Съ преобразованіемъ первоначальнаго тайнаго общества въ Союзъ Благоденствія въ 1818 г. число членовъ его значительно возросло: къ нему стало присоединяться не одно уже молодое поколѣніе, но и люди зрѣлаго возраста и имѣющіе значеніе въ свѣтѣ. Нѣсколько молодыхъ генераловъ, многіе начальники полковъ и штабъ-офицеровъ, особенно 2-й арміи, генералъ-интендантовъ и большая часть офицеровъ, служившихъ въ штабѣ этой арміи въ Тульчинѣ — нѣсколько уважаемыхъ помѣщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ даже высшаго управленія вступили въ Союзъ Благоденствія отъ 1818 до 1823 года. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ занимаютъ и теперь высшія государственныя должности.

Члены Союза учреждали и отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: таковы были *общество военное*, котораго члены узнавали другъ друга по надписи, вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: „За правду", *литературныя*, — одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ *зеленой лампы*, и двѣ

масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ Союза Благоденствія.

Въ 1821 г. осенью въ Петербургѣ возмутился гвардейскій Семеновскій полкъ противъ полковаго начальника, который вывелъ изъ терпѣнія солдатъ, тирански поступая съ ними. Александръ узналъ объ этомъ въ Лайбахѣ отъ кн. Меттерниха, къ которому отправленный курьеръ съ этимъ извѣстіемъ отъ австрійскаго посланника предупредилъ нѣсколько часами посланнаго съ донесеніемъ къ императору адъютанта [1]. Меттернихъ внушилъ Александру, что возмущеніе его любимаго полка было возбуждено тайнымъ обществомъ. Дѣйствительно, въ этомъ полку лучшіе офицеры были члены Союза Благоденстія [2], но они не только не имѣли никакого участія въ бунтѣ солдатъ, а напротивъ успѣли успокоить ихъ и привести въ повиновеніе. Это обстоятельство, само по себѣ ничтожное, еще болѣе раздражило Александра противъ либеральныхъ идей и [даже] заставило его смотрѣть на геройское возстаніе грековъ, какъ на предпріятіе [преступное], которое должно быть подавлено силою.

Послѣ исторіи Семеновскаго полка правительство усилило надзоръ тайной полиціи, и это сдѣлалось извѣстно Союзу Благоденствія отъ одного изъ [своихъ] членовъ [полковникъ Ѳ. И. Глинка], который, служа при петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, узнавалъ всѣ распоряженія, относящіяся до тайной полиціи, и читалъ даже донесенія ея агентовъ. Это обстоятельство заставило Союзъ принять благоразумныя предосторожности для своей безопасности и съ этою цѣлью назначить въ Москвѣ чрезвычайное собраніе депутатовъ отъ разныхъ управъ для принятія мѣръ противъ подозрительности правительства.

[1] Объ этомъ событіи въ русской литературѣ показанія разнорѣчивы. Такимъ же точно образомъ, какъ Фонъ-Визинъ, разсказываютъ объ опозданіи курьера къ императору Александру I (П. Я. Чаадаева) Герценъ (въ „Быломъ и Думахъ") и Свербеевъ (въ „Воспоминаніяхъ о П. Я. Чаадаевѣ", „Русскій Архивъ" 1868 г., VI), но объ этомъ же совершенно иначе разсказываетъ Лонгиновъ (въ „Воспоминаніяхъ о П. Я. Чадаевѣ", „Русскій Вѣстникъ" 1862 г., XI). *В. Б.*

[2] Въ Семеновскомъ полку служили тогда С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ, которые оба были впослѣдствіи (13 іюля 1826 г.) повѣшены на валу Кронверкской куртины. *В. Б.*

Въ началѣ 1822 года собрались въ Москвѣ депутаты изъ Петербурга, Тульчина и Кіевской губерніи, — трехъ пунктовъ, гдѣ были самыя многочисленныя управы Союза. Собраніе депутатовъ и наличныхъ московскихъ членовъ единогласно утвердило: упразднить Союзъ Благоденствія, во-первыхъ, для того, чтобы этимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ отвлечь вниманіе правительства, во 2-хъ, чтобы избавиться отъ нѣкоторыхъ членовъ, которыхъ нравственный характеръ не соотвѣтствовалъ ни духу, ни направленію Союза. Это упраздненіе было мнимое, и онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ, но членамъ его было предписано поступать осторожнѣе въ самой пропагандѣ, избѣгать всякой переписки по дѣламъ Союза, а ограничиваться одними устными сообщеніями чрезъ членовъ-путешественниковъ и вообще стараться покрывать существованіе Союза непроницаемой тайной.

Между тѣмъ къ управѣ въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ присоединилось новое тайное общество *Соединенныхъ Славянъ*,— вѣтвь, давно извѣстнаго, существовавшаго въ Австріи *Панславизма*. Оно состояло изъ молодыхъ артиллерійскихъ и армейскихъ офицеровъ и нѣсколькихъ поляковъ. На Кіевскихъ контрактахъ въ 1822 г. члены тульчинскіе и кіевскіе имѣли совѣщанія съ уполномоченными отъ польскаго тайнаго общества о соглашеніи взаимныхъ дѣйствій. Депутаты польскіе были: князь Яблоновскій и полковникъ Крыжановскій. Эти совѣщанія не имѣли никакого результата по взаимной недовѣрчивости и непріязни русскихъ и поляковъ.

Въ три послѣдніе года существованіе Союза Благоденствія не ознаменовалось никакими дѣйствіями. Въ Тульчинѣ и Петербургѣ, гдѣ было болѣе наличныхъ членовъ, иные изъ нихъ усердно занимались политическими науками. Главою Южнаго отдѣленія былъ полковникъ Пестель — человѣкъ высокаго ума, съ большими познаніями, можетъ быть даже геніальный, но онъ не обладалъ даромъ, столь необходимымъ для предводителя политической партіи — привязывать къ себѣ людей. Въ душѣ его было что-то черствое, отталкивающее симпатическое сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ вести къ цѣли. Пестель составилъ проэктъ конституціи для Россіи подъ именемъ *Русской Правды* и

читалъ ее не только въ собраніяхъ единомышленниковъ своихъ, но даже на вечерахъ у начальника штаба 2-й арміи генерала Киселева, любимца Александра и искренно преданнаго ему. Стало быть въ этомъ проэктѣ, какъ въ умозрительномъ опытѣ, не было ничего преступнаго. Въ Петербургѣ одинъ изъ самыхъ достойныхъ, [умныхъ] и образованныхъ членовъ [съ чистой, пламенной душой], Никита Михайловичъ Муравьевъ написалъ свой проэктъ конституціи. Пестель поплатился за это жизнью — на висѣлицѣ, а Муравьевъ ссылкою въ Сибирь, [въ каторжную работу].

Въ Петербургѣ, Тульчинѣ и въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ въ Кіевской губерніи члены Союза собирались на дружескія бесѣды толковать о политикѣ, о незавидномъ положеніи русскаго народа [о необходимости реформъ] и пр. На этихъ вечерахъ молодые люди позволяли себѣ иногда нескромныя и легкомысленныя выходки противъ правительства. Припоминая случаи русской исторіи, что императоры не разъ умирали насильственною смертію (Петръ III, Павелъ), называли такіе примѣры радикальными средствами преобразованія Россіи, если только умѣть ими воспользоваться. Такія нескромныя рѣчи сочтены за цареубійство, и не только тѣ, которые говорили ихъ, но и многіе слушатели томятся по сіе время въ ссылкѣ, въ Сибири, за проступокъ, который во всякой благоустроенной и образованной странѣ навлекъ бы арестъ виновному на нѣсколько дней по приговору суда исправительной полиціи.

Къ чести русскаго тайнаго общества, въ продолженіе восьмилѣтняго его существованія не нашлось въ немъ ни одного измѣнника или предателя. Подозрительному правительству удалось, однако, ввести въ него своихъ лазутчиковъ, которые вкрались въ довѣренность двухъ неосторожныхъ членовъ и узнали отъ нихъ тайну союза. То были агенты графа Витта: статскій совѣтникъ *Бошнякъ*, который пользовался доброй славой, юнкеръ Бугскаго уланскаго полка англичанинъ *Шервудъ* и казначей Вятскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ Пестель, поручикъ *Майборода* [1]. Эти три человѣка

[1] Это не точно: агентомъ гр. Витта былъ одинъ Бошнякъ. Юнкеръ Шервудъ, къ фамиліи котораго, по повелѣнію императора Николая, была дана прибавка „Вѣрный", дѣйствовалъ по собственной инициативѣ (см. „Исповѣдь Шервуда-Вѣр-

сдѣлали доносъ Александру съ неимовѣрными преувеличеніями и представили его передъ самой кончиной императора.

[Императоръ умираетъ 19-го ноября 1825 г. въ Таганрогѣ]. Вѣсть объ его смерти приходитъ въ С.-Петербургъ, и Сенатъ, основываясь на постановленіи объ Императорской фамиліи Императора Павла I, признаетъ законнымъ наслѣдникомъ престола Великаго Князя Константина Павловича, провозглашаетъ его Императоромъ и повелѣваетъ указомъ всей Россіи присягнуть ему.

Немногіе довѣренные императора Александра знали, что въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ хранились запечатанныя бумаги, которыми Александръ измѣнялъ законъ о престолонаслѣдіи въ пользу второго брата своего, Великаго Князя Николая Павловича. Въ числѣ этихъ бумагъ, составленныхъ съ согласія Императрицы Маріи Федоровны были: 1) собственноручное отреченіе отъ престола законнаго наслѣдника, Великаго князя Константина, который, признавая себя неспособнымъ царствовать, просилъ Императора принять это отреченіе въ пользу ихъ меньшаго брата Николая; 2) отвѣтъ на это Александра, съ изъявленіемъ согласія и 3) актъ его же съ утвержденіемъ, въ случаѣ его смерти, законнымъ наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича.

Хотя Великій Князь Николай зналъ о существованіи этихъ актовъ, но немедленно далъ присягу въ вѣрности Императору Константину. Болѣе полумѣсяца продолжались сношенія

наго", „Ист. Вѣстн." 1896 г., I и „Шервудъ-Вѣрный" „Ист. Вѣстн." 1896, V). Что касается Майбороды, то онъ сдѣлался доносчикомъ еще по болѣе худшимъ (если только здѣсь возможны градаціи) побужденьямъ, чѣмъ даже Шервудъ. „Что мнѣ сказать о Майбородѣ, — пишетъ въ своихъ „Запискахъ" декабристъ князь С. Г. Волконскій. Это личность такая подлая, что просто нечего о немъ выразить, какъ только не въ пользу его". Разсказавши, какъ, служа въ томъ самомъ Вятскомъ полку, которымъ командовалъ Пестель, Майборода притворялся сочувствующимъ освободительному движенію и тѣмъ пріобрѣлъ довѣріе своего полкового командира, а затѣмъ попался въ уголовномъ преступленіи, Волконскій пишетъ: „поставленный такимъ образомъ по этому дѣлу въ безвыходное положеніе, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность, онъ (Майборода), какъ подлая душа, для собственнаго своего спасенія рѣшился погубить другихъ—высказываніемъ существованія тайнаго общества, лицъ составлявшихъ оное, и цѣлей общества, о чемъ онъ, по первоначальному довѣрію Пестеля къ нему, имѣлъ полныя данныя" („Записки С. Г. Волконскаго", стр. 428—429). *В. Б.*

между Варшавой, гдѣ находился Константинъ Павловичъ, и Петербургомъ, пока пришло сюда вторичное его формальное отреченіе отъ трона и донесеніе его, что онъ самъ и подчиненное ему войско присягнули Императору Николаю [1]. Этимъ-то временемъ, когда Россія не знала, кто будетъ ея императоромъ, хотѣли воспользоваться петербургскіе члены тайнаго общества, подъ предсѣдательствомъ пылкаго, восторженнаго поэта и патріота Рылѣева [2] и полковника С. П. Трубецкаго, человѣка добродѣтельнаго, умнаго, образованнаго, всѣми любимаго; но мягкосердечіе и легкомысленный характеръ дѣлали его неспособнымъ къ принятію на себя диктаторской власти ему предложенной, которой онъ не съумѣлъ отъ себя отклонить. Тайное общество было увѣ-

---

[1] Мнѣ разсказывалъ покойный М. С. Лунинъ, бывшій очевидцемъ, слѣдующее обстоятельство: Въ Варшавѣ, когда Великій Князь Константинъ получилъ извѣстіе о смерти императора Александра, онъ, вѣрный своему отреченію, намѣревался на другой день собрать полки Литовскаго корпуса, гвардейскіе и армейскіе, бывшіе тогда въ Варшавѣ, чтобы привести ихъ къ присягѣ императору Николаю. Начальники этихъ войскъ, любимцы великаго князя Константина, никакъ не хотѣли допустить того, желая видѣть его самого Императоромъ, чтобы пользоваться его милостями и благоволеніемъ. Наканунѣ принесенія присяги всѣ эти господа собрались у больного генерала Альбрехта и приняли единогласно рѣшительное намѣреніе заставить всѣ полки, вмѣсто Николая, присягнуть Константину и насильно возвести его на тронъ. На это далъ согласіе и дѣйствительный тайный совѣтникъ Новосильцевъ, который тогда завѣдывалъ высшей администраціей Царства. Но бывшій въ собраніи русскихъ генераловъ графъ Красинскій тайно предупредилъ Цесаревича объ этомъ намѣреніи и помѣшалъ приведенію его въ исполненіе: самъ Вел. Князь на другой день лично приводилъ къ присягѣ Николаю I всѣ полки. А безъ этого планъ генераловъ непремѣнно бы состоялся. М. С. Лунинъ самъ присутствовалъ при этомъ совѣщаніи.

Авторъ.

[2] Поэтическая душа Рылѣева имѣла предчувствіе того; что его ожидало: это предчувствіе выразилъ поэтъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Извѣстно мнѣ, погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На угнетателей народа.
Судьба меня ужъ обрекла;
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю
И радостно (отецъ святой)
Свой жребій я благословляю.

(Отрывокъ изъ поэмы „Наливайко“, напечатанной въ 1825 году).

Авторъ.

рено, что гвардейскіе полки, имѣя столько причинъ не любить великаго князя Николая за жестокое обращеніе съ офицерами и солдатами, за безпрерывныя мелочныя придирки по службѣ, будутъ дѣйствовать за одно съ тайнымъ обществомъ и тѣмъ болѣе, что во всей гвардіи были единомысленные его члены. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы гвардія воспротивилась воцаренію великаго князя Николая; тогда власть оставалась бы въ рукахъ тайнаго общества, и оно заставило бы Сенатъ, вмѣстѣ съ Синодомъ, назначить временное правительство, для составленія котораго имѣло въ виду двухъ, всѣми уважаемыхъ сановниковъ, извѣстныхъ своимъ свободомысліемъ и патріотизмомъ: адмирала Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанскаго. Обоимъ имъ извѣстно было существованіе тайнаго общества и сокровенная его цѣль; они знали лично нѣкоторыхъ членовъ и удостаивали ихъ своего благорасположенія. Первымъ дѣйствіемъ временнаго правительства было-бы созваніе представителей Россіи отъ всѣхъ свободныхъ сословій, которые бы и опредѣлили будущную судьбу ея и образъ правленія.

13-го декабря казалось, все было приготовлено къ рѣшительному дѣйствію: общество разсчитывало на гвардейскіе полки, въ которыхъ было много членовъ, ручавшихся за успѣхъ, — какъ одинъ членъ Союза, адъютантъ начальника гвардейской пѣхоты генерала Бистрома, поручикъ Ростовцевъ, не изъ корыстныхъ видовъ, а испуганный мыслью о междоусобномъ кровопролитіи, идетъ въ дворецъ и открываетъ великому князю Николаю намѣренія и надежды тайнаго общества воспрепятствовать его восшествію на престолъ. Великій князь въ ту же ночь сзываетъ во дворецъ начальниковъ гвардейскихъ полковъ (въ числѣ ихъ былъ одинъ членъ тайнаго общества, генералъ Шиповъ) и льстивыми убѣжденіями, обѣщаніями наградъ и т. п. преклоняетъ ихъ на свою сторону. Гвардейскіе генералы спѣшатъ въ свои полки и еще до разсвѣта успѣваютъ привести ихъ къ присягѣ императору Николаю 1-му, зная, что они этимъ свяжутъ совѣсть своихъ солдатъ. Этой счастливой продѣлкой Николай Павловичъ удачно избѣгаетъ опасности ему угрожавшей.

Тайное общество могло тогда только считать на части лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ и на баталіонъ гвардейскаго Морского экипажа, которые твердо рѣшились стоять за права в. князя Константина, полагая, что жизнь его въ опасности. Декабря 14-го, на разсвѣтѣ этотъ малочисленный отрядъ, надъ которымъ приняли начальство военные члены тайнаго общества, собирается на Сенатскую площадь, въ увѣренности, что гвардія его поддержитъ.

Но гвардейскіе полки, такъ недавно связанные присягой, данной Николаю 1-му, хотя не съ большимъ усердіемъ, а по приказанію начальниковъ, идутъ противъ отряда, собравшагося на Сенатской площади, къ которому присоединилась большая толпа народа. Императоръ посылаетъ уговорить солдатъ положить оружіе. Неустрашимый военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ съ тѣмъ же намѣреніемъ скачетъ къ отряду, но въ ту же минуту падаетъ смертельно раненный пулею. Трепеща отъ страха, петербургскій митрополитъ Серафимъ, въ угожденіе царю, окруженный своею свитою, подходитъ къ отряду, начинаетъ увѣщевать солдатъ, но напрасно теряетъ слова. Конная гвардія идетъ въ атаку на инсургентовъ, но они опрокидываютъ ее батальнымъ огнемъ.

Наконецъ, подвозятъ 6 батарейныхъ орудій (ultima ratio), и нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ на близкомъ разстояніи разстраиваютъ ряды инсургентовъ и заставляютъ ихъ разсѣяться. Если бы отрядъ, вышедшій на Сенатскую площадь, имѣлъ предпріимчиваго, отважнаго начальника и вмѣсто того, чтобы оставаться въ бездѣйствіи на Сенатской площади, онъ смѣло повелъ-бы его до прибытія гвардейскихъ полковъ къ дворцу, то могъ-бы легко захватить въ плѣнъ всю императорскую фамилію. А имѣя въ своихъ рукахъ такихъ заложниковъ, окончательная побѣда могла бы остаться на сторонѣ тайнаго общества. Во время этихъ происшествій въ Петербургѣ, и на югѣ было подобное возстаніе, [но совсѣмъ—внезапно]. По доносу лазутчиковъ Александръ I въ Таганрогѣ, предъ его кончиной, узналъ о дѣйствіяхъ тайнаго союза. Находившіеся при его особѣ начальникъ главнаго

штаба генералъ Дибичъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ, по повелѣнію-ли императора, или сами собой, распорядились объ арестованіи въ Тульчинѣ и въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ въ Кіевской губерніи всѣхъ членовъ тайнаго союза, поименованныхъ въ доносѣ лазутчиковъ. Чернышевъ самъ пріѣхалъ въ Тульчинъ (главную квартиру 2-й арміи) и потребовалъ немедленно ареста полковника Пестеля и его единомышленниковъ. Главнокомандующій второй арміей графъ Витгенштейнъ долго не соглашался, но, наконецъ, уступилъ настоятельнымъ убѣжденіямъ Чернышева. Пестеля и многихъ другихъ арестованныхъ отправляли съ жандармами въ С.-Петербургъ. Такія же мѣры приняты и начальникомъ 3-го корпуса по настоянію Чернышева. [Въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ также многихъ арестовали].

Арестовали Черниговскаго полка подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который съ поручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ были главными дѣйствователями въ управѣ 3-го пѣхотнаго корпуса и присоединеннаго къ ней Общества Соединенныхъ Славянъ. [Муравьевъ и Бестужевъ пользовались неограниченною довѣренностью всѣхъ членовъ, и на югѣ были душею тайнаго союза].

Возвышенный и чистый характеръ Сергѣя Муравьева Апостола, свѣтлый и образованный умъ, глубокая религіозность, нѣжное расположеніе къ людямъ,—всѣ эти прекрасныя свойства пріобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его. Черниговскіе однополчане, офицеры и солдаты, были ему безпредѣльно преданы. Узнавъ объ его арестованіи, всѣ шесть ротъ [этого] полка, собранные въ Васильковѣ, поднялись, освободили его [изъ подъ ареста], при чемъ былъ раненъ [противившійся тому] начальникъ полка [Гебель]. Офицеры и солдаты поклялись Муравьеву слѣдовать за нимъ, куда-бы онъ ихъ ни повелъ и повиноваться ему безусловно.

Сергѣй Муравьевъ принялъ начальство надъ 6-ю ротами, бывшими въ сборѣ въ Васильковѣ и повелъ ихъ къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться тамъ съ другими полками 3-го корпуса, въ которомъ начальники и многіе офицеры были члены тайнаго общества, [и хотѣлъ атако-

13*

вать ихъ]. Онъ надѣялся увлечь ихъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ сообразно съ духомъ и сокровенною цѣлью тайнаго союза.

[Начальникъ 3-го корпуса] генералъ *Роттъ*, извѣщенный о происшедшемъ въ Васильковѣ и о движеніи Муравьева къ Бѣлой Церкви, послалъ противъ него [отрядъ гусаръ Ахтырскаго полка съ артиллеріею, подъ начальствомъ] генерала Гейснера, который скоро настигъ Черниговскія роты [въ которыхъ были единомышленные полковые начальники и офицеры]. Муравьевъ, [при появленіи гусаръ], построилъ свой небольшой отрядъ въ колонну и приказалъ [солдатамъ] безъ выстрѣла броситься на пушки. Овладѣвъ ими онъ надѣялся не только устоять противъ гусаръ, но и ихъ присоединить къ себѣ, потому-что въ конномъ отрядѣ были члены тайнаго общества. Черниговцы бросились смѣло на пушки за неустрашимымъ начальникомъ, но первый картечный выстрѣлъ [съ батарей] сразилъ Муравьева: онъ, раненный въ голову, упалъ безъ чувствъ и, чрезъ часъ, когда пришелъ въ себя, увидѣлъ отрядъ свой разсѣявшимся и солдатъ забранными въ плѣнъ.

Съ Сергѣемъ Муравьевымъ захвачены родные его братья, Матвѣй [тоже подполковникъ] и меньшой, Ипполитъ, который, предвидя участь, его ожидающую, застрѣлился [на мѣстѣ]. Съ ними взято нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка; изъ нихъ поручикъ Кузьминъ тоже застрѣлился, будучи посаженъ подъ арестъ съ Муравьевымъ. Всѣ члены тайнаго союза и Общества Соединенныхъ Славянъ въ 3-мъ корпусѣ были арестованы и съ [фельдъегерями съ] жандармами отправлены въ Петербургъ.

Событія декабря 1825 года, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго императора, обнаружили существованіе и дѣйствія тайнаго политическаго союза, учрежденнаго съ цѣлію ограничить самодержавіе законно-свободными установленіями. Когда въ Петербургѣ возстаніе было подавлено, правительство учредило тайную слѣдственную коммиссію надъ членами политическихъ обществъ въ Россіи, изъ которыхъ тайный союзъ, подъ разными наименованіями, существовалъ почти десять лѣтъ.

Слѣдственная коммиссія приступила къ розысканіямъ. Множество лицъ было захвачено въ Петербургѣ по подозрѣнію въ участіи въ тайныхъ обществахъ; другихъ свозили въ крѣпость Петропавловскую со всѣхъ концовъ Россіи. Сначала нѣкоторыхъ допрашивалъ во дворцѣ самъ императоръ; къ нему приводили обвиняемыхъ съ связанными руками назадъ веревками, какъ въ полицейскую управу, а не въ царскіе чертоги. Государь Россіи, забывая свое достоинство, позволялъ себѣ ругаться надъ людьми беззащитными, которые были въ полной его власти, и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная коммиссія, составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ же инквизиціонномъ духѣ.

Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной коммиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по корридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены коммиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто-бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали [даже] въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію ли происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать, въ

состояніи-ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія.

Послѣ того, могли-ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора и во вредъ самому себѣ и [другимъ] товарищамъ. Всѣ такія порожденія разстроенной фантазіи нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія въ донесеніи тайной слѣдственной коммиссіи. Редакторъ этого акта воспользовался ими довольно ловко и успѣлъ придать видъ внутренней связи [вѣроятности] этому сплетенію искаженной истины съ небылицами и ложью, не только для обвиненія подсудимыхъ, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характеръ тайнаго союза и самую чистоту его намѣреній.

Изъ членовъ тайной слѣдственной коммиссіи всѣхъ пристрастнѣе и недобросовѣстнѣе поступалъ бывшій послѣ военнымъ министромъ князь Чернышевъ: допрашивая подсудимыхъ, онъ приходилъ въ яростное изступленіе, осыпалъ ихъ самыми пошлыми ругательствами, — словомъ, дѣйствовалъ, какъ извѣстный англійскій судья Жефрисъ въ политическихъ процессахъ при Карлѣ II, [и Яковѣ II] котораго такъ драматически представилъ Вальтеръ-Скоттъ въ одномъ изъ своихъ романовъ. Пристойнѣе всѣхъ велъ себя князь Алек. Ник. Голицынъ и генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, у которыхъ [часто] вырывалось сердечное сочувствіе и состраданіе къ узникамъ.

Въ послѣднія недѣли засѣданій слѣдственной коммиссіи набралось такъ много подозрѣваемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ лицъ, что само правительство приказало коммиссіи ограничиться въ своихъ розыскахъ только тѣми, которыхъ она признавала болѣе виновными, а прочихъ освободить отъ слѣдствія. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ по подозрѣнію было до двухъ тысячъ человѣкъ.

Докладъ тайной слѣдственной коммиссіи былъ единственнымъ обвинительнымъ актомъ, по которому судились всѣ, замѣшанные въ дѣлѣ тайныхъ обществъ. Въ этомъ докладѣ дѣйствія многихъ членовъ представлены намѣренно превратно, часто насмѣшливымъ тономъ, какъ ребяческія шалости. Главное обвиненіе противъ большаго числа членовъ союза (состояло) въ приписываніи имъ цареубійственныхъ замысловъ противъ особы Императора Александра I-го, несмотря на то, что онъ нѣсколько лѣтъ позже спокойно умеръ отъ болѣзни въ Таганрогѣ.

Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ-нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ преступленіемъ, какъ-бы уже сдѣланнымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ вырвавшееся, въ горячемъ разговорѣ нескромное слово, мысль завтра отвергнутую [и позабытую сказавшимъ ее], называли цареубійственнымъ замысломъ. [Тогда какъ и по нашимъ законамъ, всякое преступное намѣреніе, если замышлявшій его одумался и добровольно отказался привести его въ исполненіе, не подвергается осужденію], а здѣсь необдуманнымъ разговорамъ, въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія.

Въ донесеніи слѣдственной коммиссіи не выставлено ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить симпатичное участіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ, въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи, страдавшей подъ вѣковымъ гнетомъ самовластія! Сколько вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ и въ администраціи! Сколько уроковъ самому правительству для уврачеванія тяжкихъ язвъ, съѣдающихъ Россію! Уничтоженіемъ крѣпостнаго рабства цѣлой трети ея народонаселенія, винныхъ откуповъ, посредствомъ которыхъ главный государственный доходъ основанъ на развращеніи и раззореніи народа по несчастной страсти его къ крѣпкимъ напиткамъ, поощренной съ

вѣдома [съ согласія] правительства винными откупами, до невѣроятности размножающими средства удовлетворять эту страсть, всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны подсудимыми и, однако, обо всемъ этомъ умолчено въ донесеніи слѣдственной коммиссіи Государю. Во всемъ этомъ политическомъ процессѣ Правительство дѣйствовало съ неслыханнымъ пристрастіемъ и какъ истецъ или тяжущаяся сторона, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раздраженный, неумолимый судья. Какого же правосудія можно было ожидать, когда умышленно нарушались и тѣ немногіе судебные обряды и формы, которые служатъ для подсудимыхъ огражденіемъ отъ произвола и пристрастія предубѣжденныхъ судей.

Верховный уголовный судъ, основываясь на одномъ докладѣ слѣдственной коммиссіи, даже не хотѣлъ призвать передъ себя подсудимыхъ и отобрать отъ нихъ подтвердительныя [и дополнительныя] показанія, которыя и русскіе законы имъ предоставляютъ. Подсудимые видѣли своихъ судей одинъ только разъ, въ день произнесенія имъ приговора. Въ угожденіе раздраженной власти, верховный уголовный судъ приговорилъ на смертную казнь пятерыхъ — четвертованіемъ, 27 — отсѣченіемъ головы, 97 — къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу вѣчно и на сроки, въ Сибирь на поселеніе и въ солдаты безъ выслуги и съ выслугой. Императоръ смягчилъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда и удовольствовался только пятью обреченными на смерть, которые и были повѣшены въ крѣпостномъ кронверкѣ, — прочимъ переломили надъ головами шпаги и сослали по назначенію въ Сибирь.

Одинъ политическій писатель видитъ въ самомъ бытіи въ Россіи тайнаго политическаго общества несомнѣнный признакъ, что и русскіе не вовсе чужды стремленіямъ къ свободнымъ политическимъ институціямъ. Онъ говоритъ о жертвахъ, принесенныхъ самодержавію: „Сколько ни старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе то, — что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты, или

собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастія и скорби столькихъ семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ, а также жестокости и неправосудіе русскаго Правительства, принесшаго ихъ въ жертву своему деспотизму за то, что они стремились обуздать его".

Гг. Энно и Геншо оканчиваютъ свою исторію повѣствованіемъ о восшествіи на тронъ Николая I, къ которому обращаются съ патетическимъ воззваніемъ, убѣждая его уничтожить въ Россіи крѣпостное состояніе,—что этимъ великимъ дѣйствіемъ онъ пріобрѣтетъ неувядаемую славу и будетъ истинно великимъ, какъ благодѣтель своего народа.

Прочитавъ книгу, я вздумалъ сдѣлать на нее нѣсколько замѣчаній, но увлекся собственными воспоминаніями большей половины жизни моей и набросалъ очеркъ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ нашей исторіи, — царствованіе императора Александра [Перваго] и годовъ, которые предшествовали ему. Большей части событій я былъ очевидцемъ, даже принималъ въ нихъ участіе, или собиралъ свѣдѣнія отъ людей, которымъ событія хорошо были извѣстны и внушающимъ къ себѣ полную довѣренность. Мало имѣя книгъ, съ которыми бы могъ справляться, я написалъ эту статью по памяти. Много обдумывалъ я событія, которыя здѣсь представилъ, и въ Сибири имѣлъ на это довольно времени; собственныя впечатлѣнія живо сохранились въ моей памяти, и я разсказалъ ихъ, какъ умѣлъ безъ всякаго притязанія на авторство.

Можетъ быть, когда трупъ мой истлѣетъ въ землѣ, и когда въ Россіи можно будетъ говорить и писать свободно, моя рукопись попадется какому-нибудь изслѣдователю [исторіи] нашей эпохи и онъ, повѣривъ мои показанія другими историческими источниками, найдетъ, что я вѣрно и безпристрастно

представилъ то, что случилось въ мое время и въ чемъ мнѣ самому привелось участвовать. Не придавая моему труду исторической важности, полагаю, что, можетъ быть, въ будущемъ онъ получитъ нѣкоторую цѣну, не по внутреннему достоинству, а потому, что у насъ, не такъ какъ во Франціи, очень мало людей, которые бы вели записки тому, что происходитъ вокругъ нихъ. А по недостатку этого рода сочиненій и моя рукопись кому-нибудь пригодится.

Князь
Евгеній Петровичъ Оболенскій.

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.

„Молодой человѣкъ, благородный, умный, образованный, пылкій: увлеченъ былъ въ заговоръ Рылѣевымъ“.

Такъ характеризуетъ князя Е. П. Оболенскаго въ своей книгѣ „Записки о моей жизни“ извѣстный Н. И. Гречъ. Въ этой характеристикѣ все, касающееся умственныхъ и нравственныхъ качествъ Оболенскаго, совершенно справедливо; въ сообщаемомъ же Гречемъ свѣдѣніи объ Оболенскомъ фактическаго характера („увлеченъ былъ въ заговоръ Рылѣевымъ“) нѣтъ, по гречевскому обыкновенію, и слѣда правды, ибо, какъ это будетъ видно ниже, Оболенскій вступилъ въ тайное общество на пять лѣтъ раньше Рылѣева.

То же самое можно сказать и объ относящихся къ Оболенскому строкахъ въ автобіографическихъ запискахъ А. Д. Боровкова.

Характеризуя разныхъ членовъ тайныхъ обществъ, Боровковъ, между прочимъ, говоритъ:

„*Поручикъ князь Оболенскій*. Дѣловитый, основательный умъ, твердый, рѣшительный характеръ, неутомимая дѣятельность въ достиженіи предположенной цѣли — вотъ свойства Оболенскаго. Онъ былъ въ числѣ учредителей Сѣвернаго Общества и ревностнымъ членомъ Думы. Сочиненіе его въ духѣ Общества, объ обязанностяхъ гражданина, служило оселкомъ для испытанія къ принятію въ члены, смотря по впечатлѣнію, какое производило оно на слушателя. Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣева, виновникомъ мятежа въ Пе-

тербургѣ. За неприбытіемъ Трубецкаго на мѣсто возстанія, собравшіеся злоумышленники единогласно поставили его своимъ начальникомъ. Такъ свершить государственный переворотъ доставалось въ удѣлъ поручику. Когда военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ приблизился къ возмутившимся и началъ ихъ увѣщевать, Оболенскій, опасаясь вліянія знаменитаго, храбраго полководца, ранилъ его штыкомъ въ правый бокъ; онъ также ударилъ саблею полковника Стюрлера. Такія злодѣянія не были, однако, плодомъ отчаяннаго неистовства; рукою его водилъ холодный расчетъ устранить препятствія въ успѣхѣ предпріятія" [1].

Фактическая сторона и этихъ свѣдѣній объ Оболенскомъ не отличается точностью: штыкомъ Оболенскій кололъ, повидимому, только лошадь Милорадовича, дабы заставить всадника удалиться, а въ нанесеніи удара Стюрлеру совсѣмъ не былъ повиненъ. Стюрлеръ палъ 14 декабря отъ пули П. А. Каховскаго.

Не взирая на ту несомнѣнно важную роль, которую игралъ Оболенскій въ общественно-политическомъ движеніи второго десятилѣтія XIX вѣка и самомъ событіи 14 декабря 1825 года, біографическихъ свѣдѣній объ этомъ дѣятелѣ сохранилось, къ сожалѣнію, очень не много. Даже въ написанныхъ самимъ Оболенскимъ, прилагаемыхъ здѣсь же, „Воспоминаніяхъ", какъ увидитъ читатель, содержится объ этомъ предметѣ очень мало указаній.

По происхожденію Евгеній Петровичъ принадлежалъ къ древнему аристократическому роду. У него было нѣсколько братьевъ, изъ которыхъ одинъ (Константинъ Петровичъ) также нѣсколько пострадалъ за прикосновенность къ заговору: онъ былъ „выписанъ" изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ 45-й егерскій полкъ [2]. Образованіе Евгеній Петровичъ получилъ чисто свѣтское, владѣлъ прекрасно французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и началъ свое жизненное поприще службою въ гвардіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ къ командующему всею пѣхотою

[1] „Русская Старина", 1898 г., XI, 338—339.
[2] „Русскій Инвалидъ", 1826 г., № 175 (22 іюля).

гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Бистрому. Все сулило молодому князю блестящую карьеру. Но не вѣтренная и разсѣянная жизнь гвардейскаго офицера привлекала вниманіе Оболенскаго. Въ немъ очень рано пробудились самые серьезные запросы теоретическаго характера и вдумчивое отношеніе къ царившей въ Россіи неприглядной дѣйствительности. Молодой офицеръ горячо интересуется вопросами философскими, религіозными, этическими, общественными и стремится приложить выработанныя убѣжденія къ практической жизни. Въ 1816 году возникаетъ среди гвардейскихъ офицеровъ извѣстный „Союзъ Благоденствія", и не болѣе чѣмъ черезъ годъ, въ числѣ его членовъ находится и князь Оболенскій. Вотъ строки, которыми характеризуетъ „Союзъ" самъ Оболенскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ", написанныхъ имъ въ 1856 году въ г. Ялуторовскѣ Тобольской губерніи и появившихся въ печати въ 1861 году:

„Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ, обоюдная помощь для достиженія цѣли, умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ и личнымъ своимъ образованіемъ, и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль, — политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа" [1].

Такимъ образомъ „Союзъ", по словамъ Оболенскаго, представлялъ Общество, носившее почти исключительно этико-культурный характеръ. Это, однако, не совсѣмъ точно. Уже самъ Оболенскій говоритъ, что окончательной цѣлью

[1] „Воспоминанія", 4.

Союза, хотя цѣлью, мелькавшею „въ дали туманной, недосягаемой", — являлось „политическое преобразованіе отечества". Далекая цѣль выдвигала неизбѣжно и цѣли болѣе близкія, служившія для нея этапами. Александръ Муравьевъ прямо перечисляетъ тѣ пункты, воплощеніе которыхъ въ жизнь входило въ программу Союза. Такихъ пунктовъ онъ насчитывалъ десять, а именно: 1) уничтоженіе крѣпостного права; 2) равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ; 3) публичность государственныхъ дѣлъ; 4) гласность судопроизводства; 5) уничтоженіе винной монополіи; 6) уничтоженіе военныхъ поселеній; 7) улучшеніе судьбы защитниковъ отечества („Amelioration du sort des defenseurs de la patrie"); 8) сокращеніе срока военной службы; 9) улучшеніе положенія духовенства; 10) сокращеніе цифры арміи для мирнаго времени [1].

Какъ этическая, такъ и политическая стороны программы Союза были живо восприняты Оболенскимъ, и онъ явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ тайной организаціи. Не довольствуясь пропагандой идей Союза и пріемомъ въ него новыхъ членовъ, Евгеній Петровичъ стремился завести и отдѣльные отъ него кружки или такъ называемыя „Вольныя Общества". Такъ, вмѣстѣ съ коллежскимъ ассессоромъ Токаревымъ онъ организовалъ Вольное Общество въ л.-гв. Измайловскомъ полку [2]. (Другое такое же Общество было организовано офицеромъ л.-гв. Измайловскаго полка Семеновымъ).

Сторонники необходимости политическаго преобразованія Россіи находились, какъ извѣстно, главнымъ образомъ съ одной стороны, въ гвардіи (въ Петербургѣ), съ другой — во второй арміи (на югѣ Россіи). Между тѣми и другими не было полной солидарности во взглядахъ. Южане отличались отъ сѣверянъ, какъ гораздо большею демократичностью своей программы (тамъ возобладали республиканскія идеи, а глава южанъ, полковникъ П. И. Пестель, шелъ еще дальше и тщательно обсуждалъ съ другими заговорщиками

---

[1] „Memoires *d'Alexandre Mouravieff*", сборникъ *Шимана* „Die Thronbesteigung Nicolas I", 165.

[2] „Донесеніе слѣдственной комиссіи", приложенное къ „Русскому Инвалиду", 1826 г. 12 іюня, № 138.

соціально-экономическіе моменты предстоящаго переворота), такъ и несравненно большею энергіею въ стремленіи къ достиженію предположенныхъ цѣлей путемъ революціи. Принципіальныя разногласія, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, повлекли за собою созывъ въ 1821 году въ Москвѣ съѣзда делегатовъ отъ сѣверянъ и южанъ, на которомъ послѣ продолжительныхъ преній было постановлено закрыть Тайное Общество. Это было сдѣлано, однако, только для видимости, дабы отдѣлаться такимъ путемъ отъ нѣкоторыхъ ненадежныхъ членовъ, а на дѣлѣ организація продолжала существовать. Только вмѣсто единаго въ организаціонномъ отношеніи Общества (по крайней мѣрѣ, единаго de jure), ихъ возникло съ этого времени два, — Сѣверное и Южное, — и онѣ начали дѣйствовать независимо одно отъ другого. Кромѣ того, со времени московскаго съѣзда, вопросы о непосредственной политической дѣятельности, вопросы революціоннаго переворота выступили и въ Сѣверномъ Обществѣ на первый планъ, оттѣснивши, такъ сказать, собою прежнія задачи болѣе мирнаго свойства. Независимость двухъ Обществъ не исключала, конечно, многихъ тѣсныхъ отношеній между сѣверянами и южанами и оказыванія ими другъ другу важныхъ услугъ.

Въ числѣ первыхъ же членовъ Сѣвернаго Общества явился князь Оболенскій. Оно образовалось окончательно въ исходѣ 1822 года и приняло, по словамъ „Донесенія слѣдственной комиссіи", такую организацію:

„Его раздѣляли на „Убѣжденныхъ" и „Соединенныхъ" или „Согласныхъ". Союзъ Убѣжденныхъ, или Верхній кругъ, составлялся изъ основателей; принимали въ оный и другихъ изъ Союза Соединенныхъ, но не иначе, какъ по согласію всѣхъ, находившихся въ Петербургѣ, „Убѣжденныхъ". Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того, Верхній кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ Думы или Совѣта, управляющаго Обществомъ, дозволялъ принятіе нововступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ Думы. Ненаходящійся въономъ членъ могъ принять не болѣе двухъ и согласіе на то испрашивалъ чрезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей по-

слѣдній также, если не былъ въ числѣ Убѣжденныхъ; сіе согласіе черезъ такую же цѣпь доходило отъ Думы до принимающаго новыхъ членовъ. Сихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль Тайнаго Общества, но о средствахъ для достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣнія одинъ Верхній Кругъ.

„Возобнововъ Тайное Общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ заграницы, и князя Евгенія Оболенскаго. Черезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ съ надеждою, что, будучи въ штабѣ 4-го корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ вліяніе на войска онаго... На мѣсто князя Трубецкаго, сдѣланъ членомъ Директоріи, или Думы, Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи Директоры или Правители, были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ“ [1].

Такимъ образомъ уже съ 1823 года поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка князь Е. П. Оболенскій стоялъ вмѣстѣ съ капитаномъ генеральнаго штаба Н. М. Муравьевымъ, полковникомъ л.-гв. Преображенскаго полка княземъ С. П. Трубецкимъ и извѣстнымъ поэтомъ К. Ѳ. Рылѣевымъ во главѣ всего Сѣвернаго Общества [2].

Дѣла въ Петербургѣ шли, однако, по прежнему съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ на югѣ. Тамъ организовано было уже такое количество силъ непосредственнымъ пріемомъ въ Общество новыхъ членовъ, ихъ вліяніемъ на расположеніе умовъ во всей второй арміи, сліяніемъ съ самопроизвольно возникшимъ на югѣ тайнымъ „Обществомъ Соединенныхъ Славянъ“ и договоромъ съ Тайными Обществами въ Польшѣ,

---

[1] Ibid.

[2] Что касается Рылѣева, то онъ вступилъ лишь въ Сѣверное Общество и никогда не былъ членомъ Союза Благоденствія. Отсюда видна несостоятельность сообщаемыхъ Гречемъ свѣдѣній объ Оболенскомъ, будто бы онъ былъ принятъ въ Общество Рылѣевымъ.

что стоявшіе во главѣ заговора полковникъ П. И. Пестель, генералъ-интендантъ А. П. Юшневскій и подполковникъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ считали возможнымъ приступить къ возстанію въ самомъ близкомъ будущемъ. Содѣйствіе Сѣверянъ въ смыслѣ одновременности начала дѣйствій было, конечно, необходимымъ, и Пестель дѣлалъ нѣсколько попытокъ снова слить оба Общества въ одно единое цѣлое. Съ этою цѣлью онъ посылалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ сѣверянами безусловно преданныхъ ему людей, — сначала поручика князя А. П. Барятинскаго, потомъ генералъ-маіора князя С. Г. Волконскаго и, наконецъ, въ 1825 году ѣздилъ туда же самъ. Принципіальное различіе во взглядахъ и недовѣріе, которое питали къ Пестелю нѣкоторые сѣверяне, видѣвшіе въ немъ, по словамъ „Донесенія", „не Вашингтона, а Бонапарте", мало подвинули впередъ это предпріятіе. Вышецитированное „Донесеніе" изображаетъ эти событія такъ:

„Въ 1823 году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ членовъ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества, готовы-ли въ Петербургѣ къ возмущенію и прибавлялъ: les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette (полумѣры ничего не стоятъ; здѣсь мы имѣемъ въ виду дѣйствовать во всю). „Какъ,—вскричалъ Никита Муравьевъ, они тамъ Богъ вѣсть что затѣяли: *хотятъ всѣхъ*". Князь Барятинскій требовалъ рѣшительнаго отвѣта. Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе „commencer par la propagande", но имъ (Никитою Муравьевымъ), какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ были недовольны, хуля его за медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали скорыхъ мѣръ, не ужасаясь злодѣйства, Поджіо именуетъ Митькова[1], который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: „я съ вашимъ мнѣніемъ о погубленіи всей Императорской Фамиліи согласенъ совершенно до корня", князя Валеріана Голицына[2], повторив-

[1] Полковникъ л.-гв. Финляндскаго полка.

[2] Камеръ-юнкеръ.

шаго слова Митькова, Рылѣева, „исполненнаго отваги", какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать на умы сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и „*Катехизиса свободнаго человѣка*", и, наконецъ, Матвѣя Муравьева-Апостола"[1]. Дѣло соединенія Обществъ не кончилось ничѣмъ.

Въ 1825 году съ этою же цѣлью, какъ сказано, пріѣзжалъ въ Петербургъ самъ Пестель и собралъ на совѣщаніе главнѣйшихъ членовъ Сѣвернаго Общества. На этомъ собраніи, по словамъ Никиты Муравьева, онъ, „при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, *Николаѣ Тургеневѣ*[2], Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ жаловался на дѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства, точныхъ правилъ, на различіе устройствъ на сѣверѣ и югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были „Бояре", въ Сѣверномъ ихъ не было. Онъ предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать „Боярами" главныхъ изъ петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ. Предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. „Мнѣ это весьма не понравилось,—говоритъ Муравьевъ,—и когда вскорѣ затѣмъ Пестель пришелъ ко мнѣ, то у насъ началось преніе. Пестель говорилъ, что надо прежде всего истребить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, заставить Сенатъ и Синодъ объявить наше Тайное Общество Временнымъ Правительствомъ съ неограниченною властью, принять присягу всей Россіи, раздать министерства, арміи, корпуса и прочія мѣста членамъ Общества, мало-помалу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вводить новый порядокъ". Вслѣдствіе сего разговора Никита Муравьевъ на другомъ собраніи Общества доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно по дальности разстоянія и по несходству во мнѣніяхъ[3]. Его слова подѣй-

[1] Отставной подполковникъ. Братъ повѣшеннаго С. И. Муравьева-Апостола. Эта цитата взята нами изъ „Донесенія слѣдственной комиссіи", 3.

[2] Насколько достовѣрны многія утвержденія „Донесенія", видно, напр., изъ того, что Н. И. Тургеневъ въ 1825 году и въ Петербургѣ не былъ, находясь уже два года за границей.

[3] Никита Муравьевъ стоялъ за конституціонную монархію.

ствовали. Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба Общества. Съ тѣхъ поръ онъ, видимо, охладѣлъ къ главнымъ петербургскимъ членамъ, не показывалъ имъ довѣренности и, хотя обѣщалъ прислать свой проектъ конституціи, однакожъ не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества“ [1].

Въ своемъ изложеніи обстоятельствъ заговора „Донесеніе“, конечно, во многомъ невѣрно и пристрастно освѣщаетъ дѣло, но общая картина положенія вещей въ 1825 г. на сѣверѣ и югѣ, по свидѣтельству многихъ декабристовъ, представлена въ немъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Разногласія между двумя Обществами продолжались, но, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что въ 1826 году должно было послѣдовать либо объединеніе обоихъ Обществъ воедино, либо,—что еще вѣрнѣе,—принятіе на себя Южнымъ Обществомъ самостоятельно революціонной иниціативы и начало имъ открытыхъ дѣйствій для совершенія переворота. Объ этомъ самымъ серьезнымъ образомъ думалъ Пестель и его главные сподвижники. Судьба рѣшила иначе.

О существованіи заговора императоръ Александръ подозрѣвалъ уже давно, но точныя объ этомъ предметѣ свѣдѣнія онъ получилъ лишь въ концѣ своей жизни отъ графа Витта (имѣвшаго ихъ черезъ посредство помѣщика Бошняка), капитана Майбороды и юнкера Шервуда. Въ ноябрѣ 1825 года послѣдовали крупныя событія: болѣзнь и смерть императора Александра, посылка Дибичемъ генерала Чернышева въ Тульчинъ, арестъ полковника Пестеля, маіора Лорера и другихъ заговорщиковъ на югѣ Россіи. Пестель былъ арестованъ 14 декабря 1825 года, т. е. въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ произошло предпринятое Рылѣевымъ, братьями Бестужевыми, Оболенскимъ и ихъ друзьями возмущеніе части гвардіи на Сенатской площади.

---

[1] „Донесеніе слѣдственной коммиссіи“, 44.

Декабрьскихъ событій въ Петербургѣ мы коснемся здѣсь лишь настолько, насколько это необходимо для обрисовки роли въ нихъ Е. П. Оболенскаго. Извѣстіе о смерти Александра и приказаніи приносить присягу императору Константину застали петербургскихъ заговорщиковъ совершенно врасплохъ. За необходимость предпринимать немедленно въ такихъ обстоятельствахъ какое-либо активное движеніе не высказался на собраніяхъ заговорщиковъ рѣшительно никто. Мало того: было даже постановлено пріостановить на время всякую дѣятельность Тайнаго Общества. Но, вотъ, начали приходить одно за другимъ все новыя и новыя извѣстія: завѣщаніе Александра, отреченіе Константина, нежеланіе его пріѣхать изъ Варшавы въ Петербургъ для публичнаго удостовѣренія этого отреченія, междуцарствіе, присяга другому императору. Такія обстоятельства показались дѣятелямъ Сѣвернаго Общества весьма благопріятными для осуществленія задуманной цѣли, и они начали готовиться съ лихорадочною поспѣшностью къ тому, чтобы воспользоваться самымъ днемъ присяги для совершенія переворота. Квартиры Рылѣева и Оболенскаго сдѣлались центральными пунктами, откуда исходили всѣ революціонные импульсы. У Рылѣева происходили почти безпрестанныя, шумныя собранія заговорщиковъ, и лишь патріархальными временами можно объяснить то обстоятельство, что Рылѣевъ, Оболенскій и ихъ друзья не были арестованы прежде, чѣмъ они успѣли привести въ исполненіе свои замыслы[1]. Новый императоръ, хотя и получилъ изъ Таганрога отъ Дибича нѣкоторыя указанія на существованіе заговора, но, въ сущности, зналъ еще очень мало о надвигающейся бурѣ, и лишь доносъ о томъ со стороны одного изъ личныхъ друзей Оболенскаго, заставилъ Николая Павловича быть на сторожѣ. Это случи-

[1] Въ составленной по Высочайшему повелѣнію и опубликованной въ 1857 г. книгѣ *барона Корфа*: „Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го" находятся по этому поводу такія строки: „Свѣдѣнія изъ Таганрога, показаніе Ростовцева и даже городскіе слухи не могли не возбудить самыхъ естественныхъ опасеній, но военный генералъ-губернаторъ (графъ Милорадовичъ) продолжалъ увѣрять въ противномъ. Городъ кипѣлъ заговорщиками, и не одинъ изъ нихъ не былъ схваченъ, ни даже замѣченъ; они имѣли свои сходбища, а полиція утверждала, что все спокойно" (стр. 139).

лось такъ: вмѣстѣ съ Оболенскимъ служилъ адъютантомъ штаба гвардейской пѣхоты подпоручикъ л.-гв. Егерскаго полка Яковъ Ростовцевъ. Разныя обстоятельства заставили его заподозрить о существованіи заговора и крупной роли, которую игралъ въ немъ его другъ Оболенскій. Тогда онъ написалъ письмо Николаю I и отправился во дворецъ для передачи этого письма будто-бы отъ имени своего начальника, генерала Бистрома. Офиціальный историкъ этихъ дней, баронъ Корфъ, приводитъ въ своей книгѣ слѣдующій текстъ письма Ростовцева къ Николаю Павловичу:

„Въ продолженіе четырехъ лѣтъ,—писалъ онъ,—съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе; думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ, полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи; наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня коварнымъ доносчикомъ, не думайте, чтобы я былъ чьимъ либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности;—нѣтъ. Съ чистою совѣстью я пришелъ говорить вамъ правду.

„Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія и исторія, хотя бы вы никогда и не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ; но вы только зачали славное дѣло; чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

„Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко доброму влеченію вашего сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противу себя раздражили. Для вашей собственной славы погодите царствовать.

„Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

„Пользуясь междоусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша можетъ быть и Литва, отъ насъ отдѣляются; Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою Азіятскою, и незаслуженныя проклятія, вмѣсто должныхъ благословеній, будутъ вашимъ удѣломъ.

„Ваше Высочество! можетъ быть предположенія мои ошибочны; можетъ быть я увлекся и личною привязанностью къ вамъ и спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы — преклоните Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ нимъ курьерами; это длитъ пагубное для васъ междуцарствіе и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои; ежели онъ согласится быть императоромъ — слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно, на площади, провозгласитъ васъ своимъ Государемъ.

„Всемилостивѣйшій Государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ — казните меня. Я буду счастливъ, погибая за Россію и умру, благословляя Всевышняго. Ежели же вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ не награждайте меня ничѣмъ; пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ. Объ одномъ только дерзаю просить васъ — прикажите арестовать меня.

„Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, — будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью, позволивъ мнѣ умереть, защищая васъ".

„Минутъ черезъ десять, — повѣствуетъ далѣе Корфъ, — Николай Павловичъ позвалъ Ростовцева въ кабинетъ, заперъ тщательно за собою дверь, обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ со словами: „вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхалъ никогда!" — „Ваше Высочество, — сказалъ Ро-

стовцевъ, — не почитайте меня донощикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться!“ — „Подобная мысль,—отвѣчалъ государь,—не достойна ни меня, ни тебя. Я умѣю понимать тебя“. Потомъ онъ спросилъ: нѣтъ ли противъ него заговора? Ростовцевъ отвѣчалъ, что никого не можетъ назвать, что многіе питаютъ противъ него (государя) неудовольствіе, но люди благоразумные въ мирномъ воцареніи его видятъ спокойствіе Россіи; наконецъ, что, хотя въ тѣ пятнадцать дней, когда на тронѣ лежитъ у насъ гробъ, обыкновенная тишина не прерывалась, но въ самой этой тишинѣ можетъ крыться возмущеніе. Нѣсколько помолчавъ, государь продолжалъ: „можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что это противно твоему благородству, — *и не называй!* (курсивъ подлинника) [1]. Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность. Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону. Онъ рѣшительно отрекается, въ приватномъ письмѣ укоряетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно“. Ростовцевъ настаивалъ на необходимости, чтобы цесаревичъ самъ прибылъ въ Петербургъ и всенародно, на площади, провозгласилъ своего брата своимъ государемъ. „Что дѣлать—возразилъ государь,—онъ рѣшительно отъ этого отказывается, а онъ мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ. Нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но, если

[1] Послѣ ареста декабристовъ Николай Павловичъ смотрѣлъ не только на нихъ, но и на тѣхъ, которые знали заговорщиковъ, но „не называли“ ихъ правительству, иначе. Такъ, непринимавшій никакого участія въ возмущеніи на Сенатской площади, поручикъ Кавалергардскаго полка Анненковъ описывалъ своей женѣ слѣдующимъ образомъ свой допросъ Николаемъ Павловичемъ: „Если вы знали, что есть такое общество, отчего вы не донесли?—Какъ было доносить, тѣмъ болѣе, что многаго я не зналъ, во многомъ не принималъ участія, все лѣто былъ въ отсутствіи, ѣздилъ за ремонтомъ, наконецъ, тяжело, нечестно доносить на своихъ товарищей.—На это государь страшно вспылилъ: „вы не имѣете понятія о чести“, крикнулъ онъ такъ грозно, что я невольно вздрогнулъ. Знаете ли вы, что заслуживаете?“ -Смерть, государь.—Вы думаете, что васъ разстрѣляютъ, что вы будете интересны, нѣтъ, я васъ въ крѣпости сгною“. („Разсказы Прасковьи Егоровны Анненковой, урожденной Гебль“, „Русская Старина“, 1888 г. II). Многіе другіе декабристы (Трубецкой, Якушкинъ, М. А. Бестужевъ, Лореръ и др.) свидѣтельствуютъ о такомъ же къ нимъ отношеніи на допросахъ со стороны Николая. *В. Б.*

разумъ человѣческій слабъ, если воля Всевышняго назначитъ иначе, и мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правости и святости своего дѣла и предстану на судъ Божій съ чистою совѣстью". „Ваше Высочество,—сказалъ Ростовцевъ, это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?"—„Можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя; но престолъ празденъ, братъ мой отрекается, я единственный законный наслѣдникъ. Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ"! Тутъ онъ обнялъ Ростовцева и оба прослезились. „Этой минуты,—продолжалъ государь,—я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ (Бистромъ), что ты поѣхалъ ко мнѣ?" — „Онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ; я не хотѣлъ огорчить его этимъ, а главное я полагалъ, что только лично съ вами могу быть откровененъ на счетъ васъ". — „И не говори ему до времени; я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка".— „Ваше Высочество, всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ". — „Наградой тебѣ — моя дружба. Прощай!" Онъ обнялъ Ростовцева и удалился" [1].

Объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ этотъ моментъ между Ростовцевымъ и Оболенскимъ, равно какъ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ передачу Ростовцевымъ вышеприведеннаго письма Николаю Павловичу, мы приведемъ разсказъ самого Ростовцева въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ его собственныхъ запискахъ: „Видя общее недоумѣніе во всѣхъ сословіяхъ, —пишетъ Ростовцевъ,—зная, что великій князь Николай Павловичъ не успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, зная непомѣрное честолюбіе и сильную ненависть къ великому князю Оболенскаго и Рылѣева, наконецъ, видя ихъ хлопоты, смущеніе и безпрерывныя совѣщанія, не предвѣщавшія ничего добраго и откровеннаго, я не зналъ, на что рѣшиться. Никогда еще не представлялся

[1] *Корфъ*, „Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го", 113—119.

такой удобный случай къ возмущенію. Мысль о несчастіяхъ, которыя можетъ быть ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя: я забылъ и пищу и сонъ. Наконецъ, 9-го числа утромъ я прихожу къ Оболенскому и говорю ему: „князь, настоящее положеніе Россіи пугаетъ меня; прости меня, но я подозрѣваю тебя въ злонамѣренныхъ видахъ противъ правительства. Дай Богъ, чтобы я ошибся. Откройся мнѣ и уничтожь мои подозрѣнія. Мой другъ, неужели ты пожертвуешь спокойствіемъ отечества своему честолюбію?

Онъ отвѣчалъ:

„Яковъ, неужели ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ? Всѣ поступки мои были тебѣ до сихъ поръ извѣстны. Неужели ты можешь думать, что я для личныхъ видовъ измѣню благу отечества?"

— „Князь, можетъ быть ты обманываешь самъ себя, можетъ быть ты честолюбіе свое почитаешь за патріотизмъ. Войди хорошенько во внутренность своей души, размысли хладнокровно объ образѣ мыслей, тобою принятомъ и въ тебѣ укоренившемся.

Оболенскій нѣсколько времени молчалъ; наконецъ, сказалъ:

„Такъ, я размыслилъ!.. Очень размыслилъ! Любезный Яша, я за одно не люблю тебя: ты иногда слишкомъ снисходителенъ къ великому князю; я съ тобою откровененъ и не скрываю моей къ нему ненависти".

„Любезный князь, я самъ иногда осуждалъ его за строгое и вспыльчивое обхожденіе съ офицерами, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ случай видѣть доброту души его. Почему ты знаешь, можетъ быть его поведеніе было слѣдствіемъ необходимости?

„Нѣтъ, не могу и не хочу этому вѣрить.

— „Князь, ты увлекаешься страстью, ты можешь сдѣлаться преступникомъ, но я употреблю всѣ средства спасти тебя.

„Пожалуйста, обо мнѣ не заботься; твои старанія будутъ напрасны. Я не завишу отъ самого себя и составляю малѣйшее звено огромной цѣпи. Не отваживайся слабой рукой остановить сильную машину; она измелетъ тебя въ куски.

— „Пусть я погибну, князь, но можетъ быть раздробленные члены мои засорятъ колеса и остановятъ ихъ движеніе! Такъ, я рѣшился принести себя въ дань моему долгу и если умру, то умру чистъ и счастливъ.

Оболенскій быстро взглянулъ на Ростовцева и, нѣсколько помолчавъ, сказалъ:

„Яковъ, не губи себя, я предугадываю твое намѣреніе.

„Князь, другъ мой, скажи лучше: не будемъ губить себя и остановимся каждый на своемъ мѣстѣ“.

Въ это время за Оболенскимъ прислалъ генералъ Бистромъ и, уходя, Оболенскій сказалъ Ростовцеву:

„Нашъ разговоръ не доконченъ, мы возобновимъ его въ другое время.

„Дай Богъ, чтобы конецъ былъ лучше начала“, -отвѣчалъ Ростовцевъ, и затѣмъ оба собесѣдника разошлись.

„Послѣ сего, — продолжаетъ Ростовцевъ, — я нѣсколько разъ старался возобновить нашъ разговоръ, но намъ мѣшали. Я видѣлся съ Рылѣевымъ, который говорилъ со мной въ томъ же духѣ. Я видѣлъ также барона Штейнгеля, зналъ, что онъ былъ недоволенъ покойнымъ государемъ, но никогда не думалъ, чтобы онъ былъ заодно съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ.

„10-го декабря утромъ Оболенскій пришелъ ко мнѣ. Послѣ разговоровъ по дѣламъ канцеляріи, я ему сказалъ: „Оболенскій, кончимъ нашъ разговоръ; тѣхъ же ли ты мыслей, какъ и вчера?

„Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки! Богъ милостивъ, ничего не будетъ!

„По крайней мѣрѣ, скажи, на чемъ основали вы ваши планы?

„Я не имѣю права открыть тебѣ это.

„Евгеній, Евгеній, ты лицемѣришь! что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя противъ твоей воли, выполню обязанность добраго гражданина и сегодня же предувѣдомлю Николая Павловича о возмущеніи. Будетъ-ли оно или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло.

„Какъ ты малодушенъ! Какъ другъ, увѣряю тебя, что все будетъ мирно и благополучно, а этимъ ты погубишь себя.

„Пусть такъ, но я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ, а располагать самимъ собой я имѣю полное право.

„Любезный другъ, я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость и тогда,—прибавилъ онъ, смѣючись,—ты принудишь меня идти освобождать тебя.

„Мой другъ, ежели бы ты мнѣ пророчилъ и смерть, то и это бы меня не остановило".

Оболенскій обнялъ Ростовцева и сказалъ: „Яковъ, Яковъ, ты еще молодъ и пылокъ! Какъ тебѣ не стыдно дурачиться. Даю тебѣ слово, что ничего не будетъ".

Въ тотъ же день на разводѣ Ростовцевъ тщетно искалъ встрѣтить великаго князя Николая Павловича наединѣ. По возвращеніи Оболенскій спросилъ своего товарища, смѣясь, видѣлъ-ли онъ великаго князя, придавъ всему видъ шутки.

Послѣ этого разговоръ о таинственномъ предпріятіи болѣе не возобновлялся между пріятелями. Но 12-го декабря, въ 4 часа пополудни, Ростовцевъ, зайдя къ князю Оболенскому, къ крайнему своему удивленію, нашелъ у него человѣкъ 20 офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, чего прежде никогда не случалось. Между ними былъ и Рылѣевъ. „Они говорили другъ съ другомъ шопотомъ и примѣтно смѣшались, когда я вошелъ",—пишетъ Ростовцевъ.

Въ тотъ же день Ростовцевъ написалъ и отнесъ Николаю Павловичу то письмо, о которомъ мы говорили выше.

На другой день Ростовцевъ взялъ съ собою копію своего письма къ великому князю и пришелъ къ Оболенскому.

По разсказу Ростовцева, Оболенскій былъ въ кабинетѣ своемъ съ Рылѣевымъ. „Вошедши въ комнату,—разсказываетъ онъ,—я сказалъ имъ: „господа, я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства; дай Богъ, чтобы подозрѣнія эти были неосновательны. Но я исполнилъ свой долгъ. Я вчера былъ у великаго князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ. Будьте вѣрны своему долгу и вы будете спасены". Тутъ я имъ отдалъ письмо и разговоръ мой (съ великимъ княземъ), и Рылѣевъ началъ читать оные вслухъ. Оба они поблѣднѣли и

чрезвычайно смѣшались. По окончаніи чтенія Оболенскій сказалъ мнѣ:

„Съ чего ты взялъ, что мы хотимъ дѣйствовать? Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ, либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ. Но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!

„Оболенскій, если ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отмсти теперь.

„Рылѣевъ бросился мнѣ на шею и сказалъ.

„Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности, но какое право имѣлъ ты быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнью, придя къ намъ. Ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка.

„Оболенскій обнялъ меня и сказалъ:

„Да, я обнимаю его и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ.

„Я имъ сказалъ:

„Господа, я оставляю у васъ мои документы; молю васъ, употребите ихъ въ свою пользу! Въ нихъ видите вы великую душу будущаго государя; она вамъ порукою за его царствованіе".

Рылѣевъ, сильно взволнованный всѣмъ этимъ, не замедлилъ передать происшедшій разговоръ и содержаніе полученныхъ бумагъ Н. А. Бестужеву, который, замѣтивъ, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ, выразилъ увѣренность, что они будутъ арестованы, если не теперь, то послѣ присяги.

Тогда Рылѣевъ спросилъ:

„Что же намъ, полагаешь, нужно дѣлать?

„Не показывать этого письма никому, — отвѣчалъ Бестужевъ, — и дѣйствовать: лучше быть взятымъ на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали".

Рылѣевъ бросился къ Бестужеву на шею и сказалъ въ сильномъ волненіи:

„Я увѣренъ былъ, что это будетъ твое мнѣніе. И такъ, съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ, конечно, прибавятся всѣ препятствія, но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества!“

Въ 12-мъ часу вечера 13-го декабря Оболенскій пришелъ къ Ростовцеву и, обнявъ его, сказалъ:

„Такъ, милый другъ; мы хотѣли дѣйствовать, но увидѣли свою безразсудность. Благодарю тебя, ты насъ спасъ.

„Такая перемѣна меня обрадовала, — разсказываетъ Ростовцевъ, — но впослѣдствіи я увидѣлъ, къ несчастью, что это была только хитрость“ [1].

13 декабря былъ составленъ окончательный планъ дѣйствій, который состоялъ въ томъ, чтобы возмутить гвардію, привести ее къ Сенату, принудить Николая Павловича дать согласіе на созваніе депутатовъ отъ всей Россіи для установленія представительнаго образа правленія. „Князь Оболенскій прибавляетъ къ сему, — гласитъ „Донесеніе слѣдственной комиссіи“,—что до съѣзда депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить временное правленіе (изъ двухъ или трехъ членовъ Государственнаго Совѣта и одного члена изъ Тайнаго Общества, который былъ бы правителемъ дѣлъ онаго), назначать и корпусныхъ, и дивизіонныхъ командировъ гвардіи изъ людей, имъ извѣстныхъ и сдать имъ Петропавловскую крѣпость. При неудачѣ они полагали, какъ показываютъ согласно Трубецкой и Рылѣевъ, выступить ихъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе“. Тутъ же, на квартирѣ Рылѣева, были разговоры о цареубійствѣ и предложеніе Каховскому совершить этотъ актъ, т. е. тѣ дѣйствія, за которыя особенно жестоко пострадали многіе изъ заговорщиковъ.

Для приведенія всего плана въ исполненіе главноначальствующимъ, или диктаторомъ, былъ назначенъ князь Трубецкой.

На слѣдующій день (14 декабря) произошли извѣстныя событія на Сенатской площади: возмущеніе части гвардіи,

[1] *Н. К. Шильдеръ*, „Императоръ Николай Первый“, I, 273—277.

неприбытіе на площадь князя Трубецкаго, передача начальствованія князю Оболенскому, смерть графа Милорадовича, настойчивое требованіе предводителями возстанія отъ императора Николая конституціи, подавленіе возмущенія пушечными выстрѣлами, арестъ нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ въ тотъ же вечеръ...

Затѣмъ послѣдовали дѣятельность слѣдственной коммиссіи, Верховный уголовный судъ, тяжкая кара декабристамъ...

Верховный судъ призналъ за Оболенскимъ слѣдующія вины:

„*Поручикъ князь Оболенскій.* Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза Благоденствія установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное Общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ съ оружіемъ, съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича, возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство“ [1].

За эти преступленія судъ приговорилъ Оболенскаго къ отсѣченію головы. При конфирмаціи смертная казнь была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы безъ срока [2].

Приговоръ осужденнымъ, сопровождаемый лишеніемъ ихъ дворянскаго достоинства и всѣхъ другихъ правъ состоянія (при этомъ былъ зажженъ цѣлый костеръ, въ который бросались мундиры, ордена и другіе знаки отличія осужденныхъ), былъ объявленъ имъ 14 іюля 1826 года. Въ этотъ же день были повѣшены признанные судомъ главными виновниками заговора: П. И. Пестель, К. Ф. Рылѣевъ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ и П. А. Каховскій.

Черезъ три дня послѣ того (17 іюля) начальникъ главнаго штаба сообщилъ военному министру высочайшее повелѣніе о немедленномъ отправленіи восьми осужденныхъ по назначенію. Въ числѣ этихъ восьми былъ и Оболенскій.

Издатель „Записокъ княгини М. Н. Волконской“, князь М. С. Волконскій, приложилъ къ нимъ, извлеченное изъ архивовъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества

[1] Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда, Полн. Собр. Зак. Россійск. Имп. (1825—1827 гг.), т. I, стр. 465.

[2] Ibid.

канцеляріи, слѣдующее подлинное по дѣлу объ отправкѣ Волконскаго, Оболенскаго и др. лицъ высочайшее повелѣніе, изложенное въ сообщеніи начальника главнаго штаба военному министру:

„Изъ числа приговоренныхъ въ каторжныя работы — восемь человѣкъ, а именно: Сергѣя Трубецкаго, Евгенія Оболенскаго, Артамона Муравьева, Василія Давыдова, Якубовича, Сергѣя Волконскаго, Борисова 1-го и Борисова 2-го, немедленно отправить закованными въ двухъ партіяхъ, имѣя при каждомъ преступникѣ одного жандарма и при каждыхъ 4-хъ одного фельдъегеря, въ Иркутскъ къ гражданскому губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, дабы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному на каторжныхъ положенію; чтобы онъ назначилъ для неослабнаго и строгаго за ними смотрѣнія надежнаго чиновника, за выборъ коего онъ отвѣтствуетъ и чтобы онъ о состояніи ихъ ежемѣсячно доносилъ въ собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ“. [1]

Кромѣ того, было приказано везти осужденныхъ не черезъ Москву, а по Ярославскому тракту.

На основаніи этого повелѣнія, Оболенскій уже 21 іюля 1826 г. находился на пути въ Сибирь. Многія подробности изъ жизни его тамъ читатель найдетъ въ прилагаемыхъ здѣсь же „Воспоминаніяхъ“ самого Евгенія Петровича, но нѣкоторыя свѣдѣнія мы заимствуемъ еще изъ помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, писемъ Оболенскаго къ мужу его сестры, А. В. Протасьеву. Въ письмѣ, написанномъ 12 марта 1830 года (первомъ письмѣ изъ Сибири, отправленномъ притомъ нелегально), находятся, между прочимъ, такія строки:

„Милый другъ и братъ! Вотъ уже пятый годъ, что пера не бралъ въ руки и не изливалъ никому своихъ чувствованій: давно желалъ я сказать тебѣ то, что у меня на душѣ, давно хотѣлъ тебѣ передать то, что со мною было въ продолженіе сего долгаго времени, но долженъ былъ покориться

---

[1] „Записки княгини *М. Н. Волконской*“, Приложеніе VIII, 136.

обстоятельствамъ... 21 іюля 1826 года выѣхалъ я изъ крѣпости. Не стану я тебѣ говорить, что я чувствовалъ, разставаясь навсегда со всѣмъ тѣмъ, что оживляло мою жизнь... Послѣ трехнедѣльнаго пути достигли мы, наконецъ, Иркутска, откуда послали насъ по заводамъ для назначенной намъ каторжной работы. Я и Якубовичъ попали на солеваренный заводъ (Усолье) въ 60 верстахъ отъ Иркутска. Пріѣхавъ къ мѣсту нашего назначенія, дали намъ недѣлю отдыха, послѣ котораго дали топоры въ руки и послали въ лѣсъ рубить дрова. Бодро пошли мы съ Якубовичемъ съ топоромъ за поясомъ и начали валить лѣсъ, и крупный, и мелкій. Работа казалась сначала тяжелою, но впослѣдствіи привычка нѣсколько уменьшала ея тягость. Въ теченіе шестинедѣльнаго нашего пребыванія на семъ заводѣ мы были свободны, жили на своей квартирѣ, ходили на работу въ которое время вздумается, и, признаюсь, самая каторга была довольно сносная, исключая отношеній къ мѣстному начальству, которыя вездѣ и всегда довольно непріятны".

Такія сравнительно льготныя условія жизни продолжались, однако, не долго, и 6 октября того же года Оболенскій былъ уже въ Иркутскѣ, откуда немедленно его, вмѣстѣ съ другими, отправили въ Нерчинскъ.

„Прибывъ туда (въ Нерчинскъ), —продолжаетъ свое письмо Оболенскій — послали насъ въ острогъ или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтки въ два аршина длины и въ полтора ширины. Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ и опять запирали. Работа была подъ землей на 70 и болѣе саженъ. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ, а они всѣ пользуются свободою, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки на заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ... Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ вре-

менемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее. Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія: въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, милліонъ клоповъ и разной гадины осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоедини къ тому грубое обращеніе начальства, которое, привыкши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому же долженъ тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ Иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами, а отъ горнаго начальства офицеръ горный [1], которому также поручено было смотрѣть за нами. Горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало; квартальный же боялся горныхъ, и такимъ образомъ насъ окружали двѣ непріязненныя силы, которыя старались только увеличить наши тягости. Съ февраля мѣсяца на насъ надѣли желѣза, а съ весной насъ велѣно употреблять только на работы надъ землею, что, по ихъ мнѣнію, значило облегченіе въ работѣ, а по нашему увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему можно привыкнуть, исключая того, что оскорбляетъ человѣческое достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы, дѣйствительно, получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ (Бурнашовъ) [2] рѣже началъ насъ посѣщать и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительныя. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду; и утѣшеніе... [3] Оставленный отцомъ, не получая отъ него

---

[1] Это и былъ тотъ самый Рикъ, о которомъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Оболенскій. (См. ниже).

[2] Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Оболенскій говоритъ о Бурнашовѣ, какъ о человѣкѣ страшно грубомъ, который во время столкновенія заключенныхъ съ Рикомъ грозилъ наказать ихъ плетьми.

[3] Одно время даже тѣ помѣщенія для заключенныхъ въ Благодатскомъ рудникѣ, которыя описываетъ здѣсь Оболенскій, показались начальству, повидимому, слишкомъ роскошными, и оно заключило въ каждую изъ такихъ клѣтокъ по нѣсколько человѣкъ. По крайней мѣрѣ, вотъ—какое описаніе Благодатскаго рудника находимъ мы въ „Запискахъ княгини М. П. Волконской“:

„Тюрьма состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ большими холодными сѣнями. Одна изъ нихъ была занята бѣглыми каторжниками; другая была предназначена нашимъ государственнымъ преступникамъ... Вдоль стѣнъ комнаты находи-

ни строки впродолженіе двухъ лѣтъ, я думалъ, что обреченъ на всегдашнее забвеніе отъ него и отъ всѣхъ васъ. Время хотя не примирило меня съ сей мыслью, но, по крайней мѣрѣ, заставило философствовать поневолѣ и убѣждаться, что нѣтъ ничего постояннаго въ мірѣ; такъ прожили мы, любезный другъ, въ Нерчинскихъ рудникахъ или заводахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ, до октября мѣсяца; тутъ повезли насъ въ Читу, гдѣ уже были собраны всѣ нынѣшніе жители Читинской тюрьмы. Насъ было восемь въ Нерчинскѣ: Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ, Якубовичъ, два брата Борисовыхъ и я. Радостно обнялись мы съ товарищами". Въ Читѣ условія жизни были гораздо лучше, чѣмъ въ Нерчинскѣ. Оболенскій описываетъ ихъ такъ: „цѣлый день у насъ, какъ въ солдатскихъ казармахъ, (т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ когда-то жили многіе декабристы при своихъ полкахъ), которыя ты довольно часто посѣщалъ: шумъ, споры о предметахъ философскихъ, ученыхъ и тому подобное, которое большею частью служитъ къ тому, чтобы убить часа три или четыре долгихъ нашихъ дней. Встаю я рано, читаю, занимаюсь кой-чѣмъ умственнымъ, пока всѣ спятъ и тишина не нарушена; потомъ опять читаю, но для препровожденія времени больше, нежели для занятія. Нѣсколько часовъ въ день посвящаю механическимъ трудамъ: столярничаю, шью или подобное что нибудь дѣлаю. На казенную работу ходимъ мы черезъ день. Наша обязанность смолоть муки десять фунтовъ на ручныхъ мельницахъ. Для меня работа не тяжела, потому что, слава Богу, силы физическія доселѣ меня не оставляютъ; но для тѣхъ, у которыхъ грудь слаба, работа эта тяжеленька. Лѣтомъ начинаются у насъ работы каждый день и утромъ и вечеромъ: мы дѣлаемъ дороги, починяемъ старыя, ровняемъ улицы такъ, чтобы

лись сдѣланные изъ досокъ нѣкотораго рода конуры или клѣтки, назначенныя для заключенныхъ. Надо было подняться на двѣ ступени, чтобы войти въ нихъ. Отдѣленіе Сергѣя (Волконскаго) имѣло только три аршина въ длину и два въ ширину Оно было такъ низко, что въ немъ нельзя было стоять. Онъ занималъ *его вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Оболенскимъ.* Послѣдній, для кровати котораго не было мѣста, велѣлъ прикрѣпить для себя доски надъ кроватью Трубецкаго. Такимъ образомъ эти отдѣленія являлись маленькими тюрьмами въ стѣнахъ самой тюрьмы". Стр. 46).

вездѣ проѣхать, какъ шаромъ прокатить. Сверхъ того, у насъ собственный нашъ огородъ: на сто человѣкъ заготовить запасъ на зиму—немаловажный трудъ: 105 грядъ каждый день полить занимаетъ, по крайней мѣрѣ, часовъ пять или шесть въ день. Осенью мы собираемъ овощи съ грядъ, квасимъ капусту, свеклу, укладываемъ картофель, рѣпу, морковь и другія овощи для зимняго продовольствія и такимъ образомъ невидимо настаетъ октябрь, и зимнія долгія ночи опять заставляютъ обращаться къ трудамъ умственнымъ". [1]

Жизнь узниковъ въ Читѣ и затѣмъ Петровскѣ, куда они были переведены лѣтомъ 1830 года, извѣстна изъ воспоминаній многихъ декабристовъ и потому на этомъ предметѣ мы больше останавливаться не будемъ: то же однообразіе, та же монотонность въ трудѣ и отдыхѣ, та же тоска. Благодаря сокращеніямъ сроковъ, являвшихся результатомъ различныхъ торжественныхъ событій русской жизни, Евгенію Оболенскому пришлось пробыть въ каторгѣ не всю жизнь, а лишь до 1839 года, когда онъ былъ, наконецъ, перечисленъ въ ссыльно-поселенцы и водворенъ на поселеніе сначала въ Туринскѣ, а затѣмъ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи. Тамъ онъ провелъ въ изгнаніи еще 17 лѣтъ жизни, прилагая усилія къ тому, чтобы не дать себя окончательно заѣсть тоскѣ и стараясь по возможности быть полезнымъ окружавшимъ его людямъ. Извѣстна та добрая память, которую оставили по себѣ декабристы во всей Сибири. Наконецъ, въ 1856 году появился извѣстный манифестъ, которымъ находившимся еще въ живыхъ декабристамъ, разрѣшалось „возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ

---

[1] „Историческій Вѣстникъ", 1890 г., I, 116, 118, 120—123, 126. Это интересное письмо Оболенскаго, вмѣстѣ съ другими его письмами (не имѣющими особеннаго значенія), помѣщено въ вышеназванномъ журналѣ г. Головинскимъ, который снабдилъ ихъ многими примѣчаніями. Однако, было бы много лучше, если бы письма эти были напечатаны безъ примѣчаній г. Головинскаго, который испещрилъ ихъ ошибками. Такъ, на стр. 123 въ числѣ читинскихъ узниковъ онъ называетъ Бестужева—Марлинскаго и Ал. Ник. Муравьева, которые никогда въ Читѣ не бывали; на стр. 121 утверждаетъ, что Ледантю вышла замужъ въ Сибири за Анненкова, тогда какъ на самомъ дѣлѣ на ней женился Ивашовъ, а за Анненкова вышла Гебль; на стр. 145, что Оболенскій при жизни ничего не печаталъ, тогда какъ его „Записки", о самомъ существованіи которыхъ г. Головинскій, очевидно, не зналъ, напечатаны въ 1861, а Оболенскій умеръ въ 1865 году, — и т. д.

Имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы" [1]. На основаніи этого манифеста, Оболенскій возвратился въ Россію, гдѣ и прожилъ, интересуясь всѣми вопросами наступившей эпохи преобразованій, еще почти десять лѣтъ. Въ это время у него началась, между прочимъ, переписка съ тѣмъ самымъ Яковомъ Ростовцевымъ, который нѣкогда былъ его сослуживцемъ, а теперь изъ подпоручика сталъ, разумѣется, генералъ-адъютантомъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, графомъ... Извѣстна та роль, которую игралъ Ростовцевъ въ Николаевскую эпоху, извѣстенъ и его „либерализмъ" въ эпоху либеральную... Но мягкій, добрый и думавшій уже о могилѣ Оболенскій не помнилъ зла...

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Калугѣ, гдѣ и скончался 26 февраля 1865 года на 64-мъ году жизни. Незадолго передъ тѣмъ онъ похоронилъ одного изъ своихъ лучшихъ друзей и соузниковъ, М. М. Нарышкина, и написалъ самъ теплый некрологъ усопшаго, помѣщенный въ № 3, за 1865 годъ аксаковской газеты—„День". Едва прошло двѣ недѣли, какъ въ той же газетѣ появился и некрологъ Евгенія Петровича Оболенскаго, написанный также его соузникомъ, барономъ А. П. Розеномъ.

„Евгеній Петровичъ Оболенскій,—говорилось въ этомъ некрологѣ—началъ свое поприще въ военной службѣ, былъ старшимъ адъютантомъ при начальникѣ всей пѣхоты гвардейскаго корпуса. Въ концѣ 1825 года кончилось его поприще и началось другое, новое, переполненное страданіями и лишеніями всякаго рода и продолжавшееся до 1856 года 21 августа, до манифеста Александра II". Далѣе слѣдуетъ прямо описаніе его кончины [2].

Вотъ какимъ осторожнымъ и глухимъ языкомъ только и возможно было говорить о крупномъ дѣятелѣ общественнаго движенія времени царствованія Александра I даже въ знаменитую „эпоху великихъ реформъ"...

Къ прилагаемымъ здѣсь „Воспоминаніямъ" Е. П. Оболенскаго, мы сочли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія.

---

[1] Полное Собр. Зак., т. XXXI, ст. 30883.
[2] „День", 1865 г., № 18.

Воспоминанія
князя Евгенія Петровича
Оболенскаго.

Воспоминанія князя Евгенія Петровича Оболенскаго [1].

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Федоровичемъ Рылѣевымъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ это было въ 1822 году, т. е. послѣ возвращенія гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т. е. послѣ предполагаемаго похода заграницу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. Рылѣевъ въ то время только-что издалъ *Войнаровскаго* и готовилъ къ печати свои *Думы.* Имя его было извѣстно между литераторами, а свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ тайнаго Общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый, кажется, познакомился съ нимъ и, по разрѣшеніи Верховной Думы, принялъ его въ число членовъ общества. Сблизившись съ Кондратіемъ Федоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится во дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга

[1] Эти воспоминанія кн. Оболенскаго были напечатаны за границею въ 1861 г. въ IV томѣ „Русскаго Заграничнаго Сборника" и въ издававшемся кн. П. В. Долгоруковымъ журналѣ „Будущность". Въ 1862 г. эти же воспоминанія были изданы въ Лейпцигѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Mon exille en Sibérie. Souvenirs du prince E. Obolensky". Въ Россіи воспоминанія Оболенскаго были напечатаны въ 1872 году (въ сокращенномъ видѣ) подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ" въ сборникѣ Бартенева—„Девятнадцатый вѣкъ". *В. Богучарскій.*

дѣятельности. Это стремленіе удовлетворялось отчасти вступленіемъ въ члены Тайнаго Общества. *Союзъ Благоденствія,*— такъ оно называлось, — удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа. Нетрудно было усвоить Рылѣеву всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще, и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себѣ усвоилъ.

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и первоначальной службѣ. Роста онъ былъ средняго. Черты лица его составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черны, слегка завитые, глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, выражаясь въ вдохновенной пѣснѣ, когда приходила минута вдохновенія, въ другія времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности.

Образованіе онъ получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ

и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ я слышалъ, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слыхалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ его товарищами по службѣ въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его старушки-матери, Настасьи Федоровны Рылѣевой, жившей въ малой деревушкѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Петербурга около села Рождествена. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь Настенька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ — маленькая, смугленькая и живая, одушевляла своимъ присутствіемъ его домашнюю жизнь. О его общественной служебной жизни я не много могу сказать. Сначала онъ служилъ засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ, вмѣстѣ съ Ив. Ив. Пущинымъ, который промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую они могли-бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ, составляютъ надежную опору всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ, всегда и вездѣ составляющимъ большинство, коего нужды и страданія едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Въ послѣдствіи Рылѣевъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую Компанію и занималъ скромную квартиру въ домѣ Компаніи. Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ того времени. У Николая Ивановича Греча собиралась въ то время разъ въ недѣлю вся литературная семья. Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ. Въ особенности былъ онъ друженъ съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, котораго, кажется, онъ и принялъ въ члены общества. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ также въ члены общества его братъ Николай Александровичъ и меньшій ихъ братъ Петръ, рано

кончившій земное свое поприще [1]. Александръ Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога обѣщали блестящее развитіе, въ послѣдствіи имъ такъ хорошо оправданное. Тутъ же должно вспомнить и Александра Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовью трудился надъ памятниками Петровскаго времени и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. И у Рылѣева собирались нерѣдко литераторы и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ вышеименованныхъ, бывали: Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пущина по лицею, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе, коихъ именъ не упомню. Бесѣда была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала общее къ себѣ уваженіе.

Его общественная дѣятельность, по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи и своею дѣятельностію и, безъ сомнѣнія, болѣе существенными заслугами потому, что не прошло и двухъ лѣтъ со времени вступленія его въ должность, правленіе Компаніи выразило ему свою благодарность, подаривъ ему дорогую енотовую шубу, оцѣненную въ то время въ семьсотъ рублей.

---

[1] Относительно Петра Бестужева это невѣрно. Членомъ тайнаго общества онъ никогда не былъ. Всѣ старшіе братья Петра (Николай, Александръ и Михаилъ) не желали, чтобы Петръ принималъ какое бы то ни было участвіе въ тайномъ обществѣ, дабы сохранить хоть одного сына въ качествѣ поддержки ихъ матери и сестрамъ. На сенатскую площадь Петръ явился вопреки желаніямъ всѣхъ братьевъ, принимавшихъ даже особыя мѣры, чтобы этого не случилось. Такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ самъ М. А. Бестужевъ. *В. Б.*

Изъ воспоминаній того времени могу только вспомнить, что его сильно тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ союзомъ, передача Сѣверо-Американцамъ основанной нами колоніи Россъ, въ Калифорніи, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ столь прославившихся въ послѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Компаніи мѣры, Рылѣевъ, какъ правитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками, и въ послѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывалъ ему Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Въ этомъ періодѣ времени, т. е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824 г., прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе отъ членовъ Южнаго Общества войти въ сношенія съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ членовъ Союза: этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Рылѣева. Здѣсь нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича Пестеля. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только высказать впечатлѣніе, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшого, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные, и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія Общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умственному направленію, которое требовало во всемъ ясности, опредѣленной цѣли и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. *Русская Правда,* имъ написанная, составляла программу, имъ предлагаемую для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное Общество на дѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями

Южнаго. Членами Верховной Думы въ Петербургѣ въ то время были: Трубецкой, Никита Михайловичъ Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами Павелъ Ивановичъ съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова, объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной давала обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліяхъ, между тѣмъ, какъ, бывъ направлены къ опредѣленной и ясно признанной цѣли, могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новою: давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ, но не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что, единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ. Кромѣ того мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала членамъ Общества, наиболѣе облеченнымъ довѣріемъ общимъ. Многіе изъ нихъ были въ отсутствіи, и потому мы отложили рѣшительный отвѣтъ до того времени, когда представится возможность сообщить предложеніе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Павелъ Ивановичъ, познакомившись чрезъ насъ съ Кондратіемъ Федоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнію на цѣль общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, это сближеніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля, князь Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира находилась въ Кіевѣ. На его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратій Федоровичъ.

Къ этому же времени, т. е. въ половинѣ 1824 года, должно отнести грустное событіе, въ коемъ Рылѣевъ принималъ участіе, какъ свидѣтель, и которое грустно отозвалось въ обществѣ того времени. Это была дуэль между офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Черновымъ и лейбъ-гв. гусарскаго Новосильцовымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ, почти противоположныхъ, ступеняхъ общества. Новосильцовъ—потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествена въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію. Переводомъ своимъ въ гвардію онъ былъ обязанъ новому составу л.-гв. Семеновскаго полка, въ который вошло по цѣлому баталіону изъ полковъ: императора Австрійскаго, короля Прусскаго и графа Аракчеева. Между тѣмъ у Аграфены Ивановны Черновой была дочь замѣчательной красоты. Не помню по какому случаю Новосильцовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной, былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ немногихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцовъ и по личнымъ достоинствамъ, и по наружности, могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго, блестящаго круга. Получивъ согласіе ея матери, Новосильцовъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ, и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которая допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать, Екатерина Владиміровна, рожденная графиня Орлова, безъ согласія коей онъ не могъ и думать о женитьбѣ. Скоро, однакожъ, онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе, немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе-ли въ любви или боязнь гнѣва

матери, но только Новосильцовъ, по полученіи письма, не долго думалъ, простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Федоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Чрезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцова къ его сестрѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, въ надеждѣ, что Новосильцовъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ, видя, наконецъ, что онъ совершенно ее забылъ и видимо ею пренебрегаетъ, Черновъ, послѣ соглашенія съ Рылѣевымъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосильцовъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ сначала былъ уклончивый; потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано, можетъ быть, нѣсколько оскорбительныхъ словъ и, наконецъ, назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцову Рылѣевымъ. День назначенъ, противники сошлись, шаги размѣрены, сигналъ поданъ, оба обратились лицомъ другъ къ другу, оба спустили курки и оба пали смертельно раненые, обоихъ отвезли приближенные въ свои квартиры — Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семеновскаго полка, Новосильцова въ домъ родственниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ. Каждый изъ нихъ горячо заботился о состояніи другого. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому. Еще день, много два, и неизбѣжная смерть должна была кончить юную жизнь каждаго изъ нихъ. Оба приготовились къ смертному часу. По близкой дружбѣ съ Рылѣевымъ, я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, въ которомъ онъ, вступясь за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью омыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій, чуждый духа христіанскаго! Имъ ни честь не возстановляется и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостью смотритъ на того, кто рѣшается не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщеніе. Вхожу въ небольшую

переднюю; меня встрѣтилъ Рылѣевъ. Онъ вошелъ къ страдальцу и сказалъ о моемъ приходѣ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ: „какъ онъ себя чувствуетъ?“ На вопросъ отвѣта не было; но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ: „много лестныхъ словъ, незаслуженныхъ мною“ (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ), сказалъ мнѣ умирающій. Въ избыткѣ сердечнаго чувства, молча пожалъ я ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ, хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не растревожить его раны и ушелъ въ грустномъ раздумьи. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ; пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію черепной кости, и громко прославленный во многихъ кругахъ за его смѣлый, отважный характеръ, за многія доблестныя качества, свидѣтельствованныя боевою кавказскою жизнію. Онъ былъ членомъ Общества. По своему обыкновенію, Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь; отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца нашего кавказца. Онъ вышелъ отъ него со слезою на глазахъ и мы, молча, пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; мирно отошелъ онъ въ вѣчность. Въ то же время не стало и Новосильцова. Мать и родные услаждали его послѣднія минуты. Убитая горемъ мать приняла его послѣднее дыханіе. Она же проводила, съ немногими близкими, его гробъ, послѣднее жилище единственнаго любимаго сына, единственной ея надежды на земную радость, въ родовой склепъ. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына. Кажется, онъ не желалъ, чтобы сообщили ей и въ особенности сестрѣ то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова. Товарищи вынесли его и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и не-

знакомые, пришедшіе воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выразило сочувствіе къ тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно, идею о защитѣ слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ здѣсь мыслятъ на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть видитъ иначе; можетъ быть, тамъ на небесахъ давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли.

Во второй половинѣ 1822 года родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлію обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и товарища его въ предпріятіи, Александра Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя, напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получить вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ: въ томъ числѣ находился и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. „Полярная Звѣзда“ имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1.500 до 2.000 рублей.

Такимъ образомъ начался 1825 годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкою радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной. Получивъ 28-мидневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ января въ Петер-

бургъ. Я нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ Альманаха, а по дѣламъ общества все находилось въ какомъ-то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга: Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ заграницей; Иванъ Ивановичъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву, кн. Сергѣй Петровичъ Трубецкой былъ въ Кіевѣ; Михайло Михайловичъ Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ наличное число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности чрезъ постоянное, взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные, періодически-назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ. Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены Общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣева, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ втораго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т. е. къ началу осени 1825 г., вслѣдствіе-ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или вслѣдствіе думъ, постоянно обращенныхъ на одинъ и тотъ-же предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внутренняго моего спокойствія. Я его сообщилъ Рылѣеву. Оно состояло въ слѣдующемъ: я спрашивалъ самого себя,—имѣемъ-ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго не давала мнѣ по-

коя, въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ вслѣдствіе слова, даннаго нами Пестелю и рѣшенія, принятаго нами, воспользоваться или перемѣною царствованія, или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ, для исполненія окончательной цѣли Союза, т. е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени.

Сообщивъ свою думу Рылѣеву, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго и своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ, приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ коими онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженій, я понималъ однакожъ, что если идеи истины, свободы, правосудія составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, и потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія или выраженіе ихъ въ поступкѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Бѣднякъ, по чувству справедливости, можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства. Но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, по тому же чувству правды,

отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы, истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, а отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствія. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженія идей свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви высшей, связующей всѣхъ въ одну общую семью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Рылѣевымъ или, лучше сказать, обмѣнивались мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно впродолженіе мѣсяца или болѣе или онъ заѣзжалъ ко мнѣ, или я приходилъ къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы и разставались, когда уже утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій, Рылѣевъ приходилъ къ темѣ, заданной мною сначала. Я видѣлъ, что онъ понималъ ее, какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу Общества и потому его усилія клонились къ тому, чтобы не допускать меня до охлажденія.

Между тѣмъ въ тайнахъ высшихъ судебъ приготовлялось событіе грустное, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ, и которое поразило насъ, какъ поражаетъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Императоръ Александръ Павловичъ приготовлялся къ путешествію на югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ съ добродѣтельной супругой, Елизаветой Алексѣевной, послѣ отреченія отъ престола, поселиться въ глубокомъ уединеніи и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленія отъ царственныхъ трудовъ и глубокаго потрясенія лучшихъ силъ души давно уже

видимо было не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста низшія въ правительственной іерархіи. Раскасированіе стараго Семеновскаго полка, наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданность къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардіи, въ любви которыхъ онъ былъ наиболѣе увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенія полка не заключалась единственно въ мелкихъ притѣсненіяхъ полковника Шварца, въ его неумѣніи обращаться съ солдатами, въ его желаніи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣйствіи тайнаго Общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался.

Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ въ то время при полку, членомъ Общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ[1]. Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствіе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего[2], кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца съ солдатами и офицерами, и противодѣйствія сихъ послѣднихъ тѣмъ благороднымъ обращеніемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое, само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣріе въ сердце императора къ любимому имъ войску. Многіе думали и говорили, что въ немъ преобладала фронтоманія. Съ этимъ мнѣніемъ я несовершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякій военный, при видѣ прекраснаго войска, какимъ была и всегда будетъ гвардія, стройно движущаяся по мановенію начальника. Тутъ соединяется и стройность движеній, и тишина, и та самоувѣренность каждаго, движущагося

[1] Въ Семеновскомъ полку служилъ также (нѣсколько раньше) И. Д. Якушкинъ. Тамъ же служилъ юнкеромъ ближайшій впослѣдствіи другъ С. И. Муравьева-Апостола, кончившій вмѣстѣ съ нимъ свою жизнь на висѣлицѣ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ. *В. Б.*

[2] Не совсѣмъ вѣрно: Шильдеръ говоритъ о революціонной прокламаціи, подброшенной въ казармы. Авторъ этой прокламаціи остался правительству неизвѣстенъ. Въ составленіи ея подозрѣвали, между прочими, извѣстнаго Каразина. *В. Б.*

безмолвно въ этомъ строю, которая являетъ собою невидимую, несокрушимую силу и бодрость душевную, составляющія украшеніе человѣка. Это чувство могъ раздѣлять и раздѣлялъ Императоръ Александръ при видѣ своего войска. На ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода, въ манежѣ, онъ искалъ не отличнаго фронтоваго образованія, но тотъ духъ, коимъ одушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта на сердечный привѣтъ: „здорово ребята", онъ въ одушевленномъ: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество", слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой-то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый, и всѣмъ былъ доволенъ. Тогда и министры принимались съ докладами, и ихъ доклады всегда счастливо проходили, и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это настроеніе въ особенности замѣтно стало въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825 года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядового лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, нечаянно увидѣвъ государя, выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ по солдатскому обычаю, и, не дожидаясь царскаго привѣта, громко и одушевленно воскликнулъ: „здравія желаю, Ваше Императорское Величество". Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвесть въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядового состояла единственно въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство императоръ Александръ.

Довольно трудно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, еще неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, не изнѣженныхъ роскошію. Взявъ каждаго отдѣльно, можно найти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ подчиненномъ, который въ начальникѣ видитъ не своего друга, но по большей части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выра-

жаемый всегда ея неподдѣльнымъ одушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выраженное просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я императора Александра въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ любимому имъ войску.

Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи послѣ поѣздки въ Крымъ. Кто могъ помышлять при легкихъ припадкахъ лихорадки крымской, что болѣзнь опасна́ и поведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало, и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которыя, однакожъ, не замедлили придти съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія въ церквахъ о здравіи государя и, кажется, во время второго молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ, пришло извѣстіе о его смерти, и молебствіе обратилось въ торжественную панихиду. Затѣмъ провозглашенъ былъ императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другой день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу.

Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйствія Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что на долго, а можетъ быть и навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ. Не стану разсказывать о ежедневныхъ нашихъ совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣева, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба) употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія — вос-

пользоваться перемѣною царствованія для государственнаго переворота.

Дѣйствія Общества и каждаго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ Комиссіи и въ сентенціи Верховнаго Уголовнаго Суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что и въ горячечномъ бреду человѣкъ говоритъ то, чего послѣ не помнитъ. Такъ и тутъ. Все, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно-восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ порывѣ увлеченія, не можетъ и не должно быть принято за истину. Но Верховный Судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ, не могъ вникать въ нравственное состояніе каждаго. Онъ произносилъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неопровержимъ![1] Покроемъ завѣсою прошедшее! Настал день 14-го Декабря. Рано утромъ я былъ у Рылѣева; онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣева тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе; но съ тѣхъ поръ, я уже его не видалъ. Много перечувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многіе со мною изъявляли мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день Обществомъ, но необинуемость близкая, неотвратимая, заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось Общество въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха; едва-ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ! Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливою звѣздою; но, при

[1] Въ этомъ отношеніи съ Оболенскимъ не согласны многіе изъ его товарищей. *В. Б.*

всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ Обществу исполнить данное слово, — обязанъ исполнить свое назначеніе, и съ этими чувствами, этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны.

15-го Декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. И Рылѣевъ былъ тамъже, но я этого не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ; ее называли офицерскою. Особый часовой стоялъ на стражѣ у моихъ дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники, все покрывалось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ коммиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть, мною отъ него получена была 21-го Января; при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ отвѣчать ему; я не имѣлъ искусства уберечь перо, чернила и бумагу; послѣдняя всегда была номерована; перо, чернильница — въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернила, ни мѣста, куда бы спрятать; все такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнетомъ воспоминаній еще свѣжихъ, страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ комиссіи, непрестанно-возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтѣ не прибавить лишняго горя тому, до кого коснется это слово? Все это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ коммиссію прекратился, тишина водворялась постепенно въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ ее въ самыхъ темныхъ ея изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ и какъ достойно восхвалю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце,

которое, восходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче, и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растенія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхая въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ Евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ Евангельскій, лучами живительными, лучами теплыми любви вѣчной, полной, совершенной озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ все то, что въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта, и намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ.

Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа, и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часового. Онъ уходитъ — я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ;
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ ми голубинѣ?
И полещу и почію.
Весь міръ, какъ смрадная могила:
Душа отъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ, сдѣлалось моимъ; его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ не къ Тому, къ которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные помыслы моей души? Я молился, и кто можетъ изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ, приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается и лучемъ, которымъ оно было вызвано? Но если оно впивается лучемъ, то имъ же возносится къ тому Источнику, отъ коего получило начало! Такъ уподобляя видимое невидимому — сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое Тому, отъ кого получило начало! Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой оберточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно сжатой рѣчи все то, что просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и, потрудившись около двухъ дней, успокоился душой и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ:

„Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! — Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О, какая была эта молитва, какія были эти слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ за весь міръ! Давно-ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но

оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества“. Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была неполная, до полученія слѣдующихъ строфъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ!
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Спасителю, сей Истинѣ Верховной,
Мы всецѣло подчинить должны
Отъ полноты своей души
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая
И благовѣствуя речетъ о ней
Сама намъ истина святая!
Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ,
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ!
Блаженъ кто вѣдаетъ, что Богъ Единъ,
И міръ, и истина, и благо наше;
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямый мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому!
Душею чистъ и сердцемъ правъ
Передъ кончиною подвижникъ постоянный;
Какъ Моисей съ горы Наваѳъ
Узритъ онъ край обѣтованный!

Это была послѣдняя, лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты.

Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія. Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ; не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія; отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ день 9-го іюля. Насъ собрали въ залы Комендантскаго дома. Радость была велика, при встрѣчѣ съ друзьями, съ коими такъ давно мы жили въ

разлукѣ. Напрасно, однакожъ, я искалъ Рылѣева и прочихъ четверыхъ. Смутно я понималъ, что они избраны изъ среды насъ для чего-то высшаго, нежели что предстояло намъ. Вошли мы въ залу. Знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на насъ. Оберъ-Прокуроръ громко прочелъ сентенціи каждаго изъ насъ. Я выслушалъ свой приговоръ какъ-то равнодушно. Въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе; и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакого яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли и насъ повели обратно не въ прежній Алексѣевскій равелинъ. Мнѣ назначили пребываніе въ Кронверкской куртинѣ. Въ длинномъ и широкомъ корридорѣ указали мнѣ на дверь. Я взошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго номера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ.— Вечеромъ на другой день приходитъ къ намъ постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенныхъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію.

Наконецъ, передъ уходомъ я рѣшился спросить: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ отвѣчалъ всегда загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: *Конфирмація-декорація*. Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ. И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. И онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Вотъ послѣднее, предсмертное письмо Рылѣева къ его женѣ: „Богъ и Государь рѣшили участь мою. Я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Письмо это, мой ми-

лый, мой безцѣнный другъ, отдастъ тебѣ духовный отецъ мой, Протоіерей Петръ Николаевичъ Мысловскій. Онъ обѣщалъ мнѣ молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ, въ знакъ признательности, или лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ одинъ Богъ за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Не оставайся здѣсь долго; старайся кончить скорѣе дѣла свои; отправляйся къ почтеннѣйшей матушкѣ и проси ее, чтобы она простила меня; равно всѣхъ проси о томъ же. К. И. и дѣтямъ ея кланяйся низко и скажи имъ, чтобы онѣ не роптали на меня за М. Б.; не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ это засвидѣтельствуетъ.

„Я хотѣлъ просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, боясь, чтобы не разстроить себя. Молю Бога за тебя, за Настеньку и за бѣдную сестру и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ ко мнѣ священникъ, мой другъ и благодѣтель и причаститъ меня. Настеньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о ея воспитаніи; я желалъ-бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее твои христіанскія чувства и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни; а когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ его, какъ ты, мой милый, мой добрый, неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіе 8-ми лѣтъ. Могу-ли я, мой другъ, благодарить тебя словами? Онѣ не могутъ выразить чувствъ моихъ. — Богъ тебя вознаградитъ за все! Почтеннѣйшей П. В. душевная, искренняя и усерднѣйшая моя благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его святая воля!

Твой искренній другъ

Кондратій Рылѣевъ [1].

---

[1] По поводу этого письма существуютъ сомнѣнія: въ своемъ разборѣ извѣстной книги Корфа „Восшествіе на престолъ императора Николая I" Герценъ, между прочимъ, писалъ: „жена Рылѣева *сама говорила* (курсивъ подлинника), что она никакого такого письма не получала и что Рылѣевъ никогда не писалъ его" („14 декабря 1825 года и императоръ Николай", 1858 г. стр. 247). *В. Б.*

Настала полночь. Священникъ со Святыми Дарами вышелъ отъ Кондратія Федоровича; вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго и отъ Михаила Бестужева-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля.

Я не спалъ; намъ велѣно было одѣваться; я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени, — слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ корридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Федоровича Рылѣева: „*простите, простите, братья!*“, и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окошку; начинало свѣтать; вижу взводъ Павловскихъ гренадеровъ и знакомаго мнѣ поручика Пильмана; вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ подали и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣ же гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостью. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю. Вдали я видѣлъ пять висѣлицъ; видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „*Конфирмація-декорація*“; еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ ту же крѣпость. Я опять занялъ тотъ же номеръ въ Кронверкской куртинѣ.

Избранныя жертвы были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Федоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: „слышишь, отецъ, оно не бьется сильнѣе прежняго.“ Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни, и казнь совершилась...

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ среди насъ, какъ жертвы искупительныя за грѣхъ общій; какъ готовые, спѣлые грозди, они упали на землю. Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земного въ горнилѣ скорбей, и внутрен-

нихъ, и внѣшнихъ, и, принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученическій, который не отымется отъ нихъ во вѣки. Слава Господу Богу!

21-го іюля 1826 года, вечеромъ, мнѣ принесли въ мой номеръ Кронверкской куртины сѣрую куртку и такіе же панталоны изъ самаго грубаго солдатскаго сукна и возвѣстили, что мы должны готовиться къ отправленію въ путь. Наканунѣ этого дня я имѣлъ свиданіе съ младшими братьями, пажами—и простившись съ ними, просилъ ихъ прислать мнѣ необходимое платье и бѣлье. Они исполнили мое желаніе: вѣроятно, нашли готовый сюртукъ съ брюками, и вмѣстѣ съ бѣльемъ уложили въ небольшой чемоданъ и отправили ко мнѣ: все это я получилъ, и удивляясь новому наряду, который мнѣ принесли, спросилъ у плацъ-маіора: „Зачѣмъ же мнѣ послали партикулярное платье, если хотятъ, чтобы я носилъ сѣрую куртку?" Отвѣтъ мнѣ былъ, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казеннымъ платьемъ, если этого самъ пожелаю. Но такъ какъ мнѣ приказано было приготовиться къ дорогѣ, то я пораздумавъ, что у меня не было ни одной копѣйки въ карманѣ,—и что въ дальней сторонѣ и въ дальнюю дорогу — единственный мой сюртукъ потерпитъ совершенное истребленіе, я рѣшился надѣть казенную аммуницію, которая хотя на видъ не хороша, но весьма была покойна, по ширинѣ ея размѣровъ, и сталъ дожидаться времени отправленія. Вскорѣ послѣ полуночи, меня повели въ Комендантскій домъ: взойдя въ комнату, вижу Александра Ивановича Якубовича, въ такомъ же нарядѣ, какъ и я. — Вслѣдъ за нимъ вошелъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ — бывшій командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, и Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной лейбъ-гусаръ. Артамонъ Захаровичъ былъ одѣтъ щегольски; въ длинномъ сюртукѣ — и со всѣмъ изяществомъ, которое доставляетъ искусство портного, щедро награжденнаго. Его добрая жена, Вѣра Алексѣевна, заботилась о немъ. Василія Львовича я увидѣлъ тогда въ первый разъ; не великъ ростомъ, но довольно тучный, съ глазами живыми и выразительными; въ саркастической его улыбкѣ замѣтно было и направленіе его ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое добродушіе, которое невольно располагало къ нему

тѣхъ, кто ближе съ нимъ былъ знакомъ. На Василіи Львовичѣ былъ надѣтъ фракъ Буту, перваго портного; остальной нарядъ соотвѣтствовалъ изящной отдѣлкѣ лучшаго портного. Мы молча пожали другъ другу руки. Якубовичъ не могъ удержаться отъ восклицанія, когда увидѣлъ меня съ отросшей бородой, и въ странномъ моемъ нарядѣ. „Ну! Оболенскій!— сказалъ, онъ подводя меня къ зеркалу: „если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина“. Вскорѣ дверь распахнулась, и комендантъ крѣпости, генералъ-отъ-инфантеріи Сукинъ громко сказалъ: „по высочайшему повелѣнію, васъ велѣно отправить въ Сибирь закованными“. Выслушавъ повелѣніе, я обратился къ нему и сказалъ, что не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, я прошу его объ одной милости, чтобы мнѣ возвратили золотые часы, довольно-цѣнные, которые были у меня отобраны, когда привезли въ крѣпость. Выслушавъ меня, генералъ приказалъ плацъ-адъютанту Трусову немедленно принести мои часы и возвратить мнѣ. Это было исполнено; вскорѣ потомъ, принесли ножныя цѣпи; насъ заковали, сдали фельдъегерю Сѣдову, при четырехъ жандармахъ и мы вышли, чтобы отправиться въ дальній путь. Провожая насъ, крѣпостной плацъ-маіоръ, Егоръ Михайловичъ Подушкинъ, подходитъ ко мнѣ и таинственно пожимаетъ мнѣ руку; я отвѣчалъ пожатіемъ — и тутъ слышу едва внятный его шопотъ: возьмите, это отъ вашего брата. Тутъ я чувствую, что въ рукѣ моей деньги молча пожалъ я ему руку—и внутренно благодарилъ Бога за неожиданную помощь. У подъѣзда стояли четыре тройки: на одну изъ нихъ меня посадили: невольное грустное чувство обнимало душу. Вдругъ вижу, — на мою телѣгу вскочилъ Козловъ, адъютантъ военнаго министра Татищева, посланный имъ, чтобы быть свидѣтелемъ нашего отправленія; мы съ нимъ мало были знакомы. Онъ обласкалъ меня, какъ братъ родной, и слезы, потокомъ лісь изъ его глазъ, свидѣтельствовали о глубокомъ чувствѣ, коимъ онъ былъ проникнутъ; отрадно мнѣ было видѣть сочувствіе въ такомъ человѣкѣ, съ которымъ я едва былъ знакомъ. Тройки помчали насъ съ разсвѣтомъ дня черезъ Петербургъ въ Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемѣны

лошадей на первой станціи..., гдѣ насъ ожидала жена Артамона Захаровича Муравьева для послѣдняго прощанія съ мужемъ. Не болѣе часа пробыли они вмѣстѣ; лошадей перемѣнили, и скоро мы миновали Новую Ладогу и съ обычной быстротой ѣхали все далѣе и далѣе. Путевыя впечатлѣнія совершенно изгладились изъ моей памяти; быстрая и безпокойная ѣзда, новость положенія, все вмѣстѣ не дозволяло обращать вниманія на внѣшніе предметы. Мы останавливались въ гостинницахъ; Артамонъ Захаровичъ былъ общимъ казначеемъ и щедро платилъ за наше угощеніе; постороннихъ лицъ до насъ не допускали; наша отрада состояла въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній наиболѣе въ памяти сохранился въѣздъ въ Нижній, который совершился во время открытія ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проѣзжали чрезъ площадь къ гостинницѣ. Общее чувство къ намъ выразилось единственно безмолвнымъ созерцаніемъ нашихъ колесницъ съ жандармами, и нашего наряда съ ножными украшеніями. Въ Нижнемъ я купилъ необходимую для меня шинель и нѣкоторыя другія вещи мнѣ нужныя, и изъ 150 рублей, полученныхъ мною отъ Подушкина, немного оставалось у меня въ наличности; мы продолжали путь по большому сибирскому тракту и въ концѣ августа были уже въ Иркутскѣ.

Генералъ-губернаторъ Лавинскій находился въ отсутствіи; насъ принялъ исправляющій его должность ст. сов. Гирловъ; съ нами онъ обошелся ласково и, поговоривъ съ участіемъ съ каждымъ изъ насъ, вышелъ изъ залы; вмѣстѣ съ нимъ вышли и другіе, но оставался чиновникъ, намъ тогда неизвѣстный (это былъ совѣтникъ какой-то палаты Вахрушевъ). Во время нашей бесѣды съ губернаторомъ, онъ смотрѣлъ на насъ съ видимымъ участіемъ; наконецъ, когда старшіе чиновники удалились, онъ подходитъ ко мнѣ; слезы у него были на глазахъ; едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, онъ говоритъ мнѣ: „не откажите мнѣ ради Бога, примите“—и въ руку кладетъ мнѣ 25 руб.; я не зналъ что мнѣ дѣлать, говорю ему шопотомъ: „не безпокойтесь—у меня деньги есть; я не нуждаюсь“—вновь тѣ же слова: „ради Бога, примите“—принуждалъ принять. До нашего ко-

нечнаго назначенія въ заводы, намъ отвели квартиру у частнаго пристава Затопляева; полицеймейстеръ въ то время былъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ; градскимъ головой былъ Ефимъ Андреевичъ Кузнецовъ, въ послѣдствіи столько прославившійся богатыми золотыми пріисками, но еще болѣе общественною благотворительностію. Много вниманія и участія оказали намъ, какъ Ефимъ Андреевичъ, такъ и прочіе чиновники и купечество, и по возможности старались насъ успокоить и развлечь во время краткаго пребыванія нашего въ квартирѣ г. Затопляева, который самъ, равно какъ и Андрей Ивановичъ Пирожковъ, никакимъ словомъ и никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранялось. Не долго мы пользовались радушнымъ гостепріимствомъ; насъ назначили—меня и Якубовича—въ соляной заводъ, находящійся въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, подъ названіемъ Усолье; Муравьева и Давыдова въ Александровскій винокуренный заводъ. Мы разстались съ надеждою вновь увидѣться при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Съ Якубовичемъ прибыли мы къ мѣсту новаго назначенія 30-го августа. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Иркутскъ: Трубецкой, Волконскій и два брата Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ; первые двое были посланы въ Николаевскій, а послѣдніе два въ Александровскій винокуренный заводъ.

По прибытіи въ заводъ, насъ приняли въ заводской конторѣ, отобрали деньги, бывшія при насъ, и отвели квартиру у вдовы, у которой мы поселились въ единственной ея горницѣ; сама же она жила въ избѣ. Начальника соляного завода—горнаго полковника Крюкова, въ то время не было въ заводѣ, и потому никакого особаго распоряженія объ насъ сдѣлано не было, и мы пользовались свободой, хотя ограниченной полицейскимъ надзоромъ, но не стѣсняемой никакими формальными ограниченіями; время отъ времени насъ посѣщалъ заводскій полицеймейстеръ, урядникъ Скуратовъ, единственное лицо, съ которымъ мы имѣли оффиціальныя сношенія. Съ простымъ народомъ, населяющимъ заводъ, наши сношенія ограничивались покупкою припасовъ и платою за простыя услуги, намъ оказываемыя. Полицейскій невидимый над-

зоръ непрерывно наблюдалъ за нами, и часто, среди вечерней бесѣды вдвоемъ съ Якубовичемъ, мы слышали осторожные шаги приближающагося къ запертымъ ставнямъ агента полиціи, и глазъ его, сквозь ставеную щель, нерѣдко былъ нами замѣчаемъ. Но вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, скоро до насъ дошла вѣсть, что княгиня Трубецкая пріѣхала въ Иркутскъ: нельзя было сомнѣваться въ вѣрности извѣстія, потому что никто не зналъ въ Усольи о существованіи княгини, и потому выдумать извѣстіе о ея прибытіи было бы невозможно; это было, кажется, недѣли черезъ двѣ послѣ прибытія нашего въ заводъ. Къ этому времени прибылъ давно-ожидаемый горный начальникъ Крюковъ, который долженъ былъ окончательно распорядиться о назначеніи насъ на заводскую работу. На другое утро послѣ его прибытія, насъ позвали къ нему. Заводская полиція отдалила отъ его дома всѣхъ постороннихъ, и къ нему во время этого свиданія никого не впускали. Онъ насъ принялъ не только ласково, но съ такимъ вниманіемъ, которое глубоко насъ тронуло. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, разговоръ нашъ принялъ то направленіе полуоткровенное и не стѣснительное для насъ, которое ему умѣлъ дать образованный хозяинъ; и скорѣ затѣмъ вошла въ гостиную его дочь, съ подносомъ въ рукѣ, на которомъ мы увидѣли кофе, приготовленный ея собственными руками. Хозяинъ отрекомендовалъ насъ дочери

мы съ удовольствіемъ выпили приготовленный ею прекрасный кофе: — впослѣдствіи мы узнали, что даже прислуга была выслана изъ дома, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ донести о вниманіи, которое намъ оказалъ начальникъ завода. Отпуская насъ, полковникъ объявилъ, что назначитъ намъ работу только для формы, что мы можемъ быть спокойными и никакого притѣсненія опасаться не должны. Мы возвратились домой, довольные и покойные на счетъ будущности, насъ ожидающей; невольно иногда тревожила насъ мысль, что насъ могутъ употребить въ ту же работу, которую несли простые ссыльно-каторжные; я видѣлъ самъ, какъ они возвращались съ работы покрытые съ головы до ногъ соляными кристаллами, которые высыхали на волосахъ, на одеждѣ, на бородѣ — они работали безъ рубашекъ — и каждая

пара работниковъ должна была вылить изъ солянаго источника въ соляную варницу извѣстное число ушатовъ соленой влаги. На другой день послѣ свиданія съ начальникомъ, урядникъ Скуратовъ приноситъ намъ два казенные топора и объявляетъ, что мы назначены въ дровосѣки и что намъ будетъ отведено мѣсто, гдѣ мы должны рубить дрова въ количествѣ назначеномъ для каждаго работника по заводскому положенію: это было сказано вслухъ — шопотомъ же онъ объявилъ, что мы можемъ ходить туда для прогулки и что нашъ урокъ будетъ исполненъ безъ нашего содѣйствія. Въ тотъ же день намъ указали назначенное намъ мѣсто для рубки дровъ, вблизи отъ завода и мы возвратились домой, довольные прогулкой и назначеніемъ. Между тѣмъ мысль объ открытіи сношеній съ княгиней Трубецкой меня не покидала: я былъ увѣренъ, что она дастъ мнѣ какое-нибудь извѣстіе о старикѣ-отцѣ, но какъ исполнить намѣреніе при бдительномъ надзорѣ полиціи—было весьма затруднительно; вставъ рано по утру, въ день назначенный для начала работы, и напившись чаю, я простился съ Якубовичемъ, который былъ боленъ воспаленіемъ глазъ, подпоясалъ шинель, заткнулъ за поясъ данный мнѣ топоръ и отправился въ назначенное намъ мѣсто. Прибывъ въ лѣсъ, я разсудилъ, что лучше приняться за работу, нежели праздно проводить время. Сверхъ того, зная опасенія полковника Крюкова на доносы и не желая ввести его въ отвѣтственность за его къ намъ снисхожденіе, я храбро взялся за топоръ и началъ рубить деревья, сколько у меня было силъ и умѣнья. Много я трудился, пока свалилъ первое дерево и, наработавшись до поту лица, весело возвратился домой, въ полной увѣренности, что исполнилъ долгъ благодарности въ отношеніи къ внимательному начальнику. Между тѣмъ, во время моей прогулки въ лѣсъ, замѣтилъ я человѣка, одѣтаго довольно нарядно въ крытомъ сукномъ полушубкѣ, съ чертами лица довольно замѣчательными, и съ выраженіемъ какого-то особеннаго сочувствія, когда онъ мнѣ сдѣлалъ обычный свой привѣтъ. Вечеромъ того же дня, вижу его вновь не далеко отъ нашего дома и мнѣ показалось, что онъ дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки: мое вниманіе было обращено на таинственнаго незнакомца. На другой

день, выйдя на работу, я вновь увидѣлъ его на моемъ пути, и тотъ же таинственный знакъ указалъ мнѣ на лѣсъ, куда я направлялъ мой путь; начавъ работу, я началъ забывать мою встрѣчу, но вижу, какъ онъ пробирается сквозь чащу въ уединенное мѣсто и знакомъ, едва замѣтнымъ, манитъ меня туда: не долго я думалъ и пошелъ за нимъ. Мой незнакомецъ встрѣчаетъ меня таинственными, но торжественными словами: „мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезекіиля, въ такой-то главѣ, о васъ сказано, и мы васъ ожидали—нашихъ здѣсь много: надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ". Изъ его словъ я видѣлъ сектатора; но ни мѣсто свиданія, ни время не позволили мнѣ его разувѣрить въ его заблужденіи; лѣсная дорога, чрезъ которую проѣзжали крестьяне, была недалеко; я уже слышалъ скрипъ телѣги невдалекѣ; не теряя времени, я ему сказалъ: „ты ошибаешься, мой другъ, но если хочешь сослужить мнѣ даровую службу, то исполни. Берешься-ли доставить письмо къ княгинѣ Трубецкой, въ Иркутскъ, за труды не могу я тебѣ заплатить, у меня денегъ нѣтъ?" Не долго онъ думалъ. „Будьте покойны", сказалъ онъ мнѣ, „завтра въ сумерки, я буду на такомъ-то мѣстѣ; принесите письмо—оно будетъ доставлено". Такъ мы разстались; я догадывался потомъ, что мой незнакомый знакомецъ принадлежалъ къ сектѣ духоборцевъ; посовѣтовавшись съ Якубовичемъ, я рѣшился написать письмо, и въ назначенное время отнесъ къ моему пріятелю, онъ его взялъ,—и въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ. Онъ вѣрно исполнилъ порученіе—и чрезъ два дня принесъ письмо отъ княгини Трубецкой, которая увѣдомляла о своемъ прибытіи, доставила успокоительныя извѣстія о родныхъ и обѣщала вторичное письмо, предъ отъѣздомъ въ Николаевскій заводъ къ мужу: чрезъ повѣреннаго Ефима Андреевича Кузнецова, письмо было вскорѣ получено, и мы нашли въ немъ пятьсотъ рублей, коими княгиня дѣлилась съ нами. Тогда же предложила она намъ писать къ роднымъ, съ обѣщаніемъ доставить наше письмо чрезъ секретаря ея отца, который сопутствовалъ ей до Иркутска и долженъ былъ возвратиться обратно въ Петербургъ. Случай благопріятный былъ драгоцѣненъ для насъ и мы имъ воспользовались,

сердечно благодаря Катерину Ивановну за ея дружеское вниманіе.

Но время теперь коснуться замѣчательной личности, каковою была княгиня Катерина Ивановна, рожденная графиня Лаваль. Ея отецъ со времени французской революціи поселился у насъ, женившись на Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой, получилъ вмѣстѣ съ ея рукою богатое наслѣдство, которое придавало его дому тотъ блескъ, въ которомъ, роскошь служитъ только украшеніемъ и необходимою принадлежностью высокаго образованія и изящнаго вкуса. Воспитанная среди роскоши, Катерина Ивановна съ малолѣтства видѣла себя предметомъ вниманія и попеченія какъ отца, который нѣжно ее любилъ, такъ и матери, и прочихъ родныхъ. Кажется въ 1820 году, она находилась въ Парижѣ, съ матерью, когда князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой пріѣхалъ туда же, провожая больную свою двоюродную сестру княжну Куракину; познакомившись съ графиней Лаваль, онъ скоро сблизился съ Катериной Ивановной, предложилъ ей руку и сердце и такимъ образомъ, устроилась ихъ судьба, которая, впослѣдствіе, такъ рѣзко очертила высокій характеръ Катерины Ивановны и среди всѣхъ превратностей судьбы устроила ихъ семейное счастіе, на такихъ прочныхъ основаніяхъ, которыхъ ничто не могло поколебать въ послѣдствіе. По сношеніямъ Общества, я былъ близокъ съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ; въ 1821 году я въ первый разъ увидѣлъ Катерину Ивановну и съ того времени дружба къ ней и глубокое уваженіе не измѣнялись, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваясь, приняли тотъ характеръ, который теперь, когда ея нѣтъ уже между нами, когда она уже приняла высшую награду отъ единаго истиннаго цѣнителя всей нашей жизни, остались начертанныя чертами неизгладимыми тамъ, гдѣ все лучшее переходитъ съ нами въ иной міръ. Событіе 14-го декабря и отправленіе въ Сибирь князя Сергѣя Петровича служили только поводомъ къ развитію тѣхъ силъ души, коими одарена была Катерина Ивановна и которыя она такъ прекрасно умѣла употребить для достиженія высокой цѣли исполненія супружескаго долга, въ отношеніи къ тому, съ

коимъ соединена была узами вѣчной, ничѣмъ не разрушимой; она просила, какъ высшей милости, слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь, получила высочайшее дозволеніе и, вопреки настоянію матери, которая не хотѣла ее отпускать, отправилась въ дальній путь, въ сопровожденіи секретаря графа Лаваля, француза M-r Vaucher; недоѣзжая ста или болѣе верстъ до Красноярска, карета ея сломалась, починить ее было невозможно; княгиня не долго думала, сѣла въ перекладную телѣгу и, такимъ образомъ, доѣхала до Красноярска, откуда она послала тарантасъ, ею купленный, за своимъ спутникомъ, который не могъ выдержать телѣжной ѣзды и остановился на станціи. Соединившись, наконецъ, съ мужемъ въ Николаевскомъ заводѣ, она съ того времени никогда не покидала насъ и была, во все время нашей общей жизни, нашимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Трудно выразить то, чѣмъ были для насъ дамы, спутницы своихъ мужей; по справедливости ихъ можно назвать сестрами милосердія, которыя имѣли о насъ попеченіе, какъ близкія родныя, коихъ присутствіе вездѣ и всегда вливало въ насъ бодрость, душевную силу; а утѣшеніе, коимъ мы обязаны имъ — словами изъяснить невозможно. Вслѣдъ за княгинею Трубецкой, пріѣхала и княгиня Марія Николаевна Волконская, дочь знаменитаго въ отечественныхъ войнахъ Николая Николаевича Раевскаго: въ то время, о которомъ я говорю, ея не было еще въ Иркутскѣ; но обратимся къ прерванному разсказу.

Дни наши въ заводѣ текли однообразно: каждый день утромъ, мы шли съ Якубовичемъ на обычную работу и я, наконецъ, достигъ въ рубкѣ дровъ того навыка, что могъ уже нарубать 1/4 сажени въ день; въ третьемъ часу мы возвращались домой, обѣдали сытно, хотя не роскошно, а вечеръ проводили или въ бесѣдѣ другъ съ другомъ, или играли въ шахматы. Сравнительно съ тѣмъ, чего я ожидалъ, мы были такъ покойны, что я рѣшительно не вѣрилъ, чтобы наше положеніе не измѣнилось къ худшему; мой товарищъ былъ мнѣнія противнаго, и находился въ твердомъ убѣжденіи, что вмѣстѣ съ коронаціей, назначенной 22-го августа, послѣдуетъ манифестъ о нашемъ возвращеніи. Каждый изъ насъ отстаивалъ свое мнѣніе, и бесѣды наши оживлялись,

какъ разсказами товарища о кавказской боевой его жизни, такъ и воспоминаніями о недавнемъ прошедшемъ; такимъ образомъ, протекали дни, какъ вдругъ, вечеромъ 5-го октября, въ то время, когда мы играли въ шахматы, входитъ урядникъ Скуратовъ, и объявляетъ намъ, чтобы мы собирались въ дорогу и что насъ велѣно представить въ Иркутскъ. Первая мысль товарища была, что манифестъ присланъ съ фельдъегеремъ и что насъ зовутъ въ Иркутскъ, чтобы объявить высочайшую милость. Я молчалъ, но думалъ противное, и началъ укладывать все, что можно было помѣстить въ наши чемоданы; однимъ словомъ, все, что не принадлежало къ домашней кухонной утвари. Мой товарищъ рѣшительно не хотѣлъ брать ничего съ собою въ полной увѣренности, что онъ скоро, на возвратномъ пути, легче и удобнѣе можетъ заѣхать въ Усолье и взять съ собою все то, что ему покажется нужнымъ для обратнаго пути. Молча я сдѣлалъ свое дѣло: уложилъ наши чемоданы, но никакъ не могъ уговорить товарища взять мѣдныхъ 25 руб., которые остались на рукахъ хозяйки до предполагаемаго нашего возвращенія; тройки прибыли; при каждомъ изъ насъ посадили по два казака, на третьей тройкѣ насъ провожалъ урядникъ Скуратовъ. Я указалъ молча Якубовичу на нашъ конвой; но онъ махнулъ рукой и говоря; „вотъ услышишь, тогда повѣришь", сѣлъ на передовую тройку и поскакалъ. Такимъ образомъ продолжали мы путь до Иркутска. На перевозѣ тройка Якубовича была первая — переѣхавъ на другой берегъ, онъ махалъ мнѣ бѣлымъ платкомъ. Тронулась наша тройка. Это было въ самую заутреню 6-го октября. Мы въѣзжаемъ въ городъ. Якубовичъ не перестаетъ мнѣ махать бѣлымъ платкомъ; наконецъ, ѣдемъ далѣе, проѣзжаемъ весь городъ, нигдѣ не останавливаясь; бѣлый платокъ перересталъ развѣваться; выѣзжаемъ, наконецъ, за городъ и на четвертой верстѣ видимъ зданіе, окруженное войскомъ: тутъ были и казаки, и пѣхота; часовые разставлены вездѣ. Это были казармы казачьяго войска. Въѣзжаемъ на дворъ; Якубовичъ соскочилъ съ телѣги: его встрѣчаетъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ. Недолго задумывался нашъ кавказецъ: „помилуйте, Андрей Ивановичъ, — говоритъ онъ ему, — у васъ здѣсь собрана и

пѣхота, и кавалерія; гдѣ же ваша артиллерія?“ Андрей Ивановичъ не могъ не улыбнуться, но молча протянулъ намъ руку, провелъ въ верхній покой, гдѣ мы нашли князей Трубецкаго и Волконскаго; тутъ мы узнали истинную причину нашего пріѣзда; *насъ отправляли въ Нерчинскіе рудники!* Насъ угостили чаемъ, завтракомъ, а между тѣмъ тройки для дальнѣйшаго нашего отправленія были уже готовы. Въ это время, смотря въ окошко, вижу неизвѣстную мнѣ даму, которая въѣхавъ на дворъ, соскочила съ дрожекъ и что-то разспрашиваетъ у окружившихъ ее казаковъ. Я зналъ отъ Сергѣя Петровича, что Катерина Ивановна въ Иркутскѣ и догадывался, что неизвѣстная мнѣ дама спрашиваетъ о немъ. Поспѣшно сбѣжавъ съ лѣстницы, я подбѣжалъ къ ней: это была княжна Шаховская, пріѣхавшая съ сестрой, женой Александра Николаевича Муравьева, посланнаго на жительство въ городъ Верхне-Удинскъ. Первый ея вопросъ былъ: „здѣсь-ли Сергѣй Петровичъ?“ На отвѣтъ утвердительный она мнѣ сказала: „Катерина Ивановна ѣдетъ вслѣдъ за мною: она непремѣнно хочетъ видѣть мужа передъ отъѣздомъ, скажите это ему“. Но начальство не хотѣло допускать этого свиданія, и торопило насъ къ отъѣзду; мы медлили сколько могли, но, наконецъ, принуждены были сѣсть въ назначенныя намъ повозки. Лошади тронулись; въ это время вижу Катерину Ивановну, которая пріѣхала на извозчикѣ и успѣла соскочить и закричать мужу; въ мгновеніе ока Сергѣй Петровичъ соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ жены; долго продолжалось это нѣжное объятіе, слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полицеймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ: напрасны были его просьбы. Его слова касались ихъ слуха, но смыслъ ихъ для нихъ былъ непонятенъ. Наконецъ, однакожъ, послѣднее „прости“ было сказано, и вновь тройки умчали насъ съ удвоенною быстротою. Княгиня Трубецкая осталась въ неизвѣстности объ участи мужа. Никто не хотѣлъ ей сказать истины объ окончательномъ назначеніи нашемъ; но твердо рѣшившись слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь, какою бы она ни была горькою и тягостною, княгиня обратилась къ начальству съ требованіемъ, чтобы ей дозволено было слѣдо-

вать за мужемъ и раздѣлять съ нимъ его участь. Долго томили ее разными уклончивыми отвѣтами; въ это время пріѣхала въ Иркутскъ княгиня Марія Николаевна Волконская, и обѣ соединились въ одной мысли соединиться съ мужьями и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Наконецъ, имъ представили положеніе о женахъ ссыльно-каторжныхъ, и о правилахъ, на которыхъ онѣ допускаются въ заводы. Во-первыхъ, онѣ должны отказаться отъ пользованія тѣми правами, которыя принадлежатъ имъ по званію и состоянію. Во-вторыхъ, онѣ не могутъ ни получать, ни отправлять писемъ и денегъ, иначе какъ черезъ заводское начальство. Далѣе: свиданіе съ мужьями дозволяется имъ только по волѣ того же начальства, и въ томъ мѣстѣ, которое имъ же будетъ опредѣлено. Изустно же прибавляли къ этимъ правиламъ, что заводское начальство могло даже требовать отъ нихъ и личной прислуги, какъ-то мытья половъ и тому подобное. Прочитавъ условія, Катерина Ивановна и Марья Николаевна не усомнились утвердить ихъ своими подписями и, такимъ образомъ, начальство было, наконецъ, вынуждено дать свое согласіе и дозволить имъ безпрепятственно слѣдовать за мужьями въ Нерчинскіе рудники.

Пока длились эти переговоры, мы уже давно переѣхали черезъ Байкалъ на двухъ-мачтовомъ, низенькомъ суднѣ „Ермакъ". Когда мы еще были на берегу, къ намъ присоединились и прочіе товарищи: Муравьевъ, Давыдовъ и два брата Борисовыхъ. Такимъ образомъ, на восьми тройкахъ, отъ Писольскаго монастыря помчали насъ по большому Нерчинскому тракту, при двухъ казачьихъ офицерахъ; при насъ былъ хорунжій Чаусовъ — сынъ атамана Иркутскаго казачьяго полка; при второй партіи — хорунжій Черепановъ; оба - люди добрые, не притязательные, которые исполняли свой долгъ, и были твердо убѣждены, что мы не введемъ ихъ въ отвѣтственность никакимъ необузданнымъ поступкомъ. Казаки, насъ сопровождавшіе, какъ всѣ добрые русскіе люди, были готовы оказать намъ, во всякое время, всякую помощь и всякую услугу. Изъ путевыхъ впечатлѣній, наиболѣе врѣзался мнѣ въ память пріѣздъ нашъ, поздно ве-

черомъ, къ берегу рѣки за Верхне-Удинскомъ. Тутъ былъ перевозъ, и мы остались ночевать. Поставили самоваръ, и мы начали пить чай: въ это время входитъ къ намъ въ избу молодой парень, хорошо одѣтый, и чистымъ русскимъ нарѣчіемъ говоритъ намъ: „Дѣдушка проситъ васъ принять его хлѣбъ-соль"; съ этими словами онъ вноситъ къ намъ корзину съ чистымъ бѣлымъ хлѣбомъ, съ булками, сухарями; все было такъ чисто, хорошо, вкусно, что мы не мало удивились, увидя въ такомъ дальнемъ краѣ такую роскошь; поблагодаривъ юношу, мы просили его передать нашу благодарность его почтенному дѣду и просили его посѣтить насъ, если это его не затруднитъ. Черезъ часъ пріѣхалъ къ намъ и старецъ, и мы долго и пріятно бесѣдовали съ нимъ; онъ называлъ себя кореннымъ сибирякомъ, т. е. его предки поселились тутъ съ первыхъ временъ населенія Забайкальскаго края; трудомъ земледѣльческимъ и промышленностію звѣриной ловли пріобрѣли они то благосостояніе, коимъ онъ нынѣ пользовался. Простившись съ нимъ, мы еще долго бесѣдовали о старцѣ и о томъ краѣ, который онъ съ такою любовью намъ описывалъ. За этимъ первымъ впечатлѣніемъ слѣдовало другое, не менѣе пріятное, хотя въ другомъ родѣ: это была остановка въ селѣ Біанкинѣ, гдѣ насъ принялъ и угостилъ купецъ Кондинскій; его обѣдъ и угощеніе были роскошны. Радушіе хозяевъ было полное: они желали угостить насъ баней, но мы не могли оставаться долго у нихъ, чтобы не ввести въ отвѣтственность офицеровъ, и потому простившись съ хозяевами и поблагодаривъ за угощеніе, мы отправились въ дальній путь. Во время этого краткаго переѣзда по селеніямъ, принадлежавшимъ къ Нерчинскимъ заводамъ, меня поразила картина, довольно необыкновенная въ это время года, гдѣ морозъ доходитъ до 10-ти и болѣе градусовъ: это были дѣти разныхъ возрастовъ, которыя, въ полдень, стояли кучками около избы, безъ всякой одежды — какъ мать родила, — и грѣлись на солнцѣ. Зрѣлище такой бѣдности давало понятіе о благосостояніи заводскихъ крестьянъ. Скоро мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія — въ Благодатскій рудникъ — и тройки наши остановились у казармы, приготовленной для нашего жилища. Это было

строеніе 7-ми саженъ длины и 5-ти ширины; въ немъ были двѣ избы, первая со входа назначалась для караульныхъ солдатъ, вторая для насъ; въ нашей избѣ, со входа по лѣвую сторону находилась огромная русская печь; направо вдоль всей избы устроены были три чулана, отдѣленные другъ отъ друга досчатыми перегородками; къ противоположной стѣнѣ отъ двери устроена была третья комната, наскоро сколоченная изъ досокъ. Къ тремъ первымъ чуланамъ вели двѣ ступени и у каждаго чулана навѣшена дверь. Размѣръ первыхъ двухъ чулановъ былъ: съ правой стороны—3 аршина съ небольшимъ длины и аршина два ширины. Размѣръ послѣдняго чулана—длина та же, но ширина аршина четыре. Скоро мы размѣстились. Давыдовъ и Якубовичъ заняли каждый по особому чулану, Трубецкой и я помѣстились вмѣстѣ въ третьемъ чуланѣ. Трубецкой имѣлъ свою досчатую кровать въ длину; моя кровать устроена была такъ, что половина моего туловища находилась подъ кроватью Трубецкаго, а другая примыкала къ двери; Волконскій занялъ противоположную сторону, противъ Трубецкаго. Муравьевъ и двое Борисовыхъ помѣстились подобнымъ образомъ въ своей досчатой комнатѣ. Караулъ нашъ состоялъ изъ горнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, которые безсмѣнно сторожили насъ, во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ. Караулъ былъ внутренній; тѣ же караульные готовили намъ кушанье, ставили самоваръ, служили намъ и скоро полюбили насъ и были намъ полезнѣйшими помощниками. Насъ принялъ управляющій рудникомъ, горный офицеръ, котораго фамилію я запомнилъ.

Намъ дали отдохнуть дня три: отобрали бывшія при насъ деньги и распорядились такимъ образомъ, чтобы мы изъ выдаваемыхъ намъ денегъ могли закупать всю нужную намъ провизію, а въ издержанныхъ деньгахъ отдавали-бы отчетъ. Денегъ оказалось весьма мало: всякій отдавалъ изъ своихъ денегъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ бо́льшаго противъ того, что было нами показано. Въ теченіе этихъ трехъ дней, пріѣхалъ и начальникъ Нерчинскихъ заводовъ—бергъ-гауптманъ Тимофей Степановичъ Бурнашевъ—взглянуть на насъ; на словахъ онъ былъ довольно грубъ, но въ его распоряженіяхъ

видно было желаніе облегчить наше положеніе, не обременяя насъ излишнею тягостію. Скоро настало время начала нашихъ работъ; накануне намъ было объявлено, чтобы мы приготовились съ раннимъ утромъ къ предстоявшему труду; на другой день въ 5 часовъ пришли къ нашимъ казармамъ штегеръ съ рабочими, назначенными намъ въ товарищи; началась перекличка: „Трубецкой?“ отвѣтъ: „я“; „Ефимъ Васильевъ?“ и Трубецкой пошелъ съ Ефимомъ Васильевымъ. „Оболенскій?“ — „я;“ „Николай Бѣловъ?“ и двое мы пошли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ всѣхъ насъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ; дали каждой парѣ по сальной свѣчѣ, мнѣ дали въ руку кирку, товарищу молотъ и мы спустились въ шахты и пришли на мѣсто работы. Работа была не тягостна: подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался. Въ одиннадцать часовъ, звонокъ возвѣщалъ окончаніе работы, и мы возвращались въ свою казарму; тогда начинались приготовленія къ обѣду. Артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части. Вообще, мы пользовались полной свободой внутри нашей казармы; двери были открыты; мы обѣдали, пили чай и ужинали вмѣстѣ. Большое утѣшеніе было для насъ то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіе стольких лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ въ нашу убогую казарму; все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей. Одна неизвѣстность о томъ, увѣнчается-ли успѣхомъ твердое намѣреніе княгинь Трубецкой и Волконской соединиться съ мужьями, волновала насъ въ первыя недѣли послѣ нашего пріѣзда. Но вскорѣ и это недоумѣніе разрѣшилось; обѣ прибыли благополучно и обѣ заняли небольшую избу въ рудникѣ, въ полуверстѣ отъ нашихъ казармъ. Скоро назначено было свиданіе нашимъ дамамъ въ самой казармѣ. Время свиданія могло продлиться часъ. Первая пришла Катерина Ивановна; мы вышли съ Волконскимъ къ сосѣдямъ товарищамъ; свиданіе кончилось смѣною Марьи Николаевны, которая въ томъ же номерѣ бесѣдовала съ мужемъ опредѣленное

время. Прибытіе этихъ двухъ высокихъ женщинъ, Русскихъ по сердцу, высокихъ по характеру, благодѣтельно подѣйствовало на насъ всѣхъ; съ ихъ прибытіемъ у насъ составилась семья. Общія чувства обратились къ нимъ, и ихъ первою заботою были мы же; своими руками шили онѣ намъ то, что имъ казалось необходимымъ для каждаго изъ насъ; остальное покупалось ими въ лавкахъ; однимъ словомъ, то, что сердце женское угадываетъ по инстинкту любви, этого источника всего высокаго, было ими угадано и исполнено; съ ихъ прибытіемъ и связь наша съ родными, съ близкими сердцу, получила то начало, которое потомъ уже не прекращалась, по ихъ родственной попечительности доставлять и роднымъ нашимъ тѣ извѣстія, которыя могли ихъ утѣшить при совершенной неизвѣстности о нашей участи. Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе стольких лѣтъ, которыя ими посвящены были попеченію о своихъ мужьяхъ,— а вмѣстѣ съ ними и объ насъ? Какъ не вспомнить и импровизированныя блюда, которыя приносились намъ въ нашу казарму Благодатскаго рудника — плоды трудовъ княгинь Трубецкой и Волконской, въ которыхъ ихъ теоретическое знаніе кухоннаго искусства было подчинено совершенному невѣдѣнію примѣненія теоріи къ практикѣ? Но мы были въ восторгѣ и намъ все казалось такъ вкуснымъ, что едва-ли хлѣбъ, недопеченный рукою княгини Трубецкой, не показался бы намъ вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника. Какъ не вспомнить и ежедневныхъ ихъ посѣщеній нашей казармы въ первомъ или во второмъ часу, въ тѣ дни, въ которые не позволено было имѣть личнаго свиданія съ мужьями? Издали мы видѣли ихъ приближеніе; имъ выносили два стула; онѣ садились противъ единственнаго окна нашего чулана — и тутъ проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями? Иногда онѣ приходили вмѣстѣ; иногда каждая назначала себѣ часъ свиданія и приходила отдѣльно. Морозъ доходилъ до 20-ти градусовъ: закутанныя въ шубахъ, онѣ сидѣли, доколѣ морозъ не леденилъ ихъ членовъ. Помню, какъ однажды, глядя на Катерину Ивановну, я замѣчаю, что она прижимаетъ свои ножки, видимо страдая отъ стужи; я сообщилъ свое замѣчаніе Сергѣю Пе-

тровичу; онъ посмотрѣлъ на ботинки и, увидѣвъ, что она надѣла старыя, уже довольно поношенныя, обѣщался пожурить ее за то, что она въ такой сильный морозъ не надѣла своихъ новыхъ, теплыхъ ботинокъ, а вышла въ старыхъ, истертыхъ. На другой день было свиданіе; — слѣдствіе было произведено и оказалось, что дѣйствительно новыя ботинки существуютъ, но что ихъ нельзя было надѣть, потому что ленты, коими онѣ прикрѣплялись, были отпороты для того, чтобы употребить на шапочку изъ тафты, которую мнѣ сшила княгиня для работы подъ землею, гдѣ шапочка оберегала мою голову отъ руды, коею наполнялись мои волосы при каждомъ сотрясеніи отъ ударовъ молотомъ.

Скоро однакожъ, при ежедневныхъ нашихъ трудахъ подъ землею, послѣдовало распоряженіе, которое вывело насъ изъ обычнаго, спокойнаго нашего положенія и было причиною сильной тревоги, которая отозвалась въ сердцѣ нашихъ хранительницъ. Къ намъ назначили особаго горнаго офицера, молодого *Рикъ*, вѣроятно, для ближайшаго надзора надъ нами; мы не предвидѣли никакого измѣненія въ нашемъ положеніи; но по окончаніи обѣда, или вечерняго чаю, получаемъ приказаніе отъ г. Рика идти въ наши чуланы, съ тѣмъ, чтобы во все время, кромѣ работъ, быть тамъ запертыми и не смѣть оттуда выходить ни для обѣда, ни для ужина; и то, и другое, равно какъ и чай, мы должны были получать отъ сторожей, которые должны были разносить намъ пищу по нашимъ чуланамъ. Мы показали г. Рику наши чуланы, сказали ему, что невозможно будетъ намъ вынести душнаго и злокачественнаго воздуха, если мы будемъ заперты въ продолженіе 18-ти часовъ, что никакое здоровье не можетъ выдержать этого неестественнаго положенія. Никакія убѣжденія не могли подѣйствовать на г. Рика. Онъ подумалъ, что наши слова означаютъ нашу рѣшимость не повиноваться его распоряженію и закричалъ солдатамъ: „гоните ихъ!“ И, дѣйствительно, солдаты были готовы къ исполненію приказанія; но они знали насъ, и потому мы взошли въ свои казематы, безпрекословно повинуясь отданному приказанію, а солдаты молча смотрѣли на насъ. Когда г. Рикъ удалился, мы начали разсуждать между собою, на что слѣдуетъ рѣшиться. То,

что мы говорили г. Рику, было полнымъ нашимъ убѣжденіемъ; намъ казалось и, дѣйствительно, было невозможно, выдержать злокачественность воздуха въ томъ маломъ пространствѣ, въ которомъ мы находились, гдѣ другого положенія мы не могли имѣть, кромѣ сидячаго или лежачаго. Трубецкой, когда вставалъ, долженъ былъ нагнуться, потому что головой онъ касался потолка. Долго разсуждая, не знаю кому изъ насъ пришла мысль не принимать пищи до тѣхъ поръ, пока условія нашего заключенія не измѣнятся[1]. Единогласно рѣшено было привести это предложеніе въ исполненіе; съ того же вечера мы отказались отъ предложеннаго ужина; на другой день вышли на работу не напившись чаю; возвратившись отказались отъ обѣда и, такимъ образомъ, провели первыя сутки безъ пищи — и не принимали даже воды, которую намъ предлагали. На другія сутки повторилось то же самое. Не помню, въ этотъ-ли второй, или на третій день нашего добровольнаго поста, насъ на работу не вызывали, но объявили, что ожидаютъ начальника, г. Бурнашева. Мы приготовились къ бурной встрѣчѣ; часу въ двѣнадцатомъ, видимъ ефрейтора и двухъ рядовыхъ съ примкнутыми штыками, которые подходятъ къ нашимъ казармамъ; вызвали Трубецкаго и Волконскаго; мы простились, не зная, что будетъ съ ними; неизвѣстность будущаго невольно тревожила насъ. Сижу у окошка—это было, кажется, въ январѣ— морозъ сильный; вижу на дорогѣ стоятъ княгини Трубецкая и Волконская; обѣ ожидали мужей, которые должны были пройти мимо нихъ. Но голосъ ихъ едва доходилъ до слуха мужей; это было видно потому, что и та и другая умоляющими жестами дополняли то, что выговорить не могли. Со страхомъ и трепетомъ ждали мы возвращенія товарищей; видимъ, ихъ ведутъ обратно; я перекрестился; настала наша очередь съ Якубовичемъ; изъ словъ Трубецкаго мы могли только понять, что Тимофей Степановичъ былъ грозенъ; мы взошли; не стану говорить о грубости его выраженій, она

[1] Такимъ образомъ тюремныя „голодовки“ въ качествѣ средства для измѣненія тюремнаго режима практиковались еще декабристами.

В. Б.

была естественна въ немъ; *его угрозы плетей, кнута и прочаго составляли часть его монолога;* его обвиненіе, что мы затѣяли бунтъ и что бунтовать онъ намъ не позволитъ. Нашъ отвѣтъ былъ весьма кратокъ и простъ: что если онъ называетъ бунтомъ непринятіе нами пищи, то пусть вспомнитъ, что во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, мы ни разу ни въ чемъ не преступали тѣхъ приказаній, которыя намъ были даны; что мы были совершенно довольны его распоряженіями до того времени, какъ г. Рикъ стѣснилъ одну единственную, невинную свободу, коей мы пользовались и что неестественно желать пищи, находясь въ томъ тѣсномъ пространствѣ, въ какомъ мы помѣщались. Насъ отпустили немного смягченнымъ голосомъ, но никакой надежды на измѣненіе не подавали. Послѣ насъ пошли, тѣмъ же порядкомъ, и прочіе товарищи. Слышали то же самое; говорили то же и возвратились такъ же. Къ обѣду наши чуланы были отперты и все пошло прежнимъ порядкомъ. Невольною, горячею молитвою почтилъ я окончаніе этого эпизода нашей Нерчинской жизни. Въ нашей рѣшимости разсужденія не было; инстинктивно предложеніе сдѣлано, принято также и приведено въ исполненіе. Но успѣхъ увѣнчалъ наше желаніе освободиться отъ положенія тягостнаго, котораго мы, можетъ быть, не вынесли-бы...

Наши работы продолжались тѣмъ же порядкомъ и единственное измѣненіе, которое произошло въ порядкѣ нашихъ дней, состояло въ томъ, что мужья получили дозволеніе имѣть свиданіе съ женами въ ихъ квартирѣ, куда ихъ провожалъ конвойный, который становился на часы во все время свиданія. Это измѣненіе весьма было пріятно для нашихъ дамъ. Настала весна и мы получили позволеніе дѣлать прогулки при конвоѣ, въ свободные дни отъ работъ, по богатымъ лугамъ, орошаемымъ Аргунью. Сначала мы удалялись не болѣе двухъ или трехъ верстъ отъ нашей казармы, но постепенно пріобрѣтая все болѣе и болѣе смѣлости, мы, наконецъ, доходили до самой Аргуни, которая была отъ насъ на разстояніи девяти верстъ. Богатая флора этого края обратила на себя общее наше вниманіе и возбудила удивленіе къ красотамъ сибирской природы, такъ

щедро разсыпаннымъ и такъ мало еще извѣстнымъ въ то время. Два брата Борисовыхъ, любители естественныхъ наукъ наиболѣе занимались какъ собираніемъ цвѣтовъ, такъ и зоологическими изысканіями; они набрали множество букашекъ разныхъ породъ, красоты необыкновенной, хранили и берегли ихъ и въ послѣдствіи составили довольно порядочную коллекцію насѣкомыхъ, которая была предметомъ любопытства любителей естественныхъ наукъ. Вскорѣ, однакожъ, произошла перемѣна въ работѣ намъ назначенной; но эта перемѣна, вмѣсто облегченія, увеличила бремя тягости, на насъ лежавшей. Пріѣхалъ чиновникъ изъ Иркутска узнать лично отъ каждаго изъ насъ, не разстроено-ли наше здоровье работою подъ землею и не предпочтемъ-ли мы работу на чистомъ воздухѣ? Мы единогласно утверждали, что работа подъ землею намъ вовсе не тягостна и что мы ее предпочитаемъ работѣ на чистомъ воздухѣ, потому что въ послѣдней мы были бы подвержены всѣмъ перемѣнамъ въ воздухѣ, т. е. дождю и проч. и что здоровье наше ничѣмъ не пострадало отъ подземнаго воздуха. Наши представленія не были уважены и на другой же день мы были высланы на новую работу, намъ назначенную; часть причинъ, по которой мы предпочитали подземную работу, нами не могла быть высказана; но мы понимали, что тягость на насъ лежавшая увеличится. Въ подземной работѣ намъ не было назначено урочнаго труда; мы работали сколько хотѣли и отдыхали также; сверхъ того, работа оканчивалась въ одиннадцать часовъ дня; въ остальное время мы пользовались полной свободой. Но какъ объяснить и то сочувствіе, которое мы находили подъ землею, въ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые не вдали отъ насъ заняты были одинаковою съ нами работою, но коихъ труды были втрое тягостнѣе? Они были въ ножныхъ цѣпяхъ и на нихъ лежали всѣ тягости подземнаго рудокопства. Они проводили шахты въ мѣстахъ новыхъ розысковъ, устраивали галлереи, которыя должны были поддерживаться столбами и соединенными арками; какъ люди способные, они употреблялись и въ плотничную работу, и хорошо, и плотно устраивали подземные ходы; они же выкачивали воду, которая накапливалась отъ времени до времени въ мѣстахъ назначен-

ныхъ для розысковъ; они же относили руду, ими и нами добытую, къ колодцу, откуда она подымалась вверхъ и относилась въ назначенное мѣсто. Встрѣчаясь съ нами, эти люди, закаленные повидимому въ преступленіяхъ, показывали намъ нѣмое, но весьма явственное сочувствіе. Не разъ случалось, когда я выходилъ изъ подъ земли на чистый воздухъ, подышать имъ на нѣкоторое время, едва завидитъ меня одинъ изъ нихъ, Орловъ, знаменитый разбойникъ, красивый, плотный, плечистый, который силою былъ истинный богатырь,— какъ дастъ знать своимъ товарищамъ и тутъ же начнетъ онъ своимъ звучнымъ, серебристымъ голосомъ заунывную русскую пѣсню, которая чѣмъ-то роднымъ, близкимъ отзывалась сердцу знакомыми звуками. Не случайно запѣвалъ онъ пѣсню, нѣтъ; онъ ею высказывалъ то, чего не могъ выговорить словомъ. Не со мною однимъ, но и съ товарищами многіе изъ нихъ дѣлали то же, и не разъ въ порывѣ усердія брали наши молоты и въ десять минутъ оканчивали работу, которую мы и въ часъ не могли бы исполнить. Все это дѣлалось безъ надежды возмездія. За нами надзирали, а мы могли только въ короткихъ словахъ выразить, что мы ихъ понимаемъ и оцѣняемъ ихъ усердіе. Но конецъ подземной работѣ былъ положенъ, и мы вышли на новый трудъ, намъ назначенный. Работа была урочная; рудоразборщики, обыкновенно подростки горныхъ служителей, разбивали руду и отдѣляли годную къ плавкѣ отъ негодной; мы не могли заняться этимъ трудомъ, который требовалъ большого навыка въ умѣніи различать и сортировать руду по ея бо̀льшей или меньшей годности. И такъ, намъ дали, каждой парѣ, по носилкамъ и урочная наша работа состояла въ томъ, что мы должны были перенести 30 носилокъ, по пяти пудовъ въ каждой, съ мѣста рудоразбора въ другое, общее складочное мѣсто. Переходъ былъ шаговъ въ двѣсти. Началась работа; не всѣ могли исполнять урокъ; тѣ, которые были посильнѣе, замѣняли товарищей и, такимъ образомъ, урокъ исполнялся; въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ конецъ трудамъ, но въ часъ, другой звонокъ вновь призывалъ на тотъ же трудъ, который оканчивался въ пять или шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, по новому распоряженію,

и время труда, и тягость его увеличена почти вдвое; наши прогулки къ Аргуни менѣе были заманчивы; мы рады были отдыху въ тѣ дни, когда позволено было отдыхать. Но при всемъ томъ наше положеніе было довольно сносное и тягость работы замѣнялась свободою, которою мы пользовались внутри нашей казармы, и утѣшеніями отъ нашихъ попечительницъ, которыя не разъ были свидѣтельницами нашихъ трудовъ и дружеской бесѣдой облегчали ихъ тяжесть. Но скоро и это положеніе должно было измѣниться. Не помню въ іюлѣ, или въ началѣ августа насъ извѣстили, что вновь назначенный комендантъ Лепарскій пріѣхалъ на Нерчинскіе заводы и на другой день будетъ насъ осматривать. Многіе изъ товарищей лично были съ нимъ знакомы; командуя Сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, онъ былъ извѣстенъ какъ кроткій, снисходительный начальникъ, и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными. Мы съ удовольствіемъ ожидали его прибытія. Дѣйствительно, на другой день онъ прибылъ къ намъ, въ сопровожденіи г. Бурнашева, былъ ласковъ и учтивъ со всѣми и, разставаясь съ нами, оставилъ намъ надежду на улучшеніе нашего положенія. Ожиданія не сбылись: въ тотъ же день насъ повели въ ближайшую кузницу и тамъ заковали насъ въ ножныя цѣпи. Въ то же время отрядили къ намъ особый военный караулъ, изъ двѣнадцати казаковъ при унтеръ-офицерѣ, и новый порядокъ устроился въ надзорѣ за нами. Горный чиновникъ и горный начальникъ боялись оказать намъ снисхожденіе, о которомъ могли довести до свѣдѣнія коменданта; казаки, бывшіе при насъ, боялись такого же доноса отъ горнаго начальства. Такимъ образомъ, обѣ власти, наблюдая одна за другою, были въ равныхъ отношеніяхъ къ намъ. Впрочемъ, выборъ казаковъ былъ такъ хорошо сдѣланъ, что мы не могли довольно налюбоваться этимъ молодымъ, славнымъ поколѣніемъ. Всѣ они были люди грамотные, большая часть кончили курсъ уѣзднаго училища и удивляли насъ и разнородными познаніями и развитіемъ умственнымъ, которое трудно было ожидать въ такомъ дальнемъ краю, о коемъ весьма рѣдко носились слухи, и то какъ о мѣстѣ дикомъ, гдѣ и люди, и природа находились въ первоначальной своей

грубости. Здѣсь мы увидѣли совершенно противное. Наши казаки скоро полюбили насъ и ихъ жажда знанія, которое они хотѣли почерпнуть изъ бесѣды съ нами, насъ радовала и удивляла. Нѣкоторые изъ нихъ достигли впослѣдствіи офицерскихъ чиновъ и, вообще, отличались добрымъ поведеніемъ. Впрочемъ, кромѣ тяжести нашихъ цѣпей, все осталось въ прежнемъ порядкѣ; работы были тѣ же; но прогулка въ свободные дни прекратилась и трудно было-бы имѣть желаніе прогулки при ножныхъ нашихъ украшеніяхъ. Незамѣтно проходили, такимъ образомъ, дни и недѣли. Наши хранительницы не переставали насъ утѣшать и бесѣдами, и постояннымъ вниманіемъ, и тою чистою дружбою, которая на все, къ чему коснется, налагаетъ свою печать и освящаетъ все. Въ теченіе этого времени, новый острогъ, который былъ построенъ въ Читѣ, наполнялся товарищами, которые привозимы были туда изъ разныхъ крѣпостей, въ коихъ они временно содержались. Скоро и до насъ дошла очередь присоединиться къ нимъ. Не помню, въ октябрѣ или ноябрѣ, вновь сѣли мы въ приготовленныя повозки. Наши казаки сопровождали насъ и вновь помчали насъ по прежнему Нерчинскому тракту. Скоро и Читинскій острогъ показался вдали: все ближе и ближе разсматривали мы наше будущее помѣщеніе. Высокій тынъ окружалъ его; мы остановились у воротъ; насъ принялъ плацъ-маіоръ, Осипъ Адамовичъ Лепарскій, часовые дали свободный путь, мы бросились въ объятія друзей: Пущинъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ — были тутъ. Насъ распредѣлили по четыремъ комнатамъ, въ которыхъ помѣщались прочіе товарищи; шумъ отъ цѣпей заглушалъ всякую рѣчь: наконецъ, свыклись мы и съ этимъ шумомъ...

Разспросамъ, бесѣдамъ не было конца въ первые дни нашего прибытія. Постепенное сближеніе по одинакому направленію мыслей и чувствъ тѣснѣе сблизило нѣкоторыхъ. Общее чувство расположенія ко всѣмъ не измѣнилось, но оттѣнки этого чувства въ личныхъ сношеніяхъ, невольно сближая однихъ, тѣснѣе связывали ихъ между собою. Эти отношенія сохранились и впослѣдствіе и неизмѣнно сохраняются и нынѣ тѣми, у коихъ не изглаживается дружба,

основанная на полномъ обоюдномъ довѣріи, на духѣ, руководящемъ тѣми, поступки коихъ составляютъ только отраженіе того вѣчнаго источника любви, коимъ они одарены щедрою рукою Того, кто есть Высшая и Совершеннѣйшая Любовь.

Заключаю мой разсказъ полнымъ благодарнымъ воспоминаніемъ тринадцати лѣтъ, проведенныхъ мною въ тѣсномъ пространствѣ, съ товарищами заключенія, — сначала въ Читинскомъ острогѣ, потомъ на Петровскомъ заводѣ.

Политическій характеръ „Союза Благоденствія" пріялъ конецъ; но нравственная печать, имъ положенная на каждаго изъ членовъ его, сохранилась неизмѣнно и утвердила основаніе того взаимнаго уваженія, того нравственнаго чувства, коимъ всѣ одушевлялись во взаимныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собою.

Взаимное уваженіе было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ, и не на привычкѣ пріобрѣтенной свѣтскимъ образованіемъ, но на стремленіи каждаго ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ вліяніемъ этого общаго нравственнаго направленія и сохранили впослѣдствіе тотъ же самый, неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство и пріобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Не могу иначе окончить этихъ строкъ, какъ благодарственною молитвою Единому Промыслителю о насъ, Единому доброму Сѣятелю всѣхъ добрыхъ сѣмянъ, Единому виновнику всякаго добра. Ему Единому да будутъ слава и благодареніе!

Евгеній Оболенскій.

7-го Мая, 1856 г.
г. Ялуторовскъ.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ
Штейнгель.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель[1].

Декабристъ В. И. Штейнгель[2] родился въ 1783 г. въ г. Обвѣ, Пермскаго намѣстничества, гдѣ его отецъ былъ капитанъ-исправникомъ. Скоро послѣ того отецъ Штейнгеля перешелъ на службу въ Восточную Сибирь и получилъ такое же мѣсто въ Нижнекамчатской округѣ, но черезъ два года потерялъ его, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны мѣстнаго администратора, злобнаго самодура, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ въ большой бѣдности. Учиться читать по часослову и псалтырю Владиміръ Штейнгель началъ у безграмотнаго дьячка, а по переѣздѣ отца въ Иркутскъ поступилъ въ губернскую школу. На десятомъ году жизни, въ 1792 г., благодаря участію добрыхъ людей, Штейнгель былъ опредѣленъ въ морской корпусъ, находившійся до царствованія имп. Павла въ Кронштадтѣ, и прошелъ здѣсь весьма суровую школу. Многіе кадеты были оборваны и босы; начальство жестоко тиранило ихъ за всякую провинность. Каждую субботу множество несчастныхъ дѣтей подвергалось сѣченію розгами; число ударовъ доходило иногда до 600, и послѣ такого наказанія истерзаннаго относили прямо въ лазаретъ; сажали также на нѣсколько сутокъ въ смрадный карцеръ, гдѣ водились огромныя крысы. Стекла въ комнатахъ были нерѣдко выбиты, и топили такъ мало, что кадетамъ приходилось красть казенныя дрова въ адмиралтействѣ. Суровая дисциплина вызывала крайнее одичаніе учащихся, тѣмъ

---

[1] Кромѣ печатныхъ матеріаловъ, источниками при составленіи этого очерка послужили дѣла о Штейнгелѣ Государственнаго Архива (В. I № 360) и III Отд. Собств. Е. Вел. Канц. въ Архивѣ Департ. Полиціи (дѣло I эксп. № 61 ч. 70), а также и нѣкоторыя другія дѣла этихъ архивовъ.

[2] Первоначально онъ подписывался Штейнгейль.

болѣе, что обученіе было поставлено чрезвычайно дурно, и кадеты устраивали всевозможныя каверзы учителямъ и начальству. Мальчиками помыкали не только офицеры, но и учащіеся старшихъ классовъ, гардемарины, заставлявшіе ихъ подавать умываться, чистить платье и сапоги, стлать постель и исполнять ихъ порученія.

Несмотря на всѣ ужасы корпусной жизни, которая измѣнилась только съ переводомъ корпуса въ Петербургъ въ началѣ царствованія Павла, Штейнгель учился и велъ себя настолько хорошо, что ни разу не былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію и окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. Въ 1799 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, опредѣленъ въ балтійскій флотъ и участвовалъ въ экспедиціи къ берегамъ Голландіи, а въ 1802 г. былъ переведенъ на службу въ Охотскій портъ. Въ 1806 г. Штейнгель переселился въ Иркутскъ, а черезъ четыре года вышелъ въ отставку и женился на дочери директора кяхтинской таможни, Вонифантьева. Благодаря протекціи своего дяди, финляндскаго генералъ-губернатора, гр. Штейнгеля, онъ могъ получить мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ, но въ 1812 г., оставивъ беременную жену и малолѣтнюю дочь, вступилъ въ ополченіе, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и въ осадѣ Данцига до окончанія кампаніи въ 1814 г. Результатомъ этой службы было сочиненіе „Записки касательно составленія и самаго похода Петербургскаго ополченія противъ враговъ отечества въ 1812 и 1813 годахъ", написанное въ самомъ патріотическомъ духѣ и напечатанное въ двухъ томахъ въ 1814—15 гг., съ посвященіемъ императору Александру.

Въ 1814 г. Штейнгель былъ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему въ Москвѣ, генералу Тормасову, и управлялъ его военною и гражданскою канцеляріею въ эпоху обновленія столицы послѣ пожара 1812 г., но, вслѣдствіе интригъ оберъ-полицеймейстера, которому мѣшалъ наживаться, и нежеланія угождать вліятельнымъ лицамъ, оставилъ службу въ 1817 г. Про Штейнгеля говорили, что онъ имѣетъ слишкомъ сильное вліяніе на своего начальника, и даже старались набросить на него подозрѣніе въ корыстолюбіи, между тѣмъ какъ лучшимъ опроверженіемъ этой

клеветы служитъ то тяжелое матеріальное положеніе, въ которомъ онъ очутился послѣ того, какъ покинулъ свое мѣсто. Враждебные Штейнгелю навѣты дошли до государя и навсегда вооружили противъ него Александра I.

Получивъ весьма недостаточное образованіе въ корпусѣ, Штейнгель старался пополнить его чтеніемъ; всего болѣе его интересовали исторія и литература. Служба при гр. Тормасовѣ возбудила въ немъ интересъ къ юридическимъ вопросамъ; онъ сталъ читать и сочиненія политическія. Хорошее знакомство съ жизнью народа (благодаря посѣщенію самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи) побудило его отзываться на назрѣвающую потребность усовершенствованія законодательства. Былъ учрежденъ тайный комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Аракчеева для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ и вырыванія ноздрей. Рваніе ноздрей было отмѣнено въ 1817 г., но въ указѣ не было упомянуто объ уничтоженіи клейменія, и оно сохранилось. Узнавъ объ учрежденіи вышеупомянутаго комитета, Штейнгель написалъ въ концѣ 1817 г. записку подъ названіемъ „Нѣчто о наказаніяхъ"; въ ней онъ говоритъ: „кнутъ, котораго одно названіе даетъ иностранцамъ идею варварства и жестокости безчеловѣчной, въ самомъ дѣлѣ составляетъ наказаніе ужасное и человѣчеству противное, которое по существу своему не удовлетворяетъ" цѣли наказанія. „Сія казнь не можетъ всегда назваться равносильною преступленію... За тяжкое преступленіе подкупленный палачъ даетъ едва чувствительныхъ 50 и 70 ударовъ, какъ напротивъ за меньшее преступленіе отъ 10 нанесенныхъ *несмягченнымъ* палачемъ ударовъ случается, что человѣкъ умираетъ". Такъ какъ преступники всегда надѣются подкупить палача, то эта казнь „не можетъ назваться предохранительною отъ преступленія, а еще того менѣе исправительною" [1]. Совершенно не цѣлесообразнымъ считаетъ Штейнгель и наказаніе плетьми. Упомянувъ о томъ, что коммиссія законовъ въ проектѣ уголовнаго уложенія предполагаетъ допустить смертную казнь

[1] При посѣщеніи Нерчинскихъ рудниковъ Штейнгель видѣлъ преступника, который 19 разъ былъ наказанъ кнутомъ, но до самой смерти не прекратилъ побѣговъ, разбоя и убійства.

за богохульство, измѣну и бунтъ, онъ полагаетъ, что для виновныхъ въ убійствѣ кнутъ и плети должны быть замѣнены вѣчнымъ заточеніемъ или вѣчною ссылкою въ каторжную работу или на поселеніе, смотря по винѣ, и сѣченіемъ розгами у позорнаго столба. Въ томъ случаѣ, если плети будутъ сохранены, Штейнгель, придавая болѣе значенія стыду и позору, чѣмъ тѣлесной боли, предлагалъ въ заранѣе назначенный день вести преступника въ сопровожденіи воинской команды съ барабаннымъ боемъ въ особой одеждѣ; на мѣстѣ казни священникъ долженъ сдѣлать ему увѣщаніе, послѣ чего слѣдуетъ оставить его обнаженнымъ до пояса и привязаннымъ къ столбу на одинъ часъ, велѣть ему прощаться съ народомъ и затѣмъ, „исполнивъ казнь примѣрно и поставя на щекахъ, если слѣдуетъ, клейма“, отвезти на особой телѣгѣ подъ смертнымъ покрываломъ и отправить въ вѣчное заточеніе или на каторгу. Если же плети будутъ замѣнены розгами, то наказаніе можно производить съ нѣсколько меньшею торжественностью [1]. Записка Штейнгеля черезъ члена комиссіи объ отмѣнѣ кнута, Новосильцева была представлена государю и возвращена имъ въ канцелярію гр. Аракчеева съ надписью „читалъ“, но наказаніе кнутомъ не было отмѣнено при Александрѣ I [2]. Это произошло лишь въ 1845 г.

Новосильцевъ просилъ государя разрѣшить ему взять Штейнгеля для помощи въ порученной ему работѣ по выработкѣ проекта конституціи („Государственной уставной грамоты Россійской имперіи“) или, какъ выражается Штейнгель, для „приспособленія англійскихъ институцій къ Россіи“, но государь отказалъ. Затѣмъ Аракчеевъ предполагалъ взять Штейнгеля къ себѣ на службу, и онъ въ ноябрѣ 1817 г. предста-

---

[1] „Сборн. историч. матер., извлеч. изъ Архива I Отд. Собств. Его Вел. Канц.“, т. I, 292—306, ср. 307—319.

[2] Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 24 октября 1824 г., слушалось внесенное по высочайшему повелѣнію гр. Аракчеевымъ мнѣніе учрежденной въ 1817 г. комиссіи для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ и вырыванія ноздрей. Мнѣніе это рѣшено была передать члену государственнаго совѣта по департаменту законовъ Сперанскому для присоединенія къ прочимъ бумагамъ по проекту, представленному комиссіею законовъ. Въ сентябрѣ 1824 г. Н. С. Мордвиновъ написалъ краснорѣчивое мнѣніе „О кнутѣ, орудіи наказанія“, въ которомъ также предлагалъ замѣнить наказаніе кнутомъ выставленіемъ у позорнаго столба. „Арх. гр. Мордвинова,“ т. V, 1902 г., стр. 684—687.

вилъ ему записку подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя мысли и замѣчанія относительно законныхъ постановленій о гражданственности и купечествѣ въ Россіи“.

Вотъ въ чемъ состояли главнѣйшія предложенія автора въ этой запискѣ: 1) Онъ считалъ необходимымъ уничтожить отдѣльныя званія купцовъ и мѣщанъ и замѣнить ихъ званіемъ „гражданина города“, сдѣлавъ его общимъ для всѣхъ безъ исключенія „настоящихъ“, т. е. записанныхъ въ обывательскую книгу, жителей[1]. 2) Предоставляя такимъ образомъ дворянамъ достоинство гражданъ, слѣдуетъ заставить ихъ участвовать во всѣхъ общественныхъ городскихъ дѣлахъ и въ производимыхъ городскимъ обществомъ выборахъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что дворянамъ уже было дозволено записываться въ гильдію, да это согласно и съ Городовымъ Положеніемъ[2]. 3) Общественныя городскія земли, какъ застроенныя, такъ и незастроенныя дачи, урочища, выгоны, мельницы, рыбныя ловли и проч., жалованныя городамъ, должны принадлежать не однимъ купцамъ и мѣщанамъ, а всему „городскому обществу“, чтобы всѣ обыватели отъ нихъ „чувствовали пользу“. 4) Нужно уравнять подати всѣхъ гражданъ, и такъ какъ дворянство и купечество уже „оскорбляются личными податями“, то, освободивъ отъ нихъ мѣщанъ и др., слѣдуетъ обложить податью все городское общество такимъ образомъ: соотвѣтственно населенію, богатству и развитію промышленности того или другого города, правительство можетъ опредѣлить, сколько онъ долженъ доставить въ годъ дохода казнѣ, а городскому обществу предоставить самому дѣлать уравнительную раскладку по состоянію каждаго. Дворяне и теперь уже платятъ для покрытія городскихъ расходовъ поземельныя и квартирныя деньги. Ради уплаты въ казну общей подати городскія общества будутъ болѣе заботиться объ „общественной эко-

---

[1] Послѣ этого уже не было бы купцовъ и мѣщанъ, а были бы: граждане, занимающіеся мѣщанскимъ промысломъ, граждане, имѣющіе право торговли той или другой гильдіи, граждане-дворяне.

[2] Историкъ нашего городского самоуправленія, проф. Дитятинъ, также указываетъ на то, что, хотя дворяне по закону входили въ составъ городского общества, но „на практикѣ едва ли пользовались этимъ своимъ правомъ“. „Городское самоуправленіе въ Россіи. Городское самоуправленіе до 1870 г.“ Ярославль, 1877. стр. 146.

номіи“ и постараются увеличить доходы города. 5) Распространить на купцовъ рекрутскую повинность значило бы отнять у нихъ уже дарованную имъ льготу, а освобожденіе отъ нея всѣхъ гражданъ лишило бы армію значительнаго числа солдатъ. Штейнгель предлагаетъ также опредѣлить, сколько каждый городъ, при извѣстномъ наборѣ, долженъ поставить рекрутъ, разрѣшивъ вносить за нихъ деньги и нанимать для этого у дворянъ дворовыхъ людей, которыхъ „ужасная бездна“. Слѣдуетъ предоставить также обществу отдавать во всякое время въ зачетъ въ солдаты праздныхъ и развратныхъ гражданъ. 6) Всѣхъ безъ исключенія „настоящихъ гражданъ“ въ городахъ избавить отъ тѣлеснаго наказанія;[1] „а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо усилить мѣры къ ихъ образованію. Давно ли видѣли мы“, говоритъ Штейнгель, „что между купцами, особливо внутреннихъ городовъ, и простыми мужиками не было никакой разницы; теперь, видимо, совсѣмъ иное. Не съ того ли времени произошла сія перемѣна, какъ, по изданіи Городового Положенія, они увидѣли, что ихъ включили въ число людей и не почитаютъ уже скотами. Если-бъ тогда же было сдѣлано то же и съ мѣщанами, т. е. со всѣми гражданами безъ изъятія, то и съ ними произошло бы, конечно, такое же превращеніе, и мы, можетъ быть, имѣли бы уже удовольствіе видѣть, что наши мѣщане не уступаютъ по своему образованію и образу жизни нѣмецкимъ и другимъ иностраннымъ мѣщанамъ, а теперь большинство ихъ люди необразованные, грубые и весьма не малое число развратныхъ“.

Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ Штейнгеля отказаться отъ мысли о дарованіи равноправности всему городскому населенію. Такъ какъ среди мѣщанъ, особенно въ столицахъ, много такихъ, которые не имѣютъ домовъ, семействъ и „будучи совершенными бобылями, живутъ различнымъ плутовствомъ“, то такихъ авторъ предлагаетъ считать „посадскими“, т. е. помѣстить въ число жителей, населяющихъ

---

[1] Мѣщане не были избавлены ни отъ рекрутчины, ни отъ тѣлеснаго наказанія. Штейнгель обращаетъ вниманіе на то, что разорившійся купецъ, на основаніи 98 ст. Городового Положенія, выписывается въ мѣщане и подвергается всѣмъ непріятнымъ отъ того послѣдствіямъ. См. 1-е Полн. Собр. Зак., т. XXII, стр. 368.

окрестности или слободы города и не имѣющихъ права гражданства, и даровать имъ это право, когда они „поведутъ себя трезво и честно“, женятся, „начнутъ жить домомъ и пр.“

Далѣе, Штейнгель предлагаетъ дать магистратамъ, или городовымъ судамъ, лучшее устройство, особенно для уголовнаго судопроизводства, исправивъ „запутанную, многосложную и медленную форму“ этого послѣдняго. Онъ считалъ также необходимымъ „оградить лучшими мѣрами“ „взятіе подъ стражу гражданина“, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, чтобы это никакъ не могло происходить безъ вѣдома городского общества, чтобы слѣдствіе надъ гражданиномъ никогда не производилось безъ депутатовъ отъ согражданъ, — „иначе бѣдность невозможно оградить отъ наглости и насильства. И теперь“, продолжаетъ Штейнгель, „существуетъ законъ, что мѣщанинъ безъ суда не накажется, и мѣщанина никто обезчестить не можетъ. Но развѣ не видимъ сплошь, что, при малѣйшемъ притязаніи полиціи, бьютъ ихъ по щекамъ, сѣкутъ розгами и проч.,—и всякій будошникъ даетъ невозбранную волю рукамъ своимъ“.

Весьма полезнымъ считаетъ Штейнгель раздѣлить города Россіи по ихъ населенію, богатству и промышленности на три степени и дать городамъ двухъ первыхъ степеней право имѣть „городовую гвардію“ по примѣру Риги[1]. Такіе города можно было бы освободить отъ рекрутской повинности, обязавъ ихъ, въ случаѣ нужды, выставлять извѣстное число пѣхоты и конницы; это могло бы повести и къ уменьшенію гарнизоновъ или внутренней стражи. Авторъ надѣется, что служба гражданъ всѣхъ состояній въ городовой гвардіи поведетъ къ болѣе тѣсному ихъ сближенію, и необразованные подъ благотворнымъ вліяніемъ высшихъ и порядочныхъ научатся возможности, при единствѣ и равенствѣ правъ, „сохранять взаимное уваженіе и послушаніе“. Городамъ первыхъ двухъ степеней можно было бы также, по мнѣнію Штейнгеля, дать право отправлять депутаціи къ государю или высшему правительству[2]. Записка эта не понравилась

---

[1] Ср. *Mettig.* Geschichte der Stadt Riga, 1897, S. 422, 423.

[2] Записка Штейнгеля, изъ которой мы воспользовались лишь заключеніемъ, сообщена для настоящаго изданія Вяч. Евг. Якушкинымъ; приносимъ ему глубочайшую признательность.

Аракчееву, и онъ возвратилъ ее автору „по ненадобію" въ ней [1].

Тогда же Штейнгель написалъ „Разсужденіе о законахъ, относящихся до богохульства", гдѣ указывалъ на ихъ чрезмѣрную жестокость и необходимость ихъ смягченія; оно было доставлено чрезъ Тургенева министру духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицыну, но было оставлено безъ вниманія. Штейнгель также написалъ „Разсужденіе о причинѣ упадка торговли", которое такъ понравилось гр. Мордвинову, что онъ пожелалъ познакомиться съ авторомъ и доставилъ эту записку министру финансовъ [2]. Въ 1819 г. вышелъ въ свѣтъ довольно обширный трудъ Штейнгеля—„Опытъ о времясчисленіи", или „Опытъ полнаго изслѣдованія началъ и правилъ хронологическаго и мѣсяцесловнаго исчисленія стараго и новаго стиля", а въ слѣдующемъ году онъ напечаталъ въ „Сынѣ Отечества" небольшую біографію гр. Тормасова [3].

Въ томъ же году Штейнгель вышелъ въ отставку, въ чинѣ подполковника, такъ какъ министръ финансовъ, гр. Гурьевъ, обѣщалъ ему мѣсто директора Варшавской таможни, но государь назначилъ туда другое лицо. Штейнгель чрезъ кн. Голицына просилъ имп. Александра дать ему возможность оправдаться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, и самъ письменно обращался къ государю съ тою же просьбою, но все было тщетно. Матеріальное положеніе Штейнгеля, обремененнаго большою семьею, было такъ затруднительно, что онъ вынужденъ былъ взять мѣсто управ-

---

[1] „Рус. Старина" 1888 г. № 10, стр. 159.

[2] Быть можетъ, Штейнгелемъ написано „Разсужденіе о внѣшней россійской торговлѣ" („Арх. гр. Мордвиновыхъ", т. VI, 357—393), первый параграфъ котораго озаглавленъ такъ: „Объ упадкѣ россійской торговли". Правда, на стр. 361 авторъ называетъ себя „опытнымъ россійскимъ коммерсантомъ", но во-первыхъ, подобныя мистификаціи нерѣдко встрѣчаются въ запискахъ того времени, а во-вторыхъ, Штейнгель могъ написать это разсужденіе для какого-нибудь московскаго купца, пожелавшаго представить записку въ избранную московскимъ купечествомъ комиссію (1822 — 23 г.) для изысканія причинъ упадка процентныхъ сборовъ съ купеческихъ капиталовъ („Арх. гр. Мордвиновыхъ", VI, 393—394), подобно тому, какъ въ Сибири составилъ описаніе Ишимскаго округа, которое было напечатано какъ сообщеніе одного мѣстнаго купца (см. ниже).

[3] „Краткое извѣстіе о жизни, характерѣ и самой кончинѣ бывшаго московскаго военнаго ген.-губерн. гр. А. П. Тормасова" („Сынъ Отеч.", 1820 г., ч. 59, № 2, стр. 49—66).

ляющаго однимъ частнымъ винокуреннымъ заводомъ въ Тульской губ., но вся заготовка вина (на казенныхъ и частныхъ заводахъ) и оптовая винная продажа производилась тогда казною, [1] и отношенія къ казенной палатѣ показались настолько невыносимыми для Штейнгеля, что болѣе года онъ не нашелъ возможнымъ остаться на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ получилъ предложеніе отъ астраханскаго губернатора, Попова, помочь ему въ подготовкѣ его представленій генералъ-губернатору Ермолову и работалъ у него въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но въ постоянномъ мѣстѣ ему было вновь отказано. Тогда, возвратившись въ Москву, онъ задумалъ завести частный пансіонъ и напечаталъ даже въ 1821 г. брошюру „Частное заведеніе для образованія юношества барона Штейнгеля", содержащую программы заведенія, разсчитаннаго на шесть лѣтъ; однако, и этотъ планъ разстроился. Тутъ ему предложили выгодную частную работу, и онъ принужденъ былъ за нее взяться [2].

Однако, Штейнгель не пересталъ интересоваться вопросами общественными. Во время занятій у астраханскаго губернатора онъ „съ ужасомъ" узналъ, что армяне, имѣющіе права дворянъ, покупаютъ на Макарьевской ярмаркѣ крѣпостныхъ людей и перепродаютъ ихъ, разлучая семьи, въ рабство къ трухменцамъ. Онъ рѣшился обратить на это вниманіе государя и въ 1823 г. написалъ ему письмо. Между тѣмъ, какъ европейскіе государи, говоритъ здѣсь Штейнгель, „вступились сами за права человѣчества и возстали противъ варварской торговли неграми, Россія несетъ еще праведную укоризну отъ всей просвѣщенной Европы за постыдную перепродажу людей". Штейнгель предлагалъ произвести новую ревизію, по которой дворяне, имѣющіе помѣстья, должны были приписать къ нимъ дворовыхъ людей, а не къ своимъ городскимъ домамъ. Безпомѣстнымъ дворянамъ слѣдуетъ предо-

[1] „Казенная продажа вина. Изд. Гл. Упр. Неокл. Сборовъ. Приложеніе Историч. очеркъ взиманія питейн. сбор. въ Россіи", Спб. 1900 г., стр. 13.

[2] Въ 1822 г. Штейнгель напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" (ч. 124, № 16) „Историческую справку" о причинѣ и времени установленія крестнаго хода въ Новодѣвичій монастырь, подъ псевдонимомъ В. Камнесвятова. Ср. ст. о Штейнгелѣ А. Зиновьева въ „Москов. Вѣд." 1862 г., № 218.

ставить продать свое право на дворовыхъ въ теченіе года помѣщикамъ, а если они этого не сдѣлаютъ, то городскія думы должны зачислить этихъ дворовыхъ въ цехъ слугъ и рабочихъ людей, живущихъ въ услуженіи, и взыскивать за нихъ подати съ господъ. Въ такомъ положеніи дворовые могутъ пробыть 10 лѣтъ со времени изданія манифеста, а затѣмъ должны получить свободу и поступить въ мѣщане или остаться цеховыми. По истеченіи годового срока, предоставленнаго безпомѣстнымъ дворянамъ на продажу дворовыхъ, ни одна гражданская палата не должна совершать актовъ ни о продажѣ, ни объ отказѣ людей по одиночкѣ безъ помѣстій, къ которымъ они приписаны. Послѣ того никакой выводъ крестьянъ не можетъ быть допущенъ, кромѣ одного случая, когда помѣщикъ, не имѣя достаточнаго количества земли по числу своихъ крестьянъ, пріобрѣтетъ въ другомъ мѣстѣ пустопорожнюю землю и пожелаетъ переселить на нее часть своихъ крестьянъ, но и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ испросить разрѣшеніе правительства. Однако, отпускать дворовыхъ и крестьянъ на волю по одиночкѣ и съ семействами слѣдуетъ дозволить. Записка осталась безъ послѣдствій [1]. Только въ 1833 г. было запрещено разлучать семьи при продажѣ крѣпостныхъ, а въ 1841 г. совершать купчія крѣпости на дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ и вообще пріобрѣтать ихъ какимъ бы то ни было способомъ дворянамъ, не имѣющимъ населенныхъ имѣній, а владѣющіе ими должны были заявлять, къ какому населенному имѣнію они намѣрены приписать покупаемыхъ дворовыхъ.

Въ 1824 г. знакомые Штейнгеля ходатайствовали за него у цесаревича Константина Павловича, но былъ полученъ отвѣтъ: „пусть подождетъ до удобнаго времени".

Печальный жизненный опытъ и неудача попытокъ содѣйствовать легальнымъ путемъ улучшенію общественнаго строя, естественно должны были вызвать въ Штейнгелѣ недовольство существующими порядками; тому же помогло

[1] „Сборн. Историч. Матер., извлечен. изъ Арх. I Отд. Собств. Е. В. Канц.", VII, 193—196.

и чтеніе. Когда въ 1826 г. Штейнгелю пришлось объяснить, какія сочиненія наиболѣе способствовали развитію въ немъ либеральныхъ взглядовъ, онъ отвѣчалъ, что въ теченіе 27 лѣтъ, прошедшихъ со времени выхода изъ корпуса, онъ постоянно занимался чтеніемъ, и указалъ на то, что читалъ „Вадима“ Княжнина, „Путешествіе въ Москву“ Радищева, сочиненія Фонъ-Визина, Вольтера, Руссо, Гельвеція и др., а изъ ненапечатанныхъ—сочиненія Грибоѣдова и Пушкина. Особенно увлекался Штейнгель тѣми литературными и научными произведеніями, гдѣ „представлялись ясно и смѣло истины, невѣдѣніе коихъ было“ причиною „многихъ золъ для человѣчества“, и ничто такъ не „озарило“ его ума, какъ „прилежное чтеніе исторіи“. Одна исторія Россіи въ XVIII столѣтіи можетъ значительно содѣйствовать „утвержденію въ томъ, что называется свободомысліемъ“. Штейнгель былъ весьма начитанъ и въ богословской, мистической и этической литературѣ; онъ читалъ, библію, Минеи-четьи, сочиненія русскихъ духовныхъ писателей, а также Боссюэта, Массиліона, Бурдалу, сочиненія мистиковъ—г-жи Гіонъ, Юнга-Штиллинга и Эккарстгаузена, а Эпиктетъ и Ларошфуко были его любимыми авторами.

Несмотря на знакомство съ произведеніями писателей-мистиковъ, Штейнгель не сочувствовалъ масонамъ. Въ 1816 г. ему предлагали въ Москвѣ принять участіе въ масонской ложѣ, но онъ отказался. Онъ полагалъ (какъ заявилъ въ своихъ показаніяхъ), что масоны раздѣляются будто бы на два рода людей: обманывающихъ и обманываемыхъ; онъ не желалъ принадлежать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. По его мнѣнію, „давать клятву на исполненіе правилъ неизвѣстныхъ и притомъ подвергать себя испытаніямъ, похожимъ на шуточныя, противно человѣку здравомыслящему“. Нужно замѣтить, что Штейнгель былъ искренно вѣрующимъ членомъ православной церкви.

Въ 1823 г. онъ познакомился съ Рылѣевымъ, который совершенно обворожилъ его, такъ что они разстались друзьями. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ слѣдующемъ году, Штейнгель еще болѣе съ нимъ сблизился и узналъ отъ него о существованіи тайнаго общества, но когда онъ пожелалъ

получить болѣе подробныя свѣдѣнія о его цѣли и составѣ, то Рылѣевъ отвѣчалъ, что не можетъ сообщить ихъ немедленно, но поговоритъ съ директорами общества. Тѣмъ не менѣе Штейнгель узналъ отъ Рылѣева, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы принудить государя дать конституцію, которая, по мнѣнію петербургскихъ членовъ, должна быть монархическая, находящіеся же во второй арміи, на югѣ Россіи, желаютъ конституціи демократической (т. е. республиканской). Рылѣевъ далъ Штейнгелю рекомендательное письмо къ И. И. Пущину, и тотъ сообщилъ ему проектъ конституціи, составленный Никитою Муравьевымъ [1].

Осенью 1825 г. Штейнгель вновь поѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія трехъ сыновей въ учебныя заведенія и присутствовалъ на той демонстраціи, въ которую тайное общество обратило похороны Чернова, убитаго на дуэли съ Новосильцевымъ. „Ты, я думаю, слышалъ уже", писалъ Штейнгель М. Н. Загоскину, „о великолѣпныхъ похоронахъ Чернова. Они были въ какомъ то новомъ, доселѣ небываломъ, духѣ общественности. Болѣе 200 каретъ провожало: по этому суди о числѣ провожавшихъ пѣшкомъ"[2]. 27 ноября Рылѣевъ сообщилъ ему о смерти имп. Александра и о томъ, что присягаютъ Константину Павловичу. Послѣ этого Штейнгель сталъ каждый день, утромъ и вечеромъ, бывать у Рылѣева, съ которымъ жилъ въ одномъ домѣ. Тотъ, между прочимъ, сообщилъ ему, что „если прямо не присягнули Николаю Па-

---

[1] С. М. Семеновъ показалъ, что Штейнгель принадлежалъ къ союзу (основанному, по словамъ И. Пущина, Н. И. Тургеневымъ), ближайшая цѣль котораго было освобожденіе крестьянъ, а болѣе отдаленная—достиженіе представительнаго правленія. Другими членами этого союза въ Москвѣ, по словамъ Семенова, были Пущинъ, Нарышкинъ, Тучковъ, Колошинъ, Горсткинъ, а въ Петербургѣ кн. Евг. Оболенскій, Рылѣевъ, Никита Муравьевъ и фонъ-Бриггенъ. Изъ числа членовъ тайнаго общества Штейнгель былъ также знакомъ въ Москвѣ съ Мухановымъ. Объ отношеніи декабристовъ къ крестьянскому вопросу см. въ моей статьѣ „Крест. вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.", въ сборникѣ „Крестьянскій строй", 1905 г. т. I, 209—241.

[2] Неизд. письмо Штейнгеля въ собр. автогр. Имп. Публич. Библ. О дуэли Чернова съ Новосильцевымъ см. выше, въ запискахъ декабриста кн. Оболенскаго, стр. 239 — 242. Ср. *Шильдеръ* „Имп. Николай I", т. I, стр. 179, 495. Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ (стр. 374—5) описываетъ обѣдъ въ концѣ ноября 1825 г. у директора американской компаніи, Прокофьева, на которомъ присутствовали Ѳ. Н. Глинка, Батеньковъ, Якубовичъ, Рылѣевъ, Кюхельбекеръ, Штейнгель, Завалишинъ и другіе.

вловичу, то причиною тому Милорадовичъ, который предупредилъ великаго князя, что не отвѣчаетъ за спокойствіе столицы", если бы стали присягать ему, такъ какъ гвардія питаетъ къ нему ненависть. Это извѣстіе Штейнгеля подтверждается данными о роли Милорадовича въ рѣшеніи вопроса о первой присягѣ, которыя приводитъ Н. К. Шильдеръ въ біографіи имп. Николая[1]. Послѣ 6 декабря стали уже носиться слухи, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола, и тогда, по показанію А. А. Бестужева, кн. Трубецкой, Рылѣевъ, а потомъ Оболенскій, самъ Бестужевъ, Одоевскій, Штейнгель и Якубовичъ стали говорить, что нужно этимъ воспользоваться, что солдаты не расположены къ Николаю Павловичу, а цесаревича любятъ, и что никогда не представится для Россіи болѣе благопріятнаго случая отыскать права, которыя уже имѣютъ другія націи.

Въ бесѣдѣ съ Рылѣевымъ Штейнгель высказалъ мысль, что всего легче было бы добиться конституціи, возведя на престолъ имп. Елизавету Алексѣевну. Онъ приводилъ при этомъ, какъ видно изъ его показанія, слѣдующіе доводы: 1) „Въ публикѣ и въ народѣ на государыню смотрѣли, какъ на страдательное лицо изъ всей царской фамиліи"; въ ней всегда принимали „особенное участіе, и потому смѣло можно сказать, что всѣ сердца на ея сторонѣ"; 2) „простой народъ о правѣ наслѣдія судитъ часто по ектеніямъ, а въ нихъ она была второе лицо по государѣ"; 3) благопріятнымъ примѣромъ служитъ восшествіе на престолъ Екатерины II „при живомъ наслѣдникѣ"; наконецъ, 4) у государыни нѣтъ очень близкихъ родныхъ, для которыхъ ей стоило бы „дорожить неограниченнымъ самодержавіемъ, а потому она склоннѣе можетъ быть всѣхъ къ тому, чтобы даровать Россіи конституцію; можно даже надѣяться, что впослѣдствіи, если бы то уже необходимо было нужно, она совсѣмъ откажется отъ правленія, особливо если бъ ей предоставлено было приличное содержаніе, воздвигнутъ монументъ и поднесенъ титулъ матери свободнаго отечества, ибо чего ей осталось болѣе желать, кромѣ славы". Штейнгель считалъ немедленное учре-

[1] Т. I, 207. Ср. „Записки кн. Трубецкаго", стр. 2—3, 6—8.

жденіе республиканскаго правленія невозможнымъ и революцію, съ этою цѣлью, гибельною; по его мнѣнію, „Россія къ быстрому перевороту не готова", въ городахъ у насъ нѣтъ „настоящаго гражданства", и внезапная свобода подастъ поводъ къ безначалію, безпорядкамъ и неотвратимымъ бѣдствіямъ"; при этомъ онъ указывалъ на то, что въ одной Москвѣ десятки тысячъ дворовыхъ, готовыхъ взяться за ножи"[1]. Рылѣевъ на предложеніе Штейнгеля относительно возведенія на престолъ Елизаветы Алексѣевны замѣтилъ, что при этомъ можетъ возникнуть партія „совсѣмъ съ другими побужденіями, и тогда еще хуже нельзя будетъ успѣть ни въ чемъ", однако, обѣщалъ передать предложеніе Штейнгеля. 9, 10 и 11 декабря Штейнгель вновь бесѣдовалъ на эту тему съ Рылѣевымъ, такъ какъ тогда стали уже рѣшительно говорить въ Петербургѣ объ отреченіи цесаревича; при этомъ онъ прочелъ составленный имъ проектъ приказа по войскамъ[2].

Рылѣевъ три раза перечиталъ его, чтобы запомнить, и вновь обѣщалъ переговорить съ другими. Ту же мысль Штейнгель высказывалъ еще ранѣе Пущину въ Москвѣ. Нужно замѣтить, что Штейнгель никогда не имѣлъ доступа къ имп. Елизаветѣ и изъ близкихъ къ ней лицъ только однажды былъ у Лонгинова съ просьбою о поднесеніи государынѣ его книги. Но онъ зналъ, что Лонгиновъ получилъ образованіе и долго жилъ въ Англіи, и потому надѣялся, что онъ былъ бы „не изъ числа ревнителей неограниченнаго самодержавія"[3]. Скоро послѣ разговора съ Рылѣевымъ Штейн-

---

[1] Въ своей запискѣ (1818 г.) о гражданственности и купечествѣ въ Россіи Штейнгель говоритъ: „Извѣстно, что въ Москвѣ, въ коей жителей, послѣ разоренія, насчитано полиціею до 200 тысячъ, нашлось 68 тысячъ людей, дворовую прислугу составляющихъ, и такъ болѣе трети всего числа жителей, кои суть совершенные дармоѣды и народъ препраздный и преразвращенный". Въ 1825 г., судя по запискамъ Штейнгеля, въ Москвѣ было уже 90 тысячъ дворовыхъ.

[2] „Храбрые воины! Императоръ Александръ I скончался, оставя Россію въ бѣдственномъ положеніи. Въ завѣщаніи своемъ наслѣдіе престола онъ предоставилъ вел. князю Николаю Павловичу; но вел. князь отказался, объявивъ себя къ тому неготовымъ, и первый присягнулъ императору Константину. Нынѣ же получено извѣстіе, что и цесаревичъ рѣшительно отказывается. Итакъ они не хотятъ, они не умѣютъ быть отцами народа: намъ осталась мать въ Елисаветѣ. Виватъ Елисавета вторая и отечество!"

[3] Впрочемъ, въ своихъ воспоминаніяхъ Штейнгель говоритъ, что во время службы въ Москвѣ онъ получалъ письма отъ гр. Павла Александр. Строганова и его жены, „друга имп. Елисаветы Алексѣевны".

гель увидѣлъ, что тотъ не согласенъ съ его предложеніемъ. Мысль о возведеніи на престолъ имп. Елизаветы Алексѣевны высказывалъ и другой членъ Сѣвернаго тайнаго общества Батеньковъ.

Утромъ 13 декабря Ростовцевъ сообщилъ Рылѣеву о томъ, что онъ предупредилъ вел. кн. Николая Павловича относительно плановъ тайнаго общества. Рылѣевъ передалъ объ этомъ Штейнгелю съ большимъ раздраженіемъ; ему приходила даже мысль, что для примѣра нужно убить Ростовцева, но Штейнгель отговорилъ его отъ этого. Въ тотъ же день Штейнгель предложилъ Рылѣеву въ манифестѣ отъ сената между прочимъ повторить тѣ же указанія на отреченіе отъ престола Николая Павловича и цесаревича Константина, которыя прежде онъ желалъ включить въ приказъ по войскамъ. Тогда Рылѣевъ попросилъ его на всякій случай написать манифестъ, что Штейнгель и сдѣлалъ утромъ 14 декабря. Въ немъ было сказано, что такъ какъ оба великіе князя отказываются отъ престола, то народу приходится самому выбирать себѣ правителя, и потому сенатъ назначаетъ, до того какъ соберутся депутаты, временное правительство; всѣ должны присягнуть ему и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ избрать изъ каждаго сословія въ каждой губерніи по два депутата, оставаясь въ повиновеніи властямъ и занимаясь своимъ дѣломъ. Манифестъ этотъ былъ написанъ отъ имени соединеннаго присутствія сената и синода; когда онъ прочелъ его Рылѣеву, было получено извѣстіе, что бо̀льшая часть гвардіи уже присягнула. Штейнгель замѣтилъ, что слѣдовательно проектъ манифеста болѣе не нуженъ и, хотя Рылѣевъ просилъ не уничтожать его, возвратившись домой, истребилъ его. Во время разговоровъ у Рылѣева въ одинъ изъ предшествующихъ дней Штейнгель признавалъ, что необходимо арестовать императорскую фамилію.

Утромъ 14 декабря къ Рылѣеву, въ то время, когда у него былъ Штейнгель, вошелъ Ростовцевъ и, торопливо сообщивъ, что бо̀льшая часть гвардіи уже присягнула, немедленно ушелъ. На площади въ этотъ день Штейнгель былъ нѣкоторое время въ числѣ зрителей и тутъ узналъ, что Ростовцевъ былъ избитъ прикладами и увезенъ домой. Штейн-

гель навѣстилъ Ростовцева и былъ свидѣтелемъ того, что государь прислалъ къ нему доктора. Позднѣе Штейнгель былъ также у Рылѣева, который въ этотъ же вечеръ былъ арестованъ. Штейнгель присягнулъ государю 16 или 17 декабря и 20-го выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ 3 января 1826 г. былъ взятъ и 6 января привезенъ прямо во дворецъ. Послѣ допроса у генералъ-адъютанта Левашова, его отвели къ государю. „Штейнгель, и ты тутъ?" сказалъ онъ.—„Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ", — отвѣчалъ арестованный.—„Какъ ты родня гр. Штейнгелю?"—„Племянникъ его и ни мыслями, ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя кучу дѣтей!"—„Дѣти ничего не значатъ", прервалъ государь, „твои дѣти будутъ мои дѣти!" (трое дѣтей Штейнгеля уже были опредѣлены въ казенныя учебныя заведенія). „Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?" — „Зналъ, государь, отъ Рылѣева". — „Зналъ и не сказалъ, — не стыдно ли?" — „Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецомъ!" — „А теперь какъ тебя назовутъ?"—спросилъ государь гнѣвнымъ тономъ. „Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно", сказалъ императоръ съ угрозою въ голосѣ и приказалъ отвезти Штейнгеля въ крѣпость. Въ собственноручномъ повелѣніи государя коменданту, генералъ-адъютанту Сукину, было сказано: „Присылаемаго Штейнгеля посадить по усмотрѣнію подъ строгій арестъ". Заключенный, подъ вліяніемъ угрозы имп. Николая, сталъ мысленно готовиться къ смерти и рѣшился написать государю письмо, съ цѣлью подробнѣе выяснить причины появленія тайныхъ обществъ и указать на нѣкоторыя необходимыя преобразованія. Письмо помѣчено 11 января 1826 г.

Въ началѣ его Штейнгель энергически настаиваетъ на томъ, что прежніе порядки продолжаться не могутъ. Царствованіе императора Александра онъ дѣлитъ на три періода: 1) либерализма и филантропіи, 2) мистицизма и 3) „противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому". При первыхъ министрахъ начато много полезнаго, „по крайней мѣрѣ обнаружено явное намѣреніе готовить государство къ воспріятію

конституціонныхъ началъ“ [1]. Далѣе авторъ указываетъ на различныя вредныя мѣропріятія правительства, какъ напр., введеніе казенной заготовки и оптовой продажи вина казною, вызвавшее страшное взяточничество губернской администраціи и приведшее къ милліоннымъ недоборамъ, на увеличеніе сборовъ съ паспортовъ, на возвышеніе цѣны на соль, на жестокое выколачиваніе недоимокъ; безпрестанные выгоны крестьянъ для исправленія дорогъ довершили ихъ разореніе. Судопроизводство отличается безконечною волокитою, неправосудіемъ и повсемѣстными злоупотребленіями. Особенно энергично клеймитъ Штейнгель учрежденіе военныхъ поселеній. Предполагаемаго при этомъ облегченія народа отъ тяжелой рекрутской повинности было бы легче достигнуть уменьшеніемъ срока службы, по примѣру Пруссіи, до 8 или 12 лѣтъ. Штейнгель замѣчаетъ, что военныя поселенія внутри государства могутъ привести также къ совсѣмъ не желательнымъ для правительства послѣдствіямъ и ссылается на мнѣніе о нихъ Веллингтона: „видно, что русское правительство не боится штыковъ“ [2].

Изложенное выше даетъ Штейнгелю право сказать, что, „все разстроивъ, правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя, и особенно народъ, въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче управлять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народ-

[1] Повторивъ ту же мысль въ одномъ изъ своихъ показаній предъ слѣдственною комиссіею, Штейнгель, въ видѣ примѣра, указалъ на то, что министерство внутр. дѣлъ издавало журналъ, въ которомъ „помѣщались весьма свободныя статьи и которымъ публика пріучалась судить о дѣйствіяхъ правительства“. Штейнгель упомянулъ также о томъ, что нѣсколько лѣтъ издавался „Духъ Журналовъ“—„въ качествѣ оппозиціоннаго періодическаго изданія, въ которомъ печатались весьма сильныя опроверженія противъ распоряженій правительства, защищаемыхъ министерскою газетою—„Сѣверною Почтою“ („Духъ Журналовъ“ издавался въ 1815—20 гг. кружкомъ литераторовъ, подъ редакціею Яценкова, и испыталъ много цензурныхъ гоненій).

[2] Имѣя въ виду это мѣсто своего письма, Штейнгель въ своихъ запискахъ, значительная часть которыхъ была написана по возвращеніи изъ Сибири, замѣчаетъ: „тутъ между прочимъ я нѣкоторымъ образомъ предсказалъ случившееся въ военномъ поселеніи“ (т. е. волненіе 1831 г.).

ному мнѣнію и не входило въ его нужды; повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все раззорилось... Должно ли послѣ сего удивляться, что правительство потеряло довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное общее желаніе перемѣны въ порядкѣ вещей?"

Переходя далѣе къ причинамъ развитія свободомыслія, Штейнгель, между прочимъ, указываетъ на поощреніе переводовъ печатаніемъ „съ Высочайшаго дозволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны: конституція Англіи де-Лольма, твореніе Монтескье, Бентама и другихъ". Упомянувъ объ ослабленіи цензуры, о нѣкоторыхъ либеральныхъ мѣрахъ по крестьянскому вопросу, о первоначальной терпимости относительно масонскихъ ложъ, Штейнгель говоритъ, что не слѣдуетъ удивляться послѣ этого основанію тайнаго общества, подобнаго прусскимъ и германскимъ. Въ рѣчи на варшавскомъ сеймѣ (1818) государь упомянулъ, что готовитъ такія же учрежденія для Россіи, и эта рѣчь была напечатана въ газетахъ. Происшествія въ Испаніи [1] и Піемонтѣ [2] и возстаніе грековъ произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніяхъ государя и въ то же время воспламенили умы людей, мечтавшихъ о свободѣ Россіи. Предоставленіе грековъ своей судьбѣ, уничтоженіе масонскихъ ложъ и нѣкоторыя мѣропріятія по духовному вѣдомству раздражили общество. Такимъ образомъ, по мнѣнію Штейнгеля, правительство само въ теченіе 24 лѣтъ питало юношество либеральными идеями. Преслѣдовать теперь за свободомысліе не только несправедливо, но и безцѣльно, такъ какъ, сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества или лицъ, знавшихъ о немъ, сколь многихъ ни лишили бы сво-

---

[1] Возстаніе въ войскѣ подъ начальствомъ Ріего и присоединеніе къ нему народа въ Мадридѣ принудили короля Фердинанда VII присягнуть конституціи 1812 года, отмѣнить инквизицію и созвать въ 1820 г. кортесы. Король тайно обратился къ Священному Союзу съ просьбою о защитѣ, и въ 1823 г. французская армія возстановила абсолютную королевскую власть.

[2] Піемонтская революція 1821 г. была подавлена при помощи австрійцевъ. См. *Эли. Сорень*, „Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила", Спб., 1898 г., стр. 80—90.

боды, останется еще большее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувства. „Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ газеты, а въ газетахъ пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ[1]. Не первая ли мысль: „почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности“ родится въ головѣ каждаго? Бо̀льшая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны всею душою желать конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ, всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей нѣсколько образованныхъ не читалъ или не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущаго свободою; кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: „Голова и ноги“?..[2]. Чтобы истребить корень свободомыслія, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе“. Но такъ какъ это невозможно, то остается побѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными преобразованіями. Въ заключеніе авторъ перечислилъ нѣ-

---

[1] Въ доносѣ на французскомъ языкѣ, доставленномъ Александру I, въ 1821 г., сообщалось, что въ Петербургѣ вообще много говорятъ о конституціи и что особенно это замѣтно среди русскихъ купцовъ гостинаго двора. Они собираются группами, человѣкъ до восьми, съ газетами въ рукахъ, и разсуждаютъ о необходимости конституціи. „Они говорятъ, что если въ странѣ есть конституція, то государь не можетъ постоянно покидать свое государство, такъ какъ для этого нужно дозволеніе націи .. Постыдно, что онъ лично ѣдетъ туда, куда другіе государи отправляютъ только посланниковъ... Если ему не нравится Россія, зачѣмъ онъ не поищетъ себѣ короны гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ... На что нуженъ государь, который совершенно не любитъ своего народа, который только путешествуетъ и на это тратитъ огромныя суммы. Когда же онъ дома, то постоянно тѣшитъ себя парадами. Всѣ знаютъ, что уже давно въ судахъ совершаются вопіющія несправедливости, дѣла выигрываютъ тѣ, кто больше заплатитъ, а государь не обращаетъ на это вниманія. Нужно, чтобы онъ лучше оплачивалъ трудъ состоящихъ на государственной службѣ и поменѣе разъѣзжалъ. Только конституція можетъ исправить все это, и нужно надѣяться, что Богъ скоро даруетъ намъ ее... Нѣкоторые говорятъ, что если бы русское населеніе Петербурга и Москвы единодушно пожелало этого, то министры не посмѣли бы этому противиться“. Госуд. Арх. I. В., № 12, л. 66.

[2] „Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова съ примѣч., составленными А. О. Круглымъ“. Изд. Я. Соколова. Спб., 1895 г., т. I, стр. 13.

сколько реформъ, которыя онъ считалъ необходимыми; онъ совѣтовалъ „водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ государствамъ..., улучшить состояніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную для націи продажу людей“ и принять еще нѣкоторыя другія мѣры [1]. Это замѣчательное письмо, несомнѣнно, лучшее изъ всѣхъ произведеній Штейнгеля.

Нѣсколько позднѣе, 29 января 1826 г., онъ написалъ государю другое, сравнительно небольшое по объему, письмо, до сихъ поръ не напечатанное. Указавъ имп. Николаю на то, какъ много онъ можетъ сдѣлать для блага народа, Штейнгель намекаетъ на непопулярность государя до вступленія его на престолъ: „Великій Фридрихъ былъ не любимъ, и отъ него не ожидали ничего, когда царствовалъ еще его отецъ, но, сдѣлавшись государемъ, онъ сталъ кумиромъ своего народа и теперь живетъ въ сердцахъ пруссаковъ“. Штейнгель обращаетъ вниманіе государя на то, что „духъ томительной неизвѣстности, разлившись по всей Россіи, производитъ самое неблагопріятное на сердца народа впечатлѣніе“. Въ виду этого онъ предлагаетъ государю издать манифестъ съ предписаніемъ губернаторамъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня его полученія заняться соображеніемъ и составленіемъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи купечества, мѣщанства и крестьянъ, кромѣ помѣщичьихъ, относительно торговли, промышленности, уплаты податей и исполненія повинностей. Свѣдѣнія эти должны давать ясное представленіе о томъ, не препятствуетъ ли что-либо благосостоянію населенія, не обременено ли оно выше всякой мѣры и не приходитъ ли въ разореніе. Свѣдѣнія эти авторъ предлагаетъ собирать о купцахъ и мѣщанахъ чрезъ городскихъ головъ, о крестьянахъ не крѣпостныхъ—чрезъ нарочно посланныхъ чиновниковъ, а о помѣщичьихъ—чрезъ предводи-

[1] Записка эта была напечатана (впрочемъ, весьма неисправно) еще при жизни автора (по возвращеніи его изъ ссылки) въ „Историческомъ сборникѣ вольной русской типографіи въ Лондонѣ“, кн. I, Лондонъ. 1859 г., стр. 101—125; затѣмъ она была издана К. П. Побѣдоносцевымъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1895 г., № 2, стр. 161—176; печатается и въ настоящемъ изданіи (см. ниже).

телей дворянства. Собранныя данныя въ опредѣленный срокъ должны быть доставлены въ собственныя руки государя, такъ какъ къ министрамъ „просвѣщенная публика“ и народъ не имѣютъ „ни внутренняго уваженія, ни довѣрія“. Изъ полученныхъ матеріаловъ можно будетъ извлечь соображеніе для будущихъ преобразованій. Штейнгель нѣсколько наивно предлагалъ государю, чтобы, въ случаѣ одобренія его мысли, ему было дозволено представить и проектъ манифеста [1].

Оба письма Штейнгеля, вмѣстѣ съ письмами къ государю и показаніями Батенькова, Александра Бестужева и Каховскаго, по возвращеніи имп. Николая въ 1826 году съ коронаціи изъ Москвы, были переданы бывшему правителю дѣлъ слѣдственной комиссіи о тайныхъ обществахъ, Боровкову, съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ сводъ мнѣній ихъ авторовъ о внутреннемъ положеніи Россіи въ царствованіе имп. Александра I. При исполненіи этой работы Боровковъ старался излагать мысли названныхъ декабристовъ по возможности ихъ словами [2]. Сводъ этотъ былъ представленъ государю 6 февраля 1827 г.; имп. Николай оставилъ его у себя въ кабинетѣ, а списки — одинъ отослалъ въ Варшаву къ цесаревичу Константину, а другой далъ кн. Кочубею, назначенному въ этомъ году предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. „Государь императоръ“, сказалъ впослѣдствіи Боровкову кн. Кочубей,— „часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго“. Боровковъ полагаетъ, что собранныя имъ мысли нѣкоторыхъ декабристовъ не остались безъ вліянія на „разныя постановленія и улучшенія“, введенныя позднѣе.

Послѣ перваго допроса у Левашова, Штейнгель долженъ былъ, уже въ крѣпости, дать отвѣты на вопросы,

[1] Имп. Николай 9 февраля 1826 г. надписалъ на этомъ письмѣ: „чит., къ свѣдѣнію въ Комитетъ“.

[2] Сводъ этотъ, напечатанъ (съ варіантами сравнительно съ экземпляромъ, хранящимся въ Госуд. Арх. I В. № 11) въ запискахъ Боровкова („Рус. Стар. 1898 г., № 11, стр. 353—361); онъ состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: введеніе, воспитаніе, законы, судопроизводство, система правленія (т. е. учрежденія мѣстныя и центральныя), упадокъ гражданской части, жалованье чиновникамъ, состояніе приказныхъ, взиманіе податей, дорожная повинность, недоимки, казенное хозяйство, торговля, состояніе флота, военныя поселенія, разряды гражданъ и заключеніе.

предлагавшіеся всѣмъ арестованнымъ: гдѣ воспитывался и служилъ, не слушалъ ли особыхъ лекцій, вслѣдствіе чего развилось въ немъ свободомысліе и т. п.[1] 7-го февраля 1826 года Штейнгель былъ подвергнутъ подробному допросу въ присутствіи слѣдственной комиссіи; при этомъ, въ своихъ показаніяхъ, онъ отчасти повторилъ то, что высказалъ уже въ письмѣ къ Николаю I отъ 11 января 1826 г. По его словамъ въ показаніи, республиканскія мнѣнія общества объясняются распространеніемъ либеральныхъ идей въ Россіи вообще. Онъ указалъ также на вліяніе на молодежь обученія въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ и въ лицеѣ, на переводъ и изданіе книгъ, особенно въ началѣ царствованія Александра I, на пребываніе многихъ во Франціи и Германіи, на вліяніе событій въ иностранныхъ державахъ 1820 г., на дарованіе конституціи Польшѣ и Финляндіи. Объясняя, почему онъ присоединился къ тайному обществу, Штейнгель указалъ на то, что служба въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ дала ему возможность „узнать Россію и приглядѣться ко всему, что препятствуетъ благосостоянію народному... Не бывъ отъ природы холоднымъ эгоистомъ и не считая любовь къ отечеству простымъ идеаломъ, пригоднымъ только на случай надобности, я раздражался и скорбѣлъ сердцемъ отъ всего, что видѣлъ и слышалъ, а потому сознаюсь предъ комитетомъ, предъ Государемъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ предъ Богомъ, что не могъ не прилѣпиться мыслію къ изящности такого правленія, которое бы обезпечивало личную безопасность и достояніе равно послѣдняго гражданина, какъ и сильнаго вельможи, а съ тѣмъ вмѣстѣ само въ себѣ заключало бы гарантію незыблемости государственныхъ постановленій". Упомянувъ о томъ, съ какою благодарностью прочелъ онъ въ рѣчи имп. Александра на варшавскомъ сеймѣ обѣщаніе государя „готовить и Россію къ принятію такой же конституціи", Штейнгель продолжаетъ: въ послѣдніе пять лѣтъ „началъ обнаруживаться постепенный упадокъ дворянства, разстройство торговли и купечества, разореніе крестьянъ", и потому онъ „даже съ

[1] Отвѣтъ Штейнгеля на послѣдній вопросъ былъ приведенъ выше.

нѣкоторымъ удовольствіемъ услышалъ въ первый разъ отъ Рылѣева о существованіи общества". Штейнгель, между прочимъ, сознался, что слышалъ отъ Рылѣева о замыслахъ Якубовича на жизнь имп. Александра (отъ которыхъ Рылѣеву удалось его удержать), но заявилъ, что самъ съ Якубовичемъ знакомъ не былъ; онъ сообщилъ нѣкоторыя подробности совѣщаній у Рылѣева. Въ оправданіе себя Штейнгель указалъ на то, что онъ „лично въ духѣ тайнаго общества ни въ какомъ отношеніи ни на кого не дѣйствовалъ" и ни одного человѣка не принялъ въ члены общества. 9 марта Штейнгель на вопросы комитета разсказалъ о составленномъ имъ, по порученію Рылѣева, манифестѣ. На вопросные пункты 30 апрѣля онъ сообщилъ, что Рылѣевъ спрашивалъ его, нельзя ли въ Москвѣ пріобрѣсти членовъ между купечествомъ, но Штейнгель отвѣчалъ, что на московскихъ купцовъ разсчитывать нельзя, такъ какъ среди нихъ нѣтъ ни одного, которому можно было бы безопасно ввѣрить тайну общества, [1] что одинъ только типографъ Селивановскій образованнѣе другихъ, но что онъ и безъ привлеченія его въ общество содѣйствуетъ достиженію его цѣли изданіемъ книгъ, распространяющихъ „свободныя понятія". [2] Рылѣевъ передалъ ему также порученіе Ростовцева, [3] принять въ члены обще-

[1] Рылѣевъ въ своемъ показаніи передаетъ слѣдующій отвѣтъ Штейнгеля: „это дѣло невозможное: наши купцы невѣжды". Мы видѣли, однако, что среди петербургскаго купечества были люди, весьма интересующіеся политическими событіями и оппозиціонно настроенные.

[2] Селивановскій въ перепискѣ съ митроп. Евг. Болховитиновымъ называетъ Штейнгеля своимъ „почтеннѣйшимъ другомъ". У Селивановскаго, 30 лѣтъ занимавшагося въ Москвѣ печатаніемъ книгъ, былъ сдѣланъ обыскъ и была отобрана пропущенная цензурнымъ комитетомъ и напечатанная въ трехъ томахъ энциклопедія, а также нѣсколько тетрадей заготовленныхъ статей для нея, еще не просмотрѣнныхъ цензурою. Въ числѣ переводчиковъ ея были, между прочимъ. С. П. Шевыревъ и декабристъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Она составлялась по нѣсколькимъ иностранныхъ энциклопедіямъ съ прибавленіемъ статей, касающихся Россіи, и издатель издержалъ на нее болѣе 30.000 руб. Въ бумагахъ не было найдено ничего подозрительнаго, но рукописные переводы и даже отпечатанные уже тома велѣно было подвергнуть „подробнѣйшему разсмотрѣнію цензуры". Государств. Арх. I В., № 265. Энциклопедія Селивановскаго не вышла въ свѣтъ.

[3] Штейнгель былъ въ половинѣ ноября съ Рылѣевымъ у Ростовцева, и тотъ прочелъ отрывокъ изъ своей трагедіи „Пожарскій", приготовленной для помѣщенія въ „Полярную звѣзду", а Рылѣевъ прологъ къ своей комедіи „Хмѣльницкій". Тутъ Штейнгель познакомился съ кн. Е. П. Оболенскимъ, который въ своемъ показаніи называетъ его въ числѣ членовъ общества.

ства его зятя, купца Сапожникова, который, по словамъ Штейнгеля, былъ человѣкъ съ „очищенными понятіями", а позднѣе объ этомъ просилъ его и самъ Ростовцевъ. Штейнгель отвѣчалъ уклончиво и просьбы не исполнилъ. Когда онъ посѣтилъ Ростовцева послѣ 14 декабря, тотъ сказалъ ему, что написалъ письмо великому князю Николаю Павловичу по совѣту зятя, которому сообщилъ о тайномъ обществѣ и его намѣреніяхъ. Въ этомъ же показаніи Штейнгель разсказалъ о своемъ предложеніи относительно возведенія на престолъ императрицы Елизаветы Алексѣевны и составленномъ имъ проектѣ приказа по войскамъ. На вопросъ объ А. А. Бестужевѣ, онъ отвѣтилъ, что не сходился съ нимъ вслѣдствіе его саркастическаго тона. [1]

Относительно своихъ показаній Штейнгель дѣлаетъ любопытное поясненіе въ своихъ запискахъ: „Въ отвѣтахъ моихъ", говоритъ онъ, „я не соблюдалъ никакой осторожности; такъ, напр., въ дополнительномъ отвѣтѣ, приведя всѣ доказательства, что меня можно по справедливости обвинять въ томъ только, что, *бывши неожиданно, противъ воли, депозиторомъ чужой тайны, не сдѣлался доносчикомъ, какихъ всегда презираютъ даже тѣ самые, въ чью пользу доносятъ,* [2] я заключилъ: „Вы, милостивые государи, которые должны произвесть надо мною судъ по совѣсти, приведите на память этой самой совѣсти событія 1801 года съ 11 на 12 марта. И такъ, были и будутъ вѣчно обстоятельства выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, постановленій и обязанностей". — Въ другихъ отвѣтахъ, писанныхъ противъ вопросныхъ пунктовъ, сознаваясь, почему не былъ сторонникомъ великаго князя, написалъ такія вещи, которыя показались слишкомъ дерзновенными [3], былъ призванъ въ комитетъ, и тамъ ему предложили перемѣнить написанное имъ, что онъ и исполнилъ. Это

---

[1] Штейнгель былъ въ числѣ тѣхъ заключенныхъ, которымъ послѣ 24 февраля 1826 г. переписка разрѣшена не была. Только 14 апрѣля его жена получила дозволеніе государя написать мужу и получить отъ него отвѣтъ. 28 іюня имъ было дано свиданіе. (Сообщено С. А. Панчулидзевымъ).

[2] Курсивъ автора.

[3] Вѣроятно о томъ, что великаго князя Николая Павловича не любили въ гвардіи, какъ объ этомъ Штейнгель упоминалъ даже въ письмѣ къ нему самому отъ 29 января 1826 г.

свидѣтельство въ высшей степени важно: оно показываетъ, что нѣкоторые письменные отвѣты заключенныхъ обезцвѣчивались благодаря требованію слѣдственной комиссіи.

15 мая Штейнгелю предъявили сдѣланное противъ него слѣдующее показаніе. Когда, въ первые дни по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра, Рылѣевъ сказалъ, что общество предполагаетъ, если цесаревичъ не откажется отъ престола или если оно не будетъ имѣть успѣха, истребить царскую фамилію въ день коронаціи, то Штейнгель возразилъ: „лучше предъ тѣмъ днемъ захватить ихъ всѣхъ у всенощной въ церкви Спаса, за золотою рѣшеткой". Штейнгель, хотя и довольно нерѣшительно, ссылаясь на запамятованіе, отрицалъ, чтобы могъ говорить это въ собраніи въ смыслѣ предположенія общества, но „можетъ быть", допускалъ онъ, „говорилъ съ Рылѣевымъ объ арестованіи царской фамиліи" и о томъ, что это удобно исполнить въ Москвѣ.

1 іюня 1826 г. былъ изданъ указъ о назначеніи Верховнаго Уголовнаго Суда, которому было представлено извѣстное „донесеніе слѣдственной комиссіи"; Штейнгель даетъ о немъ такой отзывъ: „оно вышло точно такимъ, какимъ непремѣнно долженъ былъ выйти всякій обвинительный актъ, когда обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители, въ видахъ обезпеченія будущности, заинтересованы представить дѣло сколь возможно презрительно-ужаснымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хотятъ облечь свои дѣйствія искусною тканью лжи съ отливами яркаго безпристрастія".[1]

Какъ извѣстно, Верховный Уголовный Судъ не призывалъ въ свои засѣданія обвиняемыхъ для провѣрки данныхъ предварительнаго слѣдствія и удовольствовался опросомъ ихъ чрезъ членовъ суда: 1) точно ли данные ими отвѣты подписаны ими собственноручно и 2) не имѣютъ ли подсудимые какой претензіи? Они были вызваны въ судъ только для выслушанія приговора.

[1] *Шильдеръ*, „Имп. Николай I" стр. 434. Нужно замѣтить, однако, что въ „донесеніи слѣдственной комиссіи" замѣтно стремленіе смягчить вину Штейнгеля: его называютъ тамъ „однимъ изъ менѣе ослѣпленныхъ, менѣе другихъ заблуждавшимся". Правитель дѣлъ слѣдственной комиссіи, Боровковъ, какъ видно изъ его записокъ, жалѣлъ Штейнгеля.

Верховный Уголовный Судъ призналъ, что подполковникъ Штейнгель „зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы („царской фамиліи“) съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли, и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ“. Штейнгель былъ отнесенъ судомъ къ третьему разряду и осужденъ къ ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу, но государь повелѣлъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать его въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Штейнгель былъ сильно пораженъ, когда, вмѣсто Сибири, его отвезли въ Финляндію и заключили въ крѣпости Свартгольмъ (на Аландскихъ о-вахъ). Его посадили въ низкій казематъ, 8 шаговъ длины и 6 ширины, съ двумя желѣзными дверями и маленькимъ окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою. По его словамъ, это было самая ужасная минута въ его жизни: онъ вообразилъ, что тутъ ему опредѣлено умереть. Онъ упалъ на колѣни и сталъ со слезами молиться. Вскорѣ онъ услышалъ, что двери темницы отворяются, вошелъ смотритель и ласково просилъ извиненія, что ничего не приготовлено, но все будетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что велѣно содержать его „пристойно“. Суровое тюремное заключеніе продолжалось съ іюня 1826 до февраля 1827 г., когда крѣпость посѣтилъ финляндскій генералъ-губернаторъ Закревскій. Онъ приказалъ допускать заключенныхъ къ общему обѣду, къ прогулкѣ по одиночкѣ и въ баню. Указомъ сенату 22 августа 1826 г. (въ день коронаціи) были смягчены наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, причемъ Штейнгелю былъ пониженъ срокъ каторжныхъ работъ до 15 лѣтъ.

Въ іюнѣ 1827 г. его отправили, заковавъ въ кандалы, съ фельдъегеремъ въ Сибирь. Послѣ временнаго пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, Штейнгель, какъ и многіе другіе декабристы, былъ привезенъ въ Читу. По представленію коменданта Лепарскаго, въ августѣ 1828 г. съ государственныхъ преступниковъ были сняты ножные кандалы. О жизни Штейнгеля въ Читѣ извѣстно, что онъ, несмотря

на свой уже весьма зрѣлый возрастъ, сталъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами, брать у фонъ-деръ-Бриггена уроки латинскаго языка; здѣсь же онъ перевелъ вторую часть записокъ Франклина (первая была переведена И. И. Пущинымъ). [1]

Въ 1830 г. декабристы были переведены въ Петровскій заводъ, гдѣ, по выраженію Штейнгеля, „составили свои правила и жили какъ въ монастырѣ, занимаясь науками". Высочайшимъ указомъ 8 ноября 1832 г. срокъ каторжныхъ работъ былъ пониженъ Штейнгелю до 10 лѣтъ. [2] Во время пребыванія здѣсь Штейнгеля, А. П. Ермоловъ (въ 1834 г.) просилъ его сообщить ему свѣдѣнія, кто были начальниками Иркутской губ. со времени ея открытія. Штейнгель, которому, во время его службы въ Сибири, удалось ознакомиться со многими бумагами иркутскаго архива, составилъ и послалъ Ермолову интересный очеркъ о высшей администраціи Восточной Сибири [3].

Другая работа была исполнена здѣсь Штейнгелемъ въ 1835 г. Онъ записалъ разсказъ одного политическаго ссыльнаго, Колесникова, приговореннаго въ Оренбургѣ съ товарищами въ 1827 г. къ каторжнымъ работамъ, по доносу Ипполита Завалишина, который еще юношею 17-18 лѣтъ подалъ доносъ на своего брата Иринарха Завалишина (декабриста) и на свою сестру. Ипполитъ Завалишинъ изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища былъ разжалованъ въ солдаты, отправленъ въ Оренбургъ и здѣсь, относительно небольшого кружка военной молодежи, сыгралъ роль провокатора и доносчика. Это выяснилось на военномъ судѣ, и самъ онъ былъ наказанъ строже всѣхъ—приговоренъ къ вѣчной каторжной работѣ. Колесниковъ, осужденный на 6-лѣтнюю каторгу и два

---

[1] Записки П. Бѣляева въ „Рус. Стар." 1881 г. т. XXX, 810; „Рус. Арх.", 1879 г. № 12, стр. 474.

[2] Государств. Арх. I В. № 332 в., стр. 13. Штейнгель содержался въ одномъ отдѣленіи съ Оболенскимъ, Пущинымъ, Лореромъ и Якушкинымъ; обѣдали и ужинали они вмѣстѣ въ коридорѣ. „Рус. Арх"., 1870 г., стр. 1618.

[3] Еще при жизни автора онъ появился въ „Историч. сборн. вольной рус. типогр. въ Лондонѣ", кн. 1, 1859 г., стр. 76—100. Затѣмъ, съ приложеніемъ письма Штейнгеля къ Ермолову, былъ вновь напечатанъ въ „Историч. Вѣстн." 1884 г., № 8, подъ названіемъ „Сибирскіе сатрапы".

его товарища по дѣлу были сосланы въ Читу и помѣщены вмѣстѣ съ декабристами. Колесниковъ велъ на пути краткія замѣтки. Штейнгель съ его словъ подробно записалъ всѣ ихъ приключенія во время путешествія въ Сибирь „по канату“ въ 1827—28 гг., снабдилъ повѣствованіе введеніемъ и послѣсловіемъ и передъ разставаніемъ со своимъ другомъ, М. А. Бестужевымъ [1], подарилъ ему рукопись на память съ трогательною надписью, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „Мы съ тобой едва имѣемъ на что подъ голодный часъ купить омуля“ (рыба)..; „пусть же хотя эта бѣдная рукопись напомнитъ тебѣ въ грустный часъ бѣднаго сѣдого друга,— бѣднаго карманомъ, но богатаго чувствами“ [2].

По истеченіи почти 10 лѣтъ со времени приговора, по высочайшему указу 14 декабря 1835 г., Штейнгель изъ каторжника превратился въ ссыльно-поселенца. [3] Мѣстомъ его жительства было назначено село Елань, въ 67 верстахъ отъ Иркутска. Живя въ Елани Штейнгель сдѣлалъ попытку сотрудничать въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ. Онъ отправилъ чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Броневскаго письмо къ одному изъ издателей газеты „Сѣверная Пчела“, Н. И. Гречу, съ приложеніемъ статьи: „Нѣчто о невѣрностяхъ, проявляющихся въ Русскихъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о Россіи“, за подписью Обвинскій. Броневскій переслалъ статью Бенкендорфу, который отвѣчалъ, что считаетъ „неудобнымъ дозволять государственнымъ преступникамъ посылать свои сочиненія для напечатанія въ журналахъ, ибо сіе поставитъ ихъ въ сношенія, несоотвѣтственныя ихъ положенію“. Статья Штейнгеля оставлена была при дѣлахъ III Отдѣленія собств. Его Велич. канцеляріи. Такова же были судьба и сдѣланнаго

---

[1] Ср. отзывъ о Штейнгелѣ М. А. Бестужева въ его запискахъ „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXXII, стр. 616—617.

[2] Рукопись эта была впослѣдствіи подарена М. А. Бестужевымъ М. И. Семевскому. Небольшой отрывокъ изъ нея былъ помѣщенъ, съ именемъ Штейнгеля, при жизни его, въ газетѣ „Вѣкъ“ 1861 г. № 12, подъ заглавіемъ: „Этапы и полуэтапы“; затѣмъ, она была напечатана въ „Зарѣ“ (1869 г. №№ 4 и 5) и наконецъ въ „Рус. Стар.“ (1881—82 гг., т. XXXIII—XXXIV) съ исключеніемъ двухъ страницъ изъ введенія Штейнгеля и двухъ мѣстъ въ самомъ разсказѣ, но все же нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ „Зарѣ“.

[3] Госуд. Арх., I В. № 332 в, стр. 13.

Штейнгелемъ перевода съ польскаго двухъ отрывковъ изъ путешествія Ляха Ширмы (объ англійскомъ театрѣ и о воспитаніи въ Англіи), которые онъ (подъ тѣмъ же псевдонимомъ Обвинскаго) предполагалъ напечатать въ „Библіотекѣ для Чтенія“.[1]

Въ октябрѣ 1836 г. Штейнгель написалъ изъ Елани письмо гр. Бенкендорфу, въ которомъ просилъ его ходатайствовать, чтобы государь простилъ его въ „сердцѣ своемъ, какъ человѣкъ человѣка: это“, прибавляетъ Штейнгель, „потребность души моей на часъ смертный“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ о переводѣ его изъ Восточной Сибири въ Ишимъ или другой какой либо городъ ближе къ Россіи „для утѣшенія“ его „невиннаго, но не менѣе страждущаго семейства“ (у Штейнгеля въ это время было четыре сына и двѣ дочери)[2]. Въ концѣ декабря 1836 г. гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, Броневскаго, что онъ доложилъ государю письмо Штейнгеля и получилъ согласіе на переводъ его на поселеніе въ Ишимъ, причемъ государь сказалъ: „давно уже простилъ въ душѣ, какъ Штейнгеля, такъ и прочихъ государственныхъ преступниковъ“, что и было объявлено Штейнгелю, а между тѣмъ имп. Николай и „въ душѣ“ не прощалъ декабристовъ. По свидѣтельству одного современика „при малѣйшемъ нарушеніи могильной тишины и дисциплины, имѣлъ онъ привычку повторять: „ce sont mes amis du quatorze!“ (это мои друзья декабристы)[3]. Но Штейнгель въ своихъ позднѣйшихъ прошеніяхъ постоянно напоминалъ о томъ, что государь простилъ его въ своемъ сердцѣ.

Оставивъ въ Россіи большое семейство и не получая (насколько извѣстно изъ офиціальныхъ источниковъ) ни-

---

[1] Въ письмѣ къ издателямъ „Библіотеки для Чтенія“ Штейнгель писалъ: „Читатели увидятъ, что Англія — Англія, а люди все люди; тѣ же страсти, недостатки, несовершенства. Чужелюбцы, недовольные своимъ, убѣдятся, что многое тамъ далеко не такъ хорошо, какъ они думаютъ, и быть можетъ скажутъ отъ сердца: „славны бубны за горами“. Архивъ Департамента Полиціи, дѣла III Отд. Собств. Е. Вел. Канц. 1 эксп., № 61, ч. 14, л. 21 29, 75—123.

[2] Сыновья были опредѣлены въ корпуса, старшая дочь окончила курсъ въ Московскомъ Екатерин. институтѣ, младшую въ 1837 г., вслѣдствіе письма Штейнгеля къ помощнику гр. Бенкендорфа, статсъ-секретарю А. Н. Мордвинову, велѣно было опредѣлить пансіонеркою государя въ тотъ же институтъ.

[3] „Записки декабриста“ (бар. Розена), Лейпц. 1870 г., стр. 102.

какого денежнаго пособія ни отъ семьи, ни отъ родственниковъ, Штейнгель нуждался на поселеніи въ средствахъ къ существованію, почему, по прибытіи въ Западную Сибирь [1], вынужденъ былъ просить о назначеніи ему отъ казны пособія, которое и выдавалось сначала въ размѣрѣ 200 руб. асс., или 57 р. 14²/₇ коп. сер., въ годъ, а затѣмъ, съ 1845 г., на основаніи высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ отъ 6 февраля 1845 г., въ размѣрѣ 114 р. 28⁴/₇ коп. сер. въ годъ.

Во время пребыванія въ Ишимѣ, Штейнгель, по предложенію ишимскаго купца Черняковскаго, члена географическаго общества, написалъ весьма обстоятельное „Статистическое описаніе Ишимскаго округа Тобольской губерніи" [2]. Оно было напечатано позднѣе въ „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ" безъ имени дѣйствительнаго автора [3]; здѣсь были сгруппированы свѣдѣнія статистическія, экономическія, этнографическія и др.

Въ сентябрѣ 1838 г. Штейнгель ходатайствовалъ о переводѣ его, „для сближенія съ семействомъ" изъ Ишима въ Тобольскъ, что находилъ возможнымъ и генералъ-губернаторъ западной Сибири кн. Горчаковъ. Однако, только въ январѣ 1840 г. разрѣшено было перевести его въ Тобольскъ, куда онъ и былъ доставленъ 7 марта, послѣ 3-лѣтняго пребыванія въ Ишимѣ. Тобольскій губернаторъ, Ладыженскій, зналъ Штейнгеля еще въ Москвѣ и потому обласкалъ его и пригласилъ давать уроки своей малолѣтней дочери.

Во время пребыванія въ Тобольскѣ Штейнгель напечаталъ нѣсколько статей въ журналѣ „Маякъ", издаваемомъ С. Бурачкомъ, всѣ подъ псевдонимомъ — „Тридечный" [4].

---

[1] Онъ доставленъ въ Ишимъ 11 марта 1837 г.

[2] *К. Голодниковъ*, „Декабристы въ Тобольской губ." въ книгѣ, изд. проф. *Шиманомъ* „Восшествіе на престолъ Николая I", Берлинъ, 1902 г. стр. 407, или того же Голодникова „Государств. и полит. преступ. къ Ялуторовскѣ и Курганѣ", „Истор. Вѣстн.", 1888 г., № 12.

[3] Въ концѣ была подпись: „сообщено Н. Черняковскимъ, ишимскимъ купцомъ". „Жур. М. В. Д.", 1843 г. т. II, стр. 3—48, 200—255.

[4] Что псевдонимъ „Тридечный" принадлежитъ Штейнгелю видно: 1) изъ содержанія нѣкоторыхъ статей, имъ подписанныхъ, 2) изъ намека Штейнгеля въ письмѣ къ Завалишину („Сборн. бумагъ, хранящ. въ музеѣ Щукина", IX, 373) и, наконецъ, изъ указанія „Книж. Вѣстн." (1862 г. № 20, стр. 412).

Первая изъ нихъ „Старина морская и заморская“ (1840 г. ч. X, 23—40) трактуетъ о флотѣ, вторая — „Отрывокъ изъ путешествія Ляха Ширмы“ (1841 г. ч. XIII, 9—21) представляетъ этнографическій очеркъ Шотландіи; маленькая историческая замѣтка „Борода“ (ч. XXI, 80—81) не имѣетъ значенія, но живо написанный очеркъ „Что прежде было и что теперь“ представляетъ значительный автобіографическій интересъ, такъ какъ дополняетъ воспоминанія автора. Штейнгелю пришлось участвовать въ отраженіи иноземнаго нашествія, и это вызвало въ немъ стремленіе къ національной самобытности; онъ всегда былъ человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ: эти причины, а быть можетъ и случайное посредничество лицъ близкихъ[1] его семьѣ, жившей въ одной изъ столицъ, привели къ тому, что онъ сталъ печататься въ органѣ самаго реакціоннаго направленія. Весьма консервативныя струнки звучатъ мѣстами и въ статьѣ Штейнгеля „Что прежде было и что теперь“ (ч. XVII и XVIII, 26—40). Очень живо описываетъ онъ свое знакомство съ будущимъ тестемъ, директоромъ таможни въ Кяхтѣ, Вонифантьевымъ, и сватовство къ его дочери, окончившееся женитьбою; объ этомъ событіи въ посмертныхъ воспоминаніяхъ Штейнгеля мы находимъ лишь нѣсколько строкъ.

Когда въ 1842 г. начались волненія крестьянъ въ смежныхъ уѣздахъ Пермской губ. (такъ называемые картофельные бунты), вызвавшія безпокойство и броженіе умовъ, мѣстный губернаторъ Ладыженскій просилъ Штейнгеля написать воззванія къ народу съ цѣлью предостеречь его. По мнѣнію Штейнгеля, воззванія эти подѣйствовали, но генералъ-губернатору Западной Сибири, кн. Горчакову, не понравилось, что сохраненіе спокойствія въ народѣ стали приписывать губернатору, и онъ приказалъ выслать составителя воззваній въ г. Тару, сообщивъ о немъ гр. Бенкендорфу, что онъ занимался редактированіемъ бумагъ у губернатора и потому имѣлъ вліяніе на управленіе губерніей. Такъ объясняетъ свою высылку самъ Штейнгель.

---

[1] Въ „Маякѣ“ сотрудничалъ М. И. Топильскій, извѣстный впослѣдствіи директоръ департамента юстиціи (при гр. В. Н. Панинѣ), женившійся на дочери Штейнгеля.

Изъ офиціальныхъ источниковъ извѣстно, что 13-го іюня 1843 г. кн. Горчаковъ предложилъ Ладыженскому немедленно перевести Штейнгеля на жительство въ Тару; онъ сдѣлалъ это собственною властью, не испросивъ предварительно высочайшаго соизволенія, и потому поспѣшилъ увѣдомить, какъ гр. Бенкендорфа, такъ и министра внутреннихъ дѣлъ о причинѣ принятой имъ мѣры. Первому кн. Горчаковъ написалъ, что поводомъ къ переводу послужили неоднократно доходившіе до него слухи о томъ, что Ладыженскій тайно допускаетъ Штейнгеля къ составленію служебныхъ бумагъ, вслѣдствіе чего онъ „не чуждъ вліянія на дѣла управленія". Министру внутреннихъ дѣлъ кн. Горчаковъ между прочимъ сообщилъ, что Ладыженскій вполнѣ довѣрялъ Штейнгелю, и тотъ „сталъ приватно, по важнѣйшимъ дѣламъ службы, писать бумаги, подавать совѣты. Такое вліяніе Штейнгеля на Ладыженскаго возрастало постепенно, и общая молва обратила мое вниманіе на участіе въ мѣстномъ управленіи лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія за преступленія политическія" [1]. Кн. Горчаковъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ неоднократно лично указывалъ Ладыженскому на неудобство его отношеній къ Штейнгелю, но тотъ отвергалъ всѣ слухи о занятіяхъ у него этого послѣдняго служебными дѣлами и объяснялъ свое участіе къ нему только состраданіемъ къ старцу, уже наказанному 17-лѣтнею ссылкою. Этимъ объясненіямъ кн. Горчаковъ не вѣрилъ и

[1] Къ этому кн. Горчаковъ прибавляетъ: „и до того еще за злоупотребленіе удаленнаго особеннымъ высочайшимъ распоряженіемъ отъ должности, занимаемой имъ при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ". Это свѣдѣніе опровергается формуляромъ Штейнгеля, хранящимся при его дѣлѣ въ Государственномъ Архивѣ (В I № 360). Завѣдываніе канцеляріею московскаго генералъ-губернатора Тормасова Штейнгель оставилъ въ 1817 г., а въ отставку уволенъ „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ" высочайшимъ приказомъ 4-го декабря 1819 г., причемъ въ формулярѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о высочайшемъ повелѣніи, о которомъ говоритъ кн. Горчаковъ, а, напротивъ, упомянуто, что онъ въ штрафахъ не бывалъ и къ повышенію „достоинъ". Боровковъ, правитель дѣлъ слѣдственной комиссіи о декабристахъ, даетъ такой отзывъ о Штейнгелѣ: „Просвѣщенный, умный, дѣльный, кроткій и честный... Бывшій отличнымъ директоромъ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, онъ подвергался навѣтамъ государю въ противозаконномъ стяжаніи, былъ лишенъ службы и погруженъ съ семействомъ въ крайнюю нужду, вопреки предположенія о его богатствѣ" -„Рус. Стар." 1898 г. № 11, стр. 342.

утверждалъ, что Ладыженскій, вопреки порядку, указанному въ сибирскихъ учрежденіяхъ, завелъ какую-то особую собственную канцелярію, чтобы „съ большимъ удобствомъ и большею тайною допускать Штейнгеля къ разсмотрѣнію и направленію производящихся по губерніи дѣлъ“; „изъ этой канцеляріи, подъ фирмою губернатора, выходятъ иногда престранные резолюціи и проекты“. Опасаясь оставить Штейнгеля даже въ предѣлахъ Тобольской губ., кн. Горчаковъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ перевести его въ Томскъ.

Штейнгель заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и потому не могъ быть отправленъ въ Тару немедленно, какъ этого требовалъ кн. Горчаковъ [1]. 10 августа 1843 г. гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири, что государь утвердилъ распоряженіе о переводѣ Штейнгеля, послѣ чего онъ и былъ отвезенъ въ свое новое мѣстожительство. 24 августа Штейнгель отправилъ съ письмомъ на имя Дубельта два письма (къ женѣ и зятю Топильскому); въ послѣднемъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Если сановникъ унижается, забывая санъ свой, до личнаго гоненія невиннаго страдальца, страдалецъ имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, кричать, что ему больно и отчего больно, особливо кричать тѣмъ, въ участіи которыхъ онъ увѣренъ“. Штейнгель просилъ Дубельта подтвердить, чтобы письма сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря, адресуемыя черезъ III-е отдѣленіе, отсылались нераспечатанными: „это было бы“ для нихъ „значительною гарантіею“. Штейнгеля велѣно было увѣдомить, что изъ писемъ, присланныхъ имъ, письмо къ женѣ отправлено съ разрѣшенія гр. Бенкендорфа по принадлежности, а письмо къ зятю графъ „приказалъ уничтожить, отозвавшись, что судить о совершенствѣ или несовершенствѣ постановленій и недостаткахъ управляющихъ лицъ въ Сибири предоставлено высшему правительству, а не ему, Штейнгелю, который долженъ жить тихо и скромно, вознося благодаренія къ Господу Богу за настоящее свое положеніе: ибо онъ, Штейнгель, по

[1] 30 іюля, въ письмѣ къ Дубельту, жалуясь на приказаніе кн. Горчакова отвезти его въ Тару, Штейнгель просилъ ходатайствовать о переводѣ его въ Екатеринбургъ. Дубельтъ 1-го сент. поручилъ Тобольскому губернатору объявить Штейнгелю, что онъ не можетъ принять на себя ходатайства по его просьбѣ.

точной силѣ законовъ, подлежалъ смертной казни и избавленъ отъ оной единственно милосердіемъ государя императора, и что если на будущее время дозволитъ себѣ неприличныя ему разсужденія и вмѣшательство въ дѣла, до него не касающіяся, то къ удержанію его отъ этого будутъ приняты строжайшія мѣры". Одновременно съ письмомъ къ Дубельту Штейнгель отправилъ жалобу Бенкендорфу на несправедливость возведенныхъ на него бездоказательныхъ обвиненій, жаловался на жестокость, несправедливость къ нему и самовластіе генералъ-губернатора, называлъ надзоръ за нимъ „сикофантизмомъ", свой переводъ на жительство въ Тару „безчеловѣчнымъ, безнравственнымъ", „просто убійствомъ" и даже „святотатственнымъ оскорбленіемъ высочайшей воли самодержца". Гр. Бенкендорфъ препроводилъ эту жалобу на заключеніе кн. Горчакова и, получивъ его отвѣтъ, написалъ, что, по его мнѣнію, необходимо наказать Штейнгеля за его письмо и за то, что онъ остался въ Тобольскѣ до полученія высочайшаго повелѣнія, переводомъ въ одну изъ отдаленныхъ деревень. Но Горчаковъ призналъ дальнѣйшее переселеніе его излишнимъ. Жизнь въ Тарѣ была для Штейнгеля „очень тяжела и скучна" [1].

Въ началѣ 1845 г. гр. Орловъ, преемникъ гр. Бенкендорфа, увѣдомилъ кн. Горчакова, что Штейнгель обратился къ нему съ просьбою о переводѣ его въ Тобольскъ или въ Тюмень. Не находя удобнымъ первое, гр. Орловъ полагалъ, что нѣтъ причинъ отказывать въ водвореніи его въ Тюмени. Но кн. Горчаковъ возсталъ противъ этого, во-первыхъ, потому, что Тюмень—ближайшій изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ къ Европейской Россіи и лежитъ на большой дорогѣ, гдѣ вообще запрещено водворять государственныхъ преступниковъ, такъ что это перемѣщеніе было бы особенною милостью, которую никто еще „изъ сихъ господъ, далеко превосходящихъ его нравственностью", не пользуется; во-вторыхъ, „это снисхожденіе послужило бы примѣромъ безсилія мѣстной власти надъ всѣми государственными преступниками", и

---

[1] Автобіографическій набросокъ Н. М. Ядринцева: „Воспоминанія о странствованіяхъ по Сибири", „Восточное Обозр." 1904 г. № 103.

въ-третьихъ, по случаю утвержденія въ этомъ городѣ ярмарки, Штейнгель пріобрѣлъ бы возможность свободнаго сообщенія со всею Россіею и „обширное поле къ козням, коими въ продолженіи всей жизни отличался". Гр. Орловъ согласился съ мнѣніемъ кн. Горчакова.

Не получая въ продолженіе цѣлаго года отвѣта на поданную просьбу, Штейнгель вновь отправилъ въ 1846 г. письмо гр. Орлову, настоятельно ходатайствуя о переводѣ въ Тобольскъ; онъ, между прочимъ, писалъ: „Рѣшаюсь еще разъ, и уже послѣдній, обратиться къ вамъ съ словами Святителя Василія Великаго: „Если вы хотѣли бы облегчить участь страдальца и не можете, чиста предъ Господомъ добродѣтель ваша, но если можете и не хотите"—по однимъ аристократическимъ уваженіямъ—„то Господь нѣкогда поставитъ васъ самихъ въ такое положеніе, что восхощете и не можете". И о чемъ прошу я послѣ 20-лѣтняго страданія? Не о помилованіи, не о возвращеніи въ жизнь, а о томъ только, чтобы дозволено было дострадать тамъ, гдѣ находился я по благости и милосердію государя и гдѣ кто-нибудь изъ товарищей несчастія могъ бы мнѣ закрыть навѣки глаза въ часъ смертный. Подумайте, графъ, неужели важность христіанскаго правительства состоитъ въ непреклонномъ равнодушіи къ воплямъ обидимыхъ... Есть же Богъ... Вѣчность... Потомство... Страшно посмѣваться ими!" Это письмо было признано гр. Орловымъ неприличнымъ состоянію Штейнгеля, и онъ просилъ кн. Горчакова объявить ему, „что просьба его о перемѣщеніи дотолѣ не будетъ уважена, доколѣ мѣстное начальство не представитъ одобрительнаго о немъ отзыва и не засвидѣтельствуетъ, что онъ перемѣнилъ безпокойный нравъ свой"; вмѣстѣ съ тѣмъ ему велѣно было внушить, чтобы онъ излагалъ свои письма осторожнѣе, въ противномъ же случаѣ будетъ подвергнутъ строгому взысканію.

Въ Тарѣ Штейнгель пробылъ 8 лѣтъ, пока, наконецъ (уже при преемникѣ кн. Горчакова—Гасфордѣ) былъ возвращенъ въ Тобольскъ въ 1851 г. [1]. Всего въ Западной

[1] Этимъ онъ былъ обязанъ генералъ-адъютанту Анненкову, ревизовавшему Западную Сибирь, которому Штейнгель послалъ просьбу въ Тобольскъ, представился ему при проѣздѣ его чрезъ Тару и на вопросъ его о причинахъ замѣчен-

Сибири онъ прожилъ 20 лѣтъ, находясь въ нуждѣ, такъ какъ казеннаго пособія было недостаточно. Тобольская губернская администрація доносила о немъ, что онъ занимается чтеніемъ книгъ. Всѣ тобольскіе губернаторы, какъ до Ладыженскаго, такъ и послѣ него, кончая В. А. Арцимовичемъ, аттестовали его, какъ человѣка „скромнаго и хорошаго" поведенія. Въ это время Штейнгель написалъ записки о тайномъ обществѣ, по дѣлу котораго пострадалъ. Онѣ представляютъ совершенно иной трудъ, сравнительно съ печатными записками Штейнгеля, опубликованы не были, но были извѣстны его товарищамъ по ссылкѣ и вызвали возраженія и поправки со стороны декабриста кн. С. П. Трубецкого [1].

Послѣ манифеста 26 августа 1856 г. права Штейнгеля были возстановлены, т. е. ему было возвращено дворянское достоинство и титулъ барона, и онъ могъ возвратиться въ Европейскую Россію,—„но и тутъ не безъ отравы", замѣчаетъ онъ: „въѣздъ въ столицы запрещенъ". Въ прошеніи на имя государя Штейнгель ходатайствовалъ о снятіи этого запрещенія, указывая на то, что въ Москвѣ похоронены его дѣти и близкіе родные, а въ Петербургѣ живутъ жена, дѣти и родственники, съ которыми онъ былъ разлученъ 30 лѣтъ; Штейнгель просилъ также возвратить ему медаль 1812 г. Отвѣта не послѣдовало [2]. Провести два дня въ Москвѣ Штейнгелю разрѣшилъ генералъ-губернаторъ Закревскій. Въ Твери онъ свидѣлся съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ (полковникъ) былъ инспекторомъ лицея. Онъ жилъ въ Колпинѣ до конца ноября, пока, по ходатайству попечителя лицея, принца Ольденбургскаго, государь разрѣшилъ Штейнгелю переселе-

ной имъ медленности дѣлопроизводства, написалъ ему подробное объясненіе. Гасфордъ, которому Анненковъ передалъ просьбу Штейнгеля о переводѣ его въ Тобольскъ, основываясь на одобрительномъ отзывѣ мѣстнаго губернатора и имѣя въ виду его преклонныя лѣта, не нашелъ препятствій къ удовлетворенію его просьбы. На письмѣ Гасфорда была написана Дубельтомъ резолюція: „графъ предоставляетъ совершенно на его волю. Ежели Штейнгель исправился, то можно. Пусть испытаетъ, и ежели опять будетъ дурить, то пусть возвратитъ въ Тару и только увѣдомитъ графа".

[1] „Записки кн. Трубецкого", Лейпцигъ, 1884 г., стр. 87, 88, 128.

[2] III-е отдѣленіе не нашло возможнымъ дозволить Штейнгелю жительство въ столицахъ, а также и возвращеніе ему медали, такъ какъ знаки отличія и чины никому изъ декабристовъ возвращены не были.

ніе въ Петербургъ для жительства вмѣстѣ съ семьею. Весьма характерно для него, что на третій день по пріѣздѣ онъ со слезами поклонился гробницѣ имп. Николая I. Но это не помѣшало начальнику III-го отдѣленія, кн. Долгорукову, призвать къ себѣ почти 74-лѣтняго старца и пристращать его, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе [1]. Вскорѣ нашли, что неприлично и неумѣстно ему жить въ лицеѣ. Только въ декабрѣ 1858 г., по всеподданнѣйшему прошенію Штейнгеля, прекращенъ былъ полицейскій надзоръ за 76-лѣтнимъ въ то время старикомъ.

По возвращеніи изъ ссылки Штейнгель окончилъ записки о жизни своего отца и своей, начатыя имъ еще въ 1819 г. [2] и напечаталъ нѣсколько небольшихъ статей: одну подъ своею фамиліей „Воспоминаніе о гр. Аракчеевѣ“ [3] и три, за подписью „Тридечный“ [4].

Въ дѣтствѣ я не разъ видѣлъ В. И. Штейнгеля у моего брата Михаила и хорошо помню этого бодраго, коренастаго, сѣдого старика съ очень почтенною наружностью, всегда носившаго съ собою желѣзную палку, перелитую изъ его оковъ. Онъ умеръ 20 сентября 1862 г. отъ удара, послѣ двухнедѣльнаго страданія, на 80-мъ году жизни. Братъ мой М. И. напечаталъ его некрологъ въ „Современномъ Словѣ“ [5].

Похороны происходили 24 сентября. Сынъ покойнаго, генералъ-маіоръ Штейнгель, редакторъ „Россійской Военной

---

[1] Въ 1857 г. государь, по прошенію Штейнгеля, разрѣшилъ предоставить права личнаго почетнаго гражданства и фамилію Бароновыхъ двумъ его дѣтямъ, родившимся въ Сибири,—дочери 16 и сыну 15 лѣтъ; сынъ учился вольнослушателемъ въ Тобольской гимназіи.

[2] Онѣ были напечатаны въ „Истор. Вѣстн.“ 1900 г., №№ 4—6 и перепечатываются ниже въ настоящемъ изданіи.

[3] „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1862 г., № 47.

[4] 1) „Замѣчанія стараго моряка на статью В. Мельницкаго „Адмиралъ П. И. Рикордъ и его современники“ въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 г., т. XXV, № 12, отд. IV, стр. 19; 2) „Замѣтки старика“ (о сѣверо-американской компаніи) въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1860 г., № 289 (возраженіе на эту статью Н. Тихменева см. тамъ же, 1862 г., № 32); 3) „Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана (по поводу приложеній къ „Морскому Сборнику“)“ въ „Сѣверной Пчелѣ“, 1861 г. №№ 71—72 (Замѣчаніе на эту статью Яновскаго, см. тамъ же, 1861 г., № 109).

[5] 1862 г., № 93; перепечатанъ въ „Моск. Вѣдом.“, 1862, № 209. Ср. *А. Зиновьевъ*, „Къ біографіи В. И. Штейнгеля“, „Москов. Вѣдомости“, 1862 г., № 218.

Хроники", съ намѣреніемъ не публиковалъ о кончинѣ своего отца, опасаясь какой-либо демонстраціи. Ко времени выноса тѣла собрались нѣкоторые писатели: историки — М. И. Семевскій, Іоакинфъ Ив. Шишкинъ и М. Д. Хмыровъ, профессоръ артиллерійской академіи, философъ, полковникъ П. Л. Лавровъ, Зотовъ, Кушнеревъ и педагогъ Н. Х. Вессель, но послѣдніе два послѣ выноса тѣла уѣхали. 30 сентября государю было доложено, что Лавровъ, Семевскій, Шишкинъ, Хмыровъ и два неизвѣстныхъ лица настоятельно требовали, чтобы имъ дозволено было нести гробъ на рукахъ. „Генер.-маіоръ баронъ Штейнгель, хотя и не желалъ допустить" этого, „но, снисходя къ просьбѣ родныхъ, согласился, чтобы несли гробъ отъ церкви Косьмы и Даміана до Литейной улицы. Противъ арсенальной гауптвахты онъ хотѣлъ велѣть поставить гробъ на дроги, но несшіе гробъ воспротивились, и онъ дозволилъ донести его до конца Троицкаго моста. Поровнявшись съ крѣпостью, противъ того мѣста, гдѣ были повѣшены декабристы, полковникъ Лавровъ и другіе требовали, чтобы отслужили литію, но г.-м. Штейнгель не допустилъ этого, просилъ ихъ удалиться" и приказалъ поставить гробъ на дроги. „Манифестанты" удалились, и на Охтенскомъ кладбищѣ, гдѣ погребено тѣло покойнаго, кромѣ близкихъ родственниковъ, никого не было [1].

В. Семевскій.

---

[1] Далѣе, во всеподданнѣйшемъ докладѣ сообщены были свѣдѣнія, собранныя о названныхъ лицахъ, причемъ было замѣчено, что полковникъ Лавровъ и двое другихъ „уже извѣстны". На докладѣ было написано: „къ вящему соображенію".

Записки
барона В. И. Штейнгеля.

Записки барона В. И. Штейнгеля печатаются въ двухъ редакціяхъ.

Первая редакція появилась первоначально въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ (1900 г., апрѣль, май, іюнь). Она распадается на двѣ части. Первая часть, состоящая изъ I—III главъ, написана В. И. Штейнгелемъ около 1819 года, со словъ отца, по документамъ семейнаго архива. Вторая часть заключающая главы IV—VII, составлена уже по возвращеніи въ Россію; авторъ пользовался и записями, веденными имъ въ Сибири, и воспоминаніями.

Вторая редакція предоставлена въ наше распоряженіе Е. И. Якушкинымъ и появляется въ печати впервые. Этотъ отрывокъ записокъ посвященъ исключительно эпизоду 14 декабря, дѣйствіямъ слѣдственной коммиссіи и суда, т. е. тѣмъ событіямъ, о которыхъ въ VII главѣ первой редакціи говорится очень кратко. Отрывокъ написанъ „черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ описываемыхъ событій“, слѣдовательно, въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ. Рукопись, доставленная Е. И. Якушкинымъ,—не автографъ Штейнгеля, а лишь списокъ, въ которомъ находимъ нѣсколько собственныхъ поправокъ кн. С. П. Трубецкого. Въ примѣчаніяхъ мы приводимъ эти поправки. Вторая редакція печатается, какъ третья часть „записокъ“.

Часть I.

I.

Цѣль „Записокъ". — Дѣдъ и отецъ Штейнгеля. — Жизнь барона Ивана Штейнгеля въ Анщпахъ - Байрейтѣ. — Поступленіе его въ русскую службу. — Служба въ Пермской провинціи. — Женитьба. — Рожденіе Владиміра Ивановича Штейнгеля. — Переходъ барона И. Штейнгеля на службу въ Сибирь капитанъ-исправникомъ въ Нижне-Камчаткѣ. — Городничій Орленковъ, судья Кохъ, капитанъ Шмалевъ. — Англійская экспедиція; Шелеховъ. — Областной начальникъ Козловъ-Угренинъ. — Экспедиціи Лаперуза. — Лессепсъ. — Разрывъ съ Козловымъ. — Насильственные поступки и притѣсненія прапорщика Хабарова. — Экспедиція Биллингса. — Бѣдственное положеніе семьи Штейнгелей. — Судьба Шелеховыхъ.

Жизнь каждаго человѣка, разсмотрѣнная наблюдательнымъ окомъ, есть наставленіе, а жизнь отца можетъ назваться истиннымъ поученіемъ для дѣтей. Если онъ благоразуменъ и добродѣтеленъ, поученіе годится для подражанія; если пороченъ — для предостереженія отъ подобныхъ пороковъ. Итакъ, внимайте, милыя дѣти, долженствующія въ свѣтѣ носить мое имя и сохранять оное отъ пятна, дабы тѣнь моя, по смерти, могла столь же любоваться вами, какъ теперь утѣшаюсь я вашею невинностью.

Отецъ мой, какъ то я самъ отъ него слышалъ изустно, былъ сынъ перваго министра маркграфа Анщпахъ-Байрейтскаго, барона ф.-Штейнгеля [1], происходящаго отъ древней германской фамиліи, получившей дворянство при императорѣ Оттонѣ I Великомъ, стало быть—въ десятомъ вѣкѣ. Это я сказалъ не для того, чтобы возбудить въ васъ кичливость на счетъ происхожденія; вы увидите вскорѣ, что въ семъ отношеніи гордиться вамъ нечѣмъ, да и не совѣтую. Воспиты-

---

[1] Онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Краснаго Орла.
В. Ш.

вался отецъ мой въ Лейпцигскомъ университетѣ. Желаніе родителя его было образовать его для гражданской службы; оно и исполнилось: онъ всему тому научился, что на поприщѣ гражданскомъ знать нужно. Сверхъ познаній въ правахъ, исторіи и словесности, онъ зналъ отлично металлургію, химію и физику. Металлургія и химія имѣли впослѣдствіи великое вліяніе на обстоятельства жизни его.

Окончивъ воспитаніе, отецъ мой возратился къ родителю въ Аншпахъ-Байрейтъ. Обрадованный старикъ пожелалъ представить его маркграфу. Итакъ, въ назначенный день послалъ его къ гофмаршалу, который долженъ былъ его представить принцу. Отецъ мой, идучи дорогою, вспомнилъ, или зналъ уже, что это былъ день рожденія маркграфа, и потому сочинилъ въ мысляхъ приличное поздравленіе въ стихахъ. Герцогу онъ и стихи его такъ понравились, что онъ приказалъ пригласить его къ маршальскому столу и поздравить поручикомъ гвардіи. Отецъ мой, отъ природы склонный болѣе къ военной службѣ, былъ тѣмъ чрезвычайно обрадованъ, но его родитель думалъ и чувствовалъ иначе. Едва узналъ онъ о происшедшемъ, какъ воспылалъ на него гнѣвомъ, укоряя, что онъ, вѣрно, самъ далъ поводъ, а, можетъ быть, и просилъ объ опредѣленіи въ военную службу. Сердце и гнѣвъ, однакожъ, тѣмъ кончились, что старикъ сшилъ сыну своему мундиръ и повелъ его къ маркграфу благодарить. Моему отцу было тогда не съ большимъ 20 лѣтъ, и онъ въ военномъ мундирѣ зажилъ, какъ свойственно молодому, пылкому и разсѣянному человѣку. Это были красные дни его, но, увы, продолжались весьма недолго.

Въ 1770 году возгорѣлась война у Россіи съ турками. Румянцовъ вскорѣ наполнилъ славою побѣдъ своихъ Европу. Имя его было уже въ Пруссіи извѣстно со времени семилѣтней войны. Отецъ мой, видя, что въ гвардіи своего маркграфа онъ не много познакомится съ военномъ дѣломъ, а еще менѣе можетъ пріобрѣсть военной славы, воспламенился желаніемъ служить подъ знаменами кагульскаго героя. Всѣ убѣжденія, угрозы, просьбы и заклинанія со стороны его родителя остались тщетны: онъ дышалъ войною—и въ слѣдующемъ году явился въ станѣ Румянцова съ рекомендательными письмами

отъ имперскаго фельдмаршала Лассія, съ коихъ у меня хранятся копіи. Батюшка меня увѣрялъ, что отъ маркграфа было письмо и къ самой императрицѣ, но что въ этомъ пользы, вы это увидите.

Графъ Румянцовъ, принявъ отца моего весьма благосклонно, предоставилъ ему на волю выбрать для себя полкъ какой хочетъ. Отецъ мой, какъ не знавшій русскаго языка, по необходимости, долженъ былъ выбрать полкъ, въ которомъ болѣе было иностранныхъ офицеровъ—и этотъ полкъ былъ Астраханскій карабинерный, подъ командою князя Шаховского[1]. Графъ Румянцовъ самъ не совѣтовалъ ему вступать въ сей полкъ, потому что онъ былъ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Салтыкова, котораго онъ не жаловалъ, но отецъ мой настоялъ въ этомъ—и вотъ источникъ всѣхъ его несчастій!

Во все продолженіе войны съ турками 1772, 1773 и 1774 годовъ, отецъ мой служилъ съ отличіемъ и храбростію, такъ что былъ особенно рекомендованъ отъ графа Салтыкова въ реляціи къ императрицѣ. Въ послѣднемъ же году, при бывшемъ въ Бухарестѣ конгрессѣ находился, по способности своей, въ свитѣ нашего министра Обрезкова. Въ слѣдующемъ 1775 году, находясь въ Польшѣ, былъ и при истребленіи или разрушеніи такъ называемой Запорожской Сѣчи. Въ сраженіяхъ онъ получилъ двѣ контузіи, но ни одной награды, ибо графъ Румянцовъ, по предосудительной слабости, имѣя недоброжелательство къ графу Ив. П. Салтыкову, не испросилъ у монархини наградъ тѣмъ, кои отличились подъ начальствомъ послѣдняго.

1776 и 1777-й годы отецъ мой провелъ въ Малороссіи. Въ первомъ изъ сихъ годовъ случилось расформированіе карабинерныхъ полковъ, и при семъ случаѣ отецъ мой поступилъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, съ пожалованіемъ ему слѣдующаго подпоручьяго чина.

Въ 1778 году онъ ѣздилъ въ Москву за аммуниціею, которую въ слѣдующемъ году доставилъ исправно на Кубань.

---

[1] Дѣйствительное опредѣленіе его въ службу по указу государственной военной коллегіи корнетомъ случилось 26-го мая 1772 года. *В. Ш.*

Въ слѣдующемъ 1780 году, по собственному его желанію, отправленъ онъ былъ отъ полка курьеромъ въ С.-Петербургъ съ секретнымъ донесеніемъ военной коллегіи; но главная цѣль его была выхлопотать себѣ справедливо заслуженную награду, которой лишила его распря военачальниковъ.

Всѣ, однакожъ, старанія его о семъ, по прибытіи въ столицу, были тщетны. Какъ иностранецъ, онъ не зналъ, что безъ случая и безъ денегъ, въ то время, какъ, можетъ быть, и во всякое другое, мудрено было дождаться заслуженной одною честію справедливости. Это приводило его въ отчаяніе. Съ одной стороны, отецъ его, огорченный столь долговременною разлукою, настоятельно требовалъ его возвращенія; съ другой—возвратиться безъ всякой награды воспрещало честолюбіе и боязнь, что на него будутъ указывать пальцами тѣ самые товарищи, кои смѣялись надъ его рыцарствомъ тогда, какъ онъ предпринялъ поѣздку въ Россію.

Между тѣмъ, живя въ Петербургѣ, онъ познакомился съ извѣстнымъ того времени поэтомъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ, который ввелъ его въ домъ къ генералъ-поручику Евгенію Петровичу Кашкину. Сей извѣстный, по своимъ качествамъ, мужъ назначенъ былъ императрицею къ открытію Пермской губерніи. Узнавъ способности моего отца и его обстоятельства, онъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ, обѣщая, что онъ вознаградитъ тамъ все то, чего здѣсь тщетно сталъ бы доискиваться. Отецъ мой просилъ еще времени на размышленіе, какъ Кашкинъ доложилъ уже о немъ государынѣ и испросилъ ея, на опредѣленіе моего отца въ свою свиту, соизволеніе. Однажды поутру, какъ отецъ мой вошелъ въ Кашкину, сей встрѣтилъ его сими словами: „Поздравляю, г. баронъ. Государыня мнѣ васъ подарила". Что оставалось дѣлать, какъ не благодарить? При семъ случаѣ, данъ отцу моему чинъ поручика, и съ нимъ онъ очутился подъ Уральскимъ хребтомъ, вмѣсто того, что отецъ его ожидалъ въ Байрейтъ. Сіе самое удаленіе, вопреки отцовской волѣ, навлекло на него не только гнѣвъ, но и самое проклятіе отца; старикъ не хотѣлъ болѣе о немъ слышать, ниже признавать за своего сына. При смерти только своей, онъ снялъ эту

клятву съ головы его; но опытъ доказалъ, что это уже было поздно. Отецъ мой испилъ всю чашу золъ за непослушаніе родителю своему и суетное послѣдованіе гласу честолюбія. Разительный примѣръ! Дѣти, обратите на него ваше вниманіе!

Вскорѣ по прибытіи въ Пермскую провинцію въ 1781 году [1], отецъ мой, находясь въ Екатеринбургѣ у пріема рекрутъ, ознакомился съ тою, которая дала мнѣ отъ него жизнь. Это было весьма щекотливое обстоятельство въ жизни отца моего, и потому мнѣ не удалось узнать подробно объ ономъ. Итакъ, я разскажу, сколько знаю. Отцу моему была отведена квартира у купца Разумова. Не знаю и того, былъ ли онъ живъ въ то время; знаю только то, что отцу моему съ перваго взгляда понравилась хозяйская дочь, молодая, проворная, но скромная дѣвушка, воспитанная въ простотѣ естественной, свойственно времени и мѣсту своего рожденія и своему званію. Отецъ мой, по пылкости своей, которая была ему врожденною и во многихъ случаяхъ причиняла ему впослѣдствіи зло, забывъ сердечныя связи, сдѣланныя въ Германіи и потомъ въ Россіи съ дѣвицами благороднорожденными и воспитанными, до того влюбился въ сію дѣвицу, что, увидя при всѣхъ стараніяхъ своихъ непреклонность ея къ непозволенной съ нимъ связи, рѣшился имѣть ее своею женою. При семъ случаѣ оказался другой искатель ея руки, съ коимъ доходило у нихъ до дуэли, и отецъ мой, по военной теоріи, сдѣлалъ, наконецъ, похищеніе своей любезной и потомъ обвѣнчался съ нею.

Въ томъ же году, получивъ совершенное увольненіе отъ военной службы, онъ, въ чинѣ поручика, былъ опредѣленъ, по открытіи уже Пермскаго намѣстничества, въ городъ Обву капитанъ-исправникомъ, а потомъ ему же ввѣрена была и должность городничаго. Здѣсь первымъ плодомъ любви и брака его съ дѣвицею Варварою Марковною Разумовою были два близнеца [2], коимъ при крещеніи даны имена Стефана

---

[1] Губернія открыта 12-го числа декабря 1781 года, отецъ мой исправлялъ при семъ случаѣ должность церемоніймейстера. *В. Ш.*

[2] Они родились 23-го числа декабря въ 4 часа утра. Воспріемниками были бѣдные люди, — такъ сказано въ запискѣ отца моего. *В. Ш.*

и Θеодора. Они оба, вскорѣ послѣ сего священнаго обряда, скончались. А потомъ въ 1783 г., апрѣля 13-го дня, въ великій четвергъ, въ 4 часа утра, въ томъ же городѣ Обвѣ, родился я — отецъ вашъ. Меня воспринималъ отъ купели заочно, 17-го числа, совѣтникъ губернскаго пермскаго правленія, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Тунцельманъ, въ честь котораго и мнѣ дано имя Владиміръ. По матери, согласно съ закономъ имперіи, я долженъ былъ принятымъ быть въ лоно греко-россійской церкви, несмотря на то, что отецъ мой былъ лютеранскаго закона. Спустя шесть недѣль по рожденіи моемъ, Провидѣніе показало родителямъ моимъ, что я рожденъ для жизни и къ чему либо предназначенъ особенному. Я лежалъ спеленатый на постели, а батюшка съ упомянутымъ казначеемъ, у близъ стоящаго стола, занимались привинчиваніемъ кремней къ заряженнымъ уже пистолетамъ. Отъ неосторожнаго казначея послѣдовалъ выстрѣлъ, и весь зарядъ дробью попалъ въ стѣну, выше меня не болѣе, какъ на два пальца. Можно представить себѣ страхъ отца и матери и потомъ радость и удивленіе ихъ!

Въ Перми, съ открытія намѣстничества, губернаторомъ былъ Иванъ Варѳоломеевичъ Ламбъ, извѣстный потомъ, въ царствованіе императора Павла I, вице-президентъ военной коллегіи. Онъ весьма любилъ отца моего и называлъ даже его другомъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ оставшіяся въ бумагахъ отца моего собственноручныя его письма, кои вы сами можете со временемъ увидѣть. Сіе милостивое и дружеское расположеніе губернатора было причиною, что отецъ мой рѣшился изъ Обвы послѣдовать за Ламбомъ, когда онъ назначенъ былъ къ открытію Иркутскаго намѣстничества, губернаторомъ же. Сіе случилось вскорѣ по моемъ рожденіи, и меня груднымъ младенцемъ повезли въ Иркутскъ [1]. Мать сама, по счастію, была моею кормилицею. При назначеніи въ Иркутскъ, отцу моему дали чинъ коллежскаго ассессора. Сей чинъ, а паче расположеніе губернатора, из-

[1] Въ Иркутскъ прибылъ отецъ мой 31-го сентября 1783 года, въ 7 часовъ вечера. *В. Ш.*

вѣстнаго со стороны благороднаго образа мыслей и правилъ, льстили, конечно, его честолюбію и обѣщали ему много; но, увы! отецъ мой не мыслилъ о нравоученіи, которое находимъ мы въ священномъ писаніи: „Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ бо нѣсть спасеніе“.

Впрочемъ, конечно, отецъ мой, отчужденный своимъ отцомъ отъ мѣста рожденія, а новымъ союзомъ брачнымъ отъ блистательныхъ знакомствъ и связей въ россійскихъ столицахъ, искалъ самъ сего удаленія, чтобъ время отсутствія изгладило его изъ памяти тѣхъ, къ сердцамъ коихъ онъ былъ близокъ, и кои имѣли полное право осыпать его упреками. Бумаги отца моего свидѣтельствуютъ, что онъ въ сіе время именно рѣшился остаться вѣчно въ подданствѣ Россіи.

Съ открытіемъ Иркутской губерніи, долженствовали открыться также въ Охотскѣ область, а въ Камчатскомъ полуостровѣ городъ Нижнекамчатскъ. Такъ какъ сей отдаленный край весьма еще мало былъ извѣстенъ, то правительство, желая имѣть о немъ лучшее свѣдѣніе, имѣло нужду въ чиновникѣ, имѣющемъ отличныя свѣдѣнія, который бы рѣшился туда ѣхать. Въ семъ отношеніи Ламбъ обратилъ вниманіе на отца моего и уговорилъ его (несмотря на то, что онъ въ сію неизвѣстность долженъ былъ, такъ сказать, влачить жену съ груднымъ ребенкомъ) туда отправиться въ качествѣ капитана-исправника Нижнекамчатской округи. Отправленіе наше изъ Иркутска послѣдовало въ началѣ мая мѣсяца 1784 года.

По охотской дорогѣ, по коей надобно было проѣхать 1.014 верстъ, меня везла матушка около себя въ берестяномъ коробѣ, обыкновенно тамъ *туntаемъ* именуемомъ, который въ такомъ случаѣ привязывается съ боку къ сѣдлу, и на немъ дѣлается сверху лучка для прикрытія покрываломъ отъ овода и мошекъ, коихъ тамъ бездна. Въ семъ-то экипажѣ отецъ вашъ, милыя мои дѣти, по первому году отъ рожденія путешествовалъ по одной изъ самыхъ труднѣйшихъ дорогъ, какія только есть въ свѣтѣ. Въ Охотскъ прибыли 1-го числа августа.

Окончивъ сію дорогу, изъ Охотска отецъ мой отправился черезъ Охотское море на морскомъ суднѣ въ Больше-

рѣцкъ, куда прибывъ 11-го сентября, вскорѣ вступилъ въ отправленіе своей должности, принявъ ее отъ бывшаго тамъ, послѣ извѣстнаго майора Бема, надворнаго совѣтника Рейникина, который, наружно притворившись доброжелателемъ его, сдѣлалъ ему между тѣмъ множество непріятностей [1].

Въ это же время городничимъ въ Нижнекамчатскъ назначенъ былъ коллежскій ассессоръ Орленковъ, а въ Охотскѣ былъ временнымъ начальникомъ уѣздный судья коллежскій ассессоръ Кохъ, про коего и при мнѣ жители охотскіе, спустя 20 лѣтъ, твердили двѣ пословицы: „Кохъ не Богъ, а всѣ его боятся", и „у насъ въ Охотскѣ съ одной стороны море, съ другой горе; на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ — куда дѣнешься?" Онѣ достаточны, чтобъ дать понятіе о семъ человѣкѣ. Когда будетъ кстати, я разскажу вамъ, мои милые, его исторію, для примѣра, чтобъ вы видѣли, какъ преслѣдуетъ небесное правосудіе, когда отказываются отъ сего земные законы. Настоящимъ областнымъ въ Охотскѣ начальникомъ былъ опредѣленъ полковникъ Григорій Александровичъ Козловъ-Угренинъ. Его портретъ опишу вамъ въ своемъ мѣстѣ. Орленковъ былъ человѣкъ грубый, безъ воспитанія; прочіе подчиненные чиновники изъ отставныхъ камеръ-лакеевъ, почталіоновъ, курьеровъ и тому подобныхъ людей. Къ симъ причесть должно бывшаго до того частнымъ командиромъ въ Тигилѣ капитана Шмалева, преемника потомъ отца моего, о невѣжествѣ коего можете судить изъ того, что онъ рѣшился въ Тигильской крѣпости сжечь одну камчадалку-старуху, въ срубѣ, живую, за колдовство, въ коемъ ее подозрѣвали. Въ мою бытность въ Камчаткѣ я еще находилъ людей, кои помнили сію исторію и разсказывали за чудо, что при семъ случаѣ выползали изъ пламени разные гады и страшилища [2], и что въ тотъ годъ, по предсказанію вол-

---

[1] Магнусъ Карлъ фонъ-Бемъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Камчатки въ 1772 году. Въ 1779 году онъ сдалъ свою должность капитану Василію Шмалеву, а отъ него принялъ должность главнаго командира Камчатки Францъ Рейнке. См. Сгибневъ, „Историческій очеркъ главныхъ событій въ Камчаткѣ" СПБ. 1809. Т. IV, стр. 1, 26.

[2] Вѣроятно, самъ Шмалевъ съ сообщниками сдѣлалъ столь сумасбродное разглашеніе легковѣрнымъ и напуганнымъ чародѣйствомъ жителямъ. *В. Ш.*

шебницы, былъ отъ безрыбицы великій голодъ. Сей достойный варварскихъ временъ поступокъ, совершенный въ царствованіе премудрой и человѣколюбивой императрицы, сошелъ Шмалеву съ рукъ даромъ. Глупцамъ часто сіе удается. Поживете, то и сами въ этомъ удостовѣритесь.

Изъ сего изображенія людей, коихъ отецъ мой имѣлъ несчастіе сдѣлаться сослуживцемъ, можете сами легко себѣ представить, какую роль досталось ему играть. Онъ не имѣлъ ничего съ ними общаго: по природѣ благородный германецъ, по воспитанію вѣжливый, просвѣщенный мужъ, по религіи лютеранинъ, по языку нѣмецъ, по душѣ честный человѣкъ, по сердцу пылкій, не въ мѣру чувствительный и храбрый воинъ, могъ ли онъ нравиться толпѣ безнравственныхъ невѣждъ, пріѣхавшихъ въ Камчатку съ единственною цѣлію обогатиться и пожить на счетъ безгласныхъ и угнетенныхъ ея жителей. Вскорѣ увидѣли, что по правотѣ своей онъ всталъ на сторону беззащитныхъ камчадалъ и отказался отъ ихъ сообщества и правилъ. Ссора съ первымъ Орленковымъ не замедлила возникнуть. Онъ, какъ городничій, сдѣлался начальникомъ всѣхъ отдѣльныхъ казачьихъ командъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстечкамъ, и подъ симъ предлогомъ выдавалъ себя за настоящаго начальника Камчатки и вселялъ въ камчадалъ, чтобъ его одного слушали и почитали, и боялись. Началась переписка. Отецъ мой, какъ иностранецъ, не знавшій русскаго языка, долженъ былъ положиться на тамошнихъ же писарей полуграмотныхъ, кои были, вѣроятно, по духу его противниковъ; а когда самъ писалъ, то необинуясь называлъ ихъ ворами, грабителями и подлецами. Вотъ уже и преступленіе, какъ противъ закона такъ и противъ правилъ общежитія! Распря съ Рейникинымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ удержала его въ Большерѣцкѣ и воспрепятствовала ему быть при открытіи того суда въ въ Нижнекамчатскѣ, коего онъ былъ начальникомъ. Это сочтено тоже преступленіемъ и послужило къ обвиненію его въ неповиновеніи и безпорядкахъ.

Скучное и многими непріятностями исполненное отправленіе должности исправника отцемъ моимъ продолжалось до 1786 года. Въ семъ году онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то

удовольствіе, что принималъ англичанъ, прибывшихъ въ Петропавловскую гавань на кораблѣ „Ларкъ“ съ капитаномъ Петерсомъ, который доставилъ ему письмо отъ Кантонской компаніи, съ предложеніемъ торговли съ Камчаткой. Относительно этого сдѣланы были чрезъ отца моего взаимные переговоры съ извѣстнымъ Шелеховымъ. Отецъ мой утѣшался симъ случаемъ немало. Онъ надѣялся быть орудіемъ къ улучшенію бѣднаго положенія того края и къ доставленію отечеству новой торговой отрасли, и тѣмъ отличить себя. Все вышло пусто.

Явился на сцену самъ областный начальникъ, о коемъ я сказалъ выше, Козловъ-Угренинъ. Прибывъ въ Охотскъ въ 1785 году, онъ принялъ отъ Коха начальство и тотчасъ вознамѣрился лично обозрѣть Камчатку. По наступленіи зимы, онъ предпринялъ путь вокругъ Пензинскаго и Гижигинскаго заливовъ. Но прежде надобно представитъ вамъ его портретъ. Вообразите малорослаго человѣка, котораго всякій французъ съ перваго взгляда назвалъ бы: „voila un bout d'homme!“ съ большими выкатившимися глазами, на коихъ коварство и злоба положили печать свою, съ язвительною улыбкою на лицѣ, скороговорящаго, вспыльчиваго, часто пьянаго, дерзкаго до безумія, слѣдовательно и высокомѣрнаго до нестерпимости. Вотъ тогдашній Козловъ-Угренинъ, погубившій отца моего. Я видалъ его гораздо послѣ уже въ унизительномъ положеніи, какъ то разскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ. Непріятели отца моего отнеслись къ нему съ жалобами, исполненными, конечно, низкимъ ласкательствомъ и раболѣпствомъ. Мудрено ли, что человѣкъ такихъ свойствъ взялъ тотчасъ сторону ихъ противъ честнаго и благородно себя чувствующаго германца. Пріѣхавъ въ каменный Коряцкій острожекъ, онъ прислалъ къ отцу моему увѣщательное предписаніе, убѣждая его къ миролюбію, какъ будто посланное еще изъ Охотска. И въ то же самое время представилъ о немъ генералъ-губернатору, какъ о самомъ вредномъ и безпорядочномъ человѣкѣ. Не дождавшись еще разрѣшенія, тотчасъ по пріѣздѣ въ Нижнекамчатскъ, онъ отрѣшилъ отца моего отъ должности, поручивъ оную угоднику своему Шмалеву, о коемъ я выше вамъ упомянулъ,

предписавъ при томъ, чтобъ Шмалевъ, возя отца моего по округѣ, производилъ изслѣдованіе, по разнымъ на него жалобамъ, сдѣланнымъ по ихъ научденію. Между тѣмъ отецъ мой оставался въ Машурскомъ острожкѣ, гдѣ купилъ у таена домъ. Съ этого времени я началъ помнить себя и все то, что потомъ поважнѣе съ нами случилось.

Сдѣлавъ сіе распоряженіе, Козловъ тѣмъ удобнѣе поѣхалъ вокругъ всей Камчатки съ огромною своею свитою, занимая у камчадалъ болѣе ста собакъ, отчего весьма много ихъ передохло. Такой вояжъ Козлова назвали камчадалы собачьею оспою, гибельнѣе которой они ничего не знали. Самъ Козловъ ѣхалъ въ превеличайшемъ возкѣ съ своею любовницею, женою унтеръ-офицера Секерина, для коей оставилъ жену свою въ Якутскѣ [1]. Отъ сей Секериной были у него двѣ дочери, съ коими я нашелъ ее въ Камчаткѣ, ибо онъ ее тамъ бросилъ. Изъ Нижнекамчатска Козловъ плылъ вверхъ по рѣкѣ Камчаткѣ до Верхнекамчатска на нарочно устроенной яхтѣ, которую тянули на себѣ бѣдные камчадалы отъ зори до зори, въ потѣ лица своего, между тѣмъ какъ сей камчатскій капралъ пьянствовалъ и веселился съ своею любезною. Могъ ли отецъ мой смотрѣть на это равнодушно!

Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года, пришли въ Петропавловскую гавань корабль и фрегатъ, составлявшіе извѣстную экспедицію Лаперуза [2]. Козловъ не допустилъ отца моего видѣться съ французами, и тѣмъ нанесъ ему чувствительнѣйшую обиду. Что можетъ быть мучительнѣе положенія, въ которомъ онъ тогда находился! Живя въ отдаленности пустынной, гдѣ люди были для него вреднѣе самыхъ звѣрей, слышать о приходѣ на малое время просвѣщенныхъ иностранцевъ и быть лишеннымъ возможности видѣться съ ними и кѣмъ же при томъ? — злѣйшимъ и сильнымъ врагомъ своимъ. Лаперузъ, отбывъ изъ Камчатки, оставилъ тутъ Лес-

[1] Съ женою у него былъ послѣ процессъ, ибо онъ промоталъ блудно все ея имѣніе, которое было значительно. Ее всѣ тамъ хвалили: она была женщина воспитанная, ученая и добросердечная, но совершенно мужемъ убитая. *В. Ш.*

[2] Суда Лаперуза прибыли 25 августа и оставались здѣсь до 19 сентября См. Сгибневъ, раб. цит., т. IV, стр. 34. *В. Ш.*

сепса съ депешами къ королю своему. Лессепсъ, который былъ сыномъ французскаго консула въ Петербургѣ, зналъ хорошо русскій языкъ и потому въ качествѣ переводчика, единственно для Камчатки и чтобъ могъ прослѣдовать чрезъ Россію, былъ взятъ Лаперузомъ. Сей самый Лессепсъ издалъ описаніе Камчатки и своего путешествія, исполненное безстыдной лжи, которое у насъ, по переводѣ на русскій языкъ, шесть разъ уже было напечатано. Таково дѣйствіе пристрастія и вкуса! Лессепсъ послѣ заступилъ мѣсто своего отца; а когда Наполеонъ громилъ Россію, то сей вскормленникъ ея былъ при немъ, а потомъ пропалъ безъ вѣсти. Козловъ, какъ можно себѣ вообразить, осыпалъ Лессепса ласками и угодливостію. Проѣзжая по Камчаткѣ, онъ истощилъ все, чтобъ доставить удовольствіе чувственности достойнаго своего гостя. Попойки, вечеринки, ночныя похищенія, насильства и тому подобныя дѣйствія оставили надолго по себѣ память въ Камчаткѣ о Козловѣ и Лессепсѣ. Лессепсъ за то и послѣ не забылъ стараго друга. Когда Козловъ послѣ суда былъ освобожденъ и вывезенъ изъ Иркутска генераломъ Лебедевымъ и находился въ самомъ бѣдномъ, въ свою очередь, положеніи, то Лессепсъ, чрезъ бывшаго при нашемъ дворѣ французскаго посланника Коленкура, добился того, что Наполеонъ писалъ о немъ государю и испросилъ, чтобъ ему, за пріемъ Лаперуза, дана пенсія по смерть. Ахъ! Еслибъ монархи могли знать, по какимъ связямъ испрашиваются у нихъ награды! Лессепсъ разстался съ Козловымъ передъ каменнымъ острожкомъ, въ коемъ коряки сбирались убить Козлова, и онъ, убоявшись сего, не рѣшился тогда ѣхать, что и Лессепсъ описываетъ въ своемъ путешествіи, но только съ самохвальствомъ, смѣха достойнымъ. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что, по прибытіи его къ корякамъ, всѣ окружили его съ ножами; но онъ, не теряя духа, сказалъ имъ, что онъ иностранецъ и ѣдетъ по должности. При словѣ должность, восклицаетъ Лессепсъ, у всѣхъ опустились руки!... Вопросъ: на какомъ языкѣ онъ могъ такъ убѣдительно разговаривать съ коряками, что они разнѣжились?.... и это читаютъ, и этому вѣрятъ.

Лессепсъ, какъ французъ, видѣвшись съ отцомъ моимъ въ Машурѣ, обласкалъ его и увѣрилъ въ истинномъ своемъ участіи, и послѣ бросилъ нѣсколько ласкательныхъ словъ объ отцѣ моемъ въ своемъ сочиненіи. Но когда отецъ мой, положась на его ласковость, писалъ къ нему послѣ и, вѣроятно, жаловался на Козлова, то онъ ему отвѣчалъ прямо по-французски: „Monsieur le baron, j'ose prendre a caution votre amitié pour moi, que vous ne me refuserez point d'oublier dans notre future correspondance le nom de M-r Kosloff et les détails de vos griefs envers lui. Cela ne sert qu'a vous aigrir d'avantage et j'ai entrepris de travailler a votre tranquillité“ [1].

Козловъ, оставляя Камчатку, предписалъ выслать отца моего изъ Машурскаго острожка въ Тигиль, для выѣзда изъ Камчатки, и отецъ мой принужденъ былъ, бросивъ домъ, съ великою трудностью выѣхать изъ онаго; но онъ отправился въ Петропавловскую гавань, гдѣ прежде остановился въ казенномъ домѣ. Однако вскорѣ, во время зимы, частный командиръ прапорщикъ Хабаровъ изъ сибирскихъ казаковъ, достойный подчиненный Шмалева, выжилъ его изъ сего дома. Я помню, какъ это случилось. Ночью, когда всѣ спали, услышали крикъ: „пожаръ“ и „спасайтесь“. Кто что могъ накинуть, бѣжали вонъ и бросали изъ окошка вещи; между тѣмъ ворвавшіеся въ домъ люди сломали всѣ печи, такъ что оставаться уже въ семъ домѣ было невозможно. Итакъ, перебрались въ самую тѣсную избушку къ одному камчадалу, на такъ называемую кошку, т.-е. на самый берегъ залива.

Хабаровъ же велѣлъ тотчасъ поправить печи и самъ перебрался жить въ сей домъ. Этимъ наглый сей человѣкъ не удовольствовался; онъ послѣ, пьяный, съ ватагою казаковъ, хаживалъ мимо нашихъ окошекъ и, проходя, вслухъ говаривилъ: „вотъ конура нѣмецкой собаки“. Сами судите, сколько надобно благородному человѣку духа, чтобъ выносить подобныя поношенія отъ подлаго и самаго низкаго бездѣльника, который послѣ и карьеръ свой тѣмъ кончилъ, что съ каторжными обрабатывалъ Алданскую дорогу и, тѣхъ обокравъ, попался подъ судъ. Лѣтомъ 1789 года, сказали ба-

[1] Письмо изъ Верхнекамчатска отъ 21 января 1788 г.

тюшкѣ, что Хабаровъ получилъ на его имя письма и держитъ у себя. Лишаться утѣшенія прочесть хоть строчку умную или дружескую, въ положеніи отца моего, ему показалось уже верхомъ мученій; и такъ, не сказавъ намъ ни слова, онъ накинулъ на себя свой бѣлый плащъ и, спрятавъ подъ полу саблю, вышелъ съ нею и пошелъ прямо къ Хабарову. Вскорѣ пришли намъ сказать, что Хабаровъ бьетъ его. Мать и я при ней пустились въ отчаяніи бѣжать туда и нашли, что батюшка въ передней комнатѣ, полудышащій, лежитъ на полу, связанный казаками. Вопли отчаянные матери моей и мои, если не устрашили, то наскучили злодѣю, и онъ велѣлъ его съ нами отпустить. Мать умоляла отца, чтобъ онъ оставилъ неумѣстную свою горячность. Мы узнали послѣ, что Хабаровъ, увидя, что отецъ мой подходитъ къ его дому, сталъ его изъ окошка ругать и дразнить. Отецъ мой тогда въ азартѣ взошелъ въ переднюю, но вдругъ, когда онъ хотѣлъ броситься къ Хабарову, тайно разставленные по угламъ казаки бросились на него съ ружьями, и одинъ, ударивъ его прикладомъ въ грудь, свалилъ его съ ногъ. Между тѣмъ, отецъ, желая наказать Хабарова саблею, замахнулся на него съ плеча и, задѣвъ за матицу концемъ сабли, отломилъ оный и повредилъ нѣсколько руку подсунувшему подъ ударъ казаку [1]. Послѣ сего случая мать моя неусыпно старалась смотрѣть за всѣми шагами батюшки и никуда его одного не пускала. Въ семъ мучительномъ положеніи, безъ жалованья, безъ всякой услуги, такъ что отецъ мой самъ рубилъ дрова и топилъ печь, прожили мы въ Петропавловской гавани до слѣдующаго 1790 года. Между тѣмъ, осенью 1789 года, пришелъ сюда извѣстный капитанъ Биллингсъ съ капитанами Сарычевымъ и Галломъ [2], на фрегатѣ „Слава Россіи“ [3]. Съ

[1] Сабля осталась въ рукахъ Хабарова и представлена была по начальству. Судъ, смотрящій на дѣйствіе, а не на причину, нашелъ въ этомъ поступкѣ ужасное преступленіе. *В. Ш.*

[2] Съ ними былъ еще капитанъ Берингъ, добрый человѣкъ, но слишкомъ придерживался правилъ старыхъ моряковъ—всегда былъ пьянъ. *В. Ш.*

[3] Во время зимовки Биллингса въ Петропавловской гавани, было построено тамъ другое судно „Черный Орелъ“, спущенное на воду 31 мая 1791 года. По окончаніи экспедиціи Биллингса, „Черный Орелъ“ ушелъ въ Охотскъ, а „Слава Россіи“ осталась въ Петропавловской гавани безъ употребленія и 27 марта 1801 г. затонула на глубинѣ 3 саж., со всѣми припасами и матеріалами (См. Сгибневъ, op. cit., т. IV, стр. 40. *В. Ш.*

прибытіемъ его, возродилась нѣкоторая надежда быть, по крайней мѣрѣ, подъ защитою людей благородныхъ. Отецъ мой и мать отдохнули нѣсколько въ пріятномъ ихъ обращеніи, и мнѣ, какъ ребенку, отмѣнно любопытно было видѣть корабль и всѣ къ оному принадлежности. Немало также утѣшилъ меня бывшій съ Биллингсомъ механикъ, Іосифъ Эдвардсъ, своею книжкою, которая при каждомъ скоромъ обращеніи листовъ показывала новыя фигуры. Такія книжки я видалъ послѣ у фокусниковъ, но уже безъ забавы и удивленія. Надобно вамъ сказать, что въ это время было насъ уже двое. Въ 1788 году, 5 іюня, родился братъ, котораго наименовали Петромъ, я былъ его воспріемникомъ. По второму году онъ началъ говорить и ходить и былъ чрезвычайно боекъ, понятливъ и остеръ. Матушка внушила ему, что онъ русскій и что нѣмцемъ быть не желаетъ, и даже онъ говаривалъ отцу: „ты -нѣмецъ, собака"! Такое начало въ воспитаніи не много обѣщало добраго, и каково было смотрѣть умному отцу, но кто виноватъ! За всѣмъ тѣмъ, отецъ его любилъ весьма нѣжно и называлъ единственнымъ утѣшеніемъ; напротивъ я уже былъ нелюбимый сынокъ.

Должно упомянуть здѣсь о самомъ Биллингсѣ. Онъ, какъ наемникъ, не столько думалъ о выполненіи воли монаршей и о пользахъ отечества, сколько о своеугодливости. Онъ еще въ Якутскъ привезъ съ собою какую-то любовницу, матросскую жену, истратилъ для нея пропасть и, по ея рекомендаціи, раздавалъ якутскимъ князькамъ медали. Эта матросская жена вышла тогда же набогатившись, за бывшаго въ Якутскѣ чиновника Горновскаго, родного брата того, который былъ при Потемкинѣ, и много помогла ему по Иркутской губерніи выйти въ люди. Съ прибытіемъ экспедиціи въ Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, звѣрскія представленія и пр. Денегъ они убивали пропасть, а пользы на грошъ не надѣлали. Передъ отбытіемъ ихъ изъ Охотска, получено было повелѣніе объ остановкѣ экспедиціи; но Кохъ [1] взялся услужить въ этомъ случаѣ. „Слава Россіи" была уже на рейдѣ, а „Доброе Намѣреніе", другой

[1] Комендантъ Охотска, совѣстный судья Кохъ.

В. Ш.

фрегатъ, былъ еще въ рѣкѣ. Привозъ упомянутаго повелѣнія заставилъ поспѣшить выводомъ на рейдъ второго фрегата, несмотря на противную зыбь и маловѣтріе, вслѣдствіе чего прибило его къ берегу и начало бить такъ, что принуждены были срубить мачты, и хотя весьма бы при слѣдующей полной водѣ, какъ то мнѣ по знанію мѣстнаго положенія извѣстно, можно было спасти самый фрегатъ, но мѣшкать уже не смѣли; и такъ, несмотря на представленія Галла, командира сего фрегата, въ ту же ночь, выгрузили его, обмазали еще смолою и зажгли, такъ что къ утру ничего не осталось. Команду съ сего судна помѣстили на „Славу Россіи" и черезъ нѣсколько дней ушли, заставивъ Коха отрапортовать, что повелѣніе ихъ не застало [1]. Еслибъ экспедиція была обращена, то, во-первыхъ, труденъ былъ бы отчетъ въ передержанныхъ суммахъ и не получили бы по два чина, о коихъ Биллингсъ имѣлъ секретныя повелѣнія у себя. Этого, конечно, никто изъ бывшихъ въ экспедиціи не написалъ и не сказывалъ; но кто же любитъ грѣхи свои разсказывать? Но истина, знать вамъ это должно, не вѣки остается подъ спудомъ, и весьма часто или вообще скрытое для современниковъ открывается для потомства. Извѣстно, какъ щедро наградила императрица англійскаго мичмана Биллингса. Онъ кончилъ жизнь русскимъ бариномъ въ Крыму и бригадиромъ. А все его достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ въ вояжѣ съ Кукомъ, но Кукъ возилъ съ собою и свиней... [2]. Мнѣ этотъ Биллингсъ особенно какъ-то гнусенъ. Я и маленькій смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ. Теперь могу обсуживать, что онъ долженъ былъ быть самый гнусный человѣкъ. Судите по слѣдующему его поступку.

Ему извѣстно было несчастное, можно сказать, ужасное, бѣдственное положеніе отца моего. Онъ притворился принимающимъ живѣйшее участіе въ насъ. Между тѣмъ, не помню, подъ какимъ предлогомъ, убѣдилъ онъ отца моего, чтобъ онъ поѣхалъ напередъ въ Тигиль, гдѣ зимовало судно, а ма-

[1] Все это я слышалъ отъ достовѣрныхъ изъ жителей охотскихъ послѣ. *В. Ш.*

[2] За выписку Биллингса правительство обязано послу (Сем. Ром.) гр. Воронцову, который многихъ подобныхъ опредѣлилъ въ нашъ флотъ. *В. Ш.*

тушка бы отправилась зимнею дорогою. Отлучивъ такимъ образомъ мужа отъ жены, онъ сталъ ежедневно учащать свои посѣщенія къ моей матери и, наконецъ, наглость свою простеръ до того, что заступленіе за отца моего предъ императрицею и вообще освобожденіе его изъ Камчатки предложилъ ей купить цѣною ея безчестія, прикрывая сіи скотскія и преступныя чувствованія видомъ страстной любви своей. Съ омерзѣніемъ и горькими слезами, о! я помню эту минуту, мать моя отвергла сіе гнусное предложеніе. Тогда злодѣй перемѣнилъ тонъ въ извиненіе и удивленіе добродѣтели, которую онъ не перестанетъ почитать въ моей матери никогда, и тогда въ знакъ памяти предложилъ въ подарокъ золотые часы; но когда матушка ихъ отвергла, онъ дерзко повѣсилъ ихъ на стѣнной гвоздь и скрылся. Отецъ мой, какъ бы предчувствуя ковъ, возвратился съ дороги обратно, и когда матушка разсказала ему, какимъ образомъ Биллингсъ оставилъ ей часы, то батюшка пришелъ въ бѣшенство; но Биллингса, если не ошибаюсь, не было уже въ гавани, и дѣлать было нечего. Однакожъ, батюшка тотчасъ отослалъ къ нему часы при письмѣ, о содержаніи коего легко можно судить всякому, кто знаетъ, что долженъ чувствовать благородный человѣкъ къ тому, который, будучи въ чести и пользуясь несчастіемъ безсильнаго, ищетъ его безчестія.

Здѣсь долженъ я отдать справедливость благороднымъ чувствованіямъ Март. Иван. Соура [1], который много утѣшалъ матушку въ ея скорби и давалъ ей полезные совѣты, съ честію сообразные, вмѣсто того, что Биллингсъ думалъ сдѣлать изъ него въ семъ дѣлѣ посредника. Долженъ сказать и то еще, что при всѣхъ вакханальныхъ пиршествахъ Биллингса никто столько не отличался кротостію и благонравіемъ, какъ нынѣшній вице-адмиралъ Гаврило Андреевичъ Сарычевъ, и еслибъ не онъ, то экспедиція сія столько же бы принесла славы и пользы Россіи, сколько Калигулинъ извѣстный походъ противъ Британіи славенъ былъ для Рима.

---

[1] Онъ былъ секретаремъ у Биллингса и послѣ, формально разбранившись съ нимъ, былъ отосланъ въ Иркутскъ. *В. Ш.*

Зимою на 1790 годъ мы переѣхали по тигильскому берегу въ Тигильскую крѣпость. Тутъ въ ожиданіи лѣта отдали меня учиться читать часословъ и псалтырь къ безграмотному дьячку, который казался мнѣ тогда великимъ мудрецомъ. И между тѣмъ я рѣзвился съ простыми казачьими и камчадальскими ребятишками, перенимая ихъ нарѣчія и навыки. Здѣсь однажды чуть было не лишился я жизни, подавившись черносливною косточкою, и спасеніемъ обязанъ я смѣлости и усилію, съ какимъ матушка съ братниною нянькою трудились отъ страху колотить меня по спинѣ и по затылку. Косточка выскочила изъ горла съ кровью, и я закричалъ къ ихъ сердечной радости и успокоенію: ибо сколько было меня жаль, а не менѣе того опасались внезапнаго прихода батюшки, который и отъ меньшихъ гораздо причинъ удобно очень раздражался и гнѣвъ свой матушкѣ иногда давалъ весьма непріятнымъ образомъ чувствовать. Сей случай долго потомъ таили отъ отца моего.

II.

Переѣздъ Штейнгелей изъ Камчатки въ Иркутскъ. — Генералъ-губернаторъ Якобій.—Жизнь въ Иркутскѣ.—Вице-губернаторъ Михайловъ. Губернаторъ Нагель.— Отправленіе Владиміра Штейнгеля въ Петербургъ и опредѣленіе его въ Морской корпусъ.—Процессъ Штейнгеля-отца въ Иркутскѣ. — Попытка его бѣжать въ Петербургъ. — Увольненіе Нагеля по вступленіи на престолъ императора Павла. — Военный губернаторъ Леццано. - Окончаніе процесса Штейнгеля-отца по восшествіи на престолъ Александра I. — Покровительство барона Николаи. — Внезапная смерть Штейнгеля-отца.—Переселеніе семьи на жительство въ Пермь.

Наконецъ настало лѣто. Изъ Тигиля отправилось судно, принадлежавшее извѣстному покорителю Кадьяка купцу Шелихову. Должно было рѣшиться на немъ ѣхать въ Охотскъ, ибо другого не было. Судно сіе было подъ зависимостью родного брата Шелихова, Василья. Каковъ онъ былъ, можете судить изъ того, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ старшій братъ вѣшалъ его на нокъ (конецъ) реи и больно сѣкъ

публично линьками или плетьми за участіе въ намѣреніи отравить его ядомъ. Это было въ Охотскѣ, въ правленіе Коха. Я слышалъ сей анекдотъ въ бытность мою послѣ въ Охотскѣ, отъ самовидца Евстр. Деларова, который былъ директоромъ Американской компаніи, и отъ нѣкоторыхъ другихъ особъ. Вотъ что мнѣ разсказывали: Шелиховъ, отправясь въ Америку въ 80-хъ годахъ, оставилъ жену свою въ Охотскѣ. Тутъ она не замедлила вступить въ связь съ однимъ изъ чиновниковъ (забылъ его фамилію), и такъ какъ между тѣмъ разсѣяли, можетъ быть, они же сами, по Охотску вѣрные слухи, что Шелиховъ, вышедъ изъ Америки въ Камчатку, умеръ, то жена его и готовилась выйти за того чиновника замужъ, чему и братъ Василій способствовалъ. Но вдругъ, вовсе некстати, получено письмо, что Шелиховъ живъ и вслѣдъ за онымъ ѣдетъ изъ Камчатки въ Охотскъ. Въ семъ-то критическомъ положеніи жена рѣшилась, по пріѣздѣ, его отравить. Но предувѣдомленный Шелиховъ едва пріѣхалъ, какъ все искусно разыскалъ, обличилъ ихъ обоихъ, жену и брата, чрезъ своихъ рабочихъ публично наказалъ. Сего не довольно, онъ хотѣлъ, по въѣздѣ въ Иркутскъ, предать жену уголовному суду и настоять, чтобъ ее высѣкли кнутомъ. Но въ семъ случаѣ Барановъ, извѣстный потомъ правитель Америки, бывшій тогда его приказчикомъ, убѣдилъ его пощадить свое имя и простить виновницу. Можетъ быть сіе происшествіе, которое не могло укрыться отъ иркутской публики, было причиною, что внезапная смерть Шелихова, послѣдовавшая въ Иркутскѣ въ 1792 году, была многими приписываема искусству жены его, которая потомъ, ознаменовавъ себя распутствомъ, кончила жизнь несчастнымъ образомъ, будучи доведена до крайности однимъ своимъ обожателемъ. Таковъ всегда бываетъ конецъ порока. Если богатство и случай прикрываютъ его предъ людьми, то предъ Провидѣніемъ ничто укрыться не можетъ [1].

---

[1] Шелиховъ Григорій Ивановичъ, извѣстный „землепроходецъ". Рыльскій мѣщанинъ, родился въ 1747 году, отправился въ молодыхъ годахъ въ Сибирь, а съ 1776 года началъ пускать свои суда въ Тихій океанъ. Онъ нѣсколько разъ просилъ объ учрежденіи нормъ компаніи, но только послѣ его смерти (онъ умеръ въ 1795) была учреждена столь извѣстная „Россійско-американская Компанія".

В. Ш.

Къ наибольшей непріятности отца моего, въ это же время и на томъ же суднѣ отправился и смертельный врагъ его Орленковъ, который и самъ, при всей подлости своей предъ Козловымъ-Угренинымъ, не могъ удержаться на мѣстѣ и былъ смѣненъ. Но такъ какъ онъ, по характеру своему, ближе былъ къ Шелихову, нежели отецъ мой, то ему дали мѣсто въ каютѣ, а намъ отвели подъ палубою на баластѣ. Я помню, что во время самаго плаванія часто доходило до ужаснаго съ обѣихъ сторонъ ожесточенія и брани. Наши и матушкины слезы едва могли удерживать батюшку. Впрочемъ, злодѣи, смѣясь надъ его безсиліемъ, нарочно его дразнили. Плаваніе на семъ дурномъ галіотѣ было очень продолжительно. Провизія наша издержалась, воду стали давать по порціямъ, словомъ, мы терпѣли и голодъ и жажду. Наконецъ, говоря выраженіемъ тамошнихъ старыхъ мореходовъ, перехватили землю верстъ за сорокъ къ востоку отъ Охотска и тутъ заштилевали. Отецъ мой рѣшился, чтобъ скорѣе удалиться отъ всѣхъ непріятностей, идти въ Охотскъ пѣшкомъ. Итакъ, по просьбѣ его, насъ высадили на берегъ, и мы, т. е. батюшка, матушка съ братомъ Петромъ за плечами, дѣвка камчадалка Акулина и одинъ казакъ, пустились въ путь по дикому морскому берегу, обитаемому медвѣдями, на волю Божію. Сдѣлавъ переходъ болѣе двадцати верстъ, мы пришли къ рѣчкѣ Мариканкѣ, чрезъ которую тщетно искавъ броду, рѣшились ночевать подъ чистымъ небомъ, будучи измучены усталостью. По утру, на самомъ разсвѣтѣ, мы услышали человѣческіе голоса, и тотчасъ батюшка побѣжалъ осмотрѣть, откуда они происходили. Радость наша была неописанна, когда узнали, что эта была байдара, посланная отъ Григорія Ивановича Шелихова къ судну, на коей и на нашу долю послано было нѣсколько булокъ, чаю и сахару. По просьбѣ батюшки, переправили на байдарѣ черезъ рѣчку, и мы, утоливъ жажду и подкрѣпивъ силы чаемъ, пустились къ Охотску, куда прибыли поздно по вечеру на Тунгузскую кошку, съ которой, при спорной водѣ, переправились чрезъ устье Охоты въ городъ и, остановясь въ отведенной квартирѣ, принесли Богу благодареніе.

Въ Охотскѣ начальствовалъ опять Кохъ, ибо проказы

Козлова-Угренина, о коихъ слухъ и самыя жалобы на него дошли до начальства, заставили перевести его поближе, и потому, по возвращеніи изъ Камчатки, сдѣланъ онъ былъ начальникомъ въ Якутскую область. И тутъ пробылъ онъ недолго. Вскорѣ принуждены были его отрѣшить и какъ за старыя, такъ и новыя его безпутства предать въ Иркутскѣ суду. Примѣчанія достойно, что два раза предписывали ему сдать команду, но онъ не слушался; въ третій разъ послали нарочнаго, если не ошибаюсь, коменданта Штевена, который смѣнилъ его силою. Точно также силою смѣненъ послѣ и мой главный злодѣй Бухаринъ, о коемъ въ своемъ мѣстѣ разскажу вамъ. Итакъ, въ Якутскѣ нечего было опасаться.

Въ Охотскѣ мы прожили столько, сколько нужно было, дабы нанять лошадей и изготовить вьюки. Мы отправились въ сопровожденіи одного казака и одного или двухъ проводниковъ изъ якутовъ. Братъ Петръ занялъ мое прежнее мѣсто около матушки, а меня посадили особо на лошадь, которая была поменѣе и посмирнѣе другихъ. Пока я не привыкъ, то казакъ велъ мою лошадь подъ уздцы, а потомъ я уже самъ ѣхалъ. Дорогу сію совершили мы благополучно. Одинъ только непріятный случай мнѣ очень памятенъ. Однажды по-утру наѣхали мы на бадаракъ, такъ называютъ якуты грязное, тинистое и вязкое мѣсто. Казака послали впередъ попробовать: его лошадь увязла, и пока всѣ глядѣли на него, а батюшка поѣхалъ вокругъ, моя лошадь по привычкѣ идти за казаковой бросилась туда же, такъ что я не успѣлъ ее сдержать, тѣмъ болѣе, что завтракалъ въ это время, кусая булку. Какъ скоро лошадь моя увязла обѣими передними ногами, то и начала биться, выдергивая то ту, то другую ногу. Отъ сего неправильнаго трясенія лошади сперва полетѣли изъ рукъ моихъ булки, а потомъ и я упалъ бокомъ въ грязь на лѣвую сторону лошади и такъ, что лицо мое пришлось возлѣ самой ноги лошади, которая легко могла меня убить и втоптать въ грязь, но вся бѣда кончилась тѣмъ, что она задѣла мнѣ копытомъ за ротъ, не тронувъ впрочемъ зубовъ, такъ однакожъ, что отъ удара и опухоли ротъ мой покривился на лѣвую сторону, и я съ недѣлю былъ криворотымъ. Ни отъ чего я такъ не плакалъ потомъ, какъ отъ

воображенія, что навсегда такимъ останусь. Можно представить, въ какомъ положеніи было сердце матери и отца, пока они видѣли меня въ грязи подлѣ ногъ бьющейся лошади. Проворству казака и якутовъ единственно обязанъ я спасеніемъ.

По прибытіи въ Якутскъ, гдѣ батюшка не располагался оставаться до зимней дороги, или особенной нѣжности къ брату Петру, а, можетъ быть, и по предчувствію, поспѣшили привить ему оспу. Я помню, что у него было нѣсколько оспинокъ на рукахъ, на груди и на спинѣ, и вообще опытъ сей благополучно кончился. Меня же не думали предохранять, да и некогда было. Итакъ, отправились осеннимъ путемъ на тамошнихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ Ленѣ. Однакожъ едва отплыли за сто верстъ, какъ начались морозы, пошла мезга, или льдяное масло, по рѣкѣ, и мы принуждены были, остановясь на Синей станціи, ожидать зимней дороги.

Вдругъ, къ пущему огорченію, у дѣвки нашей камчадалки, которую звали Акулиною, оказалась оспа. Ее тотчасъ отдѣлили отъ насъ и положили въ банѣ. Однакожъ, она не выдержала болѣзни и умерла. Прежде еще ея смерти я занемогъ оспою, самою крупною, самою жестокою. Все тѣло безъ изъятія, не исключая подошвъ, было покрыто оспинами, величиною съ горошину. Матушка, не знаю, по какому правилу, вѣря симпатическимъ средствамъ, обвела мнѣ около глазъ три раза золотымъ кольцомъ съ молитвою, и подлинно глаза остались неприкосновенными. Мнѣ не давали никакого лѣкарства; но только, когда оспа назрѣла, и начался нестерпимый зудъ, то батюшка, подогрѣвая на ложкѣ простое горячее вино, давалъ мнѣ въ руку губку, и я, обмакивая ее въ теплое вино, примачивалъ тѣ мѣста, гдѣ особенно чувствовалъ зудъ. Симъ однимъ средствомъ избавился я отъ рябоватости и отъ сей оспы такъ хорошо отдѣлался, что при опредѣленіи моемъ въ корпусъ директоръ Мендель, смотря на меня въ лорнетъ, долго не хотѣлъ вѣрить усиленной клятвѣ моей, что на мнѣ была оспа. Едва я сталъ оправляться, какъ къ великому изумленію родителей съ братомъ Петромъ оказались припадки, свойственные началу оспы. Во время жара онъ началъ кидаться и бредить: „вынесите меня

отсюда, мнѣ здѣсь страшно, я здѣсь умру", — говорилъ сей чудный ребенокъ слезно утѣшающимъ его родителямъ, не имѣя, конечно, понятія о смерти. Любя его, батюшка рѣшился тотчасъ перебраться изъ дома, который одинъ только и былъ въ семъ селеніи, въ якутскую юрту, и, можетъ быть, этимъ только ускорили потерю того, что удержать всячески старались. Надобно себѣ представить, что такое якутская юрта. Строеніе, сдѣланное изъ жердей, обмазанныхъ глиною и коровьимъ каломъ, вокругъ коего низкія внутри лавки, а въ серединѣ глиняный каминъ, чуваломъ именуемый, въ которомъ для тепла огонь долженъ горѣть безпрестанно, полу нѣтъ, голая земля, дверь одна прямо на улицу, окошки пузырныя или ледяныя. Можете судить, какое успокоеніе въ семъ неопрятномъ и вонючемъ зданіи, при безпрестанномъ сквозномъ вѣтрѣ изъ дверей въ каминъ, можно было дать ребенку, страдающему оспою, и самою жестокою. Это былъ горестный опытъ, что прививная, по тогдашнему способу, оспа не предохраняла отъ второй оспы натуральной. Оспа на братѣ Петрѣ была столь крупна и повсемѣстна, что наконецъ слилась совершенно и представила изъ него безобразный трупъ. Глаза его отъ матеріи совсѣмъ заплывали. Я былъ свидѣтелемъ рѣдкой материнской нѣжности. Безъ малѣйшей брезгливости, матушка высасывала гной изъ глазъ его и очищала оные языкомъ до того, что онъ могъ различать предметы. Тогда ему предлагали вопросы: видитъ ли отца, брата?—въ чемъ они?—гдѣ?—и удовлетворительные отвѣты восхищали родителей несказанно. Но, увы! наконецъ, при всѣхъ усиліяхъ матушки, оказалось, что братецъ лишился зрѣнія. Вопль матери и отчаяніе отца были неописанны. Наступила роковая ночь. Братецъ сталъ бредить и кидаться. Къ пущему страданію его, руки у него были связаны, ибо онъ царапался. „Съѣстъ меня, съѣстъ меня, — твердилъ онъ безпрестанно:—фу, какой вѣтеръ, затворите дверь", хотя никто ихъ не растворялъ; „съѣстъ меня, съѣстъ меня!"— принимался онъ паки повторять, терзая сердца предстоявшихъ ему отца и матери. Напослѣдокъ, въ самую полночь предсказаніе его сбылось, неумолимая смерть съѣла его. Онъ закрылъ на вѣки вѣжды свои. Нѣтъ, тщетно хотѣлъ бы я

изобразить вамъ то ужасное зрѣлище, которое въ сію минуту происходило при безчувственномъ трупѣ брата моего. Скажу вамъ только, что матушка съ воплями отчаянія старалась вложить душу въ охладѣвшій прахъ сына своими объятіями и поцѣлуями. Батюшка то въ ужаснѣйшемъ молчаніи становился на колѣни предъ Богомъ и просилъ, казалось, крѣпости къ перенесенію сего удара, то вдругъ вскакивалъ въ неистовствѣ, билъ себя въ грудь, рвалъ волосы и, воздымая сжатые кулаки, произносилъ ужаснѣйшую хулу противъ самого Бога, желая, казалось, сразиться съ самимъ небомъ. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ. Какъ ни молодъ я былъ, но картина сія глубоко вкоренилась въ моей памяти, и до гроба ея не забуду. Сколько, однакожъ, ни терзались, всѣ вопли остались тщетными; мертвые не оживаютъ. Братца похоронили рядомъ съ Акулиною, около существовавшей тамъ часовни. Въ проѣздъ мой въ 1806 году чрезъ Синюю станцію я оставилъ деньги и заказалъ сдѣлать надъ нимъ крестъ съ надписью. Здѣсь заклинаю васъ, дѣти, если я того сдѣлать не успѣю, закажите, кто изъ васъ будетъ въ состояніи, сдѣлать чугунный памятникъ, на коемъ въ краткой надписи изобразите сіе печальное происшествіе и отправьте на Синюю станцію, чтобъ поставили надъ гробомъ брата моего, о коемъ я не перестаю сожалѣть и теперь. Я очень помню, что матушка, въ огорченіи своемъ, говорила мнѣ: „лучше бы тебя Богъ прибралъ", или: „что? радъ ты теперь, что, кромѣ тебя, некого любить?" Я не понималъ тогда сущности сихъ словъ, а теперь нерѣдко завидую участи брата и, согласно съ матушкою, часто говорю самъ въ себѣ: лучше бы меня Богъ прибралъ. Но Господь насъ не слушаетъ, а творитъ по своему изволенію, что святой Его волѣ угодно. Изъ сего происшествія можно представить вамъ разительное нравоученіе, какъ несправедливо предъ Богомъ оказывать одному сыну пристрастную любовь противъ другого. Много подобныхъ примѣровъ бываетъ, но родители не исправляются. Благодарю Бога, дѣти, что я ни за кого изъ васъ не чувствую упрека въ сердцѣ моемъ. Я васъ всѣхъ равно люблю. Не знаю, что будетъ послѣ, когда вы, придя въ возрастъ, будете отличаться характеромъ, поведеніемъ, умомъ, позна-

ніями. Это вы увидите и потолкуете между собою, когда меня не будетъ, надъ моею могилою.

Оставивъ на Синей станціи столь драгоцѣнный залогъ, мы пустились къ Иркутску зимнимъ путемъ и прибыли туда въ декабрѣ. Въ Иркутскѣ уже ни Ламба, столь хорошо расположеннаго къ отцу моему и столь много обѣщавшаго ему, ни Якобія не было; на мѣстѣ перваго былъ губернаторомъ Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ, а правящимъ должность генералъ-губернатора былъ Иванъ Алферьевичъ Пиль. Званіе намѣстниковъ уже уничтожилось, можетъ быть, отъ того, что, представляя царскіе портреты, они дозволять себѣ начали царское самовластіе. Якобій жилъ въ Иркутскѣ истинно по-царски. По тогдашнему времени, онъ проживалъ тамъ несмѣтную сумму—35 тысячъ рублей въ годъ; одной прислуги было 75 человѣкъ. Въ Иркутскѣ долго не могли забыть его праздниковъ. Якобій смѣненъ по доносамъ и преданъ былъ суду сената. Въ числѣ доносчиковъ былъ секретарь его, выкравшій его бумаги. Якобій послѣ былъ оправданъ императрицею. При семъ случаѣ состоялся извѣстный высочайшій указъ, начинающійся сими словами: „Читано передъ нами,— говоритъ императрица,—нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ Иркутскія дѣла, въ которомъ мы ничего не нашли, кромѣ гнусной ябеды и сплетенъ и проч.“ Якобій потомъ еще служилъ въ царствованіе Павла I по военной части. Ламбъ при семъ государѣ былъ возведенъ на степень вице-призидента военной коллегіи и пользовался отличною милостію государя; но, забывъ отца моего, онъ не помогъ ему въ его несчастіи.

Съ прибытія отца моего въ Иркутскъ, онъ долженъ былъ явиться къ суду въ уголовную палату. По незнанію русскаго языка, онъ долженъ былъ сыскать себѣ наставника и защитника. Въ этомъ онъ положился на одного поляка Градковскаго, который ложною дружбою ввелъ его въ новыя бѣды и продалъ его непріятелямъ.

Между тѣмъ, отецъ мой началъ жить порядочно. Общество его составляли отличные въ Иркутскѣ люди, какъ-то: совѣтникъ Дитмаръ, который вскорѣ потомъ умеръ, Дрозманъ, докторъ Шеллеръ, штабъ-лѣкарь Крагъ, профессоръ Лакс-

манъ, Фабертъ и прочіе, коихъ не помню. Мы жили въ домѣ купца Сибирякова, близъ набережной, въ приходѣ Харлампія. Въ этомъ домѣ вскорѣ послѣ новаго 1791 года, именно января 12 числа, родилась моя милая сестра Татіана Ивановна. Я очень помню, что когда матушка уже мучилась ею, и я началъ плакать, то батюшка вывелъ меня въ сѣни и тутъ со мною стоялъ, прислушиваясь къ дверямъ. Когда же услышанъ былъ крикъ младенца, то батюшка вскричавъ: „а! дочь!" отворилъ двери и бросился къ матушкѣ, вскорѣ и мнѣ показали сестрицу. Я не могъ понять, какъ батюшка, стоя за дверью, могъ узнать, что родилась сестрица, а не братецъ.

Отецъ мой, сокрушаясь, что не можетъ начать моего воспитанія лучшимъ образомъ, отдалъ меня въ губернскую школу, куда и ходилъ я цѣлый почти годъ. Помню, что ученіе мнѣ не весьма нравилось, и я часто, идучи въ школу, ходилъ не прямо, а околицею. Однакожъ, при случившемся экзаменѣ, я говорилъ въ первомъ классѣ рѣчь, которой, конечно, и самъ не понималъ, и, получивъ призъ, книжку за прилежаніе, былъ переведенъ во 2-ой классъ, гдѣ преподавали ученіе о должностяхъ гражданина и человѣка, которымъ учили наизусть, какъ попугаевъ.

Въ лѣто 1791 года губернаторъ Арсеньевъ окончилъ жизнь и погребенъ въ церкви Тихвинской Божіей матери. Отецъ мой съ прочими несъ гробъ его при сей церемоніи. Мнѣ очень памятно, какъ меня поднесли къ нему проститься, и я, поцѣловавъ его, отшатнулся весьма порывисто назадъ изъ боязни, чтобъ онъ меня не укусилъ.

У Арсеньева осталось большое семейство. Вице-губернаторъ Андрей Сидоровичъ Михайловъ былъ его зять и, вмѣстѣ съ семействомъ своего тестя, расположился оставить Иркутскъ. Онъ былъ весьма честный добродѣтельный человѣкъ, и отецъ мой столько нашелъ въ немъ, что онъ далъ ему честное слово взять меня съ собою для опредѣленія въ корпусъ въ С.-Петербургъ.

На мѣсто Арсеньева назначенъ въ Иркутскъ губернаторомъ генералъ-майоръ Нагель, находившійся тогда въ Кяхтѣ для постановленія новаго договора съ китайцами о торговлѣ и для открытія оной вмѣстѣ съ назначеннымъ директоромъ

таможни надворнымъ совѣтникомъ Вонифантьевымъ, сдѣлавшимся потомъ чрезъ 19 лѣтъ моимъ тестемъ. Можно ли было тогда провидѣть моимъ родителямъ, что будущая супруга моя находится въ Кяхтѣ на первомъ году жизни!

Я очень помню, какъ въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ въ Иркутскѣ встрѣчали Нагеля съ великою церемоніею на Крестовской горѣ. Отецъ мой, по дружеской съ нимъ до того перепискѣ, ожидалъ для себя много добра: вышло напротивъ. Губернаторъ Нагель былъ уже не простой Нагель. Между тѣмъ какъ батюшка мой, наскучивъ медленностію, съ какою приступали къ его дѣлу, рѣшился, по наученію своихъ же пріятелей, послать просьбу въ сенатъ, то генералъ-губернаторъ Пиль весьма за сіе на него разсердился, какъ скоро тѣ же пріятели перенесли ему, что сдѣлалъ отецъ мой. Я очень помню, какъ, однажды наканунѣ какого-то праздника, прислали отца моего звать къ столу; а какъ на другой день онъ явился, то адъютантъ Пиля, публично подошедъ къ нему, просилъ извиненія, что его позвали ошибкою. Отецъ мой принужденъ былъ съ досадою возвратиться домой и понялъ, что это означало гнѣвъ великаго сатрапа. И подлинно съ тѣхъ поръ Пиль его не принималъ. Нагель, узнавъ сіи отношенія отца моего съ Пилемъ, принялъ его также сухо, и потомъ оба причинили ему множество огорченій и даже тиранствъ, какъ то вскорѣ вы увидите.

По первому зимнему пути Андрей Сидоровичъ готовъ былъ выѣхать, и такъ меня снарядили въ дорогу. Не понимая тогда, что мнѣ дѣлаютъ единственное благодѣяніе, какое только родители въ тогдашнемъ ихъ положеніи могли мнѣ оказать, я горько плакалъ при каждомъ напоминаніи о разлукѣ; а когда насталъ часъ оной, то насилу могли отлучить меня отъ матери. Батюшку мнѣ не такъ было жаль. Дорогою мало-помалу я утѣшился. Меня снарядили очень хорошо и, можно сказать, богато; роспись всего отпущеннаго со мною у меня еще цѣла, и вы ее можете увидѣть.

По прибытіи въ Москву, мы остановились въ домѣ Арсеньевой на Малой Ордынкѣ въ приходѣ Екатерины Великомученицы. Взяли масляницу тутъ и на первой недѣлѣ поста говѣли въ упомянутой церкви. Къ Святой мы переѣхали въ

С.-Петербургъ и остановились на Васильевскомъ острову въ 10-й, помнится, линіи. Я очень помню, что заутреню въ первый день Пасхи мы слушали въ полковой деревянной церкви, которая была въ 13-й линіи и давно уже сломана; а къ обѣднѣ я ушелъ одинъ въ церковь Андрея Первозваннаго, гдѣ служилъ архіерей, и меня за сіе самовольство порядочно побранили. Впрочемъ, почтенный мой благодѣтель Андрей Сидоровичъ и супруга его Александра Михайловна поступали со мною, какъ съ сыномъ, безъ малѣйшаго различія съ своею дочерью. Ко мнѣ приставленъ былъ дядька гусаръ (они тогда были въ модѣ), который весьма усердно за мною смотрѣлъ; чесалъ мнѣ каждое утро голову, примачивая квасомъ; заплеталъ косу, заставлялъ молиться Богу и посылалъ къ ручкамъ моихъ благодѣтелей.

Еще я помню изъ тогдашняго времени, что благодѣтели мои весьма сердились, по крайней мѣрѣ, показывали то, что сердятся, на меня за неупотребленіе вовсе за столомъ хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ, меня не иначе, какъ силою, могли принудить ѣсть хлѣбъ. Можетъ быть, младенческое воспитаніе въ безхлѣбной Камчаткѣ на молокѣ и рыбѣ — тому причиною. Надобно еще, къ удивленію вашему, сказать, что я до шестого года возвраста не переставалъ сосать груди. Не знаю, для чего матушка моя это попускала.

Меня хотѣли сначала опредѣлить въ артиллерійскій корпусъ, но въ томъ не успѣли. Но, какъ директоръ морского корпуса, Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ Андрею Сидоровичу свойственникъ, и при томъ во флотѣ капитаномъ былъ двоюродный дядя мой, то и рѣшились опредѣлить меня въ морской корпусъ, хотя мнѣ очень не хотѣлось въ оный. Не помню, кто-то въ Москвѣ, разсказывая мнѣ про воспитаніе и приволье для кадетъ въ сухопутномъ корпусѣ, при графѣ Ангальтѣ дѣйствительно бывшее, воспламенилъ юную мою голову въ пользу сего корпуса. Мнѣ страшно хотѣлось быть армейскимъ. Свидѣтельство, взятое въ Иркутскѣ о моемъ рожденіи, оказалось недостаточнымъ, и потому списывались съ дядею моимъ, который находился въ Ревелѣ. Онъ прислалъ другое отъ эстляндскаго дворянства. Итакъ, наконецъ перевезли меня въ Кронштадтъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Кадеты были уже въ лагерѣ. Меня поручили тогдашнему капитану, вскорѣ сдѣлавшемуся майоромъ, Максиму Петровичу Коробкѣ. Я жилъ у него въ домѣ и въ лагеряхъ въ особой палаткѣ, вмѣстѣ съ его племянниками Николаемъ Коробкою и Тимоѳеемъ Яновскимъ, съ коими очень подружились. До августа я считался волонтеромъ, а 14-го августа 1792 года поступилъ въ комплектъ въ 3-ю кадетскую роту, къ капитану Петру Васильевичу Чичагову, который, будучи сынъ знаменитаго адмирала, не занимался вовсе ротою, оставя ее на попеченіе своего капитана-поручика Александра Петровича Кропотова. Прежде нежели представлю я вамъ любопытное описаніе тогдашняго корпуса и нашего вообще воспитанія, я обращусь къ положенію, въ какомъ находился отецъ мой въ Иркутскѣ во все время моего пребыванія въ корпусѣ, и разскажу вамъ, какъ сей несчастнѣйшій изъ людей и вмѣстѣ достойнѣйшій лучшей участи окончилъ поприще жизни своей.

По отправленіи моемъ, отецъ мой, видя, что, несмотря на подтвержденіе, сдѣланное отъ правительствующаго сената по его просьбѣ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла его, въ палатѣ уголовнаго суда не было никакого по оному движенія, писалъ въ сенатъ другую просьбу объ увольненіи его въ Петербургъ на 4 мѣсяца[1]. Между тѣмъ, видно, въ ожиданіи разрѣшенія, лѣтомъ 1792 года онъ отправилъ матушку съ дочерью въ Екатеринбургъ. Надежда его осталась тщетна. Тогда по совѣту ближнихъ друзей и, какъ то самъ батюшка въ оправданіяхъ своихъ послѣ показывалъ, по совѣту самого губернатора Нагеля, онъ предпринялъ гибельное намѣреніе уѣхать изъ Иркутска самовольно, для чего и рѣшился составить фальшивую подорожную. Мысль его была та, что, добравшись до Петербурга, онъ можетъ упасть къ престолу и просить правосудія. Увы! едва доѣхалъ онъ до перваго города Нижнеудинска, какъ и былъ—можетъ быть, по предувѣдомленію—оподозрѣнъ, взятъ подъ стражу и возвращенъ подъ оною въ Иркутскъ. Это случилось зимою

---

[1] Побудительною причиною онъ поставилъ кончину своего отца и полученное имъ отъ родственниковъ изъ Германіи увѣдомленіе, что послѣ него осталось имѣніе, изъ котораго и ему часть слѣдуетъ. *В. Ш.*

1793 года. Правящій должность генералъ-губернатора предписалъ судить его и за сей поступокъ. Между тѣмъ уже безъ всякаго снисхожденія и уваженія къ благородному рожденію его и къ чину начали содержать его на главной гауптвахтѣ, гдѣ позволяли дѣлать съ нимъ всякаго рода наглости; а когда онъ выходилъ изъ терпѣнія и приходилъ въ отчаянное бѣшенство, тогда, называя его сумасшедшимъ, обременяли цѣпями и допускали солдатъ бить его, кому какъ и сколько вздумалось. Въ слѣдующемъ 1794 году Пиль сдѣлалъ представленіе сенату, что отецъ мой, по близости гауптвахты къ его дому, бѣшенствомъ своимъ причиняетъ ему безпокойство, и потому сей любящій спокойствіе и столь человѣколюбивый правитель намѣстничества просилъ сенатъ о разрѣшеніи судьбы моего отца или о дозволеніи выслать его туда, куда будетъ указано.

Между симъ временемъ, видно, желая рѣшительно погубить отца моего, вознамѣрились сдѣлать его сумасшедшимъ по формѣ; итакъ, по порученію губернскаго правленія, одинъ изъ совѣтниковъ онаго съ штабъ-лѣкаремъ Поддубнымъ [1], имѣли за его дѣйствіями наблюденіе и потомъ подписали свидѣтельство, что онъ совершенно лишился ума. Къ этому добавили, что и въ лютеранской киркѣ видѣлъ его самъ Пиль, дѣлающимъ разныя кривлянья и тѣлодвиженія, несвойственныя человѣку съ здравымъ разсудкомъ.

При такихъ пособіяхъ наконецъ дѣло палатою рѣшено. По десяти обвинительнымъ пунктамъ, отецъ мой законами приговоренъ, по лишеніи всѣхъ чиновъ и дворянства, къ смертной казни... Рука моя трепещетъ, начертывая сей безчеловѣчный приговоръ низкихъ и гнусныхъ исполнителей воли самовластныхъ владыкъ тамошняго отдаленнаго края, готовыхъ, для угожденія начальству, на всякую мерзость, на всякое неистовство... О! я весьма хорошо зналъ ихъ,

---

[1] Сей Поддубный, по природѣ грубый малороссіянинъ и по воспитанію сущій невѣжда, не лучше и въ знаніи медицины, былъ послѣ главнымъ операторомъ въ Иркутскѣ. Мнѣ случилось обѣдать съ нимъ у архіерея Веніамина, и когда я, доведя матерію, упомянулъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей отца моего, то онъ, не замѣшавшись, отвѣчалъ: „что дѣлать, наше дѣло невольное: велятъ подписывать, то и подписываешь!!". *В. Ш.*

и потому не могу не ожесточаться, что невинность, въ лицѣ моего отца, облечена была сими порочными тварями во вретище порока, которое самимъ имъ болѣе было прилично. Развѣ тѣмъ однимъ утѣшиться, что и самъ Іисусъ Христосъ, божественный образъ высочайшей добродѣтели, пострадалъ, какъ злодѣй, отъ рукъ невѣждъ и злодѣевъ. Но въ одномъ ли этомъ пути Провидѣнія непостижимы для насъ, смертныхъ!

Представляя приговоръ сей сенату, Пиль въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что онъ, признавая отца моего лишившимся ума и не желая отяготить участь наказаннаго самою судьбою, предаетъ жребій его на уваженіе правительствующаго сената.

Сіе верховное вмѣстилище правосудія сдѣлало заключеніе, что хотя вмѣсто смертной казни отецъ мой подлежалъ тѣлесному наказанію . . . о правахъ дворянства тогда уже говорить не смѣли, а по случаю изданнаго 1793 года сентября 2 дня, послѣ замиренія съ Оттоманскою имперіею, милостиваго манифеста, токмо слѣдовалъ къ одной ссылкѣ въ работу безъ наказанія; но какъ признанъ генералъ-губернаторомъ и губернаторомъ въ помѣшательствѣ ума, то и содержать его по лишеніи чиновъ и дворянства въ Иркутской губерніи, какъ о сумасшедшихъ въ законахъ предписано.

Сей приговоръ поднесенъ былъ императору Павлу I, издавшему вскорѣ по восшествіи на престолъ строгое повелѣніе о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, и сей государь, не будучи ни съ которой стороны увѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣла отца моего, утвердилъ сей приговоръ 1797 года ноября въ 21 день, начертавъ державною своею рукою: „Быть по сему", — и послѣдній ударъ свершенъ.

Отецъ мой, желая въ своемъ несчастіи обратить на себя хотя сколько нибудь вниманіе высшаго правительства, написавъ на нѣмецкомъ діалектѣ проектъ о лучшемъ устройствѣ Камчатки, могущей приносить государству знатный доходъ, писалъ къ тогдашнему генералъ-прокурору князю Александру Борисовичу Куракину, чтобъ онъ исходатайствовалъ ему дозволеніе явиться съ симъ проектомъ въ

Петербургъ; но сей—по рожденію только—вельможа, занимавшійся болѣе откупами, нежели зависящею отъ него судьбою многихъ честныхъ, но несчастныхъ людей, сдѣлалъ ему вѣжливый отказъ, что онъ до рѣшенія дѣла его въ 5-мъ департаментѣ правительствующаго сената поступить на это не можетъ, а проситъ, чтобъ онъ прислалъ мысли свои на бумагѣ.

Впрочемъ, Куракина въ безчувственности сей къ несчастіямъ ближняго и винить нельзя. Бывшій другъ отца моего Ламбъ, ни братъ его двоюродный, генералъ-майоръ Штейнгель, сдѣлавшійся потомъ графомъ, не хотѣли, или не могли для него ничего сдѣлать. Я не говорю уже о другомъ братѣ, который былъ капитаномъ флота, онъ ничего самъ по себѣ предпринять не могъ. Онъ писалъ даже ко мнѣ, въ корпусѣ еще бывшему, чтобъ я лично просилъ о несчастномъ отцѣ моемъ государя или Куракина, и упрекалъ меня въ бездѣйствіи и неимѣніи сыновней любви. Онъ не хотѣлъ тогда сообразить, что отлучаться изъ корпуса весьма трудно, а безпокоить государя почтено бы было преступленіемъ. Впрочемъ, мнѣ было тогда 14 лѣтъ отъ роду, и что могъ я разсудить, что предпринять обдуманно, когда они всѣ не рѣшались дѣйствовать, какъ должно истиннымъ роднымъ. Баронъ Николаи, который послѣ оказалъ свое расположеніе къ отцу моему, какъ къ своему двоюродному же брату, по матери, и который тогда пользовался отличною милостію императора, бывъ у него библіотекаремъ, тоже не предпринялъ тогда ничего въ его пользу. Видно, надобно было, чтобъ отецъ мой, вступившій въ Россію въ нарушеніе прещеній родителя своего, былъ въ ней на сей разъ жертвою всѣхъ золъ, оставленною отъ Бога и людей.

Супруга одна не покинула его въ семъ несчастіи и тѣмъ дала ему утѣшиться, что онъ для несчастій своихъ, коихъ не могъ тогда предвидѣть, женился весьма счастливо. Много ли женъ, кои съ мужьями своими рѣшались переносить всѣ бѣдствія и тогда, когда имѣли законное право, безъ укоризны, оставлять ихъ!

Матушка, какъ скоро узнала о послѣдствіяхъ батюшкина побѣга изъ Иркутска, то и поспѣшила возвратиться

въ оный. Тутъ часто своими слезами, своими мольбами испрашивала она временную отцу моему свободу изъ-подъ стражи, которой вскорѣ злодѣи его, подъ какимъ либо предлогомъ, паки лишали. При сихъ случаяхъ, когда вооруженные люди приходили брать насильно отца моего на гауптвахту, матушка въ отчаяніи, въ безпамятствѣ, то умоляя извергов на колѣняхъ, то угрожая имъ казнію Божіею, бросалась съ воплями на самую улицу и за нимъ слѣдовала; малолѣтняя дочь бѣгала за нею. Домъ оставался пустъ, а полицейскіе служители очищали все, что лежало поплоше, и дѣлились съ начальствомъ. Батюшка и матушка увѣряли меня, что весьма много вещей своихъ узнавали у бывшаго тогда городничаго Кондратова, который не имѣлъ не только никакого въ участи моего отца состраданія, но, кажется, утѣшался его несчастіемъ. Послѣ вы увидите нѣчто странное при самой кончинѣ Кондратова, которую опишу я вамъ въ своемъ мѣстѣ. Когда судьба отца моего рѣшилась, и онъ увидалъ себя освободившимся отъ рукъ своихъ мучителей, кои одинъ по одному, по вступленіи на престолъ Павла I-го, изъ своихъ мѣстъ выбыли, то, пользуясь правомъ свободно жить въ Иркутскѣ, онъ купилъ себѣ маленькій домикъ на Морской улицѣ, противъ самаго верстнаго столба. Я нарочно сіе описываю, дабы вы, если кому случится быть въ Иркутскѣ, знали, гдѣ дѣдъ вашъ томился въ несчастіи и бѣдности.

Здѣсь пріобрѣтенныя прежде отцомъ моимъ познанія въ экономіи принесли ему пользу. Онъ дѣлалъ различныя настойки и водки и сѣялъ табакъ; а матушка пекла пряники отличнаго вкуса и, продавая то и другое, тѣмъ себя и семейство свое содержали. При семъ бѣдномъ положеніи, Богу угодно было, чтобъ они имѣли еще двухъ дочерей. 1795 года ноября 24-го дня родилась Екатерина, и 1798 года января 6-го Марія. Послѣ содержаніе семейства нѣсколько облегчилось принятою отцомъ моимъ на себя должностію эконома въ клубѣ, который завели въ Иркутскѣ въ 1801 году, уже по кончинѣ Павла I, не терпѣвшаго подобныхъ заведеній. Я засталъ отца моего въ семъ положеніи, когда въ 1802 году, проѣзжая Иркутскъ, имѣлъ счастіе прижать его, матушку и сестрицъ къ моему сердцу, послѣ 10-лѣтней разлуки.

Я никогда не забуду, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ мнѣ о домѣ своемъ: „Вотъ, любезный сынъ, я имѣлъ соболью шубу, которая меня одного грѣла; я ее продалъ за 700 рублей и купилъ другую, которая насъ теперь всѣхъ грѣетъ“.

Я уже сказалъ вамъ, что непріятели моего отца, одинъ по одному, выбыли изъ Иркутска. Пиль, тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла I, уволенъ, временно занялъ его мѣсто Нагель, но и сей, по какому-то на него доносу, чрезъ фельдъегеря вызванъ въ Петербургъ, куда онъ ѣхалъ съ трепетомъ, а еще болѣе вострепеталъ, когда надобно было предстать предъ грознаго царя. Онъ ошибся однакожъ, его, вмѣсто наказанія, ожидало счастіе въ чертогахъ царскихъ. При первомъ взглядѣ на него, Павелъ, любившій щеголять памятью, призналъ въ немъ знакомыя черты одного извѣстнаго ему нѣкогда гусара. — „Не ты ли тотъ Нагель, — вскричалъ монархъ, — который столько-то лѣтъ назадъ служилъ въ такомъ-то полку, когда я смотрѣлъ его?“ — „Я“, — отвѣчалъ трепещущій губернаторъ, ожидая приговора. — „А! обними меня, другъ мой, о! я тебя знаю, ты честный служивый; тебя оболгали мнѣ, но я тебя награжу“, — и тутъ же пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго, чинъ генералъ-лейтенанта и мѣсто военнаго губернатора въ Ригѣ, если не ошибаюсь.

Послѣ Нагеля пріѣхалъ въ Иркутскъ военнымъ губернаторомъ (ибо генералъ-губернаторы повсемѣстно были уничтожены) съ линіи Омской генералъ, котораго фамилію я забылъ; но онъ былъ недолго. Его смѣнилъ, бывшій до того у города Архангельска, генералъ-отъ-инфантеріи Борисъ Борисовичъ Леццано. Сей былъ истинный другъ несчастныхъ. Въ его правленіе всѣ гоненія пресѣклись отъ мѣстнаго начальства, и въ незабвенную хвалу ему приписать должно, что въ жестокое, можно сказать, царствованіе Павла, имѣя неограниченную власть, онъ не сдѣлалъ ни одного несчастнаго. По восшествіи вожделѣннаго отъ всѣхъ Александра на престолъ, представился Леццано случай удовлетворить вполнѣ влеченію своего сердца.

Въ 1801 году, по высочайшему повелѣнію, составлена была нарочная въ С.-Петербургѣ комиссія для пересмотра ста-

рыхъ уголовныхъ дѣлъ и для облегченія участи всѣхъ тѣхъ, кои въ предыдущее царствованіе подпали несчастію. А, какъ во время Павла о многихъ несчастныхъ не имѣли и свѣдѣнія, куда они посланы, то указомъ сената повелѣно мѣстнымъ начальствамъ о всѣхъ, по суду или безъ суда наказанныхъ и сосланныхъ, доставить свѣдѣнія. Въ это время многія сотни несчастныхъ получили свободу и прежнее достояніе. Въ томъ числѣ и моему отцу, по высочайшей конфирмаціи доклада упомянутой комиссіи, въ 21-й день августа 1802 года возвращены чины, дворянство и свобода возвратиться къ своимъ родственникамъ. Почему онъ и выѣхалъ изъ Иркутска по первому зимнему пути того же года въ свитѣ генерала Шпренгпортена, осматривавшаго тогда Сибирь. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ подалъ государю просьбу на французскомъ языкѣ, съ описаніемъ всѣхъ своихъ бѣдствій, которую вы найдете въ его бумагахъ, и по ходатайству барона Андрея Львовича Николаи, высочайшимъ указомъ мая 22-го дня 1803 года, дарованъ ему пенсіонъ по смерть, состоящій изъ 400 рублей въ годъ. Съ симъ пенсіономъ баронъ Николаи принялъ его управителемъ своихъ отчинъ, пожалованныхъ ему покойнымъ государемъ въ Тамбовской губерніи Моршанской округи. Итакъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1803 года, переѣхалъ онъ въ главное помѣстье барона Николаи, село Кулики, куда послѣдовала за нимъ и матушка, оставя одну Танюшку, старшую дочь свою, у барона Николаи, который содержалъ ее вмѣсто дочери, и этому обязана она, что одна изъ всего семейства пріобрѣла нѣмецкій языкъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Кулики, Провидѣніе обрадовало родителей моихъ рожденіемъ сына Павла; но онъ жилъ весьма недолго и былъ предтечею въ вѣчность отца моего. Весною 1804 года въ одну ненастную ночь случился пожаръ. Отецъ мой поспѣшилъ на оный самъ, не взявъ въ разсужденіи одежды никакой предосторожности; бѣжавъ же по улицѣ, онъ упалъ въ яму, пріуготовленную для мѣшанія извести и наполненную водою. Освободясь изъ нея, во время пожара, то отъ нестерпимаго жара, то отъ дождя и отъ вѣтра, такъ себя разстроилъ, что получилъ на другой день горячку.

Сперва казалось, что она облегчится, но какое-то неудовольствіе разстроило его паки, и онъ, не имѣя никакого медицинскаго пособія, но будучи пользуемъ одною матушкою по наставленіямъ разныхъ старухъ, наконецъ кончилъ бѣдственную жизнь свою 14-го мая и погребенъ по грекороссійскому обряду около церкви упомянутаго села.

По сіе время не удалось мнѣ быть на его могилѣ, и если вопреки желаній моихъ не удастся и на будущее время жизни моей ни самому быть, ни памятникъ пристойный надъ нимъ соорудить, то возлагаю это на обязанность вашу, любезнѣйшія дѣти мои: утѣшьте тѣнь дѣда вашего и вмѣстѣ успокойте тѣнь отца своего, коего священный долгъ вы тогда приведете въ исполненіе.

Матушка, по смерти своего супруга, имѣла неосторожность сжечь нѣкоторыя его бумаги, не знаю, по какой причинѣ. Въ томъ числѣ истребила и вексель на 4 тыс. рублей, присланный къ нему барономъ Николаи для полученія по немъ денегъ. Это обстоятельство разстроило ее съ барономъ. При всемъ томъ, однакожъ, сей почтенный человѣкъ, изъ признательности къ покойному за хорошее управленіе и умноженіе доходовъ его, исходатайствовавъ матушкѣ моей по смерть половинный пенсіонъ батюшки, предложилъ ей домъ и услугу по смерть ея, равно какъ и принималъ на свое попеченіе воспитаніе ея дочерей, но она не только отъ сего отказалась, но и Танюшку, къ крайнему огорченію барона и его супруги, не соглашалась у нихъ оставить. Взяла ее и удалилась въ Пермь, гдѣ купила домикъ, похожій на хижину, и въ немъ поселилась. Я слышалъ отъ нея, что сей совѣтъ далъ ей графъ Штейнгель, сказавъ о предложеніи барона Николаи: „лучше щей горшокъ, да самый большой!" Не мое дѣло судить поступокъ въ семъ случаѣ матери моей; но нельзя равнодушно принимать оный, изъ любви къ сестрамъ, кои по таковому ея, на честолюбіи основанному дѣйствію, лишились воспитанія, къ которому предстоялъ самый благопріятный случай.

III.

В. И. Штейнгель въ Морскомъ корпусѣ. — Система воспитанія въ немъ. — Обученіе. — Производство въ гардемарины. — Походъ къ Ревелю. — Баронъ И. Ѳ. Штейнгель. — Лѣтняя кампанія 1796 г. — „Главное дежурство".— Восшествіе на престолъ императора Павла и переводъ корпуса изъ Кронштадта въ Петербургъ. — Реформы, произведенныя императоромъ Павломъ во флотѣ.

Теперь послушайте, дѣти, собственную мою исторію. Она будетъ для васъ любопытна и поучительна, ибо я безъ закрышки представлю вамъ всѣ сдѣланныя мною ошибки, всѣ свои недостатки, глупости и несчастія, а притомъ и распоряженіе судьбы, которая, вопреки всѣмъ желаніямъ моимъ, давала мнѣ всегда неожиданное направленіе. Повѣствуя о себѣ, я буду говорить и о современныхъ обстоятельствахъ, отъ коихъ мое положеніе могло зависѣть.

Выше я уже сказалъ, какимъ образомъ опредѣлили меня въ Морской корпусъ. Директоромъ корпуса былъ тогда адмиралъ Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, который жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ и оставлялъ корпусъ на попеченіе подполковника. Это былъ флота капитанъ перваго ранга Николай Степановичъ Ѳедоровъ, человѣкъ грубый, необразованный, не имѣвшій понятія ни о важности, ни о способахъ воспитанія дѣтей. Онъ наблюдалъ только свои счеты съ гофмейстеромъ корпуса Жуковымъ, а, на него глядя, и капитаны большею частію держались того же правила. Содержаніе кадетъ было самое бѣдное. Многіе были оборваны и босы. Учители все кой-какіе бѣдняки и частію пьяницы, къ которымъ кадеты не могли питать иного чувства, кромѣ презрѣнія. Въ ученьи не было никакой методы; старались долбить одну математику по Эвклиду, а о словесности и другихъ изящныхъ наукахъ вообще не помышляли. Способъ исправленія состоялъ въ истинномъ тиранствѣ. Капитаны, казалось, хвастались другъ передъ другомъ, кто изъ нихъ безчеловѣчнѣе и безжалостнѣе сѣчетъ кадетъ. Каждую субботу подавались лѣнивые сотнями, и въ дежурной комнатѣ цѣлый день вопль не прекращался. Одинъ пріемъ на-

казанія приводилъ сердца несчастныхъ дѣтей въ трепетъ. Подавалась скамейка, на которую двое дюжихъ барабанщиковъ растягивали виновнаго и держали за руки и за ноги, а двое со сторонъ изо всей силы били розгами, такъ что кровь текла ручьями, и тѣло раздиралось въ куски. Нерѣдко отсчитывали до 600 ударовъ и болѣе, до того, что несчастнаго мученика относили прямо въ лазаретъ. Что жъ отъ этого? Между кадетами замѣчательна была вообще грубость, чувства во многихъ низкія и невѣжественныя. Въ это время дѣлались заговоры, чтобы побить такого-то офицера или учителя; пили вино, посылали за нимъ въ кабаки кадетъ же, и проч. Не говорю уже о другихъ студныхъ мерзостяхъ. Вотъ доказательство, что тиранія и въ воспитаніи не дѣлаетъ людей лучшими.

Другой родъ наказанія былъ *пустая*, т.-е. тюрьма, смрадная, гнусная, возлѣ самаго нужнаго мѣста, гдѣ водились ужасныя крысы, и туда-то безразсудные воспитатели юношества сажали нерѣдко на нѣсколько сутокъ 12-ти или 13-ти-лѣтняго юношу и морили на хлѣбѣ и водѣ. Самые учители въ классахъ били учениковъ линейкою по головѣ, ставили голыми колѣнями на дресву и даже на горохъ: послѣ сего удивительно ли, что кадеты сихъ гнусныхъ мучителей ненавидѣли и презирали, и нерѣдко соглашались при выходѣ изъ классовъ вечернихъ, пользуясь темнотою, дѣлать имъ взаимно различныя пакости.

Зимою въ комнатахъ кадетскихъ стекла были во многихъ выбиты, дровъ отпускалось мало, и чтобъ избавиться отъ холода, кадеты по ночамъ лазили черезъ заборъ въ адмиралтейство и оттуда крали бревна, дрова, или что попадалось, но если заставали въ семъ упражненіи, то тѣ же мучители, кои были сами сего виновниками, наказывали за сіе самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Можетъ быть, это тиранство одну только ту выгоду приносило, что между кадетами была связь чрезвычайная. Случалось, что одного пойманнаго въ шалости какой-либо замучивали до послѣдняго изнеможенія, добиваясь, кто съ нимъ былъ, и не могли иного отвѣта исторгнуть, кромѣ -не знаю. Зато такой герой награждался признательностію и дружбою имъ спасенныхъ. Съ этой сто-

роны воспитаніе можно было назвать спартанскимъ. Нерѣдко по-спартански и кормили. Кадеты потому очень отличали тѣхъ капитановъ, кои строго наблюдали за исправностію стола. Въ мою бытность въ одномъ столѣ за ужиномъ пожаловались капитану Быченскому, что каша съ саломъ; удостовѣрившись въ справедливости жалобы, онъ тутъ же приказалъ позвать Михайлыча — такъ вообще звали главнаго кухмистера — и велѣлъ бить его палками и вмѣстѣ съ тѣмъ мазать ему рожу тою кашею. Какъ ни глупо и ни смѣшно было такое зрѣлище во время стола благородныхъ дѣтей, но кадеты не смѣли смѣяться, ибо Быченскій былъ сущій звѣрь и кровопійца, онъ и жизнь кончилъ, сойдя съ ума; такихъ-то давали намъ наставниковъ въ царствованіе премудрой сѣверной Семирамиды!

Была еще одна особенность въ нашемъ корпусѣ — это господство гардемариновъ и особенно старшихъ въ камерахъ надъ кадетами. Первые употребляли послѣднихъ въ услугу, какъ сущихъ своихъ дворовыхъ людей: я самъ, бывши кадетомъ, подавалъ старшему умываться, снималъ сапоги, чистилъ платье, перестилалъ постель и помыкался на посылкахъ съ записочками... Иногда въ зимнюю ночь, босикомъ, по галлереѣ бѣжишь и не оглядываешься. Боже избави ослушаться! — прибьютъ до полусмерти. И все это, конечно, отъ призору наставниковъ. Зато, какая радость, какое счастіе, когда произведутъ, бывало, въ гардемарины: тогда изъ крѣпостныхъ становишься уже самъ бариномъ, и все повинуется!

Подполковникъ Ѳедоровъ недолго былъ при мнѣ въ корпусѣ, мѣсто его заступилъ въ 1794 году Петръ Кондратьевичъ Карцовъ, потомъ сдѣлавшійся директоромъ, человѣкъ честный, добрый, но также суровый и о воспитаніи прямомъ не лучшее понятіе имѣвшій. При немъ, однакожъ, не только порядокъ, но и самый образъ ученія принялъ другой совсѣмъ видъ. Въ послѣднемъ отношеніи сдѣлалась важная перемѣна: вмѣсто Эвклидовыхъ стиховъ, кои учили наизусть по три года, особливо пятую книгу, предприняли преподавать математику по курсу Безу, начиная съ ариѳметики, а не съ геометріи, какъ прежде.

Я былъ въ числѣ первыхъ, кои начали учиться по новой методѣ. Меня записали въ классъ къ Романову, учителю, знающему свое дѣло и прилежному. При началѣ я было сдѣлался боленъ и опасно — корью съ пробуднымъ кашлемъ и болью глазъ. Несмотря, что я былъ девятилѣтній ребенокъ, мнѣ въ одинъ день отворили кровь и поставили двѣ мушки на грудь и на затылокъ. Вышедши изъ лазарета, я нашелъ, что въ классѣ читаютъ уже дѣленіе, и меня хотѣли почесть отставшимъ, чтобы записать въ другой классъ; но съ помощію пріобрѣтеннаго знанія еще въ губернской иркутской школѣ о четырехъ правилахъ ариѳметики, хотя безъ десятичныхъ долей, я могъ выдержать экзаменъ, остался въ этомъ классѣ и вскорѣ сдѣлался въ немъ первымъ и любимымъ ученикомъ Романова. Понятіе и память у меня были такъ хороши, что я не велъ совсѣмъ записокъ, и учитель, хотя выговаривалъ, но послѣ уже не сталъ принуждать къ онымъ. За то я уже не прилежалъ нигдѣ болѣе. Языкамъ учился тупо. Нѣмецкій даже ненавидѣлъ, можетъ быть, по внушенію съ дѣтства и потому, что когда меня кто-либо изъ товарищей, по фамиліи, вздумаетъ дразнить нѣмцомъ, то съ торжественнымъ удовольствіемъ бывало возражалъ: „врешь ты, я по-нѣмецки и не говорю совсѣмъ". Географіи, исторіи, грамматикѣ и рисованію учили кое-какъ, заставляя твердить наизусть то, чего не понимали; таковъ былъ и успѣхъ!

При такомъ образѣ ученья я на третій годъ кончилъ кадетскій курсъ, и 1795 года мая 9-го дня, по экзамену, произведенъ въ гардемарины, будучи 12 лѣтъ. Тогда флотъ назначался въ Англію съ вице-адмираломъ Ханыковымъ, носившемъ всеобщее прозваніе душеньки, ибо онъ имѣлъ привычку всѣхъ такъ называть. Гардемариновъ назначали желающихъ: я могъ быть въ числѣ ихъ; но, по молодости и невѣжеству, побоялся дальняго вояжа, и черезъ это потерялъ противъ товарищей, ибо тѣ на слѣдующій же годъ произведены въ офицеры. Мы пошли въ походъ до Ревеля на трехъ корабляхъ. Я былъ на „Сысоѣ Великомъ" у капитана Потапа Петровича Лялина, который славенъ былъ во всемъ Кронштадтѣ своею глупостію и распутными дочерьми. Странное дѣло, этотъ корабль, конечно, по предразсудкамъ, сла-

вился именемъ несчастнаго и, въ самомъ дѣлѣ, когда стали мы перетягиваться на дальній рейдъ, свалились съ кораблемъ „Максимомъ Исповѣдникомъ" и сломали у себя форбрамъ-стеньгу; а когда уже снялись съ якоря, то вскорѣ, именно у Толбухина маяка, принуждены были, за противнымъ вѣтромъ, бросить якорь; а потомъ, при снятіи съ якоря, изломали шпиль, и должно было за нимъ посылать въ Кронштадтъ. Во многихъ вещахъ бываетъ такъ, что суевѣріе и предразсудки глупцовъ какъ бы нарочно подтверждаются опытами. Впрочемъ, мы благополучно пришли въ Ревель. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ дядю своего, Ивана Ѳедоровича Штейнгеля, къ которому и перевели меня на корабль „Прохоръ". Отсюда съ рейда мы ходили понедѣльно въ крейсерство двумя кораблями для обученія гардемаринъ практикѣ, не далѣе Дагерорта. А осенью нашъ корабль, за ветхостію, съ двумя фрегатами назначенъ былъ въ Кронштадтъ, почему всѣхъ гардемаринъ и размѣстили на сіи суда.

Дядя мой имѣлъ въ Ревелѣ, за Рижскою горою, мызу съ большимъ огородомъ, и какъ оный, по тогдашнему обычаю, обработывали матросы, то и дразнили Прохоровскую команду капустниками; а самого дядю называли коляскою, ибо онъ, имѣя кривыя ноги, ходя, какъ бы катился. Имѣлъ еще ту странность, что всѣмъ, даже матросамъ, говорилъ учтиво: „вы-съ", и ко всякому почти слову прибавлялъ эпитетъ своей вѣжливости „-съ". Такъ, напримѣръ, когда случалось наказать матроса, то онъ, выйдя на шканцы и потирая руками — это тоже была его привычка — говорилъ: „Иванъ Ивановъ-съ, извольте раздѣваться-съ, васъ надобно-съ посѣчь: вы вчера-съ были пьяны-съ", и подлинно, бывало, учтивымъ образомъ отпоретъ. Бывало, наказуемый молится:

— Помилосердуйте, не буду!...

— Не будете пить-съ, — приговаривалъ мой дядя, — не станутъ бить-съ. Прибавьте ему-съ!

Дядя мой былъ малаго роста, а жена его Афимья Антоновна, изъ фамиліи Бистромъ, вдвое его выше и пресварливая, нерѣдко ему доставалось отъ нея до слезъ. Офицеры намъ разсказывали, что разъ, въ воскресный день, они пришли его съ праздникомъ поздравить и, вдругъ, послѣ шума,

увидѣли, что онъ выбѣгаетъ съ растрепанными волосами въ залъ, преслѣдуемый женою, вооруженною голикомъ. Послѣдняя унялась кричать и спряталась, а дядя, пріосанясь, нашелся сказать:

— Господа!... извините-съ, мы сегодня немножко съ женою-съ поразыгрались.

У него было тогда трое дѣтей. Старшая дочь Луиза въ двѣнадцать лѣтъ имѣла уже всѣ ужимки кокетки, ибо чувствовала, что недурна собою.

Всѣ сіи обстоятельства вмѣстѣ, а не менѣе и незнаніе нѣмецкаго языка и непривычка къ нѣмецкимъ обычаямъ, не привязали моего къ нимъ сердца, хотя, впрочемъ, дядя мой довольно былъ человѣкъ добрый и ласкалъ меня; даже на кораблѣ приглашалъ меня обѣдать и, обыкновенно, щупая у меня брюхо и лобъ, шутя приговаривалъ:

— Вы мало кушали-съ!...

Сіе приглашеніе къ столу сдѣлало то, что я на всю жизнь получилъ отвращеніе отъ нюханія табаку, ибо дядя мой до того нюхалъ, что носовыя нервы у него разслабли, и онъ не чувствовалъ, когда подъ носомъ скоплялись у него табачныя капли. Однажды случилось за обѣдомъ, что паръ изъ тарелки съ супомъ выгналъ изъ носа его подобную каплю скорѣе обыкновеннаго, и она капнула въ супъ... Это сдѣлало такое на меня впечатлѣніе, что я не могъ ѣсть безъ омерзѣнія.

По возвращеніи изъ похода, написали меня въ гардемаринскіе классы и, между прочимъ, учиться навигаціи и астрономіи у Балаболкина. Это была сущая балаболка, маленькая кривошея съ пискливымъ и плаксивымъ голосомъ... и мы всѣ, бывало, передразнивая его, кричали за нимъ: „вотъ, вотъ истинный путь корабля!“. Вообще дурно дѣлаютъ блюстители воспитанія, когда поставляютъ учителей, имѣющихъ тѣлесные и нравственные недостатки. Отъ нашего Балаболкина нерѣдко чеснокомъ припахивало. Я и въ этомъ классѣ былъ изъ первыхъ — и увѣренъ, что если бы попался съ сихъ лѣтъ на руки къ какому либо почтенному профессору математики, то могъ бы современемъ быть въ семъ родѣ наукъ человѣкомъ отличнымъ; но судьба, или, лучше

сказать, небреженіе тѣхъ, коимъ власть ввѣрила назиданіе надъ юными питомцами, расположили все иначе.

Къ маю будущаго 1796 года я окончилъ навигацію; но въ другихъ классахъ успѣхъ былъ не лучше прежняго и, если не былъ въ числѣ лѣнивыхъ, то отъ того только, что былъ смиренъ и покоренъ учителямъ. Между прочими науками преподаваніе артиллеріи и фортификаціи, предметовъ столь важныхъ, было самое плохое: въ томъ и другомъ классѣ, не сказавъ, что такое артиллерія, что фортификація, заставляли въ первомъ не чертить, но скопировывать чертежъ пушки, а во второмъ, по старому плану Вобана, учить одни названія полигона, бастіоновъ, куртины и проч.

Для кампаніи, я былъ написанъ на корабль „Изяславъ" 66-ти-пушечный, на которомъ капитаномъ былъ Шепингъ [1]. Эскадра подъ командою контръ-адмирала Скуратова, прозваннаго нѣжнымъ адмираломъ, долженствовала соединиться съ эскадрою вице-адмирала Мусина-Пушкина, и подъ его начальствомъ производить все лѣто, для обученія молодыхъ офицеровъ, гердемаринъ и служителей, маневры.

Во всю кампанію ничего важнаго не случилось. Для примѣра, какъ должно молодымъ людямъ осторожнымъ быть въ словахъ, не лишнее будетъ, если разскажу вамъ случившееся у насъ на кораблѣ. Въ это время, не знаю, по какому-то непонятному правилу, на флотъ посылали духовныхъ—большею частію пьяныхъ и развратныхъ, въ наказаніе. Итакъ, можно сказать вообще, къ священникамъ не было никакого уваженія, и нерѣдко молодые офицеры и гардемарины строили надъ ними разныя насмѣшки и пакости. У насъ на кораблѣ было однакожъ изъ сего правила исключеніе: къ намъ попался іеромонахъ очень скромный, трезвый и дѣло свое знающій; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, офицеры, по привычкѣ, не очень его уважали. Однажды, двое мичмановъ, Давыдовъ и Богдановъ повздорили изъ-за картъ—таково всегда или часто бываетъ слѣдствіе игры—

---

[1] Сей Шепингъ охотникъ былъ до бостона. Въ 1798 году, шедши отъ города Архангельска къ берегамъ Англіи, онъ умеръ на кораблѣ скоропостижно, сыгравъ наканунѣ 13 въ сюрахъ. Это происшествіе сдѣлалось между морскими бостонистами анекдотомъ и пословицею. *В. Ш.*

и одинъ другому сказалъ, въ каютъ-кампаніи при іеромонахѣ, что удивляется, какъ Богъ, на него глядя, не взбѣсится. Іеромонахъ вступился за сію дерзость, въ минуту пошелъ къ капитану и пожаловался со всею важностію и настоятельностью своего сана. Капитану ничего не оставалось дѣлать, какъ уважить такую жалобу. Онъ приказалъ собрать всѣхъ офицеровъ въ каютъ-кампанію и велѣлъ предъ виновными прочесть клерку (корабельному секретарю) артикулъ, повелѣвающій за богохульство прожигать языкъ каленымъ желѣзомъ, и потомъ до того умѣлъ настращать виновныхъ, что они съ искренними слезами раскаянія принуждены были просить священника простить ихъ, и тотъ наконецъ, прослезившись, произнесъ съ важностію: „Богъ проститъ"; тѣмъ эта драма на сей разъ и кончилась; иначе капитанъ обязанъ былъ бы представить къ начальству, и шалуны могли бы пострадать жестоко. Изъ сего примѣра вы можете видѣть и то, что всегда отъ человѣка зависитъ поддержать тотъ санъ, который онъ на себѣ носитъ, какъ бы оный въ общемъ мнѣніи ни былъ униженъ.

По возвращеніи къ осени въ корпусъ, я, какъ двухкампанецъ, сдѣлался уже изъ старшихъ гардемаринъ — и, несмотря, что по малости роста едва могъ таскать тесакъ, былъ назначенъ на ротное и даже на главное дежурство, ибо капитанъ Кропотовъ меня любилъ и восхищался, что у него такой крошечный главный сержантъ. Между тѣмъ сдѣлалось производство по корпусу въ урядники — и меня обошли, ибо я по язычнымъ классамъ оставался въ нижнихъ, то-есть училъ, или, лучше сказать, твердилъ безъ всякаго понятія грамматику наизусть. Мнѣ казалось чрезвычайною несправедливостью, что произвели нѣкоторыхъ въ чиновные — такъ въ корпусѣ назывались капралы, унтеръ-офицеры и сержанты — такихъ, кои по математическимъ классамъ учились гораздо хуже меня. Одному изъ такихъ, Ростопчину по фамиліи, я не хотѣлъ оказывать уваженія и даже сдѣлалъ надъ нимъ насмѣшку — говоря корпуснымъ языкомъ подразнилъ его; онъ пожаловался дежурному поручику Новокщенову... и сей чуть-чуть не наказалъ меня розгами; но меня спасло чистосердечное признаніе и раская-

ніе; при томъ же Новокщеновъ зналъ Ростопчина за шалуна, и какъ былъ вспыльчивъ, то вскорѣ, сжалившись надо мною, обратилъ весь свой гнѣвъ на принесшаго жалобу. Это былъ единственный случай, что я былъ приведенъ къ дежурному офицеру, какъ виновный, и находился, такъ сказать, наканунѣ розогъ.

Чтобы не скрыть отъ васъ ничего, что относилось къ моему тогдашнему воспитанію, я долженъ вамъ сказать, что такое значило у насъ стоять на главномъ. Въ главное дежурство въ каждую субботу на цѣлую недѣлю впередъ назначался капитанъ, капитанъ-поручикъ или поручикъ и подпоручикъ. Капитанъ назначалъ съ собою изъ своей роты главнаго сержанта изъ чиновныхъ или изъ гардемаринъ. Должность главнаго сержанта состояла въ томъ, что онъ получалъ отъ ротныхъ дежурныхъ ежедневно свѣдѣнія о числѣ наличныхъ въ ротахъ кадетъ и, по онымъ дѣлая общее счисленіе, подносилъ съ вечера подписывать капитану свѣдѣніе, сколько испечь къ завтрашнему дню булокъ; онъ смотрѣлъ за исправностью кухни вообще; долженъ былъ наблюдать за порядкомъ во время стола: именно, чтобы всѣмъ достало мѣста, и потомъ, чтобы все серебро было со столовъ собрано; онъ же наблюдалъ за тишиною въ классахъ. Что-жъ изъ этого выходило? — Одинъ отъ одного, какъ бы по наслѣдству, перенимали прописывать лишнія булки, изъ которыхъ хлѣбникъ пекъ особые для сержанта хлѣбы, и потомъ сушили сухари; сверхъ того, какъ всякій ротный дежурный прибавлялъ число порцій, то главный, обыкновенно, отпуская булки въ роты, удерживалъ по нѣскольку какъ бы въ процентъ и потомъ разсылалъ отъ себя своимъ пріятелямъ, съ кѣмъ дружнѣе, чрезъ своего любимаго кадета. А чтобы въ кухнѣ не всякое лыко въ строку, то Михайлычъ (кухмистеръ), который воровалъ преисправно, давалъ сержанту сахаръ, изюмъ, черносливъ и стряпалъ къ его столу, который всегда былъ послѣ кадетскаго стола, торты или другое пирожное... Короче, это была первая школа, какъ, служа, наживаться, кривить душою и грабить; ибо кто былъ смѣлѣе, дерзостнѣе обманывалъ своего капитана и болѣе снисходилъ плуту Михайлычу, у того болѣе

послѣ главнаго дежурства и оставалось. Впрочемъ, главный сержантъ былъ важное лицо въ отношеніи къ кадетамъ, не разбирая, кто какой роты, онъ надъ всѣми имѣлъ власть. По дѣтству моему, я очень утѣшался этою важностію и часто большихъ повѣсъ дралъ за уши; но какъ не могъ иныхъ доставать, то приказывалъ нагибаться, и мнѣ повиновались. Съ этой стороны дисциплина была въ самомъ высокомъ градусѣ.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ учились въ кронштадтскомъ корпусѣ, въ Россіи произошла важнѣйшая перемѣна: 7-го числа ноября ввечеру насъ собрали послѣ классовъ въ церковь и прочитали манифестъ о послѣдовавшей наканунѣ кончинѣ императрицы Екатерины и о восшествіи на престолъ Павла I. Не далѣе какъ чрезъ три дня получено было свѣдѣніе, что корпусъ нашъ переводится въ Петербургъ; ибо сей государь, будучи наслѣдникомъ и генералъ-адмираломъ, зналъ положеніе корпуса и всегда съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что онъ въ Кронштадтѣ совсѣмъ не у мѣста.

Вдругъ послѣдовало новое обмундированіе корпуса, стали готовиться къ перевезенію кадетъ, и было уже всѣмъ не до ученья. Прежде нежели я опишу вамъ наше переселеніе, скажу въ нѣсколькихъ словахъ о томъ положеніи, въ какомъ флотъ и морская служба, равно какъ и самый Кронштадтъ въ послѣднее время царствованія Екатерины находились.

Число кораблей хотя значительно было, ибо, помнится, считалось до 40 линейныхъ кораблей въ Кронштадтѣ и Ревелѣ, но они большею частію были ветхіе, дурной конструкціи, съ такимъ же вооруженіемъ, и не обшивались мѣдью, отъ чего большею частію ходили дурно. Капитаны любили бражничать. Офицеры и матросы были мало практикованы; работы на корабляхъ производились медленно и съ великимъ шумомъ. Далеко бывало слышно, когда корабль снимается съ якоря: „шуми, шуми, ребята!“ была любимая команда вахтеннаго лейтенанта, когда вертѣли шпиль. Съ рифами возились по получасу. Офицеры любили тоже куликать, и вообще людей образованныхъ было весьма мало. Мундиръ на офицерахъ былъ бѣлый съ зелеными лацканами, а матросскій зе-

леный камзолъ еще покроя временъ Петра I. Форма нестрого наблюдалась. Часто случалось встрѣчать офицеровъ въ мундирѣ, въ пестромъ нижнемъ платьѣ, съ розовымъ галстукомъ и въ круглой шляпѣ. Ѣдучи куда либо, особенно капитаны, любили имѣть за собою вѣстового, который обыкновенно несъ шпагу и плащъ: тогда носили большею частію бѣлые плащи. Въ портѣ былъ во всемъ недостатокъ, и воровство было непомѣрное, какъ въ адмиралтействѣ, такъ и на корабляхъ. Кронштадтъ утопалъ въ непроходимой грязи; крѣпостные валы представляли развалину, станки пушечные оказывались разсыпавшимися: пушки съ раковинами; гарнизонъ— каррикатура на войска; однимъ словомъ эта часть вообще находилась въ самомъ запущенномъ состояніи. Со вступленіемъ Павла на престолъ все перемѣнилось. Въ этомъ отношеніи строгость его принесла великую пользу.

Примѣчательныя распоряженія Павла I по флоту состояли въ слѣдующемъ:

1) Мундиры даны зеленые съ бѣлымъ воротникомъ и вмѣсто башмаковъ сапоги.

2) Флотъ раздѣленъ на три дивизіи по тремъ флагамъ, кои велѣно было и подымать на корабляхъ.

3) Синій и красный флаги были съ гюйсами въ углу, а не съ бѣлымъ флагомъ, какъ при Петрѣ и нынѣ.

Часть II

Исповѣдная старца, иже мертвъ бѣ и оживе.

I.

Морской корпусъ при императорѣ Павлѣ.—Производство Штейнгеля въ мичманы.—Участіе его въ кампаніи 1799 года. — Ожиданіе войны Россіи съ Англіей.—Мысль о защитѣ Камчатки.—Командировка Штейнгеля въ Сибирь при капитанѣ Башуцкомъ. — Ссыльный Ивашкинъ, крестникъ Петра Великаго. — Экспедиція Крузенштерна.—Ссора Штейнгеля съ командиромъ Бухаринымъ.—Посланникъ Резановъ и его покровительство Штейнгелю.—Ссора Резанова съ Крузенштерномъ.—Губернаторъ Трескинъ.—Кн. В. Н. Горчаковъ и судьба его при императорахъ Павлѣ и Александрѣ.—Участь Бухарина.—Поѣздка Штейнгеля въ Петербургъ и свиданіе съ Пестелемъ.—Женитьба Штейнгеля на Вонифантьевой, рожденіе дочери Юліи.—Петербургъ.

Воспитанникъ морскаго корпуса 1790-хъ годовъ. На учебную скамейку сѣлъ рядомъ съ Белингсгаузеномъ какъ бы для выраженія судебъ противоположныхъ. Съ 1795 года гардемаринъ. Въ 1796-мъ году на кронштадтскомъ рейдѣ, когда выстрѣлы возвѣщали о рожденіи „Матушкѣ“ внука, радовался ребячески на шканцахъ корабля „Изяславъ“. О Массильонѣ еще не слыхивалъ; не зналъ текста „Се лежитъ сей на возстаніе и на паденіе многихъ во Израилѣ“.

Не стало „Матушки“, воцарился Павелъ Петровичъ, и перемѣнилось, съ первыхъ дней, положеніе кадетъ морского корпуса. Чрезъ мѣсяцъ половина ихъ была уже въ Петербургѣ, и ничего похожаго на спартанское не осталось, хотя соединили съ греками. Государь отечески занялся заброшенными. Посѣщенія были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная. „Логинъ! не обманываешь ли ты меня, всегда ли у тебя такъ хорошо?“—спросилъ государь однажды

нашего генерала Кутузова во всеуслышаніе, пробуя хлѣбъ въ столовой залѣ.

Два года еще въ этой новой жизни корпуса оставался я по малолѣтству и малому росту, завидуя своимъ товарищамъ. Юность не размышляетъ о пользѣ, а польза была явная; въ это время началось преподаваніе высшей математики и теоріи кораблевожденія. Преподавателемъ былъ незабвенный кротостію и добротою Платонъ Яковлевичъ Гамалѣя, у котораго самый строгій выговоръ заключался въ словахъ: экой ты, „бгатецъ печайной". Я у него былъ первымъ въ классѣ и послѣ, изъ старшихъ унтеръ-офицеровъ, первымъ вышелъ и по выпуску.

Мичманомъ поступилъ на плѣненный у шведовъ корабль „Эмгётенъ", постройки знаменитаго въ свое время Чапмана. Командиромъ корабля былъ благороднѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ капитановъ того времени, Н. А. Игнатьевъ, убитый впослѣдствіи подъ Тенедосомъ. Корабль состоялъ въ эскадрѣ, назначенной съ десантомъ къ берегамъ Голландіи. Она ввѣрена была только что выпущенному изъ крѣпости контръ-адмиралу Чичагову. Едва успѣли въ Гельдерѣ высадить десантъ, надобно было принять его обратно. Въ это время я былъ при перевозкѣ на англійскія суда раненныхъ. Когда я шелъ у носилокъ тяжело раненнаго капитана Цвиленева съ холма изъ кучки офицеровъ послышался голосъ: „этого куда? Онъ и дня не проживетъ". Судьба прошептала: „будетъ генераломъ!" и, конечно, не ошибалась. „Эмгётенъ" отвезъ десантъ въ Портсмутъ. На немъ были фанагорійцы, дышавшіе духомъ Суворова! Шефа ихъ Жеребцова убили, имъ данъ Мамаевъ, котораго я засталъ въ корпусѣ каптенармусомъ, отбиравшимъ у кадетъ бѣлье. При входѣ на Спитгедскій рейдъ, выходилъ съ него стопушечный корабль Queen Charlotte подъ флагомъ адмирала Кейта, чтобъ сгорѣть на Ливерпульскомъ рейдѣ. На немъ погибъ русскій волонтеръ Куличкинъ.

Въ зиму на 1800 годъ исправлялись отъ порта. При пріемкѣ матеріаловъ я былъ дядькою надъ шкиперомъ. Эти господа тогда имѣли привилегію быть ненадежными. Капитанъ замѣчалъ и любовался расторопностію и живостію офи-

цера, офицеръ увлекался благородствомъ своего капитана. Минуло 58 лѣтъ съ того времени и еще живо помнится, какъ этотъ капитанъ, съ умнымъ навислымъ челомъ, ходя по шканцамъ и принюхивая свой rapé, съ гордостію говорилъ: „Варвары, гальéтчики, срамятъ только флагъ!“ Сарказмъ относился къ смуглерамъ.

Юность впечатлительна: я усвоилъ на всю жизнь это надменное отвращеніе отъ всего унизительнаго. А это худой проводникъ къ счастію!

Возвратились въ Россію, объявлена Англіи война. Въ позднюю осень наложено было амбарго на англійскія купеческія суда въ Кронштадтѣ. Всѣ экипажи съ нихъ перевезены въ Ораніенбаумъ, со всѣми возможными „God damn“ съ ихъ стороны.

Катастрофою 1801 года и переговоромъ Чичагова съ Нельсономъ чаша крови прошла мимо. Пріуготовленная защита стала ненужною, восторженное ожиданіе сразиться съ Джеками, какъ тогда выражались, миновалось, и я поступилъ на вновь строящійся корабль „Смѣлый“. Но вскорѣ предпочелъ пуститься въ Камчатку, безъ поощренія, безъ наградъ, даже безъ удвоеннаго жалованья. Благо, представился случай. Интересенъ поводъ къ этому случаю.

Въ 1799 году объявлена была война Испаніи. Родилась мысль о беззащитности нашихъ восточныхъ береговъ. Посланъ, изъ Иркутска, Сомова полкъ для занятія Камчатки, Охотска, Гижиги и Удскаго острога. Изъ С.-Петербурга отправленъ капитанъ Бухаринъ въ Охотскій портъ для пріуготовленія транспортовъ. Сомовъ привезъ въ Камчатку тифозную горячку, которая уменьшила малое населеніе ея на половину. Несчастіе рѣдко бываетъ безъ повторенія, чтобъ не забывалось: въ это же время погибло компанейское судно „Фениксъ“ съ первымъ кадьякскимъ архіереемъ Іоасафомъ и со всею его свитою. Для защиты восточныхъ береговъ съ моря предписано было вооружить оставшійся отъ Билингсовой экспедиціи корветъ „Слава Россіи“, если еще годится. Для этого понадобились разнаго рода мастеровые и художники. Адмиралтейство отправило ихъ съ капитаномъ Л. Башуцкимъ. Я былъ къ нему прикомандированъ и отъ Москвы

велъ передовую партію. Путь назначенъ черезъ Вятку, Пермь и Тобольскъ. Адмиралтейство не могло въ другихъ губерніяхъ дѣлать денежныхъ ассигнованій.

Въ лѣто 1802 года прибыли въ Охотскъ, въ старый Охотскъ, въ которомъ, кромѣ адмиралтейскихъ и компанейскихъ строеній, существовало не болѣе 100 домовъ, и помнилась еще поговорка: „въ нашемъ Охотскѣ съ одной стороны море, съ другой гора, на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ; куда дѣнешься!“ Въ этомъ приморскомъ захолустьѣ были тогда: вице-адмиралъ Ѳоминъ—главнымъ командиромъ, на правѣ военнаго-губернатора; полковникъ Пирожковъ—начальникомъ порта, и полный штатъ уѣзднаго города съ городничимъ изъ поляковъ. Сколько элементовъ для взаимной ненависти и ссоръ—на первый случай—отъ нечего дѣлать. Въ это же время подъѣхалъ новый комендантъ Камчатки, Кошелевъ, намѣренный гонитель тогдашнихъ агентовъ Россійско-Американской компаніи, считавшей 4-й годъ своего существованія. Башуцкій смѣнилъ Бухарина; благоволя болѣе къ штурманамъ, онъ далъ мнѣ самый плохой изъ транспортовъ. Послѣ дивились, какъ можно было на немъ сдѣлать рейсъ въ Большерѣцкъ.

Въ Камчаткѣ въ то время было интересное лицо, любимое всѣми камчадалами, подъ именемъ Матвѣича; это Ивашкинъ, крестникъ Петра Великаго. Офицеръ гвардіи Анны Іоанновны, котораго она благословляла на бракъ и котораго потомъ, при восшествіи на престолъ Елисаветы, высѣкли кнутомъ съ ужаснымъ вырѣзаніемъ ноздрей. Лѣтъ 20 онъ прожилъ въ Якутскѣ и 40 въ Камчаткѣ. Я вскорѣ познакомился съ этимъ интереснымъ мученикомъ. Грѣшно было бы пройти молчаніемъ анекдотъ, имъ разсказанный. Во время коронаціи Анны Іоанновны, когда государыня изъ Успенскаго собора пришла въ Грановитую палату, которой внутренность старецъ описалъ съ удивительною точностію, и помѣстилась на тронѣ, вся свита установилась на свои мѣста, то вдругъ государыня встала и съ важностію сошла со ступней трона. Всѣ изумились, въ церемоніалѣ этого указано не было. Она прямо подошла къ князю Василію Лукичу Долгорукову, взяла его за носъ, — „носъ былъ большой, ба-

тюшка", — пояснилъ старецъ, — и повела его около средняго столба, которымъ поддерживаются своды. Обведя кругомъ и остановясь противъ портрета Грознаго, она спросила:

— Князь Василій Лукичъ, ты знаешь, чей это портретъ?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей онъ?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, такъ знай же и то, что, хотя баба, да такая же буду, какъ онъ: васъ семеро дураковъ сбиралось водить меня за носъ, я тебя прежде провела, убирайся сейчасъ въ свою деревню, и чтобъ духомъ твоимъ не пахло!

Старецъ зналъ и послѣдствія.

Этого Матвѣича, въ слѣдующемъ году, предписано мнѣ было взять и доставить въ Охотскъ. Онъ былъ прощенъ съ возвращеніемъ чина и съ дозволеніемъ выѣхать въ Россію. Но ему было уже 96 лѣтъ, онъ ослѣпъ и не захотѣлъ разстаться съ Камчаткою; черезъ годъ еще его уже не существовало.

Въ 1805 году мнѣ былъ ввѣренъ новый транспортъ Охотскъ и предписано доставить въ Петропавловскую гавань провизію для корвета „Надежда", долженствующаго возвратиться изъ Японіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, посылались и депеши къ капитану Крузенштерну, со включеніемъ ему перваго ордена св. Анны 2-й степени. Въ этотъ разъ я былъ самымъ радостнымъ вѣстникомъ, какъ объ этомъ упомянуто и въ путешествіи Крузенштерна, хотя не во всемъ вѣрно.

Посланника я уже не засталъ. Въ качествѣ уполномоченнаго Россійско-Американской компаніи онъ поспѣшилъ отправиться на ея кораблѣ въ Ситку, только что покоренную Барановымъ, при помощи „Невы", другого корабля изъ кругосвѣтной экспедиціи. Моряки съ обычною откровенностію разсказали всю подробность драмы, разыгранной здѣсь предъ отправленіемъ въ Японію, которая осталась безгласною и впослѣдствіи стоила жизни достойнѣйшему офицеру, Петру Трофимовичу Головачеву.

Вышедъ изъ Петропавловской гавани 5-го сентября, я

встрѣтилъ ужасный штормъ, продолжавшійся 17 дней. Въ это время, какъ молодой человѣкъ, уносился я мечтами къ тѣмъ идеямъ, которыя никогда меня не оставляли. Гораздо послѣ, ознакомившись съ Кяхтою и Нерчинскимъ краемъ, я имѣлъ случай въ С.-Петербургѣ въ 1812 году сообщить адмиралу Мордвинову свою мысль о возможности развѣдать Амуръ, не подавъ повода китайцамъ къ подозрѣнію и неудовольствіямъ. Адмиралъ признавалъ ее удобоисполнимою. Всему въ мірѣ есть, однако же, свое время, и тщетно упреждать ходъ судебъ.

Прошедъ первымъ Курильскимъ проливомъ и встрѣтивъ постоянный NW уже со снѣгомъ, я вынужденъ былъ войти въ рѣку Воровскую, въ которую никогда суда казенныя не заходили. Въ острожкѣ считалось только 12 избъ, и здѣсь надо было провесть зиму. По счастію, я взялъ съ собою одного сироту, Олесова, штурманскаго сына, которому въ Охотскѣ прочиталъ весь кадетскій курсъ, а здѣсь окончилъ навигацію и астрономію. Этотъ сирота былъ послѣ самъ командиромъ судна и погибъ; но передъ погибелью своею успѣлъ порадовать своего благодѣтеля въ несчастіи, доставивъ ему доказательство, что сохранилъ благородныя чувства. По наступленіи зимы, я немедленно отправилъ депеши Крузенштерну въ Охотскъ; тамъ между тѣмъ произошла перемѣна въ управленіи; Бухаринъ возвратился единственнымъ начальникомъ порта и всей приморской страны. Полагая, что онъ сохранилъ ко мнѣ то расположеніе, съ какимъ разстался, я написалъ къ нему письмо и очень свободно передалъ все, что слышалъ на счетъ Резанова [1]. Какъ же жестоко ошибся я!

Возвратясь въ 1806 году въ Охотскъ, я нашелъ въ Бухаринѣ высокомѣрнаго начальника, отъ котораго все кричало и служебное, и частное. Первые жаловались на жестокости, вторые—на притѣсненія и грабительство. Я вспомнилъ тогда своего благороднаго капитана и его слова.

---

[1] Камергеръ Резановъ, зять Шелихова, былъ корреспондентомъ Россійско-Американской компаніи.

В. Ш.

Обойденный въ С.-Петербургѣ, при производствѣ въ лейтенанты моихъ товарищей, я подалъ начальнику порта рапортъ, въ которомъ просилъ экзамена. Бухаринъ отвѣчалъ: „Начальство знаетъ, когда вамъ дать экзаменъ". Оскорбленный этимъ явнымъ притѣсненіемъ, я наговорилъ ему лично грубостей, болѣе соотвѣтственныхъ своему о немъ понятію, нежели дисциплинѣ. Бухаринъ въ это время взялъ тонъ человѣка, удивленнаго и сожалѣющаго, повторяя: „успокойтесь, успокойтесь, никто не думалъ васъ притѣснять. Подите и ожидайте предписанія". Очень хорошо понялъ я значеніе этого незлобія. Пришедъ къ себѣ и въ себя, я ждалъ насильственной мѣры и всю ночь провелъ въ пріуготовленіи лишить себя жизни. Господь помиловалъ! Съ наступленіемъ утра мнѣ принесли пакетъ, распечаталъ въ трепетѣ и, дѣйствительно, нашелъ предписаніе сдать транспортъ и команду и отправиться въ Иркутскъ, „гдѣ вы можете на меня жаловаться", сказано было въ заключеніи. Я палъ на колѣни и со слезами возблагодарилъ Бога; но не прежде повѣрилъ, что это не сонъ, какъ когда уже увидалъ себя трясущимся на якутской лошади и услышалъ громкое „ходь, ходь!" якута по дорогѣ въ Якутскъ.

Послѣ узналъ я, что, по отъѣздѣ моемъ, Бухаринъ сказалъ своимъ офицерамъ: „Обрадовался Штейнгель, что выѣхалъ! Въ желѣзахъ привезутъ, матросъ будетъ и умретъ подъ линьками!" Такъ говорилъ въ немъ духъ злобы; но освобожденіемъ моимъ судьба готовила избавленіе края отъ него самого.

Впрочемъ, со стороны Бухарина это была не простая угроза; онъ донесъ министру, что я своевольно зазимовалъ въ Камчаткѣ и ввелъ казну въ убытокъ, и просилъ меня предать суду. Министръ готовъ былъ удовлетворить его желаніе; но государь повелѣлъ „арестовать на мѣсяцъ, со внесеніемъ въ послужной списокъ". Сердце царево въ руцѣ Божіей, — время креста не приспѣло еще.

Заставъ въ Якутскѣ Резанова, я, подстрекаемый любопытствомъ видѣть человѣка, акредитованнаго важными порученіями, котораго мнѣ представляли болѣе смѣшнымъ и ничтожнымъ, нежели уваженія достойнымъ, поспѣшилъ къ

нему явиться. Къ удивленію своему я встрѣтилъ ласковый пріемъ, съ увѣреніемъ, что много наслышалъ обо мнѣ и радъ познакомиться.

Удивленіе превратилось въ полное замѣшательство, когда Резановъ подалъ мнѣ мое собственное письмо, писанное къ Бухарину, наполненное сарказмами. Это былъ разительный урокъ! Я едва былъ въ состояніи разговаривать: „Ваше превосходительство не должны ни удивляться, ни сѣтовать на меня, я не имѣлъ чести васъ знать и передалъ то, что мнѣ говорили люди, которымъ не могъ не вѣрить". „Очень знаю", — прервалъ Резановъ, — „нарочно взялъ это письмо изъ рукъ вашего недоброжелателя, чтобы лишить его возможности вамъ вредить. Я далъ ему слово доставить его министру, и вотъ оно въ рукахъ вашихъ. Надѣюсь, что вы перемѣните обо мнѣ мысли". Такимъ благороднымъ и столь обязательнымъ для меня поступкомъ онъ совершенно обвороживъ меня. Взаимно Резановъ до того меня полюбилъ, что въ Иркутскѣ заставилъ меня почти всякій день быть у себя; удостоилъ меня полной своей довѣренности по отчетамъ правительству и компаніи и открылъ мнѣ все, что писалъ въ такъ называемой имъ „Синей книгѣ". Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ввелъ меня къ генералъ-губернатору, ходатайствовалъ у него о моей защитѣ и далъ совѣтъ подать генералъ-губернатору просьбу, что я и сдѣлалъ. Этого мало; онъ написалъ въ главное правленіе Россійско-Американской компаніи, чтобы выпросили меня у министра въ свою службу. Онъ далъ мнѣ слово, что возьметъ меня съ собою въ Нью-Іоркъ, для сопутствованія ему, черезъ Орегонъ въ Калифорнію, въ портъ Санъ-Франциско, гдѣ намѣренъ былъ жениться на дочери коменданта. Провидѣніе распорядилось иначе — онъ умеръ въ Красноярскѣ.

Исторія Резанова слишкомъ замѣчательна, чтобы пройти ее молчаніемъ, даже при самой намѣренной краткости разсказа. Онъ такъ много претерпѣлъ во время пути до Камчатки, что по приходѣ въ Авачинскую губу, вышедъ на шканцы, въ первый разъ послѣ шестимѣсячнаго затворничества, въ своей камергерской формѣ, онъ перекрестился и громко сказалъ: „Благодарю Бога, наконецъ я подъ защи-

тою законовъ моего отечества!“ Съѣхавъ на берегъ, онъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Нижнекамчатскъ къ коменданту, требуя вооруженной помощи и аудитора для составленія военной коммссіи. Комендантъ, генералъ-майоръ Кошелевъ, который уже ожидалъ прибытія полномочнаго посла къ японскому двору, поторопился явиться съ ротою, не забылъ и аудитора. Крузенштернъ, какъ умный и далеко незлобивый человѣкъ, тотчасъ увидѣлъ, къ чему это поведетъ, и потому не замедлилъ разсказать коменданту исторію ссоры и убѣдить его войти въ посредничество. Комендантъ не отказалъ и успѣлъ помирить и тѣмъ спасти капитана корвета отъ непріятныхъ послѣдствій, а экспедицію отъ безславія. Лицо, обвиненное въ первоначальномъ поводѣ къ смутамъ, отправлено берегомъ обратно и возвратилось въ Петербургъ, по выраженію Чацкаго, „алеутомъ“, а въ свиту посла комендантъ выбралъ своего адъютанта, роднаго своего брата и лучшаго изъ своихъ офицеровъ, капитана Ѳедорова. Такимъ образомъ, посолъ рѣшился опять сѣсть на корветъ и отправиться въ Нагасаки. Съ грустію, а нельзя не упомянуть, что изъ этого мира непосредственно произошла причина смерти вовсе ни въ чемъ невиннаго офицера и одного изъ самыхъ благородныхъ моряковъ того времени — лейтенанта Головачева, о которомъ уже упоминалось выше; Резановъ, жалуясь на все общество офицеровъ, выставилъ коменданту только одного Головачева, котораго поведеніе не только не могъ упрекнуть, но даже выхвалялъ особенно. Съ этой минуты на Головачева напала ипохондрія, онъ вообразилъ, что товарищи могутъ заподозрѣть его въ ласкательствѣ; ипохондрія развилась до такой степени, что на возвратномъ пути въ Петербургъ онъ застрѣлился. Прахъ его остался на островѣ св. Елены, который черезъ 10 лѣтъ потомъ принялъ на берега свои знаменитаго смутника всей Европы.

Обращаюсь къ себѣ. По отъѣздѣ Резанова, вскорѣ отправился и генералъ-губернаторъ въ Тобольскъ. Онъ уже и не возвращался. Умный и дѣятельнѣйшій, чуть ли не изъ всѣхъ тогдашнихъ губернаторовъ, Трескинъ остался полнымъ дѣятелемъ, съ неограниченною довѣренностію Пестеля, и въ

отношенiи къ нему былъ истинный factotum. Я имѣлъ случай вскорѣ обратить на себя его вниманiе.

Вотъ этотъ случай.

По отъѣздѣ Резанова изъ Охотска, лейтенантъ Хвостовъ, командиръ компанейскаго корабля, на которомъ Резановъ прибылъ изъ Новоархангельска, по данной ему прежде инструкцiи, отправился въ губу Айнива, для свиданiя съ Давыдовымъ, командиромъ тендера „Авось", и тамъ разорили японское селенiе, какъ имъ было предписано въ инструкцiи, хотя потомъ и измѣнено, но не опредѣлительно. Когда они пришли въ Охотскiй портъ, Бухаринъ рѣшился арестовать ихъ. Они бѣжали изъ-подъ ареста въ Якутскъ и съ разрѣшенiя генералъ-губернатора прiѣхали въ Иркутскъ. Губернаторъ, замѣтивъ превосходство Давыдова предъ Хвостовымъ въ образованiи, потребовалъ отъ него свѣдѣнiй о нашей Америкѣ и Камчаткѣ. Удовлетворивъ его желанiе въ отношенiи къ первой, относительно второй Давыдовъ указалъ на меня, какъ болѣе о ней свѣдущаго. Доставленныя мною свѣдѣнiя понравились и доставили мнѣ свободный доступъ въ кабинетъ его превосходительства. Въ губернiи, и еще въ сибирской, это имѣетъ свое значенiе, до возбужденiя зависти.

Въ этотъ перiодъ времени, мнѣ довелось видѣть рѣшительный примѣръ превратности судьбы, повторившейся послѣ надъ губернаторомъ и надъ самимъ мною. Я встрѣтилъ тутъ въ званiи посельщика Василiя Горчакова, бывшаго военнаго губернатора въ Ревелѣ. Князь Василiй Николаевичъ Горчаковъ—любимецъ Павла I, который такъ гремѣлъ въ 1800 году, когда мы, возвратясь изъ Англiи, высаживали войска въ Ревелѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ свою интересную исторiю. Однажды, какъ онъ распоряжался, какой дать балъ, что онъ дѣлалъ часто, прискакалъ вдругъ фельдъегерь съ повелѣнiемъ немедленно отправиться на Донъ и произвесть изслѣдованiе о произведенной тамъ казни надъ двумя братьями Грузиновыми. Собравшись тотчасъ въ дорогу, онъ рѣшился заѣхать въ Гатчино, гдѣ государь тогда находился, чтобы принять изустно его наставленiя. Какъ скоро явился во дворецъ, тотчасъ его позвали въ кабинетъ;

только что вошелъ въ двери, какъ государь, ожидавшій его у самой двери съ лѣвой стороны, схвативъ его за руки и подведя къ образу, сказалъ: „Вотъ тебѣ Матерь Божія свидѣтельница, я не виновенъ; защити меня". Дѣло было въ томъ, какъ государь объяснялъ ему, что Грузиновы судились за оскорбленіе величества, и наказной атаманъ Рѣпинъ, и, кажется, Денисовъ (настоящій) представили дѣло прямо къ государю, когда бы слѣдовало представить въ аудиторіатъ. Государь, заглянувъ въ приговоръ, чтобы вразумить ихъ, съ негодованіемъ написалъ карандашемъ „поступить по закоконамъ" и велѣлъ возвратить имъ на ихъ счетъ. Тѣ, по недоумѣнію и по недовѣрію къ войсковому прокурору, который ихъ останавливалъ, сочли за утвержденіе сентенціи, назначили на утро казнь, отрубили головы и донесли государю.

Князь Горчаковъ разыскалъ все, какъ слѣдуетъ; атаманы были выключены изъ службы; третьему оставшемуся брату Грузиновыхъ было пожаловано 1.000 душъ, а князь Горчаковъ назначенъ инспекторомъ всей кавалеріи. Въ этомъ его положеніи новый государь вступилъ на престолъ и отверзъ врата за границу. Князь Горчаковъ вздумалъ этимъ воспользоваться. Деньги были, попросился, отпустили; пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, проигрался; занималъ у богатой тещи, та отказала, рѣшился рискнуть. У него оставались векселя на банкирскіе дома въ Европѣ, по должности интенданта корпуса принца Конде въ 1799 году. Онъ предъявилъ одинъ первый банкиру Ливіо, если не ошибаюсь, въ 60 тысячъ, получилъ ихъ и отправился. Но вскорѣ, по отвѣту того дома, на который вексель былъ адресованъ, узнали, что эта сумма выплачена была по второму векселю и, слѣдовательно, въ предъявленіи перваго была явная фальшь. Тотчасъ послали арестовать и въ Кенигсбергѣ достигли, привезли въ крѣпость, предали суду, и хотя, по словамъ его, въ числѣ судей были обыгравшіе его,—осудили къ лишенію чиновъ и въ ссылку на поселеніе. Онъ былъ поселенъ въ Тункѣ и тутъ не потерялся: выучился по-монгольски, пріобрѣлъ довѣріе бурятъ и на ихъ имя содержалъ Кругоморскую дорогу, а послѣ вошелъ въ особенное расположеніе и самого

губернатора, у котораго былъ какъ бы церемоніймейстеромъ; никакой праздникъ не совершался безъ Василія Николаевича. За всѣмъ тѣмъ, онъ кончилъ дни въ Тункѣ.

Учащая посѣщать губернатора, однажды, при входѣ въ кабинетъ его, я засталъ у него градского голову. „А кстати!"— сказалъ Трескинъ:—„а мы съ Михаиломъ Ивановичемъ только что говорили о твоемъ пріятелѣ!"

— О какомъ пріятелѣ, ваше превосходительство?

— Ну, о Бухаринѣ. Вотъ Михаилъ Ивановичъ говоритъ, купцы боятся ѣхать въ Охотскъ. Но что съ нимъ дѣлать? Мы съ Иваномъ Борисовичемъ (Пестель) рѣшились бы смѣнить его, да онъ, пожалуй, еще окажетъ непослушаніе.

— Помилуйте,—отвѣчалъ я,—можно ли допустить его до возможности ослушаться.

— Право, —сказалъ губернаторъ съ полунасмѣшливымъ удивленіемъ и присовокупилъ:—впрочемъ, это мы только такъ говоримъ, а я бы желалъ, чтобы ты накидалъ свои мысли, какъ бы ты думалъ его смѣнить.

На другой же день губернаторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ удовлетворительный проектъ. Я ничего не ожидалъ, но чрезъ два мѣсяца губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Ну, я хотѣлъ было тебя самого отправить смѣнить Бухарина; но Иванъ Борисовичъ справедливо замѣтилъ, что у васъ взаимная вражда, а какъ назначенный смѣнить его долженъ быть и презусомъ слѣдственной надъ нимъ комиссіи, то правительству нельзя будетъ дать вѣры его дѣйствіямъ; поэтому велѣлъ оставить тебя на мѣстѣ Бабаева начальникомъ здѣшняго адмиралтейства, а его послать въ Охотскъ". Такъ это и было сдѣлано. Бухаринъ взятъ былъ въ постели, смѣненъ, преданъ суду.

Послѣ, въ С.-Петербургѣ, въ семилѣтнее содержаніе его на гауптвахтѣ, какъ ни старались выжидать возможности подвесть его подъ манифестъ, должны были сослать его въ Сибирь. Комиссія въ Охотскѣ нашла представленіе Бухарина обо мнѣ несправедливымъ и во всемъ меня оправдала. По представленію генералъ-губернатора послѣдовало высочайшее повелѣніе: арестъ изъ послужнаго списка исключить.

Несмотря на мое мичманское ничтожество, мнѣ удалось

однако же привесть иркутское адмиралтейство и команду въ совершенно новый видъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и заготовленія для Охотскаго порта вывесть изъ-подъ несовмѣстнаго вліянія казенной палаты. Это обратило на меня общее вниманіе. Бойкая губернаторша, которая была такъ важна, что нѣкоторымъ дамамъ, и особенно купеческаго сословія, давала цѣловать руки, звала меня байкальскимъ адмираломъ.

Сдѣлавшись больна послѣ родовъ, она желала, чтобы я проводилъ ее самъ на дальнія Кутомарскія минеральныя холодныя воды, въ Нерчинскомъ округѣ. Это доставило мнѣ возможность видѣть весь Забайкальскій край и Кяхту. Знакомство въ этой послѣдней съ директоромъ таможни повело къ сватовству на такой невѣстѣ, въ рукѣ которой было отказано сыну генералъ-губернатора Селифонтова. Я успѣлъ вскорѣ понравиться честному, хотя очень странному старику, 25 лѣтъ управлявшему нашею кяхтинскою торговлею и стяжавшему отъ всѣхъ имя „батюшки". Это былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Вонифатьевъ.

Въ это время Бабаевъ возвратился изъ Охотска, а я переведенъ въ балтійскій флотъ. Надо было ѣхать. Губернаторъ вошелъ въ мое положеніе и помогъ мнѣ, давъ письмо къ генералъ-губернатору Пестелю. Эту поѣздку я совершилъ въ одной повозкѣ съ возвращавшимся изъ Америки лейтенантомъ Бергомъ, бывшимъ у меня на сговорѣ въ Кяхтѣ. Въ проѣздъ чрезъ Тверь я имѣлъ счастіе представиться блаженной памяти великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая удостоила меня въ своемъ кабинетѣ многими разспросами о Сибири и Камчаткѣ. Потомъ я представлялся и его императорскому высочеству принцу Ольденбургскому и могъ ли тогда воображать, что сынъ этой августѣйшей четы, тогда еще не бывшій на свѣтѣ, черезъ 50 слишкомъ лѣтъ, будетъ благословлять образомъ моего сына.

Когда въ С.-Петербургѣ явился я къ Пестелю и подалъ ему письмо, то пріемъ былъ самый неблагопріятный; но, начавъ читать, генералъ-губернаторъ нѣсколько разъ окидывалъ меня взоромъ и, наконецъ, прочитавъ, опустилъ руку съ письмомъ и сказалъ: „Вы согласитесь, я вѣдь васъ со-

всѣмъ не зналъ; теперь Николай Ивановичъ пишетъ о васъ такъ много хорошаго, что я совершенно въ вашихъ повелѣніяхъ; что угодно, что бы я для васъ сдѣлалъ, я все сдѣлаю".

Опредѣленіе къ нему по особымъ порученіямъ и отправленіе обратно въ Иркутскъ было полнымъ оправданіемъ этой истинно милостивой фразы.

Возвратясь въ Иркутскъ, я поспѣшилъ за Байкалъ и переѣхалъ чрезъ него, на удивленіе всѣхъ, 24—25-го апрѣля, переночевавъ на льду, состоящемъ изъ иголокъ. Ледъ сломало въ тотъ же вечеръ. Итакъ, отъ сговора до свадьбы я проѣхалъ 13 тысячъ верстъ. Настоянія тестя, при женитьбѣ, заставили меня оставить морскую службу. На пути въ С.-Петербургъ беременность жены задержала въ Перми; тутъ родилась дочь Юлія.

Въ концѣ 1811 года великолѣпная комета, наводившая тревожное ожиданіе на всѣ умы, свѣтила на сѣверо-западѣ. Безотчетные страхи оправдались войною ужасною.

II.

Поступленіе Штейнгеля въ петербургское ополченіе въ 1812 г.—Докторъ Моргенъ.—Подъ Данцигомъ.—„Записки о петербугскомъ ополченіи".—Архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Назначеніе Тормасова главнокомандующимъ въ Москвѣ вмѣсто Ростопчина.—Назначеніе Штейнгеля его адъютантомъ.—Безпорядки въ канцеляріи Ростопчина.—Московская цензура для книги Новикова.—Дѣятельность Штейнгеля.—Поѣздка въ Петербургъ и представленіе графу Аракчееву.—Полицеймейстеръ Шульгинъ.—Возобновленіе Кремля.—Пребываніе въ Москвѣ императора Александра Павловича въ 1816 г.

Въ С.-Петербургѣ дядя мой, финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель, отрекомендовалъ меня министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву; такимъ образомъ, мѣсто для новый службы было обезпечено, но ясно понимаемый долгъ указалъ другой путь. Беременная жена, малолѣтняя дочь не могли остановить; я явился въ ряды защитниковъ отечества и поступилъ штабъ-офицеромъ въ 4-ю дружину с.-петербургскаго ополченія, которой начальникомъ былъ назначенъ генералъ-майоръ Кошелевъ, бывшій камчатскій комендантъ

только что выпущенный изъ ордонансъ-гауза. Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, у котораго онъ, во время знаменитаго посольства въ Константинополь, былъ адъютантомъ, оказалъ ему свое покровительство. По прежнимъ нашимъ отношеніямъ я не могъ быть пріятенъ Кошелеву и претерпѣлъ немало неудовольствія. Нельзя было уничтожить, такъ сбыли съ рукъ похвалами, и я оставленъ былъ въ Юрбургѣ за плацъ-майора; здѣсь занемогъ и, перевезенный въ Тильзитъ, едва не лишился жизни. Человѣколюбивое искусство доктора, достопочтеннаго 73-хъ лѣтняго старца Моргена, который имѣлъ счастіе въ 1807 году оказывать медицинское пособіе двумъ императорамъ, Александру и Наполеону, спасло меня. Однажды, когда я выразилъ ему сожалѣніе свое, что его часто безпокоятъ призваніемъ къ больнымъ, даже въ окрестности, онъ отвѣчалъ, возведя глаза и указуя рукою на небо: „Meine Ruhe ist da!“ Это Meine Ruhe до смерти не истребится изъ памяти. По выздоровленіи, я явился подъ Данцигъ и былъ командированъ, по переформированіи новгородскаго ополченія, дежурнымъ штабъ-офицеромъ.

По заключеніи предварительныхъ условій о сдачѣ Данцига, дежурный генералъ Вельяминовъ нуждался въ человѣкѣ, который бы могъ изъ годового журнала осады составить поспѣшно краткую записку для представленія государю императору; ему указали на меня, и я исполнилъ порученіе это ранѣе срока, къ полному удовольствію генерала. Мнѣ обѣщали награду—я попросилъ только увольненія къ семейству. Въ сравненіи съ другимъ штабъ-офицеромъ дружины, котораго мало употребляли и еще менѣе уважили, мнѣ слѣдовалъ бы чинъ подполковника, но наградили вторично орденомъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. За службу подъ Данцигомъ вообще былъ представленъ къ прусскому ордену, но нужно было искательство въ штабѣ, я не искалъ, но поспѣшилъ удалиться и возвратился въ С.-Петербургъ, посланный курьеромъ въ комитетъ ополченія. Такъ кончилась моя служба, вызванная бѣдствіемъ отечества. Если я не вынесъ всѣхъ наградъ, на которыя имѣлъ право, то ихъ замѣнило обращенное на себя вниманіе достойнѣйшаго изъ генераловъ, Ивана Матвѣевича Бѣгичева, который впослѣдствіи удостоивалъ меня

самыхъ дружественныхъ отношеній. Дочь его, супруга генералъ-адъютанта Колзакова, знаетъ объ этихъ отношеніяхъ.

Исполнивъ, такимъ образомъ, обязанность свою предъ отечествомъ, я, чтобы сохранить память о службѣ самого ополченія, написалъ „Записки о С.-Петербургскомъ ополченіи“, которыя были поднесены государю, и я удостоенъ былъ награды перстнемъ. Впослѣдствіи одинъ изъ генераловъ въ своихъ „Военныхъ письмахъ“ наименовалъ меня „русскимъ Ксенофонтомъ“; но это было испрашиваніе благосклонности къ его отцу, служившему въ Москвѣ предсѣдателемъ гражданской палаты. Такимъ образомъ, когда ополченіе возвратилось, въ числѣ 4 тыс. изъ 15, въ С.-Петербургъ, я опять былъ поставленъ въ положеніе искателя мѣста. Сенаторъ Хитрово ревизовалъ предъ тѣмъ Вологодскую губернію и открылъ немало злоупотребленій; директоръ россійско-американской компаніи Булдаковъ, съ которымъ я познакомился при посредствѣ Резанова, убѣдилъ меня просить мѣсто полицеймейстера въ Великомъ-Устюгѣ, гдѣ самъ онъ былъ главнымъ гражданиномъ. Тогда мѣста эта зависѣли отъ министра полиціи, которымъ былъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ. Директоръ канцеляріи министра — Политковскій — отецъ несчастнаго Монтекристо, былъ своякъ Булдакова и съ удовольствіемъ взялся за дѣло; познакомилъ меня лично съ новымъ вологодскимъ губернаторомъ Винтеромъ, который, принявъ мою просьбу, уѣхалъ, съ тѣмъ, чтобы по вступленіи въ должность представить. Вмѣсто представленія онъ написалъ директору письмо, въ которомъ извѣщалъ, что настоящій полицеймейстеръ „подходитъ“ подъ милостивый манифестъ, то, какъ прикажетъ, смѣнить его или нѣтъ для барона Штейнгеля. Вопросъ этотъ Политковскій предоставилъ разрѣшенію самого претендента на мѣсто и получилъ въ отвѣтъ: „Я никогда не строилъ своего счастія на счетъ ближняго. Видно, не судьба“. Директоръ обнялъ меня, Богъ знаетъ за что. Въ это время я не разъ бывалъ у митрополита Амвросія (Подобѣдова), которому былъ свойственникомъ по женѣ. Однажды, сидя съ нимъ въ гостиной на софѣ и разговаривая о прошедшей войнѣ, я въ первый разъ увидѣлъ Филарета, который на неоднократныя приглашенія митрополита: „садись,

отецъ архимандритъ", отвѣчалъ низкими поклонами и не допустилъ себя усадить. Прошло 8 лѣтъ, и я видѣлъ торжественное шествіе его изъ Казанскаго собора въ Успенскій въ Москвѣ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и при стеченіи народа, бросающагося цѣловать полы его мантіи. Фактъ поучительный въ подтвержденіе евангельской истины „смиряяся—вознесется".

Въ томъ же 1814 году, генералъ Тормасовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Дѣйствія графа Ростопчина, по возвращеніи его въ разоренную столицу, требовали этого; они возбудили почти общій ропотъ. При этомъ слишкомъ памятна еще была смерть неповиннаго купца Верещагина, преданнаго имъ на растерзаніе черни (онъ указалъ на него разъяренному народу, какъ на измѣника, распространяющаго прокламаціи Наполеона), только для того, чтобы самому, пользуясь этимъ временнымъ занятіемъ черни, можно было съ задняго крыльца сѣсть на лошадь и ускакать изъ Москвы въ моментъ почти вступленія въ нее непріятеля. Этимъ фактомъ онъ лишилъ себя народной привязанности.

Назначеніе Тормасова было не безъ повода. Онъ находился въ числѣ депутатовъ, подносилъ государю титулъ „Благословеннаго". Тогда еще въ особой аудіенціи государь сказалъ ему: „Александръ Петровичъ, ты на меня сердишься за то, что я армію твою отдалъ Чичагову; я думалъ что онъ, какъ личный врагъ Наполеона, будетъ дѣйствовать съ полной энергіей; я ошибся". Тормасовъ отвѣчалъ на это: „Государь, и я никогда другомъ Наполеона не былъ". „Знаю", прибавилъ государь, „я виноватъ, но постараюсь загладить это". Проходилъ уже мѣсяцъ послѣ этого назначенія, какъ я вспомнилъ, что генералъ Тормасовъ—дядя полковника Порошина, котораго дружбу пріобрѣлъ я на полѣ сраженія.

Это тотчасъ подало мнѣ мысль написать слѣдующую записку: „Любезный другъ, дядя твой назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Если люди моего разбора на что либо могутъ быть ему надобны, надѣюсь, ты меня порекомендуешь". Порошинъ отвѣчалъ: „Самъ Богъ вложилъ тебѣ эту мысль, сейчасъ ѣду, спѣшу, лечу, говорю за тебя, какъ за друга, какъ за брата, какъ самъ за себя, жди извѣщенія".

Не скоро, однако же, удалось ему говорить съ дядей. Чрезъ недѣлю, наконецъ, я долженъ былъ представиться. Разспросивъ, гдѣ и какъ служилъ, чѣмъ занимался, генералъ сдѣлалъ вопросъ: „есть ли у васъ какіе аттестаты?"

—Никакихъ, отвѣчалъ я съ живостью:—какъ я ни молодъ (мнѣ былъ 32-й годъ), но успѣлъ замѣтить, что никто столько не хлопочетъ объ аттестатахъ, какъ люди пустые, которые сами себя ничѣмъ рекомендовать не могутъ.—Отвѣтъ примѣтно понравился. Чрезъ три дня я сидѣлъ уже съ генераломъ въ его каретѣ, въ качествѣ его адъютанта, состоящаго по кавалеріи. Военный министръ тогда имѣлъ право давать на это разрѣшеніе. Октября 4-го прибыли мы въ древнюю столицу-страдалицу, на сущее пепелище. Въ самый день пріѣзда было мнѣ поручено принять военную канцелярію. Ею—кто бы повѣрилъ!—у знаменитаго въ свое время и громкаго графа Ростопчина завѣдывалъ человѣкъ, переряженный изъ аудиторовъ—тогдашнихъ аудиторовъ—въ мундирѣ л.-гв. Преображенскаго полка и такой, что стыдно было пробыть съ нимъ столько времени, сколько необходимо было для подписи длинныхъ рапортовъ. И этотъ человѣкъ могъ играть судьбою людей! Я засталъ подготовленное рѣшеніе по военному дѣлу, по которому нѣсколько провіантскихъ чиновниковъ приговаривались въ лишенію чиновъ и ссылкѣ. Они судились по бездоказательному доносу, будто бы хлѣбъ, доставленный на баркахъ и показанный разграбленнымъ, вовсе не былъ доставленъ. Разсмотрѣвъ дѣло и не видя никакихъ ясныхъ доводовъ къ подтвержденію доноса, я спросилъ аудитора, на какомъ основаніи допустилъ онъ такое рѣшеніе. Въ отвѣтъ получилъ: „на это была воля вашего предмѣстника".—„Стало быть, если у меня нѣтъ воли губить людей, такъ и можно спасти?"—„Какъ прикажете". Ужаснувшись такого факта, я тотчасъ доложилъ это дѣло генералу, и осужденные были спасены отъ ссылки, но приговорены къ неопредѣленію впредь къ подобнымъ должностямъ.

Провидѣніе жестоко взыскало за такую волю. Сынъ этого капитана гвардіи, бывшій въ тогдашнемъ Дворянскомъ полку, задушилъ больного своего дѣда, по матери, чтобы восполь-

зоваться деньгами, которыя замѣтилъ у него подъ подушкою. И это былъ его единственный сынъ!

Гражданскою канцеляріею при графѣ Ростопчинѣ управлялъ человѣкъ образованный, съ отличными способностями, сынъ сенатора Рунича, но Тормасову не понравился. Руничъ первый замѣтилъ это и просилъ увольненія. Генералъ опредѣлилъ на его мѣсто чиновника Сесаревскаго, привезеннаго съ собою, по рекомендаціи сенатора Ланскаго, тоже со способностями и человѣка честнаго. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-прокуроромъ сената; но и этотъ не могъ угодить Тормасову. Опредѣливъ его на другое мѣсто, сверхъ всякаго всѣхъ чаянія, Тормасовъ поручилъ и эту канцелярію мнѣ. Этимъ онъ поставилъ своего адъютанта въ такое значеніе по Москвѣ, въ какомъ до него никто не былъ и послѣ него, вѣроятно, никто не будетъ. Это случилось въ маѣ 1815 года.

Во всей бюрократіи заговорили: „самъ кавалеристъ и канцелярію поручилъ кавалеристу, будетъ толкъ". Мнѣ предстояла задача доказать нелѣпость этого сужденія; я принялся дѣйствовать и учиться. Канцелярія главнокомандующаго была полный хаосъ. Дѣла, какъ были второпяхъ забраны, увезены и обратно привезены, такъ и лежали брошенными. За текущими бумагами, никто не хотѣлъ за нихъ взяться. Между чиновниками не было никакой дисциплины; въ канцеляріи курили трубки — сигаръ еще не знали — расхаживали и посвистывали. Одинъ секратарь, князь, къ тому же съ московскою значительностію, имѣвшій особую часть просительскую, ясно старался уронить Сесаревскаго въ глазахъ прочихъ своимъ неуваженіемъ, не воображая, что этимъ унижаетъ самое мѣсто. Я положилъ всему этому тотчасъ же конецъ. Въ самое короткое время все приняло совершенно новый, благоприличный видъ. Дѣла разобраны, архивъ приведенъ въ порядокъ; высочайшія повелѣнія, раскиданны я съ небреженіемъ, подобраны, переплетены въ сафьянъ и положены въ нарочно устроенный ковчегъ. Въ этомъ собраніи особенно замѣчателенъ первый собственноручный рескриптъ Павла I, данный на имя Измайлова, тогда главнокомандующаго Москвы. Вотъ его содержаніе: „Михаилъ Михайловичъ! Объяви княгинѣ Дашковой, чтобы она, помянувъ событіе 1762 года, немедленно изъ Москвы

выѣхала и впредь въ въ нее не въѣзжала. Пребываю впрочемъ ......". Другую достопримѣчательность, найденную при этомъ разборѣ дѣлъ, составляли также разбросанныя копіи съ писемъ нѣкорыхъ, извѣстныхъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, масоновъ и мартинистовъ, изъ-за границы и изъ внутреннихъ губерній, которыя были списываемы въ московскомъ почтамтѣ и представляемы почтъ-директоромъ Пестелемъ, послѣ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Сибири, главнокомандующему князю Прозоровскому. Эти-то самыя копіи послужили Прозоровскому къ возбужденію подозрѣнія въ императрицѣ, и она указывала арестовать Новикова съ прочими и произвесть изслѣдованіе. Все это довольно подробно описано въ неизданныхъ запискахъ Ивана Владиміровича Лопухина, очень интересныхъ[1]. Всѣ эти копіи съ „покорнѣйшими" донесеніями о нихъ Пестеля переплетены въ особый in-folio.

Нельзя умолчать объ одномъ куріозномъ анекдотѣ, характеризующемъ всѣ подобныя преслѣдованія. Для разбора всѣхъ книгъ и сочиненій, отобранныхъ большею частію у Новикова, а также и у другихъ, составлена была комиссія. Въ ней былъ членомъ Геймъ, Иванъ Андреевичъ, составитель нѣмецкаго лексикона, котораго жаловала императрица Марія Ѳеодоровна, и онъ-то и разсказывалъ, что у нихъ происходило тутъ сущее auto da fe. Чуть книга казалась сомнительною, ее бросали въ каминъ; этимъ болѣе распоряжался завѣдующій отъ духовной стороны архимандритъ. Однажды, разбиравшій книги сказалъ:

— Вотъ эта духовнаго содержанія, какъ прикажете?

— Кидай ее туда же, — вскричалъ отецъ архимандритъ, — вмѣстѣ была, такъ и она дьявольщины наблошнилась.

По приведеніи всѣхъ дѣлъ канцеляріи въ порядокъ и самой канцеляріи въ полное благоустройство, я употребилъ особое стараніе, чтобы не было повода къ хожденію по подаваемымъ просьбамъ. Я достигъ исполненія самаго скораго къ удовлетворенію всякаго, кто имѣлъ дѣло до канцеляріи, — а кто тогда не имѣлъ до нея дѣла? — это обратило вниманіе

---

[1] Нынѣ они уже изданы въ полномъ видѣ.

публики. Всѣмъ было очевидно, какими малыми средствами и съ какимъ ограниченнымъ числомъ сотрудниковъ это сдѣлано.

Похвалы сыпались отовсюду. Этого мало, я успѣвалъ во всѣхъ торжественныхъ выѣздахъ сопутствовать генералу. Въ 1815 году, когда было молебствіе въ Успенскомъ соборѣ о побѣдѣ подъ Ватерлоо, длинную реляцію о ней читалъ я во всеуслышаніе полнаго собора и въ присутствіи всѣхъ знаменитостей, такъ что самъ преосвященный Августинъ отозвался, что чтеца такого не запомнитъ.

Между тѣмъ я занимался проектомъ обстройки столицы и правилами вспоможенія разореннымъ. Все это вчернѣ написано было моею рукою. Когда все было готово, генералъ Тормасовъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи одного меня, пригласилъ только съ собою предсѣдателя комиссіи строеній, князя Циціанова.

Послѣ личныхъ представленій государю генераломъ Тормасовымъ, въ кабинетѣ Зимняго дворца, плановъ и проекта, на другой день я получилъ отъ графа Аракчеева пригласительную записку „явиться къ нему завтра по утру въ шесть часовъ". Доложивъ объ этомъ своему генералу, въ этотъ же вечеръ я свѣрилъ свои часы съ часами графа и на утро, за четверть часа до срока, былъ въ его аванзалѣ. Графъ не заставилъ дожидаться. Выйдя, подошелъ близко и началъ такъ: „Здравствуйте, г. баронъ, вы съ Александромъ Петровичемъ пріѣхали сюда съ проектами. Государь мнѣ ихъ передалъ, чтобы я разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ доложи же ты своему Александру Петровичу — какъ ему угодно: я ли къ нему пріѣду, или (возвыся голосъ) онъ ко мнѣ пожалуетъ?" И потомъ съ нѣкоторою фамильярностію присовокупилъ: „А всего, братецъ, лучше, какъ бы онъ тебя ко мнѣ прислалъ, такъ мы бы съ тобою въ полчаса это дѣло кончили". Послѣднихъ словъ я, конечно, своему генералу не передалъ, а на первую фразу Тормасовъ отозвался съ значительною улыбкою: „Ну, братецъ, само собою разумѣется, что я къ нему поѣду".

Такъ и сдѣлалось. За ломбернымъ столомъ графъ посадилъ Тормасова противъ себя, а меня съ бумагами просилъ

сѣсть съ третьей стороны. Такимъ образомъ, я имѣлъ честь прочитать все предъ этимъ глубоковнимательнымъ судьею. Графъ слушалъ, подперши наклоненную къ столу голову обѣими руками, и, по временамъ, быстрымъ взглядомъ на меня, требовалъ объясненія о томъ, что казалось ему, по неизвѣстной мѣстности, не совсѣмъ яснымъ. Я объяснялъ смѣло, нисколько не боясь того, который въ то время многимъ казался страшнымъ[1].

---

[1] Въ статьѣ „Воспоминаніе объ Аракчеевѣ“ („СПб. Вѣдомости“ 1862 г.). Штейнгель разсказываетъ подробнѣе о своихъ встрѣчахъ съ Аракчеевымъ. Приводимъ изъ этой статьи отрывки:

„Когда назначенъ былъ день для доклада, мы явились во дворецъ. Генералъ и князь потребованы были въ кабинетъ, я остался предъ кабинетомъ, въ генералъ-адъютантской комнатѣ. Вскорѣ вошелъ какой-то генералъ въ артиллерійскомъ мундирѣ, довольно высокій, худощавый, съ разительными чертами лица; онъ подошелъ ко мнѣ и, чуть не шепотомъ, сталъ спрашивать: „Кто тутъ?“ кивнувъ, при этомъ, на двери кабинета.—Я отвѣчалъ: „Генералъ Тормасовъ, съ докладомъ“.—„Кто съ нимъ?“—„Князь Циціановъ“.—„Давно-ли тутъ!“—„Съ четверть часа, не болѣе“. Говоря такъ близко съ нимъ, я, по медальону на шеѣ, съ изображеніемъ Государя, выставленному межъ верхнихъ двухъ пуговицъ мундира, довольно поизношеннаго, тотчасъ догадался, что это графъ Алексѣй Андреевичъ [1]). Отойдя отъ меня, такъ-же крадучись, онъ подошелъ къ двери, ведущей въ кабинетъ, и тихонько прирастворивъ ее на четверть, не болѣе, шепотомъ кликнулъ два раза: „Александръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ!“ и тотчасъ, получивъ шепотный же откликъ, скрылся за нее. Послѣ я узналъ, что Александромъ Ивановичемъ звали камердинера Государя. Черезъ четверть часа графъ вышелъ, сѣлъ къ длинному столу, къ которому я стоялъ прислонясь, вынулъ изъ своего портфеля лоскутокъ бумажки, что-то написалъ на ней и осторожно позвонилъ. Вошелъ фельдъегерь, и графъ, отдавъ ему записку, куда-то послалъ; все это тихонько и, такъ сказать, благоговѣйно. Затѣмъ и самъ куда-то ушелъ.

Когда, затѣмъ, немного времени спустя, генералъ мой, съ княземъ Циціановымъ, вышли изъ кабинета, можно было прочитать на ихъ лицахъ, что докладъ благопріятно принятъ.

Не прошло двухъ-трехъ дней, какъ мнѣ подали записку, содержавшую въ себѣ слѣдующее приглашеніе: „Графъ Аракчеевъ, свидѣтельствуя свое почтеніе г. адъютанту главнокомандующаго Москвы, Барону Штейнгейлю, покорнѣйше проситъ его пожаловать къ нему завтрашняго числа, по-утру въ 6 часовъ“.

Доложивъ объ этомъ своему генералу, я тотчасъ отправился въ домъ графа, на Литейной, чтобы поставить свои часы по его часамъ. Исполнивъ это, я, на другой день, за четверть часа до шести часовъ, былъ уже въ адъютантской графа.

Не стыжусь признаться, что не совсѣмъ хладнокровно я готовился предстать, для служебныхъ объясненій, предъ лицомъ столь мощнаго человѣка, съ такимъ разнообразнымъ и болѣе злословнымъ о немъ отзывомъ. Меня не заставили долго ждать. Не успѣлъ я досчитать шестого удара колокольчика, какъ полудверь въ

---

[1]) Въ это время рѣдко произносили его фамилію, но называли только имя и отчество, или, просто „графъ“.

Проектъ и планы получили высочайшее одобреніе, и генералъ Тормасовъ возвратился къ дѣятельному выполненію всѣхъ предположеній.

Распущенность московской полиціи заставила графа Тормасова перемѣнить оберъ-полицеймейстера Ивашкина. Этого мѣста искалъ, извѣстный самому государю и всею Москвою любимый полицеймейстеръ Волковъ, бывшій потомъ московскимъ комендантомъ. Тормасовъ находилъ одно препятствіемъ,

---

залъ растворилась, и я услышалъ нерѣдко такъ утомительно выжидаемое: „пожалуйте"; вошелъ, и увидѣлъ, что графъ выходитъ уже изъ кабинета. „Здравствуйте г. баронъ", сказалъ графъ свысока, нѣсколько въ носъ и протяжно. Остановясь среди залы, я поклонился и выждалъ, какъ графъ, близехонько подойдя ко мнѣ, заговорилъ тѣмъ же тономъ и размѣромъ, съ нѣкоторою интонаціею на словахъ, которыя здѣсь отмѣчу: „*Вы*, съ Александромъ Петровичемъ, пріѣхали сюда съ *проектами*; Государь Императоръ *мнѣ* ихъ отдалъ; такъ доложи же ты своему Александру Петровичу, какъ ему *угодно*, я ли къ нему пріѣду, или *онъ ко мнѣ* пожалуетъ?" И тотчасъ, понизя тонъ до нѣкоторой степени фамильярности и положа руку слегка на мой лѣвый эполетъ, присовокупилъ, почти скороговоркою: „А всего бы лучше, братецъ, если-бъ онъ *тебя* ко мнѣ прислалъ, мы съ тобой скорѣе-бы это дѣло кончили". На этомъ прикратилась моя аудіенція, первая, и для меня незабвенная.

Разумѣется, послѣднихъ словъ генералу своему я не передалъ, а когда доложилъ о начальныхъ словахъ и, конечно безъ интонаціи, Александръ Петровичъ съ полуусмѣшкой, сказалъ мнѣ: „Ну ужъ само-собою, братецъ, разумѣется, что я къ нему поѣду, а не онъ ко мнѣ".

Поэтому я долженъ былъ съѣздить съ отвѣтомъ къ Аракчееву, и спросить о назначеніи дня. Примѣтно, что графу это было пріятно, и что этого онъ ожидалъ. Онъ привѣтливо сказалъ: „Что откладывать! доложи Александру Петровичу, не угодно ли пожаловать завтра, въ три часа, а впрочемъ, во всякое время затѣмъ я готовъ его принять".

Мой генералъ тоже захотѣлъ поторопиться и на другой день, въ назначенный часъ, мы были уже у графа. Только что вошли въ залу, графъ выходилъ уже изъ кабинета; онъ очень любезно принялъ гостя, и тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій предложилъ заняться дѣломъ.

Въ залѣ былъ уже, у правой стѣны, раскрытъ ломберный столъ, на которомъ я тотчасъ примѣтилъ знакомыя бумаги. Оба, графъ и генералъ, сѣли въ кресла у стола, другъ-противъ-друга; а мнѣ графъ указалъ на стулъ, придвинутый къ столу, противъ лежащихъ на немъ бумагъ. Я сѣлъ, развернулъ всеподданнѣйшій докладъ и началъ чтеніе.

Генералъ мой, которому слишкомъ все было извѣстно, сидѣлъ съ примѣтнымъ отвлеченіемъ мыслей; но графъ, поставя оба локтя на столъ и склонивъ голову на соединенныя надъ бровями ладони, между двухъ большихъ перстовъ, казался, во все продолженіе чтенія, углубленнымъ въ полное вниманіе. По временамъ только, когда встрѣчалось что-нибудь не совсѣмъ для него ясное, онъ приподнималъ голову и, устремляя взоръ на меня, спрашивалъ отрывисто: „Это какъ!" Я тотчасъ вставалъ и объяснялъ. „А, понимаю, продолжай", присовокуплялъ графъ, и результатъ сеанса былъ тотъ, что дней черезъ пять все представленіе было утверждено, и мы вскорѣ отправились въ Москву". *П. Щ.*

что онъ былъ мягокъ и имѣлъ связи въ Москвѣ, а потому колебался. Но въ Петербургѣ явился къ нему генералъ Шульгинъ съ письмомъ отъ цесаревича, у котораго былъ нѣкогда адъютантомъ. Такого предстательства Тормасовъ не могъ не уважить, хотя былъ предваряемъ неодобрительными отзывами; опредѣлилъ его и послѣ дорого заплатилъ за эту погрѣшность. Справедливость требуетъ сказать, что во всемъ, касающемся до матеріальной стороны и наружности, Шульгинъ привелъ полицію и пожарную команду въ лучшій, стройный видъ, въ какомъ она едва ли когда бывала. Москва быстро возникала изъ пепла и украшалась лучше прежняго. Кремль возобновился во всемъ своемъ величіи. Двухъ-этажный дворецъ надстроенъ былъ стоячими брусьями и обложенъ тонкою кирпичною стѣною; въ промежуткахъ для устраненія сырости насыпанъ былъ толченый уголь; внутри околочено войлоками и оштукатурено подъ мраморъ. Иванъ Великій снова закрасовался своею главою, къ колоколу его прибавили 500 пудовъ. Никольская башня, на которой такъ чудесно сохранился, послѣ взрыва ея, образъ Святителя и Чудотворца Николая, возобновлена съ нѣкоторою передѣлкою. Вѣрно снятый видъ ея въ руинѣ долженъ быть между вещами, оставшимися отъ преосвященнаго Августина.

Около стѣны, съ восточной стороны, по Неглинной, вмѣсто рва со всякою нечистотою, явился садъ и благоуханіе. Въ началѣ августа (1816) возвѣщено было прибытіе государя. Князь Волконскій сообщилъ, что его величество прибудетъ ночью и желаетъ, чтобы въ Кремлѣ никого, ни самой полиціи, не было, и чтобы военный генералъ-губернаторъ одинъ съ адъютантомъ встрѣтилъ его величество на Красномъ крыльцѣ.

Государь прибылъ въ самую полночь, генералъ Тормасовъ въ сопровожденіи меня принялъ его при выходѣ изъ экипажа. На низкій поклонъ генерала государь отвѣчалъ привѣтомъ: „Здравствуй, Александръ Петровичъ, здоровъ ли?“, быстро взошелъ по лѣстницѣ и, принявъ рапортъ, тотчасъ отпустилъ насъ.

На другой день государь былъ въ Успенскомъ соборѣ у обѣдни.

По возвращеніи во дворецъ, государь сказалъ Тормасову: „Вашъ Августинъ мастеръ служить! мастеръ служить! Я Платона видѣлъ, онъ и его перещеголялъ!“

Затѣмъ изъявилъ благодарность свою Тормасову и при этомъ случаѣ разсказалъ ему, какъ недоволенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ за переводъ и печатаніе въ „Сѣверной Почтѣ“ рѣчи, сказанной на варшавскомъ сеймѣ, промолвя: „Всѣ хотятъ мѣшаться въ политическія дѣла“.

Въ тотъ же день представлялось дворянство и потомъ купечество. Государь, обращаясь къ градскому головѣ, спросилъ: „Точно ли они довольны новымъ начальникомъ?“ и, услышавъ утвердительный отвѣтъ, выраженный съ примѣтно искреннимъ чувствомъ, присовокупилъ: „очень радъ, очень радъ; это мой выборъ!“

Вообще государь, по возобновленіи Москвы, изумленъ былъ успѣхами ея возобновленія и въ день своего тезоименитства, 30-го августа, оказалъ многія милости: Тормасовъ возведенъ въ графское достоинство; Августинъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго; Шульгину пожалована бриліантовая звѣзда св. Анны; мнѣ чинъ подполковника. На третій день я представлялся графу Аракчееву. Послѣ перваго привѣтствія, графъ, взявъ со стола бумагу, сказалъ: „Вотъ, г. баронъ, государь велѣлъ тебѣ это показать, чтобы ты видѣлъ, до какой степени онъ внимателенъ. Посмотри, здѣсь у тебя въ итогѣ невѣрность“. Это была вѣдомость о возобновленныхъ и вновь выстроенныхъ домахъ, которую графъ Тормасовъ считалъ сначала ненужною къ рапорту о благосостояніи столицы и вдругъ передъ самымъ отъѣздомъ во дворецъ потребовалъ: второпяхъ писарь вмѣсто 69 въ итогѣ поставилъ 96. Я не могъ скрыть, сколь прискорбно было для меня это замѣчаніе, и графъ очень милостиво присовокупилъ: „Оно ничего, братецъ, неважно. Государь не гнѣвается; но тебѣ это сказано для того, чтобы впредь былъ осторожнѣе“.

Въ это пребываніе государя въ Москвѣ, нѣкоторые случаи достойны особаго замѣчанія. Нѣкто, содержатель косметическаго магазина Розенштраухъ, послѣ бывшій въ Одессѣ

лютеранскимъ пасторомъ, очень уважаемымъ, тотчасъ по пріѣздѣ государя, подалъ просьбу военному генералъ-губернатору о дозволеніи ознаменовать 30-е августа открытіемъ масонской ложи. По докладѣ объ этомъ, государь изволилъ отозваться: „Я формально позволенія на это не даю. У меня въ Петербургѣ на это смотрятъ такъ (государь взглянулъ сквозь пальцы). Впрочемъ, опытъ удостовѣрилъ, что тутъ зла никакого нѣтъ. Это совершенно отъ васъ зависитъ“. — И ложа была открыта подъ фирмою „Тройственный рогъ изобилія“ (изъ трехъ роговъ составлялась буква А). Я былъ приглашаемъ ко вступленію въ нее, но отказался, болѣе по той причинѣ, что имѣлъ случай видѣть вблизи все ничтожество лицъ, по масонеріи значительныхъ.

Послѣ 30-го августа, графиня Орлова дала балъ. Она была убѣждена, что государь будетъ у нея ужинать, и нѣкоторымъ уже объявила о томъ за тайну. Великолѣпно накрытый столъ, подъ померанцевыми деревьями, свидѣтельствовалъ, что она вѣрила этому особенному своему счастію, особенно потому, что государь никогда нигдѣ не ужиналъ. И въ этотъ разъ онъ не намѣренъ былъ остаться; поэтому предварилъ Тормасова, чтобы во время мазурки экипажъ его былъ у подъѣзда. Тормасовъ сообщилъ тайну одному мнѣ и велѣлъ внимательно слѣдить за движеніями его величества. Государь настоятельно убѣдилъ Милорадовича протанцовать мазурку vis-à-vis съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Кругъ составился въ шесть паръ. Великій князь начиналъ, и какъ кончилъ очень скромно свой туръ, Милорадовичъ выступилъ со всѣми ухватками молодого поляка. Кругъ зрителей стѣснился, особенно дамы и дѣвицы тянулись на цыпочкахъ видѣть pà, выдѣлываемыя графомъ Милорадовичемъ. Въ это время государь обвелъ взоромъ своимъ весь кругъ и замѣтя, что на него никто не смотритъ, сдѣлалъ шагъ назадъ, быстро свелъ двухъ флигель-адъютантовъ, стоявшихъ за нимъ, передъ себя и повернувшись, большими скорыми шагами, незамѣтно вышелъ изъ зала. Я тотчасъ тронулъ Тормасова, который тоже глядѣлъ на предметъ всеобщаго вниманія, и мы вдвоемъ едва успѣли, слѣдя за государемъ, проводить его къ коляскѣ. Милорадовичъ

отплясалъ, и тогда только замѣтили, что государя уже нѣтъ. Удивленіе и шепотъ были общіе. Хозяйка и Милорадовичъ замѣтно были сконфужены. — Уѣзжая домой Тормасовъ сказалъ мнѣ: „порядочнымъ же шутомъ выставился Милорадовичъ".

— Что же ему прикажете дѣлать, — замѣтилъ я: — послѣ столь сильнаго убѣжденія государя!

— Лѣта давали ему возможность отклонить убѣжденіе,— сказалъ Тормасовъ.

Москва объ этомъ поговорила, и тѣмъ все кончилось.

Графу Тормасову самому хотѣлось угостить государя, но на приглашеніе государь отвѣчалъ: „Я готовъ у тебя быть, но запросто, чтобы, кромѣ моихъ и твоихъ, никого не было". Такимъ образомъ я удостоился быть за однимъ столомъ съ государемъ въ числѣ шестнадцати особъ.

Великій князь отправился прежде этого въ южныя провинціи; въ тогдашнее путешествіе его по Россіи его высочеству минуло 20 лѣтъ.

Предъ самымъ отбытіемъ государя, въ Московскомъ сенатѣ случилась непріятность. По одному тяжебному дѣлу перемѣшали въ департаментѣ голоса, и государь повелѣлъ оберъ-секретаря Руссова предать строжайшему суду.

Несмотря на это, однако же, оставляя Москву, государь изъявилъ Тормасову полное свое удовольствіе и благодарность, обѣщая посѣтить и на будущій годъ.

Въ чиновничьемъ мірѣ бываетъ нерѣдко странное проявленіе: кто упалъ, особливо съ нѣкоторой высоты, къ тому, вмѣсто состраданія, возбуждается въ другихъ какой-то родъ ненависти; его стараются попридавить и изъ него повыдавить. Такъ случилось и съ Руссовымъ: въ уголовной палатѣ его приговорили къ лишенію чиновъ и ссылкѣ на поселеніе. Разсмотрѣвъ дѣло, я увидѣлъ, что это было сдѣлано съ вопіющею натяжкою. Его осудили болѣе за неподатливость и рѣзкіе отвѣты, такъ что палата оказалась и претендателемъ и судьей. Я все это объяснилъ въ докладной запискѣ, и графъ Тормасовъ представилъ сенату, что, не соглашаясь съ рѣшеніемъ, полагаетъ Руссова отставить и впредь къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять. Дѣло было тотчасъ

же отослано въ сенатъ. Чрезъ два дня, при выходѣ изъ канцеляріи съ потфелемъ, я встрѣтилъ человѣка, съ Владимірскимъ крестомъ, въ почтительномъ ожиданіи. — „Что вамъ угодно?“—Чиновникъ отвѣчалъ: „судьба моя у васъ въ рукахъ, я — Руссовъ“.—„Ошибаетесь, судьба ваша въ рукахъ правительствующаго сената“.—Руссовъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. — „Успокойтесь“, — сказалъ я ему: — „подите, справьтесь и вы будете, надѣюсь, вполнѣ довольны“.—Чрезъ два года потомъ я встрѣтился съ нимъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ князя Одоевскаго, отца извѣстнаго поэта, и не узналъ его; но онъ бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ „избавитель мой!“ и насказалъ мнѣ, ничего уже не значившему, много отраднаго[1].

---

[1] Въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, 1904 г. г. А Смирновъ сообщилъ слѣдующія поправки къ разсказу В. И. Штейнгеля о С. К. Руссовѣ.

Для возстановленія исторической истины, считаю нужнымъ сообщить, что С. В. Руссовъ былъ преданъ суду по означенному дѣлу въ маѣ мѣсяцѣ 1815 г. (самое дѣло неправильно рѣшено въ 1814 г.); въ августѣ того же 1815 г. московская уголовная палата постановила: „Руссова.... лиша ордена святого князя Владиміра, чиновъ и дворянства, написать въ солдаты, а болѣе предать въ благоразсмотрѣніе правительствующаго сената“. Дѣйствительно, мнѣніе главнокомандующаго въ Москвѣ, А. П. Тормасова, писанное, какъ теперь узнаемъ, бар. Штейнгелемъ, сильно расходилось съ опредѣленіемъ палаты,—„таковое сужденіе, говорилось отъ имени Тормасова, показываетъ какъ бы особое стараніе къ обвиненію и наказанію Руссова“. Сенатъ 15 февраля 1816 г. заключилъ—„лишить Руссова, имѣющаго знаки отличія ордена св. Владиміра“, а государственный совѣтъ, куда внесенъ докладъ сената въ іюнѣ 1816 г., мнѣніемъ полагалъ—только ни къ какимъ дѣламъ Руссова не опредѣлять. Это мнѣніе утверждено государемъ 3 ноября 1816 г. Несомнѣнно, мнѣніе Тормасова (бар. Штейнгеля) сыграло большую роль въ дѣлѣ о Руссовѣ въ пользу послѣдняго. Подробности дѣла о Руссовѣ напечатаны г. Смирновымъ во 2-й кн. „Трудовъ Владимірской ученой архивной комиссіи“. *П. Щ.*

III.

Срытіе въ Кремлѣ собора Николы Голстунскаго и постройка экзерцнргауза.—Отношенія къ Штейнгелю московскаго общества.—Прибытіе въ Москву императора Александра въ 1817 году.—Интриги Шульгина.—Увольненіе Штейнгеля отъ службы при Тормасовѣ.—Комитетъ объ отмѣнѣ кнута.—Н. Н. Новосильцевъ.—Отношенія Штейнгеля къ Аракчееву.—Записки Штейнгеля по законодательнымъ вопросамъ.—„Біографія графа Тормасова".—Немилость къ Штейнгелю императора Александра Павловича.—Частныя занятія Штейнгеля въ Тамбовѣ, Астрахани и Москвѣ.

По отбытіи государя, мы съ новою горячностію принялись за окончательное обновленіе Кремля и устройство Москвы. На кремлевской площади оставался старый соборъ, называемый „Николы Голстунскаго", похожій на „Спаса на Бору", также вросшій въ землю. Его, по почтительной древности, предположено было обнести благовидною галлереею по примѣру домика Петра Великаго; но полученное извѣстіе, что съ государемъ прибудетъ и прусскій король, подало мысль: соборъ сломать, а площадь очистить для парадовъ. Графъ послалъ меня переговорить объ этомъ важномъ предметѣ съ Августиномъ. Преосвященный въ полномъ значеніи слова вспылилъ, наговорилъ опреметчиво тьму оскорбительнѣйшихъ для графа выраженій; но, какъ со всѣми вспыльчивыми бываетъ, постепенно стихъ и рѣшилъ такъ: „Скажите графу, что я согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ далъ мнѣ честное слово, что, приступивъ къ ломкѣ, по наступленіи ночи, къ утру не только сломаютъ, но очистятъ и разровняютъ все мѣсто такъ, чтобы знака не оставалось, гдѣ былъ соборъ. Я знаю Москву: начни ломать обыкновеннымъ образомъ, толковъ не оберешься. Надо удивить неожиданностію, и всѣ замолчатъ. Между тѣмъ я сдѣлаю процессію: торжественно перенесу всю утварь во вновь отдѣланную церковь подъ колокольней Ивана Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ освящу ее".

Довольный такимъ результатомъ переговоровъ, графъ сказалъ: „О, что до этого, я наряжу цѣлый полкъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что за ночь не останется ни камешка". При первомъ свиданіи съ преосвященнымъ графъ выразилъ

ему особую благодарность. Преосвященный понялъ, что я былъ скроменъ и не все передалъ графу, и съ этой поры сталъ оказывать мнѣ особенное вниманіе, говоря другимъ: „Это честный человѣкъ“. Голстунскій соборъ дѣйствительно исчезъ въ одну ночь.

Этому не менѣе дивились, какъ и созданію въ 6 мѣсяцевъ гигантскаго экзерциргауза, со стропилами, поддерживающими потолокъ въ 23 сажени шириною.

Тутъ вся честь принадлежала двумъ инженеръ-генераламъ: Бетанкуру и Карбоньеру.

Въ этой, можно сказать, изумительной дѣятельности я получилъ значительную извѣстность и уваженіе. Генералъ-адъютантъ—и что главное—человѣкъ высокихъ достоинствъ, графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ и супруга его Софья Владиміровна, другъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, удостоивали писать ко мнѣ, высококлассныя личности Москвы первыя протягивали мнѣ руку. Но всего замѣчательнѣе было частое сношеніе съ А. И. Нейдгардтомъ, который былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 6-го корпуса и очень часто посѣщалъ канцелярію военнаго генералъ-губернатора. Всякій разъ, въ этихъ случаяхъ, подходя съ необыкновенными комплиментами, онъ просилъ извинить его, что отвлекаетъ меня отъ дѣла, безпокоя своими посѣщеніями. Могъ ли я, въ упоеніи тогдашней своей значительности, вообразить, что этотъ такъ сладко привѣтливый господинъ есть будущій главнокомандующій кавказскаго корпуса, а чествуемый—я, государственный колодникъ! И я не готовился на черный день; не запасался ни покровительствомъ сильныхъ, ни матеріальными средствами. По чувствамъ, какія природа вложила въ грудь мою и какія таятся еще, послѣ столь сильнаго затушенія, я не могъ входить ни въ какія низкія сдѣлки съ людьми мелкодушными. Мнѣ говорили, что Шульгинъ хвалится „сшибить меня“,—я пренебрегъ, и какъ палъ!

Въ 1817 году, государь прибылъ въ Москву уже съ большою свитою, предваривъ пріѣздъ прусскаго короля. Шульгинъ, размѣщавшій по квартирамъ свиту, всѣмъ, кому только могъ и имѣлъ случай говорить, разсказывалъ, что „не Тормасовъ въ Москвѣ генералъ-губернаторъ, а баронъ Штейн-

гель, который сѣлъ на него верхомъ и дѣлаетъ чортъ знаетъ что!“ Эта тривіальная, столь неопредѣлительная фраза была первымъ подкопомъ. Всѣ хотѣли видѣть, что это за Штейнгель, противъ котораго такъ кричитъ оберъ-полицеймейстеръ; очень понятно, что это принято за „недаромъ“. Обыкновенно, тотъ кажется правымъ, чей крикъ ближе къ ушамъ нашимъ. Я, дѣйствительно, былъ противенъ Шульгину потому, что для огражденія городскихъ тогда очень скудныхъ доходовъ мѣшалъ его выгодамъ отъ фуража для пожарной команды, ремонта лошадей и т. п. Чтобы ясно видѣть, между прочимъ, значеніе Шульгина у Тормасова, приведу слѣдующій случай.

Государь, проѣзжая вечеромъ мимо Тверского бульвара, замѣтилъ, что въ числѣ работающихъ арестантовъ находился одинъ безъ рубашки, и потому изволилъ замѣтить Тормасову, что „на работу посылать можно, но надо же и человѣчество помнить“.

Это было въ суровую осень. Графъ, передавъ это мнѣ, сказалъ: „Такъ напиши же ты оберъ-полицеймейстеру, чтобы сдѣлать тюремному смотрителю строжайшій выговоръ, и чтобы впредь этого не было“. Такъ и было написано. Черезъ недѣлю, въ одно утро по окончаніи доклада, графъ подалъ мнѣ бумагу, говоря: „на, братецъ, да напиши ты этому дураку, что нельзя же намъ государя-то отдавать подъ слѣдствіе“. Бумага была рапортъ Шульгина о томъ, что онъ произвелъ строжайшее слѣдствіе о томъ, кто былъ безъ рубашки, и оказалось, что никого не было. Вмѣсто сознанія, это послѣднее предписаніе возбудило еще болѣе ненависть Шульгина; интрига усилилась; говоръ чрезъ князя П. М. Волконскаго дошелъ до слуха государя и невозвратно погубилъ меня въ его мнѣніи [1].

---

[1] Въ цитированномъ „Воспоминаніи объ Аракчеевѣ“ Штейнгель сообщаетъ еще слѣдующія любопытныя подробности объ Аракчеевѣ:

„Графъ Алексѣй Андреевичъ, на этотъ разъ, допустилъ и матушку свою, старушку, пріѣхать въ Москву, взглянуть на Царя, котораго она не видовала. Она остановилась у генерала В. О. Ильина, *друга* графа, который завѣдывалъ артиллерійскою частью въ Москвѣ. Предувѣдомленный имъ, я имѣлъ пріятный случай доставить старушкѣ полное удовольствіе высмотрѣть Государя и налюбоваться великолѣпною картиною царскаго выхода на Красное Крыльцо и шествія въ Успенскій Соборъ.

Къ этому нужно еще прибавить, что я не могъ нравиться аристократическому кругу, для угодливости котораго надо нерѣдко дѣлать не такъ, какъ повелѣваетъ долгъ и совѣсть. Довольно привести два факта. Генералъ Апраксинъ самъ забѣгалъ ко мнѣ и оставилъ карточку. На другой день поступила отъ него просьба, чтобы законфисковать весь пригнанный по рѣкѣ Москвѣ лѣсъ у лѣсного торговца, который, вѣроятно, поссорился съ его управляющимъ. Графъ Тормасовъ тотчасъ увидалъ, что это значило бы отстраивающуюся Москву лишить главнаго матеріала, и отказалъ.

Одинъ изъ самыхъ значительныхъ сенаторовъ того времени—Алябьевъ, самою лестною манерою завлекъ меня въ свое знакомство, и что же? Чрезъ нѣсколько времени я получилъ письмо: сенаторъ проситъ обратить особое вниманіе на подсудимаго, котораго дѣло изъ уголовной палаты поступило къ генералъ-губернатору. Я самъ разсмотрѣлъ это дѣло и убѣдился, что кліентъ его высокопревосходительства—

После въ домѣ Ильина, графъ лично благодарилъ меня за „матушку". Въ этотъ разъ я былъ свидѣтелемъ его почтительности, можно сказать благоговѣнія, съ какимъ онъ принималъ благословеніе матери, когда старушка, при прощаніи крестила сына, какъ нынѣ едва-ли „мамаши" крестятъ своихъ Лоло и Биби.

Однажды, по утру, я получилъ отъ графа форменное приглашеніе. Я поспѣшилъ въ Кремль; онъ квартировалъ въ комендантскомъ домѣ. Когда я вошелъ къ нему, послѣ обычнаго привѣтствія, „здравствуйте, г. баронъ", сопровожденнаго косымъ поклономъ, онъ отвернулся, и, подойдя къ окошку, началъ говорить, какъ-бы высматривая между тѣмъ что-то на улицѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что Аракчеевъ вообще, спрашивая о чемъ-либо, не любилъ смотрѣть прямо въ глаза тому, кого спрашивалъ: „У васъ оберъ-полицеймейстеръ (тогда былъ Шульгинъ) ссорится съ полицеймейстеромъ Брокеромъ; Государь повелѣлъ мнѣ тебя спросить какая тому причина, и такъ скажи мнѣ всю правду!"

— „Причина простая, ваше сіятельство. Брокеръ исключительно завѣдываетъ дѣлами управы благочинія, какъ предсѣдатель, а оберъ-полицеймейстеръ, какъ начальникъ полиціи распорядительной, даетъ ему предписанія, иногда такія, которыя тотъ не всегда въ возможности выполнить.

— „Какъ это такъ? Да что такое полицеймейстеръ? какой его чинъ?

— „Коллежскій совѣтникъ. (Онъ еще не былъ переименованъ).

— „Это значитъ полковникъ, ну, а тотъ вѣдь генералъ-майоръ: какъ же онъ смѣетъ не выполнять предписаній.

— „Въ управѣ благочинія, ваше сіятельство, производятся часто дѣла интересныя, и управа, состоя подъ указомъ губернскаго правленія, обязана дѣйствовать на точномъ основаніи законовъ, за нарушеніе чего Брокеръ можетъ подвергаться суду и отвѣчать своимъ имѣніемъ, мимо оберъ-полицеймейстера.

— „А! это дѣло другое, теперь понимаю. Не говори, однакожъ никому, что я у тебя спрашивалъ.

Думаю, что чрезъ 44 года, тѣнь графа проститъ мнѣ нарушеніе скромности".

П. Щ.

отъявленный мошенникъ; съ этого времени, разумѣется, нога моя не была у Алябьева. Такъ знакомство мое въ высшемъ кругу ограничивалось Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, извѣстнымъ поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи; сенаторомъ Львовымъ, бывшимъ адъютантомъ князя Таврическаго, и графинею Броліо.

Инженеръ-генералъ Карбоньеръ, удостоившій меня своею дружбою, не принадлежалъ къ аристократическому кругу; онъ былъ слишкомъ дѣльнымъ для этого. Итакъ, не удивительно, что наконецъ достигли того, что и самого графа Тормасова вооружили противъ его усерднаго работника, увѣривъ, что тотъ выдаетъ себя вездѣ за factotum'а.

Замѣтивъ перемѣну, я тотчасъ же просилъ увольненія, „съ состояніемъ по кавалеріи", и получилъ его немедленно.

Сдавъ канцелярію въ три дня, въ полной исправности, я написалъ письмо къ графу Тормасову, которое начинается такъ: „Сіятельнѣйшій графъ!—справедливо ли со мною поступлено, да судитъ Богъ серцевѣдецъ; я управлялъ дѣлами канцеляріи рукою непогрѣшительною, и если погрѣшилъ, то однимъ только, что при настоящемъ присутствіи государя не успѣлъ отдать справедливости моимъ сотрудникамъ, и потому, зная вашу правоту, представляю списокъ съ означеніемъ, по совѣсти, способностей каждаго, и кто чего достоинъ".

Всѣмъ исходатайствованы награды безъ малѣйшей отмѣны.

Послѣ этого я старался не встрѣчаться съ графомъ, хотя являлся въ благородномъ собраніи, съ открытыми на всѣхъ глазами.

Я не остался и безъ дѣла: занялся сочиненіемъ „Опыта о времесчисленіи", написалъ „Разсужденіе о наказаніяхъ", узнавъ о тайномъ комитетѣ, составленномъ съ цѣлью трактовать объ отмѣнѣ кнута. Это — фактъ немногимъ извѣстный, и между тѣмъ очень интересный. Предсѣдателемъ комитета былъ графъ Аракчеевъ, человѣкъ, ославившійся своею жестокостью; первымъ по немъ членомъ — министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій, нѣкогда славный полковникъ, державшійся строго правила „девять забей — десятаго поставь". Затѣмъ графъ Тормасовъ, Н. Н. Новосильцевъ, А. Н. Голицынъ, сенаторъ

Плотниковъ (извѣстный въ Москвѣ подъ прозваніемъ „Плохандросъ“, но онъ женатъ былъ на Архаровой) и предсѣдатель комиссіи строеній князь Циціановъ. Правителемъ дѣлъ назначенъ Марченко.

Предложили два вопроса: 1) можно ли отмѣнить кнутъ? и 2) чѣмъ замѣнить его въ такомъ случаѣ? При отрицательномъ рѣшеніи 1-го вопроса, 2-й самъ собою уничтожился. Предложили 3-й, что же бы такое сдѣлать, чтобы удовлетворить желаніе государя, „чѣмъ-либо, въ этомъ родѣ, ознаменовать посѣщеніе имъ Москвы“; придумали отмѣнить рваніе ноздрей, какъ мѣру предупрежденія побѣговъ, которая при существованіи этаповъ и внутренней стражи оказывается ненужною. Въ этомъ смыслѣ написанъ докладъ, высочайше утвержденъ и указъ данъ сенату[1]. Только что онъ вышелъ, въ московской уголовной палатѣ готовилось осужденіе преступника къ торговой казни. Секретарь, соображая, что при опредѣленіи наказанія кнутомъ всегда упоминалось „съ постановленіемъ знаковъ“, и находя эту мѣру также только предохранительною, какъ и рваніе ноздрей, обратился съ вопросомъ къ присутствію: клеймить или не клеймить? Присутствіе затруднилось, послали за прокуроромъ; прокуроръ также не рѣшился отвѣчать положительно; созвали на совѣтъ всѣхъ предсѣдателей, признали необходимымъ остановиться приговоромъ и представить вопросъ на разрѣшеніе правительствующаго сената. Сенатъ разрѣшилъ: по справкѣ, какъ въ указѣ сказано только объ одной отмѣнѣ рванія ноздрей, то и продолжать клеймить.

Такимъ образомъ самое благодушное намѣреніе государя, котораго исполненіе было бы лучшимъ памятникомъ его царствованія, не только обратилось въ ничто, но даже не помѣшало совершенно противному проявленію впослѣдствіи.

Между тѣмъ, узнавъ отъ Новосильцева, въ чемъ секретъ, я написалъ „о наказаніяхъ вообще“, и это черезъ него было

---

[1] Указъ изданъ въ Москвѣ, 25 декабря 1817 года; опубликованъ отъ 1 департамента Сената въ январѣ 1818 подъ подъ заголовкомъ „о нерваніи и невырѣзываніи ноздрей у преступниковъ“. *В. Ш.*

поднесено государю и послѣ въ канцелярію графа Аракчеева, съ надписью „читалъ". Изъ этой пьесы проявилось послѣ только: эшафотъ, телѣга и священникъ, но совсѣмъ не въ томъ видѣ.

Въ этомъ случаѣ Новосильцевъ просилъ государя отдать ему меня, какъ человѣка со способностями для дѣла, ему порученнаго, а именно: приспособленія англійскихъ институцій къ Россіи. Государь сказалъ: „Да, знаю, у тебя одинъ Байковъ 12 тысячъ беретъ за то, что хорошо шампанское пьетъ; но Штейнгеля тебѣ взять будетъ не ловко: онъ только что разстался съ неудовольствіемъ съ графомъ Тормасовымъ".

Въ концѣ слѣдующаго 1818 года въ Петербургѣ я былъ обнадеженъ графомъ Аракчеевымъ, что онъ возьметъ меня къ себѣ, и потому я долженъ былъ переѣхать изъ Москвы. Въ то же время, по поводу записки о наказаніяхъ, я написалъ о законахъ, касающихся до гражданственности въ Россіи. Выводъ былъ тотъ, что еслибы въ званіи простого гражданина родился человѣкъ, съ самыми честнѣйшими наклонностями, то нехотя разочтетъ, что лучше быть бездѣльникомъ. Эта пьеса была поднесена графу Аракчееву и породила въ немъ холодность. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ возвратилъ ее при слѣдующей запискѣ: „Графъ Аракчеевъ благодаритъ барона Штейнгеля за доставленныя ему бумаги, которыя при семъ возвращаетъ по ненадобію въ оныхъ. 19-го октября 1819 года".

Тогда же я написалъ разсужденіе о законахъ, относящихся до богохульства. Поводъ былъ замѣчательный — въ бытность мою еще правителемъ канцеляріи, на Рогожской улицѣ въ Москвѣ мѣщанинъ, придерживающійся раскола, встрѣтился съ дьячкомъ, и оба въ подгулѣ. „Экъ! ты нализался", — сказалъ послѣдній, — „вотъ ужо-те Дмитрій-то Ростовскій!" — „Убирайся ты, съ своимъ...". Дьячекъ не вынесъ, нанесъ заушеніе, отвѣтъ былъ такой же; на драку явился квартальный, и отсюда преступленіе первой степени! Уголовная палата осудила высѣчь кнутомъ и сослать вѣчно въ каторгу. А раскольникъ-то былъ бѣдный отецъ пятерыхъ дѣтей.

При докладѣ графъ Тормасовъ ужаснулся, признавъ такое рѣшеніе жестокимъ, и рѣшилъ доложить государю. Государь былъ того же мнѣнія, но присовокупилъ: „Это обстоятельство щекотливое; надо бы узнать, какъ думаетъ объ этомъ Августинъ". Графъ, передавая это мнѣ, прибавилъ. „Поѣзжай же ты къ своему пріятелю и потолкуй съ нимъ"; онъ всегда шутилъ надъ знакомствомъ моимъ съ преосвященнымъ. Августинъ тоже содрогнулся и велѣлъ сказать графу: „Пусть пришлютъ его къ намъ на покаяніе, мы его исправимъ". Когда я уже выходилъ отъ него, преосвященный вскричалъ вслѣдъ: „Постойте, постойте, Владиміръ Ивановичъ, вотъ еще что скажите графу: я такой вѣры, что если бы самъ Святитель былъ въ живыхъ, онъ первый былъ бы ходатаемъ за этого несчастнаго". На другой же день было доложено государю и объявлено высочайшее повелѣніе сенату: освободить отъ наказанія, предавъ духовному покаянію.

Разсужденіе это было написано съ полною энергіею, съ цѣлью убѣжденія, что существующій законъ, отъ котораго содрогнулась рука, долженствовавшая утвердить приговоръ, отвратный сердцу монарха и не одобряемый духовною властью, не имѣетъ и тѣни христіанской мысли въ основаніи. Оно было черезъ Тургенева доставлено князю Голицыну — тогда министру духовныхъ дѣлъ, и, какъ все возникающее снизу, осталось безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что истина представлялась отъ человѣка опальнаго, а въ логикѣ Наѳанаила сказано: „Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?"

Въ 1819 году скончался графъ Тормасовъ; я напечаталъ въ журналѣ „Сынъ Отечества" его біографію, которая послѣ внесена въ „Жизнь россійскихъ полководцевъ", и въ которой, не прибѣгая къ постыдной и низкой лести, я отдалъ полную справедливость благородному характеру графа.

Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ графъ Аракчеевъ повторялъ: „потерпите, потерпите", директоръ департамента министерства финансовъ, Дружининъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто директора варшавской таможни, по новому только что вышедшему положенію. Я отвѣчалъ: „Что же вы хотите, чтобы государь принялъ это за явное доказательство наклон-

ности къ корыстолюбію?“ — „О, нѣтъ“, — отвѣчалъ Дружининъ, — „это управленіе будетъ состоять подъ непосредственнымъ наблюденіемъ цесаревича, и потому предполагается, что никто съ мыслями корысти не рѣшится вступить въ эту должность“. Я согласился, мы поѣхали къ министру, графу Гурьеву. Графъ обласкалъ какъ нельзя болѣе и требовалъ только, чтобы я вышелъ изъ военной службы, говоря: „Я бы самъ подалъ докладъ, но государь не желаетъ, чтобы мы брали военныхъ прямо“. По этому поводу я подалъ въ отставку, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. По настоянію министра о поспѣшеніи я уже готовъ былъ ѣхать въ Варшаву, какъ вдругъ государь назначилъ на это мѣсто Бибикова. На похвальный отзывъ обо мнѣ министра государь сказалъ: „Я въ немъ отказалъ Новосильцеву, позволь и тебѣ отказать“. Тогда я обратился къ князю Голицыну и просилъ его предстательства о томъ, чтобы государь оказалъ милость, повелѣвъ объявить мнѣ мою вину и принять отъ меня оправданіе. Въ этомъ смыслѣ, съ согласія князя, я самъ написалъ къ государю, черезъ статсъ-секретаря Кикина, письмо, которое оканчивалось слѣдующими словами:

„Государь! благочестивѣйшіе предки вашего величества имѣли обычай на Святую Пасху отпускать вины самымъ злѣйшимъ преступникамъ; неужели вы, государь, коего свѣтъ прославляетъ христіанскія добродѣтели и человѣколюбіе, въ сіи святые и великіе дни, откажете въ одной справедливости невинному и не восхотите въ мнѣніи вашемъ возвратить доброе имя тому, который былъ и умретъ честнымъ и ревностнымъ вашего императорскаго величества вѣрноподданнымъ“.

Въ великую пятницу, когда князь Голицынъ, кончивъ докладъ, заговорилъ обо мнѣ, государь прервалъ его и выразился такъ: „А кстати, онъ ко мнѣ пишетъ, вотъ его письмо, призови его къ себѣ и скажи ему, что напрасно онъ тебя цитуетъ: не твое дѣло входить въ посредство, это не по твоей части, до тебя не касается, и что, впрочемъ, я самъ лучше тебя его знаю“. Князь, передавая эти слова, присовокупилъ: „Крайне жаль, но долженъ вамъ сказать, что вы такъ очернены въ мнѣніи государя, что мой вамъ совѣтъ о службѣ и не помышлять“.

Не только я былъ пораженъ такимъ результатомъ, но и любящій меня г. Карбоньеръ — не менѣе. По его участію я принужденъ былъ принять управленіе частнымъ винокуреннымъ заводомъ въ Тульской губерніи. Съ дѣломъ я ознакомился тотчасъ, но отношеніе къ казенной палатѣ показалось невыносимо. Тогда операція винной продажи производилася отъ казны. Больше года я не могъ пробыть; возвратясь въ Москву, я получилъ приглашеніе отъ астраханскаго губернатора Попова „помочь ему" въ отношеніяхъ его къ генералъ-губернатору Ермолову; я поѣхалъ и тутъ познакомился со многими новыми предметами. Въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ я занимался дѣлами у губернатора, написалъ представленія: объ управленіи калмыками, о рыболовной экспедиціи, о тюленьей ловлѣ. Между прочимъ, съ ужасомъ узналъ, что армяне, имѣющіе права дворянъ, покупаютъ на Макарьевской ярмаркѣ крѣпостныхъ людей и перепродаютъ ихъ, разбивая семейства, въ рабство къ трухменцамъ. Я рѣшился написать объ этомъ прямо государю. Впослѣдствіи продажа людей безъ земли была строго воспрещена.

Увидя, что желаніе губернатора имѣть меня сотрудникомъ не могло черезъ г. Ермолова осуществиться, я возвратился въ Москву. Здѣсь, по предварительному данному отъ университета дозволенію на право завести пансіонъ, я было и приступилъ къ этому; но тогдашній поставщикъ арміи Варгинъ предложилъ заняться его дѣлами на очень выгодныхъ для меня условіяхъ, и я согласился.

IV.

Знакомство съ Рылѣевымъ.—Кончина императора Александра Павловича.—Дѣйствія тайнаго общества.—Сношенія Штейнгеля съ Рылѣевымъ.—Я. И. Ростовцевъ.—14-е декабря.—Арестъ Штейнгеля.—Бесѣда съ нимъ императора Николая.—Пребываніе въ Петропавловской крѣпости.—Допросы.—Графъ Татищевъ и Кутузовъ.—Сентенція верховнаго суда.—Заключеніе въ Свартгольмѣ.—Ссылка въ Сибирь.—Милости императора Николая.—П. Д. Горчаковъ.—Генералъ Анненковъ.—Коронація Александра II и освобожденіе Штейнгеля.—Письмо его къ императору Александру II.—Пріѣздъ въ Петербургъ и жизнь въ немъ.

Съ 1823 года началась для меня роковая эпоха, именно когда вышелъ замѣчательный альманахъ „Полярная звѣзда". Въ первой книжкѣ этого альманаха, между прочимъ, помѣщенъ былъ переводъ Рылѣева сатиры Ювенала „на временщика". Очевидно эта статья намекала на графа Аракчеева, а потому выходка оказалась очень смѣлою и сильно выставляла поэта переводчика. Лѣтомъ этого года надобно было мнѣ, по дѣламъ Варгина, быть въ Петербургѣ. Въ книжномъ магазинѣ Сленина, совершившаго небывалое въ Россіи дѣло, покупку права на второе изданіе „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, за 75 тысячъ, когда еще первое изданіе не разошлось, я спросилъ у Сленина, бываетъ ли у него въ магазинѣ Рылѣевъ; при утвердительномъ отвѣтѣ онъ прибавилъ: а онъ о васъ недавно спрашивалъ, не будете ли вы сюда.—Это какъ?—и вдругъ входитъ незнакомый человѣкъ, въ которомъ Сленинъ представляетъ мнѣ Кондратія Ѳедоровича Рылѣева.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, я сказалъ ему: „Что мнѣ было интересно узнать васъ, это не должно васъ удивлять; но чѣмъ я могъ васъ заинтересовать—отгадать не могу". „Очень просто,—я пишу Войнаровскаго, сцена близъ Якутска, а какъ вы были тамъ, то мнѣ хотѣлось попросить васъ, прослушать то мѣсто поэмы и сказать, нѣтъ ли погрѣшностей противъ мѣстности".

Я отвѣчалъ „съ удовольствіемъ", и тотчасъ же Рылѣевъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ и совершенно обворожилъ меня собою, такъ что мы разстались друзьями.

На другой годъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился въ домѣ россійско-американской компаніи въ квартирѣ директора Прокофьева и нашелъ Рылѣева правителемъ дѣлъ компаніи. Это еще болѣе насъ сблизило, особенно когда надобно было заняться дѣломъ директоровъ, Крамера и Сѣверина, чуть было не доведшихъ компанію до банкротства.

Однажды Рылѣевъ пригласилъ меня съ нимъ отобѣдать въ гостиницѣ подъ фирмою „Лондонъ", на балконѣ, который по удаленію отъ сообщества онъ называлъ Америкою.

Обѣдали вдвоемъ, вскорѣ отъ компанейскихъ дѣлъ перешли къ общему тогдашнему ходу вещей въ государствѣ. Перебирая случаи неурядицы и злоупотребленій, я первый съ экстазомъ произнесъ: „И никто этого не видитъ; неужели нѣтъ людей, которыхъ бы интересовало общее благо!" Рылѣевъ привскочилъ, схватилъ меня за руку и съ самымъ энергичнымъ взглядомъ, удушливо, сказалъ: „Есть люди! Цѣлое общество! Хочешь ли быть въ числѣ ихъ?" Меня обдало холодомъ, я тотчасъ же почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво, и однако же, немедля нимало, отвѣчалъ: „Любезный другъ, я уже не мальчикъ, мнѣ 42-й годъ; прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мнѣ нужно знать, что это за люди, какая цѣль общества; апрантивомъ мнѣ быть уже не прилично".—„Я не могу теперь сказать тебѣ,—отвѣчалъ Рылѣевъ, но поговорю съ директорами, тогда скажу". На этомъ пресѣкся разговоръ и не возобновлялся до самаго отъѣзда моего. При прощаніи Рылѣевъ сказалъ: „Директора наши въ Красномъ Селѣ, я не успѣлъ ни съ кѣмъ видѣться; а вотъ тебѣ письмо къ моему другу Ивану Ивановичу Пущину; тебѣ будетъ пріятно познакомиться съ нимъ, и онъ тебѣ все откроетъ". И дѣйствительно познакомиться съ Пущинымъ было для меня чрезвычайно пріятно; но объ обществѣ я узналъ только, что оно образовалось съ цѣлью дѣйствовать противъ злоупотребленій и невѣжества, и что они съ Рылѣевымъ съ этою цѣлью оставили военную службу и служили въ с.-петербургской уголовной палатѣ волонтерами для наученія порядка дѣлъ, и съ этою же цѣлью онъ теперь надворный судья. Что касается до общества, оно раздѣлилось, на два: сѣверное и южное, по разногласію, и на этотъ

разъ въ совершеннномъ бездѣйствіи. Болѣе я и не любопытствовалъ.

Въ слѣдующемъ (1825) году, я привезъ въ Петербургъ трехъ сыновей для опредѣленія двухъ (Ростислава и Николая) въ пансіонъ Муральта, а третьяго (Всеволода) въ морской корпусъ. Окончивъ это, я готовъ уже былъ возвратиться въ Москву, какъ вдругъ, 27-го ноября утромъ, явился ко мнѣ Рылѣевъ, жившій въ нижнемъ этажѣ дома Россійско-Американской компаніи, и объявилъ, что въ 4 часа утра пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что государь опасно боленъ и едва ли живъ; что весь синклитъ собирается въ Александро-Невскую лавру для молебствія о здравіи, и что онъ поѣдетъ узнать, что будетъ.

Въ 11 часовъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами: „Ну, все кончено, государь не существуетъ. Только что пропѣли Херувимскую, начальникъ гвардейскаго штаба Нейдгардтъ подошелъ къ великому князю Николаю Павловичу, шепнулъ ему что-то на ухо; великій князь потихоньку вышелъ, и всѣ за нимъ поѣхали во дворецъ. Теперь присягаютъ Константину“.

На другой же день, какъ скоро присяга огласилась совершенно, я написалъ женѣ: „Я хотѣлъ уже выѣзжать, но вдругъ вѣсть о кончинѣ государя, и на престолѣ Константинъ. Ты знаешь мои отношенія къ людямъ, къ нему близкимъ, и потому не удивишься, что рѣшился остаться“.

Въ этомъ вся причина погибели. Думалъ дождаться почестей—выждалъ лишеніе всего! Наступили 17 дней тайныхъ обоюдныхъ маневровъ. Съ одной стороны, подъ наружностію скораго ожиданія прибытія новаго императора, распоряженія подъ рукою о готовности перемѣнить присягу; съ другой—все что принадлежало къ тайному обществу и дремало въ совершенной апатіи, вдругъ встрепенулось и приняло за motto—„теперь или никогда“.

Любопытство всѣхъ и каждаго было напряжено въ высшей степени. И какъ Рылѣевъ имѣлъ обо всемъ точныя свѣдѣнія, то очень естественно, что каждый день, поутру и ввечеру, заходилъ къ нему съ вопросомъ: „ну, что у васъ дѣлается?“

Изъ того, что слышалъ, я могъ только заключить о броженіи умовъ молодыхъ людей между гвардейцами и о возгласахъ, безъ всякаго положительнаго плана и обдуманности, и имѣлъ сильный поводъ заключить, что это одна болтовня, экстазъ. Я никогда ни въ какомъ совѣщаніи не былъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ Рылѣева и въ послѣдній вечеръ Ростовцева, ни слова не говорилъ, и не могъ говорить по той простой причинѣ, что никого не зналъ. Въ эти дни всѣ казались единомышленниками. За обѣдомъ у директора Россійско-Американской компаніи 12-го числа декабря, гдѣ присутствовалъ сенаторъ гр. Хвостовъ и между прочими Гречъ и Булгаринъ, что было говорено, того теперь, конечно, послѣдніе не сознаютъ, послѣ нападенія на „злоумышленниковъ".

Въ эту суматоху я одинъ только разъ имѣлъ возможность поговорить съ Рылѣевымъ и тутъ высказалъ ему свое мнѣніе, что въ Россіи республика невозможна, и революція съ этимъ намѣреніемъ будетъ гибельна; что въ одной Москвѣ 90 т. однихъ дворовыхъ, готовыхъ взяться за ножи, и что первыми жертвами тогда будутъ ихъ бабушки, тетушки и сестры. Если же непремѣнно хотятъ перемѣны порядка, то лучше признать царствующею императрицею Елизавету Алексѣевну, и подкрѣпилъ эту мысль всѣми доводами, которыхъ онъ не могъ опровергнуть. Чтобы болѣе его убѣдить въ этой идеѣ, я вызвался написатъ проектъ манифеста въ этомъ смыслѣ. Все это осталось втуне. Рылѣевъ такъ завлекся, что уже отступить назадъ не могъ. Утромъ 14-го числа Ростовцевъ принесъ ему описаніе своего поступка и сказалъ: „дѣлай со мною, что хочешь, я не могъ иначе поступить". Рылѣевъ былъ озлобленъ на него чрезвычайно и при свиданіи со мною тотчасъ послѣ его посѣщенія передалъ мнѣ о случившемся, показалъ записку Ростовцева и съ сердцемъ проговорилъ: „его надо убить для примѣра". Я постарался, однако же, его успокоить и упросилъ ничего противъ Ростовцева не предпринимать. „Ну, пусть его живетъ!"—сказалъ Рылѣевъ съ тономъ болѣе презрительнымъ, нежели злобнымъ. Сверхъ того, Рылѣевъ разсказалъ мнѣ, что Каховскій по какому-то отчаянію вызвался быть режи-

сидомъ, и что если прямо не присягнули Николаю Павловичу, то причиною тому Милорадовичъ, который предупредилъ великаго князя, что не отвѣчаетъ за спокойствіе столицы по той ненависти, какую къ нему питаетъ гвардія. До Милорадовича не доходило ничего, о чемъ шпіоны доносили тайной полиціи; напротивъ Рылѣевъ былъ во всемъ предупреждаемъ. Кромѣ того, я былъ свидѣтелемъ, какъ капитанъ Репинъ давалъ отчетъ за Финляндскій полкъ, что большая часть готовы дѣйствовать, но Моллеръ просилъ на его баталіонъ не надѣяться. До самой ночи 13-го и даже по утру 14-го декабря нельзя было ожидать чего-либо. Въ крикѣ Московскаго полка неслась по Гороховому проспекту буря— и площадь обагрилась кровью. Я былъ зрителемъ, какъ и многіе; тутъ узналъ, что Ростовцевъ, избитый прикладами, увезенъ домой; тотчасъ отправился къ нему и былъ свидѣтелемъ посѣщенія присланныхъ отъ государя флигель-адъютанта и доктора.

Рылѣевъ въ тотъ же вечеръ былъ арестованъ. Я думалъ быть въ совершенной безопасности; присягнулъ государю въ церкви Вознесенья; 20-го декабря выѣхалъ изъ Петербурга; 23-го былъ въ Москвѣ. 3-го января 1826 года, раннимъ утромъ, меня арестовали и 6-го въ 5 часовъ утра привезли въ Петербургъ прямо во дворецъ.

Здѣсь началось съ того, что дежурный генералъ-адъютантъ Чернышевъ оскорбилъ меня своею грубостію и угрозами. Изъ другой комнаты, гдѣ замѣтно, что спалъ и только что одѣвался, онъ закричалъ скалозубовскимъ басомъ: „Что вы тамъ задумали!—мы все знаемъ. Отведите его въ фельдъегерскую“.

Трудно описать, до какой степени наглость эта возмутила духъ мой. Меня перевели въ большую комнату, гдѣ дежурный фельдъегерь побрякивалъ своими шпорами. Тутъ долженъ я былъ просидѣть до 6-го часа вечера и съѣсть только ломтикъ бѣлаго хлѣба съ икрою. Въ 6 часовъ былъ представленъ къ допросу генералъ-адъютанта Левашева и потомъ удостоился видѣть самого государя. „Штейнгель, и ты тутъ?“—сказалъ онъ.—„Я только былъ знакомъ съ Рылѣевымъ“—отвѣчалъ я.—„Какъ ты родня графу Штейнгелю?“—

„Племянникъ его, и ни мыслями ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя кучу дѣтей!"—„Дѣти ничего не значатъ,—прервалъ государь,—твои дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?"—„Зналъ, государь, отъ Рылѣева".—„Зналъ и не сказалъ—не стыдно ли?"—„Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому нибудь право назвать меня подлецомъ!"—„А теперь какъ тебя назовутъ?"—спросилъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. „Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно", сказалъ государь съ ощутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвести въ крѣпость.

Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепетъ. „Твои дѣти будутъ мои дѣти" и это „прошу не прогнѣваться" — казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи. Здѣсь кстати разсказать замѣчательное явленіе въ психологическомъ отношеніи.

Ввечеру на второй или третій день по заключеніи, ходя изъ угла въ уголъ каземата, съ напряженнымъ духомъ, я испытывалъ себя, въ состояніи ли я умереть на эшафотѣ съ полнымъ присутствіемъ духа, и прослѣдилъ весь процессъ. Казнивъ себя такимъ образомъ, я легъ и заснулъ. Мнѣ представилось во снѣ, что меня съ прочими везутъ изъ-за Байкала, на тройкахъ, и по въѣздѣ на бугоръ Никольской пристани увидѣлъ я, что изъ перваго дома ко мнѣ бѣжитъ съ распростертыми объятіями Загоскинъ [1], который, бросившись ко мнѣ, вскричалъ: „ты возвратился, другъ любезный".

Очень естественно, что сонъ этотъ я принялъ за слѣдствіе разстроеннаго воображенія и, готовясь на смерть, рѣшился недешево отдать свою жизнь. Эта мысль возродила дерзновенье.

---

[1] Другъ Штейнгеля, авторъ „Юрія Милославскаго" и „Рославлева", которому, впрочемъ, не суждено было дожить до свиданья, онъ умеръ нѣсколько ранѣе помилованія декабристовъ. *П. Щ.*

Потребовавъ бумаги, на что дано было право, я написалъ государю, въ собственныя руки, очень обширное письмо, содержащее краткій, но рѣзкій очеркъ минувшаго царствованія, съ раздѣленіемъ его на три эпохи: филантропіи, военную и мистицизма; тутъ между прочимъ я нѣкоторымъ образомъ предсказалъ случившееся послѣ въ военномъ поселеніи.

Въ самыхъ отвѣтахъ моихъ я уже не соблюдалъ никакой осторожности; такъ, напримѣръ, въ дополнительномъ отвѣтѣ, приведя всѣ доказательства, что меня можно по справедливости обвинить въ томъ только, что, бывши неожиданно, противъ воли депозиторомъ чужой тайны, не сдѣлался доносчикомъ, какихъ всегда презираютъ даже тѣ самые, въ чью пользу доносятъ, я заключилъ: „Вы, милостивые государи, которые должны произвесть надо мною судъ по совѣсти, приведите на память этой самой совѣсти событія 1801 года съ 11-го на 12-е марта. Итакъ, были и будутъ вѣчно обстоятельства выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, постановленій и обязанностей".

Въ другихъ отвѣтахъ, писанныхъ противъ вопросныхъ пунктовъ, сознаваясь, почему не былъ сторонникомъ великаго князя, написалъ такія вещи, которыя показались слишкомъ дерзновенными; былъ призванъ въ комитетъ, и тамъ послѣдній сидящій съ лѣвой стороны членъ, генералъ-адъютантъ П. В. Кутузовъ, закричалъ: „Какъ вы смѣли, милостивый государь, писать такія мерзости про государя?" — „Такого добраго, милосердаго", присовокупилъ президентъ, военный министръ Татищевъ, протяжно жалостнымъ тономъ, какъ бы желая дать понять, зачѣмъ такъ раздражать противъ себя. Татищевъ зналъ, что мнѣ извѣстны обстоятельства, которыхъ открытіе могло бы быть очень непріятно. Въ другой разъ, когда меня отвели въ ближнюю комнату, для очной ставки съ Семеновымъ, Татищевъ вышелъ за мною и ласково убѣждалъ не опасаться, увѣряя, что всячески старается спасти меня. Я взглянулъ на него съ горькою недовѣрчивостью и дѣйствительно словамъ его нисколько не вѣрилъ, имѣя прежде съ нимъ нѣкоторыя столкновенія. Что касается до Кутузова, восклицаніе его не могло не по-

казаться мнѣ безстыдствомъ: я зналъ, что этотъ теперешній судья возмутителей былъ нѣкогда въ сонмѣ пьяныхъ режисидовъ, а потому спокойно отвѣчалъ: „я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорблять государя; но вы сами требовали во всемъ полнаго и чистосердечнаго сознанія, а потому я написалъ, что заставляло меня предпочтительно желать царствованія Елизаветы Алексѣевны". — „Такъ вы можете это перемѣнить", подхватилъ кротко Бенкендорфъ, „вѣдь намъ надобно это присовокупить къ дѣлу." — „Очень охотно", отвѣчалъ я. — „Ну, такъ мы пришлемъ вамъ переписанные вопросы, напишите тѣ же отвѣты, выпустивъ все оскорбительное". „Угодно, чтобы и о Елизаветѣ Алексѣевнѣ не упоминать?" — „Нѣтъ, это можете оставить". — Такъ и сдѣлано.

Утверждаю съ клятвою, что до самаго объявленія сентенціи не зналъ и не воображалъ, что надъ ними есть судъ. Когда верховный судъ отрядилъ членовъ для опроса содержащихся въ крѣпости: 1) точно ли отвѣты подписаны собственною рукою каждаго и 2) не имѣютъ ли какихъ претензій, — приглашеніе отъ плацъ-адъютанта было сдѣлано тою же фразою: „Сегодня пожалуйте въ комитетъ".

Войдя, я увидѣлъ другую комнату, другія лица; но что это значило, не могъ догадаться, имѣя хорошія понятія о судопроизводствѣ, даже и тогда, когда позвали въ комитетъ когда надо было выслушать предъ цѣлымъ сонмомъ верховнаго суда, что осужденъ на 20 лѣтъ въ каторжную работу. Точно также былъ я пораженъ удивленіемъ, когда вмѣсто Сибири отвезли въ Финляндію и засадили въ крѣпость Свартгольмъ, взорванную потомъ (въ Крымскую войну) англичанами.

Здѣсь меня ввели въ 1 № секретнаго дома; это былъ низкій казематъ, 8 шаговъ длины и 6 ширины, съ двумя желѣзными дверьми и маленькимъ окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою. „Это ваше мѣсто", — проговорилъ черство офицеръ, смотритель, и съ шумомъ заперъ двери запорами и ключемъ. Это была самая ужаснѣйшая минута во всей жизни. Мнѣ вообразилось, что тутъ опредѣлено умереть. Я упалъ передъ окошечкомъ на колѣни и молился на свѣтъ,

Создателю свѣта, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ никогда не молился. Слезы текли ручьемъ, сердце облегчилось, я всталъ и въ ту же минуту услышалъ, что двери темницы отворяются. Смотритель вошелъ и ласково просилъ извиненія, что ничего не приготовлено, но все будетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ спросилъ: „Не прикажете ли что? Намъ велѣно пристойно содержать васъ". Carcero duro проджалось до февраля мѣсяца 1827 г. (съ іюня 1826 г.), до пріѣзда генералъ-губернатора Финляндіи Закревскаго. Онъ приказалъ допускать къ общему обѣду, къ прогулкѣ по одиночкѣ и въ баню. Положеніе облегчилось. Въ іюнѣ того же года, заковавъ въ желѣзы, отправили въ Сибирь съ фельдъегеремъ. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Лавинскій, велѣлъ садить привозимыхъ въ острогъ съ убійцами и ворами. Преосвященный Михаилъ, въ одинъ воскресный день, нарочно служилъ въ острожной церкви, чтобы подать слово утѣшенія несчастнымъ и благословить просфорою. Наконецъ всѣ собраны были въ Читу. Тутъ узнали объ особенномъ вниманіи государя, оказанномъ назначеніемъ генерала Лепарскаго комендантомъ для наблюденія за государственными преступниками. Это оказался человѣкъ и умный, и благороднѣйшій. По его представленію, 30-го августа 1828 года сняты съ ногъ кандалы. Въ 1830 году, перешли пѣшкомъ 100 верстъ въ Петровскій заводъ и помѣщены въ потемки вновь выстроеннаго собственно для насъ каземата. Лепарскій исходатайствовалъ тотчасъ свѣтъ: прорубили окна. Здѣсь составили свои правила и жили, какъ въ монастырѣ, занимаясь науками.

По истеченіи 10 лѣтъ, въ 1836 году, меня перевели поселенцемъ въ село Елань, въ 67 верстахъ отъ Иркутска. Пораженный мыслію, что при первой болѣзни безъ помощи могу умереть, воспользовался разрѣшеніемъ писать своеручно [1] и написалъ графу Бенкендорфу письмо, въ которомъ просилъ его исходатайствовать у государя двѣ милости,

---

[1] До этого времени за ссыльныхъ писали жены нѣкоторыхъ изъ нихъ, жившія тамъ, какъ, напримѣръ, Трубецкая, Юшневская; всѣ письма съ начала до самаго возвращенія въ Петербургъ присылались черезъ III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. *В. Ш.*

чтобы государь простилъ меня, какъ человѣкъ человѣка, что это потребность души на часъ смертный, и чтобы повелѣлъ перевесть меня въ г. Ишимъ, для сближенія съ родными. Чрезъ генералъ-губернатора Сибири воспослѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ бытность въ Ишимѣ оказана была новая высочайшая милость, по письму моему къ статсъ-секретарю Мордвинову, опредѣленіемъ послѣдней дочери моей въ московскій Екатерининскій институтъ пансіонеркою государя. Затѣмъ послѣ бывшаго въ Ишимѣ пожара, въ которомъ чуть не сгорѣлъ, перевели меня въ г. Тобольскъ.

Новый губернаторъ Ладыжинскій, знавшій меня по Москвѣ, обласкалъ меня особенно и потомъ просилъ заняться преподаваніемъ его малолѣтней дочери необходимыхъ элементарныхъ уроковъ. Когда въ 1842 году возмутились въ смежныхъ уѣздахъ Пермской губерніи крестьяне, и начались неистовства, приводящія въ содроганіе, и даже произвели безпокойства и броженіе умовъ въ трехъ пограничныхъ уѣздахъ, Ладыжинскій просилъ меня написать къ народу остерегательную прокламацію народнымъ, вразумительнымъ языкомъ и потомъ еще двѣ краткихъ, но сильныхъ. Онѣ подѣйствовали. Генералъ-губернатору Западной Сибири, князю П. Д. Горчакову, не понравилось, что удержаніе спокойствія стали приписывать губернатору, и какъ прокламаціи были составлены мною, то онъ предписалъ отослать меня въ г. Тару, сообщивъ графу Бенкендорфу, что Штейнгель занимается редакціею бумагъ у губернатора и потому имѣетъ вліяніе на управленіе губерніи, что онъ находитъ неприличнымъ.

Пораженный при всемъ своемъ несчастіи, этимъ оскорбленіемъ со стороны сильнаго, я написалъ графу Бенкендорфу и неумѣренно выставилъ, какія чувства могутъ быть внушаемы подобными нападками. Чрезъ начальника штаба жандармовъ мнѣ прямо сдѣлано замѣчаніе и напоминаніе, чтобы впредь былъ осторожнѣе. По вступленіи графа Орлова въ управленіе III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, я написалъ къ нему и просилъ возвращенія въ Тобольскъ. Не получивъ даже отзыва, повторилъ

просьбу энергическимъ образомъ; послѣдовалъ отвѣтъ, что не буду удовлетворенъ, пока не перемѣню свой безпокойный нравъ и пока не получу одобренія отъ начальства.

Въ этомъ положеніи наѣхалъ ревизовать Западную Сибирь генералъ-адъютантъ Анненковъ. Я написалъ къ нему въ Тобольскъ и, когда онъ проѣзжалъ черезъ Тару, былъ у него и по поводу вопроса его о причинѣ замѣченной имъ медленности по всѣмъ дѣламъ написалъ ему полный и возможно удовлетворительный отвѣтъ. Хотя послѣдствій по отвѣту никакихъ явно не было, но меня перевели въ Тобольскъ.

Наконецъ, за тяжкими и горестными событіями для Россіи, послѣдовалъ благодатный миръ и свѣтлое коронованіе Александра II, а съ нимъ и неожиданное, невоображаемое, возвращеніе изъ 30-ти лѣтней ссылки. Для немногихъ, оставшихся въ живыхъ, изгнанниковъ радость полная, но и тутъ не безъ отравы.

Выѣздъ въ столицы запрещенъ!

Благородный сынъ, инспекторъ лицея [1], прислалъ тотчасъ же 300 руб. и приглашеніе ѣхать въ Тверь, гдѣ назначилъ свиданіе. Сердце отца не могло размышлять. Старикъ 74 лѣтъ, несмотря на осень и безпутицу, воспользовался оказіею и рѣшился быть спутникомъ молодого гвардейскаго офицера, возвращавшагося въ Петербургъ изъ отпуска. Предъ самымъ отъѣздомъ написалъ письмо государю, излилъ свои благодарныя чувства, и между прочимъ со слезами пали на бумагу, прямо изъ сердца, слѣдующія слова:

„Дозвольте видѣть Москву. Сердцемъ и трудами я участвовалъ въ возсозданіи ея изъ пепла и въ осушеніи слезъ у разоренныхъ и бѣдныхъ. Безъ укора совѣсти, открытыми глазами, могу глядѣть на отблескъ ея золотыхъ маковицъ. Въ Москвѣ я сердцемъ считалъ выстрѣлы, возвѣщавшіе благодатное рожденіе ваше. Въ Москвѣ прахъ моихъ дѣтей и близкихъ родныхъ. Снимите прещеніе, котораго источникъ, я это глубоко чувствую, не въ божественной благости высокаго духа вашего.

---

[1] Баронъ Вячеславъ Владиміровичъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военно-ученаго комитета. *П. Щ.*

„Въ Петербургѣ жена, дѣти мои, всѣ родные —и 30 тяжкихъ лѣтъ разлуки.

„Государь, отверзите только этой мысли высокое сердце ваше!“

Отвѣта не воспослѣдовало! До сихъ поръ не позволю себѣ думать, чтобы строки эти имѣли счастіе быть прочтенными самимъ государемъ и не тронули его сердца.

Достигнувъ Москвы 24-го октября 1856 года, я остановился за заставою и написалъ къ графу Закревскому письмо о дозволеніи въѣхать и пробыть дня два въ Москвѣ, для приготовленія къ отправленію по желѣзной дорогѣ въ Тверь. Письмо возвращено съ резолюціею: „Дозволяю въѣхать и пробыть два дня“. Я употребилъ эти два дня на посѣщеніе митрополита и преосвященнаго Евгенія. Перваго зналъ съ 1814 года еще архимандритомъ; второго пожелалъ видѣть по славѣ, какую тотъ оставилъ о себѣ въ Тобольскѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ поклонился праху бывшаго моего начальника, такъ легко нѣкогда меня предавшаго, и подалъ поминаніе о душѣ его. Въ Твери дѣйствительно встрѣтилъ и прижалъ къ сердцу двухъ сыновей, оставшихся изъ шести: одинъ полковникъ и инспекторъ лицея, другой поручикъ л.-гв. гатчинскаго полка. Между тѣмъ успѣлъ познакомиться съ достопочтеннымъ архимандритомъ Платономъ, настоятелемъ Желтикова Успенскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи св. Арсенія, архіепископа тверского.

Дѣти перевезли меня, для ожиданія разрѣшенія на выѣздъ въ С.-Петербургъ, въ Колпино, гдѣ оставался до 27-го ноября, пока по ходатайству попечителя лицея, его императорскаго высочества принца Ольденбургскаго, не послѣдовало высочайшее соизволеніе жить съ семействомъ. Замѣчательно, что въѣхалъ въ С.-Петербургъ въ тотъ самый день, съ котораго, за 32 года, начались мое несчастіе и страданья, т. е. въ которой получено было извѣстіе о кончинѣ государя Александра I.

Въѣхавъ въ столицу, прямо отъ заставы поспѣшилъ къ могилѣ своего друга адмирала Рикорда и сотворилъ поклоненіе мощамъ св. Александра Невскаго. На другой день помолился чудотворной иконѣ Нерукотвореннаго Спасителя,

въ домикѣ Петра Великаго. На третій поспѣшилъ поклониться праху блаженной памяти государя Николая I; сердце сжалось, обильныя слезы съ тихимъ рыданіемъ облегчили грудь: казалось, и изъ гроба повторилъ государь: „давно простилъ тебя!“

Все это не помѣшало, однако же, начальнику III Отдѣленія (князю Долгорукову) счесть нужнымъ призвать къ себѣ 74-лѣтняго старца и пристращать его нотаціею, чтобы велъ себя осторожнѣе. Старикъ сообразовался съ тою ролью, которую на него этимъ фактомъ налагали еще разъ: не высказалъ ни малѣйшаго признака оскорбленія, но не могъ не почувствовать полнаго сожалѣнія...

Вскорѣ нашли, что не прилично и неумѣстно жить мнѣ въ лицеѣ. Сватъ мой, вице-адмиралъ Анжу, пріютилъ меня на своей квартирѣ.

Итакъ, я снова попалъ въ положеніе столь же странное, какъ и тяжкое, тяжкое до того, что едва ли не тяжелѣе ссылочнаго. Одно, что миритъ съ нимъ, это мысль, что Господу не угодно въ этомъ мірѣ вполнѣ облегчить несомый крестъ.

Это требуетъ поясненія.

Вызваннымъ изъ Сибири, какъ изъ гроба, намъ сказано только „грядите вонъ“, но не прибавлено „разрѣшить имъ узы“. Возвращено достоинство родовое, но съ ограниченіемъ свободы, съ оставленіемъ признака кары, отверженія и напоминанія для всѣхъ и каждаго: „это былъ преступникъ“. Всему долженъ быть предѣлъ, даже ненависти и мщенію. Провидѣніе какъ бы нарочно оставило немногихъ зажиться въ страданіи, чтобы вызвать проявленіе христіанскаго полнаго примиренія и прощенія; вмѣсто того, что проявилось: лице, приговоренное верховнымъ судомъ, каковъ бы судъ этотъ ни былъ, къ лишенію живота, не послушавшее ни правительства, ни закона, оставшееся спокойно за границею (Тургеневъ), получило всѣ почести, а тѣ, которые были во власти и страдали 30 лѣтъ, признаны нестоящими этого возвращенія и все-таки опасными, потому что по сіе время находятся подъ присмотромъ полиціи [1].

---

[1] Надзоръ полиціи прекращенъ въ 1859 году. *П. Щ.*

Часть III.

Мы немощни, вы же крѣпцы, вы славни, мы же безчестни.—Гоними терпимъ... Якоже отреби міру быхомъ (Корн. гл. 4, ст. 10, 12, 13).

Мореплаватель, отчужденный отъ всего близкаго сердцу, долго переноситъ бури, долго борется съ волнами, долго питается надеждою возвращенія, и вдругъ видитъ себя затертымъ въ льдяныя громады, холодно возвѣщающія смерть! Тогда онъ хватаетъ лоскутъ бумаги, пишетъ нѣсколько словъ, ввѣряетъ ихъ пустой хрупкой бутылкѣ, кидаетъ на удачу въ море и гибнетъ съ послѣднею отрадною мыслью: „узнаютъ какъ мы погибли!"—Кто съ благородною душею будетъ столь жестокосердъ, чтобы въ этой отрадной мысли отказать погибающимъ въ „житейскомъ морѣ, воздвигаемомъ напастей бурею"?!.. Кто осудитъ страдальцевъ, если бросятъ на удачу нѣсколько словъ въ океанъ времени, съ послѣднею надеждою: „авось перехватятъ внуки!" Довѣренность къ лучшимъ качествамъ людей отвѣтила отрицательно на эти вопросы и поощрила не уносить въ могилу нераскрытой истины. Но прежде чѣмъ увлечься одобреніемъ, мы сдѣлали себѣ вопросъ: событіе, погубившее насъ, стоитъ ли раскрытія въ немъ стороны, задернутой обвинителями, и можемъ ли мы это предпринять, съ увѣренностью, что устоимъ противъ соблазна приправлять истину желчью? Вотъ нашъ отвѣтъ. Если въ отвратительномъ эпизодѣ изъ царствованія Екатерины Великой, извѣстномъ подъ именемъ „Пугачевщины", первый русскій поэтъ нашего времени отыскивалъ истину,

и выдалъ изъ подъ своего пера отдѣльную исторію о сущемъ злодѣѣ, съ сожалѣніемъ, что не могъ проникнуть въ запечатанное дѣло о немъ, то катастрофа 1825 года, которая, изумивъ Россію и всю Европу, погубила многихъ,—по сознанію самихъ преслѣдователей—лучшей участи достойныхъ людей,—и вмѣстѣ съ тѣмъ заставила правительство энергически взяться за дѣло государственнаго благоустройства,—конечно, заслуживаетъ, чтобы дойти до потомства въ полномъ свѣтѣ, при которомъ можно бы было разсмотрѣть истину. Кто не сожалѣетъ теперь о таинственностяхъ въ явленіи самозванцевъ, въ низложеніи и страданіи митрополита Арсенія, въ замыслахъ Мировича и во многихъ другихъ случаяхъ, раскрываемыхъ въ нашей исторіи иностранцами, можетъ быть не всегда вѣрно и уже, конечно, односторонне!

Много лѣтъ пролетѣло уже съ того незапамятнаго времени. Много важнѣйшихъ событій совершилось на сценѣ политическаго міра.—Идеи измѣнились. Девятнадцатый вѣкъ охарактеризовался. Во всемъ прогрессъ—въ открытіяхъ, въ усовершенствованіяхъ, въ сближеніяхъ народовъ. Предъ стремленіемъ къ общенію, къ братству, къ общему миру, исчезаетъ время и разстояніе.—При этихъ разительныхъ проявленіяхъ,—тогда какъ послѣ многихъ потрясеній и переворотовъ въ политическомъ мірѣ, никто не смѣетъ еще вѣрить въ прочность настоящаго,—Россія стояла и стоитъ неколеблемо, возвышая гордое чело надъ всѣми превратностями съ полнымъ убѣжденіемъ, что всегда во всемъ и всюду пребудетъ торжествующею. Государь ея внушилъ общее уваженіе и довѣренность къ своему твердому характеру: его чтятъ и боятся. Это Агамемнонъ въ сонмѣ державныхъ! Въ это время допустить поползновеніе запятнать славу, кинуть тѣнь на блескъ царствованія было бы мыслію пигмейскою, жалкою, презрѣнія достойною, мыслію, которая была бы не достойна креста, столь долговременно несомаго съ благоговѣніемъ. Кто здравомыслящій не знаетъ, что въ смутныхъ и внезапныхъ обстоятельствахъ люди не имѣютъ времени обдумывать своихъ поступковъ, и дѣйствуютъ по первымъ впечатлѣніямъ; по исключительному влеченію—однимъ

торжествомъ надъ противниками доказать свою правоту. Всякой взаимный упрекъ въ этомъ былъ бы несправедливостію, незнаніемъ природы человѣческой. Такъ размышляя, мы можемъ и смѣемъ добросовѣстно, безъ всякаго намѣреннаго оскорбленія, представить въ настоящемъ свѣтѣ то событіе, отъ котораго одни лишились поносно жизни, другіе сдѣлались живыми мертвецами для отечества. А они думали любить его болѣе другихъ!—Заблуждались—нѣтъ спора; но судьба ихъ достойна по крайней мѣрѣ любопытства, участія, состраданія. И вотъ бросаемъ цидулку въ океанъ будущности.

Прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о декабрьской катастрофѣ 1825 года, взглянемъ нѣсколько назадъ.

Не будемъ говорить о существованіи въ Россіи тайнаго общества, о немъ есть уже обосторонніе разсказы. Начнемъ прямо съ обстоятельства, непосредственно касающагося до нашего предмета, обстоятельства, породившаго тѣ семнадцать дней, которые въ Петербургѣ послѣдовали за извѣстіемъ о кончинѣ Александра I-го и могутъ по сущей истинѣ называться въ исторіи *dies nefasti*.

Когда Цесаревичъ Константинъ, влюбившись въ дочь польскаго шамбеляна Іоанну Грудзинскую, въ послѣдствіи княгиню Ловичъ, просилъ у Императора дозволенія на бракъ съ нею, изданъ былъ законъ, которымъ дѣти происходящіе отъ морганатическаго брака члена Императорской фамиліи, лишаются всѣхъ правъ, присвоенныхъ законнымъ дѣтямъ.

Нельзя не остановиться на странности этого презрѣнія къ неравнымъ бракамъ въ династіи, которой родоначальникъ, или выдаваемый за родоначальника, былъ женатъ на *барской барышнѣ*, дочери дворянина землепашца, но эта бѣдняжка счастливица произвела на свѣтъ мудраго Алексія! И когда въ свою очередь этотъ Алексій женился на бѣдной сироткѣ, и та родила безпримѣрнаго изъ царей геніальнаго Петра; наконецъ, когда въ самомъ Петрѣ приписываютъ то величіе, что женился на неизвѣстной—женщинѣ или дѣвицѣ, не рѣшено— и не только женился, оставилъ ее обладательницею Имперіи!... Но не одна эта странность показала, что противорѣчіе въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ неразлучно съ человѣческимъ ро-

домъ. Вслѣдъ за изданіемъ упомянутаго закона, дано было на испрашиваемый бракъ соизволеніе Императора и огорченной императрицы матери, съ условіемъ отказаться отъ права на престолъ. Пылкій Константинъ согласился, и, въ 1823 году, въ бытность въ Петербургѣ подписалъ отреченіе [1]. Что онъ это сдѣлалъ не совсѣмъ охотно, догадывались потому, что 1-го Іюля бывъ на балѣ у великаго князя Николая Павловича, онъ внезапно скрылся, и въ ту же ночь уѣхалъ въ Варшаву. Для высшаго круга, и даже для Англійскаго клуба въ Москвѣ, это не было тайной. Потихоньку толковали не мало. Кстати упомянуть объ одномъ разсказѣ покойнаго профессора Мерзлякова для доказательства, собственно, какъ могутъ ошибаться самые приближенные къ тѣмъ лицамъ, которыхъ провидѣніе избираетъ орудіемъ своихъ опредѣленій. Когда разнесся этотъ слухъ по Москвѣ, говорилъ Алексѣй Федоровичъ, случилось у меня быть Жуковскому, я его спросилъ: „Скажи, пожалуй, ты близкій человѣкъ, чего намъ ждать отъ этой перемѣны?“ „Суди, самъ, отвѣчалъ Василій Андреевичъ, я никогда не видалъ книги въ рукахъ; единственное занятіе фрунтъ и солдаты.“ Вообще въ это время Великій Князь не имѣлъ приверженцевъ. Строгая справедливость, которую ставимъ себѣ въ законъ, сколько она доступна человѣку, велитъ сказать, что нельзя ни укорять, ни винить въ этомъ Великаго Князя. Покойный государь Александръ I былъ подозрителенъ, имѣя тоже къ тому сильный поводъ. Пріобрѣсть любовь, особливо войскъ, было бы со сторонъ Великаго Князя болѣе, нежели политическою ошибкою.

Чтобы фактъ отреченія Цесаревича облечь въ законную форму, тогда же составленъ въ тайнѣ манифестъ о престолонаслѣдіи, на случай смерти Императора. Къ нему присоединены подлинное письмо Цесаревича, которымъ просилъ дозволенія отказаться отъ своихъ правъ, въ пользу брата, и копія съ отвѣта Императора, изъявляющаго на то Высочайшее согласіе. Всѣ эти документы, въ запечатанномъ конвертѣ, положены въ государственномъ совѣтѣ, а другой

---

[1] Это отреченіе сколокъ съ отреченія Петра III. Можно бы было, конечно, составить свое, безъ униженія себя передъ свѣтомъ. *В. Ш.*

экземпляръ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, съ повелѣніемъ вскрыть по смерти [1].

[1] Свѣдѣнія, сообщаемыя Штейнгелемъ объ отреченіи Константина Павловича отъ престола, не точны и не полны. Поэтому позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на эпизодѣ, богатомъ совершенно непонятными таинственностями и вызвавшемъ столь значительныя послѣдствія — исторіи перехода престола отъ цесаревича Константина Павловича къ великому князю Николаю Павловичу. Не дѣлая особыхъ примѣчаній къ изложенію Штейнгеля, мы, пользуясь главнымъ образомъ трудомъ Шильдера („Имп. Николай I, жизнь и царствованіе", т. I. Спб. 1903 г.), въ сжатой формѣ очертимъ также періодъ междуцарствія въ правительственной сферѣ и отмѣтимъ положеніе главнаго дѣйствующаго міра.

Еще въ 1819 г. императоръ Александръ I посвятилъ Николая въ свои намѣренія относительно престола. Это было 13-го іюля, въ Красномъ Селѣ, на завтракѣ у великаго князя. За завтракомъ было трое: Александръ I, Николай и его жена. Александръ сообщилъ пораженной великокняжеской четѣ о томъ, что онъ не чувствуетъ въ себѣ ни силы, ни желанія оставаться на тронѣ, и считаетъ своимъ долгомъ отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Александръ заявилъ о томъ, что наслѣдникъ престола Константинъ Павловичъ, имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ. Царь сказалъ, что Николай Павловичъ и его супруга должны знать напередъ, что они призываются на сіе достоинство, т. е. на царство. 13 іюля 1819 года, первый и единственный разъ Николай Павловичъ слышалъ это важное рѣшеніе въ столь категорической формѣ: какъ это ни странно, но до самой своей смерти Александръ I не считалъ нужнымъ посвящать его въ вопросъ о престолонаслѣдіи и утвердить истину своего намѣренія какими-либо письменными заявленіями. Чтобы понять заявленіе, сдѣланное Александромъ, нужно принять во вниманіе слѣдующее. Изъ біографіи Александра мы хорошо знаемъ, что желаніе отречься отъ престола возникло у него въ раннемъ дѣтствѣ; отреченіе отъ престола было мечтой, которая всю жизнь тревожила его, которую онъ лелѣялъ, но почти не пытался реализовать и, если пытался, то весьма пассивно и неопредѣленно. Константинъ-же Павловичъ тоже очень давно, но и очень опредѣленно, рѣшилъ не вступать на тронъ. Еще въ 1801 году, послѣ трагическихъ мартовскихъ событій, онъ сказалъ Саблукову: „послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда нибудь, то я, конечно, его не приму". Извѣстно, что брачная жизнь Константина Павловича сложилась очень неудачно. Великая княгиня Анна Ѳеодоровна не вынесла его крутого и жестокаго нрава и послѣ кончины императора Павла поселилась заграницею и уже не возвращалась въ Россію. Константинъ Павловичъ скоро сталъ помышлять о разводѣ, но ему трудно было добиться согласія матери, считавшей разводъ компрометирующимъ и соблазнительнымъ дѣломъ. Только 20 марта 1820 года появился манифестъ о расторженіи брака Константина Павловича съ дозволеніемъ вступить ему въ новый. Въ манифестъ было внесено одно добавленіе: „Учрежденіе объ императорской фамиліи" Павла не предусматривало стѣсненій и считало законнымъ всякій бракъ, заключенный съ согласія императора. Манифестъ 20 марта 1820 г. вводилъ слѣдующее добавленіе: лицо императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ царствующему или владѣтельному дому, не передаетъ другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и дѣти отъ такого брака не имѣютъ права на наслѣдованіе престола". 12 мая 1820 года, Константинъ Павловичъ обвѣнчался съ дѣвицей графиней Іоанной Грудзинскою. Этотъ бракъ съ полькой создавалъ новое препятствіе для занятія престола: самъ Константинъ Павловичъ говорилъ, что

Замѣтимъ мимоходомъ, что съ этого событія начались разныя происшествія, которыя причиняли особенную ажитацію

нація не можетъ имѣть къ нему необходимой довѣренности и отношенія націи къ нему всегда будутъ двусмысленными. Эту фразу Константинъ Павловичъ произнесъ въ разговорѣ съ братомъ Михаиломъ лѣтомъ 1821 г.; тогда-же онъ открылъ брату о своемъ непреклонномъ рѣшеніи отречься отъ престола. Въ 1822 году дѣло объ отреченіи было оформлено: 14 января цесаревичъ обратился съ письмомъ къ императору, содержавшимъ отреченіе отъ престола и просьбу передать право на тронъ тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Рескриптомъ отъ 22-го февраля императоръ далъ свое согласіе. Тутъ въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи мы наталкиваемся на первыя недоумѣнія. Обмѣнъ письмами произошелъ въ глубокой тайнѣ, въ письмахъ по непонятной причинѣ осталось не названнымъ имя Николая Павловича; наконецъ, въ рескриптѣ императора не упомянуто о составленіи обѣщаннаго государемъ акта по поводу одобреннаго имъ измѣненія порядка престолонаслѣдія. Шильдеръ съ глубокимъ порицаніемъ относится къ такому образу дѣйствій: „Вся офиціальная фразеологія писемъ витаетъ въ области тщательно оберегаемаго инкогнито. Вообще-же во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная отъ его зародыша до окончательной развязки, проглядываетъ какая-то безцѣльная страсть къ тайнѣ, какое-то тщательное и послѣдовательное уклоненіе отъ прямого названія вещей настоящимъ именемъ; все сводится къ какой-то непостижимой игрѣ въ прятки, настойчиво поддерживаемой, неизвѣстно для какой цѣли, всѣми заинтересованными въ вопросѣ о престолонаслѣдіи лицами". Объ этомъ актѣ весьма мало опредѣленнаго зналъ даже самъ Николай. Съ офиціальнымъ-же актомъ не спѣшили; только лѣтомъ 1823 года онъ былъ составленъ. Составленіе его было обставлено глубокой тайной. Лѣтомъ князь Голицынъ передалъ подлинное письмо Константина 1822 года архіепископу московскому Филарету и приказаніе составить манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича. Проектъ былъ просмотрѣнъ Александромъ. Прибывъ въ Москву, Александръ прислалъ Филарету утвержденный актъ съ приложеніемъ подлиннаго письма Константина Павловича съ слѣдующей собственноручной надписью: „хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія". Въ присутствіи трехъ лицъ Филаретъ, показавъ имъ конвертъ и печать, но не надпись, положилъ въ ковчегъ пакетъ и заперъ его. Кромѣ Филарета, въ Москвѣ никто, и даже самъ генералъ-губернаторъ, не зналъ о содержаніи бумагъ въ пакетѣ. Такіе-же пакеты съ подобной надписью были положены на храненіе (должно замѣтить удивительную небрежность — *неодновременно*) въ государственный совѣтъ, синодъ и сенатъ. О существованіи акта въ Россіи знали только три лица: Филаретъ, графъ Аракчеевъ и князь А. Н. Голицынъ. Даже трудно сказать, были-ли извѣстны распоряженія императора Александра Маріи Θеодоровнѣ, но положительно извѣстно, что два главныхъ заинтересованныхъ лица, Константинъ и Николай Павловичи, ничего не услышали объ этомъ отъ императора Александра, но въ то-же самое время Александръ дѣлится своей тайной съ лицами посторонними: принцемъ Вильгельмомъ и супругами Карамзиными. Біографъ совершенно отказывается понять мотивы дѣйствій Александра. Шильдеръ по этому поводу можетъ сказать только слѣдующее: „Странными и непонятными мѣрами императору Александру благоугодно было обставить столь важный и жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленное положеніе, какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще. Все сводилось, въ сущности, къ тому,

въ умахъ. Ссылка Лабзина, побѣда Фотія надъ Библейскимъ обществомъ, дуель Чернова съ Новосильцовымъ и—въ осо-

что въ случаѣ несчастья, какъ-бы въ частномъ быту, раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія. Трудно прійти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе".

Въ началѣ 1824 года, Александръ опасно заболѣлъ, опасались за его жизнь. Болѣзнь была какъ-бы предостереженіемъ, но тщетнымъ: манифестъ 16-го августа не былъ оглашенъ. Въ 1825 году въ февралѣ императоръ былъ въ Варшавѣ на открытіи сейма, но и тутъ ни словомъ не обмолвился объ актѣ Константину Павловичу. Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ 1825 году князь А. Н. Голицынъ осмѣлился сказать Александру объ опасностяхъ, которыя могутъ имѣть мѣсто, если бумаги первостепенной важности останутся неопубликованными. „Александръ, — пишетъ баронъ М. А. Корфъ, — сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына, но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукой на небо, тихо сказалъ: „Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ смертныхъ". Но почему-же, почему Александръ Павловичъ предпочиталъ таить столь важные акты и отъ наслѣдника, и отъ Россіи? Шильдеръ по этому поводу даже цитируетъ съ одобреніемъ слова одного писателя о томъ, что человѣческимъ умомъ въ этомъ дѣлѣ ничего понять нельзя. Быть можетъ, тутъ сказывается особенность его характера — крайняя нерѣшительность? Вѣдь послѣ всенароднаго объявленія Николая Павловича наслѣдникомъ Александръ терялъ-бы возможность измѣнить дѣло въ случаѣ измѣненія своихъ взглядовъ, а онъ, очевидно, предусматривалъ какія-то тамъ недоступныя возможности, когда писалъ на конвертѣ: „хранить до моего востребованія". Другіе объясняютъ эту надпись въ томъ смыслѣ, что государь одновременно съ манифестомъ о новомъ наслѣдникѣ хотѣлъ объявить и о своемъ отреченіи. Шильдеръ склоненъ искать причину загадочныхъ дѣйствій императора Александра преимущественно въ той особенности характера государя, по которой онъ хотя и не дорожилъ своимъ саномъ, но ревновалъ къ совмѣстникамъ. Шильдеръ готовъ видѣть отгадку въ приводимыхъ имъ словахъ современника: „Онъ боялся имѣть наслѣдника, который затмилъ-бы его въ глазахъ и мнѣніи народа, какъ онъ, конечно, безъ всякаго умысла затмилъ своего отца. Соперничества Константина Павловича онъ не боялся; цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже говорилъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ. Александръ боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригаднаго и дивизіоннаго командира".

Распоряженія Александра повлекли за собой губительныя недоразумѣнія и осложненія. 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ неожиданно скончался императоръ Александръ. Дибичъ немедленно отправилъ объ этомъ донесенія новому императору Константину Павловичу и Маріи Өеодоровнѣ. Фельдъегерь привезъ печальное извѣстіе въ Петербургъ 27-го ноября, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда шелъ молебенъ о здравіи императора. Николай Павловичъ сообщилъ о смерти императрицѣ: ее подняли безъ чувства и понесли во внутренніе покои. Николай Павловичъ поручилъ ее заботамъ своей супруги, сказавъ ей: „Soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir", а самъ вышелъ изъ притвора въ церковь и здѣсь одинъ въ присутствіи священника и невольнаго свидѣтеля В. А. Жуковскаго, оставшагося незамѣченнымъ, принесъ присягу Константину Павловичу. Вслѣдъ за этимъ Николай Павловичъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ къ присягѣ войскъ, бывшихъ на караулѣ во дворцѣ, и разослалъ о томъ-же приказанія по отдѣльнымъ частямъ. Возвратившись къ императрицѣ, Николай Павловичъ сообщилъ ей о своей присягѣ и присягѣ караула и бывшихъ во дворцѣ

бенномъ великолѣпіи похоронъ перваго,—отвѣтъ оскорбленнаго плебеизма. Затѣмъ ужасное наводненіе, которое на-

лицъ. „Nicolas, qu'avez vous fait?—воскликнула императрица въ испугѣ:—ne savez-vous donc qu'il y a un autre acte qui vous nomme héritier présomptif?" — „S'il y en a un, — отвѣтилъ великій князь, — il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maître, notre souverain légitime, est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!".

Изъ трехъ лицъ, знавшихъ о таинственномъ пакетѣ, только одинъ въ этотъ день былъ въ Петербургѣ, князь А. Н. Голицынъ. Встревоженный, пріѣхалъ онъ во дворецъ уже послѣ присяги и рѣзко сталъ выговаривать Николаю Павловичу за поспѣшность и требовалъ отъ него повиновенія волѣ покойнаго государя. Въ 2 часа дня состоялось чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. Голицынъ поспѣшилъ туда и возвѣстилъ о хранящемся въ совѣтѣ пакетѣ. Поднялись разсужденія, читать ли бумаги, хранившіяся въ этомъ пакетѣ. Лобановъ-Ростовскій заявилъ, что „les morts n'ont point de volonté", Шишковъ съ жаромъ доказывалъ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ императора, и что поэтому прежде всякаго дѣйствія нужно принести присягу государю. Наконецъ, манифестъ былъ прочитанъ, но члены совѣта все еще были въ недоумѣніи, несмотря на невѣрное (невѣрность обнаружилась позже) заявленіе Милорадовича о томъ, что Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставляемаго ему этимъ манифестомъ, Николай Павловичъ не зналъ о его существованіи, и что нужно поэтому присягать Константину Павловичу. Члены совѣта постановили обратиться за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ Николаю Павловичу, и получили въ отвѣтъ: „господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану". „Какой великодушный подвигъ!"—послышались голоса. На просьбу же нѣкоторыхъ членовъ прочитать отреченіе Константина, Николай Павловичъ заявилъ, что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенныя обѣщанія поступить въ случаѣ подобнаго несчастія по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ. Неясно, не хотѣлось ли Николаю Павловичу признаваться, что актъ былъ отъ него скрытъ, или онъ говорилъ вообще о намѣреніи Александра, которое ему было извѣстно изъ разговора въ 1819 году, а члены поняли его въ смыслѣ офиціальнаго акта. Наконецъ, члены государственнаго совѣта принесли присягу. Немедленно Николай Павловичъ отправилъ въ Варшаву къ императору Константину Павловичу съ адъютантомъ Лазаревымъ списокъ съ журнала государственнаго совѣта вмѣстѣ съ докладными записками Оленина и Лопухина и своимъ письмомъ. Въ Москву былъ отправленъ Мантейфель: ему поручено было сообщить генералъ-губернатору о событіяхъ въ Петербургѣ 27-го ноября и пригласить приступить къ присягѣ.

Шильдеръ подвергаетъ обсужденію образъ дѣйствій Николая Павловича въ день 27-го ноября. „Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ поставленъ, мнѣ невозможно было поступить иначе",—такъ сказалъ императоръ Николай въ 1829 году цесаревичу. Въ чемъ состояли эти обстоятельства? Немалую роль игралъ въ это время петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, совершенно незаслуженно пользовавшійся славой отличнаго совѣтника и единственнаго лица, которому обязана спокойствіемъ столица. Онъ прямо заявлялъ, что симпатіи войска и столицы на сторонѣ Константина и отнюдь не Николая. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что въ донесеніи Дибича Маріи Θеодоровнѣ отъ 19-го ноября было сказано: „Съ покорностью ожидаю повелѣній отъ нашего законнаго государя,

поминало бывшее въ годъ рожденія Императора, и потрясло духъ Государя, такъ, что изъ трехъ проектовъ рескрипта

императора Константина Павловича". Какъ было поступить Николаю Павловичу? Съ одной стороны, къ присягѣ нельзя приступить безъ манифеста за императорскою подписью, такъ что петербургская присяга была своего рода coup d'état. Съ другой стороны, развѣ могъ онъ уклониться отъ присяги, разъ Милорадовичъ не ручался въ этомъ случаѣ за спокойствіе города?

Въ Москвѣ принесеніе присяги Константину Павловичу совершилось благополучно сейчасъ же по пріѣздѣ Мантейфеля: Филаретъ не счелъ нужнымъ настаивать на исполненіи акта, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ...

Тѣмъ временемъ въ Варшавѣ происходили слѣдующія событія. Извѣстіе о смерти Александра Константинъ Павловичъ получилъ вечеромъ 25-го ноября. Всеподданнѣйшій рапортъ Дибича не измѣнилъ его рѣшенія, и онъ тотчасъ же заявилъ великому князю Михаилу Павловичу: „Теперь настала торжественная минута доказать, что весь мой прежній образъ дѣйствія не былъ какою-нибудь личиною, и продолжать съ тою же твердостью, съ которою я началъ; въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отречься отъ престола болѣе, нежели когда либо, непреложна. Приступимъ къ исполненію!" Вслѣдъ за симъ явился Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію. „Какія же теперь приказанія вашего величества?"—спросилъ Новосильцевъ.—„Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула",—возразилъ цесаревичъ и разсказалъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отрекся отъ наслѣдія престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіе разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. „Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить,—закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ:—что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ".

Шагъ былъ сдѣланъ и съ этого момента Константинъ Павловичъ считаетъ излишними всякія дѣйствія съ его стороны, направленныя въ пользу осуществленія его же рѣшенія. Отнынѣ онъ съ крайней рѣзкостью обрушивается на всѣхъ, кто только осмѣливается назвать его величествомъ. Не зная объ актѣ, сдѣланномъ Александромъ, Константинъ Павловичъ велѣлъ приготовить два письма,— къ Маріи Ѳеодоровнѣ и Николаю Павловичу; въ нихъ онъ употребилъ выраженіе, способное внести только новую путаницу, сказавъ, что *уступаетъ* право свое на наслѣдіе престола младшему брату въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года. Эти бумаги долженъ былъ отвезти въ С.-Петербургъ великій князь Михаилъ Павловичъ, выѣхавшій 26-го ноября изъ Варшавы, а 2-го декабря прибылъ адъютантъ Лазаревъ съ извѣстіями о петербургской присягѣ. Можно представить себѣ раздраженіе Константина Павловича! Ему оставалось или принять престолъ, или ѣхать самому въ С.-Петербургъ, или же обратиться съ манифестомъ къ народу. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Прочитавъ бумаги, привезенныя Лазаревымъ, Константинъ Павловичъ написалъ Николаю Павловичу письмо слѣдующаго содержанія: „Я прочелъ письмо ваше съ живѣйшей горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ нашего покойнаго императора. Вашъ на жизнь вѣрный и преданный другъ и братъ Константинъ". Въ письмѣ же къ Лопухину, предсѣдателю государственнаго совѣта, цесаревичъ высказалъ крайне рѣзко свое неудовольствіе за нарушеніе воли покойнаго императора въ выраженіяхъ, устранявшихъ всякую возможность опубликованія. Такимъ образомъ рѣшеніе цесаре-

Военному Генералъ-Губернатору, о пособіи раззореннымъ, онъ выбралъ написанный Батеньковымъ, въ духѣ христіан-

вича сводилось, по выраженію Шильдера, къ слѣдующей формулѣ: „я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края". Образъ дѣйствій Константина Павловича психологически понятенъ: отказаться отъ царства — подвигъ, на который трудно рѣшиться. Мы, конечно, не знаемъ, какъ цесаревичъ въ глубинѣ души, не на словахъ, относился къ отреченію отъ престола, чѣмъ онъ былъ къ тому побуждаемъ, природнымъ ли отвращеніемъ къ трону, или силой внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ его дѣйствіяхъ, въ этомъ пассивномъ созерцаніи происходящаго, сказывается своего рода утомленіе отъ подвига, быть можетъ, сожалѣніе о немъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Петербургъ 3-го декабря, рано утромъ. Привезенныя имъ бумаги и словесныя объясненія мало разъяснили положенія вещей. Письма, переданныя Михаиломъ Павловичемъ, вѣдь, были написаны цесаревичемъ раньше полученія имъ сообщеній о петербургской присягѣ. Слѣдовательно, на присягу отвѣта не было и не было акта, который бы удостовѣрялъ, что цесаревичъ своего рѣшенія не перемѣнилъ и попрежнему отказывается отъ престола. Рѣшено было обратиться къ Константину Павловичу и ждать отъ него какого-либо акта, окончательно рѣшающаго вопросъ о престолонаслѣдіи. Но такъ какъ по городу пошли толки о томъ, что Михаилъ Павловичъ, выѣхавшій изъ Варшавы по полученіи извѣстія о смерти Александра, не присягалъ Константину, то рѣшено было и Михаила Павловича отправить по пути на Варшаву, якобы для успокоенія Константина Павловича насчетъ здоровья Маріи Ѳеодоровны. 9-го декабря, пріѣхалъ адъютантъ Лазаревъ съ письмами къ Николаю Павловичу и съ бумагой къ Лопухину, содержавшей выговоръ государственному совѣту. Эти документы тоже не разрѣшили недоумѣннаго положенія. Наконецъ, въ довершеніе сумятицы и тревогъ междуцарствія, 12-го декабря Николай Павловичъ получилъ отъ Дибича обширнѣйшее донесеніе о преступномъ заговорѣ; впервые онъ узналъ о тайномъ обществѣ и заговорѣ, потому что Александръ I, получая свѣдѣнія о тайномъ обществѣ съ 1820 года, скрывалъ ихъ отъ намѣченнаго имъ наслѣдника престола. Понятно, что при первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ Николая Павловича объялъ несказанный ужасъ, какъ пишетъ баронъ Корфъ. 12-го же декабря, едва только Николай Павловичъ окончилъ отвѣтъ Дибичу, пріѣхалъ курьеръ изъ Варшавы съ отвѣтомъ на послѣднія письма Маріи Ѳеодоровны и Николая Павловича. Письма эти отъ 8-го декабря опять заключали массу наставленій, но безъ прямого подтвержденія отреченія отъ престола, но эти письма вывели наконецъ Николая Павловича изъ состоянія нерѣшимости. Впослѣдствіи, въ 1835 году, Николай Павловичъ писалъ: „Единому Богу извѣстно, что воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя императоромъ, отвергая присягу, ему данную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованіе таковаго императора Александра и акта отреченія своего отъ престола. Я предчувствовалъ, что, повинуясь волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного, и долгъ повелѣвалъ соображать единственно, какъ исполнить сіе съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ".

Въ 9 часовъ вечера Николай Павловичъ приписалъ къ оконченному имъ письму Дибичу по поводу заговора слѣдующія строки: „Рѣшительный курьеръ воротился, послѣзавтра по утру я — или государь или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата, счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ

скаго смиренія. Наконецъ смерть дочери Марьи Антоновны [1], сборы Императора въ Крымъ и съ больною Императрицею; самый отъѣздъ, сопровождаемый разными предзнаменованіями, убіеніе Настасьи Минкиной въ Грузинѣ, поразившее перваго государственнаго человѣка, оставленнаго почти правителемъ государства, такъ что онъ бросилъ все и уѣхалъ изъ столицы, исполненный мести.... Все это было чѣмъ то необыкновеннымъ, зловѣщимъ! Можно себѣ представить, въ какомъ напряженіи были умы, когда разнеслось „Государь боленъ!" Фельдъегери отъ Начальника Главнаго Штаба Дибича пріѣзжали каждодневно. Публика въ Петербургѣ не подозрѣвала еще опасности, какъ вдругъ Великій Князь изъ своего Аничковскаго дворца перешелъ въ Зимній дворецъ и занялъ комнаты Императора, со всѣми формами охраненія карауломъ. Это заставило уже подозрѣвать нѣчто необыкновенное. Вдругъ 27-го ноября раннею повѣсткою, Совѣтъ, Сенатъ и весь Генералитетъ приглашены были къ обѣднѣ и къ молебну о здравіи Его Императорскаго Величества въ Александровскую лавру [2]. Это значило, что въ 4 часа утра прискакавшій фельдъ-

Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ передо мною выполнятъ".

Вотъ въ какомъ настроеніи находился Николай Павловичъ наканунѣ рѣшительнаго шага своей жизни! Въ тотъ же день Николай Павловичъ набросалъ главныя мысли и историческую часть манифеста, который долженъ былъ съ должной ясностью выяснить запутанную исторію междуцарствія. Развитіе плана Николая Павловича было поручено Карамзину и Сперанскому. Проектъ Карамзина не удостоился одобренія; Сперанскій долженъ былъ переработать его, выпустивъ опредѣленныя указанія Карамзина на характеръ и намѣренія новаго царствованія. Манифестъ былъ помѣченъ 12-мъ декабря, но подписанъ 13-го декабря. День 13-го декабря прошелъ въ приготовленіяхъ къ присягѣ, но для разысканія нитей заговора и предупрежденія опасности не было ничего сдѣлано. Поздно вечеромъ 13-го декабря, въ засѣданіи государственнаго совѣта Николай Павловичъ прочелъ послѣднія полученныя имъ отъ Константина Павловича бумаги и отдалъ приказаніе объ обнародованіи манифеста. *П. Щ.*

[1] Александръ I питалъ особенную сердечную привязанность къ дочери Марьи Антоновны Нарышкиной, Софіи. Она умерла отъ чахотки 23 іюня 1824 г. Ея смерть была „личной печалью Государя. Узнавъ о смерти, онъ залился самыми горячими слезами, такъ что вся сорочка на груди его была ими смочена". См. Н. К. Шильдеръ, Александръ I, его жизнь и царствованіе. Спб. 1898 г. т. IV, стр. 322, 323. *П. Щ.*

[2] Императорская фамилія и нѣкоторыя приближенныя особы слушали молебенъ въ большой церкви Зимняго Дворца. Николай Павловичъ былъ тутъ. Отъ

егеръ привезъ извѣстіе, что въ жизни Государя Императора отчаялись. Обѣдню совершалъ митрополитъ, и только начали херувимскую пѣснь, къ Великому Князю подошелъ Начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейдгардъ, шепнулъ что-то, и Его Величество тотчасъ потихоньку вышелъ, а за нимъ и всѣ отправились во дворецъ. Тутъ узнали, что другой курьеръ привезъ роковую вѣсть: „Государь скончался!“ [1]. Преднамѣренный молебенъ долженъ былъ замѣниться панихидой. Графъ Милорадовичъ, какъ Военный Генералъ-Губернаторъ, имѣлъ роковую неосторожность сказать Великому Князю, что онъ не ручается за спокойствіе столицы, если будетъ объявлена присяга Его Высочеству, примолвя: „Вы сами изволите знать, Васъ не любятъ.“ Великій Князь тотчасъ предложилъ присягнуть Цесаревичу. Но Князь Лопухинъ доложилъ Его Высочеству, что надобно прежде исполнить свой долгъ — выполнить волю покойнаго Государя, и распечатать хранящійся въ совѣтѣ пакетъ. Великій Князь согласился, и всѣ члены Совѣта съ нимъ отправились въ присутствіе. Пакетъ былъ распечатанъ, манифестъ съ приложеніями прочтены, и всѣ обратились къ Великому Князю съ изъявленіемъ готовности признать Его своимъ Государемъ, и принесть ему присягу. „Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Великій Князь, я не готовъ, я не могу, я не хочу взять на совѣсть свою, лишить старшаго брата его права. Я уступаю ему и первый присягну.“ Князь Лопухинъ хотѣлъ еще убѣждать, но Адмиралъ Мордвиновъ сказалъ: „Мы исполнили свою обязанность, признали своимъ Государемъ Его Высочество; но Его Высочество повелѣваетъ присягать Цесаревичу, мы должны повиноваться“. Всѣ согласились. Великій Князь взялъ за плечо Военнаго Министра и со словами: *пойдемъ, пойдемъ*, повелъ его въ церковь. Всѣ присягнули Императору Константину.

Отъ Сената былъ изданъ тотчасъ указъ, повелѣвающій, на основаніи постановленія объ Императорской фамиліи, присяг-

Милорадовича онъ выслушалъ извѣстіе о смерти Государя, привезенное во время молебна курьеромъ изъ Таганрога. См. Шильдеръ, Николай I, его жизнь и царств. Спб. 1903 г. т. I, стр. 183. *П. Щ.*

[1] 19-го Ноября, — ровно чрезъ 12 мѣсяцевъ и 12 дней послѣ вѣщаго наводненія. Вообще замѣчено, что въ жизни Александра, столь славной, число 12 имѣло какое то роковое значеніе. *В. Ш.*

нуть старшему брату покойнаго Императора—и гвардія въ тотъ же день присягнула очень охотно. Во всѣ концы Имперіи разосланы были курьеры, а въ Варшаву отправленъ оберъ-прокуроръ Никитинъ, извѣстный Петербургу болѣе въ качествѣ игрока. Начались толки, разглагольствія, встрепенулись и зашевелились члены тайнаго общества. Разномысліе съ Южнымъ обществомъ ихъ было охладило. Они оставались до этого въ бездѣйствіи. Отвлеченные службою и частными дѣлами, они какъ бы оставили всякое помышленіе о цѣли, къ которой стремились. — Съ самаго перваго вечера, квартира незабвеннаго, благороднаго автора *Думъ* и *Войнаровскаго* К. Ѳ. Рылѣева[1], въ домѣ Россійской Американской Компаніи, въ главномъ правленіи которой онъ былъ правителемъ дѣлъ —сдѣлалась центромъ всѣхъ сношеній, извѣстій и совѣщаній.—Чрезъ полковника Ѳ. Н. Глинку, бывшаго при графѣ Милорадовичѣ и завѣдывавшаго секретною частію, могли знать все, что дѣлало со своей стороны правительство, по распоряженіямъ Великаго Князя, который въ столицѣ былъ представителемъ Высочайшей власти *de facto*.

На другой же день послѣ присяги, во многихъ магазинахъ, на Невскомъ проспектѣ, допущена была выставка на продажу литографированныхъ портретовъ „Константина 1-аго Императора и Самодержца Всероссійскаго.“ — Предъ ними толпились прохожіе, обращая болѣе вниманія на физіономію, напоминающую Павла 1-го. Между искренними не было недостатка въ сарказмахъ. Для успокоенія столицы, дня черезъ четыре выдали афишу, что Государыня Императрица получила письмо отъ Государя Императора, въ которомъ Его Величество обѣщаетъ вскорѣ прибыть въ столицу. Чрезъ нѣсколько дней въ изданной афишѣ было сказано, что Его В-во В. К. Михаилъ Павловичъ отправился на встрѣчу Государю Императору. Между тѣмъ какъ занимали такимъ образомъ вниманіе публики новымъ Императоромъ, экстрапочта, приходившая ежедневно изъ Варшавы въ контору Мраморнаго дворца, принадлежавшаго Цесаревичу, была отъ

[1] Имя этого человѣка, который былъ восторженъ любовію къ отечеству, не должно быть забыто въ Россіи.—Память его 21 сентября. *В. Ш.*

заставы препровождаема въ Зимній дворецъ и тутъ вскрываема. Хотѣли изъ частныхъ писемъ знать, что тамъ дѣлается.— Приказано было солдатъ не выпускать изъ казармъ,—даже въ баню и наблюдать строго, чтобы не было никакихъ разговоровъ между ними. Полковымъ и баталіоннымъ командирамъ лично было сказано, чтобы на случай отказа Цесаревича пріуготовили людей къ перемѣнѣ присяги.—Обѣщано Генералъ-Адъютантство и Флигель-Адъютантство. Все это извѣстно было у Рылѣева, и, слѣдовательно, всѣмъ членамъ тайнаго общества. Онъ уже не дремалъ, и старался каждаго одушевить собою.—Брошенное имъ слово „теперь или никогда" казалось воспламенило всѣхъ. Нельзя было не понять важности и благопріятства настоящаго момента. Нѣкоторые молодые люди—а ихъ была большая часть—съ энтузіазмомъ готовы были на все. Не то встрѣтилъ Рылѣевъ отъ тѣхъ, которые были постарѣе и починовнѣе: они увлеклись приманкою и расчетами. Не смотря на это надѣялись чрезъ ротныхъ командировъ и офицеровъ имѣть на своей сторонѣ значительную часть гвардейскихъ полковъ и даже артиллерію. Александръ Бестужевъ,—извѣстный Марлинскій—адъютантъ Принца Александра Виртембергскаго, отвѣчалъ за Московскій полкъ; лейтенантъ Арбузовъ за Гвардейскій экипажъ.

Одинъ изъ непринадлежащихъ къ обществу, но знавшій о немъ съ 1824 года, хотя и неопредѣленно, по одной дружеской довѣренности Рылѣева, представлялъ ему, что въ Россіи революція въ республиканскомъ духѣ еще не возможна: она повлекла бы за собою ужасы.—Въ одной Москвѣ, изъ 250 т. тогдашнихъ жителей 90 т. было крѣпостныхъ людей, готовыхъ взяться за ножи и пуститься на всѣ неистовства. Поэтому онъ совѣтовалъ, если хотятъ сдѣлать что нибудь въ пользу политической свободы, которой тогда, казалось, жаждали, то ужъ лучше всего прибѣгнуть къ революціи дворцовой и провозгласить Императрицею Елизавету. Наслѣдниковъ у нея не было; близкій къ ней человѣкъ Лонгиновъ образовался въ Англіи, и самое женское царствованіе хранилось въ памяти народной съ похвалами.

Рылѣевъ не опровергалъ, но дыша свободою, рвался къ ниспроверженію, какъ онъ говорилъ, ненавистнаго, оскор-

бительнаго для человѣчества деспотизма.—Далеко уже то время, болѣе четверти вѣка кануло въ вѣчность, не мѣсто пристрастію и увлеченію, должно говорить истину, одну неумолимую истину.—Къ несчастію[1], подъ рукою у Рылѣева находился человѣкъ чѣмъ то очень огорченный, одинокой, мрачной, готовый на обреченіе, однимъ словомъ—Коховскій. Онъ самъ предложилъ себя, на случай надобности въ сеиды.—Въ разгары страстей размышленію не мѣсто. Рылѣевъ объявилъ это другимъ членамъ общества —и изъ нихъ нѣкоторые ужаснулись самой мысли!

Ростовцевъ, младшій братъ изъ трехъ служившихъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, адъютантъ генерала Бистрома, командира гвардейскаго корпуса[2], облагодѣтельствованный великимъ княземъ, въ порывѣ благороднаго сердца рѣшился предупредить его высочество. Это было не легко. Доступъ во дворецъ былъ затрудненъ. Вотъ какъ онъ сдѣлалъ. Онъ написалъ великому князю письмо, поѣхалъ съ нимъ во дворецъ, и при входѣ объявилъ, что посланъ къ его высочеству отъ генерала Бистрома. Допущенный въ кабинетъ, подавъ письмо, онъ просилъ прощенія, что смѣлъ обмануть его высочество; что письмо не отъ генерала, а отъ него самого. Въ немъ онъ написалъ, что существуетъ замыселъ на жизнь его высочества, но что онъ „не подлецъ“ и умоляетъ не требовать указанія лицъ. Великій князь на это сказалъ, что знать ихъ не хочетъ, пожалъ ему руку, и обѣщалъ не забыть его благороднаго поступка. По крайней мѣрѣ все это такъ описывалъ самъ Ростовцевъ на листѣ, съ которымъ рано по утру 13-го декабря, явился къ Рылѣеву. Принося повинную, онъ промолвилъ: „дѣлай со мой что хочешь“. Рылѣевъ вознегодовалъ сильно и въ первомъ пылу хотѣлъ предложить, чтобъ его убить, тотъ же, который возражалъ

---

[1]) Точно, къ несчастію, потому что отсюда родилось обвиненіе въ преднамѣренномъ злоумышленіи на жизнь Царской фамиліи при возстаніи,—о чемъ въ существѣ никто не помышлялъ. *В. Ш.*

[2] Это Яковъ Ивановичъ, нынѣшній генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Онъ былъ тогда однимъ изъ восторженныхъ обожателей свободы. Написалъ трагедію *Пожарскій*, исполненную смѣлыми выраженіями пламенной любви къ отечеству, и не скрывалъ, если не ненависти, то презрѣнія къ тогдашнему порядку вещей въ Россіи. *В. Ш.*

противъ аристократическихъ идей, успѣлъ его утишить, и урезонить, такъ, что онъ сказалъ: „ну, че... съ нимъ, пусть живетъ!“ [1]. Но возвратимся къ главному ходу 17-ти-дневнаго Константина 1-го.

Въ субботу [пятницу] 11-го декабря [2] стало уже извѣстно, что цесаревичъ не принялъ ни Никитина, ни донесенія сената [3]. Въ письмѣ къ великому князю Николаю Павловичу онъ подтвердилъ свое отреченіе. Въ совѣтѣ придумали издать манифестъ отъ новаго императора Николая I-го непосредственно. Написать его было поручено Сперанскому. Въ слѣдующій день, въ воскресенье [субботу] 12-го числа, какъ въ день рожденія, и потому памяти покойнаго Александра, манифестъ былъ подписанъ, но все думали хранить тайну. Въ понедѣльникъ [воскресенье] провозились въ сенатѣ съ напечатаніемъ манифеста, а во дворцѣ съ распоряженіями на завтрашній день, назначенный для обнародованія и приведенія къ присягѣ. Между тѣмъ на совѣщаніяхъ тайнаго общества, изъ которыхъ одно было у князя Оболенскаго, составленъ былъ планъ инсуррекціи. Войска, готовыя возстать, должны были идти къ сенату. Полагали, что онъ будетъ въ собраніи и, окруженный штыками, согласится провозгласить временное правительство. Для предводительства инсуррекціи избрали князя Трубецкого, бывшаго дежурнымъ штабъ-офицеромъ четвертаго корпуса.

Въ столицѣ носилось какое-то мрачное предчувствіе. Самая таинственность явной хлопотливости съ обѣихъ сторонъ пугала всѣхъ и каждаго. Встрѣчающіеся на тротуа-

---

[1] Когда 14-го числа выразилось возмущеніе, Ростовцевъ, посланный отъ генерала въ Финляндскій полкъ, имѣлъ неосторожность проходить между сенатомъ и колонною инсургентовъ, кто-то закричалъ: „Измѣнникъ!“ На него бросились, и избили прикладами до безпамятства. Его положили въ извощичьи сани и велѣли отвезти въ егерскія казармы. Но на Обуховомъ мосту онъ очнулся и приказалъ отвезти себя въ квартиру, куда вскорѣ явился лейбъ-медикъ и флигель-адъютантъ съ привѣтствіями матери, что имѣетъ такихъ благородныхъ дѣтей. Самъ Ростовцевъ сомнѣвался въ значеніи своего поступка, по крайней мѣрѣ то выражали его слова, сказанныя имъ посѣтившему его пріятелю. *В. Ш.*

[2] „11 декабря было въ пятницу, а 14-е въ понедѣльникъ“ — примѣчаніе кн. Трубецкого на поляхъ рукописи Штейнгеля. *П. Щ.*

[3] По Петербургу передавалась фраза его: „Что они, дурачье..., вербовать что ли вздумали въ цари“. *В. Ш.*

рахъ и бульварахъ вмѣсто привѣтствія говорили: „ну что будетъ завтра?“

Въ воскресенье [субботу] 12-го числа у директора Россійско-Американской компаніи былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали многіе литераторы; въ томъ числѣ Гречъ, Булгаринъ, Марлинскій, сенаторъ графъ Д. И. Хвостовъ. Шумный разговоръ оживлялъ общество, особенно къ концу стола, когда всѣ (присутствующіе) поразгорячились отъ клико „V. S. P. подъ звѣздочкой“, которое тогда считалось лучшимъ. Гречъ и Булгаринъ ораторствовали болѣе прочихъ; остроты сыпались со всѣхъ сторонъ и въ самомъ либеральномъ духѣ. Даже графъ Хвостовъ, замѣтивъ, что указываютъ на него, изъ предосторожности кричалъ: „не опасайтесь! не опасайтесь! я либералъ, я либералъ самъ“. Хотя большая часть знали уже о предстоящей перемѣнѣ владыкъ, но говорили гадательно, придерживаясь за „можетъ быть“. И когда кто-то сказалъ: „а что если императоръ вдругъ явится!“ Булгаринъ вскричалъ: „какъ ему явиться, тѣнь мадамъ Араужо остановитъ его на заставѣ“ [1]. Изъ всего, что тутъ было говорено

[1] Это была самая гнусная исторія, омрачившая начало царствованія Александра. Араужо былъ придворный ювелиръ, жена котораго славилась красотою. Константинъ-цесаревичъ, плѣнясь ею, чрезъ посредниковъ сдѣлалъ ей оскорбительное предложеніе Она отвѣчала явнымъ презрѣніемъ. Лѣтомъ 1803 года, въ одинъ день, подъ вечеръ, за ней пріѣхала карета, будто бы отъ ея больной родственницы. Когда она сошла и сѣла въ карету, ее схватили, зажали ей ротъ и отвезли въ Мраморный дворецъ. Тамъ были приготовлены конногвардейцы... Она потомъ отвезена была къ своему крыльцу и когда, на звонъ колокольчика, вышли ее принять, кареты уже не было. Несчастная Араужо бросилась почти безъ чувствъ, могла только сказать: „я обезчещена!“ и умерла. На крикъ мужа сбѣжалось множество: свидѣтельство было огромное! На другой же день весь Петербургъ узналъ объ этомъ. Произошелъ общій ропотъ. Отъ имени государя, огорченнаго въ высшей степени, прибито было ко всѣмъ будкамъ столицы на 24 часа объявленіе, которымъ приглашались всѣ, кто знаетъ хотя малѣйшее обстоятельство изъ этого гнуснаго происшествія, прямо къ императору, съ увѣреніемъ въ обезпеченіи отъ всякаго преслѣдованія сильныхъ. Это объявленіе, при вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, разослано было во всѣ концы Имперіи. Составлена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ старца гр. Татищева, который всячески отказывался, но уговорили, и, наконецъ, дѣло повернули такъ, что по *подозрѣнію*, генерала Боура, любимца Константина, *выключили* изъ службы. Араужо дали денегъ, и велѣли выѣхать заграницу; а наконецъ и Боуръ, чрезъ 1½ года къ Аустерлицкой кампаніи былъ опять принятъ. Но Константинъ съ того времени получилъ названіе: „покровитель разврата“. *В. Ш.*

Объявленіе по дѣлу Араужо напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., т. XII, стр. 629. *П. Щ.*

просвѣчивала ясно общая мысль, общее чувство — нехотѣніе оставаться подъ тѣмъ же деспотизмомъ. Въ тотъ же вечеръ у Рылѣева, который уже зналъ о заготовленіи манифеста, было собраніе многихъ членовъ, которые безпрестанно приходили и уходили, чтобы узнать, на что рѣшились директоры. Всѣмъ объявлено, что сборное мѣсто — площадь передъ сенатомъ и что явится диктаторъ въ лицѣ князя Трубецкого, для распоряженія. На другой день, 13-го числа, повторилось почти то же. Безпрестанно приходили изъ полковъ съ извѣстіями и увѣреніями о готовности возстать за свободу; но тутъ же узнали, что на Финляндскій полкъ и артиллерію надежда сомнительна. Въ этотъ же вечеръ былъ поздній ужинъ у богатаго купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяинъ, угащивая шампанскимъ, не обинуясь говорилъ: „Выпьемъ! неизвѣстно, будемъ ли завтра живы!“ Такъ были уже увѣрены, что не обойдется безъ возстанія.

Наконецъ настало роковое 14-е декабря — число замѣчательное: оно вычеканено на медаляхъ, съ какими распущены депутаты народнаго собранія для составленія законовъ въ 1776 году при Екатеринѣ II. Это было сумрачное, декабрьское петербургское утро, съ 8° мороза. До девяти часовъ весь правительствующій сенатъ былъ уже во дворцѣ. Тутъ и во всѣхъ полкахъ гвардіи производилась присяга. Безпрестанно скакали гонцы во дворецъ съ донесеніями, гдѣ какъ шло дѣло. Казалось все тихо. Нѣкоторыя таинственныя лица показывались на Сенатской площади, въ примѣтномъ безпокойствіи. Одному, знавшему о распоряженіи общества и проходившему черезъ площадь, противъ Сената, встрѣтился издатель „Сына Отечества“ и „Сѣверной Пчелы“ г. Гречъ. Къ вопросу: „Чтожъ, будетъ ли что?“ онъ присовокупилъ фразу отъявленнаго карбонарія. Обстоятельство не важное, но оно характеризуетъ застольныхъ демагоговъ: онъ и Булгаринъ сдѣлались усердными поносителями погибшихъ, за то, что ихъ не компрометировали. Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, часовъ въ 10 на Гороховомъ проспектѣ вдругъ раздался барабанный бой и часто повторяемое „ура!“ Колонна Московскаго полка съ знаменемъ, предводимая штабсъ-капитаномъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и двумя Бесту-

жевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула къ сенату, гдѣ построилась въ каре. Вскорѣ къ ней быстро примкнулъ Гвардейскій экипажъ, увлеченный Арбузовымъ, и потомъ баталіонъ лейбъ-гренадеровъ, приведенный адъютантомъ Пановымъ[1] и поручикомъ Сутгофомъ. Сбѣжалось много простого народа, и тотчасъ разобрали полѣнницу дровъ, которая стояла у заплота, окружающаго постройки Исаакіевскаго собора. Адмиралтейскій бульваръ наполнился зрителями. Тотчасъ уже стало извѣстно, что этотъ выходъ на площадь ознаменовался кровопролитіемъ. Князь Щепинъ-Ростовскій, любимый въ Московскомъ полку, хотя и не принадлежавшій явно къ обществу, но недовольный и знавшій, что готовится возстаніе противъ великаго князя Николая, успѣлъ внушить солдатамъ, что ихъ обманываютъ, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны идти къ сенату. Генералы Шеншинъ и Фредериксъ и полковникъ Хвощинскій хотѣли ихъ переувѣрить и остановить. Онъ зарубилъ первыхъ и ранилъ саблею послѣдняго, равно какъ одного унтеръ-офицера и одного гренадера, хотѣвшаго не дать знамя и тѣмъ увлечь солдатъ. По счастію они остались живы.

Первою жертвою палъ вскорѣ графъ Милорадовичъ, невредимый въ столь многихъ бояхъ. Едва успѣли инсургенты простроиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывалъ ему: „объѣзжай церковь и направо къ казармамъ". Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре[2] и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ, и въ

[1] Пановъ убѣдилъ лейбъ-гренадеровъ, послѣ уже присяги, слѣдовать за нимъ, сказавъ имъ, что „наши" не присягаютъ и заняли дворецъ. Онъ дѣйствительно повелъ ихъ ко дворцу, но увидя, что на дворѣ уже лейбъ-егеря, примкнулъ къ московцамъ. *В. Ш.*

[2] Онъ взялъ первую лошадь, которая стояла у квартиры одного изъ конногвардейскихъ офицеровъ осѣдланною. *В. Ш.*

такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностію стараго *отца-командира*, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ[1]; но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностію. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на это вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую[2]. Когда у казармы сняли его съ лошади и внесли въ упомянутую квартиру офицера, онъ имѣлъ послѣднее утѣшеніе прочитать собственноручную записку новаго своего государя, съ изъявленіемъ сожалѣнія — и въ 4-мъ часу дня его уже не существовало.

Тутъ выразилась вполнѣ важность возстанія, которою ноги инсургентовъ, такъ сказать, приковались къ занимаемому ими мѣсту. Не имѣя силъ идти впередъ, они увидѣли, что нѣтъ уже спасенія назади. Жребій былъ брошенъ. Диктаторъ къ нимъ не являлся. Въ каре было разногласіе. Оставалось одно, стоять, обороняться и ждать развязки отъ судьбы. Они это сдѣлали.

Между тѣмъ, по повелѣніямъ новаго императора, мгновенно собрались колонны вѣрныхъ войскъ къ дворцу. Государь, не взирая на убѣжденія императрицы, ни на представленія усердныхъ предостерегателей, вышелъ самъ, держа на рукахъ 7-ми-лѣтняго наслѣдника престола, и ввѣрилъ его

---

[1] Можно было вѣрить, что графъ говорилъ искренно. Онъ былъ чрезмѣрно расточителенъ и всегда въ долгу, несмотря на частыя денежныя награды отъ государя; а щедрость Константина была всѣмъ извѣстна. Графъ могъ ожидать, что при немъ *заживетъ* еще расточительнѣе. *В. Ш.*

Къ этому примѣчанію Штейнгеля кн. Трубецкой приписалъ: „грѣхъ такъ порочить славу человѣка, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ безпристрастно и любилъ отечество“. *П. Щ.*

[2] Извѣстна была всей арміи поговорка графа: „Богъ мой! на меня пуля не вылита!“ которую онъ всегда повторялъ, когда предостерегали его отъ опасности въ сраженіяхъ или удивлялись въ салонахъ, что не былъ ни разу раненъ. *В. Ш.*

охраненію преображенцевъ. Эта сцена произвела полный эфектъ: восторгъ въ войскахъ, и пріятное, многообѣщающее изумленіе въ столицѣ. Государь сѣлъ потомъ на бѣлаго коня, и выѣхалъ передъ первый взводъ, подвинулъ колонны отъ экзерциръ-гауза бульвара. Его величавое, хотя нѣсколько мрачное, спокойствіе обратило тогда же всеобщее вниманіе. Въ это время инсургенты минутно были польщены приближеніемъ Финляндскаго полка, симпатіи котораго еще довѣряли. Полкъ этотъ шелъ по Исаакіевскому мосту. Его вели къ прочимъ присягнувшимъ, но командиръ 1-го взвода баронъ Розенъ, придя за половину моста, скомандовалъ, *стой!* Полкъ весь остановился, и ничто уже до конца драмы, сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мостъ, перешла по льду, на Англійскую набережную, и тутъ примкнула къ войскамъ, обошедшимъ инсургентовъ со стороны Крюкова канала.

Вскорѣ послѣ того, какъ Государь выѣхалъ на Адмиралтейскую площадь, къ нему подошелъ съ военнымъ респектомъ статный драгунскій офицеръ, котораго чело было подъ шляпою повязано чернымъ платкомъ [1]; и послѣ нѣсколькихъ словъ пошелъ въ каре; но скоро возвратился ни съ чѣмъ. Онъ вызвался уговорить *бунтовщиковъ*, и получилъ одинъ оскорбительный упрекъ. Тутъ же по повелѣнію Государя былъ арестованъ,—и понесъ общую участь осужденныхъ. Послѣ его подъѣзжалъ къ инсургентамъ генералъ Воиновъ, въ котораго Вильгельмъ Кюхельбекеръ, поэтъ—издатель журнала „Мнемозина", бывшій тогда въ каре, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и тѣмъ заставилъ его удалиться. Къ Лейбъ-Гренадерамъ явился Полк. Стюрлеръ, и тотъ же Каховскій ранилъ его изъ пистолета.—Наконецъ подъѣзжалъ самъ Вел. Кн. Михаилъ—и тоже безъ успѣха: Ему отвѣчали, что хотятъ наконецъ царствованія законовъ. И съ этимъ

[1] Это былъ Якубовичъ, пріѣхавшій съ Кавказа, имѣвшій даръ слова и разсказами о геройскихъ своихъ подвигахъ умѣвшій заинтересовать петербургскіе салоны. Онъ не скрывалъ между либералами своего неудовольствія и ненависти личной къ покойному государю, и въ 17-ти дневный періодъ члены Тайн. Общ. убѣждены были, что при возможности „онъ себя покажетъ". *В. Ш.*

поднятый на него пистолетъ, рукою того же Кюхельбекера, заставилъ его удалиться. Пистолетъ былъ уже и заряженъ.

Послѣ этой неудачи, изъ временно устроенной въ Адмиралтейскихъ зданіяхъ Исаакіевской церкви, вышелъ Серафимъ—Митрополитъ въ полномъ облаченіи, со крестомъ въ преднесеніи хоругвей. Подошедъ къ каре, онъ началъ увѣщаніе. Къ нему вышелъ другой Кюхельбекеръ, братъ того, который заставилъ удалиться Вел. Князя Михаила Павловича. Морякъ и лютеранинъ, онъ не зналъ высокихъ титловъ нашего православнаго *смиренія*, и потому сказалъ просто, но съ убѣжденіемъ: „отойдите, *батюшка*, не ваше дѣло вмѣшиваться въ это дѣло". Митрополитъ обратилъ свое шествіе къ Адмиралтейству [1]. Сперанскій, смотрѣвшій на

---

[1] Діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита Серафима на площадь, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ: „Солдаты увидѣвъ своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нимъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно, три-краты, отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противу сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты -измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!... Это дѣло не ваше: мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь!..

Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали только одно: „ура, Константинъ!" При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако, все это мятежниками пренебрежено; когда уже надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: „ура, Константинъ!" и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда преосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни. Близъ Синяго моста оба митрополита сѣли на двухъ простыхъ извозчиковъ, позади стали діаконы въ стихаряхъ, и такимъ обра-

это изъ дворца, сказалъ съ нимъ стоявшему оберъ-прокурору Краснокутскому: „И эта штука не удалась!“ Краснокутскій самъ былъ членомъ тайнаго общества и послѣ умеръ въ изгнаніи [1]. Обстоятельство это сколь ни малозначущее, раскрываетъ однакожъ тогдашнее расположеніе духа Сперанскаго. Оно и не могло быть инаково: съ одной стороны воспоминаніе претерпѣннаго невинно, съ другой недовѣріе къ будущему.

Когда такимъ образомъ совершился весь процессъ укрощенія *мирными средствами*, приступили къ дѣйствію оружія. Генералъ Орловъ съ полною неустрашимостію, дважды пускался со своими конно-гвардейцами въ атаку: но пелотонный огонь опрокидывалъ нападенія. Непобѣдя каре, онъ однакожъ завоевалъ этимъ цѣлое фиктивное графство. Государь передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На сѣверо-восточномъ углу Адмиралтейскаго бульвара появилась *ultima ratio*—орудія Гвардейской Артиллеріи. Командующій ими Генер. Сухозонетъ, подъѣхалъ къ каре и кричалъ, чтобы положили ружья, иначе будетъ стрѣлять картечью. Въ него самого прицѣлились ружьемъ, но изъ каре послышался презрительно повелительный голосъ [2]: „Не троньте этого... онъ не стоитъ пули“. Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакавъ къ батареѣ, онъ приказалъ сдѣлать залпъ холостыми зарядами: но неподѣйствовало! Тогда засвистали

зомъ возвратились въ Зимній дворецъ. Тутъ митрополитъ Евгеній прошелъ въ церковь, а митрополитъ Серафимъ — въ комнаты государя императора. Идя по апартаментамъ вдовствующей государыни, гдѣ собравшаяся знать, будучи въ страхѣ, спрашивала первосвятителя:

— Чѣмъ насъ утѣшите? Что тамъ дѣлается?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Обругали и прочь отослали“ См. „Историческій Вѣстникъ“ 1905, январь, стр. 169—170. *П. Щ.*

[1] Надъ прахомъ его стоитъ мраморный памятникъ съ скромною надписью: „Сестра страдальцу брату“. Онъ погребенъ на Тобольскомъ кладбищѣ, близь церкви. *В. Ш.*

[2] Эти слова были показаны послѣ при допросахъ, въ комитетѣ, съ членами котораго Сухозонетъ раздѣлялъ уже честь носить Ген.-Адъют. аксельбантъ.— Этого мало, онъ былъ послѣ Главнымъ Директоромъ Кадетскихъ Корпусовъ и Президентомъ Военной Академіи. Впрочемъ надо отдать справедливость: онъ лишился ноги въ польскую кампанію. *В. Ш.*

картечи; тутъ все дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны, кромѣ павшихъ. Можно было этимъ уже и ограничиться; но Сухозонетъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ, вдоль узкаго Галернаго переулка и поперекъ Невы, къ академіи художествъ, куда бѣжали болѣе изъ толпы любопытныхъ!

Такъ обагрилось кровію и это восшествіе на престолъ. Въ окраеніе царствованія Александра стали вѣчными терминами — ненаказанность допущеннаго гнуснаго злодѣянія, и безпощадная кара вынужденнаго, благороднаго возстанія — явнаго и съ полнымъ самоотверженіемъ.

Войска были распущены. Исаакіевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многіе огни, при свѣтѣ которыхъ всю ночь убирали раненыхъ и убитыхъ, и обмывали съ площади пролитую кровь. Но со страницъ неумолимой исторіи пятна этого рода невыводимы. Все дѣлалось въ тайнѣ, и подлинное число лишившихся жизни и раненныхъ осталось неизвѣстнымъ. Молва, какъ обыкновенно, присвояла право на преувеличенія. Тѣла бросали въ проруби: утверждали, что многіе утоплены полуживыми [1].

---

[1] Н. К. Шильдеръ изъ бумагъ тайнаго совѣтника М. М. Попова, бывшаго чиновникомъ III Отдѣленія, приводитъ слѣдующія любопытныя подробности о количествѣ жертвъ: „Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ, выстрѣлы попадали и въ скопившуюся около нихъ толпу. Началась паника, и произошла неизбѣжная давка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались на вопли бѣглецовъ. Разсказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращеніи артиллерійскаго огня императоръ Николай повелѣлъ оберъ-полицiймейстеру, генералу Шульгину, чтобы трупы были убраны къ утру. Къ сожалѣнію, исполнители распорядились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ ночь на Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Художествъ и далѣе къ сторонѣ Васильевскаго острова сдѣлано было множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи. Тѣ же изъ раненыхъ, которые успѣли бѣжать, скрывали свои увѣчья, боясь открыться докторамъ и умирали безъ медицинскаго пособія. Но этимъ дѣло не обошлось: полиція и помогавшіе ей рабочіе пустились еще грабить; съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи; даже спасавшихся ловили и грабили. Когда въ теченіе зимы на Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ трупомъ. Тогда запретили рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначили для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрьскаго мятежа унесены были въ море“. См. Н. К. Шильдеръ, Николай I, т. I, стр. 515.

П. Щ.

Въ тотъ же вечеръ произведены арестованія многихъ. Изъ первыхъ взяты: Рылѣевъ, кн. Оболенскій и двое Бестужевыхъ. Всѣ они посажены въ крѣпость. Большая часть въ послѣдующіе дни арестованныхъ приводимы были во дворецъ, иные даже съ связанными руками и лично представлены Императору, что и подало поводъ Николаю Бестужеву [1] сказать въ послѣдствіи одному изъ дежурныхъ Генералъ-Адъютантовъ, что изъ дворца сдѣлали съѣзжую.

На другое утро послѣ кровавой драмы издана была прокламація, въ которой описано происшествіе, съ обращеніемъ всего ужаснаго, отвратительнаго, преступнаго и даже безбожнаго на сторону побѣжденныхъ. Сказано было тутъ, что въ возставшихъ и воспротивящихся присягѣ были все люди съ отвратительными лицами. И гдѣ-же, при враждѣ, когда всякое здравомысліе устраняется бываетъ иначе? Мы видѣли примѣръ тому разительный: самое просвѣщеннѣйшее правительство Европы—Англійское, унизилось до того, что противника своего, геніальнаго героя, котораго будутъ чтить въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ, дозволило изображать на днѣ ночныхъ горшковъ, чтобы возбуждать озлобленіе и презрѣніе народа [2].—Въ 1807 году Русскій Святѣйшій синодъ, въ изданномъ увѣщаніи къ народу, говорилъ о Наполеонѣ: „Это

[1] Ему удалось сначала скрыться и убѣжать въ Кронштадтъ, гдѣ онъ нѣкоторое время проживалъ на Толбухиномъ маякѣ, между преданными ему матросами. *В. Ш.*

[2] 19 декабря былъ обнародованъ манифестъ о назначеніи суда и слѣдствія, въ которомъ давалась краткая характеристика событія: „Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе“. А въ статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (2-й № въ 1826 году), являвшейся правительственнымъ сообщеніемъ, было сказано: „Неожиданныя происшествія 14-го декабря, печальныя сами по себѣ, имѣли счастливыя послѣдствія, ибо оными обнаружено существованіе гнуснаго, дотолѣ едва подозрѣваемаго заговора. Люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе не принадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообществу гражданъ, однимъ словомъ, всѣ неисчислимые ужасы безначалія“. Въ другомъ оффиціальномъ сообщеніи разсказывается о присоединившихся къ офицерамъ статскихъ: послѣдніе называются: „нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ“. *П. Щ.*

тварь сожженная своею собственною совѣстію, отъ которой и благость Божія отступила“, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Александръ долженъ былъ обняться съ этою тварью... и потомъ разыгрывать роль друга! (Вопросъ: кого обманываютъ во всѣхъ подобныхъ сдучаяхъ? отвѣтъ самый вѣрный: самихъ себя, для того что и обманутое невѣжество очень скоро въ такихъ случаяхъ переувѣряется и платитъ за обманъ потерею уваженія и довѣрія).

Начались аресты въ обѣихъ столицахъ. На югѣ они уже производились въ слѣдствіе доноса Майбороды и Шервуда [1].

Тотчасъ же былъ назначенъ Комитетъ для раскрытія тайныхъ обществъ вообще, подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра, изъ Генералъ-Адъютантовъ, въ томъ числѣ и Вел. Кн. Михаила Павловича. Всего замѣчательнѣе, что тутъ же засѣдалъ и Генералъ-Адъютантъ Кутузовъ,—Павелъ Васильевичъ, участвовавшій въ ночной экспедиціи Гр. фонъ-деръ Палена противъ Михайловскаго замка. Съ гражданской стороны былъ въ немъ одинъ только Кн. Ал. Ник. Голицынъ, главноначальствующій тогда надъ почтовымъ департаментомъ. Тутъ же засѣдалъ, не какъ членъ, но какъ соглядатай, новый флигель-адъютантъ Адлербергъ, имѣвшій обязанность по окончаніи присутствія доносить Императору, что и какъ въ комитетѣ происходило. Для разобранія и разсмотрѣнія всѣхъ отобранныхъ при арестованіи бумагъ была составлена особая коммисія, въ которую Военный Министръ Татищевъ, и графъ уже, назначилъ не безъ особенныхъ видовъ своего комисаріатскаго чиновника Боровкова [2], въ послѣдствіи сенатора.

Между тѣмъ какъ это происходило въ столицѣ, вѣсть о возмущеніи 14 Декабря на югѣ, въ Васильковѣ, была поводомъ къ возстанію Черниговскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ баталіоннымъ командиромъ былъ Муравьевъ - Апо-

---

[1] Послѣдній получилъ придаточное прозваніе „Вѣрный“, но и съ нимъ не могъ быть терпимъ въ обществѣ офицеровъ.—Майборода тоже исчезъ въ презрѣніи.
В. Ш.

[2] Министръ зналъ, что у одного изъ арестованныхъ могли быть взяты бумаги касающіяся до его общей съ Кригсъ-Комисаромъ Путятою тайны. Раскрытіе ее тогда могло бы быть для него гибельно.—Послѣ дѣло обдѣлалось порядочно.
В. Ш.

столъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей арміи. Окруженные гусарами, они должны были уступить силѣ. Муравьевъ-Апостолъ былъ раненъ, меньшой братъ его застрѣлился. Арестованные плѣнники отправлены въ Петербургъ, гдѣ комитетъ былъ уже въ полномъ дѣйствіи.

Монархъ, задернувъ этотъ комитетъ, съ его дѣйствіями, непроницаемою для публики завѣсою крѣпостного, всегда страшнаго *секрета*, предоставилъ себѣ непосредственное право быть полнымъ распорядителемъ судьбы тѣхъ, на кого розыскъ укажетъ пальцемъ. Это конечно не языкъ Бироновскихъ временъ, но при направленіи мстительнаго преслѣдованія, всегда столько же страшный. Жертвы скоро свозились отовсюду. Многихъ привозили прямо во дворецъ, гдѣ Генералъ-Адъютантъ Гр. Левашевъ снималъ первый допросъ и носилъ докладывать по немъ Государю. Къ нѣкоторымъ Монархъ выходилъ самъ. Гнѣвъ еще преобладалъ въ немъ: укоризны, сарказмы напоминали слова Царя-Пророка: „прощеніе Царево подобно рыканію льва“, и заставляли сожалѣть о забытіи продолженія этихъ словъ: „яко трава злаку, тако тихость есть“. Судя по важности прикосновенія, привезенный арестантъ отсылался съ фельдъегеремъ или въ домъ Генеральнаго Штаба, гдѣ были отведены особыя комнаты, или прямо къ коменданту Петропавловской крѣпости, которымъ былъ тогда самый черствый человѣкъ Генер.-Адъютантъ Сукинъ. Плацъ-Маіоръ отводилъ жертву въ казематъ и, совершивъ въ назначенномъ для нея *номерѣ* обрядъ раздѣванія и облаченія въ затрапезный халатъ, оставлялъ несчастнаго всей тяжести первыхъ, быстро переходныхъ и столь ужасныхъ впечатлѣній. Домъ генеральнаго Штаба нѣкоторымъ образомъ походилъ тогда на Чистилище, а крѣпость представляла Тартаръ Данте. Всякому ввозимому конечно мечталась также ужасная мысль, какая выражена поэтомъ въ „Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!“ Такимъ образомъ крѣпость вскорѣ наполнилась такъ, что не доставало мѣста. Прибавили номеровъ пригородкою временныхъ, изъ брусьевъ сыраго лѣса. Занятъ былъ даже секретный Алексѣевскій равелинъ, въ садикѣ котораго похоронена несчастная принцесса Тараканова, дочь Елизаветы I, похищенная изъ Ливорно Гр. Орло-

вымъ-Чесменскимъ и утонувшая во время наводненія въ 1777 году.

Слуги новаго властителя всегда бываютъ чрезмѣрно усердны въ угодливость порывамъ гнѣва его: и рвать готовы. Въ XIX вѣкѣ, комитетъ Генер.-Адъютантовъ, вмѣщавшій царскаго брата, принялъ обряды инквизиціи! Присутствіе въ домѣ Коменданта открывалось ночью. Къ допросамъ водили подъ покрываломъ, накидывая на лицо платокъ. По приводѣ въ передній залъ сажали за ширмы, поставленные въ двухъ углахъ, со словами: „можете теперь открыться“. Въ этомъ ожиданіи за ширмами было слышно, какъ расхаживали по залу плацъ-адъютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субалтерія; стучали шпорами, разсказывали анекдоты дня, театральныя замѣчанія, и хохотали, показывая полное безучастіе къ страдальцамъ. Можетъ быть такъ было и приказано; а никакой приказъ подобными людьми такъ хорошо не исполняется.—Пишущій это чрезъ 27 лѣтъ, съ трепетнымъ сердцемъ вспоминаетъ, какъ въ одинъ изъ такихъ сеансовъ могъ видѣть чрезъ замѣченную въ ширмахъ дырочку, что изъ за другихъ ширмъ вывели за руку товарища страданія, съ завязанными назадъ руками и съ наножнымъ желѣзнымъ прутомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться. Едва ли то былъ не Рылѣевъ.—Когда надобно было весть въ присутствіе, плацъ-маіоръ опять накидывалъ платокъ на голову и вводилъ за руку, какъ слѣпого! При этомъ царствовала глубокая тишина. Когда введеннаго останавливали, раздавался басъ „откройтесь“, и приведенный видѣлъ себя предъ самымъ столомъ этого ареопага.

Думали поражать важностію засѣдающаго сонма, и производили впечатлѣніе совсѣмъ тому противное. Надо отдать справедливость, что не употребляли пытокъ, какими славилась омерзительной памяти „тайная канцелярія съ ея Шешковскими“. Но дозволяли себѣ для вынужденія сознанія, налагать желѣза на руки и на ноги и опредѣлять въ діэту хлѣбъ и воду; какъ будто это не тоже. Прибавьте къ этому помѣщеніе нѣкоторыхъ въ смрадныхъ нечистыхъ „номерахъ“, наполненныхъ всякаго рода насѣкомыми. Въ нихъ страдальца отдѣляла одна брусная, со сквозными пазами, перегородка,

отъ инвалидовъ, на ночь тоже запираемыхъ, такъ что онъ долженъ былъ слышать мерзости, и скажите, что это не пытка. Каковъ былъ этотъ способъ дознанія такъ названной истины, можно судить по тому, что одинъ изъ содержавшихся, Полковникъ Булатовъ, убилъ себя, разбивши голову объ стѣну, другой думалъ лишить себя жизни, глотая мелкіе осколки разбитаго стекла [1].

Когда такимъ образомъ, изъ однихъ готовили родъ гекатенфоніи тѣни Александра, другихъ спасали по уваженіямъ фамильнымъ, даже съ сокрытіемъ ихъ прикосновенности. Отсюда вышло то, что 20-и лѣтніе прапорщики, 18-и лѣтніе мичмана явились ужасными государственными злодѣями, дышавшими цареубійствомъ, ниспроверженіемъ престола, а люди уже солидные, участвовавшіе обдуманно, оказались невинными, и отпущены безъ огласки, одни изъ дворца, другіе изъ штаба, третьи даже изъ крѣпости, просидѣвшіе въ ней до окончанія процесса [2].

Упомянемъ случай, разительно доказывающій, какъ эти тайныя, вынудительныя мѣры къ исторженію сознанія могутъ губить людей невинныхъ. — Подполковникъ Штаба 2-й арміи Фаленбергъ былъ арестованъ, когда только что успѣлъ жениться. Жена его была очень больна въ это время. Чтобы ее не убить, арестованіе было произведено со всею предосторожностію. Онъ могъ увѣрить больную, что уѣзжаетъ въ Бессарабію, и вскорѣ возвратится. Всю дорогу мучила его одна мысль: „что станетъ съ нею, если узнаетъ". По доставленіи его во дворецъ и по снятіи допроса, какъ малозамѣшаннаго, его посадили въ штабъ, вмѣстѣ съ Полковникомъ Харьковскаго Драгунскаго полка Кончеяловымъ. Терзаемому разлукой дни казались мѣсяцами. Наконецъ его уже предваряли о признакахъ скораго освобожденія, какъ

---

[1] Кн. Трубецкой сдѣлалъ слѣдующую помѣтку на память къ этому мѣсту: „Въ Алексѣевскомъ равелинѣ сидѣвшіе были въ 1-й мѣсяцъ каждую ночь по нѣсколько разъ пробуждаемы стукомъ производимымъ въ корридорѣ, на который отворялись двери номеровъ. Стукъ этотъ былъ прекращенъ, когда узнали о немъ въ городѣ и заговорили". *П. Щ.*

[2] Не именуемъ никого. И въ числѣ погибшихъ не было недостатка аристократическихъ фамилій. Прибавокъ не облегчилъ бы ихъ участи. *В. Ш.*

вдругъ къ Кончеялову пришелъ восторженный полковникъ Раевскій, только что выпущенный изъ подъ ареста. Замѣтивъ третье лице въ комнатѣ: „кто съ нимъ?“—Узнавъ, что это по женѣ, его родственникъ, котораго онъ лично не зналъ, Раевскій подошелъ къ нему съ рекомендаціей, и между прочимъ въ утѣшеніе имѣлъ неосторожность сказать, что Государь чрезмѣрно милостивъ! „Требуется одно только искреннее сознаніе, и что бы вы ни сдѣлали смѣло признайтесь, и тотчасъ будете выпущены.“ Самого себя, притомъ, поставилъ примѣромъ. Разстроенная голова Фаленберга закружилась отъ такого легкаго способа отдѣлаться скорѣе и летѣть къ обожаемой своей половинѣ [1]. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ гр. Левашеву записку, что „желаетъ признаться“. Его позвали. Онъ показалъ, что зналъ о преднамѣренномъ цареубійствѣ отъ кн. Барятинскаго. Его тотчасъ же отправили въ крѣпость. — Въ комитетѣ, чрезъ нѣсколько мучительныхъ дней, дали ему очную ставку.

Кн. Барятинскій съ жаромъ убѣждалъ его, что никогда ничего подобнаго ему онъ не говорилъ. Фаленбергъ, не понимая его благонамѣренности, съ сердцемъ выговорилъ ему: „чтоже вы хотите меня представить лжецомъ!“ и кн. Барятинскій вынужденъ былъ сказать: „ну какъ хотите, по крайней мѣрѣ я не помню.“ Видя, что и тутъ признаніе ни сколько никого не жалобитъ, онъ объявилъ коменданту истину, что ничего ни о какомъ цареубійствѣ не зналъ и не слыхалъ до самаго изданія объявленія, и показалъ на себя вздоръ, чтобы только скорѣе освободиться. — Но уже поздно: ему не повѣрили, и отвѣтили осужденіемъ на 15 лѣтъ въ каторжную работу [2].

Другія обвиненія достигались не лучшими средствами. — То убѣждали показывать все, что знаютъ, обольщая милосердіемъ Государя; то возстановляли одного противъ другого, объявляя, будто бы тотъ показываетъ въ его обви-

---

[1] Эта половина, отдѣленная въ послѣдствіи закономъ, вскорѣ сдѣлалась половиною другого. *В. Ш.*

[2] Разсказъ объ осужденіи Фаленберга помѣщенъ въ „Рус. Архивѣ“ 1877 г. т. III, стр. 92 и слѣд. *П. Щ.*

неніе; то увѣряли, что все уже знаютъ, и только хотятъ видѣть степень искренности сознанія; то наконецъ, какъ и выше уже замѣчено, вымогали сознаніе угрозами и самою жестокостію [1]. Отчего послѣ и вышло, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ принуждены были признать невинными и выпустить, понесли уже наказаніе держаніемъ въ желѣзахъ, что по закону считается наказаніемъ тѣлеснымъ. Поэтому ихъ все таки удалили и подъ надзоръ полиціи, чтобъ не встрѣчать укора. Какъ хотѣть послѣ этого, чтобы вѣрили святости законовъ. Такъ всякое отступленіе отъ праваго пути и безпристрастія порождаетъ нравственную уродливость. Нѣкоторые посредствомъ услужливости плацъ-маіора, могли имѣть предостереженіе и совѣтъ родныхъ и знать что съ ними хотятъ дѣлать; но другіе съ предубѣжденіемъ въ характерѣ новаго Государя, явно предоставившаго себѣ распорядиться ихъ судьбою, были оставлены при своемъ раздражительномъ положеніи, совершенно самимъ себѣ, которымъ никто не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ, ни однимъ словомъ, близки были къ отчаянію, и увлеченные мыслію не даромъ по крайней мѣрѣ отдать жизнь свою, писали дерзкіе отвѣты, и тѣмъ еще болѣе раздражали противъ себя. Общій всѣмъ задавался вопросъ: „что васъ заставило возстать противъ правительства?“ и давалъ поводъ каждому высказывать все, что могъ, въ осужденіе существовавшаго порядка вещей и лицъ, игравшихъ судьбою Россіи [2]. Дано было право писать изъ казематовъ въ собствен-

---

[1] Николай Бестужевъ вспоминаетъ: „Въ началѣ обѣщали прощеніе, впослѣдствіи, когда все было открыто, и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупляли угрозы. Комитетъ налагалъ дань на родственную связь, на дружбу“. Знаменательно и то, что иногда откровенность въ показаніяхъ, въ особенности въ письмахъ, обращенныхъ заключенными въ крѣпости непосредственно къ императору Николаю, вызывалась тѣмъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности представленіемъ о личности, взглядахъ и намѣреніяхъ новаго государя, которое заговорщики выносили изъ его бесѣдъ съ ними во время допросовъ. Возвращаясь въ свои камеры и обдумывая слова императора, они готовы были видѣть въ государѣ человѣка, относящагося не безусловно враждебно къ ихъ мечтамъ и даже склоннаго осуществить ихъ. Несомнѣнно, Николай Павловичъ проявилъ весьма значительное умѣніе прославиться не тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности. Способность къ игрѣ пока еще не отмѣчена его біографами. *П. Щ.*

[2] Одинъ написалъ такую выходку, что его призвали въ комитетъ и заставили перемѣнить свое показаніе: „какъ вы смѣли писать такія дерзости противъ

ныя руки государя. — Нѣкоторые воспользовались имъ. Одинъ[1] писалъ бѣглый очеркъ всего минувшаго царствованія, раздѣляя его на три періода: филантропическій, марціальный и мистическій. Особенно представилъ въ послѣднемъ обманутое ожиданіе России, послѣ ея великодушныхъ и огромныхъ пожертвованій „за вѣру и царя“. Коснулся поселеній, рабства и скандалезнаго перехода отъ библеизма къ мистицизму, къ такъ называемому православію въ лицѣ Ѳотія! Читано ли это, произвело ли какое либо дѣйствіе, и какое? Это извѣстно Держащему въ длани сердца Царей. Люди читаютъ въ однихъ послѣдующихъ событіяхъ. Другой, бывшій Адъютантъ Морскаго Министра Кап.-Лейтенантъ Торсонъ, представилъ всѣ недостатки и злоупотребленія по флоту. — Это представленіе разсмотрѣно послѣ особымъ комитетомъ и настоящее положеніе флота и портовъ свидѣтельствуютъ, какъ оно было полезно. Самый разборъ законченныхъ бумагъ конечно не вовсе остался безполезнымъ. Идея почетнаго гражданства едва ли не оттуда возникла. — Послѣдующее изданіе законовъ есть слѣдствіе сильно представленнаго беззаконія. Однимъ словомъ, обреченные на жертву, по крайней мѣрѣ, какъ умѣли, старались погибнуть съ пользою для отечества. Отстрадая, они перемрутъ въ утѣшительной надеждѣ, что потомство отдастъ имъ хотя эту справедливость.

священной особы Государя? Намъ къ дѣлу невозможно присовокупить этого!“ загремѣлъ одинъ изъ членовъ комитета — и это былъ именно одинъ изъ сикеровъ 1801 года. — Узникъ отвѣтилъ кратко: „Вы требовали во всемъ искренняго признанія, я исполнилъ ваше желаніе; а если вамъ угодно, я это выпущу.“ „Ну такъ выпустите же, — сказали понизивъ тонъ, — вамъ пришлютъ переписанные вопросы; но это все таки мы должны показать Государю“, — и не возвратили. — Тотъ же самый въ одномъ дополнительномъ показаніи сдѣлалъ нѣсколько доводовъ виновности своей въ томъ только одномъ, что зналъ происходившее въ послѣдніе дни у Рылѣева, и не донесъ о томъ, заключилъ такъ: „Вы Мм. Г.г., которые должны произнести надо мною судъ по совѣсти, приведите, прошу васъ, на память этой самой совѣсти событіе 1801 года Марта на 12 число, вспомните, что и самъ покойный Государь зналъ ужасную тайну фонъ-деръ Палена и не объявилъ ее Государю — родителю своему. И такъ были и будутъ всегда обстоятельства выше всѣхъ человѣческихъ постановленій и обязанностей“. По этой бумагѣ не сдѣлали ни укоризны, ни вопроса: „какъ онъ это знаетъ“. Но конечно этому всему онъ обязанъ, что осужденъ былъ „вѣчно“ въ каторжную работу. *В. Ш.*

[1] Т. е. самъ Штейнгель. *П. Щ.*

Такимъ образомъ инквизиціонныя дѣйствія комитета продолжались до Іюня мѣсяца. — Заключенные въ казематы дважды слышали надъ собою ужасный громъ и трескъ, съ какимъ опущены въ землю смертные останки вѣнценосныхъ супруговъ, которыхъ жизнь вся была подтвержденіемъ той истины, что отъ царскаго вѣнца часто распадается брачный, и что слезы проливаемыя втайнѣ на порфиру столько же если не болѣе горьки, какъ и проливаемыя на рубище.

По окончаніи слѣдствія, поднесенъ былъ Его Величеству отъ комитета докладъ, составленный подъ редакціею Ст. секретаря Блудова. Онъ вышелъ точно такимъ, какимъ непремѣнно долженъ выдти всякій обвинительный актъ, когда обвиняемые заперты и безгласны, и когда обвинители, въ въ видахъ обезпеченія будущности, интересованы представить дѣло сколько возможно презрительно ужаснымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ хотятъ облечь свои дѣйствія искусною тканею лжей, съ отливами яркаго безпристрастія[1]. — За докладомъ тотчасъ послѣдовалъ указъ о назначеніи Верховнаго Уголовнаго Суда надъ „государственными преступниками“. Онъ составленъ изъ членовъ Государстеннаго Совѣта, Святѣйшаго Сѵнода и Правительствующаго Сената, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ и прибавленіемъ другихъ. Засѣданіе было открыто въ Правительствующемъ Сенатѣ. Первый вопросъ по выслушаніи Высочайшаго указа и доклада комитета былъ о томъ: „призывать ли подсудимыхъ къ подтвердительному допросу, какъ то велитъ

---

[1] Императоръ настаивалъ на скорѣйшемъ завершеніи слѣдствія и торопилъ представленіемъ окончательнаго донесенія, но комитетъ, занятый производствомъ слѣдствія, не былъ въ состояніи исполнить волю государя и рѣшилъ обратить въ донесеніе ту статью, которую готовилъ для журналовъ прикомандированный изъ министерства иностранныхъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Положивъ въ основаніе эту статью, Блудовъ составилъ извѣстное „Донесеніе“, напечатанное по высочайшему повелѣнію особой брошюрой и приложенное ко всѣмъ русскимъ газетамъ. Такое случайное и исключительное происхожденіе донесенія отразилось на его содержаніи и внутреннемъ достоинствѣ. А. М. Грибовскій, бывшій статсъ-секретаремъ, назвалъ докладъ Блудова *романическимъ*. Помимо того, что докладъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ причины, вызвавшія столь значительное движеніе, онъ не стремится выяснить его сущности, ограничиваясь пріисканіемъ ужасныхъ словъ, когда-либо сказанныхъ подсудимыми, и выставляя всѣ дѣйствія декабристовъ или до крайности нелѣпыми и смѣшными, или безконечно ужасными. *П. Щ.*

законный судебный порядокъ". Большинство голосовъ рѣшило этотъ вопросъ отрицательно, поставя побудительною причиною „затрудненіе". Признано достаточнымъ назначить изъ членовъ комиссію, которая бы опросила подсудимыхъ въ самой крѣпости. — При этой явной несправедливости, достопочтенный старецъ Адмиралъ Ал. Сем. Шишковъ, подалъ голосъ [1], которымъ отказался отъ присутствія и отъ участія въ осужденіи обреченныхъ предварительно на жертву. Дѣйствительно, когда въ томъ же комендантскомъ домѣ, только въ другой комнатѣ избранная комиссія открыла засѣданіе, никто изъ содержащихся не зналъ и даже не подозрѣвалъ, что уже состоитъ подъ судомъ страшнымъ [2]. — Плацъ-Адъютанты извѣщали каждаго обыкновенною формою: „Васъ просятъ въ *комитетъ* сегодня". — При входѣ всякій поражался измѣненіемъ большей части лицъ. На мѣстѣ Татищева сидѣлъ гр. Головкинъ, вмѣсто кн. Голицына кн. Куракинъ и т. д. Изъ членовъ комитета находился одинъ Гр. Бенкендорфъ. Первый вопросъ, при показаніи тетради съ прежними вопросами, былъ: „вы ли это писали?" Затѣмъ спрашивали: „подтверждаете ли все, показанное вами?" и наконецъ заключали предложеніемъ: „вотъ подписка, заготовленная въ этомъ смыслѣ, прочтите и подпишите!" — Всякій исполнилъ, не понимая для чего все это требуется. На вопросъ: „Что это значитъ?" Плацъ-Адъютанты отвѣчали: „Государю угодно повѣрить безпристрастіе дѣйствій комитета". Отобравъ такимъ образомъ подписки, Верховный Судъ приступилъ къ приговору, въ которомъ раздѣлилъ подсудимыхъ на 11 категорій или разрядовъ, за исключеніемъ пятерыхъ, обреченныхъ на мучительную смерть — „колесованіемъ"! — Изъ этихъ разрядовъ 1-й осужденъ былъ на отсѣченіе головы, очевидно съ предварительнымъ увѣреніемъ, что они не подвергнутся этой казни. — Изрубить 30 человѣкъ, какъ ка-

---

[1] Носился слухъ, что на голосъ этотъ отзывъ монарха состоялъ въ словахъ: „Вздоръ стараго враля!" *В. Ш.*

[2] Ежели кто либо могъ знать, какъ выше замѣчено, чрезъ родныхъ, то очень не многіе. *В. Ш.*

пусту, было бы конечно нѣчто необычайное для XIX-го вѣка. — Послѣднимъ, т. е. 31-мъ, къ этому разряду причисленъ бывшій статсъ-секретарь Тургеневъ, существенно за то только, что изъ Англіи не явился къ оправданію. — Прочіе разряды, до 7 включительно, осуждены въ каторжную работу, отъ вѣчной — до 4-хъ лѣтъ; затѣмъ 8 и 9 разряды къ ссылкѣ въ Сибирь, 10 и 11 — въ солдаты съ выслугою, и послѣдній, при томъ съ сохраненіемъ дворянства. — Всѣхъ осужденныхъ по разрядамъ было 115 человѣкъ. — Члены Сvнода изъявили на приговоръ свое согласіе; но, *какъ духовные,* уклонились отъ подписанія. - Что-же бы прибавило это подписаніе? — Дѣло въ томъ, что таковъ данъ примѣръ Архіереями, бывшими при осужденіи царевича Алексѣя Петровича. — Какъ тогда, такъ теперь, кого думали убѣдить этимъ замѣчаніемъ Пилатовскаго умытія рукъ? — Конечно не Господа, сказавшаго: „Не хочу смерти грѣшника."

Въ подлинномъ докладѣ Верховный Судъ позволилъ себѣ убѣдительный доводъ, что Государь, еслибъ и желалъ, не долженъ щадить осужденныхъ имъ на смерть.

Высочайшій указъ, съ послѣдовавшею конфирмаціею, подписанъ 10 Іюля, въ день воспоминанія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ который церковь празднуетъ положеніе ризы Господней. Но риза небеснаго страдальца не напомнила, что онъ молился о раздравшихъ ее. Въ высочайшей конфирмаціи, изложенной въ 13 пунктахъ этого указа, приговоръ найденъ *существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ;* но чтобъ силу законовъ и долгъ правосудія согласить съ „чувствами милосердія", признано за благо опредѣленныя преступникамъ казни и наказанія смягчить ограниченіями. Это смягченіе выразилось въ слѣдующемъ:

Первому разряду дарована жизнь съ замѣномъ, для 25-ти человѣкъ, вѣчною каторжною работою, а для 6-ти человѣкъ, по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго раскаянія, и для одного въ томъ числѣ, по ходатайству Вел. Кн. Михаила [1], каторжною работою на 20 лѣтъ.

---

[1] Для Вильгельма Кюхельбекера, который прицѣлился въ Великаго Князя. *В. Ш.*

Второму разряду отмѣнено положеніе головы на плаху, а двоимъ, именно братьямъ Бестужевымъ назначена каторжная работа вѣчно, 14-ти другимъ на 20-ть лѣтъ, и одному подполк. Норову на 15 лѣтъ, и потомъ на поселеніе.

Третьему разряду вѣчность каторжной работы, ограничена 20-ю годами, и стало сравнена со вторымъ разрядомъ.

Четвертому разряду изъ 25 лѣтъ каторжной работы сбавлено три года.

Изъ пятаго разряда, двумъ сбавлено два года, одному—именно мичману Бодиско 2-му каторжная работа замѣнена крѣпостною, и двоимъ не явлено никакого смягченія.

Изъ шестого разряда одному отставному полк. Александру Муравьеву—по уваженію *совершеннаго* и *искренняго* раскаянія [1], оказано почти полное помилованіе, избавленіемъ отъ работы и лишенія чиновъ, и ссылкою только на житье въ Сибирь, другому сбавленъ одинъ годъ работы.

Шестого разряда 13 человѣкамъ сбавлено два года работы, и двумъ—старику артиллеріи полковнику Берстелю и подпор. Гр. Булгари, по уваженію молодости лѣтъ работа каторжная замѣнена крѣпостною, тоже съ убавленіемъ двухъ лѣтъ.

Для осьмаго разряда утвержденъ приговоръ Верховнаго суда, кромѣ лейт. Бодиско 1-го, котораго повелѣно написать въ матросы.

Для девятаго разряда ссылка въ Сибирь замѣнена написаніемъ въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

Десятому и одиннадцатому разрядамъ не оказано никакого измѣненія.—Напротивъ объ одномъ сказано: „поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ, въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства“.

Судьба несчастныхъ, обреченныхъ на смерть, въ послѣднемъ, XIII пунктѣ, предана рѣшенію Верховнаго уголовнаго

---

[1] Боговдохновенный Царь-Пророкъ сказалъ: „Подойду къ человѣку, и сердце человѣка глубоко“. Но распоряжающимся судьбою людей очень легко себя увѣрить, что имѣютъ Божеское свойство проницать въ сокровенные изгибы сердецъ и въ самую совѣсть людей. *В. Ш.*

суда, и „тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится“.

На другой же день, 11 числа, Верх. Угол. Судъ, постановленнымъ протоколомъ, *сообразуясь съ высокомонаршимъ милосердіемъ, по представленной ему власти* приговорилъ вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ: Павла Пестеля, Кондратія Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Петра Каховскаго—*повѣсить!*

На слѣдующій день, 12 іюля, Верх. Угол. Судъ открылъ послѣднее засѣданіе свое въ Сенатѣ, рѣшившись предварительно, не призывать осужденныхъ для объявленія сентенціи въ Сенатѣ, но самому поѣхать для этого въ крѣпость.—Когда всѣ собрались, митрополитъ, краткою рѣчью, представилъ важность настоящаго дѣйствія, предложилъ испытать: „всѣ ли чисты въ совѣсти своей?“, потому что еще есть время обратиться къ милосердію монарха. По утвердительномъ отвѣтѣ, онъ сказалъ: „Ну такъ помолимся!“ Встали, ознаменовались крестомъ и поѣхали процессіонально, длинною вереницею каретъ, въ крѣпость, въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ эскадроновъ. Въ среднемъ салонѣ комендантскаго дома, было уже все приготовлено къ открытію засѣданія.—Во глубинѣ комнаты—столы, накрытые краснымъ сукномъ, были разставлены покоемъ, внутри котораго поставленъ особой небольшой столъ для оберъ-секретаря, и пульнетъ для министра юстиціи. Этимъ высшимъ блюстителемъ правосудія тогда былъ извѣстный горячкою, доходившею иногда до бѣшенства, кн. Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій, отличный полковникъ Екатерининскаго времени, когда держались, относительно выправки рекрутъ, извѣстнаго правила: „девять забей, десятаго поставь“.

По открытіи засѣданія, изъ всѣхъ казематовъ вывели затворниковъ и провели чрезъ задній дворъ и заднее крыльцо въ домъ коменданта.

Такое, для большей части разобщенныхъ узниковъ, свиданіе произвело самое сильное, радостное впечатлѣніе.— Обнимались, цѣловались, какъ воскресшіе, спрашивая другъ друга: „что это значитъ?“ Знавшіе объясняли, что будутъ объявлять сентенцію. „Какъ, развѣ насъ судили?“ — „Уже

судили!“ былъ отвѣтъ. — Но первое впечатлѣніе такъ преобладало, что этимъ никто такъ сильно не поразился. Всѣ видѣли по крайней мѣрѣ конецъ мучительному заточенію. Ведомыхъ на пораженіе размѣстили по комнатамъ, слѣдуя порядку разрядовъ. Потомъ начали вводить одними дверями въ присутствіе, и по прочтеніи сентенціи и конфирмаціи оберъ-секретаремъ, выпускали въ другія. — Тутъ въ ближайшей комнатѣ стояли священникъ Протоіерей Петръ Мысловскій, общій увѣщатель и духовникъ; съ нимъ лекарь и два цырульника съ препаратами кровопусканія. — Ихъ человѣколюбивой помощи ни для кого не потребовалось: всѣ были выше понесеннаго удара. Во время прочтенія сентенціи въ членахъ верхов. суда не было замѣтно никакого состраданія, одно любопытство. — Нѣкоторые съ искривленіемъ лорнетовали и вообще смотрѣли какъ на звѣрей. — Легко понять, какое чувство возбуждалось этимъ въ осужденныхъ. Одинъ, именно подполков. Лунинъ, многихъ этихъ господъ знавшій близко, крутя усы, громко усмѣхнулся, когда прочли осужденіе на 20 лѣтъ въ каторжную работу [1]. — По объявленіи сентенціи всѣхъ развели уже по другимъ казематамъ.

Въ ночь на 13-е число, на гласисѣ крѣпости устроили висѣлицу, и осужденныхъ моряковъ отправили въ Кронштадтъ. Въ 2 часа ночи въ крѣпости и около нея было уже полное движеніе. — Всѣхъ узниковъ вывели на дворъ и размѣстили въ два каре; въ одно принадлежавшихъ къ гвардейскимъ полкамъ, въ другое прочихъ. — Въ тоже время выводимые полки гвардіи строились вокругъ эспланады. Утро было мрачное, туманное. — Разложены были костры огня около мѣстъ назначенныхъ для каре. Въ 3 часа осужденныхъ вывели на экзекуцію. — Во второмъ каре исполнили ее надъ всѣми вмѣстѣ; изъ перваго разводили по полкамъ, кто къ которому принадлежалъ. Срывая эполеты и мундиры, бросали въ огонь. — Такимъ образомъ оборваннымъ странно

---

[1] Лунинъ по выпускѣ изъ Петропавловскаго Забайкальскаго каземата, жилъ подъ Иркутскомъ въ Урикѣ, но за написанное имъ для иностранныхъ газетъ повѣствованіе о дѣлѣ тайнаго общества и перехваченное, отвезенъ былъ въ Нерчинскій Акатуевскій рудникъ, и тамъ кончилъ жизнь свою. *В. Ш.*

было видѣть между себя одного, оставшагося съ орденами. Это былъ полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ.— Помилованнаго государемъ забыли пощадить отъ вывода на экзекуцію [1]. — Когда второе каре уводили обратно въ крѣпость, раздался въ немъ хохотъ. Это послѣ приписали безчувственности, ожесточенію; ничего не было: предметъ смѣха былъ Якубовичъ въ высокой офицерской шляпѣ съ султаномъ, въ ботфортахъ, и въ затрапезномъ коротенькомъ до колѣнъ халатѣ, выступающій съ комическою важностію.

Пять жертвъ, съ которыми не допустили и предъ объявленіемъ сентенціи никому видѣться, провели по фронту войскъ съ надписями на груди: „злодѣи, цареубійцы". Подъ висѣлицами съ ними простился и благословилъ ихъ напутствовавшій ихъ протоіерей Мысловскій.—Пестель подошелъ къ нему послѣдній, и сказалъ: „хотя я и лютеранинъ, батюшка, но такой же христіанинъ, благословите и меня". Когда по наложеніи покрывалъ и петель отняли подмостокъ, и страдальцы всею тяжестію своею повисли, трое — Муравьевъ, Бестужевъ и Каховскій — оборвались. Сейчасъ подскакалъ одинъ изъ генераловъ, крича „скорѣй! скорѣй!" Между тѣмъ Муравьевъ успѣлъ сказать: „Боже мой! и повѣсить порядочно въ Россіи не умѣютъ!" Надо отдать полную справедливость духовнику—мы назвали его выше—что онъ отъ этой казни унесъ глубокое чувство уваженія къ страдальцамъ.—Онъ послѣ, безъ боязни, не обинуясь, говорилъ и писалъ къ своимъ друзьямъ, что они умерли какъ святые, дорожилъ данными отъ нихъ вещами на память, и до кончины своей поминалъ и молилъ о упокоеніи душъ ихъ предъ престоломъ Божіимъ. Тѣла погибшихъ въ слѣдующую ночь тайно отвезены на островъ Голодай, и тамъ зарыты скрытно. Такъ совершилась казнь несчастныхъ жертвъ [2].

---

[1] Онъ былъ посланъ на житье въ Киренчу; переведенъ потомъ въ Верхнеудинскъ.—Послѣ былъ Полицеймейстеромъ и Предсѣдателемъ Губернскаго Правленія въ Иркутскѣ. Затѣмъ въ сей послѣдней должности въ Тобольскомъ Губернскомъ Правленіи управлялъ нѣкоторое время губерніею. *В. Ш.*

[2] Считаемъ не лишнимъ привести весьма любопытный по многимъ деталямъ и признакамъ разсказъ о казни пяти декабристовъ, идущій отъ одного изъ помощниковъ полицейскаго надзирателя и опубликованный въ „Историческомъ

Вѣстникѣ“ (1904, январь). Онъ вмѣстѣ съ четырьмя другими помощниками, надзирателями: Дубинкинымъ, Поповымъ, Богдановымъ и Карелинымъ, былъ откомандированъ въ ночь на 13-е іюля въ распоряженіе плацъ-майора Подушкина.

„— Приходимъ въ крѣпость, — разсказываетъ этотъ очевидецъ лицу, записавшему его разсказъ — явились къ плацъ-майору Подушкину, говоримъ: честь имѣемъ явиться; присланы отъ г. оберъ-полицмейстера въ ваше распоряженіе!

— Хорошо, говоритъ, господа; подождите!

Проводили насъ тамъ въ комнату, веркала этакія огромныя стоятъ въ золоченыхъ рамахъ. Ну, поставили намъ двѣ восковыя свѣчи. Тогда еще этихъ стеариновыхъ и въ поминѣ не было, никто ихъ и не зналъ. Вездѣ горѣли сальныя свѣчи, а въ богатыхъ домахъ и у насъ въ парадныхъ случаяхъ—восковыя. Дороги были, стеариновыя куда дешевле. Ну, слушай! Сидимъ мы и смѣемся между собой: вотъ дескать въ крѣпость попали! А въ крѣпости-то сидѣть не такъ дурно; лучше, чѣмъ въ конторѣ-то.

Подошелъ я къ окну, а ночь чудная такая была. Такихъ прекрасныхъ ночей я не много въ жизни помню, ей-Богу! тихо такъ, свѣтло, вѣдь это іюль въ концѣ былъ. Кажется, вотъ со двора бы не ушелъ, воздухъ такой чудесный! Чудная ночь! Окно было открыто, и я все глоталъ этотъ воздухъ, какъ теперь помню, такъ мнѣ это легко было.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ священникъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протопопъ Казанскаго собора. Тутъ только мы узнали, въ чемъ дѣло, что ночью назначена казнь. Это былъ десятый часъ, а назначено было казнить въ два. Мысловскій приглашенъ былъ исповѣдывать, увѣщевать и напутствовать къ смерти осужденныхъ. Съ нимъ были и св. дары.

Пошелъ онъ къ нимъ, а на насъ напалъ такой страхъ, хуже, чѣмъ у Княжнина. Дѣло-то было не шуточное! Сидимъ всѣ мы такіе блѣдные, дрожимъ. На кого ни взглянешь, просто лица нѣтъ ни на комъ; на себя посмотришь въ зеркало,—то же самое. Точно насъ самихъ къ смерти приговорили. Страшно! Ночь-то, я тебѣ говорю, прелесть какая. А послѣ того, какъ узналъ я, что казнить будутъ, взглянешь на эту ночь, и еще тошнѣе станетъ на душѣ, вотъ такъ все сердце и того; просто плакать хочется.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вышелъ отъ осужденныхъ Мысловскій. Онъ былъ очень растроганъ, плакалъ. Бестужевъ, Муравьевъ и Рылѣевъ исповѣдывались и много съ нимъ говорили, раскаялись. Къ Пестелю приходилъ пасторъ; Мысловскій хотѣлъ и его напутствовать, но онъ отказался, а Каховскій исполнилъ христіанскій долгъ какъ бы по принужденію. Не хотѣлъ чистосердечно раскаяться. А эти трое исполнили, какъ слѣдуетъ, христіанскую обязанность, въ особенности Рылѣевъ. Онъ заставилъ плакать священника и отдалъ ему для жены и дочери медальонъ и крестъ.

Я вотъ, какъ теперь, помню слова Мысловскаго. Онъ говорилъ: „Они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодѣями! Ихъ вина произошла отъ заблужденія ума, а не отъ испорченности сердца. Господи, отпусти имъ! не вѣдали бо, что творили. Вотъ нашъ умъ! долго ли ему заблудиться? а заблужденіе ведетъ на край погибели. Только вѣра святая и писаніе божественное могутъ поддержать человѣка и поставить его на путь истины. Надо молиться, чтобы Богъ смягчилъ сердце царя!“

О Рылѣевѣ онъ еще прибавилъ, что онъ истинный христіанинъ и думалъ, что дѣлаетъ добро и готовъ былъ душу свою положить за други своя.

Въ полночь это начали съѣзжаться въ крѣпость начальствующія лица: Павелъ Васильевичъ Кутузовъ,—тогда онъ былъ генералъ-губернаторомъ,—жандармскій шефъ, полицмейстеры. Много пріѣхало. Пошла такая суета, что ужасъ. Знаешь, приготовленія всѣ эти. Надобно тебѣ сказать, что и прежде все съ висѣлицею би-

лись, никакъ не могли найти, кто-бы взялся строить ее. Какъ ты ее будешь строить, когда весь вѣкъ не видалъ? Взялся за это Посниковъ, полицмейстеръ.

— Въ какомъ отдѣленіи Посниковъ полицмейстеромъ?—спросилъ я.

— Онъ, братецъ мой, былъ не въ отдѣленіи, а въ управѣ благочинія. Теперь вотъ въ управѣ благочинія старшій называется предсѣдателемъ, а тогда назывался полицмейстеромъ. Вотъ, братецъ мой, кто былъ Посниковъ. Ему бывало, что ужъ прикажутъ, — сдѣлаетъ. Исполнительный былъ такой и робкій, начальство если разсердится или кричитъ, онъ и испугается. Да вѣдь въ то время было и не то, что теперь. Тогда всѣ взгляда старшаго боялись. Теперь вольница пошла. Что я говорилъ-то тебѣ? Да. Такъ висѣлицу-то и эшафотъ строилъ Посниковъ и при немъ архитекторъ, забылъ его фамилію, нѣмецкая. Висѣлицу строили гдѣ-то въ тюрьмѣ, потомъ разобрали и ночью должны были привезти въ крѣпость. Только, братецъ ты мой, долго не везутъ. Такая пошла суматоха. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ изъ себя выходитъ просто.

Въ это время изъ царской фамиліи въ Петербургѣ никого не было. Всѣмъ этимъ распоряжался Кутузовъ. Онъ вмѣсто Милорадовича поступилъ. Онъ всѣмъ дѣломъ и завѣдывалъ. Наконецъ, привезли висѣлицу; начали ставить. Не такъ ли что было сдѣлано, или забыли что, не знаю, — говорили потомъ, что будто перекладина пропала, а кто ихъ знаетъ, врядъ ли правда. Какъ ей пропасть? Что-нибудь тамъ, можетъ, повредилась, это другое дѣло. Только надобно было починку произвести. Копались съ висѣлицею долго. Какъ ни понукали, братецъ ты мой, какъ ни спѣшили, а все уже дѣло-то подходило ко дню. Въ четыре часа еще висѣлицу ставили.

Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Сперва-то было ввели въ какую-то черную комнату, да сейчасъ же и вывели. Какая это комната, не могу сказать. Былъ я тамъ недолго, да и замѣчать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что ихъ судили и допрашивали въ этой комнатѣ.

Вывели насъ въ коридоръ; съ нами былъ полицмейстеръ Тихачевъ. Вслѣдъ за нами офицеръ привелъ двѣнадцать человѣкъ солдатъ Павловскаго полка, съ заряженными ружьями и со штыками. При исполненіи казни былъ одинъ только Павловскій полкъ. Другихъ полковъ солдатъ я не видѣлъ ни одного человѣка. Привели и двухъ палачей.

Отворили двери казематовъ и позвали преступниковъ. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли въ коридоръ. Руки и ноги ихъ были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе шаги.

— На нихъ не было кандаловъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Никакихъ кандаловъ не было. Я, какъ теперь, вотъ на нихъ смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо.

— Что они тутъ? говорили что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тутъ былъ, братецъ ты мой, Тихачевъ; онъ бы не позволилъ много говорить.

— Ну, что же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что онъ не раскаялся такъ искренно и не исполнилъ, какъ другіе, какъ должно, христіанскаго

обряда. Его тоже причастили, ну, да онъ не отъ сердца это все дѣлалъ, а какъ по приказанію. Всѣ они удивительно были спокойны.

Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ Павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро въ рядъ съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и болѣе дрожали, такъ что можно было сказать скорѣе, что будутъ казнить насъ, а не ихъ. За нами шли въ рядъ же преступники. Позади ихъ двѣнадцать павловскихъ солдатъ и два палача. Тихачевъ шелъ въ сторонѣ и наблюдалъ за процессіею, а самъ не становился въ нее и опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, какъ мы, напримѣръ.

Мы двигались впередъ медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Такимъ порядкомъ вышли мы на кронверкъ. Парка этого тогда не было въ заводѣ. На мѣстѣ его былъ голый пустырь, и на немъ кой-гдѣ валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверкъ состоялъ изъ земляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами. Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мостъ на кронверкъ, то увидѣли тамъ солдатъ съ ружьями, толпу преступниковъ и два эшафота. На одномъ была устроена висѣлица. Тутъ я одинъ разъ въ жизни и видѣлъ висѣлицу. Это просто, братецъ мой, качели. Знаешь, какъ качели дѣлаютъ на двухъ столбахъ съ перекладиной? Ну, вотъ тебѣ и висѣлица. Качели! только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается, подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Я тебѣ говорилъ, погода была чудная, а тутъ солнце всходитъ, и музыка играетъ.

Собрали всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтѣ. Всѣхъ ихъ, кажется, было сто двадцать пять человѣкъ...

— Что-же, висѣлица не была готова?—спросилъ я.

— Висѣлица-то была готова, за нею дѣло не стало, а сперва исполняли приговоръ надъ остальными: снимали съ нихъ платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестантское, ломали надъ головами шпаги и все это; извѣстно, лишали дворянства и чести, шельмовали, какъ тогда закономъ было постановлено. Намъ все это было видно. Того, надъ кѣмъ уже исполненъ былъ приговоръ, сейчасъ же уводили въ крѣпость и сажали въ казематъ; оттуда уже отправляли въ ссылку. Въ ссылку, братецъ ты мой, возили ихъ тоже по ночамъ, этакъ, знаешь, передъ утромъ, когда на улицѣ нѣтъ народа.

Когда выпроводили тѣхъ, дошла очередь и до нашихъ. Они, я тебѣ говорю, сидѣли все время на травѣ и тихо между собою разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они на колѣняхъ молча помолились Богу, смотря на небо. Тяжело было, братецъ, смотрѣть на нихъ! Потомъ на нихъ надѣли этакіе мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ подъ висѣлицу. Надо тебѣ сказать, что подъ самой перекладиной былъ сдѣланъ возвышенный помостъ; на него надобно было всходить по деревянному очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачевъ былъ при насъ: это было въ его командѣ.

— Ну, въ этотъ моментъ, когда на нихъ надѣвали мѣшки, они поблѣднѣли? въ нихъ виденъ былъ страхъ?—продолжалъ допытываться я.

— И ничего-таки, братецъ мой! Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Пестеля, я противъ Рылѣева, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубинкинъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны,

Во время всей этой процессіи, чрезъ каждые полчаса отправлялись въ Царское Село, гдѣ находился государь, фельдъегеры съ извѣщеніемъ, что совершается все „благопо-

но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Да вѣдь и минута была серьезная, приготовлялись вѣдь, братецъ, къ смерти. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ, братецъ, ты мой, взглянули жалостливо, что у насъ вся внутренность перевернулась, и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій, правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, что его едва оторвали. Страхъ! Такъ это было жутко! Ты вотъ не поймешь этого, что это такое было, а я разсказать не могу. Ну, какъ я тебѣ разскажу? Мѣшки имъ очень не понравились; они были недовольны, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: „Господи! Къ чему это?“ Палачи имъ стянули руки покрѣпче. Одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрогивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачевъ велѣлъ итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тутъ это музыка играетъ Павловскаго полка... Солдаты этакъ осужденныхъ сзади натискивали, чтобъ они знали, куда итти. Такъ они все подвигались понемножку впередъ, по этому деревянному откосу; наконецъ, стали на мѣсто. Страшно, братецъ! ухъ, страшно! У насъ волосы стали дыбомъ на головѣ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще бѣда, въ правый ботфортъ попалъ камушекъ, а, можетъ быть, сухая хлѣбная крошка, чортъ ее, не знаю! Только терло мнѣ, братецъ мой, ногу ужасно. До крови, вѣдь, стеръ.

Какъ свели насъ съ эшафота, то поставили тутъ же, возлѣ. На шеи преступникамъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули; они и упали внизъ. Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій. Что тамъ ни говори, а я увѣренъ, что это случилось оттого, что они исповѣдывались и раскаялись отъ чистаго сердца. Богъ ихъ миловалъ. Ну, самъ посуди, веревки были одинаковыя и крѣпкія, ихъ передъ этимъ пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховскій?

— А говорятъ,—сказалъ я,—что именно они-то и сорвались, Пестель и Каховскій, да еще Рылѣевъ.

— Неправда! Я, вѣдь, тутъ же стоялъ. Врутъ! Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь; вѣдь самъ посуди, упали-то съ размаха.

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ и самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: что это такое?

— И повѣсить не умѣютъ! — кто-то отвѣчалъ изъ сорвавшихся, кажется, будто Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе!—кричитъ Кутузовъ. И Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помостъ и вновь накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскій опять достали до него ногами. Пестель былъ еще въ это время живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ ушиба и боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина [1]).

[1]) Болѣе подробно см. статью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 г., т. II: „Казнь декабристовъ“. Тамъ приведены разсказы о казни Шницлера, Путяты и Беркопфа.

лучно" [1]. И въ этотъ же самый вечеръ офицеры кавалергардскаго полка дали праздникъ на Елагиномъ острову своему новому шефу—царствующей Императрицѣ, съ великолѣпнымъ фейерверкомъ. Быть можетъ хотѣли показать, что

За рвомъ было немного народу. Рано было, и никто ничего не зналъ; оттого и не собрались. Народъ тоже это зашумѣлъ что-то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла?—спросилъ я.—Похоронный маршъ?

— Нѣтъ; простые марши играла и разныя штуки. Прошло этакъ съ полчаса; докторъ говоритъ, что они давно померли. Велѣли ихъ снимать. Сняли, братецъ мой; у всѣхъ вылѣзли предлинные языки, и лица были синія такія, почти черныя. Ихъ сложили на телѣгу и сдали полицмейстеру, полковнику Дершау; онъ былъ назначенъ хоронить ихъ. На день тѣла поставили въ сарай на кронверкѣ же. Висѣлицу живо разобрали.

— Гдѣ же ихъ похоронили?

— А вотъ гдѣ. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Тамъ есть нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакій переулочекъ налѣво. Вотъ мимо армянскаго кладбища и итти до конца переулка. Какъ выйдешь къ взморью, тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похоронили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Распоряжался Дершау. Тамъ потомъ четыре мѣсяца караулъ стоялъ".

Бенкендорфъ тоже присутствовалъ при совершеніи казни. Онъ такъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ: „меня влекло къ тому не одно любопытство, но и состраданіе: то были большею частію молодые люди, дворяне хорошихъ фамилій, многіе изъ нихъ служили прежде со мной, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, князь Волконскій, были непосредственно моими товарищами. У меня щемило сердце; но вскорѣ чувство сожалѣнія, возбужденное во мнѣ мыслію объ ударѣ, поразившемъ столько семействъ, уступило мѣсто омерзѣнію и негодованію. Грязныя и неумѣстныя рѣчи и шутки этихъ несчастныхъ свидѣтельствовали и о глубокой нравственной ихъ порчѣ и о томъ, что сердца ихъ недоступны ни раскаянію, ни чувству стыда". *П. Щ.*

[1] Немедленно по совершеніи казни Рылѣева, Пестеля, Каховскаго, Муравьева и Бестужева-Рюмина, генералъ-адъютантъ Дибичъ отправилъ съ фельдъегеремъ въ Царское Село слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе: „Sire! Le feldjegher Tchâussoff vous portera le rapport du général Koutouzoff de la fin de l'exécution des scélérats et le général Czernicheff va le suivre de près vous en faire le rapport verbal... La troupe s'est couduit avec dignité, les criminels avec cette bassese que nous avons vu depuis le commencement". Въ тотъ же день императоръ отвѣтилъ Дибичу: „Le benis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention, même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon être à 3 heures à ma maison en ville".

А. О. Смирнова записала въ своемъ дневникѣ, что въ этотъ день государь, бывшій въ Царскомъ Селѣ, былъ блѣденъ и мраченъ. Послѣ пріѣзда фельдъегеря Николай Павловичъ отправился въ церковь помолиться, а потомъ заперся въ кабинетѣ. Вечеромъ за чаемъ у императрицы грустное настроеніе государя продолжалось, они почти не разговаривали, а великій князь Михаилъ Павловичъ казался озабоченнымъ и мрачнымъ. *П. Щ.*

несчастные не достойны ни участія, ни сожалѣнія, и думали трескомъ потѣшныхъ огней заглушить стенаніе и плачъ глубоко огорченныхъ родныхъ.

Надъ моряками въ Кронштадтѣ въ то же утро экзекуція исполнена на флагманскомъ кораблѣ Адмирала Кроуна. Сорваны эполеты и мундиры брошены въ воду. — Можно сказать, что первое проявленіе либерализма старались истреблять всѣми четырьмя стихіями: огнемъ, водою, воздухомъ и землею.

Чтобы это событіе представить народу сколько возможно важнымъ и ужаснымъ, а принесенныхъ въ жертву лишить всякаго состраданія, Сvноду поручено было составить особенный молебенъ и „Святѣйшій“ издалъ брошюру подъ названіемъ *сицевымъ*. „Послѣдованіе благодарственнаго молеб-„наго пѣнія ко Господу Богу, даровавшему свою помощь „благочестивѣйшему Государю Нашему Императору Николаю „Павловичу, на испроверженіе кромолы, угрожавшія междо-„усобіемъ и бѣдствіями государству Всеросійскому“. Въ Сvнодальной типографіи 1826 года.

Въ послѣдней эктеніи этого молебна, вотъ какія слова обращены ко Всевѣдущему, испытующему сердца и утробы Богу: „Еще молимся о еже пріяти Господу Спасителю на-„шему исповѣданіе и благодареніе насъ недостойныхъ ра-„бовъ своихъ, яко отъ неиствующія крамолы, злоумышляв-„шія на испроверженіе вѣры православныя и престола и на „раззореніе Царства Россійскаго, явилъ есть намъ заступ-„леніе и спасеніе свое“ [1].

---

[1] Это властоугодливое и мало съ истиною и духомъ христіанства соображенное сочиненіе, невольно напоминаетъ другое, именно: „Увѣщаніе отъ Святѣйшаго Сvнода къ православнымъ христіанамъ“, въ началѣ 1807 года изданное, съ повелѣніемъ читать по воскреснымъ днямъ вмѣсто проповѣди. Въ немъ сказано было о Наполеонѣ: „Это тварь сожженная собственною своею совѣстью, отъ которой и благость Божія отступила! И желаетъ онъ, съ помощію помощниковъ злодѣйства своего Іудеевъ, похитить священное имя Мессіи, и проч“. И чтожъ? Во многихъ мѣстахъ Россіи, послѣ такого чтенія въ воскресенье—въ понедѣльникъ получили съ курьеромъ офиціальное извѣстіе, что *Ихъ Величества*, Императоры, на Нѣманѣ, обнимались и обмѣнялись орденами, слѣдовательно... Но тщетно провидѣніе даетъ уроки тѣмъ, которые святое установленіе Бога истины, мира и любви, обращаютъ въ орудіе политики, всегда лживой и мстительной. *В. Ш.*

Такой молебенъ вскорѣ былъ отправленъ предъ народомъ Гвардейскаго корпуса, на Исаакіевской площади, а также въ Москвѣ и всей Россіи.

Этимъ священно-торжественнымъ актомъ совершилась, разыгранная официально предъ народомъ и предъ современнымъ свѣтомъ, драма кары Тайнаго общества въ Россіи. Въ такомъ видѣ попала она и въ „Annuaire Historique". За скальпель истины возмется будущій вѣкъ.

Невольно представляется вопросъ: при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ внезапная смерть Александра застала Россію, могла ли не быть эта ужасная драма? Не желаемъ вовсе быть чьимъ либо обвинителемъ, понимаемъ очень, что нѣтъ сильнѣе деспотизма, съ какимъ владычествуютъ обстоятельства или самые геніальные умы сбиваются съ прямого пути, самыя мягкія сердца побуждаются къ жестокости, прославляемая добродѣтель творитъ злодѣянія. За всѣмъ тѣмъ, мы по совѣсти предъ Богомъ думаемъ сказать истину, отвѣтивъ на этотъ вопросъ положительно.

Правда, существованіе Тайнаго общества было уже открыто двумя доносами въ устрашающемъ видѣ; начались уже на югѣ аресты, но въ столицѣ самой возмутительные элементы были въ совершенной инерціи; и они остались бы въ ней, еслибъ не дано было ни повода, ни времени къ возбужденію, къ совѣщаніямъ, къ замысламъ.

Присяга у насъ по всеобщему признанію, не выполнима. Всѣ это знаютъ и говорятъ, что она не согласна ни съ религіозными понятіями, ни съ законами, ни съ общественною нравственностію, ни съ духомъ народнымъ.—За всѣмъ тѣмъ, она существуетъ со временъ Петра и перемѣнить ее почитается, повидимому, такимъ же святотатственнымъ помышленіемъ, какъ перестроить Успенскій Соборъ. По такому понятію о святости присяги, Государственный Совѣтъ и самъ Великій Князь предъ тѣнію Александра и предъ Россіею имѣли священную обязанность тотчасъ исполнить завѣщанный актъ, какъ скоро вскрыли и прочли его. 27 Ноября, все присягнуло бы „назначенному" наслѣднику

Александра, по точному смыслу присяги, повторяемой 24 года. Вступивши на престолъ, новому Государю, съ самаго перваго дня, также было бы легко обаять всѣхъ милостями и надеждами, какъ и послѣ кровавой катастрофы—и еще легче, гораздо легче!.... Все тогда разобщилось бы, все бы распалось, что было какъ-нибудь способно къ противодѣйствію.

Этого не сдѣлали, дозволили себѣ—съ одной стороны отрицая, съ другой угодливо разсуждая, не исполнить воли своего усопшаго Монарха, и даже затаить самый актъ, въ которомъ она изъявлена. Правительствующій Сенатъ заставили провозгласить Константина, по закону Павла I-го, какъ бы назначенія не существовало. Отъ этой первой неправоты пролегла дорога къ кровавой развязкѣ.

Цесаревичъ не поступилъ такъ, какъ слѣдовало бы поступить, при уваженіи къ своему отечеству, буде не къ Сенату. Должно было принять донесеніе Сената и отречься отъ престола манифестомъ отъ своего имени, поблагодаривъ Россію за преданность, и разрѣшивъ ее отъ принесенной присяги. По строптивости характера, очень естественно, что мысль эта не могла быть объята ни умомъ ни сердцемъ его [1].

Затѣмъ оставалось поправить это, по крайней мѣрѣ, предоставленіемъ Сенату же вывести Россію изъ заблужденія. Онъ долженъ былъ указомъ же обвѣстить ее обо всемъ происшедшемъ, разрѣшить отъ принесенной присяги, и повелѣть по манифесту Александра I-го присягнуть *назначенному* наслѣднику, какъ уже законному государю. Въ обоихъ этихъ случаяхъ манифестъ съ возгласомъ: Божіею милостію мы Николай первый, не могъ бы никому показаться внезапнымъ проявленіемъ скрытой интриги и вторженіемъ въ права Константина I-го, начавшаго царствовать въ умахъ, какъ солдатъ ему преданныхъ, такъ и народа, хотя очень равнодушнаго. Тогда Московскій полкъ трудно было бы, при сопротивленіи генераловъ и полковниковъ, увлечь двумъ штабсъ-капитанамъ, князю Щепину и Бестужеву, которыми су-

---

[1] Одинъ изъ подсудимыхъ не опустилъ въ отвѣтѣ своемъ сказать: „Бѣдная Россія до того кажется презрѣнною, что цесаревичъ не удостоилъ и спасибо ей сказать за присягу“. *В. Ш.*

щественно все возбуждено, все поднято, что явилось на площади [1]. Но, *сдѣланнаго* не *сдѣланнымъ* самъ Господь не сдѣлаетъ! а причины Его попущеній не постижимы для ума смертныхъ.

Съ нашею близорукостью можемъ сказать, что Россіи нужны были жертвы этого рода, чтобы въ глазахъ Европы перестать казаться *варварскою* и сколько-нибудь возвыситься въ мнѣніи своихъ обладателей, высказавъ, что она начинаетъ всматриваться и понимать, что ее тѣснитъ.

Съ другой стороны исторія убѣждаетъ насъ, что изъ бѣдственныхъ и кровавыхъ событій вырождаются всегда благія послѣдствія; новыя силы, новая дѣятельность. Кто не видитъ теперь, какъ энергіею своего характера и многими знаменитыми дѣлами, содѣлавшими самое Царствованіе приснопамятнымъ, Монархъ Россіи возвысилъ ее до страшно колоссальной высоты, на которую „съ трудомъ взираютъ очи"... А что еще будетъ?—Завѣса непроницаема!

Обратимся къ нашему сказанію.—Ожидали осужденные, что ихъ также, какъ обыкновенныхъ преступниковъ, безъ пощады пошлютъ въ ссылку по этапамъ, и что потому должны будутъ явиться еще на позоръ въ губернское правленіе. Этого не случилось: обозначилась промыслительная рука Самодержца. Восьмерыхъ изъ 1-го разряда [2] тотчасъ отправили въ Нерчинскіе рудники, съ фельдъегеремъ и жандармами закованныхъ въ желѣза. Прочихъ разослали: назначенныхъ въ каторжную работу—по разнымъ крѣпостямъ въ Финляндію, въ Шлиссельбургъ [3] и даже въ Ревель, дру-

---

[1] Участіе князя Щепина Ростовскаго въ предварительныхъ совѣщаніяхъ ничѣмъ не доказано. Онъ твердо стоялъ въ томъ, что защищалъ присягу по долгу. *В. Ш.*

[2] Кн. Трубецкаго, кн. Оболенскаго, двухъ братьевъ Борисовыхъ, Якубовича, Давыдова, Артамона Муравьева и кн. Волконскаго. *В. Ш.*

Волконскій былъ изъ 2-го разряда. *П. Щ.*

[3] Много стоновъ, со взятья этой крѣпости Петромъ, вознеслось къ вѣчному правосудію. Много политическихъ жертвъ исчезло тутъ въ тайнѣ. Тутъ лишенъ жизни царственный мученикъ Іоаннъ, сынъ Антона Ульриха, котораго именемъ около двухъ лѣтъ (1740—1742) управлялась Россія и котораго *православная* церковь не удостоила даже христіанскаго поминовенія, поминая разгульнаго и осужденнаго Царевича Алексѣя!.. Когда новые узники были привезены, выпустили оставшихся отъ Александрова царствованія, въ томъ числѣ Бока и Медокса. *В. Ш.*

гихъ по назначенію въ Сибирь на поселеніе и на Кавказъ. Выѣздъ изъ крѣпости совершался ночью. Въ желѣза при этомъ не заковывали. За двумя изъ ссыльныхъ, отвезенныхъ первыми, послѣдовали великодушно ихъ супруги кн. Трубецкая и Волконская. Хотя подвигъ не безпримѣрный, но не менѣе высокій! Предоставляемъ себѣ возвратиться послѣ къ этому предмету.

Вообще предъ отправленіемъ изъ крѣпости дозволяемо было роднымъ видѣться и проститься въ присутствіи коменданта. Легко понять, какъ это присутствіе было тягостно для разлучающихся на вѣки! Одинъ отецъ семейства, послѣ благословленія дѣтей и прощанія съ супругою, съ глубоко растерзаннымъ сердцемъ сошелъ съ комендантскаго крыльца, сопровождаемый штыкомъ. Обернувшись на восклицаніе „прости!“, онъ увидѣлъ, что жена и дѣти вышли на крыльцо, и, плача, смотрятъ ему въ слѣдъ. Съ середины двора онъ закричалъ имъ твердымъ голосомъ: „Не скорбите... я теперь вещь, могутъ меня перекладывать, куда хотятъ; могутъ колотить даже; но помните, что самого Апостола Павла трижды били палками, а мы ему молимся“. Никто не остановилъ его, такъ самые привычные къ грубостямъ были разжалоблены подобными сценами. Если были съ одной стороны примѣры равнодушія и угодливой жестокости, не менѣе были же съ другой проявленія скрытаго участія и состраданія. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ вотъ одинъ, съ благородною матерью семейства, о которой сейчасъ была рѣчь. Она пріѣхала нарочно изъ Москвы и наняла съ намѣреніемъ домикъ неподалеку на Большомъ проспектѣ. Узнавъ на третій день послѣ прощанія, что мужа ея увезли, — куда, неизвѣстно—она возвратилась домой и сѣла въ слезахъ у раствореннаго окна. Вдругъ, пролетѣвшая мимо ея головы бумажка падаетъ на полъ среди комнаты. Она вскакиваетъ, подымаетъ и читаетъ имя одной изъ крѣпостей финляндскихъ. Бросается къ окошку, сострадательное существо уже скрылось—но конечно не отъ взора вѣчной благости.

Когда отправленіе изъ крѣпости прекратилось [1], и го-

[1] Почти всѣ, принадлежавшіе къ 1 и 2 разрядамъ оставлены были въ Петропавловской крѣпости, но распустили слухъ, что всѣхъ вывезли. *В. Ш.*

воръ, возбужденный поразившею всѣхъ развязкою, умолкъ, Государь выѣхалъ въ древнюю столицу, для воспріятія священнаго коронованія и мvропомазанія. Первою встрѣчею тамъ была эпиграма на счетъ происходившей казни—и пріуготовленіе къ вѣнчанію на царство должно было начаться арестованіемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, и огорченіемъ нѣскольких семействъ. Въ университетѣ оказались сѣмена либерализма, и нѣсколько студентовъ отправлены тоже въ финляндскія крѣпости.

По совершеніи коронаціи, въ изданномъ милостивомъ манифестѣ, не забыты были и осужденные Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Вѣчная каторжная работа ограничена временностію 20 лѣтъ; 20-лѣтняя сокращена въ 15,—и постепенно послѣдній 6-лѣтній срокъ превратился въ годовой.— Умѣренность въ этой милости вознаграждена другою, вовсе новаго небывалаго рода: Государь проявилъ идею отеческаго назиданія надъ тѣми, которыхъ принесъ въ жертву первой своей идеѣ—необходимой, строгой, устрашающей карѣ. Онъ не допустилъ смѣшать ихъ съ злодѣями, предначертавъ особенный ходъ для осуществленія опредѣленнаго имъ наказанія [1]. Къ исполненію своей благотворной мысли, Государь, назначилъ ген.-маіора Лепарскаго, человѣка лично ему извѣстнаго. Лепарскій, полковникомъ командовалъ Его Конно-Егерскимъ полкомъ (Сѣвскимъ). Съ этимъ назначеніемъ Лепарскій былъ наименованъ комендантомъ Нерчинскихъ заводовъ, съ 20 т. жалованья, съ тѣмъ, чтобы удержаніемъ половины, въ 6 лѣтъ могъ уплатить 60,000 рублей одолженныхъ имъ по сдачѣ полка [2]. Ему въ штабъ приданы были

---

[1] „Первые восемь человѣкъ были отправлены въ Нерчинскіе рудники, гдѣ работали вмѣстѣ со всѣми каторжными.—Трубецкому постоянно доставалось ходить на работу съ разбойничьимъ атаманомъ Орловымъ“.—[Примѣчаніе кн. Трубецкаго]. *П. Щ.*

[2] Лепарскій разсказывалъ, что этимъ долгомъ онъ обязанъ былъ исполненію частыхъ, какъ онъ выражался, прихотей по постройкѣ новой амуниціи, и даже новыхъ мундировъ. *В. Ш.*

Къ этому примѣчанію Штейнгеля кн. Трубецкой даетъ исправленіе: „Неправда, Лепарскій всегда самъ разсказывалъ, „что этотъ долгъ онъ выплачивалъ за пожаръ, случившійся въ селеніи, гдѣ квартировалъ его полкъ. Пожаръ произошелъ отъ неосторожности съ самоваромъ, и съ тѣхъ поръ Лепарскій не дозволялъ имѣть у себя въ домѣ самовара“. *П. Щ.*

плацъ-маіоръ Лепарскій же, его племянникъ, и два плацъ-адъютанта, Куломзинъ, тоже его племянникъ по сестрѣ и Розенбергъ. Въ послѣдствіи изъ Иркутска прикомандированы шт.-лекарь Ильинскій и свящ. Петръ Громовъ. Снабженный особенною инструкціею, генералъ Лепарскій тотчасъ же отправился въ Нерчинскій край для пріуготовленія особыхъ казематовъ, гдѣ найдетъ удобнымъ.

По обозрѣніи Нерчинскаго края, Лепарскій избралъ для временнаго пріюта осужденныхъ Читу - село, при впаденіи рѣки Читы въ Ингору, гдѣ находилось депо заводское и заводскій комиссіонеръ [1]. Тутъ скуплены были мѣста и нѣкоторые дома. Въ одномъ изъ нихъ, по обнесеніи его тыномъ, тотчасъ-же устроена временная тюрьма, получившая послѣ названіе малаго каземата. И въ тоже время начато новое зданіе въ 4-хъ отдѣленіяхъ для большаго каземата. Это пріуготовленное устройство было причиною томительнаго задержанія осужденныхъ въ крѣпостяхъ. Говоримъ томительнаго потому, что неизвѣстность причины видимаго измѣненія назначенной по приговору ссылки, заставляла узниковъ почитать себя на всегда заключенными, или, говоря другими словами, погребенными за живо. Но какъ скоро малый казематъ въ Читѣ былъ готовъ, всѣ задержанные въ Петропавловской крѣпости были той же осенью отправлены за Байкалъ.

Содержаніе въ Финляндскихъ крѣпостяхъ продолжалось гораздо долѣе и до декабря мѣсяца 1826 г. было самое строгое. Не выпускали не только пользоваться воздухомъ, но даже въ баню. Каждый былъ запертъ, въ полномъ смыслѣ, въ carcero. Но, послѣ обозрѣнія всѣхъ заключенныхъ Финляндскимъ Генералъ Губернаторомъ Закревскимъ, положеніе ихъ во многомъ измѣнилось. — Дозволено стало прогуливаться по одиночкѣ, по валу, видѣться другъ съ другомъ въ казематахъ, и разрѣшено водить въ баню. Вообще личное обращеніе Генер.-

[1] Чита называлась прежде Читинскимъ Острогомъ. Остатки острога, то есть стариннаго укрѣпленія, въ 1826 г. еще существовали. Въ Читинскій острогъ привозились всѣ тяжести для заводовъ изъ Верхнеудинска гужемъ, а отсюда сплавлялись на лодкахъ и плотахъ. *В. Ш.*

По указанію Трубецкого, Чита была намѣчена Генералъ-Губернаторомъ Лавинскимъ. *П. Щ.*

Губ. было очень успокоительное, по оказанному вниманію и особенной вѣжливости, въ совершенный контрастъ съ принятою формою въ офиціальныхъ предписаніяхъ, гдѣ узниковъ называли просто „каторжными“ [1]; тогда какъ въ инструкціяхъ предписано было соблюдать въ обращеніи вѣжливость.

Въ исходѣ Іюня 1827 года начались послѣдовательныя отправленія изъ крѣпостей въ Читу съ фельдъегерями и жандармами.— При отправленіи предписано было заковывать въ желѣза [2].

Обыкновенно возили по три человѣка, въ разныхъ повозкахъ. Трактъ былъ назначенъ на Ярославль, Кострому, Вятку и Пермь. На станціяхъ запрещено было пускать съ кѣмъ либо видѣться. Но къ чести нисшаго слоя исполнителей въ Россіи, надобно сказать, что ихъ сердца всегда мягче суровости ихъ высшихъ распорядителей.—Убійцы, отъявленные злодѣи вездѣ находятъ состраданіе въ народѣ и помощь. Это отличная, истинно религіозная черта въ народѣ. Отчасти тутъ мѣшается недовѣріе къ осужденію и сознаніе въ ненадежности собственнаго огражденія отъ подобной участи, при существованіи пословицы: „съ тюрьмой да съ сумой не ссорься!“ Диво ли что благородные страдальцы всюду встрѣчали участіе!

---

[1] Коменданту Свартгольмской крѣпости написано было, что такая то графиня, супруга генерала отъ инфантеріи, пришлетъ чай и сахаръ и нѣкоторыя вещи для „каторжнаго“ ея однофамильца, которые предписывается доставить съ роспискою. И это „по секрету“. Какъ бы, казалось, не замѣтить уродливости такого столкновенія въ выраженіяхъ и безполезности! *В. Ш.*

[2] Въ Свартгольмской крѣпости комендантъ подполковникъ—имя этого благороднаго человѣка достойно остаться въ памяти—Карлъ Федоровичъ Бракель, —при отправленіи 1-й партіи, читая выведеннымъ изъ секретнаго дома узникамъ, полученное имъ повелѣніе, при словахъ „заковать въ желѣза“ зарыдалъ, такъ что они принуждены были его утѣшать, высказывая все свое равнодушіе и готовность на всякое оскорбленіе. *В. Ш.*

Письма В. И. Штейнгеля къ Императору Николаю I.

I.

Августѣйшій Монархъ, всемилостивѣйшій Государь! Изъ мрачной темницы моей, возносясь духомъ любви къ отечеству, духомъ вѣрноподданническаго къ вашему императорскому величеству усердія, припадаю ко священнымъ стопамъ вашимъ.

Умоляю ваше величество благомъ многихъ милліоновъ людей, коихъ вы нареклись отцемъ; умоляю собственною вашею славою и самою безопасностью, не презрите моихъ наблюденій и свѣденій; удостойте прочесть все нижеслѣдующее до послѣдней строки, прежде, нежели произнесете строгій судъ о свойствѣ и самой цѣли настоящаго подвига. Дерзаю представить обнаженную истину: она должна быть доступна престолу мудраго Монарха, воспріявшаго бразды правленія съ намѣреніемъ жить для отечества.

Въ высочайшемъ манифестѣ о восшествіи вашемъ на престолъ, какъ бы въ утѣшеніе народа, сказано, что ваше царствованіе будетъ продолженіемъ предыдущаго. О, Государь! ужели сокрыто отъ васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ и что одна токмо общая увѣренность въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей говорила въ пользу цесаревича.

Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію, что въ Бозѣ почившій Государь, братъ вашъ, обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣчаться, и что его поведеніе въ званіи наслѣдника; его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царстованія; твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года; его кротость въ блескѣ послѣдующей за тѣмъ славы; человѣколюбіе его во время послѣдняго наводненія; равно какъ и многія другія, извѣстныя свѣту, и народу въ особенности, случаи, въ коихъ явилъ онъ высокія свойства души своей, содѣлали особу его любезною и священной для россіянъ-современниковъ. Но по непостижному для насъ про-

тиворѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ можетъ быть объяснитъ одна токмо безпристрастная исторія, царствованіе его — если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе — было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило среднiй и нижній классъ народа въ недоумѣніе: Государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радушными восклицаніями, но въ то же время отъ распоряженій правительства именемъ его разливалось повсюду неудовольствіе и ропотъ. Народъ приписывалъ сіе лицамъ: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думалъ: „Министры обманываютъ добраго нашего Государя: гдѣ ему, батюшкѣ, все знать.“ Но тѣ, кои просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе. Результатъ общій: Государь, встрѣченный на престолѣ со всеобщимъ вожделѣніемъ, съ единодушною, искреннею, безпримѣрною радостію, сопровожденъ во гробъ едва ли не всеобщимъ равнодушіемъ.

О, Государь! если это съ моей стороны дерзновеніе, то въ совѣсти моей вопіющій гласъ убѣждаетъ меня, что она въ милліонъ разъ полезнѣе вашему Величеству, моему всемилостивѣйшему монарху, нежели та лесть, которою и возносятъ владыкъ земныхъ до небесъ, то для того только, чтобъ они не видѣли, что на управляемой ими землѣ дѣлается.

Не смѣю безъ особаго соизволенія изобразить вашему величеству въ историческомъ порядкѣ весь ходъ дѣлъ въ послѣднее царствованіе; но цѣль, меня одушевляющая, заставляетъ сказать хотя ту только истину, что правительство отличалось непостоянствомъ, и въ управленіи государствомъ не было никакого положительнаго, твердаго плана. Сначала былъ періодъ либерализма и филантропіи; потомъ—періодъ мистицизма и, наконецъ, противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому. Въ началѣ дано всему новое направленіе учрежденіемъ министерствъ: министры были въ силѣ и довѣренности. Чрезъ шесть лѣтъ разрядъ министерствъ измѣнился: съ учрежденіемъ Совѣта въ новомъ его образованіи создано министерство полиціи. Сила министровъ уступила силѣ государственнаго секретаря. Министерство коммерціи уничто-

жено. Отсутствіе Государя дало поводъ къ учрежденію комитета господъ министровъ; а затѣмъ смерть Вязмитинова произвела новую перемѣну въ разрядѣ министровъ: министерство полиціи уничтожено и сдѣлано вновь министерство духовныхъ дѣлъ въ соединеніи съ просвѣщеніемъ, но и то на нѣсколько лѣтъ. При первыхъ министрахъ много предначато полезнаго; по крайней мѣрѣ обнаружено явное намѣреніе готовить государство къ воспріятію коституціонныхъ началъ. Послѣ Тильзитскаго мира прибытіе Коленкура ко двору и выше помянутая перемѣна въ министерствѣ пресѣкли дѣятельность правительства. Оно до самаго 1812 года видимо тяготилось прихотливымъ деспотизмомъ Наполеона. Вліяніе Сперанскаго на дѣла ознаменовалось учрежденіемъ комиссіи погашенія долговъ; началось изобрѣтеніе новыхъ налоговъ обложеніемъ купцовъ усугубленною податью съ капиталовъ, установленіемъ торговыхъ книгъ, учрежденіемъ о торгующихъ крестьянахъ, которымъ подорванъ кредитъ внутренней торговли и новымъ образованіемъ комиссіи составленія законовъ, которая до сихъ поръ издала гражданское и уголовное уложеніе, и оба не могли быть приведены въ дѣйствіе. Въ 1810 и въ 1811 году примѣтно уже было неудовольствіе противу правительства. Указъ 1809 года о непроизвожденіи въ чинъ гражданскихъ чиновниковъ 9 и 6 классовъ безъ экзамена, которымъ многіе заслуженные и опытные люди оскорблены были, много развивалъ сіе неудовольство. 1812 годъ соединилъ всѣхъ къ одной цѣли — защитить отечество и престолъ!

Насталъ вожделѣнный миръ! Монархъ, отъ всѣхъ благословенный, возвратился ко всеобщей радости. Все, казалось, обѣщало эпоху, отъ которой начнется періодъ внутренняго благоустройства. Ожиданіе не сбылось. Роздано нѣсколько милліоновъ Москвѣ, Смоленску и частію нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ сихъ губерній; но симъ пособіемъ воспользовались не столько совершенно разорившіеся, сколько имущіе: ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды, подъ залогъ недвижимости. Если Москва такъ скоро отрясла пеплъ съ главы своей и вознеслась въ новомъ велелѣпіи, то не столько помогла тому сія помощь, сколько состояніе внутренней коммерціи и промыш-

ленности, оживотворенныхъ тарифомъ 1810 года, который изданъ былъ при увѣщательномъ манифестѣ, чтобы всѣ обращали капиталы свои не въ пищу чужеземной роскоши, но въ пользу отечества. Внезапно сей самый тарифъ въ 1816 году измѣненъ въ пользу Австріи, Польши и Пруссіи, изданіемъ новаго тарифа на 12 лѣтъ. Коммерсанты могли, по крайней мѣрѣ, располагать свои спекуляціи на сіе, императорскимъ словомъ опредѣленное время; но и въ этомъ ошиблись: въ 1819 году послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ наводнило Россію. Многіе купцы обанкрутились, фабриканты въ конецъ разорились, а народъ чрезъ то лишился способовъ къ пропитанію и къ оплачиванію податей. Вскорѣ увидѣли ошибку, исправили ее тарифомъ 1823 года; но причиненный вредъ невозвратенъ. Знатныя суммы серебра и золота, вошедшія черезъ одесскій портъ при выгодной хлѣбной торговлѣ 1815, 1816 и 17 годовъ, исчезли мгновенно и не возвращались. Наконецъ, послѣдовало новое дополнительное постановленіе о гильдіяхъ, за коимъ изданы еще многія дополненія и поясненія; за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить: ибо у бѣдныхъ мѣщанъ и, особенно, у жителей малыхъ городовъ отнятъ послѣдній способъ къ пропитанію. Такимъ образомъ, коммерція наша находится въ паралитическомъ состояніи, тогда какъ у всѣхъ другихъ державъ преуспѣваетъ и процвѣтаетъ, особенно во Франціи, которая въ 1815 году едва ли не въ лучшемъ состояніи была, нежели Россія.

Къ крайнему изумленію всѣхъ дѣйствія министерства финансовъ въ послѣдніе 10 лѣтъ были, можно сказать, ужасны. Въ 1814 году правительство убѣдило откупщиковъ винныхъ, при главномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля, сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность, и они разорены въ конецъ, особенно Злобинъ, оказавшій многія отечеству услуги, и Перетцъ. Въ преслѣдованіи сихъ откупщиковъ и потомъ поставщиковъ провіантскихъ были случаи, что они представляли къ разсчету свои на казну претензіи; но министръ предписывалъ: „съ нихъ взыскивать, а имъ предоставить

вѣдаться особо". Распоряженіе, имѣющее характеръ полнаго насилія и несправедливости. Съ откупщиками многіе разорились. Уничтоживъ откупы, министерство финансовъ ввело новый образъ винной продажи — источникъ чрезмѣрно гибельнаго народнаго разврата и самаго разоренія. Нарушены нѣкоторыя коренныя права; унижено званіе вице-губернаторовъ, дотолѣ весьма почтенное; явленъ примѣръ соблазна для чиновниковъ: ибо способы наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести, и тѣ, кои при началѣ считали за униженіе надзирать за питейными домами, увидя, что на сихъ людей обращается вниманіе министра и вмѣстѣ съ обогащеніемъ даютъ чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки, питейные домы, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ билліардами, съ музыкою и съ другими разными для черни приманками. Возвышена на вина цѣна; для винопродавцевъ установлены стѣснительныя и разорительныя для нихъ правила, зато злоупотребленія устранены отъ надзора полиціи; вице-губернаторомъ даны предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина, подъ опасеніемъ отвѣтственности (!!).—И съ такими мѣрами первые годы принесли точно прибыль; но вскорѣ оказалось, что она была временная; ибо въ послѣдніе годы уже не добираются многіе милліоны.

Когда такимъ образомъ съ одной стороны народъ поощрялся пропивать потовымъ трудомъ наживаемыя деньги, съ другой — умножена подать съ паспортовъ, возвышена цѣна на первую потребность—на соль, и приняты строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ; предписано за недоимку помѣщиковъ отдавать подъ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать, хотя бы то было съ пожертвованіемъ послѣдняго ихъ имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы; а такъ какъ съ такихъ обобранныхъ взять уже нечего, то постановлено правиломъ, въ отвращеніе недоимокъ за неимущихъ взыскивать съ обществъ. Въ нѣкоторыхъ „выбить, выколотить недоимку", сдѣлалось техническимъ словомъ. Между тѣмъ въ однихъ губерніяхъ, какъ то: въ Бѣлорусской, Псковской, Тверской, Вологодской

и Ярославской по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, и помѣщики, не получая дохода, кормили крестьянъ; въ другихъ — напротивъ, какъ въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской хлѣбъ былъ не по чемъ отъ неимѣнія сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III, когда сборщики податей обирали послѣднее у бѣдныхъ земледѣльцевъ. О, Государь! извольте послать довѣренную особу инкогнито, въ видѣ частнаго человѣка — и вы откроете, можетъ быть, гораздо горестнѣйшее состояніе народа, нежели каковымъ я его представляю. Безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, часто въ страдную пору, довершили ихъ разореніе, и притомъ отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и отъ непрочной работы повинность сія сдѣлалась безконечною, между тѣмъ какъ въ академическомъ календарѣ, въ хронологическомъ показаніи печатается: „Отъ изданія манифеста, коимъ народъ на всегда освобождается отъ дѣланія дорогъ, столько то лѣтъ!“

Умножая доходы крайними мѣрами, хотя три года тому назадъ сдѣлано по всѣмъ министерствамъ сокращеніе расходовъ, но сколько еще есть предметовъ, на которые дѣлаются напрасныя издержки. Сколько чиновниковъ, едва имѣющихъ занятіе, получаютъ оклады въ двухъ и трехъ мѣстахъ; сколько такихъ же получаютъ пенсіоны! По одному коммиссаріату около трехъ милліоновъ расходуется въ годъ на цыновки, веревки, вообще на укупорку и развозку вещей отъ комиссій до мѣстопребыванія полковъ, тогда какъ однимъ распоряженіемъ въ разсужденіи сей доставки вещей можно бы сей расходъ уничтожить.

По флоту такая же экономія. По адмиралтейскому регламенту Петра Великаго, едва корабль заложится на стапелѣ, должно раздать по всѣмъ мастерствамъ пропорціи, дабы ко дню спуска всѣ принадлежности къ вооруженію онаго были въ готовности. Во все министерство маркиза де Траверзе сего не наблюдалось: корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи; и теперь болѣе четырехъ или пяти кораблей нельзя выслать въ море: ибо мачты для сего пе-

реставляютъ съ одного корабля на другой; прочіе, хотя число ихъ немалое, не имѣютъ вооруженія. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ. Но въ царствованіе блаженной памяти родителя вашего, въ 1797 году, выходило 27 кораблей, всѣмъ снабженныхъ, а въ 1801 году противъ англичанъ готовилось 45 вымпеловъ! Можно сказать, что прекраснѣйшее и любезнѣйшее твореніе Великаго Петра маркизъ де Траверзе уничтожилъ совершенно. Теперь, на случай войны, некого и не съ чѣмъ выслать въ море. Кромѣ вновь принятаго Синявина и контръ адмирала Рожнова ни одного адмирала, нѣсколько капитановъ и весьма немного офицеровъ изъ тѣхъ, кои были въ экспедиціяхъ. Между тѣмъ, у сосѣдняго государства сія часть въ совершенной исправности всегда была и теперь существуетъ.

По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлано ничего особеннаго къ улучшенію. Едва въ 1822 году дозволено генералъ-губернатору Балашеву производить опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія Сената опытъ сей принимается обывателями съ негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій, а о пользѣ, которая изъ того произойти имѣетъ, никто еще не говоритъ. Подобнымъ образомъ жалуются и на преобразованіе Сибири, гдѣ въ обширномъ, но весьма мало населенномъ краѣ, въ которомъ бы приличнѣе было сокращать администрацію, прибавлена лишняя губернія и данъ образъ управленія совѣщательно-аристократическій, несвойственный монархическому.

Къ сему присовокупить остается недостатки въ судопроизводствѣ вообще. Безконечное продолженіе тяжебныхъ дѣлъ аппеляціями и обращеніемъ паки въ нижнія инстанціи, неправосудія и повсемѣстное злоупотребленіе. Послѣднее было строго преслѣдуемо, но отъ полумѣръ осталось неисцѣльнымъ. Посылались сенаторы, производили изслѣдованіе, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ; а тѣ принимались за то же, только смѣлѣе, ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціею. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ судомъ.

Въ царствованіе Великой бабки вашей, Государь, была по всѣмъ частямъ наблюдаема подготовка людей, столь много

полезная: чиновники хотя медленно, но вѣрно доходили отъ низшихъ степеней до высшей, каждый по своей части; оттого были опытны и дѣльны. Въ предшедшее вашему царствованію сего вовсе не наблюдалось: всякій, при министрѣ служащій или нашедшій покровительство, ко всему считался годнымъ. Такъ и дѣла шли. Извѣстно, что Великая Екатерина съ полковничьяго чина начинала обращать особенное на людей вниманіе, и тѣ, кои не имѣли отличныхъ дарованій и способностей, не шли далѣе бригадировъ въ отставку. Въ послѣднее время всякому, продолжающему службу, особенно военную, дорога къ вышнимъ степенямъ сдѣлалась отверзтою. Въ одной губерніи былъ губернаторъ, выслужившійся изъ фельдфебелей, и въ губерніи поступалъ, какъ въ ротѣ. Не могъ, конечно, долго быть терпимъ, но жители губерніи не менѣе отъ того страдали.

Вообще гражданская часть сей краеугольный камень въ зданіи государственнаго благоденствія,—была въ нѣкоторой какъ бы опалѣ. Государь, блаженной памяти, изволилъ видѣть зло, но, считая его неисцѣльнымъ, ограничивался тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія. Энгельгардъ, имѣвшій счастіе часто разговаривать съ государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды при случаѣ, какъ его величество любовался устройствомъ войскъ, онъ осмѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части, но государь, взявъ его за руку и пожавъ крѣпко съ слезящимися глазами, произнесъ: „Ахъ! я это очень, очень чувствую; но ты видишь: кѣмъ я возмусь!“—Если это истина, что за (истинное) благоустройство государства въ Россіи монарху не кѣмъ взяться, то посудите, Всемилостивѣйшій государь! въ какомъ несчастномъ, въ какомъ ужасномъ положеніи наше любезнѣйшее отечество, коего судьба воспріята вами на рамо свое. Вашему генію предлежитъ, подобно Петру, Екатеринѣ, найти людей, вложить въ нихъ душу и содѣлать сопричастниками будущей вашей славы. Да пройдетъ она до позднѣйшаго потомства!

Насильственная система такъ называемаго водворенія поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ, какъ то и вашему величеству должно быть весьма извѣстно; и не могло быть иначе. Послѣ тяжкой отечественной войны, въ ко-

торой всѣ состоянія, участвуя, оказали равное усердіе и вѣрность престолу и отечеству; когда всякій ожидалъ въ мирѣ вожделѣннаго спокойствія, внезапно войти въ селенія, военною рукою взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все, дѣдами и самими ими нажитое, да и ихъ самихъ въ общій составъ новаго воинства — едва ли исторія представляетъ что либо тому подобное. Къ сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій: ибо одна несправедливость естественно рождаетъ другую. Возникли съ одной стороны—отчаянное сопротивленіе, особенно на югѣ, съ другой — строгія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіи Государя, толико кроткаго, человѣколюбиваго! Общее недоумѣніе разрѣшалось лицемъ графа Аракчеева. Оно во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ служило экраномъ для особы монарха.

Цѣль поселеній объявлена послѣ освобожденіе Россіи отъ тяжкой рекрутской повинности. Осмѣливаюсь, Государь, представить, что уменьшеніе срока службы по примѣру Пруссіи до 8 или до 12 лѣтъ удовлетворило бы сей цѣли справедливѣе, прочнѣе и безопаснѣе: ибо тогда чрезъ 25 лѣтъ во всей Россіи разлился бы духъ военный, и крестьяне столь же бы легко стали разставаться съ дѣтьми, какъ дворяне, кои прежде также отпускали, какъ на смерть, а теперь охотно сами везутъ. Возвратившіеся въ семейство могли бы жениться, заниматься крестьянскимъ бытомъ и, наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ заранѣе быть солдатами, сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселеніи войскъ не новая. Бурхардъ Минихъ представлялъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ проэктъ о заселеніи границъ турецкихъ, польскихъ и шведскихъ войсками, съ тѣмъ, чтобы они пріучались къ тому роду войны который съ сими непріятелями приличенъ. Поселеніе на границѣ можетъ быть дѣйствительно оплотомъ, но внутри государства другія слѣдствія возможны. При разныхъ мнѣніяхъ о семъ иностранцевъ извѣстенъ краткій отзывъ о семъ Веллингтона. Я слышалъ его изъ устъ графа Растопчина: „видно, что русское правительство не боится штыковъ!“

По симъ краткимъ очеркамъ различныхъ дѣйствій правительства въ отношеніи хозяйственнаго управленія и настоящаго положенія государства слѣдующія черты представляются главными въ характеристикѣ правленія; правительство считало все прежнее худымъ; многое начинало вновь, отмѣняло и вообще — ничего не докончило, все разстроивъ. Правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя и особенно народъ въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче и надежнѣе управлять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію, не входило въ его нужды: повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы оттого все разорилось. Въ семъ отношеніи правительство дозволяло себѣ даже спекуляціи — послѣдняя распродажа квитанцій рекрутскихъ разительный тому примѣръ. Должно ли послѣ сего удивляться, что правительство потеряло народную довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное, общее желаніе перемѣны въ порядкѣ вещей?

Всемилостивѣйшій Государь! раскрывъ предъ взоромъ вашимъ по крайнему моему разумѣнію причины неудовольствія противъ правительства, я осмѣливаюсь, приступивъ къ настоящей моей цѣли, представить истинный источникъ обнаружившагося при восшествіи вашемъ на престолъ злоумышленія.

Дѣятельное просвѣщеніе Россіи началось при Екатеринѣ Великой. Одинъ частный человѣкъ, Новиковъ, съ обществомъ своимъ, старавшимся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшимъ свою типографію, сдѣлалъ едва ли не болѣе, нежели всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ сего общества вояжировать и, дѣйствительно, многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностью. Открылась революція, масонскія общества сдѣлались подозрительными, и Новиковъ пострадалъ. Блаженной памяти вашъ августѣйшій родитель даровалъ ему и сотоварищамъ его свободу. Изъ сего разсадника люди первые явились на сценѣ, когда при началѣ царство-

ванія въ Бозѣ почившаго государя открылось вожделѣнное намѣреніе его просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе. По учрежденіи министерствъ взяты быстрыя мѣры къ распространенію образованія: учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназіи; ослаблена цензура предоставленіемъ оной гражданскимъ губернаторамъ и управамъ благочинія въ столицахъ; поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго дозволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны: конституція Англіи Делальма, творенья Монтескье, Бентама и другихъ; съ тѣмъ вмѣстѣ явились: Пиѳагорово путешествіе, Антенорово путешествіе, Фоблазъ и кумъ Матвѣй, непосредственно развивающіе другія понятія и развращающіе нравы.

При такомъ началѣ просвѣщенія государь изволилъ прекратить раздачу крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Незабвенный рескриптъ его къ его королевскому высочеству герцогу Вюртембергскому по случаю утвержденія аренды на 50 лѣтъ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Потомъ открыто новое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Нѣкоторые вельможи отпустили въ оное цѣлыя селенья. Изданы указы поощрительные къ отыскиванію изъ крѣпостного состоянія свободы, нѣсколько разъ послѣ повторенные. Наконецъ составлены правила для перехода крестьянъ помѣщичьихъ въ свободное состояніе въ остъ-зейскихъ провинціяхъ, повсюду распубликованныя. Присоединеніе псковской губерніи къ округу сихъ губерній подало поводъ къ заключенію, что на ней сдѣлается первый опытъ приложенія сихъ правилъ къ великороссійскимъ губерніямъ.

Во время вліянія на дѣла Сперанскаго для образованія духовнаго юношества приняты новыя правила, учреждены новыя духовныя академіи и комитеты училищъ. Для преподаванія курса богословія выписанъ былъ извѣстный профессоръ изъ Германіи, но по протесту противъ программы его, поданному отъ архіепископа Ѳеофилакта, допущенъ до преподаванія не былъ; но тѣмъ не менѣе новообразованное духовенство восприяло не тотъ уже духъ, который виденъ былъ прежде. Въ послѣдніе годы методу ученія паки перемѣнили на старую.

Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умы и сердца къ набожности. Отселѣ начался періодъ мистицизма. Началось изданіе сіонскаго вѣстника, удостоенное потомъ высочайшей награды. Явились сочиненія Штеллинга, внушающія мысль о ненадобности духовенства, о наружныхъ обрядахъ церкви; потомъ переводы сочиненій г-жи Гіонъ, де Тума и проч., изъ коихъ многіе напечатаны на казенное иждивеніе, и переводчики или издатели удостоены отъ монарха наградами. Открылось библейское общество. Магницкій при открытіи отдѣленія онаго въ Симбирскѣ сказалъ весьма блажительную рѣчь, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листахъ, какъ образцовая, хотя имѣла видъ болѣе тонкой сатиры, нежели истинной набожности. Библейскія засѣданія представили картину истиннаго.

Изданіе Новаго Завѣта, Святое Евангеліе, которое во мнѣніи народа казалось неприкосновеннымъ для міряиъ, сдѣлалось ручною книгою. Переводъ сего завѣта подалъ поводъ къ различнымъ, волнующимъ умы, толкамъ на счетъ несходства. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ коринѳянамъ VII главы, въ 21 стихѣ славянскій текстъ говоритъ: „Рабъ ли призванъ былъ еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе". Напротивъ русскій: „Рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся; но ежели можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся". Чѣмъ ближе такой переводъ къ еврейскому тексту, тѣмъ не менѣе онъ подрываетъ народное довѣріе къ одной изъ священнѣйшихъ книгъ, чтимыхъ въ церкви, довѣріе чрезъ два почти вѣка неприкосновенное. Какой притомъ соблазнъ для раскольниковъ!

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, высшее заведеніе для образованія юношества, царско-сельскій лицей, далъ нѣсколько выпусковъ. Оказались таланты въ словесности, но свободномысліе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ тѣмъ, что они должны были встрѣтить въ отечествѣ своемъ при ступленіи въ свѣтъ. Тотъ же самый духъ разлитъ на всѣхъ, кои образовались въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ, въ училищѣ іезуитовъ и

во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ. Отличительныя свойства вновь образованныхъ людей съ нѣкоторымъ исключеніемъ суть: непризнаваніе ничего святымъ, нетерпѣніе подчиненности, неуваженіе къ лѣтамъ, желаніе независимости, скорое стремленіе къ наслажденіямъ жизни, скучаніе всѣмъ и безполезность ко всему настоящему. Имъ кажется, что для ума ихъ въ Россіи тѣсно, и нѣтъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности, потому многіе, чтобы быть чѣмъ нибудь, ищутъ только считаться при комъ нибудь.

Должно ли послѣ сего удивляться, что честолюбіе и предпріимчивость нѣкоторыхъ опытныхъ людей захотѣли воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и обстоятельствъ и основать тайное общество, подражая прусскимъ и германскимъ. — Существованіе масонскихъ ложъ тому долженствовало еще болѣе способствовать. Правительство не подозрѣвало ихъ. Въ 1816 году, 30 Августа, въ Москвѣ открыта была ложа съ высочайшаго соизволенія. Государь изволилъ сказать графу Тормасову: „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ ничего нѣтъ вреднаго; и потому предоставляю на твою волю“.

Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ государь изволилъ упомянуть, что готовитъ для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ русскихъ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапно происшествія въ Испаніи и Піемонтѣ съ современнымъ возстаніемъ грековъ произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи государя, какъ между тѣмъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи.

Греки оставлены своей судьбѣ; связь единовѣрства, восемь вѣковъ нерушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена. Греки, въ Россіи находящіеся и особенно въ Москвѣ, шопотомъ произносили жалобу свою и сообщали знакомымъ идеи свои о несправедливости поступка съ ними. Оттого радость ихъ при объявленіи цесаревича императоромъ была чрезвычайна. Они отыскали медали, выбитыя на рожденіе его высочества съ изображеніемъ церкви Софіи; видѣли

уже себя обладателями Царьграда, и вдругъ восхитительная надежда ихъ исчезла. Унылость видна на лицѣ ихъ.

Внезапное уничтоженіе масонскихъ ложъ послужило къ тайному огорченію многихъ. Между тѣмъ по ходу просвѣщенія, хотя цензура постепенно дѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ небывалый въ Россіи — девятый томъ исторіи Россійскаго государства, смѣлыми рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобныхъ мало представляетъ исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ ничего не значащимъ, какъ то: ангельская красота, рокъ и пр., пропускались статьи подобныя: „Волынскому", „Исповѣди Наливайка", „Разбойникамъ-братьямъ" и пр. Предъ самымъ восшествіемъ вашимъ на престолъ въ 22 № „Сѣвернаго Архива" показалась статья о избраніи Годунова на царство, а съ 27 Ноября по 14-е Декабря въ одномъ изъ магазиновъ выставлялись портреты Ріеги и Квироги. Все сіе не есть ли дѣйствіе одного и того же духа?

Происшествіе съ переводомъ сочиненія пастора Госнера дало поводъ къ немалому волненію умовъ. Удаленіе князя Голицына отъ министерства просвѣщенія и уничтоженіе министерства Духовныхъ дѣлъ сдѣлалось эпохою низложенія мистицизма и библеизма. Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Ѳотія, представляющаго святого ревнителя церкви и въ то же время обирающаго именитую свою покаянницу. Обнародованъ оскорбительный для князя Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія по случаю дозволенія напечатать книгу Станевича, за пропущеніе коей прежде пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій; между тѣмъ какъ читавшіе книгу сію въ публикѣ увѣряютъ, что она ни той, ни другой чести не заслуживаетъ. Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны съ высочайшаго дозволенія. Пріостановленъ даже катехизисъ архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего означено было, что онъ Святѣйшимъ Синодомъ разсмотрѣнъ и одобренъ и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Надобно

было видѣть дѣйствіе такого запрещенія: въ два, три дня въ Москвѣ выкуплены всѣ экземпляры за тройную цѣну; съ такою жадностью всѣ желали знать, что могъ написать архипастырь, добродѣтельною жизніею славящійся, противное духу христіанской религіи. Въ это же время послѣдовали два указа на счетъ священниковъ и духовенства вообще: первый, распубликованный чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, чтобы міряне не поили до-пьяна священниковъ, и второй, данный Святѣйшему Синоду, чтобы отличить женъ и дочерей священниковъ особымъ одѣяніемъ. Тотъ и другой оскорбили духовенство и сдѣлали оное предметомъ разныхъ сарказмовъ въ публикѣ. Если все это дѣлалось безъ скрытной пружины, то по крайней мѣрѣ производило одно дѣйствіе: возбуждало умы противъ правительства и поощряло къ желанію чего либо лучшаго.

Достопочтенный министръ просвѣщенія между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣреніе правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія: новый поводъ къ неудовольствію свободно мыслящихъ. Еще продолжались о семъ различныя мнѣнія публики, вдругъ происшествіе въ Грузинѣ представило глазамъ ея новую катастрофу, не менѣе всѣхъ поразившую. Броженіе умовъ и ожиданіе предшествовало важнѣйшему событію.

О, Государь! удостойте собразить все вышеизложенное и вы изволите увидѣть и убѣдиться, что истинный корень республиканскихъ порывовъ сокрывается въ самомъ воспитаніи и образованіи, которыя въ теченіи 24 лѣтъ само правительство давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями; между тѣмъ какъ вступая на дѣятельное поприще жизни они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе не то ли же будетъ значить, что бить слѣпого, у котораго трудною операціею сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ, за то, что различаетъ предметы.

Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ миніатюрѣ изображеніе россійскаго юношества, возросшаго въ 19 вѣкѣ: это училище, учрежденное обществомъ сельскаго домо-

водства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей. Директоръ сего училища, почтенный профессоръ Павловъ, назидая надъ ихъ воспитаніемъ, обходится съ ними со всею деликатностью и къ тому же пріучаетъ ихъ во взаимномъ обхожденіи. Между тѣмъ съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высокія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія — и зачѣмъ все это? — чтобы по окончаніи курса отдать помѣщику, который при первомъ капризѣ сего образованнаго юношу можетъ по обыкновенію послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія! Не есть ли это то же, что точить на себя ножъ ожесточенія?

Всемилостивѣйшій Государь! сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты; а въ газетахъ пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль, почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности? — родится въ головѣ каждаго. Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія: ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: „Голова и ноги“!.

Можетъ быть въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать особу вашу, есть таковые. О, Государь! чтобы истребить корень свободомыслія нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то останется одно—препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными явными пріемами къ будущему благоденствію государства.

Въ семъ отношенiи дозвольте обратить высочайшее вниманiе Вашего Величества на два коренные устава Россiи, кои производятъ непримѣтный, но дѣйствительный вредъ: табель о рангахъ и городовое положенiе. По первой быстро умножается классъ личнаго, безпомѣстнаго дворянства, подобнаго польской шляхтѣ, которое, всякiй трудъ и ремесло считая низкимъ, живетъ различными изворотами и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что нибудь выиграть, а потерять ничего не можетъ. Недавно въ Москвѣ одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ во временную тюрьму по взысканiю—за повышенiе чина! По городовому положенiю собственно гражданами нашихъ городовъ почитаются одни купцы и мѣщане съ такою притомъ особенностiю въ отношенiи къ первымъ, какой едва ли есть что либо подобное въ другихъ государствахъ; а именно тою, что права, облагораживающiя особу гражданина даны не лицу, а капиталу. Отъ этого происходитъ двоякое слѣдствiе: богатый, честный купецъ невинно разорился. Потеря богатства есть сама по себѣ несчастiе великое; но законъ, вмѣсто утѣшенiя, угнетаетъ его паче отъятiемъ самыхъ правъ, отличавшихъ его отъ низкаго класса. Съ другой стороны, будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ всѣмъ тягостямъ низкаго званiя, если не богатъ; будь, напротивъ, заявленный въ безчестныхъ правилахъ и объявя капиталъ, онъ получаетъ права, равняющiя его дворянину, самымъ прiѣздомъ ко двору. По истинѣ гибельный соблазнъ для гражданской добродѣтели, а безъ нея никакое государство не можетъ быть истинно благополучнымъ.

Государь! Вы воспрiяли скипетръ Россiи въ самыхъ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ вамъ предметовъ на пути къ истинной неувядаемой славѣ, къ немерцающему безсмертiю! Воскресите для Россiи въ особѣ своей благодушнаго Генриха IV, котораго желанiе: видѣть въ воскресный день курицу въ супѣ каждаго крестьянина, пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго потомства. Великiй Генрихъ принялъ Францiю въ бѣдственнѣйшемъ положенiи; но пожелалъ видѣть ее счастливою, избралъ честнаго Сюлли,—и

въ десять лѣтъ все измѣнило видъ свой. Вамъ подобно предстоитъ: даровать духовенству нравственное образованіе; подкрѣпить упавшее и 24-лѣтнимъ займомъ въ конецъ разоряемое дворянство; воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства; преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ просвѣщеннымъ государствамъ; дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ; уничтожить уничижительную для націи продажу людей—о легкомъ къ сему средствѣ я имѣлъ счастіе представлять покойному Государю; воскресить флотъ; поощрить къ мореплаванію честныхъ людей, къ чему призываютъ Гаити и Америка; но мнѣ ли исчислить всѣ тѣ отрасли государственнаго блага, которыя отъ васъ должны произрости, процвѣсть и дать плодъ!

Августѣйшій монархъ! въ послѣднемъ порывѣ любви къ отечеству дерзнулъ я, не желая уподобиться евангельскому рабу, сокрывшему талантъ свой въ землю, представить Вашему Величеству все то, что мнѣ, по бытности моей при дѣлахъ и по обращенію въ среднемъ состояніи, извѣстно относительно положенія Россіи, которую я имѣлъ случай видѣть отъ Камчатки до Польши, отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколько то разстерзанное горестію сердце и необходимость писать прямо на бѣло мнѣ дозволили. Имѣвъ счастіе прочитать благость во взорахъ вашихъ, я скорблю объ одномъ, что вы, Государь, не сердцевидѣцъ. О, если бы вы изволили видѣть, какими чувствами исполнена душа моя — можетъ быть удостоили бы меня вашимъ состраданіемъ!.. Но да совершится воля неисповѣдимаго въ путяхъ своихъ Провидѣнія! Съ благоговѣніемъ повергаюсь къ священнымъ стопамъ вашимъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Баронъ Владиміръ Ивановъ сынъ Штейнгель.

Отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Января 11, 1826 года.

II.

Августѣйшій Монархъ, всемилостивѣйшій Государь! Когда я имѣлъ величайшее въ жизни моей несчастіе — въ качествѣ преступника предстоять взору вашему, тогда Ваше Величество удостоили мнѣ сказать: „и мое положеніе незавидно!“ Незабвенныя слова сіи, услышанныя изъ устъ обладателя полъ свѣта, поразили меня до глубины сердца, сдѣлали безмолвнымъ и заставили непрестанно размышлять о нихъ.

Такъ, Государь! Вамъ оставлено государство въ изнеможеніи, съ развращенными нравами, со внутреннимъ разстройствомъ, съ истощающимися доходами, съ преувеличенными расходами, внѣшними долгами — и при всемъ томъ ни единаго мужа у кормила государственнаго, который бы съ извѣстнымъ глубокимъ умомъ, съ характеромъ твердымъ, соединяя полное и безошибочное свѣдѣніе о своемъ отечествѣ, питалъ къ нему любовь, себялюбіе превозмогающую, словомъ—ни одного мужа, на которомъ бы могла возлечь высочайшая ваша довѣренность въ великомъ дѣлѣ государственнаго управленія. Если присовокупить къ сему разлившійся неспокойный духъ съ неудовольствіемъ противъ правительства прежде издавать милостиваго манифеста, духъ томительной неизвѣстности, разлившись по всей Россіи, производитъ самое неблагопріятное на сердца народа впечатлѣніе. Въ ожиданіи, что будетъ, власти пребываютъ въ нѣкоторомъ онѣменіи, а публика и народъ внемлетъ пустымъ разсказамъ, догадкамъ, суесловію. При такомъ повсемѣстномъ смятеніи, было бы весьма полезно изданіе такого манифеста, который бы, не содержа никакихъ существенныхъ милостей, показался бы всѣмъ и былъ бы принятъ за великое благодѣяніе.

Сущность сего манифеста должна состоять въ томъ, чтобы Ваше Величество повелѣло всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ и начальникамъ областей—въ столицахъ токмо военнымъ генералъ-губернаторамъ—въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня полученія манифеста, заняться собраніемъ и составленіемъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи: купечества, мѣщанства и крестьянъ, кромѣ помѣщичьихъ, относительно торговли, промышленности, опла-

чиванія податей и отправленія земскихъ повинностей. Въ свѣдѣніяхъ ихъ должно быть ясно представлено: не препятствуетъ ли что явно благосостоянію ихъ, не отягощаются ли они выше всякой возможности и не разоряются ли паче, нежели преуспѣваютъ въ достояніи своемъ; а потому необходимо, чтобы собираніе сихъ свѣдѣній о городскихъ обывателяхъ происходило чрезъ самихъ городскихъ головъ, а о крестьянахъ чрезъ нарочныхъ чиновниковъ. Подобныя свѣдѣнія о дворянахъ и помѣщичьихъ крестьянахъ должны быть составлены губернскими дворянскими предводителями по собраніи отъ уѣздныхъ предводителей—и какъ сіи послѣднія, такъ и начальниками губерній и областей составленныя, должны быть, не позже означеннаго срока, представлены Вашему Величеству непосредственно въ собственныя руки, подъ опасеніемъ притомъ подвергнуться праведному вашему негодованію, если сокрыта будетъ какая либо истина и послѣ дознается другими сторонними путями.

Всемилостивѣйшій Государь! дерзаю удостовѣрять Ваше Величество, что подобный манифестъ произведетъ самое сильное и самое благопріятнѣйшее для васъ дѣйствіе, особливо, когда украшенъ будетъ приличными и душу умилять способными выраженіями. Всѣ умы обратятся на сей предметъ; всѣ займутся своею пользою; сердца исполнятся пріятной надежды и повлекутся къ монарху съ возрождающеюся любовью.

Самое то, Государь, что вы изволите повелѣть представить свѣдѣнія тѣ въ собственныя руки, мимо министровъ, къ которымъ—я убѣждаюсь совѣстію сказать монарху моему истину — ни просвѣщенная публика, ни народъ не имѣетъ ни внутренняго уваженія, ни довѣрія; самое то послужитъ вящшимъ для народа убѣжденіемъ, что вы дѣйствительно намѣрены кратчайшими путями узнать истинныя его нужды и заняться его благосостояніемъ. Между тѣмъ Ваше Величество изволите заняться отданіемъ послѣдняго долга священному праху въ Бозѣ почившаго Государя и потомъ пріуготовленіемъ къ вашей коронаціи, которую, еслибъ и не предварили настоящимъ милостивымъ манифестомъ, то и тогда первопрестольная Москва изыдетъ уже въ срѣтеніе

ваше съ чувствами непритворной преданности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ представленныхъ свѣдѣніяхъ Ваше Величество изволите найти много излишняго, неточнаго, неудовлетворительнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно будетъ и самой истины, изъ которой возможно будетъ извлечь нѣчто цѣлое для будущихъ соображеній. Притомъ вы изволите увидѣть способности и справедливость вашихъ губернаторовъ и дворянскихъ предводителей.

Августѣйшій монархъ! если мысль сія, которую чистѣйшее усердіе мое къ Вашему Величеству изъ мрачной темницы моей повергаетъ ко священнымъ стопамъ вашимъ, будетъ вамъ благоугодна, то дозвольте всемилостивѣйше, чтобы я представилъ вамъ и самый проэктъ вышеупомянутаго манифеста.

Государь! Я не рожденъ съ чувствами, свойственными злодѣямъ, и въ теченіи всей моей жизни всегда гнушался зломъ и ненавидѣлъ всякую ложь и неправду, а потому съ неограниченною довѣренностію въ настоящемъ бѣдствіи моемъ предалъ себя благоизволенію Бога сердцевѣдца и вашему милосердію. Съ величайшимъ терпѣніемъ ожидая рѣшенія общей участи, я не имѣю въ предметѣ преклонить Ваше Величество на исключительное ко мнѣ и къ несчастному семейству моему состраданіе. Одно чистѣйшее желаніе возвышаетъ духъ мой до толикаго дерзновенія, что осмѣлился обезпокоить Ваше Величество представленіемъ моей мысли: оно состоитъ въ томъ, чтобы вы поспѣшили возцарствовать въ сердцахъ народа и, сооружа въ нихъ незыблемый престолъ свой, спасли бы любезнѣйшее отечество наше отъ бѣдствія и возвеличили бы Россію. Она того достойна!

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергаюсь къ августѣйшимъ стопамъ вашимъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего императорскаго Величества вѣрноподданный

Баронъ Владиміръ Ивановъ сынъ Штейнгейль.

Отставной подполковникъ, содержащійся въ Петропавловской крѣпости.

Января 29 дня, 1826 года.